

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2017. № 43 (1)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. ЧЕРКАСОВ (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. КРИНКО (г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. СУМЫ, УКРАИНА)
д-р ист. наук

В. Г. ИВАНЦОВ (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. МАГСУМОВ (г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

П. ДЖОЗЕФСОН (г. ВОТЕРВИЛЬ, США)

В. П. ЗИНОВЬЕВ (г. ТОМСК, Россия)

Р. МАРВИК (г. НЬЮКАСЛ, АВСТРАЛИЯ)

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ (г. МИНСК, БЕЛОРУССИЯ)

Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. ТБИЛИСИ, ГРУЗИЯ)

Б. Н. МИРОНОВ (г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, Россия)

Дж. САНБОРН (ПЕНСИЛЬВАНИЯ, США)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ (г. МОСКВА, Россия)

В. САНДЕРЛЭНД (г. ЦИНЦИННАТИ, США)

С. Г. СУЛЯК (г. ТИРАСПОЛЬ, МОЛДАВИЯ)

Ф. Б. ШЕНК (г. БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ)

М. ШМИГЕЛЬ (г. БАНСКА БЫСТРИЦА, СЛОВАКИЯ)

Учредитель – Сочинский государственный университет, Российская Федерация
Соучредитель – Academic Publishing House Researcher s. r. o., Словакия

Адрес для писем:

354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Тел.: 8(918)201-97-19

831 04, Словакия, г. Братислава, Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.03.2017 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 13,1.
Заказ № 48.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Герои Первой Мировой войны, в центре Император Николай II
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и открытка в честь Святого Георгия Победоносца

BYLYE GODY (FORETIME). 2017. VOL. 43. IS. 1
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

P. JOSEPHSON (WATERVERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

Publisher – Sochi State University, Russian Federation
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s. r. o., Slovak Republic

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava,
Nove Mesto, 831 04

Tel.: 8(918)201-97-19
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the magazine site:
www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.03.2017
Format 21 × 29, 7/4.
Ych. Izd. l. 22. Ysl. pech. l. 13,1.
Order № 48.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
The heroes of the First World War, at the centre Emperor Nicholas II
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and the card in honor of St. George

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

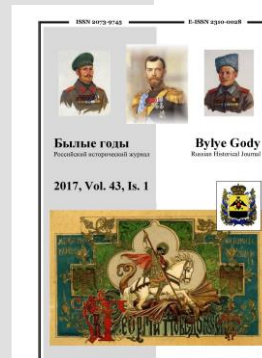
Conceptual Understanding of the Russian-Caucasian Relations in the XVI–XIX centuries in the Official Imperial Historiography Sabanchiev H.A., Tekueva M.A., Soblirova Z.H., Zhurtova A.A.	4
The Peculiarities of Social Organization of the Serving Population of the South of Russia in the First third of the XVII centuries (on Materials Guarantee Records of Voronezh) Lyapin D.A., Zhiron N.A.	13
Office Administration and Cartography at the turn of the XVII–XVIII centuries: to the Problem of Studying the Population of the Middle Priirtyshje Kabakova N.V., Korusenko S.N.	21
The Ethno-Confessional Relations in the Context of Culture and Education (Kazan province, XVIII – beginning of XX century) Faizrakhmanova L.T., Kovrikova E.V.	30
The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.	39
Participation of Aral Military Flotilla in the Accession of Central Asia to the Russian Empire Katorin Y.F., Shadyimov A.V., Glebanova A.Yu.	48
The Image of Russia in French Travel Literature of the XIXth century Aroutiounova J.M., Linkova E.V., Arslanov R.A.	59
The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.	68
Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.	86
Formation of the Kazakh Employees in the Conditions of Russian Management Military-Administrative Model Aitmuhambetov A.A., Bekmagambetov R.K., Bimoldanova A.A., Bekmagambetova M.G.	94
The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a Factor of Modernization Turn in Russia Krot M.N., Chernicin S.V., Zavyalova O.O.	103
The Crimean War (1855–1856): the Combat Operations in Rioni Region Vazeroval A.G., Gurbanov R.A., Micky N.V.	112
Role of Russian Orthodox Church in Life of Peasants in Russia in XIX – the beginning of the XXth centuries Perevozchikova L.S., Ershov B.A., Ashmarov I.A., Volkova E.A.	121
Ukrainian Question in the Russian Conservative Thought. The end of XIXth – early XXth century Ivanov A.A., Kotov A.E., Yanchenko D.G., Ovsjannikov D.V.	129
The Slovak Politics and Society in Austria-Hungary before the First World War Syrný M.	139
Problems of Votkinsk's Shipbuilding: to Analyze the Historical Sources Mitiukov N.W., Matveev D., Svechnikova N.V.	145

The Siberian Students in Research, Cultural and Social Life of the Region in the Late XIX – Early XX centuries Ustinova O.V., Skifskaya A.L.	153
German Industrial Enterprises in Western Siberia in the second half of the 19 th century Shaidurov V.N.	162
Russian Subjects on the Territory of the Grand Duchy of Finland (according to the Russian and Finnish Population Statistics of the late 19th century) Kashchenko S.G., Markova M.A., Rodionova O.V.	169
Engineer Pavel Izotov in Service in the Russian Imperial Navy and the Bulgarian Fleet Kozhukharov A.N., Najmushin I.N.	179
Models of Mating Behavior of the Mordva in Tumkino of Simbirsk Province in the 1885–1918 according to Parish Registers Kobzev A.V., Kobzeva T.A., Buzaev D.E.	189
District Police Officers in the Siberian Region: to the Social Portrait Khrantsov A.B.	200
The Agriculture and Industry of the Black Sea Province at the beginning of the 20th century Polyakova L.G., Ostrovskaya A.A., Murtuzalieva S.Yu.	209
Military-Political Events in the History of Russia in 1904–1905 in Interpretation of the German Naval Attaché P. Hinze Sinegubov S.N., Shilov S.P.	218
Ukrainian National Movement and State Power in Late Imperial Russia, 1905–1914 Matishov G.G., Grom O.A.	227
The Influence of State-Confessional Policy on the Situation of Muslim Organizations in Western Siberia in 1905 – the beginning of 1917 years Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.	238
The Activities of the Armenian parties Dashnaktsutyun and Gnchak on the territory of the Black Sea Province at the beginning of the XX century Taran K.V., Dyuzhov A.V., Rassolov I.M.	248
The Interaction of Civil Society Institutions and the State in the Sphere of Youth Policy Implementation: the Russian Experience of the Beginning of XX Century Merkulov P.A., Sokolov V.V., Melnikov A.V.	257
Russian Societies of the Mutual Credit in the years of Economic Recovery (1909–1913) Kattsina T.A., Marinenko L.E., Pashina N.V., Vakulina E.A.	265
I.Ya. Korostovetz, "the Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Urga in 1912 Dudin P.N.	274
The Great War on the Pages of County Newspapers: the Formation of Public Opinion in Russian province (on materials of Samara, Simbirsk and Penza region) Kulyanina U., Kurakina L., Ilushin A.	285
Public Organizations of the Rear City during World War I (on Materials of Tsaritsyn) Litvinova I.N., Karagodina O.A., Gulyaikhin V.N., Borovkov A.V.	294
The Russian Aviation in the First World War: the Features of Artillery Fire Correction Karataev V.B., Chursin A.A., Semenov A.S.	301
The Social Welfare of Soldiers' Families in Yenisei Province (1914–1917) Dolidovich O.M., Starovoitova E.N.	309
Modernization and Traditionalism through the Prism of the Events of the 1916 Rebellion in Central Asian Border Regions of Russia Lysenko Y.A., Demchik E.V., Anisimova I.V., Bochkareva I.B.	317

Copyright © 2017 by Sochi State University
Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
Co-publisher in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 43, Is. 1, pp. 4-12, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.1.4
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 930.1 (470.6)

Conceptual Understanding of the Russian-Caucasian Relations in the XVI–XIX centuries in the Official Imperial Historiography

Hadzhi-Murat A. Sabanchiev^a, Madina A. Tekueva^a, Zareta H. Soblirova^a, Anzhela A. Zhurtova^{a,*}

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

Abstract

The domestic Caucasus Studies contains various, often conflicting concepts and approaches, claiming to be the most complete and objective coverage of issues of Russian-Caucasian historical interaction. Though in different studies, the same category is filled with a variety of semantic content that creates a discursive field requiring thorough scientific research.

The article analyzes the research works of official direction of pre-revolutionary historiography devoted to the problem of relations between Russia and the North Caucasus in the XVI–XIX centuries. The disciplinary matrix of historical science of J. Ryuzen is used as an instrument of historiographical analysis in this research. This theoretical construct allowed to typologize and to conceptualize the pre-revolutionary studies, to formulate criteria for selection of the conservative direction in the study of the Russian-Caucasian relations. The authors of the article relate the works of M.M. Shcherbatov, N.K. Karamzin, P.P. Zubov, R.A. Fadeev, A.P. Berge, N.F. Dubrovin, V.A. Potto, D.N. Dubenskiy, I. Ivanin, S.S. Esadze et al to the research works of the official direction of the pre-revolutionary historical thought. The cognitive interest of this group of researchers is caused by the search for the most effective ways of conquest and managing the North Caucasian peoples. Caucasus war was examined by the researchers-conservatives as the process of strengthening the position of the Russian Empire in the North Caucasus region justified from a historical and geopolitical point of view.

The official approach supposed the civilizational motivation for the particular military conquest of the North Caucasus societies, deprived of citizenship and social order. The authors conclude that the research works of the conservative direction of imperial historiography solve important problems of legitimation of the Russian policy in the North Caucasus.

Keywords: historiography, official direction, Russia, North Caucasus, citizenship, the Caucasian war, conquest, the disciplinary matrix.

1. Введение

В истории России осознана актуальность проблемы становления и развития Российского многонационального государства. Особого внимания в данном контексте заслуживают российско-кавказские взаимоотношения. Достаточно отметить, что основная аргументация чеченского сепаратизма была построена на драматической презентации Кавказской войны XIX в. и коллективной травмы сталинской депортации (Тишков, 2001: 54). Анализ изучения процесса формирования современных территориальных границ России, историко-правовых основ

* Corresponding author

E-mail addresses: anzhelka28@mail.ru (A.A. Zhurtova)

распространения ее юрисдикции на присоединенные окраины, реализации принципов мирного сосуществования и взаимодействия в рамках единого полиэтнического пространства позволяют определить уровень идеологической безопасности и консолидированности государства и общества.

Сложный характер российско-кавказского взаимодействия всегда привлекал внимание исследователей. Значительный импульс тема получила в современной историографии. Новое прочтение документальных материалов сопровождалось существенным изменением оценок и взглядов на характер взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. Терминологический аппарат историографии российско-кавказских взаимоотношений в XVI–XIX вв. включает в себя такие понятия, как «подданство», «завоевание», «добровольное присоединение», «военно-политический союз», «российскость» и др. При этом у разных авторов одна и та же категория наполнена различным семантическим содержанием. Все это создает сложную палитру мнений и оценок, требующих серьезного научного осмысления. Подобный анализ позволит определить степень изученности проблемы, проследить процессы преемственности и инноваций в исторической науке, определить круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении.

2. Материалы и методы

В качестве инструмента структурного анализа развития исторической науки нами используется дисциплинарная матрица Йорна Рюзена. Эта теоретическая конструкция позволяет решить задачу одновременного исследования процесса развития исторической науки и историографии определенной проблемы. В дисциплинарной матрице Й. Рюзена основу анализа историографических источников составляют пять циркулярно взаимосвязанных факторов: интересы, концепты обозначения, методы, формы репрезентации, функции. «Интересы» обуславливаются особенностями социально-экономической, политической системы общества, уровнем развития духовной культуры и самой исторической науки. Профессиональное сообщество историков отвечает на социальный запрос в форме концепций и теорий («концепты обозначения»), в основе которых лежат понятные и адекватные своему времени понятия и категории, а сами исторические исследования проводятся в соответствии с определенными правилами и «методами» научного анализа. Полученное знание должно быть репрезентировано в такой форме, которая будет сочетать в себе строгое соответствие научным требованиям и доступность изложения («формы репрезентации»). Результатом данного процесса становится формирование субъектной и коллективной идентичности, как главной социальной «функции» исторической науки. Схема факторов исторической науки Й. Рюзена позволяет проанализировать ход развития отечественного кавказоведения максимально учитывая сложность и многофакторность этого процесса.

3. Обсуждение

Учитывая различия концептуальной и методологической основы в исторических исследованиях, в историографии российско-кавказских взаимоотношений условно можно выделить два этапа.

Первый этап – 1920–1980-е гг. – связан с общим подъемом исторической науки, появлением первых научных исследований по данной проблеме. Историографический обзор накопленной литературы по проблеме присоединения региона к России содержится в работах Т.Х. Кумыкова, М.М. Блиева, В.Б. Виноградова, С.Ц. Умарова и др. (Кумыков, 1957; Блиев, 1982; Виноградов, Умаров, 1985).

Второй этап – конец 1980-х гг. – первое десятилетие XXI в., характеризуется изменениями в области методологии исторических исследований, обусловленными глубокой трансформацией в общественно-политической и экономической жизни народов России. Процесс развития исторической науки по проблеме присоединения народов Северного Кавказа к России исследовал А.Н. Максимчик (Максимчик, 2010). Историография взаимоотношения России и народов Северного Кавказа в XVI–XVIII вв. изучена в работах В.В. Трепавлова, К.Ф. Дзамихова и др. (Трепавлов, 2005; Дзамихов, 2007а; Дзамихов, 2007б). Методологический и историографический аспекты изучения проблем Кавказской войны и участия в ней народов Северного Кавказа проанализировали В.В. Дегоев, В.В. Лапин, В.В. Черноус и др. (Дегоев, 2001; Лапин, 2003; Черноус, 2003). Несмотря на наличие интереса к проблеме, до настоящего времени не создано специального исследования, в котором комплексно изучена историография российско-кавказских взаимоотношений в XVI–XIX вв.

4. Результаты

Основы отечественного кавказоведения закладывались во второй половине XVIII – начале XX вв. Его становление и развитие шло параллельно с завоеванием региона Российским государством. Кавказоведческие исследования осуществлялись преимущественно сотрудниками Российской Академии наук и военными лицами. С деятельностью Академии наук русское кавказоведение начинает складываться в самостоятельный историографический комплекс. Особенно интересными представляются путешествия по Кавказу И. Гюльденштедта, П. Палласа, Я. Потоцкого, Я. Рейнегсса и др., которые составили научное описание края, а также затронули некоторые вопросы его исторической географии и быта местного населения.

Усилия отдельных путешественников и исследователей привели к накоплению новых сведений о различных сторонах жизни кавказских горцев. Последнюю четверть XVIII в. следует считать временем, когда кавказоведение начало делать первые шаги по пути превращения в науку (Сабанчиев, 2005: 232). Труды, созданные в конце XVIII в., носили описательный характер, в них рассматривались различные этнографические сюжеты. В это время шло ознакомление с местностями Кавказа, с материальной и духовной культурой населяющих его народов.

В первой трети XIX в. общее направление исследований несколько изменилось. Романтизм, господствовавший в Западной Европе и России, оказал большое влияние как на художественную литературу и публицистику, так и на научные исследования о Кавказе. Продолжая систематизировать кавказские материалы, российские и зарубежные авторы увлеклись изучением социальных сюжетов. В первые десятилетия XIX в. официальными лицами составлялись различные ведомости, справки, донесения специального характера. Накопленный и вновь собранный материал составил основу работ представителей Кавказской военной администрации, в числе которых С.М. Броневский, П.Г. Бутков, И.Ф. Бларамберг и др.

В начале 1860-х гг. Северный Кавказ стал составной частью государственной территории Российской империи. Русские исследователи усилили свое внимание к изучению истории и этнографии горских народов. Во второй половине XIX – начале XX в. в России сформировалась школа кавказоведов, представленная русскими и местными исследователями.

В отечественной исторической мысли конца XVIII – начала XX века условно можно выделить три направления изучения российско-кавказских взаимоотношений: консервативное, или официальное, либеральное и демократическое.

В основе официальной концепции российско-кавказского исторического взаимодействия, в соответствии с дисциплинарной матрицей Й. Рюзена, лежали следующие «принципы исторического мышления»:

1. Интересы. В период Кавказской войны наблюдается интенсивное изучение этнополитических и этнокультурных особенностей региона. Познавательный интерес консервативно настроенных исследователей был обусловлен, прежде всего, поиском наиболее эффективных способов покорения края и управления местными народами. В их трудах характер исторических связей России и северокавказских народов в XVI–XIX вв. трактуется через призму геополитических интересов России в регионе. Сторонники официально-охранительного направления историографии подчеркивали приоритет политических целей в действиях России, ее стремление к завоеванию Кавказа ради расширения и укрепления империи.

2. Концепты обозначения. Консервативная историографическая традиция олицетворяла собой имперскую позицию в вопросе российско-кавказских отношений. Основная концепция сторонников официального направления кавказоведения опиралась на тезис об исключительной роли самодержавия, которое по своему «желанию» решает судьбы народов (Кузьминов, 2008: 169). Ключевыми понятиями этого направления были «колонизация», «усмирение», «завоевание», «покорение» и т. д. Бросается в глаза отношение к кавказским народам как к «хищникам» и «варварам». Подобные характеристики объясняются стадийным разрывом уровней социокультурного развития кавказских народов и российского общества. В связи с этим Кавказская война многими исследователями рассматривается как цивилизационно-культурный конфликт.

3. Методы. В XIX в. основой науки становится историзм, появляются исторические сочинения, основанные на тщательном, скрупулезном изучении документов. Рассмотрение исторических явлений в процессе их возникновения и развития сменяет прагматическое повествование и психологизм, сложившиеся на базе рационализма в философии XVIII в. (Рубинштейн, 1941: 198).

В кавказоведческих исследованиях имперского периода обнаруживается стремление к объяснению того или иного явления в среде горцев, к анализу их природы, возникает то, что в современной историографии обозначается задачей «открытия Другого». Данная установка «выглядела как элемент военного планирования, нацеленного на определение сильных и слабых мест противника» (Боров, 2012: 8). Реализация этой установки в процессе исследовательской деятельности привела к формированию особой модели представления культурно-исторической специфики Северного Кавказа, которая может быть определена как политико-этнологическая (Боров, Муратова, 2013).

4. Формы репрезентации. Военное противостояние в регионе оказало значительное влияние на развитие кавказоведения. В научных и публицистических работах стал возобладать военный нарратив. Речевая символика исследований официального направления занималась выработкой синтеза имперского и православного начал, что в большей мере удавалось на почве обращения к военному прошлому и настоящему. Риторика консерваторов основывалась, прежде всего, на дидактике, посредством которой в основе общественного сознания утверждалась картина мира с центральной идеей о величии Российского прошлого, настоящего и будущего. Ее основополагающим идеологическим кредо становится теория официальной народности.

5. Функции. Территориальное расширение империи воспринималось представителями государственной власти и большей частью общества как оправданный с исторической и геополитической точек зрения процесс укрепления российских позиций в северокавказском регионе.

Имперский подход соединял в себе геополитическое обоснование неизбежности российского продвижения на Кавказ и культурно-цивилизационное обоснование необходимости именно военного покорения горских обществ, лишенных начал гражданственности и основанных в значительной степени на «хищничестве» (Боров, Муратова, 2013). «Великой православной державе» необходимо было приводить в исполнение свою «высокую христианскую и цивилизаторскую миссию на Востоке» (Цагарели, 1891: 48). Историки-консерваторы в своих исследованиях решали важную задачу легитимизации Российской политики в регионе.

Одной из первых работ, в которой явно просматриваются мотивы консервативного течения российской историографии, стал многотомный труд М.М. Щербатова (Щербатов, 1770–1791). В нем особое внимание уделено предпосылкам сближения кабардинцев и части западных адыгов с Россией в середине XVI в. С точки зрения автора, основная причина установления тесных взаимоотношений с Россией заключалась в стремлении Кабарды добиться у русского царя защиты от агрессии со стороны Турции и Крыма. Начиная с 1552 года, когда в Москву прибыло посольство от «народов Черкесских и Кабардинских» с просьбой принять их в подданство, Россия стремилась установить свою власть над всеми «горскими черкесскими народами» (Щербатов, 1786: 429–430). Благодаря установлению взаимоотношений с Московским государством адыгские народы постепенно приучались к «порядочной» жизни.

Во многом аналогичные взгляды выражены в исследовании Н.М. Карамзина (Карамзин, 1993а). Наиболее тесные российско-кабардинские связи налаживаются, как полагает автор, с 1557 г., когда «князья Черкесские, присягнув Государю в верности, требовали, чтобы он помог им воевать Султанские владения и Тавриду» (Карамзин, 1993b: 167).

Географическим и этнокультурным особенностям Кавказа, а также истории его взаимоотношений с Россией посвящена работа П.П. Зубова (Зубов, 1834–1835). Как подчеркивает автор, горцы «неоднократно обращали на себя праведную кару ... правительства, которое ... продолжает почти ежегодные против них экспедиции по необходимости, дабы положить преграду их хищничествам и разбоям» (Зубов, 1835: 89). П.П. Зубов писал, что в XVI в. Кабарда имела «преимущество над всеми горскими народами», которые ей подражали «в нравах и во всех обычаях», а также «частью» от нее «зависели и платили дань» (Зубов, 1835: 92). Эта информация была важна для Российского государства, стремящегося включить в сферу своего влияния весь Кавказ.

Особое значение в деле публикации исторических сведений о народах Кавказа, в частности о российско-кавказских взаимоотношениях, имели периодические издания, в числе которых «Военный сборник», «Терские ведомости», «Кубанские войсковые (областные) ведомости», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Терский сборник» и др. Журнал «Военный сборник» выходил в свет в 1858–1917 гг. в Санкт-Петербурге. С 2013 года журнал вновь возрожден и начал издаваться в Сочи (Cherkasov et al., 2014: 417).

Дальнейшее развитие официальное направление получило в исследовании Р.А. Фадеева (Фадеев, 1860). Характер российско-кавказских исторических связей он трактует через призму геополитических интересов России в регионе. Автор убежден, что насильственное присоединение народов Северного Кавказа «было первой государственной необходимостью» (Фадеев, 1860: 15). Покорять регион он считал возможным только силою оружия, поскольку «разбой был главным ремеслом горцев» (Фадеев, 1860: 25). Завершение Кавказской войны Р.А. Фадеев относит к 1859 г., когда была завоевана Чечня (Фадеев, 1860: 48).

К консервативному направлению отечественного кавказоведения правомерно отнести и статью академика А.П. Берже (Берже, 1882). Кавказская война, с его точки зрения, стала неизбежным и «естественным результатом государственного роста» Российской империи, поскольку «езде мелкие полудикие народности поглощались более сильными народами и если утрачивали при этом национальные особенности ..., то за это получали право на умственное и нравственное развитие...» (Берже, 1882: 345). Примечательно, что А.П. Берже впервые рассмотрел причины и основные этапы выселения северокавказских народов в Османскую империю.

Обширные сведения по проблеме присоединения Кавказа к России, этнографическим и культурным особенностям региона приводятся в многотомной работе Н.Ф. Дубровина (Дубровин, 1871–1888). Он отмечал, что «всё существование черкеса сложилось так, что без хищничества не было для него жизни, не было удовольствий в настоящем, не было блаженства и в будущем мире» (Дубровин, 1886: 64). Это «хищничество», утверждает автор, заставило главнокомандующего на Кавказе князя П.Д. Цицианова принять меры по его уничтожению среди кабардинцев, которые в начале XIX в. оказались «в зависимости от России» (Дубровин, 1886: 22).

Российский генерал, военный историк В.А. Потто (Потто, 1887–1889) считал «покорение свободолюбивых племен» Кавказа «вынужденным» и оправдывал военную экспансию государственными интересами России. Затяжной характер Кавказской войны он объяснял особой «силой» и «дерзостью» горцев, и, по выражению генерала, только «непоколебимому русскому духу» было дано «сломить железное упорство этих врагов» (Потто, 1887: 390). Общий же вывод гласил, что присоединение Кавказа еще со времен Петра I стало одной из первоочередных задач российской внешней политики, и судьба его в XIX в. была уже predetermined. В результате серии карательных экспедиций против «хищников» Северный Кавказ был завоеван, и в жизнь горцев было внесено

«начало гражданского порядка». Исследование В.А. Потто демонстрирует существовавший в сознании дореволюционной российской интеллигенции образ северокавказских горцев. В соответствии с этими представлениями формировались подходы к освещению проблем российско-кавказского исторического взаимодействия.

В аналогичном русле написана совместная работа Е.Д. Максимова и Г.А. Вертепова (Максимов, Вертепов, 1892), посвященная истории северокавказских народов. Авторами верно подмечен тот факт, что поводом для осложнения кабардино-осетинских отношений в XVIII в. стала «предгорная плоскостная земля, в которой нуждались обе народности» (Максимов, Вертепов, 1892: 10). В условиях малоземелья и жесткого давления соседей, Осетия встретила появившиеся в крае при Екатерине II первые русские войска, «как своих избавителей», позволивших «осетинам спуститься на плоскость» (Максимов, Вертепов, 1892: 15). Исследование Е.Д. Максимова и Г.А. Вертепова отмечено интересом к распространению православия в Осетии, которое выполняло здесь важную «цивилизующую» функцию (Максимов, Вертепов, 1892: 16).

Среди работ, в которых традиции официально-охранительной историографии отразились наиболее ярко, следует отметить исследование Д.Н. Дубенского (Служивый, 1901), изданное под псевдонимом Служивый. Кавказскую войну автор делит на 6 периодов, а ее завершение (1864 г.) связывает с деятельностью князя А.И. Барятинского, который «обдуманно и энергично» занялся проблемой завоевания региона (Служивый, 1901: 9–10). Кроме того, он высказывает мнение, что присоединение Кавказа привело Россию «в соприкосновение с теми азиатскими народами», в среду которых ей необходимо было внести «наш гений, нашу культуру...» (Служивый, 1901: 144). Д.Н. Дубенский первый из российских исследователей предложил периодизацию истории Кавказской войны.

В самом начале XX века были опубликованы очерки И. Иванина, отразившие консервативный подход в изучении проблем российско-кавказского исторического взаимодействия (Иванин, 1904). Говоря о появлении первых казачьих поселений у «ворот Кавказа», И. Иванин писал, что они появились в период правления Ивана III, а «царь Иван Васильевич Грозный отдал во владение казакам эту страну, и при нем была построена Терская крепость» (Иванин, 1904: 4). Окончательное присоединение региона к России автор относит к лету 1859 года, когда была «покорена» Чечня. После чего Кавказ, наконец, встал «на путь правильного развития гражданственности, как обширная и богатая область великого государства» (Иванин, 1904: 144).

Наконец, отметим небольшую брошюру С.С. Эсадзе, посвященную установлению российского владычества на Кавказе. Автор подчеркивал, что территориальное расширение Российской империи к югу стало результатом «естественного» стремления «славянского племени к соединению в сильное государство в пределах, указываемых его географическим положением» (Эсадзе, 1913: 70). То есть северокавказские земли, по его мнению, явились важным инструментом укрепления государственного строя России.

5. Заключение

Работы дореволюционных авторов представляли собой результат творческих наблюдений, имевших научно-исследовательский характер ввиду использования исторических источников, летописей, архивных и печатных материалов. В середине XIX в. происходит профессионализация сферы научного изучения Северного Кавказа, растет влияние позитивистской теории на процесс исследования прошлого и настоящего горских обществ. Характер и проблематика исследований в имперский период определялись как внутренней логикой развития самой исторической науки, так и внешними факторами ее существования. С началом военных действий в регионе наблюдается интенсивное изучение истории и культуры народов Северного Кавказа с целью выстраивания стратегии и тактики Российской политики в отношении горцев.

В исследованиях официального направления отечественной историографии ярко отразилась позиция имперского руководства в вопросе российско-кавказского исторического взаимодействия. Представители данного течения оправдывали государственную политику в регионе и создавали идейную основу ее легитимизации. Они подчеркивали историческую обусловленность вхождения Северного Кавказа в состав России, доказывали необходимость строительства крепостей, военных экспедиций для решения важнейших геополитических задач империи. Вместе с тем, в исследованиях данного направления системно обосновывался позитивный характер русского влияния на северокавказскую культуру, в результате которого местные народы приобщались к основным ценностям европейской цивилизации. Большинство дореволюционных авторов определяли процесс российско-кавказского исторического взаимодействия как сочетание добровольного и взаимовыгодного «подданства» на начальном этапе взаимоотношений и принудительной «колонизации» во второй половине XVIII – середине XIX вв.

Литература

Берже, 1882 – Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // *Русская старина*. Тифлис, 1882. Т. XXXIII. Февраль. С. 337–363.

- Блиев, 1982** – *Блиев М.М.* Историография проблемы присоединения народов Северного Кавказа к России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 октября 1979 г., г. Грозный. Грозный, 1982. С. 241–248.
- Боров, 2012** – *Боров А.Х.* Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // *Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН*. 2012. Вып. X. С. 3–38.
- Боров, Муратова, 2013** – *Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Общество и власть на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.: предметное поле и концептуальные основы исследований в отечественном кавказоведении [Электронный ресурс] // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 4. Режим доступа: www.science-education.ru/110-9989 (дата обращения: 14.11.2016).
- Виноградов, Умаров, 1985** – *Виноградов В.Б., Умаров С.Ц.* Проблема добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России в исторической литературе // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы Всероссийской научной конференции (10–12 мая 1982 г.). Грозный: Чечено-ингушский государственный университет, 1985. Вып. 3. С. 21–27.
- Дегоев, 2001** – *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: SPSL – Русская панорама, 2001. 448 с.
- Дзамихов, 2007** – *Дзамихов К.Ф.* Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 1 // *Известия КБНЦ РАН*. Нальчик, 2007. № 3, Ч. 2. С. 108–117.
- Дзамихов, 2007** – *Дзамихов К.Ф.* Историография и политико-правовой анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI – первой половине XVIII вв. Ч. 2 // *Известия КБНЦ РАН*. Нальчик, 2007. № 4, Ч. 1. С. 147–156.
- Дубровин, 1871–1888** – *Дубровин Н.Ф.* История войн и владычества русских на Кавказе. СПб.: Типография Департамента уделов, 1871–1888. Т. 1–6.
- Дубровин, 1886** – *Дубровин Н.Ф.* История войн и владычества русских на Кавказе. СПб.: Типография Департамента уделов. 1886. Т. 4. 546 с.
- Зубов, 1834–1835** – *Зубов П.П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб.: Типография К. Вингебера, 1834–1835. Ч. 1–4.
- Зубов, 1834–1835** – *Зубов П.П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб.: Типография К. Вингебера, 1835. Ч. 3. 271 с.
- Иванин, 1904** – *Иванин И.* Кавказская война и её герои. Очерки покорения Кавказа. М.: Изд-во книгопродавца М.В. Клюкина, 1904. 144 с.
- Карамзин, 1993а** – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Калуга: Золотая аллея, 1993. Т. 1–12.
- Карамзин, 1993б** – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Калуга: Золотая аллея, 1993. Т. 8. 592 с.
- Кузьминов, 2008** – *Кузьминов П.А.* Дореволюционная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе // *Кавказский сборник*. / Под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2008. Т. 5. С. 166–200.
- Кумыков, 1957** – *Кумыков Т.Х.* Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1957. 134 с.
- Лапин, 2003** – *Лапин В.В.* История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб.: Нестор–История, 2003. 78 с.
- Максимов, Вертепов, 1892** – *Максимов Е.Д., Вертепов Г.А.* Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892. Вып. 1. 187 с.
- Максимчик, 2010** – *Максимчик А.Н.* Poleмика вокруг характера присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии // *Российские и славянские исследования*: Сб. науч. статей. Минск, 2010. Вып. 5. С. 253–261.
- Потто, 1887** – *Потто В.А.* Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). СПб.: Издание книжного склада В.А. Березовского, 1887. Т. 2. 821 с.
- Потто, 1887–1889** – *Потто В.А.* Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). СПб.: Издание книжного склада В.А. Березовского, 1887–1889. Т. 1–5.
- Рубинштейн, 1941** – *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 642 с.
- Сабанчиев, 2005** – *Сабанчиев Х.-М.А.* Из истории академического кавказоведения в России // Образец служения науке. Сборник статей к 80-летию Г.Х. Мамбетова. Нальчик: КБИГИ, 2005. С. 232–235.
- Служивый, 1901** – *Служивый.* Очерки покорения Кавказа. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. 155 с.
- Тишков, 2001** – *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. 551 с.
- Трепавлов, 2005** – *Трепавлов В.В.* Русско-кавказские отношения в XVI–XVIII вв.: историческая реальность и историографические схемы // Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции, 11–12 ноября 2004 года. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. С. 265–273.

- Фадеев, 1860** – *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: В Военно-походной типографии Главного штаба Кавказской Армии, 1860. 159 с.
- Цагарели, 1891** – *Цагарели А.А.* Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII столетиях. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1891. 51 с.
- Черноус, 2003** – *Черноус В.В.* Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 50–64.
- Щербатов, 1770–1791** – *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1770–1791. Т. 1–7.
- Щербатов, 1786** – *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1786. Т. 5, Ч. 1. 543 с.
- Эсадзе, 1913** – *Эсадзе С.С.* Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис: Типография Канцелярского наместника Е. и. выс. на Кавказе, 1913. 71 с.
- Cherkasov et al., 2014** – *Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal). // *Bylye Gody*. 2014, (3), 33: 417-422.

References

- Berzhe, 1882** – *Berzhe A.P.* (1882). Vyselenie gorcev s Kavkaza [Eviction of mountaineers from the Caucasus] // Russian olden time. Tiflis, T. XXXIII. February. pp. 337–363 [in Russian].
- Bliev, 1982** – *Bliev M.M.* (1982). Istoriografiya problemy prisoedineniya narodov Severnogo Kavkaza k Rossii [Historiography of the problem of joining the peoples of the North Caucasus to Russia] // The Great October Revolution and advanced Russia to the historical destiny of the peoples of the North Caucasus (XVI – 70th years of the XX century.): Proceedings of the Scientific Conference, October 2–3, 1979 in Grozny. Grozny, pp. 241–248 [in Russian].
- Borov, 2012** – *Borov A.H.* (2012). Osmyslenie kul'turno-istoricheskoy specifiki Severnogo Kavkaza v otechestvennom kavkazovedenii: nauchnaya tradiciya i sovremennye poiski [Understanding cultural and historical specifics of the North Caucasus in the domestic Caucasian studies: scientific tradition and modern search] // *Historical bulletin IHR of KBR and KBSC of RAS*. Vol. X. pp. 3–38 [in Russian].
- Borov, Muratova, 2013** – *Borov A.H., Muratova E.G.* (2013). Obshchestvo i vlast' na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX v.: predmetnoe pole i konceptual'nye osnovy issledovanij v otechestvennom kavkazovedenii [Society and the power in the North Caucasus in XIX – early XX century: Subject Field and conceptual bases of research in domestic Caucasian studies [Electronic resource] // *Modern problems of science and education*. Nr. 4. Mode of access: www.science-education.ru/110-9989 (Handling date: 14.11.2016) [in Russian].
- Vinogradov, Umarov, 1985** – *Vinogradov V.B., Umarov S.C.* (1985). Problema dobrovol'nogo vhozhdeniya CHEcheno-Ingushetii v sostav Rossii v istoricheskoy literature [The problem of voluntary joining Chechen-Ingushetia to Russia in the historical literature] // Questions of history and historiography of the North Caucasus and the Don. Materials of All-Russian Scientific Conference (10-12 May 1982). Grozny: Chechen-Ingush State University, Vol. 3. pp. 21–27 [in Russian].
- Degoev, 2001** – *Degoev V.V.* (2001). Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Stat'i, ocherki, esse [Great Game in the Caucasus: History and Modernity. Articles, essays]. M.: SPSL – Russian panorama, 448 p. [in Russian].
- Dzamiyov, 2007** – *Dzamiyov K.F.* (2007). Istoriografiya i politiko-pravovoj analiz vzaimootnoshenij Rossii i narodov Severnogo Kavkaza v XVI – pervoj polovine XVIII vv. [Historiography and the political and legal analysis of the relations between Russia and the North Caucasus in the XVI – the first half of the XVIII century]. Part 1 // *Proceedings of KBSC RAS*. Nalchik, Nr. 3, Part 2. pp. 108–117 [in Russian].
- Dzamiyov, 2007** – *Dzamiyov K.F.* (2007). Istoriografiya i politiko-pravovoj analiz vzaimootnoshenij Rossii i narodov Severnogo Kavkaza v XVI – pervoj polovine XVIII vv. [Historiography and the political and legal analysis of the relations between Russia and the North Caucasus in the XVI – the first half of the XVIII century]. Part 2 // *Proceedings of KBSC RAS*. Nalchik, Nr. 4, Part 1. pp. 147–156 [in Russian].
- Dubrovin, 1871–1888** – *Dubrovin N.F.* (1871–1888). Istoriya vojn i vladychestva russkih na Kavkaze [The history of wars and Russian rule in the Caucasus]. SPb.: Typography of the Department areas, T. 1–6 [in Russian].
- Dubrovin, 1886** – *Dubrovin N.F.* (1886). Istoriya vojn i vladychestva russkih na Kavkaze [The history of wars and Russian rule in the Caucasus]. SPb.: Typography of the Department areas, T. 4. 546 p. [in Russian].
- Zubov, 1834–1835** – *Zubov P.P.* (1834–1835). Kartina Kavkazskogo kraja, prinadlezhashchego Rossii, i sopredel'nyh onomu zemel' [Picture Caucasus region belonging to Russia, and neighboring lands]. SPb.: Typography of K. Vingeber, Parts 1–4 [in Russian].
- Zubov, 1834–1835** – *Zubov P.P.* (1835). Kartina Kavkazskogo kraja, prinadlezhashchego Rossii, i sopredel'nyh onomu zemel'. [Picture Caucasus region belonging to Russia, and neighboring lands]. SPb.: Typography of K. Vingeber, Part 3. 271 p. [in Russian].

- Ivanin, 1904** – *Ivanin I.* (1904). Kavkazskaya vojna i eyo geroi. Ocherki pokoreniya Kavkaza [Caucasian War and its heroes. Essays of the conquest of the Caucasus]. M.: Publishing house of the bookseller M.V. Klyukin, 144 p. [in Russian].
- Karamzin, 1993a** – *Karamzin N.M.* (1993). Istoriya gosudarstva Rossijskogo [The history of the Russian state]. Kaluga: Gold alley, T. 1–12 [in Russian].
- Karamzin, 1993b** – *Karamzin N.M.* (1993). Istoriya gosudarstva Rossijskogo [The history of the Russian state]. Kaluga: Gold alley, T. 8. 592 p. [in Russian].
- Kuz'minov, 2008** – *Kuz'minov P.A.* (2008). Dorevolucionnaya istoriografiya krest'yanskoj reformy na Severnom Kavkaze [Pre-revolutionary historiography of peasant reform in the North Caucasus] // Caucasian collection / Ed. V.V. Degoev. M.: Russian panorama, T. 5. pp. 166–200 [in Russian].
- Kumykov, 1957** – *Kumykov T.H.* (1957). Prisoedinenie Kabardy k Rossii i ego progressivnye posledstviya [Joining Kabarda to Russia and its progressive consequences]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 134 p. [in Russian].
- Lapin, 2003** – *Lapin V.V.* (2003). Istoriya Kavkazskoj vojny. Posobie k lekcionnomu kursu [The history of the Caucasian War. Study guide to the lecture course]. SPb.: Nestor-History, 78 p. [in Russian].
- Maksimov, Vertepov, 1892** – *Maksimov E.D., Vertepov G.A.* (1892). Tuzemcy Severnogo Kavkaza. Istoriko-statisticheskie ocherki [The natives of the North Caucasus. Historical and statistical essays]. Vladikavkaz, Vol. 1. 187 p. [in Russian].
- Maksimchik, 2010** – *Maksimchik A.N.* (2010). Polemika vokrug haraktera prisoedineniya Severnogo Kavkaza k Rossii v sovremennoj istoriografii [Polemic surrounding the nature of joining the North Caucasus to Russia in modern historiography]. *Russian and Slavic studies: Collection scientific articles*. Minsk, Vol. 5. Pp. 253–261 [in Russian].
- Potto, 1887** – *Potto V.A.* (1887). Kavkazskaya vojna (v otdel'nyh ocherkah, epizodah, legendah i biografijah) [Caucasian war (in some essays, episodes, legends and biographies)]. SPb.: Edition bookstore of V.A. Berezovsky, T. 2. 821 p. [in Russian].
- Potto, 1887–1889** – *Potto V.A.* (1887–1889). Kavkazskaya vojna (v otdel'nyh ocherkah, epizodah, legendah i biografijah) [Caucasian war (in some essays, episodes, legends and biographies)]. SPb.: Edition bookstore of V.A. Berezovsky, T. 1–5 [in Russian].
- Rubinshtejn, 1941** – *Rubinshtejn N.L.* (1941). Russkaya istoriografiya [Russian historiography]. M.: Gospolitizdat, 642 p. [in Russian].
- Sabanchiev, 2005** – *Sabanchiev H.-M.A.* (2005). Iz istorii akademicheskogo kavkazovedeniya v Rossii [From the history of the academic Caucasian studies in Russia] // The sample dedication to science. Collection of articles on the 80th anniversary of the G.H. Mambetov. Nalchik: KBIHS, pp. 232–235 [in Russian].
- Sluzhivij, 1901** – *Sluzhivij.* (1901). Ocherki pokoreniya Kavkaza [Essays of the conquest of the Caucasus]. SPb.: Typography of M.M. Stasyulevich, 155 p. [in Russian].
- Tishkov, 2001** – *Tishkov V.A.* (2001). Obschestvo v vooruzhennom konflikte (ethnografiya chechenskoj vojny) [Society in the armed conflict (ethnography of the Chechen war)]. M.: Science, 551 p. [in Russian].
- Trepavlov, 2005** – *Trepavlov V.V.* (2005). Russko-kavkazskie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: istoricheskaya real'nost' i istoriograficheskie skhemy [Russian-Caucasian relations in the XVI–XVIII centuries: historical reality and historiographical schemes] // Russia and the Caucasus: History and Modernity. Materials of scientific conference, 11–12 November 2004. Vladikavkaz: Publishing printing company named V.A. Gassiev, pp. 265–273 [in Russian].
- Fadeev, 1860** – *Fadeev R.A.* (1860). Shest'desyat let Kavkazskoj vojny [Sixty years of the Caucasian war]. Tiflis: The Military marching typography of the General Staff of the Caucasian Army, 159 p. [in Russian].
- Tsagareli, 1891** – *Tsagareli A.A.* (1891). Snosheniya Rossii s Kavkazom v XVI–XVIII stoletijah [Relations of Russia with the Caucasus in XVI–XVIII centuries]. SPb.: Typography of V.F. Kirschbaum, 51 p. [in Russian].
- Chernous, 2003** – *Chernous V.V.* (2003). Otechestvennaya istoriografiya narodno-osvoboditel'nyh dvizhenij na Severnom Kavkaze v 20–50 godah XIX v.: nauka v kontekste politicheskogo processa [Domestic historiography of national liberation movements in the North Caucasus in the 20–50 years of XIX century: science in the context of the political process]. *Scientific Thought of the Caucasus*. Nr. 1. pp. 50–64 [in Russian].
- Shcherbatov, 1770–1791** – *Shcherbatov M.M.* (1770–1791). Istoriya Rossijskaya ot drevnejshih vremen [Russian history from ancient times]. SPb.: Imperial Academy of Sciences, T. 1–7 [in Russian].
- Shcherbatov, 1786** – *Shcherbatov M.M.* (1786). Istoriya Rossijskaya ot drevnejshih vremen [Russian history from ancient times]. SPb.: Imperial Academy of Sciences, T. 5, Part 1. 543 p. [in Russian].
- Esadze, 1913** – *Esadze S.S.* (1913). Istoricheskij ocherk rasprostraneniya russkoj vlasti na Kavkaze [Historical essay about the spread Russian power in the Caucasus]. Tiflis: Typography governor of His Imperial Majesty in the Caucasus, 71 p. [in Russian].

Cherkasov et al., 2014 – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. (2014). The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal). *Bylye Gody*. (3), 33: 417-422.

УДК 930.1 (470.6)

Концептуальное осмысление российско-кавказских взаимоотношений в XVI–XIX вв. в официальной имперской историографии

Хаджи-Мурат Алексеевич Сабанчиев ^a, Мадина Анатольевна Текуева ^a,
Зарета Хасанбиевна Соблирова ^a, Анжела Ариковна Журтова ^{a,*}

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация

Аннотация. Отечественное кавказоведение изобилует различными, нередко противоречащими друг другу понятиями и подходами, претендующими на максимально полное и объективное освещение проблемы российско-кавказского исторического взаимодействия. При этом в разных исследованиях одна и та же категория наполнена различным смысловым содержанием, что создает дискурсивное поле, требующее глубокого научного исследования.

В статье проанализированы исследования официального направления дореволюционной историографии, посвященные проблеме взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XVI–XIX вв. В качестве инструмента историографического анализа в работе используется дисциплинарная матрица исторической науки Й. Рюзена. Данная теоретическая конструкция позволила типологизировать и концептуализировать дореволюционные исследования, сформулировать критерии выделения консервативного направления в изучении российско-кавказских взаимоотношений. К исследованиям официального направления дореволюционной исторической мысли авторы статьи относят работы М.М. Щербатова, Н.К. Карамзина, П.П. Зубова, Р.А. Фадеева, А.П. Берже, Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто, Д.Н. Дубенского, И. Иванина, С.С. Эсадзе и др. Познавательный интерес данной группы исследователей был обусловлен прежде всего поиском наиболее эффективных способов покорения и управления северокавказскими народами. Кавказская война рассматривалась исследователями-консерваторами как оправданный с исторической и геополитической точек зрения процесс укрепления позиций Российской империи в Северо-Кавказском регионе.

Официальный подход предполагал цивилизационное обоснование необходимости именно военного покорения северокавказских обществ, лишенных начал гражданственности и социального порядка. Авторы статьи приходят к выводу, что исследования консервативного крыла имперской историографии решали важную задачу легитимизации Российской политики на Северном Кавказе.

Ключевые слова: историография, официальное направление, Россия, Северный Кавказ, подданство, Кавказская война, завоевание, дисциплинарная матрица.

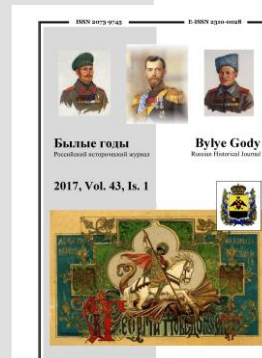
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anzhelka28@mail.ru (А.А. Журтова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 13-20, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.13
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470) "16/18"

The Peculiarities of Social Organization of the Serving Population of the South of Russia in the First third of the XVII centuries (on Materials Guarantee Records of Voronezh)

Denis A. Lyapin^{a, *}, Nikolay A. Zhirov^a

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of social organizations of the serving population of South Russia in the first third of the XVII century on the basis of ancient archival materials. The guarantee records of Voronezh 1611-1632 became the main source for this work. On the basis of this important and valuable document, the author showed the different aspects of the social organization of serving people. He defines the features of their entering the service, specificity of service relationships. In the course of this work the author comes to the conclusion that the social organization of the serving population of South Russia in the first third of the XVII century reflects the regional specificity of relations between the authorities and society. Serving corporations were divided into hundreds, fifty and tens, based on a system of sureties. The same principle operated in the organization of serving villages (Sloboda) in the fortresses. This system reflects the peculiarities of the local structure of the service corporations.

Keywords: the south of Russia, archers, cossacks, Russian fortress-city, the government and society in Russia.

1. Введение

Социальная организация общества является важным показателем специфики его развития, определяющим степень самоорганизации его отдельных элементов, а также формы поведенческих моделей населения. Население допетровской России было разделено на многочисленные чины и службы, представляющие собой сложную систему дифференцированных корпораций, существовавших в рамках определенных сословных групп, с присущими им элементами кастовости и фиксации форм поведения. В этой связи актуальной задачей современной исторической науки является разработка проблем, связанных с изучением социальной структуры российского общества в XVII в., который был переходным периодом от позднего Средневековья к Новому времени. Особую важность приобретают исследования, направленные на выявление особенностей различных категорий населения, слоев и групп и их взаимодействия на примере конкретного региона. Прежде всего, такие особенности отражены в специфике социальной организации различных сообществ.

Наша статья посвящена социальной организации служилого населения Юга России в первой трети XVII в. Юг России – географическое название, принятое в современной исторической науке, является в определенной степени условным, в XVII в. оно не употреблялось как конкретная административная или территориальная категория. Однако если мы посмотрим на карту Европейской части России того времени, то увидим условные границы Юга страны: это территория, находящаяся южнее Оки. Основную часть Юга России занимало огромное «Поле», и иногда Юг условно делили на этом основании на «польские» города и города на границе с Полем. Понятие Юг России соотносится с современной административной картой следующим образом: это территории

* Corresponding author

E-mail addresses: denis-1@mail.ru (D.A. Lyapin), zhirov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhirov)

Курской, Воронежской, Липецкой областей, а также – восточные районы Белгородской области, юго-восток Орловской области, юго-запад Тамбовской области, южная часть Рязанской области.

Хронологические рамки статьи обусловлены тем, что в начале XVII в. служилая организация городов-крепостей региона сложилась окончательно, а в 1630 г. правительство начинает проводить первые военные реформы, меняющие традиционную социально-политическую структуру страны (Нефедов, 2004).

Изучение особенностей социальной организации общества на Юге позволит нам лучше понять особенности развития Российского государства в XVII в., а также определить региональную специфику социального развития, позволившую выработать наиболее эффективные модели и формы поведения, способствовавшие успешной колонизации значительных по объему южных территорий Европейской России.

2. Материалы и методы

2.1. Процесс изучения социальной организации населения Юга России, связан с анализом документов провинциальных архивов, в которых отражена история служилого населения. В фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) сохранилось достаточно много интересной и разнородной информации по истории служилых людей по прибору в городах Юга России XVII в. Прежде всего, это материалы Белгородского и Севского столов Разрядного приказа, различные сметные списки и росписи. Иногда в массивных комплексах дел можно встретить материалы Стрелецкого приказа, однако они, как правило, отрывочны и неполны.

Специфика внутрисоциальных отношений отражена в местном делопроизводстве. В этой связи важно обратиться к материалам провинциальных архивов городов Центрального Черноземья, хотя они, как правило, не значительны по объему и находятся в ветхом состоянии, либо отсутствуют вовсе. Существуют несколько исключений из этого правила: отрывочные данные о стрельцах сохранились в фондах Государственного архива Рязанской области (ГАРО. Ф. 1750. Оп.1. Д. 592-699). Но самый значительный комплекс документов XVII в. сохранился в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО). Прежде всего, мы имеем в виду «Поручные записи воронежских стрельцов и полковых казаков в верности службе». Эти материалы занимают четыре отдельных дела в фонде И-182 (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1-4). Общий объем дел составляет 75 листов, при этом оборотные страницы использовались только для подписи свидетелей поручной записи («послухов»). Сохранность листов в целом можно оценить как хорошую, частично испорченными можно признать только 5 листов, сохранность которых составляет около 60-70%. Самый ранний документ датируется 1611 годом, самый поздний – 1632. Большинство документов представляют собой оригиналы. Поручные записи воронежских стрельцов и полковых казаков в верности службе послужили главным источником для написания данной статьи.

Как исторический источник, эти документы в полном объеме не использовались исследователями, хотя В.Н. Глазьевым была опубликована одна, самая ранняя поручная записка воронежских стрельцов (Глазьев, 1989). Между тем поручные записи содержат достаточно много интересных сведений о служилых сообществах на Юге России. Важно также учитывать, что поручные записи – источник местного происхождения, который составлялся и хранился в конкретном городе, в нашем случае – Воронеже.

Анализируя сохранившиеся документы, следует описать структуру этого вида источника. Она однотипна для всех документов и почти не меняется на протяжении времени. Поручные записи начинаются с перечисления поручителей, затем следует имя того человека, за которого они поручаются. Далее идет перечисление потенциальных преступлений и правонарушений служилого человека, а затем – обещание того, что в случае совершения какого-либо из этих действий поручители несут прямую ответственность. В конце документа стояла подпись свидетеля. Не совсем понятно происхождение этой структуры документа, скорее всего, она была традиционной и для более раннего времени.

Таким образом, в основе нашей статьи лежат данные поручных записей служилого населения Воронежа, которые раньше не были известны широкой научной общественности. Кроме одной записи, относящейся к 1611 г., остальные документы впервые вводятся в научный оборот.

2.2. Методологическую основу настоящей статьи составляют традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический, вероятностно-статистический, типологический и сравнительный методы.

Метод историзма позволил увидеть на основе разнородных фактов, полученных в ходе практической работы с документами, важные явления и процессы, связанные с устройством социальной организации служилого населения в контексте развития государственных институтов в первой трети XVII столетия. Объясняя развитие тех или иных явлений, происходящих в местном обществе на Юге России, мы учитывали исторические условия их протекания, обусловленные традициями и обычаями, а также сложившейся системой взаимодействия власти и общества. Метод объективности позволил нам избежать крайних оценок уровня развития Российского государства и отдельных властных институтов.

Для построения теоретических выводов, связанных с обработкой результатов, основанных на данных архивной работы, мы применяли совокупность частных аналитических методов изучения, включая анализ и синтез результатов, абстрагирование, методику допущения. В результате применения аналитических методик удалось систематизировать полученную информацию и более эффективно использовать ее для теоретических построений.

Изучая особенности социальной организации служилого сообщества, мы обращались к различным общелогическим приемам исследования. Прежде всего, это анализ – разделение изучаемого объекта на части для лучшего осмысления того или иного явления, в ходе которого делался синтез имеющихся результатов. Выделяя интересующие свойства в отношении системы поручительства, мы прибегали к приему абстрагирования. В результате этого разного рода явления связывались логическим путем. В зависимости от сущности изучаемого явления (социального, экономического, повседневного или политического) и конкретных задач исследования были определены существенные и второстепенные свойства явлений.

Между дедуктивными и индуктивными методами в исследовании отдавались предпочтения последним. Это объясняется тем, что в основе статьи лежит архивный материал, который позволил отталкиваться от единичного (частного) к общему.

В конечном итоге, в работе использовался системный подход, объединяющий в себе совокупность методологических принципов, характерных для любого гуманитарного знания, в основе которых лежит рассмотрение группы объектов как систем.

3. Обсуждение

Изучение служилого населения Юга России началось в провинциальной советской историографии 1960–1980-х годов. Значительный вклад в исследование социально-политической истории Юга России в XVII в. внес В.П. Загоровский. В работах, посвященных истории колонизации Центрального Черноземья, обращал внимание на сложную социально-политическую структуру местного общества (Загоровский, 1968). В 1970-е годы была защищена докторская диссертация В.М. Важинского, посвященная помещикам-однодворцам и вышедшая в качестве монографии «Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (по материалам южных уездов России)» (Важинский, 1974). В этой книге был собран и проанализирован богатый фактический материал, связанный с историей провинциальных помещиков.

Первым целенаправленным исследованием отдельной социальной корпорации Юга России в рассматриваемый нами период времени стали работы В.Н. Глазьева, посвященные организации стрелецкой службы (Глазьев, 1987; Глазьев, 1989). Ученый показал особенности размещения стрельцов в Воронеже, Курске, Белгороде, Ельце и некоторых других городах южнорусского пограничья, изучил их материальное обеспечение, отдельное место уделил выплате стрельцами податей. В.Н. Глазьев одним из первых обратил внимание на важную роль стрелецкого войска в хозяйственном освоении края.

Специфике социальной группы черкасс (украинских переселенцев) в Острогжске посвящена работа А.А. Гоголевой (Гоголева, 2008). В этом исследовании приводятся интересные сведения о конфликтах и противоречиях на уровне местной власти в отдельном городе Юга России. Правда, Острогжск имел ярко выраженную национальную специфику: большинство населения здесь составляли черкасы.

Стрелецкому войску рязанских и «украинных» городов России 30–40-х гг. XVII в. посвятил ряд статей В.И. Горбачев (Горбачев, 2011; Горбачев, 2012). Его работы существенно дополнили наши представления о стрелецких гарнизонах Юга России. Важно и то, что В.И. Горбачев сконцентрировал свое внимание на 30–40-х годах XVII в., важном периоде в истории региона.

Казачество Ельца в конце XVI – первой трети XVII вв. рассмотрел в нескольких статьях А.Ю. Рощупкин (Рощупкин, 2013; Рощупкин, 2013). Отдельное место в своих работах он уделит социальному сознанию служилого человека южнорусского пограничья.

Таким образом, в настоящее время социальная структура южнорусского общества изучается весьма активно. В последние годы наметился процесс перехода от описания социальной организации конкретных служилых групп к анализу специфики их поведенческих моделей. В этой связи мы предприняли попытку показать южнорусскую крепость в конце XVI в. в контексте комплекса повседневного-бытовых и поведенческих моделей (Ляпин, 2016). В рамках этой работы были выделены некоторые формы поведенческих моделей местного населения: коллективизм, самоорганизация, самодисциплина, патернализм, проявлявшийся в отсутствии четких границ личной (частной) и общественной жизни. По нашему мнению, все это создавало условия для выработки основных показателей интегративной деятельности, с помощью которых местное общество успешно осваивало новое природное пространство в условиях военных действий. Нами также была изучена демографическая ситуация в некоторых уездах Юга России в XVII в. (Ляпин, Жиров, 2013; Ляпин, Жиров, 2014). Данная статья продолжает исследования в области изучения социальной организации служилого населения Юга России XVII в.

4. Результаты

Успешное изучение служилых сообществ неизменно связано с привлечением новых источников, которые могут дополнить наши представления об организации службы. Если по истории служилых по отечеству (детей боярских) мы можем использовать дополняющие друг друга источники различного происхождения (писцовые и переписные книги, десяти, сметные списки и проч.), то по истории стрельцов или городских казаков таких массовых источников не столь много. Именно поэтому в центре нашей статьи – поручные записи в верности на службе. Они могут позволить в полной мере увидеть особенности социальной организации служилого населения региона. Однако прежде необходимо дать общее описание социального состава служилого сообщества городов-крепостей.

Вообще служилые люди представляли собой большую и разнообразную социальную группу, верхушку которой составляли московские чины (стряпчие, думные дворяне, стольники, жильцы и прочие). Основная же часть была представлена служилыми «по отечеству» детьми боярскими – провинциальными помещиками, объединенными в особые уездные корпорации. Затем в условной социальной лестнице служилых чинов шли «служилые по прибору» (т.е. по набору, а не по наследству): стрельцы, городские казаки, пушкарки и прочие. Они получали жалование, имели небольшие земельные наделы, занимались торговлей и ремеслами в свободное от службы время. Именно они составляли основную часть населения городов-крепостей Юга России.

По численному составу в рамках этой группы преобладало служилое казачество. Они представляли собой категорию лиц, которые выполняли обязанности по охране границ и своевременному предупреждению о вероятных вторжениях в центральные районы страны. За это правительство определяло казакам денежное и земельное жалование. Следует сказать, что под общим термином «служилые казаки» выступали схожие по обязанностям, но различные и по материальному положению, и по статусу казачьи группы: полковые казаки, сторожевые казаки, беломестные казаки и проч. Как правило, казаки несли конную службу вне города.

Стрельцы также являлись обязательным элементом городов-крепостей, хотя численно не преобладали. Их привлекали к исполнению полицейских функций, патрулированию стен крепости, охране важных стратегических объектов. Их главная обязанность – оборона города во время осады. Обычно стрельцы несли пешую службу, но были и конные стрельцы (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 327. Л. 68, 156).

Специфической группой населения являлись стрелецкие и казачьи дети, племянники и бобыли. Эта группа образовалась постепенно, когда все места в положенном числе городских казаков или стрельцов были уже заняты, но происхождение обязывало этих людей служить в «приборных» людях. Государство не считало их полноценным войском, но в сметные списки по городам они записывались. Стрелецкие и казачьи дети, племянники и бобыли имели на вооружении рогатины и составляли местную пехоту (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 122. Л. 119-135). Они составляли примерно 5–7 % служилого населения городов Юга. Существовали и более мелкие служилые единицы: пушкарки, затынщики, воротники, казенные кузнецы, плотники, мостники, сторожа и ямские охотники.

Служилые люди по прибору редко привлекались к полковой службе. Они занимались огородничеством, ремеслом, торговлей, промыслами. Все служилые люди по прибору платили в городскую казну хлебные подати на случай осадного времени.

Говоря о социальной организации служилого населения городов-крепостей, следует отметить, что оно было объединено в особые корпорации, среди которых можно выделить два основных уровня: служебная принадлежность (казак, стрелец, пушкарь) и территориальная принадлежность к определенному служилому «городу» и слободе.

На любом уровне важную роль играли поручители, которые являлись наиболее авторитетными представителями своих социальных групп. Поручителями выступали, как правило, одни и те же лица, обычно 10 человек. Все они должны были быть представителями той служилой группы, в которую вступает новый член. Обычно он поступал именно в этот «десяток», который был частью полусотни и сотни, составлявших служилый гарнизон города. Поручные записи позволяют нам рассмотреть процесс социальной организации служилого населения с наиболее близкого расстояния.

Прием на службу осуществлялся, как правило, в Съезжей избе. Сюда являлись (кроме кандидата в службу) поручители, стрелецкий или казачий голова и послух (свидетель со стороны). В присутствии этих лиц составлялась поручная запись. Интересно, что писал ее не официальный служащий местной канцелярии, а кто-либо из местных жителей, знавший грамоту (иногда – из служилых людей той же социальной группы). Причем «писать» в представлении населения того времени значило не столько грамотное написание, сколько правильное оформление официального документа: в 1616 г. в поручных записях встречаем фразу: «а подлинную поручную писал Федор Иванов, рука Мосей Игнатъева» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 2. Л. 3).

Процесс поручительства был важным ритуалом для служилого человека и означал начало его социализации в местном сообществе. Принимая в свои ряды нового стрельца или казака, служилое сообщество оказывало ему доверие и давало возможность самореализации в своей профессиональной сфере.

Были случаи, когда доверие к кандидату со стороны официальной власти было небольшим, в силу различных обстоятельств, к сожалению, нам не известных. Тогда в местной канцелярии на полях поручных записей делали пометы, например, такого содержания: «взять по нем в сторожевой записи» или «взять по сыну записи» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1. Л. 19, 20). В первом случае мы можем предположить, что речь идет о требовании опросить казаков, участвовавших в сторожевой службе. «Взять по сыну записи» могло означать требование поручиться и за верность сына служилого человека, поступающего в службу. Составленный документ подписывался на обороте и отдавался в Воеводскую избу. Здесь его изучали и откладывали в местный архив, если он не вызывал никаких вопросов.

Вступление в службу, вероятно, сопровождалось особым обрядом, о котором мы знаем по косвенным данным кабацких книг. Так, елецкие служилые люди обращались зимой 1615 г. в кабак за разрешением «сварить вина для государевой службы» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 3-22). Только за декабрь-январь с такой просьбой обратились 47 человек новоприбранных казаков и стрельцов. В одном случае мы имеем более полное указание на этот факт: елецкий казак Игнат Соломенцев просил «вина сварить в подставку для службы» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 14). Вероятно, речь идет о том, что поступающий в службу устраивал для своих сослуживцев застолье с распитием «вина». Государство считало этот обычай весомым поводом для того, чтобы дать разрешение на производства алкогольной продукции.

Особенностью письменного оформления поручных записей было разделение лиц, за которых поручались, на обычных стрельцов и новоприбранных. Может быть, между ними и не было никаких различий, но в структуре поручных записей иногда встречаем фразу, что поручаются именно за «новоприбранного» стрельца или казака. Чаще всего эта фраза в документах отсутствовала. Социальное происхождение и какие-либо личные характеристики в поручных записях не упоминались. Здесь важен был сам факт поручительства представителей служилого сообщества. Этого было достаточно для того, чтобы поступить на службу, а без поручительства это было невозможным. В каждом документе особо подчеркивалось, что поручители согласны служить с новым человеком «в ряд с пищалью» и жить весте с ним в определенной городской слободе. Тем самым выделялся военный и социальный, корпоративный характер службы.

Особого внимания заслуживает перечень потенциальных преступлений, которые мог совершить новобранец. Прежде всего, он обязывался «ни красть, ни розбивать и лихих людей татей и разбойникав к себе приезду и отъезду не держать, ни бледни ни корчмы у себя не держать, ни зерню ни играть» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1. Л. 1). Здесь мы видим перечисление возможных уголовных преступлений, тесно связанных с морально-нравственным поведением служилого человека. Он не должен был заниматься грабежом и разбоем, помогать разбойникам и ворами, содержать притоны и торговать алкоголем, играть в азартные игры. После 1615 г. к этому перечню добавляется фраза: «а пищали, пороху и свинцу не несть (не воровать – Д.Л.)» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 2. Л. 2а).

Затем шло перечисление иных возможных нарушений: «ни в Крым, ни в Ногаи, ни в Литву, ни в какие иные государства не отъезжать («не подвезть» – вариант), ни откуда с государевой службы не сбежать». Измена царю, переход на службу в другие страны были особенно тяжкими преступлениями. Показательно, что в перечне враждебных России стран в Воронеже поставили на первое место «Крым и Ногаи», затем – Литву. Это связано с геостратегическим расположением города, отражавшего набеги крымских и ногайских татар, а иногда и приходивших с запада запорожских казаков. В некоторых ранних поручных записях встречаем фразу о том, что стрелец обязуется «не приводить под город государевых недругов».

С 1613 г. службу подлежало нести царю Михаилу Федоровичу, но в документах 1611–1612 гг. встречаем на его месте стрелецкого голову: «поручились есьми голове стрельцов Ивану Дмитриевичу Похомову» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 2. Л. 1). Хотя в 1611 г. многие русские люди были уверены, что во главе государства находится Владислав Жигимонтович, сын польского короля Сигизмунда. Однако Воронеж не был в числе городов, присягнувших Владиславу. Город находился в зоне влияния Первого ополчения, а потом перешел на сторону М.И. Заруцкого (Глазьев, 2008: 39).

Интересно, что в поручных записях 1611–1612 гг. встречаем такие фразы: «государевых недругов под город не подводить», «будет так как государь укажет», «с государевой службы не уходить». Как понимать эту фразу в условиях отсутствия «государя» в это время? С одной стороны, мы можем говорить о том, что документ составлялся по старой форме, по образцу, относящемуся ко времени, когда служили конкретному царю (еще в 1610 г. Воронеж поддерживал Лждемитрия II). С другой стороны, в сознании служилого человека служба могла быть только конкретному царю, т.е. служба могла быть только «государевой».

Поручители всегда клялись, что в случае возникновения проблем с новобранцем «на нас поручителей пенять, а будет, так как государь укажет, а наши поручиковы головы во его голову место», в другом случае читаем: «а на нас на поручниках пеня, а пени что государь укажет» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1. Л. 1), т.е. наказание поручителям выносилось любого рода, согласно распоряжению из Москвы.

Эти обязательства являлись делопроизводственным клише, но, тем не менее, они отражают реалии службы: за каждого члена десяти несли ответственность его товарищи. Похожий принцип

ответственности мы можем найти в описании устройства монгольской армии итальянского путешественника П. Карпини, посетившего Монгольскую империю в 1246–1247 гг.: «Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются... точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются» (*Путешествия в восточные страны, 1957: 57*).

Конечно, практика ответственности поручителей в России XVII в. не была столь жесткой, но, тем не менее, чувство общей ответственности и единства были также присущи местным служилым корпорациям.

5. Заключение

Таким образом, социальная организация служилого населения Юга России в первой трети XVII в. отражала региональную специфику отношений власти и общества. Служилые корпорации делились на сотни, полусотни и десятки, основываясь на системе поручительств. Такой же принцип действовал при организации служилых слобод в городах.

Инициатива записи в службу формально исходила от служилого сообщества, которое поручалось за новобранца (даже сам документ писался не местным чиновником, а грамотным жителем города). Поступивший в службу клялся в верности царю и тем самым характер его поступления в службу был формально добровольным. Отношения власти и служилого населения строились по принципу «поступления в службу», добровольной присяги на верность. В теории, человек, желающий связать свою жизнь с военной службой, мог «отъехать в Крым, Ногаи или Литву». Безусловно, такой характер властно-служебных отношений был пережитком прошлого и существовал, представляя собой формальность. Однако эта формальность была выгодна государству, которое могло требовать исполнения многочисленных служб на основании поручительств и «добровольности» присяги. Покинуть же «государеву службу» после поступления в нее, было невозможно.

Важность поручительств была еще и в том, что присяга царю приносилась только в момент восшествия его на царство, а поручную запись брали с каждого поступившего на службу в любой момент времени. Поручительства отражали также представления о характере службы: она могла быть только службой царю, государю. Стрельцы или казаки поручались всегда в верности в службе правящему монарху. Иных форм правления, кроме монархии, в служилом сообществе XVII в. не предполагалось.

Итак, социальная организация служилого населения была тесно связана со спецификой организации и восприятия служебных отношений. Это в совокупности формировало особые условия службы, которые во многом определяли формы поведенческих моделей служилого населения городов-крепостей, являясь значимыми общественными манипуляциями. Так или иначе, сложившаяся социальная организация служилого населения позволила выработать наиболее эффективные модели и формы поведения, способствовавшие успешной колонизации значительных по объему южных территорий Европейской России в XVII веке.

6. Благодарности

Статья выполнена по гранту Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ и администрации Липецкой области, проект № 16-11-48001 0/Ц.

Литература

Важинский, 1974 – *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.

ГАВО – Государственный архив Воронежской области.

ГАРО – Государственный архив Рязанской области.

Глазьев, 1987 – *Глазьев В.Н.* Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 23-33.

Глазьев, 2007 – *Глазьев В.Н.* Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках. Воронеж, 2007.

Глазьев, 1991 – *Глазьев В.Н.* Поручная запись воронежских стрельцов (начало XVII в.) // *Советские архивы.* 1991. № 5. С. 94.

Глазьев, 1989 – *Глазьев В.Н.* Размещение стрельцов в городах Черноземного края // Историческая география черноземного центра России, (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 42-49.

Гоголева, 2008 – *Гоголева А.А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII вв.: городовые воеводы и черкасские полковники. Воронеж, 2008.

Горбачев, 2011 – *Горбачев В.И.* Источниковедческие и исторические проблемы в изучении истории стрелецкого войска в России XVI–XVII вв. // Дебют: сборник статей аспирантов и магистрантов по программе «История и культура регионов России». Рязань, 2011. С. 44-48.

Горбачев, 2012 – Горбачев В.И. Численность стрелецких гарнизонов украинских и рязанских городов России второй четверти XVII века // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология*. Воронеж: ВГУ, 2012. № 2. С. 82-86.

Загоровский, 1968 – Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1968.

Ляпин, 2016 – Ляпин Д.А. От крепостей к городам: повседневные и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // *История: Факты и символы*. 2016. № 2. С. 9-16.

Ляпин, Жиров, 2013 – Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – начале XVII веков // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы международной научной конференции (Москва, 21–23 ноября 2013)*. Вып. 3. М., 2013. С. 283-288.

Ляпин, Жиров, 2015 – Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Тяглое население городов Юга России (по материалам переписи 1646 г.) // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы международной научной конференции. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. М., 2014*. С. 283-288.

Нефедов, 2004 – Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: Реформы середины XVII в. // *Вопросы истории*. 2004. № 4. С. 33-53.

РГАДА – Российский государственный архив Древних актов.

Рощупкин, 2015 – Рощупкин А.Ю. Социальное сознание служилого человека южного пограничья Московского государства в конце XVI в. // *История: Факты и символы*. 2015. № 2. С. 42-51.

Рощупкин, 2013 – Рощупкин А.Ю. Численность корпорации елецких служилых казаков в конце XVI – первой половине XVII в. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2013. Т. 27. № 15 (158). С. 84-90.

Путешествия в восточные страны, 1957 – Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М., 1957.

References

Vazhinskij, 1974 – Vazhinskij V.M. (1974). Zemlevladienie i skladyvanie obshhiny odnodvorcev v XVII veke. [Land tenure and the folding community smallholders in the XVII century]. Voronezh. [in Russian]

GAVO – Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti [The State archive of the Voronezh region].

GARO – Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoj oblasti [The State archive of the Ryazan region].

Glaz'ev, 1987 – Glaz'ev V.N. (1987). Voronezhskie strel'cy i ih rol' v jekonomicheskom razvitii kraja [Strelcy (Musketeers) of Voronezh and their role in the economic development of the region] // *Istorija zaselenija i hozjajstvennogo osvoenija Voronezhskogo kraja v jepohu feodalizma*. Voronezh, pp. 23-33. [in Russian]

Glaz'ev, 2007 – Glaz'ev V.N. (2007). Voronezhskie voevody i ih okruzhenie v XVI–XVII vekah [The Voronezh Governor and their entourage in the XVI–XVII centuries]. Voronezh. [in Russian]

Glaz'ev, 1991 – Glaz'ev V.N. (1991). Poruchnaja zapis' voronezhskih strel'cov (nachalo XVII v.) [Poruchnaya entry Voronezh Musketeers (early XVIIth century)]. *Sovetskie arhivy*. № 5. p. 94. [in Russian]

Glaz'ev, 1989 – Glaz'ev V.N. (1989). Razmeshhenie strel'cov v gorodah Chernozemnogo kraja [Placing archers in the cities of Chernozem region] // *Istoricheskaja geografija chernozemnogo centra Rossii, (dooktjabr'skij period)*. Voronezh. pp. 42-49. [in Russian]

Gogoleva, 2008 – Gogoleva A.A. (2008). Mestnaja vlast' v Ostrogozhskom uezde vo vtoroj polovine XVII – nachale XVIII vv.: gorodovye voevody i cherkasskie polkovniki [Local government in Ostrogozhsky county in the second half of XVII – early XVIII centuries: policemen, magistrates and Cherkasy colonels.]. Voronezh. [in Russian]

Gorbachev, 2011 – Gorbachev V.I. (2011). Istochnikovedcheskie i istoricheskie problemy v izuchenii istorii streleckogo vojska v Rossii XVI–XVII vv. // *Debjut: sbornik statej aspirantov i magistrantov po programme «Istorija i kul'tura regionov Rossii»*. Rjazan'. pp. 44-48. [in Russian]

Gorbachev, 2012 – Gorbachev V.I. (2012). Chislennost' streleckih garnizonov ukrainnyh i rjazanskih gorodov Rossii vtoroj chetverti XVII veka [Source study and historical problems in the study of the history of Strelets troops in Russia XVI–XVII centuries]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. Politologija. Sociologija*. Voronezh: VGU. № 2. pp. 82-86. [in Russian]

Zagorovskij, 1968 – Zagorovskij V.P. (1968). Belgorodskaja cherta [Belgorodskaya boundary]. Voronezh. [in Russian]

Ljapin, 2016 – Ljapin D.A. (2016). Ot krepostej k gorodam: povsednevno-bytovye i povedencheskie modeli naselenija juzhnorusskoj kreposti konca XVI v. [From fortresses to cities every day-household and behavioural patterns of the population of the southern Russian fortress of the end of XVI century]. *Istorija: Fakty i simvolj*. № 2. pp. 9-16. [in Russian]

Ljapin, Zhiron, 2013 – Ljapin D.A., Zhiron N.A. (2013). Chislennost' i razmeshhenie naselenija Livenskogo i Eleckogo uezdov v konce XVI – nachale XVII vekov [The number and distribution of the population of Yelets and Livny districts in the late XVI – early XVII centuries] // *Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Chtenija pamjati akademika RAN L.V. Miлова: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21-23 nojabrja 2013)*. Vyp. 3. M. pp. 283-288. [in Russian]

Ljapin, Zhirov, 2015 – Ljapin D.A., Zhirov N.A. (2015). Tjagloe naselenie gorodov Juga Rossii (po materialam perepisi 1646 g.) [The taxpaying population of the cities of the South of Russia (on materials of census of 1646)] // Rus', Rossija: Srednevekov'e i Novoe vremja. Vyp. 4. Chtenija pamjati akademika RAN L.V. Milova. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 26 oktjabrja – 1 nojabrja 2015 g. M., pp. 283-288. [in Russian]

Nefedov, 2004 – Nefedov S.A. (2004). Pervye shagi na puti modernizacii Rossii: Reformy serediny XVII v. [First steps on the path of modernization of Russia: reforms in the mid XVII century]. *Voprosy istorii*. № 4. pp. 33-53. [in Russian]

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Drevnih aktov [Russian State Archive of the Old Acts].

Roshhupkin, 2015 – Roshhupkin A.Ju. (2015). Social'noe soznanie sluzhilogo cheloveka juzhnogo pogranich'ja Moskovskogo gosudarstva v konce XVI v. [The Social consciousness of the serving man of the southern frontier of the Muscovite state in the late XVI century]. *Istorija: Fakty i simvoljy*. № 2. pp. 42-51. [in Russian]

Roshhupkin, 2013 – Roshhupkin A.Ju. (2013). Chislennost' korporacii eleckih sluzhilyh kazakov v konce XVI - pervoj polovine XVII v. [The Number of corporations Yelets serving Cossacks in the end of XVI - first half of XVII century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija*. T. 27. № 15 (158). pp. 84-90. [in Russian]

Puteshestvija v vostochnye strany, 1957 – Puteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka [Travelling to the East Plano Carpini and Rubruk]. Redakcija, vstupitel'naja stat'ja i primechanija N.P. Shastinnoj. M., 1957. [in Russian]

УДК 94(470)

Особенности социальной организации служилого населения Юга России первой трети XVII в. (по материалам поручных записей Воронежа)

Денис Александрович Ляпин ^{a, *}, Николай Анатольевич Жиров ^a

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу социальной организации служилого населения Юга России в первой трети XVII в. на основе архивных документов того времени. Главным источником работы стали поручные записи 1611–1632 гг. На основе этого источника автор показывает различные аспекты социальной организации служилых людей, выделяет особенности их поступления на службу, выделяет специфику внутрислужебных отношений. В ходе проделанной работы автор приходит к выводу, что социальная организация служилого населения Юга России в первой трети XVII в. отражала региональную специфику отношения власти и общества. Служилые корпорации делились на сотни, полусотни и десятки, основываясь на системе поручительств. Такой же принцип действовал при организации служилых слобод в городах. Эта система отражала особенности местного устройства служилых корпораций.

Ключевые слова: Юг России, стрельцы, казаки, русский город-крепость, власть и общество в России.

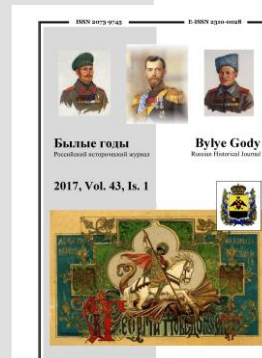
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: denis-l@mail.ru (Д.А. Ляпин), zhirov-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 21-29, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.21
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.2 : 528.9 : 314(571.1) "16/17"

Office Administration and Cartography at the turn of the XVII–XVIII centuries: to the Problem of Studying the Population of the Middle Priirtyshje

Natalia V. Kabakova ^a, Svetlana N. Korusenko ^b

^a Siberian State Automobile and Highway Academy, Russian Federation

^b Omsk F. M. Dostoevsky State University, Russian Federation

Abstract

The XVII century became the time of statement as a part of the Russian state for Siberia. For huge territory which was attached in the east this period designated the need of its economic development. This development included among other fixing of information about territory both as the written texts arranging the population, lands, duties (tyaglo) and in the form of the cartographical documents which were fixing the new region, allocating administrative points and etc.

This article presents the comparative analysis of office administration and cartographic materials of the specified period such as the Census book of the Tara District of 1701 and the Chorographic Drawing book by S.U. Remezov. Despite the differences in objectives set for the compilers of the investigated sources, both this documents in many respects are intertwined in implementation of own intentions. This stipulated their parallel cross-lightning of the perspective connected with development of the population of a certain territory. There are given some examples which are connected with descriptions of the social and economic plan, structure of the population, housekeeping methods, the environmental conditions, means of communication and their extents. It allows to verify the identification, comparison and mutual addition of information of the Census book and Chorographic book. Moreover it confirms possibility of getting of new information which allows to visually assess the situation which developed in Middle Priirtyshje in specified historical period of time. It is obvious that drawings of S.U. Remezov have refracted the fiscal document Census book so authors suggest that it will allow to perform further historical reconstruction of the population of this territory at a boundary of the XVII–XVIII centuries.

Keywords: Siberia, Priirtyshje, population, Census book, Chorographic Drawing book, comparative analysis.

1. Введение

XVII век для Сибири стал временем ее утверждения в составе Российского государства. Для присоединенной огромной территории на востоке это обозначило необходимость ее хозяйственного освоения, что включало в числе прочего фиксацию знаний о крае как в виде письменных текстов, оформлявших население, земли, тягло и пр., так и в форме картографических документов, закреплявших новый регион, выделявших административные пункты и пр. Для каждого такого источника особое значение приобретает регистрация жителей, включая коренной состав и пришлых – русских, постепенно обустроивавшихся в этой местности. Наличие же документов, содержащих подобные сведения, а также их доступность создают возможность осуществления междисциплинарных исследований о народонаселении, консолидируя разнородные сведения (делопроизводственного и картографического планов), дабы понять процессы его формирования не только во времени, но и в пространстве. Анализ таких материалов во взаимосвязи позволяет не только формировать новые знания, но и представить их в ранее неизвестных формах.

Описания, выполненные различными источниками в определенном временном срезе, дают качественно новую информацию о народонаселении через отражение территории, границ,

населенных пунктов, ареала распространения народов, социально-этническом и пр. составе жителей, о направлениях колонизационных потоков, миграций. К тому же картографический материал успешно локализует не только исторические центры современных поселений, но и прекратившие свое существование населенные пункты.

2. Материалы и методы

Исследование основывается на двух совершенно разнородных источниках рубежа XVII–XVIII веков – делопроизводственного и картографического. Первый источник – это Дозорная книга (ДК) Тарского уезда 1701 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182), одна из четырех сохранившихся дозорных книг Тарского уезда (Оглоблин, 1895: 67). В ходе полного прочтения данного источника и анализа ДК с точки зрения ее назначения и этносоциального состава народонаселения Тарского уезда выяснено, что «главным поводом для проведения дозора 1701 г. на Таре было стремление пополнения государственной казны посредством увеличения налогов с местного населения. Для этого требовалось, что подтверждается и текстом самого документа, уточнить материалы предыдущего описания Тарского уезда, произведенного Львом Поскочиным в 1684 г., и осуществить, в случае необходимости, суд в земельных спорах» (Бережнова и др., 2013: 111). Исходя из заявленной цели проведения дозора, довольно подробно указанной в преамбуле книги, где приведен текст указа Петра Алексеевича 1698 г., можно предположить тщательную перепись населения уезда и его владений (пастбищные и сенокосные земли, места для выпаса скота, неиспользуемые земельные наделы, находящиеся во владении различных категорий населения, мельницы, рыбные ловли и т.п.). В книге даны подробные описания с указанием мест расположения и привязкой к географическим объектам. В Дозорной книге представлены значимые историко-географические материалы, включающие указания на населенные пункты, их довольно точное расположение, огромное количество топонимов, в том числе давно исчезнувших из употребления – названия мелких речек, озер, оврагов, урочищ и т.п. Подобные сведения ДК позволяют сопоставить их не только с современными картами, но и провести компаративный анализ с картографическими материалами рубежа XVII–XVIII вв.

Второй источник – это Хорографическая чертежная книга (ХК) Сибири С.У. Ремезова. Картографические материалы С.У. Ремезова стали доступны научной общественности благодаря общественному благотворительному фонду «Возрождение Тобольска» и его председателю А.Г. Елфимову, который в начале XXI в. стал инициатором издания всех рукописей и карт С.У. Ремезова. ХК опубликована в двух томах, первый из которых представляет факсимильное издание рукописи и карт, а второй – адаптированные к современному языку тексты рукописи, научно-справочный аппарат, текст диссертации с приложениями одного из первых серьезных исследователей картографической деятельности С.У. Ремезова доктора исторических наук Л.А. Гольденберга. (Хорографическая чертежная книга, 2011а, б). ХК была создана С.У. Ремезовым в 1697 г. и пополнялась вклейками вплоть до 1711 г. (Гольденберг, 2011: 464). Считается, что часть карт (прежде всего, это городские чертежи) основаны на более ранних картографических материалах, сделанные в уездных городах.

Созданные практически в одно время эти два документальных свидетельства эпохи относятся к разным группам исторических источников. В исследовании применяется компаративный анализ как междисциплинарный метод. Использован метод внешней и внутренней критики источника, т.к. необходимо было определить цель и задачи ДК и ХК, проанализировать и сравнить указы, послужившие толчком к их составлению, сравнить методы сбора информации и ее обобщения, выявить общее и особенное в этих документах.

3. Обсуждение

Изучение вопросов, связанных с историей народонаселения, обуславливает обращение исследователей к многочисленным письменным источникам, среди которых важное место занимают дозорные книги. Подобные работы, дифференцированные в локальном соотношении, определены различными целями. Такова реконструкция пространственного освоения территории Зауралья в XVII веке и миграций населения с Русского Севера в указанный регион в рамках государственной колонизационной политики на материалах дозорных книг (Щербич, 2010). Сообщение Дозорной книги Томского уезда 1703 г. используется исследователями для доказательства происхождения топонима Кемерово от антропонима (фамилии крестьянина Кемирова) (Усков, 2009: 244). Языковые ресурсы различных письменных текстов, в том числе и дозорных книг, позволили провести определение первоначального состояния сибирской топонимической системы XVII – начала XVIII вв. (Городилова, 2013). Данный тип источника используется историками для изучения определенных социальных слоев российского общества XVII века – нижегородского дворянства (Черненко, Чеченков, 2012). Дозорные книги помогают раскрыть последствия Смуты в первой четверти XVII века в хозяйственной жизни города Галича (Кузьмичев, 2011). Среди комплекса исследований дозорных книг, существует и вклад авторов настоящей статьи: нами была опубликована серия научных работ на основе текстологического анализа Дозорной книги Тарского уезда 1701 года (Корусенко, 2008; Бережнова и др., 2014).

В последние годы российские и зарубежные исследователи с неослабевающим интересом обращаются к изучению наследия С.У. Ремезова. В широком историографическом обзоре исследований, представленном Л.А. Гольденбергом, подчеркивается, что в отечественной историографии как дореволюционного, так и советского периода затруднительно вообще найти историка Сибири, прошедшего мимо сочинений С.У. Ремезова и его ХК (Гольденберг, 2011: 337). Не иссякает интерес к этому важнейшему историческому документу и у современных историков, обращающихся к локально-региональным сюжетам с использованием старых карт. Так, И.В. Белич, изучая чертеж «Кучюмово Городище» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова и реконструируя его надписи, приходит к выводу о том, что этот документ является первым топографическим планом археологического памятника Сибири начала XVIII века (Белич, 2009). Другие исследования картографии Сибири второй половины XVII века позволяют устанавливать права собственности на землю (Kivelson, 2006). Картографические материалы С.У. Ремезова легли в основу изучения формирования российских границ на юге Западной Сибири (Бородаев, Контев, 2015).

Значителен пласт работ, авторы которых занимаются изучением либо ДК, либо ХК, носит междисциплинарный характер. Среди них статья коллектива историков, исследующих источниковую базу данных второй половины XVI – первой половины XIX века с целью создания модели пространственной структуры Казанского края, как на основе как археологических материалов, так и комплекса разнообразных писцовых книг, среди которых – дозорные книги (Абдуллин и др., 2013). В другой работе предпринята попытка комплексного изучения системы жизнеобеспечения в XVII–XVIII вв. на примере русской деревни Ананьино, авторы которой использовали наряду с археологическими материалами архивные документы, охарактеризовав с их помощью население и занятия жителей данной деревни (Татаурова, Крих, 2015). Исследование, изучающее феномен русского города на примере Владимирской земли XVII в., совокупно включает данные археологии, письменных и изобразительных документов. В числе письменных источников в работе широко используются данные картографии и дозорных книг (Мазур, 2011). Ряд работ междисциплинарного характера предполагают осмысление пространственных образов, заложенных в картах (Голдин и др. 2015; Семенова, 2013).

В то же время, несмотря на обилие работ, обращаясь к изучению дозорных книг или картографических документов, в том числе ХК, отсутствуют междисциплинарные исследования, направленные на сравнительное изучение указанных источников с точки зрения освещения ими проблем народонаселения Сибири на рубеже XVII–XVIII вв.

4. Результаты

Изучение народонаселения предполагает обращение к комплексу вопросов, в число которых входят численность, половозрастной, этнографический, социальный состав, характеристика населенных пунктов и среды жизнедеятельности, проблематики социально-экономического плана и т.п. Несмотря на кажущуюся разнородность таких исторических источников, как ДК и ХК, оба эти документа, способны, дополняя друг друга, осветить данные вопросы на основе совмещения текстологического анализа и пространственного видения. Совпадение времени появления ХК и ДК и многих исходных материалов, послуживших базой для их возникновения – один из важнейших аргументов в пользу сравнительного изучения данных источников. Так, дозор по Тарскому уезду, зафиксированный 1701 г., вобрал описание Льва Поскочина, осуществленное им в 1684 г., приправочные книги с перечнями денежных оброков, включавшими сведения о владении служилыми русскими и ясачными пашен, сенных покосов и прочих угодий, чертежи, «скаска» (рассказы) жителей в случае возникновения имущественных земельных споров, иные различные документы – данные, челобитные, крепости, закладные, отводы, наказные памяти и др. Все это изобилие информации и легло в основу составленной Иваном Родионовичем Качановым дозорной книги. Заметим, что сам автор дозора, приняв представленную информацию, в осмотре территории и населения участия не принимал.

Труд Семена Ульяновича Ремезова родился в 1697–1711 гг. и возник также благодаря многочисленным сведениям. Это были расспросы местных жителей, путешественников как отечественных, так и иностранных, и других категорий населения: «... описано подробно в свидении многих писцов, памятливых старожил, бывалцов по многим различным землям подлежащих язык, в непроходимых дебрех и каменех безгодных, на степех и на морех ...» (Хорографическая чертежная книга, 2011а: 10б.). Полученные знания способствовали уточнению и дополнению собственно авторских съемок и описаний, а также сообщили новые, неизвестные до этого географические сведения (Гольденберг, 2011: 294). Помимо этого, ХК вобрала ранние региональные чертежи Сибири, хранившиеся в Тобольской приказной избе и в Сибирском приказе Москвы. Наконец, важное место в работе С.У. Ремезова сыграли статистические данные, извлеченные им из предыдущих переписей населения, среди которых была и перепись Льва Поскочина, сведения о служилых людях, запечатленные в различных списках того времени. При этом хорошо известно, что собственные съемки и «полевые» описания знаменитого картографа занимают скромное место и относятся, главным образом, к Западной Сибири и Уралу. Как отмечал сам составитель, в 1697 г. для

выполнения заданий московской администрации и тобольских властей он «вверх по Тоболу ездил и описал» и, привлекая широкий круг «знатцев», «далние степи по допросу написал» ... «от Тобольскаго города по смете и по мере верст и днями пешего ходу сухим путем и конми и водяным путем лехкими стругами» ([Хорографическая чертежная книга, 2011а: 1 об.](#)).

Являясь выражением допетровского картографического стиля и эстетики, чертежи С.У. Ремезова имели цели геополитического характера, тогда как ДК стала результатом реализации фискальных намерений. В то же время данные материалы обладали и сходными задачами для реализации поставленных целей. Так, смысл дозора 1701 г. по Тарскому уезду заключался в важности роста поступлений в государственную казну посредством увеличения и упорядочивания сбора податей с местного населения с прибавлением новых его категорий, ранее не состоявших в окладе, что и обусловило необходимость уточнения предыдущего описания территории, сделанного Львом Поскочиным, и проведения судебных разбирательств в возникавших земельных спорах. Кстати, подобные устремления создателей ДК существенно отличают ее от других дозоров в центральной части страны в течение XVII в., которые осуществлялись с обратной целью, а именно для послабления налогового бремени в местах, которые подвергались разорению, воинским набегам, либо в случае стихийных бедствий ([Давыдова, 2005: 253](#); [Тимохина, 2003: 248](#)). Круг вопросов, на которые переписчик должен был получить в ходе проведения дозора в Тарском уезде в 1701 г., определенный в преамбуле к ДК (см. [Таблицу](#)), заключался в необходимости описания земель и людей, а также выплат различных оброков Великому Государю.

Составление чертежей в российском государстве носило характер государственного масштаба, поскольку обозначало решение задач административно-хозяйственных, военных и политических. На этом фоне сибирские чертежи помимо традиционных функций, были связаны с оборонительными проблемами, а также важностью проведения колонизации, сбора ясака. Политика петровского периода, подразумевавшая складывание новых макрорегионов, была определена и необходимостью получения научных знаний об их народонаселении и формированием четких административных границ ([Голдин и др., 2015: 851](#)). Потому государев указ, полученный С.У. Ремезовым, и ориентировал его, как составителя, прежде всего на оценивание территории «от Тобольска до казачьи орды».

Таблица. Преамбулы Хорографической чертежной книги и Дозорной книги Тарского уезда 1701 года

Хорографическая книга	Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.
«Лета 7205(1697) года марта в 3 день по указу Великого Государя царя и Великого князя Петра Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца <...> велено по грамоте Великого государя тобольскому сыно боярскому Семену Ремезову написать наличной чертеж сколь далеко от Тобольска до казачьи орды каким путем ход бывает и много ли дней идти сухим путем горы каменные есть ли и летным путем ратным людем каким кормом скудости не будет ли и сколь реки велики ль и переправы какие через те реки...»	«А в 7206 (1698) году января 4 по указу Великого Государя царя и Великого князя Петра Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца велено дворянину Ивану Родионовичу Качанову Сибири Тобольского уезду на Таре и в уездах в Великого Государя волости и слободы и села и деревни и метрополицичи и монастырские и церковные, и у детей боярских и у служилых людей и у пашенных и у оброчных крестьян и у бобылей и у захребетников и у татар и у всяких чинов людей описать земли <...> переписать всяких чинов людей и пришлых и русских и поморских городов <...>, что пашут крестьяне Великого Государя десятинной пашни и платят денежного и хлебного и с мельниц и с кузнец и с рыбных ловель и со всяких угодей оброков, а ясашные татаровя в казну Великого Государя ясаку...»

Источник: ([Хорографическая чертежная книга, 2011а: 1](#); РГАДА, Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 1).

Сам С.У. Ремезов, посвятив свою работу Петру I, отмечал ее важность и пользу: « ... сия служба надобна жителем и доброприятна и состоятельна бывает в спорных делах ...» ([Хорографическая чертежная книга, 2011а: 8](#)). Выполняя свои атласы, в соответствии с заказом центральных и местных властных структур, он постарался определить не только внешние, но и внутренние владения в Сибири, имеющиеся населенные пункты, принадлежащие русским и аборигенам, «картографируя» и «каталогизируя» подданных.

Осуществляя данное ему предписание, И.Р. Качанов последовательно учитывал жителей Среднего Прииртышья – сначала города Тары, далее – прилегающих русских деревень и слобод, Спасского монастыря и, наконец, татарских селений. При этом фиксация русских административных

пунктов происходила по географическому принципу: сначала – по реке Оше (село Спасское (Ложниково) и 14 деревень), вверх от города по реке Иртыш (Биргамацкая, Татьмыцкая и Аевская слободы, 14 деревень), вниз от города по реке Иртыш (село Изюцкое, 14 деревень). Татарские селения, названные в ДК, насчитывают 52 наименования (порядок их описания аналогичен русским). Большинство этих административных единиц, изображающих города, остроги, слободы, села, деревни, кочевые юрты – летние и зимние, нанесены на чертежи ХК, также выстраивающие селения по рекам, которые собственно и являются стержнем всего данного «повествования»: сначала показана «основная» река, имеющая исток и устье, далее – чертежи ее отдельных участков, к которым присовокупляются «маленькие» речки, впадающие в главную. При этом главы ХК пронумерованы начиная с устья реки. Населенные пункты, отмеченные на таких чертежах, подразделяются на русские и ясачные. «Наложение» текста ДК на аналогичные страницы ХК позволяет обратить внимание на несовпадение ряда административных единиц – не только в атласах отсутствуют некоторые селения, указанные в ДК, но и, напротив, дозорная перепись «потеряла» иные небольшие деревни и ясачные юрты, указанные изографом. Но, поскольку рассмотрение замеченного явления выходит за рамки темы данной статьи, предполагая отдельное внимательное рассмотрение и выявление причин, мы рассчитываем на его специальное исследование в ближайшей перспективе.

Выбор мест, где селились жители Среднего Прииртышья, как, впрочем, и иных местностей, во многом был предопределен природными условиями. Исследуемые документы отчетливо демонстрируют «привязку» к различным географическим объектам, поскольку для населения играло важную роль наличие водных ресурсов – для возможности занятия рыбной ловли, заведения мельниц, луговых угодий – для организации пастбищ, покосов и пр. И, если ХК позволяет наглядно убедиться в этом при рассмотрении отдельных карт, то в ДК даны сведения о том, рядом с какой рекой или озером находится селение, при описании слобод и земельных споров указаны подробные географические ориентиры. В качестве примера приведем сведения дозора о Биргамацкой слободе, в котором упоминается, что она расположена «на увале над рекой Тарой», рядом имеется «скотский выпуск», луга, лес (дубровы, бор, березняк) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 230 об.). Чертеж также изображает сходные сведения: близ Биргамацкой слободы показаны река Тара, скотский выпуск, луговые места, отмечен лес ([Хорографическая чертежная книга, 2011а: 93](#)). Таким образом, налицо совпадение письменного и графического изображений в коррелируемых источниках.

Делопроизводственные и картографические документы рубежа XVII–XVIII вв. позволяют рассматривать существовавшую структуру населения. ДК подробным образом демонстрирует социальный и этнический состав жителей Тарского уезда, сложившийся к началу XVIII в., характеризует их занятия и хозяйство. В ее материалах названы лица духовного звания (ружники), служилые русские (дети боярские, конные казаки, стрельцы, отставные и пр.), захребетники, посадские люди, крестьяне, также указано их имущество, перечислены подати, которые они платили до проведения дозора и обязаны были отдавать в казну после его осуществления. В приведенных посемейных списках помимо служебного и имущественного положения названы фамилия, имя и отчество, возраст, откуда родом, происхождение главы семьи и других ее членов мужского рода. Женщины на страницах ДК встречаются крайне редко, поскольку они не являлись владелицами земли, были юридически не самостоятельными, но все-таки иногда они упоминаются в случаях, когда оказывались без покровительства мужчин и вынуждены были решать некоторые вопросы собственности ([Бережнова, Кабакова, 2014](#)). Конечно, ХК не могла включать в силу своей специфики сведений о социально-экономическом положении населения, но все-таки ряд интересных упоминаний подобного рода на страницах чертежей встречается: «... от Тарского города по Иртышу реке служилые люди на дощаниках для соли до Ямыша озера доходят ...», «... за рекою Иртышем луг сенных покосов тарских всяких чинов служилых людей ...» ([Хорографическая чертежная книга, 2011а: 166 об.](#)).

В ДК важное значение занимает характеристика качества земли, что позволяет установить ряд особенностей сельскохозяйственного развития в Среднем Прииртышье. Так, составитель документа в перечислении земельных владений фиксирует не только пахотные земли и заимки, но и исчерпавшие ресурс (выпаханные земли), и имеющиеся резервы (непаханные и залежные земли), и территории, пригодные для занятия скотоводством (луговые места, покотины, сенные покосы). Сопоставление же с ХК предоставляет возможность наглядно убедиться в существовании упомянутых И.Р. Качановым владений. Изображая разнообразные природные ландшафты – боры, болота, бугры, броды, валы, дубровы, ельники, чернолесья, степи, горы и пр., чертежи отражают хозяйственное использование территории – пашни, пастбища, зимние и летние кочевья, луга, звериные промыслы, рыбные ловли, рудники. К тому же описание земельных угодий ДК сопровождается подробным перечислением межевых рубежей, называются и географические ориентиры (реки, озера, болота, буераки и др.), и специальные искусственные приспособления (границы в виде крестов, отметин на деревьях, ямы и т.д.), и эти указания нередко имели определяющее значение в случае возникновения земельных разноречий. О существовании подобных разграничений сообщал и автор атласов: «... яко описание сея книги всяк видит свои отделный повыток земли при каком месте подробно в чертеже грани и межы ...». С.У. Ремезов справедливо полагал, что его чертежи помогут в решении спорных вопросов: «... кто будет либо спорник в делах и хошет чрез свою чужую землю за себя похитит, таковой

соперник по сему узнаетца что миропродавец и противник повелению цареву, хотя чюжее ...» ([Хорографическая чертежная книга, 2011а: 5](#)).

Описание социально-экономического положения населения Тарского уезда в ДК, составленное И.Р. Качановым, как было отмечено ранее, подразумевало обращение к этнографическому контексту, поскольку относилось к представителям различных народностей – русских, татар, бухарцев, калмыков и пр. Но и ХК дает возможность реконструировать среду обитания этнических общностей, расположившихся в Тарском уезде. Известно, что в ходе своих поездок и в процессе приобретения информации, необходимой для составления атласов, С.У. Ремезов собирал сведения этнографического характера, о чем им сообщалось в статье о доезде по грамоте Великого государя: «... всяких чинов людей <...> русских и иноземцов, бухар и татар и калмыков <...>, описывал остроги и слободы и деревни и ясашные волости ...» ([Хорографическая чертежная книга, 2011а: 1](#)). Об убедительности подобных материалов знаменитого картографа говорят современные ученые, определив, что данные С.У. Ремезова коррелируют с этнографическими материалами, к примеру, тюркскими письменными памятниками по изучению культа святых в исламе в Сибири и иными источниками ([Софронова, 2009: 38](#); [Селезнев, Селезнева, 2015: 166](#)).

Неотъемлемой частью жизнедеятельности народонаселения Среднего Прииртышья, как и любой иной части страны, были сухопутные дороги, обеспечивавшие связь между различными административными пунктами, служившие транспортными путями. Вызывавшие особое внимание властей, дороги должны были особенно тщательно выверяться и наноситься на карты, отражая расстояния между населенными пунктами и иными объектами. В своей статье «О розмере», поясняющей карту, С.У. Ремезов сообщает: «... по топографии городов стоянии селитб и жилищ различные части и вежди меряется верстами, аршины, сажени, десятины, версты, стадии, мили и левгуи ...» ([Хорографическая чертежная книга, 2011а: 9](#)). Каждый чертеж ХК сопровождался легендой, где указывалось расстояние между слободами и острогами, протяженность рек и волоков, которые определялись не обязательно только с помощью традиционных мер длины, но и в днях, либо в неделях, за которые эти пути можно было преодолеть. Составители карт сопровождали их и комментариями, в которых отмечались особенности маршрута и подстерегавшие трудности (например, время следования, зависевшее от сезона – зимой или летом, от наличия груза, от направления – «вверх по реке» и пр.).

Несомненно, что дороги и расстояния – прерогатива ХК, но ДК также уделяет им немаловажную роль, поскольку пути следования не только соединяли различные объекты, но и служили мерой разграничения земельных владений. В качестве примера упоминаний расстояний приведем ряд выдержек из ДК. Так И.Р. Качанов описывает территорию близ Тары: «По писцовым книгам писца Льва Поскочина 1684 года тарских городских всяких чинов жителей около города скотский выпуск вверх по Иртышу реке за речку Аркарку до речки Ибейки лугами пять верст, а вниз по Иртышу до речки Чекруши пять верст же, от болот, которые по стороне города в дуброве на пять верст же» ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 5](#)). В материалах дозора включены многочисленные описания земель, принадлежавших разным людям, размежеванные в числе прочего посредством дорог, что также должно было по возможности исключить территориальные споры. В качестве примера приведем описания владений сына боярского, жителя Тары, Якова Алексеева сына Заливина, которые были разграничены следующим образом: «... в межах паханая и непаханая земля от городской стороны, от овина Кирилла Заливина до трех тесаных берез и большую Ичкитовскую дорогу, а по той дороге до большого Чистого болота, а от того болота по увал, а от увала по Ибейку речку ...» ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 13](#)). Следующий пример – представление межей земли тарчанина, стрелецкого сына Афоньки Борисова сына Чопина: «... в межах та его пашня: вверх по Курмалинской речке с одной стороны, промеж двух болотечек, на тех болотечках растег черный тальник, с другой стороны та же Курмалинская речка, с третьей стороны через Буецкое болото большое, с четвертой стороны по дальнюю зверовую Туралинскую дорогу и по густой березняк ...» ([РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 122](#)).

5. Заключение

Таким образом, представленное исследование о народонаселении Среднего Прииртышья рубежа XVII–XVIII вв. свидетельствует об удачном опыте компаративного анализа делопроизводственных и картографических материалов указанного периода.

Московские власти осознавали необходимость документального, в том числе, и графического изображения определенных процессов, что нашло воплощение в документах, способствовавших раскрытию разных сфер жизни. В то же время, несмотря на изначальную разницу в целях, поставленных перед составителями исследуемых нами источников, они во многом переплетались в осуществлении собственных намерений, что и обусловило освещение ими проблематики, связанной с развитием народонаселения определенной территории. Представленная работа лишь на отдельных примерах, связанных с описаниями социально-экономического плана, структуры населения, способами ведения хозяйства, природными условиями, путями сообщения и их протяженности, позволяет убедиться в возможности выявления, сопоставления и взаимного дополнения знаний ДК и ХК и приобретения качественно новой информации, позволяющей визуальным образом оценить ситуацию, сложившуюся в Среднем Прииртышье на определенном историческом отрезке времени. Очевидно,

что чертежи С.У. Ремезова изографически преломили фискальный документ – ДК, ставший итогом обследования Тарского уезда, что и позволит в дальнейшем на основе их материалов осуществить историческую реконструкцию народонаселения данной территории на рубеже XVII–XVIII вв.

6. Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К.

Литература

- Абдуллин и др., 2013** – *Абдуллин Х.М., Мустафина Д.А., Ситдииков А.Г.* Формирование базы данных исторических источников второй половины XVI – первой половины XIX века для геоинформационной системы Казанского края // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки.* 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 66-78.
- Белич, 2009** – *Белич И.В.* Чертеж «Кучюмово Городище» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова // *Вестник Тюменского государственного университета.* 2009. № 7. С. 90-100.
- Бережнова, Кабакова, 2014** – *Бережнова М.Л., Кабакова Н.В.* Статус и права одинокой женщины в Сибирском регионе в XIII – первой половине XIX века // *Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века).* Новосибирск, 2014. С. 52-58.
- Бережнова и др., 2013** – *Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н.* Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* 2013. № 4. С. 111-116.
- Бережнова и др., 2014** – *Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н.* Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: к вопросу о причинах составления и содержания // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки».* 2014. № 1. С. 62-69.
- Бородаев, Контев, 2015** – *Бородаев В.Б., Контев А.В.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.
- Гольденберг, 2011** – *Гольденберг Л.А.* С.У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири // *Хорографическая чертежная книга С.У. Ремезова: в 2 т. Т. 2.* Тобольск, 2011. С. 285-691.
- Городилова, 2013** – *Городилова Л.М.* Источники изучения топонимии Приенисейской Сибири XVII – нач. XVIII вв. // *Актуальные вопросы философии и лингвистики.* 2013. № 27. С. 204-219.
- Корусенко, 2008** – *Корусенко С.Н.* Социальная стратификация и этнический состав тюркоязычного населения Среднего Прииртышья в начале XVIII в. (по материалам Дозорной книги Тарского уезда 1701 г.) // *Известия Алтайского государственного университета.* 2008. № 4–2. С. 107-114.
- Мазур, 2011** – *Мазур Л.Д.* Обеленное и тяглое начала в русском городе XVII в. (на примере Владимира, Суздаля, Шуи и Юрьева-Польского) // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН.* 2011. № 1. С. 21-24.
- Оглоблин, 1895** – *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Москва: Университетская типография, 1895. Ч. 1. 429 с.
- РГАДА** – Российский государственный исторический архив.
- Селезнев, Селезнева, 2015** – *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Мусульманские культовые комплексы Сибири в картографических материалах Семена Ульяновича Ремезова // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки».* 2015. № 4. С. 165-173.
- Семенова, 2013** – *Семенова В.И.* Археология и картография города Тюмени (о соотношении русской и местной традиций в городском ландшафте) // *Вестник Томского университета. История.* 2013. № 3. С. 48-51.
- Софронова, 2009** – *Софронова М.Н.* Преданность «государеву делу» и вера в промысел Божий – творческое кредо Семена Ремезова // *Мир науки, культуры, образования.* 2009. № 6. С. 37-41.
- Тимохина, 2003** – *Тимохина Е.А.* Дозорная книга города Ростова 1619 г. как исторический источник // *История и культура Ростовской земли: Материалы научной конференции «История и культура Ростовской земли (Ростов, 11–13 ноября 2003 г.).* Ростов, 2003. С. 248-255.
- Усков, 2009** – *Усков И.Ю.* Историография проблемы происхождения топонима «Кемерово» // *Известия Алтайского государственного университета.* 2009. № 4-2. С. 243-248.
- Хорографическая чертежная книга, 2011a** – *Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова: в 2 т. Т. 1: факсимильное издание.* Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. 344 с.
- Хорографическая чертежная книга, 2011b** – *Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова: в 2 т. Т. 2: Исследования. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи.* Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. 692 с.
- Черненко, Чеченков, 2012** – *Черненко Д.А., Чеченков П.В.* Информационный потенциал Дозорных книг конца XVI – начала XVII вв. для изучения нижегородского дворянства // *Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева.* 2012. № 1. С. 72-78.
- Щербич, 2010** – *Щербич С.Н.* Население вотчин Тобольского архиерейского дома по переписным книгам XVII в. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* 2010. № 2. С. 137-141.

Goldin i dr., 2015 – *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskii A.M.* The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. // *Bylye Gody*. 2015. T. 38. № 4. pp. 849-864.

Kivelson, 2006 – Valerie A. Kivelson. Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. 263 p.

Tataurova, Krikh, 2015 – *Tataurova L.V., Krikh A.A.* The Life Support System of the Siberian Village Anan'ino in XVII–XVIII Centuries (Archaeological and Written Sources). // *Bylye Gody*. 2015. T. 37. Vyp. 3. pp. 479-490.

References

Abdullin i dr., 2013 – *Abdullin Kh.M., Mustafina D.A., Sitdikov A.G.* (2013). Formirovanie bazy dannykh istoricheskikh istochnikov vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XIX veka dlya geoinformatsionnoi sistemy Kazanskogo kraja [Creation of a Database of Historical Sources from the Second Half of the 16th Century to the First Half of the 19th Century for the Geoinformation System of the Kazan Region]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. T. 155. Kn. 3. Ch. 1. pp. 66-78 [in Russian].

Belich, 2009 – *Belich I.V.* (2009). Chertezh «Kuchyumovo Gorodishche» iz «Khorograficheskoi chertezhnoi knigi» S.U. Remezova [Drawing of «Kutchum fortfield settlement» «Chorographic drawing book» by S.U. Remezov]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 7. pp. 90-100 [in Russian].

Berezhnova, Kabakova, 2014 – *Berezhnova M.L., Kabakova N.V.* (2014). Status i prava odinokoi zhenshchiny v Sibirskom regione v XIII – pervoi polovine XIX veka [Stature and licenses of single woman in Siberia region]. *Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoi Rossii (XVII – nachalo XX veka)*. Novosibirsk, pp. 52-58 [in Russian].

Berezhnova i dr., 2013 – *Berezhnova M.L., Kabakova N.V., Korusenko S.N.* (2013). Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 g. kak istochnik po etnografii narodov Tarskogo Priirtysh'ya [The 1701 Dozornaya Kniga of Tara Uyezd (The Census Book of Tara Region) as an ethnographical source of the peoples from the Tara Irtysh basin]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. № 4. pp. 111-116 [in Russian].

Berezhnova i dr., 2014 – *Berezhnova M.L., Kabakova N.V., Korusenko S.N.* (2014). Dozornaya kniga Tarskogo uezda 1701 g.: k voprosu o prichinakh sostavleniya i sodержanii [The 1701 Dozornaya Kniga of Tara Uyezd (The Census Book of Tara Region): Background and Contents] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. № 1. pp. 62-69 [in Russian].

Borodaev, Kontev, 2015 – *Borodaev V.B., Kontev A.V.* (2015). Formirovanie rossiiskoi granitsy v Irtyshsko-Eniseiskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg.: dokumental'naya monografiya [The Formation of Russian State Border in Irtysh-Yenisei Interfluve in 1620–1720: documentary monograph]. Barnaul: AltGPU, 416 p. [in Russian].

Goldin i dr., 2015 – *Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskii A.M.* (2015). The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. *Bylye Gody*. T. 38. № 4. pp. 849-864 [in Russian].

Gol'denberg, 2011 – *Gol'denberg L.A.* (2011). S.U. Remezov i kartograficheskoe istochnikovedenie Sibiri [Remezov and cartographical source studies of Siberia]. *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga S.U. Remezova. Tobol'sk*, pp. 285-691 [in Russian].

Gorodilova, 2013 – *Gorodilova L.M.* (2013). Istochniki izucheniya toponimii Prieniseiskoi Sibiri XVII – nach. XVIII vv. [Sources for studying of toponymy of Prienisee areal of Siberia in XVII – beginning of XVIII centuries]. *Aktual'nye voprosy filosofii i lingvistiki*. № 27. pp. 204-219 [in Russian].

Korusenko, 2008 – *Korusenko S.N.* (2008). Sotsial'naya stratifikatsiya i etnicheskii sostav tyurkoyazychnogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya v nachale XVIII v. (po materialam Dozornoj knigi Tarskogo uezda 1701 g.) [Social stratification and ethnical structure of Turkic-speaking population of Middle Priirtyshje in the beginning of XVIII (on data of Census book of Tara District)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4–2. pp. 107-114 [in Russian].

Mazur, 2011 – *Mazur L.D.* (2011). Obelennoe i tyagloe nachala v russkom gorode XVII v. (na primere Vladimira, Suzdalya, Shui i Yur'eva-Pol'skogo) [Nontaxable and withholdable aspects of Russian city of XVII (on example of Vladimir, Suzdal, Shuya and Yuryev-Polsky)]. *Akademicheskii vestnik UralNIIproekt RAASN*. № 1. pp. 21-24 [in Russian].

Ogloblin, 1895 – *Ogloblin N.N.* (1895). Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.). [Overview of columns and books of Siberian Prikaz]. Moskva: Universitetskaya tipografiya. Ch. 1. 429 p. [in Russian].

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Archive of the Old Acts]

Seleznev, Selezneva, 2015 – *Seleznev A.G., Selezneva I.A.* (2015). Musul'manskii kul'tovye komplekсы Sibiri v kartograficheskikh materialakh Semena Ul'yanovicha Remezova [Islamic cult complexes of Siberia in the cartographic materials of Semyon Ulyanovich Remezov]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. № 4. pp. 165-173 [in Russian].

Semenova, 2013 – *Semenova V.I.* (2013). Arkheologiya i kartografiya goroda Tyumeni (o sootnoshenii russkoi i mestnoi traditsii v gorodskom landshafte) [Archaeology and cartography of Tyumen (about correlation of Russian and indigenous traditions in city landscape)]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya*. № 3. pp. 48-51 [in Russian].

[Sofronova, 2009](#) – *Sofronova M.N.* (2009). Predannost' «gosudarevu delu» i vera v promysel Bozhii – tvorcheskoe kredo Semena Remezova [Selflessness to “political offences” and pious opinion in Dispensatio – creative creed of Semen Remezov]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. № 6. pp. 37-41 [in Russian].

[Tataurova, Krikh, 2015](#) – *Tataurova L.V., Krikh A.A.* (2015). The Life Support System of the Siberian Village Anan'ino in XVII–XVIII Centuries (Archaeological and Written Sources). *Bylye Gody*. T. 37. Vyp. 3. pp. 479-490 [in Russian].

[Timokhina, 2003](#) – *Timokhina E.A.* (2003). Dozornaya kniga goroda Rostova 1619 g. kak istoricheskii istochnik [Census book of Rostov city of 1619 year as historical source]. *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli: Materialy nauchnoi konferentsii «Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli (Rostov, 11–13 noyabrya 2003 g.)*. Rostov. pp. 248-255 [in Russian].

[Uskov, 2009](#) – *Uskov I.Yu.* (2009). Istoriografiya problemy proiskhozhdeniya toponima «Kemerovo» [Historiography of problem of origin of placename “Kemerovo”]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4-2. pp. 243-248 [in Russian].

[Khorograficheskaya chertezhnaya kniga, 2011a](#) [Chorographic drawing book, 2011 a] – *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri Semena Ul'yanovicha Remezova: v 2 t. T. 1: faksimil'noe izdanie*. Tobol'sk: Vozrozhdenie Tobol'ska, 2011. 344 p. [in Russian].

[Khorograficheskaya chertezhnaya kniga, 2011b](#) [Chorographic drawing book, 2011 b] – *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri Semena Ul'yanovicha Remezova: v 2 t. T. 2: Issledovaniya. Tekst. Nauchno-spravochnyi apparat faksimil'nogo izdaniya rukopisi*. Tobol'sk: Vozrozhdenie Tobol'ska, 2011. 692 p. [in Russian].

[Chernenko, Chechenkov, 2012](#) – *Chernenko D.A., Chechenkov P.V.* (2012). Informatsionnyi potentsial Dozornykh knig kontsa XVI – nachala XVII vv. dlya izucheniya nizhegorodskogo dvoryanstva [Informative potential of Census books of the end of XVI – beginning of XVII centuries for study of nobility of Nizhny Novgorod]. *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva*. № 1. pp. 72-78 [in Russian].

[Shcherbich, 2010](#) – *Shcherbich S.N.* (2010). Naselenie votchin Tobol'skogo arkhieiereiskogo doma po perepisnym knigam XVII v. [Population of ancestral lands of Tobolsk bishopric house on the data of enumeration books of XVII century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. № 2. pp. 137-141 [in Russian].

[Kivelson, 2006](#) – *Valerie A. Kivelson* (2006). Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. 263 p.

UDC 930.2 : 528.9 : 314(571.1) "16/17"

Делопроизводство и картография на рубеже XVII–XVIII вв.: к проблеме изучения народонаселения Среднего Прииртышья

Наталья Васильевна Кабакова ^a, Светлана Николаевна Корусенко ^b

^a Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, Российская Федерация

^b Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация

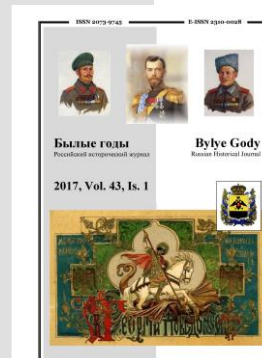
Аннотация. XVII век для Сибири стал временем ее утверждения в составе Российского государства. Для присоединенной огромной территории на востоке это обозначило необходимость ее хозяйственного освоения, что включало в числе прочего фиксацию знаний о крае как в виде письменных текстов, оформлявших население, земли, тягло и пр., так и в форме картографических документов, закреплявших новый регион, выделявших административные пункты и пр. В статье представлен компаративный анализ делопроизводственных и картографических материалов указанного периода – Дозорной книги Тарского уезда 1701 года и Хорографической чертежной книги С.У. Ремезова. Несмотря на изначальную разницу в целях, поставленных перед составителями исследуемых источников, они во многом переплетались в осуществлении собственных намерений, что и обусловило освещение ими проблематики, связанной с развитием народонаселения определенной территории. В работе приведены примеры, связанные с описаниями социально-экономического плана, структуры населения, способами ведения хозяйства, природными условиями, путями сообщения и их протяженности, что позволяет убедиться в возможности выявления, сопоставления и взаимного дополнения знаний дозорной книги и хорографической книги и приобретения качественно новой информации, позволяющей визуально оценить ситуацию, сложившуюся в Среднем Прииртышье на определенном историческом отрезке времени. Очевидно, что чертежи С.У. Ремезова изографически преломили фискальный документ – дозорную книгу, что позволит в дальнейшем на основе их материалов осуществить историческую реконструкцию народонаселения данной территории на рубеже XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Сибирь, Прииртышье, народонаселение, дозорная книга, хорографическая чертежная книга, компаративный анализ.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 30-38, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.30
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.85

The Ethno-Confessional Relations in the Context of Culture and Education (Kazan province, XVIII – beginning of XX century)

Lyalya T. Faizrakhmanova^{a, *}, Ekaterina V. Kovrikova^a

^a Kazan Federal University, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Abstract

On the basis of archival materials and literature the article highlights some aspects of inter-confessional and inter-ethnic relations in the historical and cultural processes that have developed during XVIII till beginning of the XX centuries on the territory of the Kazan province. The value of historical and cultural background and regional characteristics and their influence on the nature of the investigated relations is revealed. The most important backgrounds include: geographical location of the specified area; multi-ethnic and multi-religious composition of the population; Islamic stratum of the Bulgar-Tatar culture; the policy of the Russian state in matters of religion; European influence on the development of culture (education) in Russia, "Jadidism" in Muslim culture; tolerance as a condition of educational institutions; consistent transformation of Kazan in the cultural and educational center. It shows the development of inter-confessional relations in the region in terms of centuries of coexistence of Islam, Orthodoxy, paganism. The authors show the main tendencies of the policy of the Russian state that influenced the character of the development of inter-confessional and inter-ethnic relations in the region. The conclusion is made about the prospects of development of ethno-confessional relations in order to consolidate a modern society that is possible subject to the necessary balance of interests of all religious groups and cultural diversity support.

Keywords: inter-religious and inter-ethnic interaction, history, culture, education, tolerance, Russia, Tatarstan.

1. Введение

Социально-политическая ситуация, возникшая на «постсоветском» пространстве в последнее десятилетие прошлого века и получившая название «парад суверенитетов», проявилась не только выдвиганием на политическую арену «национальных элит», но также обострением отношений между отдельными конфессиональными и этническими группами в регионах России. Как следствие перед государственными институтами встала проблема, которую характеризовала «не только многогранность и чрезвычайная сложность, но и малая изученность социологических, психологических, педагогических и других характеристик этнических отношений» (Новиков, Новиков, 2007: 475). Многоаспектность и неотложность возникших задач побудила российских политиков, религиозных деятелей, философов, историков, деятелей культуры, образования – ученых и практиков обратиться к исследованию исторического опыта с целью разрешения «глобальных проблем XXI века», выбора пути не «убийственного столкновения», а диалога и партнерства современных локальных цивилизаций (Кузык, Яковец, 2006: 11).

В Татарстане вследствие всплеска общественного внимания к региональной истории и культуре появилось значительное число работ и публикаций, в которых в разной мере и в различных контекстах освещаются вопросы межконфессиональных и межэтнических отношений. Результаты

* Corresponding author

E-mail addresses: lafaiz@gmail.com (L.T. Faizrakhmanova), kewa969@yandex.ru (E.V. Kovrikova)

научных исследований могут найти применение в ходе совершенствования модели межконфессиональных и этнокультурных отношений в Татарстане и в России в целом, поскольку задачи профилактики этно- и ксенофобии, формирования толерантной социальной среды остаются актуальными для современного общества, а процесс формирования государственной конфессиональной политики, по мнению ученых, все еще не завершен (М.И. Одинцов, И.И. Маслова и др.). Ввиду того, что рассмотрение столь важных для государства проблем возможно лишь на основе исторического опыта, накопленного в процессе выстраивания межрелигиозных и межэтнических отношений, а одним из безусловно репрезентативных в контексте заявленной темы регионов является Татарстан – территориальный преемник Казанской губернии, можно говорить об актуальности темы данной работы.

2. Материалы и методы

В качестве источников использовались архивные документы (фонды Национального архива РТ), научная и краеведческая литература, в том числе, исторические документы (царские указы, правительственные уставы и др.); исторические хроники, газетные и журнальные публикации; справочники; интернет-источники; научные исследования истории, культуры и образования России и Татарстана.

В основу исследования положены принципы научного исторического познания – историзм, объективность, всесторонность; применялись эмпирические методы: изучение документов, литературы; теоретические методы: исторический, логический; анализ, синтез, объяснение, обобщение.

3. Обсуждение

В источниках дореволюционного периода процессы взаимодействия представителей различных конфессий и этносов поволжского региона, также как их состав, территориальное расселение, трудовые обычаи, их материальная культура и особенности быта, а также проявления духовной культуры описаны достаточно полно. В XVIII в. – это иностранные авторы Г.Ф. Миллер, И.Г. Георги, в XIX – начале XX вв. – ученые Казанского университета Х.-М. Френ, А.К. Казембек, К.Ф. Фукс, Н.В. Никольский, М.Е. Евсевьев и др. Различные аспекты межконфессиональных и межэтнических отношений, как неотъемлемая часть регионального историко-культурного процесса, представлены в работах современных исследователей Я.А. Абдуллина, И.Л. Алексеева, Р.У. Амирханова, Т.А. Биктемировой, Е.А. Вишленковой, Г.М. Давлетшина, Б.Н. Кузыка, А.Л. Маклыгина, М.Н. Нигмедзянова, Г.Р. Сайфуллиной, З.М. Явгильдиной, Ю.В. Яковца и др.

Описывая межконфессиональные и межэтнические отношения, исследователи указывают «на множественность контактов дружественного характера», при этом «редко описывают негативный опыт, что не позволяет делать объективные обобщения» (Stolyarova et al., 2016: 68). Большой достоверности и объективности выводов способствует привлечение архивных документов, отражающих характер данных отношений в сфере культуры и образования.

4. Результаты

На межконфессиональные и межэтнические отношения, развивавшиеся в границах Казанской губернии, определяющее влияние оказали следующие процессы: внутренняя национальная политика царского государства, миссионерская деятельность, осуществляемая русской православной церковью, динамично развивающиеся культурные и образовательные процессы в стране и регионе. Вместе с тем развитие межконфессиональных и межэтнических отношений в границах исследуемой территории имело свои особенности: на протяжении столетий здесь жили разные этносы (тюрки, славяне, угро-финны), благодаря чему происходило взаимопроникновение и взаимообогащение их духовного, материального, культурного, социального, межконфессионального и этнопедагогического опыта, складывались традиции межэтнических отношений (Nurgayanova et al., 2015: 2796). На территории Казанского края «неповторимым образом соседствовали и взаимодействовали язычество, ислам и православие» (Маклыгин, 2000: 33). Народы, традиционно жившие в регионе – татары, русские, чуваша, мари, мордва, удмурты объединялись по религиозному «признаку», но достаточно часто имели место, так называемые, конфессиональные «мутации» и «отпадения», проявлявшиеся в переходе народов от одной веры к другой (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1260. Л. 61–62); также ученые отмечали одновременное бытование у разных групп населения религиозных праздников и ритуалов, присущих язычеству, православию или исламу (Миллер, 1791: 53, 111). Безусловно важным для развития межэтнических отношений было и то, что Казань, издревле являющаяся связующим звеном между Востоком и Западом, «перекрестком», где произошла «встреча цивилизаций», в XIX – начале XX вв. становится культурным и образовательным центром не только для Казанской губернии, но и всего Среднего Поволжья и Приуралья.

Углубляясь в историю межконфессиональных и межэтнических процессов, развивавшихся в границах Казанской губернии, исследователи выявляют истоки материальной и духовной культуры татарского народа, в том числе тюркские «генетические корни», изучают период становления государственности древних булгар (IX в. – начало XIII в.), связывая этот процесс с утверждением

ислама в статусе государственной религии Волжской Булгарии (922 г.) (Давлетшин, 1990: 18). Ученые отмечают, что в культуре татарского народа оставила заметный след эпоха Казанского ханства (1438–1552 гг.), где «при дворах феодалов» процветало светское искусство (поэзия, литература, инструментальная музыка) (Макаров, 2016: 30, 31). В учебных заведениях при мечетях учащиеся осваивали искусство «книжного пения», неотделимое от религиозного культа и связанное с традицией сольной «речитации» религиозных текстов; в то же время народное творчество являлось естественной средой для формирования основных стилистических черт татарского искусства (Нигмедзянов, 1990). Существующая система образования выполняла важную роль в развитии государства и общества, большое значение имели духовные, культурные (образовательные) «обмены» с восточным мусульманским миром.

Однако эти культурные связи были нарушены вследствие падения Казанского ханства и его присоединения к Российскому государству (1552 г.). Дальнейший период характеризуется изменением вектора развития татарской культуры, «сменой ориентации в отношении «Восток – Запад» (Сайфуллина, 1999: 53), что было обусловлено характером государственной политики, направленной в последующий двухсотлетний период российской истории на изоляцию и отрыв поволжских татар от основ общемусульманской цивилизации. Указ Сената и Св. Синода (1744 г.) запрещал возводить новые мечети, также предписывалось разрушать действующие культовые сооружения, а значит и прилегающие школы в тех деревнях, где совместно с мусульманами проживали православные. Однако такие меры вызывали, отмечают ученые, «обратное» стремление татар-мусульман «сохранить ислам как систему», что приводило к консервации сложившихся культурных традиций и привычного уклада жизни (Сайфуллина, 1999: 56). Известный ученый-этнограф XIX в. К. Фукс писал об упорстве с каким казанские татары сохраняют «собственно национальное», поскольку «они гордятся своим происхождением, своими моральными качествами, своей религией...» (Фукс, 1991: 14). Исследователи отмечают, что приверженность верующих исламу сберегла для потомков древние памятники литературного наследия татарского народа. Вместе с тем, ученые констатируют, что традиции, не имеющие возможности поддерживаться новыми источниками знаний и развиваться в процессе культурных обменов, «в определенных случаях приобретали значение догмы, в других – их постигала участь саморазрушения» (Сайфуллина, 1999: 54).

Наряду с запретом на ислам государством были предприняты принудительные меры по обращению народов, населяющих территорию Казанского края, в христианскую веру. С целью проведения миссионерской политики в Казани учреждается епархия (1555 г.), ее возглавляет архиепископ о. Гурий. В дальнейшем были основаны монастыри «братства Гурия», при которых действовали начальные школы, где обучались дети «новокрещеных» народов, в том числе мари, удмурты, чуваша, татары (Пинегин, 2005: 170, 171, 172). В результате миссионерской практики образовалась новая этноконфессиональная группа, состоящая из крещеных татар («кряшен»). Кряшены, являясь православными, называли детей русскими именами, вместе с тем общались и произносили молитвенные тексты на татарском языке. Исследователи считают, что кряшены являются наследниками древнего архаичного искусства булгар-язычников доисламского периода (Нигмедзянов, 1993; Макаров, 2015), что сочетается у них с атрибутами православной веры: у кряшен присутствует традиция многоголосного пения, не свойственная культуре других этнических групп татар. Вместе с тем, большая часть татарского населения не приняла православия «с его художественными, в том числе церковно-певческими, традициями» (Салитова, 2002: 6).

Поскольку политика принуждения в вопросах религии не давала ожидаемых результатов, российские власти стремились наладить взаимодействие с наиболее влиятельными представителями татарского общества – мусульманскими религиозными деятелями. К новым решениям этноконфессиональных проблем побуждали также волнения среди крестьян, особенно выступления под предводительством Е. Пугачева (1773–1775 гг.), участие в них казаков, башкир, татар, чувашей, представителей других народов России. Перемены в национальной политике государства определил указ Петра III о веротерпимости, или о равенстве вероисповеданий (1762 г.); позже императрица Екатерина II подписала ряд указов, расширяющих права многочисленных народов России, в том числе, один из важнейших – Указ Сената об упразднении Новокрещенской конторы (1764 г.). Выбранное направление было продолжено императором Павлом I (Указ о свободе культов от 1797 г. и «грамота Калмыцкому Ламе Собину Бакши о свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков»); начиная с середины XVIII в. и в дальнейшем по воле царствующих особ государство отказалось от мер принуждения в вопросах веры.

Новые царские указы явились основанием для возрождения деятельности мечетей и мусульманских школ. Ученые и путешественники отмечали: у татар не только в Казани, но и «во всякой их деревушке имеются молебная хранина и школа», в школах обучаются дети обоего пола (Георги, 1799: 9), мусульманская мечеть и школа представляли собой «единый духовно-просветительный комплекс» (Амирханов, 2001). Исторически важным событием для мусульман России явилось открытие в Казани Восточной (Азиатской) типографии (1802 г.), что значительно расширило возможности народа в образовательной сфере, создало условия для притока и распространения современных знаний, налаживания культурных обменов. Вместе с тем сохранялись противоречия между традиционной системой обучения, принятой в мусульманских учебных

заведениях (в основе арабская графика и родной язык) и политикой государства, заинтересованного в распространении православия и русского языка в обучении нерусских детей. Несмотря на то, что деятельность конфессиональных школ не запрещалась, власти на местах препятствовали открытию мусульманских школ при мечетях, и поддерживали начальные училища с преподаванием на государственном языке (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1260. Л. 2, 3–9). Мусульманские вероучители должны были сдавать экзамен на знание русского языка в городских или уездных школах (училищах) и только после этого получали положительный ответ на запросы («общинные приговоры») об открытии конфессиональных школ (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1000. Л. 144–145 об., 160 об.). Такое «принуждение» к освоению государственного языка часто становилось препятствием в вопросах организации конфессиональных школ, однако для тех, кто его преодолевал, создавались новые возможности для налаживания контактов и взаимодействия с русскоязычным обществом.

Отказавшись от принудительных мер в духовно-религиозной сфере, государство и православная церковь продолжили миссионерскую деятельность, в этот процесс были вовлечены начальная школа и образовательные структуры, готовившие педагогические кадры. В Казанской губернии эти задачи поначалу выполняли школы при монастырях, одной из которых являлась славяно-латинская школа (1723 г.) при Федоровском монастыре, позже преобразованная в Казанскую духовную семинарию (1732 г.). Это учебное заведение готовило к миссионерской деятельности учащихся разных национальностей, в школе учились как православные русские, так и представители других народов Поволжья (Исламов, 1998). Для развития «инородческого» образования в Казанской губернии были учреждены начальные училища со смешанным составом учащихся, организовывались «инородческие» или смешанные русско-татарские классы и обучение осуществлялось на двух языках – на государственном (русском) и на родном («местном») (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1260. Л. 43). В «инородческих» школах существовала интернациональная среда, что способствовало воспитанию у учащихся терпимости к проявлениям национальных особенностей, возникновению взаимопонимания между представителями этносов, тесно общающихся и живущих на одной территории.

Государственную поддержку получил школьный проект «инородческого» образования, разработанный известным миссионером Н.И. Ильминским, открывшим (совместно с В. Тимофеевым) частную Казанскую крещено-татарскую школу (1864 г.). Реализация этого проекта совпала со временем реформ в России, охвативших, в том числе, сферу народного просвещения. Деятельность миссионеров была направлена на организацию системы «инородческих» школ в Поволжье, Приуралье, Сибири и завершилась открытием Казанской учительской семинарии (1872 г.), где занимались (по разным источникам) 120/150 человек, «состоявшими наполовину из русских, наполовину из «инородцев» (крещеные татары, чуваша, черемисы, вотяки, мордва)» (Знаменский, 1892: 476). Учительская семинария готовила педагогические кадры для «инородческих» школ и классов. Здесь обучали учителей более 20 национальностей. При семинарии работали чувашская, черемисская, вятская, мордовская школы, где обучение осуществлялось как на русском, так и на родном языках. «В течение 47 лет (1872–1919 гг.) школу окончили более 1500 учащихся, среди них: татары – 243, чуваша – 179, марийцы – 128, мордва – 10, удмурты – 70, а также казахи, пермяки, зыряне, алтайцы, абхазцы, эстонцы» (Казанская татарская..., 2005: 137).

Решая миссионерские задачи, руководство учебных заведений уделяло большое внимание «священному песнопению» на национальных языках, считая, что «самое действенное средство к возбуждению и воспитанию в «инородцах» христианского религиозного чувства есть пение церковных молитв на родном языке...» (НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 295. Л. 40, 33, 51). Именно поэтому к музыкально-просветительской работе был привлечен С.В. Смоленский – в будущем известный музыкант, педагог и ученый-медиевист, «разработавший систему подготовки учителей пения (регентов) с учетом особенностей полиэтничного состава учащихся «инородческих» учебных заведений» (Файзрахманова, 2009: 40, 41). Приобщая воспитанников семинарии к русской хоровой культуре, С.В. Смоленский воспитывал и объединял многонациональную аудиторию средствами музыкального искусства, формируя «доступную» для взаимодействия культурную среду. Благодаря деятельности С.В. Смоленского Казанская учительская семинария сыграла значительную роль в музыкальном просвещении (в его европейском понимании) народов Среднего Поволжья, Приуралья, Сибири.

Наряду с организацией «инородческого» просвещения в начальной школе, Н.И. Ильминский также был одним из основателей миссионерских отделений в Казанской Духовной академии, которые создавались для подготовки миссионеров «среди мусульман, новообращенных христиан и язычников». Подготовка миссионеров включала глубокое изучение религий, истории культуры и быта народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Большое значение придавалось изучению языков, так, например, татарский и арабский языки осваивались в такой степени, чтобы миссионеры могли не только свободно изъясняться с татарским населением, но также раскрывать смысл того или иного религиозного утверждения. Занятия по разговорному языку проводились в естественных условиях среди татарского населения. Миссионеры изучали характер «инородцев», их образ мышления, обычаи, привычки. Общась с населением на родном для них языке воспитанники академии «своим скромным и дружелюбным поведением произвели на татар самое приятное впечатление», что, как

считал Н.И. Ильминский, способствовало сближению татар с русскими (Знаменский, 1892: 404). Н.И. Ильминский стремился приобщить нерусские народы к русской, а через нее к европейской культуре и одновременно сделать доступными для русских культурное наследие других народов России. Предлагая для миссионеров программу по овладению «местными» языками, Н.И. Ильминский одновременно разработал методику применения русского алфавита для национальных языков, что вызвало полемику среди мусульман, применявших арабскую графику. В дальнейшем вопрос издания учебников на «инородческом наречии» кириллицей для начальных «инородческих» училищ вызвал много споров и горячо обсуждался депутатами мусульманской фракции II Государственной думы (1906 г.). Вместе с тем, для народов, имеющих национальный алфавит, предлагалось печатать книги в двойной транскрипции, что, согласно разработанным правилам, могло облегчить учащимся переход к изучению русского языка.

Анализ результатов деятельности Н.И. Ильминского, его учеников и последователей Н. Ф. Катанова, М. А. Машанова, Е. А. Малова, позволяет сделать выводы о том, что научные интересы и практическая деятельность ученых Духовной академии способствовали тому, что «противомусульманское» и другие миссионерские отделения, вопреки их прямому предназначению, являлись научным и образовательным центром, где изучались история, культура, языки и этнография нерусских народов России, а также учения ислама, буддизма, история этих религий. Для развития исламоведческого направления в Духовную академию были привлечены профессиональные преподаватели-востоковеды, велась подготовка специалистов, «обладавших комплексным знанием социокультурных реалий, языков и религиозных верований мусульманских народов империи» (Алексеев, 2004: 68). Ученые, оценивая деятельность академии, методы и результаты ее работы, называют противомусульманское и другие миссионерские отделения культурно-политическим проектом, направленным на «прочное сближение инородцев с русским населением путем просвещения» (Знаменский, 1892: 437).

В развитии межэтнических отношений немаловажное значение имели также прогрессивные тенденции «джадидизма» (от арабского «новый»), формируемые в системе мусульманского образования. В Казани, Оренбурге, Уфе и других российских городах на рубеже XIX–XX вв. открываются прогрессивные «новометодные» мусульманские учебные заведения, отвечающие образовательным потребностям либерально-буржуазной и демократической части татарского общества. В Казанском медресе «Мухаммадия», названным современниками «татарским университетом», учебный план включал наряду с религиозным курсом обширный список общеобразовательных (светских) дисциплин. Шакирды (учащиеся юноши) изучали цикл естественно-научных предметов, а также арабский, персидский, татарский (тюркский) языки и литературу, много внимания уделялось русскому языку, ему посвящались ежедневные занятия в начальных и средних классах (Амирханов, 2001). Светское искусство не входило в программы мусульманских школ, однако в свободное от занятий время учащиеся занимались поэзией, музыкой, участвовали в театральных постановках. Наряду с мужскими появляются женские новометодные школы, куда также постепенно проникают элементы светского воспитания (Явгильдина, 2007: 205). Значительную роль в развитии этнокультурных отношений играла Казанская татарская учительская школа (КТУШ), готовившая народных учителей для начальных школ (НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 7563. Л. 46). Учебное заведение долгие годы возглавлял Шабхазгирей Ахмеров, он поддерживал новометодное обучение. Светские знания, которые учащиеся получали в школе, меняли их мировосприятие. Многие из них проявляли интерес не только к наукам, но и к светскому искусству, ранее запрещенному в мусульманских учебных заведениях. Однако в «Обязательных правилах для воспитанников КТУШ» (от 31 октября 1907 г.) время для музыкальных занятий было определено регламентом, разрешалось посещать театр, концерты, публичные чтения в праздничные дни (Казанская татарская..., 2005: 182). КТУШ воспитала многих выдающихся представителей татарской культуры. Среди выпускников Казанской татарской учительской школы были те, кто видел будущее татарского народа «не в этнической и религиозной замкнутости, а в сближении нации с передовыми идеями европейской науки и культуры при сохранении национального своеобразия и мусульманской религиозности» (Улемнова, 2008: 28).

Идеи «новометодного» образования все более распространялись в татарской среде. Татарские юноши учились в медресе, университетах, получали образование за границей, некоторое число девушек из татарских семей занимались в Родионовском институте благородных девиц, в казанских гимназиях, на Высших женских курсах; среди учащихся Казанского музыкального училища также появляется татарская молодежь. Обучаясь в гимназиях, девушки-мусульманки приобщались к европейским (русским) культурным традициям. Вместе с тем в Родионовском институте и Мариинской гимназии для учениц из татарских семей был приглашен вероучитель-мусульманин, что повышало статус этих учебных заведений.

Сохраняя приверженность исламу и традициям национальной культуры, татары вместе с тем «присваивали» атрибуты европейской (русской) цивилизации. В журнальных статьях, газетных публикациях отмечаются изменения, произошедшие в жизни татарского общества, особенным вниманием отмечены деятельность татарской театральной труппы «Сайяр» (Передвижник), Восточного клуба «Шарык» (Восток). В татарских домах появляются европейские музыкальные

инструменты, из молодежной среды выделяются первые музыканты-инструменталисты, обучающиеся у профессиональных педагогов (назовем как пример будущего классика татарской музыки – композитора Салиха Сайдашева). Все более ощущается влияние европейской культуры, оно проявляется в бытовой сфере, в развитии светского образования, в освоении форм и жанров европейского искусства молодыми татарскими музыкантами, писателями, поэтами, деятелями театра. В свою очередь деятели русской науки и культуры XIX – начала XX вв. – этнографы, лингвисты, историки, музыканты проявляют глубокий интерес к истории, языку, материальной и духовной культуре татарского народа. Современные ученые констатируют: на рубеже XIX–XX вв. «европейское начало начинает играть все более доминирующую роль» в культуре «российских татар», что повлекло за собой разрушение основ традиционной культуры и повлияло на «формирование культуры нового типа» (Сайфуллина, 1999: 24). Этот процесс, по мнению ученых, имел достаточно объективный и неизбежный характер, поскольку начинающаяся европеизация «восточных культур» на российском пространстве носила универсальный характер (Маклыгин, 2000: 4). Европейские культурные ценности, воспринимаемые и осваиваемые городским многонациональным и поликонфессиональным населением Казанской губернии, а также прогрессивные процессы в образовательной сфере на рубеже XIX–XX вв. оказывали влияние на формирование этноконфессиональных отношений нового типа, развивающихся в направлении веротерпимости под знаком просвещения и культуры.

5. Заключение

В процессе исследования выявлены историко-культурные предпосылки и особенности, оказавшие влияние на развитие этноконфессиональных отношений в регионе, в том числе:

- географическое местоположение территории Казанской губернии, имевшей значение «перекрестка» торговых и культурных связей между Востоком и Западом, Европой и Азией;
- многонациональный и поликонфессиональный состав населения Казанской губернии;
- исламский пласт болгаро-татарской культуры, формировавшейся в недрах средневекового государства Волжской Булгарии (IX в. – начало XIII в.), преемственно связанной с культурным наследием Казанского ханства (1438–1552 гг.);
- внутренняя политика российского государства в вопросах религии и миссионерская деятельность православной церкви (относительно Казанской губернии, начиная с 1552 г.);
- европейское влияние на развитие культуры (образования) в России; демократизация российского образования, «джадидизм» в мусульманской культуре; система «инородческого» просвещения как культурное явление в истории межконфессиональных и межэтнических отношений в Казанской губернии; веротерпимость как условие деятельности образовательных учреждений; последовательное превращение Казани в культурно-просветительный центр народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Анализ выявленных предпосылок и особенностей, других явлений и процессов позволил определить основные тенденции национальной политики российского государства, повлиявшие на характер развития межконфессиональных и межэтнических отношений в регионе:

- а) агрессивная политика государства в вопросах религии, отрицание веротерпимости в период середины XVI–XVII вв., что имело поддержку на законодательном уровне (статус Православия как государственной религии был закреплен в Соборном уложении 1649 г.); принудительное крещение мусульман и язычников; запрет на мечети и мусульманские школы;
- б) поворот в национальной политике к веротерпимости, ознаменованный царскими указами второй половины XVIII в.: Петра III о веротерпимости или о равенстве вероисповеданий (1762 г.), Екатерины II (1764, 1766, 1773 г. и др.) и Павла I (1797 г.); запрет на деятельность Новокрещенской конторы; поэтапное уравнивание в правах с православными представителей других религий; возрождение системы мусульманского образования; миссионерское просвещение как способ для налаживания межэтнического взаимодействия;
- в) готовность государственной власти к либерализации конфессиональных прав на рубеже XIX–XX вв.: обещание царского манифеста даровать свободу вероисповеданий (от 26.02.1903 г.).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о противоречивости исторического пути российского общества к веротерпимости как условию цивилизованного сосуществования разных народов. Новая национальная политика российского государства, проявившаяся в большей терпимости к этноконфессиональному «разнообразию» регионов (начиная с XVIII в.), европейское влияние на социокультурные процессы, развивающиеся на территории Казанской губернии, стремление властей найти способы консолидации поликонфессионального и многонационального общества, в том числе с использованием культурно-образовательных ресурсов, – все это в целом способствовало формированию этноконфессиональных отношений нового прогрессивного характера на рубеже XIX–XX вв.

Исторический опыт межконфессиональных и этнокультурных отношений, приобретенный народами Татарстана в течение многих столетий, является наилучшим средством профилактики противоречий, возникающих на почве религиозных и национальных разногласий в современном обществе. Этот опыт позволяет говорить о плодотворности идеи формирования культурно-

образовательной толерантной среды, призванной служить консолидации социума. Успех программы «толерантного региона» возможен при соблюдении баланса интересов различных этноконфессиональных групп, основанного на «самодостаточном внутреннем потенциале и внешней государственной поддержке их этнокультурной отличительности» (Stolyarova et al., 2016: 71, 72). Эти выводы созвучны словам министра иностранных дел России С. Лаврова, выступившего с речью на Генеральной Ассамблее ООН (23.09.2016г.): глава российского МИДа подчеркнул необходимость разрешения межнациональных и межконфессиональных противоречий в современном мире на основе диалога культур и плюрализма.

6. Благодарности

Статья выполнена в соответствии с Российской правительственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета.

Литература

Алексеев, 2004 – Алексеев И.Л. К проблеме культурного диалога: Ислам и Казанское миссионерское исламоведение / Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования: матер. Всеросс. конф.: Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования. К., 2004. С. 67-100.

Амирханов, 2001 – Амирханов Р.У. Татарское просвещение в зеркале истории (дооктябрьский период) // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Глава 11. Казань: Мастер Лайн, 2001. 530 с.

Георги, 1799 – Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Часть вторая о народах татарского племени. СПб., 1799. Репринт. М.: Книга по Требованию, 2011. 243с. URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/88/875733.pdf> (дата обращения: 26.09.2016).

Давлетшин, 1990 – Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период X – нач. XIII вв. К.: Таткнигоиздат, 1990. 192 с.

Знаменский, 1892 – Знаменский П.В. История Казанской Духовной академии. Вып. 2. К.: Типография Императорского университета, 1892. 592 с.

Исламов, 1998 – Исламов Ф.Ф. Роль Казани и Елабуги в развитии культуры, просвещения братских народов Поволжья и Приуралья // Аргамак, 1998. № 9–10.

Казанская татарская, 2005 – Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: Сб. док. и матер. / Отв. ред. Л.В. Горохова. Казань: Гасыр, 2005. 256 с.

Кузык, Яковец, 2006 – Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. I: Теория и история цивилизаций. Авт. вступ. ст. А.Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 768 с.

Маклыгин, 2000 – Маклыгин А.Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма. К.: Каз. гос. консерватория, 2000. 311 с.

Макаров, 2016 – Макаров Г.М. Музыка старотатарской письменной поэзии как составная часть средневековой элитарной культуры Волго-Камского региона // Музыка. Искусство, наука, практика. № 1(13). 2016. С. 30-39.

Макаров, 2015 – Макаров Г.М. Традиционный музыкально-поэтический фольклор и искусство кряшен // Altyn Jurga. 01.04.2015. URL: http://altyn-jurga-ru.blogspot.ru/2015/04/blog-post_82.htm (дата обращения: 14.10.2016).

Миллер, 1791 – Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791.

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан.

Нигмедзянов, 1993 – Нигмедзянов М.Н. Из истории татарской музыки // История и культура родного края. К.: Магариф, 1993. С. 70-76.

Нигмедзянов, 1990 – Нигмедзянов М.Н. К характеристике жанров татарских песен // Музыка и современность. Актуальные вопросы татарской музыки К., 1990. С. 90-101.

Новиков, Новиков, 2007 – Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 688 с. URL: <http://refdb.ru/look/2873318.html> (дата обращения: 10.10.2016).

Пинегин, 2005 – Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. Печатается по изд. СПб. Издание А.А. Дубровина, 1890 / Казань: ооо «ДОМО»ГЛОБУС», 2005. 800 с.

Сайфуллина, 1999 – Сайфуллина Г.Р. Музыка священного слова. Чтение Корана в традиционной татаро-мусульманской культуре. К.: Татполиграф, 1999. 230 с.

Салитова, 2002 – Салитова Ф.Ш. Формирование традиционной музыкально-педагогической культуры Казанского края (середина XVI – начало XX вв.). Книга вторая. К.: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 120 с.

Улемнова, 2008 – Улемнова О. Художественные миры рода Тагириных // Казань. 2008. №4. С. 28-34.

Файзрахманова, 2009 – Файзрахманова Л.Т. Музыкальное образование в Казанском учительском институте (1876–1917) // Искусство и образование. № 6(62). М., 2009. С. 38-51.

Фукс, 1991 – Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань, 1844.

Явгильдина, 2007 – Явгильдина З.М. Музыкальное образование в общеобразовательных учреждениях Казанской губернии (вторая половина XVIII – начало XIX вв.). Казань, ТГГПУ, 2007. 230 с.

Nurgayanova et al., 2015 – Nurgayanova N.Kh., Batyrshina G.I., Ahmetova L.A. Intercultural Interaction of the Volga Region Nations in the Context of Ethnomusical Traditions // *Biosciences, Biotechnology Research Asia*, 2015. Vol. 12. № 3. pp. 2795–2801.

Stolyarova et al., 2016 – Stolyarova G.R., Rychkova N.V., Rychkov S.Y. Historical and cultural aspects of paganism among the peoples of Tatarstan. // *Bylye Gody*, 2016. Vol. 39. Is.1. pp. 67–75.

References

Alekseev, 2004 – Alekseev I.L. (2004). K probleme kul'turnogo dialoga: Islam i Kazanskoe missionerskoe islamovedenie [To the problem of cultural dialogue: Islam and the Kazan missionary Islamic studies] / Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: istoriya i metodologicheskie aspekty issledovaniya: mater. Vseross. konf.: Islam v sovetskom i postsovetskom prostranstve: formy vyzhivaniya i bytovaniya. K., pp. 67-100 [in Russian].

Amirkhanov, 2001 – Amirkhanov R.U. (2001). Tatarskoe prosveshchenie v zerkale istorii (dooktyabr'skii period) [Tatar education in the mirror of history (pre-October period)] // Islam v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost'. Ocherki. Kazan': Master Lain, 530 p.

Georgi, 1799 – Georgi I.G. (1799). Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov. Chast' vtoraya o narodakh tatarskogo plemeni [Description all living in the Russian state peoples. The second part of the peoples of the Tatar tribe]. SPb., Reprint. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2011. 243 p. URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/88/875733.pdf> (data obrashcheniya: 26.09.2016) [in Russian].

Davletshin, 1990 – Davletshin G.M. (1990). Volzhskaya Bulgariya: dukhovnaya kul'tura. Domongol'skii period X – nach. XIII vv. [Volga Bulgaria: spiritual culture. The pre-Mongol period X – early XIII centuries]. K.: Tatknigoizdat, 192 p. [in Russian].

Znamenskii, 1892 – Znamenskii P.V. (1892). Istoriya Kazanskoi Dukhovnoi akademii [The history of the Kazan Theological Academy]. Vyp.2. K.: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 592 s. [in Russian].

Islamov, 1998 – Islamov F.F. (1998). Rol' Kazani i Elabugi v razvitii kul'tury, prosveshcheniya bratskikh narodov Povolzh'ya i Priural'ya [The importance of Kazan and Elabuga in the development of culture, education fraternal peoples of the Volga and Ural regions]. *Argamak*, № 9–10 [in Russian].

Kazanskaya tatarskaya, 2005 – Kazanskaya tatarskaya uchitel'skaya shkola 1876–1917 gg. [Kazan Tatar teachers' school years 1876-1917]. Sb. dok. i mater. Otv. red. L.V. Gorokhova. Kazan': Gasyr, 2005. 256 p. [in Russian].

Kuzyk, Yakovets, 2006 – Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. (2006). Tsivilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushchee [Civilizations: theory, history, dialogue, future]. T. I: Teoriya i istoriya tsivilizatsii. Avt. vstup. st. A. D. Nekipelov. M.: Institut ekonomicheskikh strategii. 768 p. [in Russian].

Maklygin, 2000 – Maklygin A.L. (2000). Muzykal'nye kul'tury Srednego Povolzh'ya: Stanovlenie professionalizma [Musical culture of the Middle Volga region: the Emergence of professionalism]. K.: Kaz. gos. konservatoriya. 311 p. [in Russian].

Makarov, 2016 – Makarov G.M. (2016). Muzyka starotatarskoi pis'mennoi poezii kak sostavnaya chast' srednevekovoi elitarnoi kul'tury Volgo-Kamskogo regiona [Music old Tatar writing of poetry as an integral part of the medieval elite culture of the Volga-Kama region]. *Muzyka. Iskusstvo, nauka, praktika*. № 1(13). pp. 30-39 [in Russian].

Makarov, 2015 – Makarov G.M. (2015). Traditsionnyi muzykal'no-poeticheskii fol'klor i iskusstvo kryashen [The traditional musical-poetic folklore and art of the Kryashens]. Altyn Jurga. 1.04.2015. URL: http://altyn-jurga-ru.blogspot.ru/2015/04/blog-post_82.html (data obrashcheniya: 14.10.2016) [in Russian].

Miller, 1791 – Miller G.F. (1791). Opisanie zhivushchikh v Kazanskoi gubernii yazycheskikh narodov yako to cheremis, chuvash i votyakov [Description living in Kazan province pagan Nations that thou Cheremis, Chuvash and votyaks]. SPb. [in Russian].

NA RT – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [The national archive of the Republic of Tatarstan].

Nigmedzyanov, 1993 – Nigmedzyanov M.N. (1993). Iz istorii tatarskoi muzyki [From the history of Tatar music]. Istoriya i kul'tura rodnogo kraja. K.: Magarif, pp. 70-76 [in Russian].

Nigmedzyanov, 1990 – Nigmedzyanov M.N. (1990). K kharakteristike zhanrov tatarskikh pesen [To the characteristic genres of the Tatar songs]. Muzyka i sovremennost'. Aktual'nye voprosy tatarskoi muzyki. K., pp. 90-101 [in Russian].

Novikov, Novikov, 2007 – Novikov A.M., Novikov D.A. (2007). Metodologiya [Methodology]. M.: SINTEG, 688 s. URL: <http://refdb.ru/look/2873318.html> (data obrashcheniya: 10.10.2016) [in Russian].

Pinegin, 2005 – Pinegin M.N. (2005). Kazan' v ee proshlom i nastoyashchem [Kazan in the past and present]. Pechataetsya po izd. SPb. Izdanie A.A. Dubrovina, 1890. Kazan'. ooo «DOMO»GLOBUS». 780 p.

Saifullina, 1999 – Saifullina G.R. (1999). Muzyka svyashchennogo slova. Chtenie Korana v traditsionnoi tataro-musul'manskoi kul'ture [Music sacred words. The reading of the Quran in the traditional Tatar-Muslim culture]. K.: Tatpoligraf. 230 p. [in Russian].

Salitova, 2002 – Salitova F.Sh. (2002). Formirovanie traditsionnoi muzykal'no-pedagogicheskoi kul'tury Kazanskogo kraia (seredina XVI – nachalo XX vv.) [The formation of traditional musical and pedagogical culture of the Kazan region (middle of the XVI – early XX centuries)]. Kniga vtoraya. K.: Izd-vo Kazan. un-ta. 120 p. [in Russian].

Ulemnova, 2008 – Ulemnova O. (2008). Khudozhestvennyye miry roda Tagirovykh [Art worlds family Tagirov]. *Kazan*. №4. pp. 28-34 [in Russian].

Fuks, 1991 – Fuks K.F. (1991). Kazanskii tatarsy v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh [Kazan Tatars in statistics and Ethnography]. Kazan', [in Russian].

Faizrahmanova, 2009 – Faizrahmanova L.T. (2009). Muzykal'noe obrazovanie v Kazanskom uchitel'skom institute (1876–1917) [Music education in the Kazan teachers' Institute (1876–1917)]. *Iskusstvo i obrazovanie*. № 6(62). M., pp. 38-51. [in Russian].

Yavgil'dina, 2007 – Yavgil'dina Z.M. (2007). Muzykal'noe obrazovanie v obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Kazanskoj gubernii (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX vv.) [Music education in educational institutions of the Kazan province (second half of XVIII – early XIX centuries.)]. Kazan, TGGPU, 230 p. [in Russian].

Nurgayanova et al., 2015 – Nurgayanova N.Kh., Batyrshina G.I., Ahmetova L.A. (2015). Intercultural Interaction of the Volga Region Nations in the Context of Ethnomusical Traditions. *Biotechnology Research Asia*, Vol.12. № 3. pp. 2795-2801.

Stolyarova et al., 2016 – Stolyarova G.R., Rychkova N.V., Rychkov S.Y. (2016). Historical and cultural aspects of paganism among the peoples of Tatarstan. *Bylye Gody*, Vol. 39. Is. 1. pp. 67-75.

УДК 930.85

Этноконфессиональные отношения в контексте культуры и образования (Казанская губерния, XVIII – начало XX вв.)

Ляля Тагировна Файзрахманова^{а, *}, Екатерина Вячеславовна Коврикова^а

^а Казанский федеральный университет, Республика Татарстан, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и литературных источников освещаются некоторые аспекты межконфессиональных и межэтнических отношений в условиях историко-культурных процессов, развивавшихся в период XVIII - нач. XX вв. на территории Казанской губернии. Показано значение историко-культурных предпосылок и региональных особенностей, их влияние на характер исследуемых отношений. К важнейшим предпосылкам отнесены: географическое местоположение указанной территории, имевшей значение «перекрестка» торговых и культурных связей между Западом и Востоком, Европой и Азией; многонациональный и поликонфессиональный состав населения; исламский пласт болгаро-татарской культуры; политика российского государства в вопросах религии; европейское влияние на развитие культуры (просвещения) в России, демократические процессы в российском образовании, «джадидизм» в мусульманской культуре, система «инородческого» просвещения как культурное явление в истории межконфессиональных и межэтнических отношений; веротерпимость как условие деятельности образовательных учреждений; последовательное превращение Казани в культурно-просветительный центр народов Поволжья и Приуралья. Показано развитие межконфессиональных отношений в регионе в специфических условиях многонациональной и поликультурной среды, в условиях многовекового сосуществования ислама, православия, язычества, исповедуемых основными этническими группами населения Казанской губернии. Выявлены основные тенденции политики российского государства, повлиявшие на характер развития межконфессиональных и межэтнических отношений в регионе. Сделан вывод о перспективах развития этноконфессиональных отношений с целью консолидации современного общества, что возможно при соблюдении необходимого баланса интересов всех конфессиональных групп и опоры на культурное разнообразие.

Ключевые слова: межконфессиональное и межэтническое взаимодействие, история, культура, просвещение, толерантность, Россия, Татарстан.

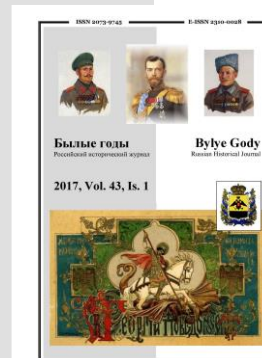
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lafaiz@gmail.com (Л.Т. Файзрахманова),
kewa969@yandex.ru (Е.В. Коврикова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 39-47, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.39
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799

Tatyana E. Gvarliani ^{a, *}, Larisa A. Koroleva ^b, Natalia V. Svechnikova ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article examines the first experience of creation of the Russian Empire of the sanitary affairs on the Caucasus in the middle – to late of the XVIII century. The attention is paid to the process of colonization, but also to the characteristic features of migrants' life.

As materials there were used the documents of the Central state historical archive of Georgia (Tbilisi, Georgia). The importance is given to the scientific publications on the topic of the study, published in pre-revolutionary and modern periods.

In conclusion, the authors state that the Russian Empire is faced with multiple problems during its promotion on the Caucasus. At times one of them was the inability to choose places with healthy climate for settlements or forts. As a result, it was determined the existence of significant casualties among the soldiers and representatives of the Russian administration from disease. Faced with these problems, the command began to strengthen the antiepidemic service of forces, authorized the establishment of hospitals and pharmacies. Thus, by the end of the XVIII century the Russian administration has started the systematic work on the creation of an extensive network of medical institutions in the Caucasus.

Keywords: medical activities, the Caucasus, 1736–1799 years, Caucasian province.

1. Введение

Организация санитарного, противоэпидемиологического дела на Кавказе в XVIII – начале XIX вв. являлось мероприятиями особой значимости. В это время Кавказ представлял ничем не защищенную открытую территорию, в результате чего прибывающие на Кавказ люди могли занести самые разные болезни. Так, например, в начале XIX века на черкесский берег турецкими торговцами завозилась чума, стоившая черкесам многочисленных жертв (Cherkasov et al., 2016: 383).

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). Важное значение имеют научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды.

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Так, например, метод был применен при рассмотрении эпидемиологической ситуации на Кавказе в контексте аналогичных процессов в Российской империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: antana-tata@mail.ru (T.E. Gvarliani), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova)

3. Обсуждение

Тема врачебной деятельности на Кавказе является одной из слабоизученных в кавказской тематике. Трудов, посвященных специально этой теме практически нет, поэтому мы хотели бы рассмотреть две группы работ, в которых нашли эпизодическое освещение изучаемые нами аспекты:

первая группа – труды, в которых рассматриваются вопросы становления санитарного дела в общероссийском масштабе и за рубежом;

вторая группа – исследования, повествующие о жизни на Кавказе и в которых рассматриваются врачебные вопросы.

К первой группе исследований можно отнести следующие работы: А.А. Ахмеджанова и Е.В. Ермалаева «Развитие санитарного дела в России» (Ахмедханов, Ермолаева, 2016), работу Е.Н. Беляева, Л.Г. Подуновой, И.Б. Коростелева «Истоки санитарного дела в России» (Беляев и др., 2007). Проблемы эволюции защиты детской жизни в период XVIII–XXI вв. рассмотрели В.Ю. Албицкий и С.А. Шер (Albitskiy, Sher, 2014). Теме создания национальных военно-морских больниц в Российской империи в XVIII веке уделил внимание А.В. Костиюков (Kostiukov, 2011).

Вторая группа исследований представлена работами Е.И. Иноземцевой о Терско-гребенском казачестве в XV–XVIII вв. (Иноземцева, 2011), а также трудами Д.В. Сень о привлечении нового корпуса источников по истории казачества и о казачьих сообществах на территории Дона и Кавказа (Сень, 2009; Сень, 2011) и др.

4. Результаты

4.1. Климато-географическое описание

Будучи небольшим перешейком между Черным и Каспийским морями, Кавказ в физическом отношении представляет сочетание горных хребтов, более или менее высоких плоскостей, котловин, долин, ущелий и приморских низменностей. Главный хребет Кавказских гор делит его в диагональном направлении, начиная от Кубанского лимана до Апшеронского полуострова, на северную и южную половины, или на Северный Кавказ и Закавказье, проводя резкую границу между ними не только в топографическом и климатическом отношении, но и в характере органической жизни. И эта граница, подтверждаемая также термометрическими наблюдениями, особенно зимними, не есть достояние новейшей эпохи, но, судя по находимым останкам животных и растений, она проявлялась уже довольно резко и в более ранний период меловой формации и в более позднюю эпоху третичной формации.

Северная сторона Кавказского хребта, постепенно понижаясь в ряду предгорий, идущих параллельными, во многих местах разорванными, горными грядами, переходит за реками Кубанью и Терек в плоские равнины, и только на пространствах между гор. Ставрополем и Кубанью имеются еще небольшие возвышенности, далее же в 200 км от хребта тянется непрерывная степь. По ней пролегла забытая уже теперь географическая граница Кавказа с внутренними губерниями России, которая начиналась недалеко от гор. Ейска, шла в юго-восточном направлении по Ейскому лиману, реки Эя и впадающей в последнюю речки Кушейки, близ селения Средний Егорлык, до сухого ложа озера Маньча, затем этим озером направлялась к границе Астраханской губернии, где снова шла по сухому ложу Маньча до озера Сарыкамыш и дальше по сухой границе до реки Кумы, которая и достигала Каспийского моря. Политическую границу Кавказа и России составляла так называемая Кавказская Линия, которая весьма мало походила на линию и представляла обширную область более 800 км шириной, между Черным и Каспийским морями, простиравшуюся от южно-русских степей Астраханской губернии и Земли войска Донского до рек Кубани и Терека, откуда по направлению к Кавказскому хребту шли Закубанские и Чеченские (или вообще горские) владения. Меридиональный подъем, прошедший через высшую точку Кавказского хребта Эльбрус (5600 м), образовал два крупных речных бассейна: 1) западный – реки Кубани, которая начинается у подножия Эльбруса и течет в Черное море и 2) восточный – реки Терека, который впадает несколькими рукавами в Каспийское море, а начинается двумя главными истоками – близ горы Казбек собственно Терек и от подножия Эльбруса речкой Малкой. Особенность этих двух речных бассейнов состоит в том, что все притоки впадают со стороны Кавказского хребта, то есть в Кубань с левой, а в Терек с правой стороны, что обуславливается конфигурацией местности, имеющей уклон с юга на север. Ближе к южно-русской степи хоть и имеются реки, но они в большинстве маловодны, не достигают морей и теряются в приморских песках или озерах. Таковы со стороны Терека Кума с Подкумком, Калаус и Егорлык и со стороны Кубани Бейсуг, Челбас и Эя. Протекая в низких берегах по мелкому глинистому ложу, они летом во многих местах пересыхают, превращаясь в стоячие лужи, в которых вода порастает водорослями и загнивает, отчего речка Средний Егорлык получила специфическое название «Вонючий». Только весной во время таяния снега и осенью во время дождей эти реки становятся полноводными, и вода в них хотя в это время сильно грязная, но не имеет того неприятного вкуса, который присущ ей в остальное время года. Само собой разумеется, что Кубань и Терек как реки многоводные, не имеют характера этих степных рек.

В своих верховьях, пролегающих в гористых местностях они представляют реки-потоки с бурным течением; в средних частях, по выходе речных лож на плоскость, течение довольно быстрое, но по мере приближения к морю оно постепенно замедляется, и в своих низовьях эти реки, благодаря

низменным берегам и сильным периодическим разливам, образуют обширные болота, поросшие камышом.

Такие болота многочисленны в устье Кубани и называются плавнями. У устья Терека таких плавней пять, но заболоченность и там выражена довольно ясно.

Характер почвы Северного Кавказа меняется с удалением от Главного хребта. Близ гор верхний слой ее состоит из чернозема, толщина которого, доходящая до 0,5 м и более, уменьшается по мере приближения к низменности и морскому берегу; затем чернозем заменяется суглинком, уступающим в свою очередь место глине и, наконец, ближе к южно-русской степи залегают обширные песчаные пространства, чаще солончакового характера. Давно когда то от Кавказского хребта на север тянулись дремучие леса, но остатки их сохранились только местами по верховьям Кубани и по Тереку; остальная же площадь уже совершенно обеслесена.

4.2. Население. Коренное население частью оседлое, а частью кочевое. Тезики, Окоченцы, Осетины, Кабардинцы, Абазины и Ногайцы живут оседло, к кочевому же населению принадлежат Калмыки Дербетовой орды, Трухметы, Караногайцы, Ногайцы Джембулукские и Едисанские и Шареты. Пришлое население явилось сюда главным образом с севера в лице поселян военного ведомства, то есть казаков, затем казенных и помещичьих крестьян и немецких и шотландских колонистов из Саратовской губернии, и в сравнительно небольшом числе с юга – преимущественно армяне и грузины.

Если в климатическом отношении Кавказ стяжал себе печальную известность «погибельного», то репутация такая установилась за ним именно благодаря рассматриваемой области. Пределы Кавказа по почтовому тракту из России начинались в селении Средне-Егорлыкском, которое и было воротами Кавказа. Находясь у речки Средний или Вонючий Егорлык, это селение было настолько неблагополучно в санитарном отношении, что там, в смрадной и душливой атмосфере болотных испарений невольно мерещилась всякому свежему человеку надпись над воротами Дантовского ада: «простись с надеждою, кто переступил мои пороги». Благодаря этому при первом знакомстве с Кавказом впечатление получается удручающее, и действительность несколько не была лучше. Кавказская Линия за время продолжительного периода ее колонизации в силу своих климатических особенностей поглотила массу пришлое население, и долгое время бывший столицей Кавказа город Георгиевск получил название «могилы коллежских ассесоров».¹

4.3. Колонизация. Начало колонизации Северного Кавказа относится еще к XIV столетию, но в 1555 году вместе с посольством от Кабардинцев или, как их тогда называли, «пятигорских черкас», явившемся в Москву к Иоанну Грозному с просьбою принять их под царскую державу, прибыли представители живших в соседстве с Кабардинцами русских казаков, чтобы бить челом Государю о своей покорности. Эти казаки были выходцы из Рязанского княжества, по присоединении последнего к Московской державе, жили на предгорьях Кавказского хребта – гребнях, в пяти городках, из которых один назывался Червленным. Следовательно, первые русские колонисты на Кавказе были добровольцы, по своему почину и на свой страх явившиеся сюда, «самодурью пошедшие в молодечество». Но со времени принятия русского гражданства кабардинскими князьями русская колонизация Кавказа стала уже предметом заботы Московского правительства, начавшего строить там крепости, в которых кроме царской рати привлекались к службе и казаки. Первой такой крепостью был «Терек», построенный в 1567 году на левом берегу Терека против впадения в него Сунжи. Позднее Петр Великий построил на рукаве Сулака около нынешнего аула Кази-Юрт новое укрепление, названное крепостью св. Креста, и под защитой последней расселил по левому берегу Сулака 1000 семейств донских казаков (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 7). Этим было положено начало принудительной колонизации Кавказа русским элементом, и первый опыт оказался весьма печальным по результатам. Место для поселения было выбрано крайне неудачно, отчасти на каменистой, отчасти на болотистой и при том совершенно безлесной почве. Кое-как, устроившись с семьями в землянках, казаки стали постоянно болеть лихорадками, а свирепствовавшая тогда чума уничтожала у них целые семьи. Через 10 лет от 1 тыс. семейств осталось только 464, а из 1800 казаков бывшего аграханского войска² не осталось и одной десятой доли. Конечно, нечего было и думать о дальнейшем насаждении русской колонизации в этом крайне негостеприимном месте, и не оставалось ничего другого, как уничтожить крепость и переселить их на другое место. Так и сделали. В 1736 году на Тереке в 70 километрах от устья была построена крепость Кизляр, а в 1763 году в среднем течении той же реки возводится небольшое укрепление, которое через 7 лет превращается в сильную крепость Моздок. Под защиту этих двух крепостей и переселились уцелевшие от вымирания остатки аграханского войска, названные Моздокским полком.

¹ Многие чиновники соблазнялись льготами, которые давала Кавказская служба, и главным образом чином Коллежского Ассесора, переводились на службу на Кавказ и гибли там. Георгиевск, как административный центр, концентрировал в себе большинство чиновничьего элемента.

² Аграхань – мыс св. Креста. Аграханское войско составили казаки, переселенные туда с Волги в XVIII столетии.

Нельзя сказать, чтобы новые города были вполне благополучными в санитарном отношении, и особенно Кизляр. Как пограничный пункт, защищавший южно-русские степи от набегов и хищничества горцев, он имел несомненно важное стратегическое значение, почему Кизлярская крепость, снабженная артиллерией, имела довольно большой гарнизон из всех трех родов оружия. В климатическом же отношении Кизляр не вызывал особых жалоб сравнительно очень недолго, всего только до 1749 года. В этом году было дозволено разведение чалтыка (сарачинского пшена) почти у самых стен крепости, и болезненность в гарнизоне сразу поднялась настолько, что иногда не доставало людей для занятия всех караульных постов, хотя гарнизон составляли три пехотных полка (трехбатальонных), две роты драгун и артиллерийская команда. В сентябре 1750 года в полковых лазаретах было 1369 больных лихорадкой и поносом. Страшная заболеваемость была причиной тому, что в июне 1751 года Навагинский и Куринский полки были выведены из Кизляра и заменены Тенгинским и гарнизонным Самарским (двухбатальонного состава). Понятно, что прилив новых людей дал новую пищу эндемическим болезням, и в следующем 1752 году от последних умерли в Тенгинском полку 323, а в Самарском 293 человека, – и это при среднем численном составе полка в 800 штыков (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 8).

Крайне неблагоприятное санитарное состояние Кизлярского гарнизона побудило возбудить вопрос об учреждении в Кизляре госпиталя, и Директор Медицинской Канцелярии Г.К. Бургаав 5 мая 1751 года написал в Военную Коллегию, что он считает устройство там госпиталя необходимым. Бургаав умер, не добившись ничего, а вступивший на его место П.З. Кондоиди 11 декабря 1753 года уведомил Военную Коллегию, что смертность в Кизляре не уменьшается, что полки наполовину опустошены болезнями и нуждаются в замене новыми, и что необходимо послать на летнее время в Кизляр доктора¹ для расследования причин болезненности на месте.

С разрешения Сената в 1754 году был назначен для этой поездки, по собственному желанию, живший без должности в Петербурге доктор Вилмав Гевитт, получивший от Кондоиди собственную им написанную инструкцию «для исследования причины умножающихся болезней и качества их в Кизляре». Доктор Гевитт прибыл в Кизляр 8 февраля 1755 года и прожил там полтора года. Вникнув в быт Кизлярской жизни и познакомившись с городом и его окрестностями, он составил довольно обстоятельное для того времени медико-топографическое описание Кизляра, но ближайших причин болезненности и смертности в Кизлярском гарнизоне не указал.

В донесениях доктора Гевитта с мая 1755 по февраль 1756 года нарисована следующая картина Кизлярской местности: местоположение Кизляра хотя и низко, но нетиновато и мало имеет болото, большие же болота, поросшие камышом, начинаются в 50 км от Кизляра по направлению к морскому берегу; употребляемая в качестве питьевой вода реки Терека вообще здорова, даже и во время половодья, когда она бывает сильно мутна, колодезная же вода в имеющихся нескольких колодцах всегда соленая и к употреблению не годна; воздух легкий и здоровый, бывающие весной и осенью, а иногда и летом, туманы, хотя стоят по несколько суток непрерывно, но от них народу какой бы вред был – не видно; колебания почвенной воды довольно значительные и находятся в зависимости от высоты воды в Тереке, причем на низменностях в половодье вода выступает над поверхностью земли вершков на 5 и более. Констатируя вместе с тем, что до 1749 года Кизляр был вполне благополучным местом, и никогда в одном полку не было больных более 40 или 50 человек, и, приводя, с чужих слов, повышение заболеваемости в зависимость от разведения близ Кизляра плантаций сарачинского пшена, Гевитт со своей стороны объясняет сильную заболеваемость тем, что в воздухе тогда было что-нибудь эпидемическое. Следовательно, *genio epidemico* пришлось расплачиваться и в данном случае. Да и по самому характеру господствующих болезней нельзя было связать их с какими-либо климатическими условиями. Так, осенью 1751 года преобладала перемежающаяся лихорадка, весной 1752 года господствовала ангина, а осенью горячки и рожа, в 1753 же году первое место заняли воспаления дыхательных путей в виде плевритов и пневмоний.

Таким образом, плачевное санитарное состояние Кизлярского гарнизона никак не укладывалось в рамку официальных донесений, сваливавших всю вину на пагубное влияние климата, и если доктор Гевитт не смог или не сумел выяснить истинную причину его, то, во всяком случае, доктору Гевитту принадлежит важная заслуга, что он правдиво нарисовал картину неприглядной солдатской жизни в то давно минувшее время, когда отцы-командиры смотрели на вверенную им войсковую часть, как на вотчину, данную для кормления, когда солдат был, прежде всего, тягловой крестьянин, которого можно было совершенно безнаказанно морить голодом, лишениями и

¹ Докторами в то время назывались только имевшие диплом доктора медицины, который получался в заграничных университетах. Не имевшие докторского диплома назывались лекарями, и, за малыми исключениями, были без высшего образования. Русские изучали медицину, конечно больше практически, в госпиталях в качестве лекарических учеников, по экзамену там же производились в подлекари и лекари, а затем по выслуге лет получали звание штаб-лекаря по особому личному экзамену, который был отменен для военных врачей Высочайше утвержденным 16 апреля 1837 года мнением Государственного Совета, после чего военные лекари производились в штаб-лекари без личного экзамена, на основании представления ими в Академию и Университет диссертации и наблюдений и аттестации штатного Медицинского Начальства.

непосильным трудом, когда при 25-летней обязательной службе между пожилыми солдатами было много дряхлых стариков, совсем не способных с деятельной полевой службой, а между тем считавшихся по спискам наряду со строевыми солдатами, когда можно было за всякую вину бить солдата нещадно батогами и гонять сквозь строй, сколько душа пожелает.

О жизни солдат в Кизляре есть подробные описания: «Жили солдаты в мазанках, построенных, по самые окна в земле, из глины и серого кирпича, высушенного на солнце, весьма жидких, с маленькими окнами, земляными полами, и весьма стертых от выступающих при полове Терека воды, которая заливала больше низкие казармы на ¼ аршина глубиной. Не трудно представить себе какой был воздух в подобных жилищах, и чем приходилось дышать солдату! В такой атмосфере, по солдатскому выражению, хоть «топор вешай!» Помимо строевых занятий солдаты являлись простыми рабочими, выполняя обычные работы по возведению и починке крепостных строений, изготовлению кирпичей, дров и т.д. С конца апреля или начала мая и до октября солдаты занимались возкой провианта из Фельшайской крепости¹ в Кизляр. Эта последняя работа была осколком волжского бурлачества и по санитарным условиям и по тяжести труда. Сначала нужно было перегрузить доставленный из Астрахани провиант с судов на баржи, что требовало пребывания целыми часами по грудь в воде даже в холодное осеннее время, а затем приходилось тянуть канатами нагруженные баржи в Кизляр по Тереку, идя по пояс в воде, накалывая камышом ноги и лямкой надрывая грудь. При таком тяжелом и подчас непосильном труде начальники предоставляли солдатам самим заботиться о своем продовольствии. Несмотря на бывшую тогда дешевизну съестных припасов солдаты по большей части кормились рыбой, которую сами же и ловили в Тереке, а потом, с июля до сентября, питались огурцами, арбузами и дынями.

Но если положение здоровых солдат было весьма неприглядно, то больных держали и того хуже. Полковые лазареты находились около одного км от крепости в форштате на возвышенном и песчаном берегу Терека, следовательно, по местоположению в лучших условиях, чем казармы, но они также были низки и до того тесны, что только половина больных с трудом помещалась в них, остальные же лежали в казармах при своих ротах, не пользуясь совсем лазаретным лечением. Внутренняя обстановка полковых лазаретов поражала своим убожеством. Кровати не было ни одной, больные лежали сплошь на нарах на каштановых рогожках без подушек и другой какой-либо подстилки. Больничную порцию – пиво, вино, калачи, мясо и масло получали лишь весьма немногие счастливицы, не более 10 человек, остальным же никакой порции не производилось, даже дров, которые заготавливались самими же солдатами, не давали в лазарет достаточно, и больные месяцами не мылись в бане. Вообще лазаретное довольствие было весьма скудное, и больные терпели недостаток положительно во всем.

К таким то жизненным условиям должны были приспособляться солдаты, и если старослужащие еще сколько-нибудь успевали в этом, зато на новобранцев они обрушивались сразу весьма своими невыгодными сторонами, и молодые солдаты не только болели часто и подолгу, но и мерли как мухи. Так из прибывших в 1755 году на укомплектование Тенгинского и Самарского полков 875 рекрут в шесть месяцев, с июля 1755 г. по февраль 1756 г., умерли 51, а остальные почти поголовно болели кровавым поносом» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 100б.).

Медицинская Канцелярия и в частности Директор ее П.З. Кондоиди, из донесений доктора Гевитта, конечно, ясно видим, что в печальном санитарном состоянии Кизлярского гарнизона играли немаловажную роль, помимо климата, и другие причины, ничего общего с климатом не имеющие, а что военное начальство губительным влиянием климата старается прикрыть свое нерадение и даже злоупотребления.

Проектированные ею меры, направленные главным образом на устранение санитарных недостатков казарменной обстановки солдат и служебной их деятельности, были представлены 9 сентября 1755 года Военной Коллегии, которая одобрила их и 30 апреля 1756 года, то есть почти через семь месяцев, сделала соответствующее постановление. Кондоиди, как опытный администратор, знал, что распоряжения Военной Коллегии могут остаться только на бумаге, если за выполнением их не будет должного наблюдения, тем более в таком окраинном пункте, как Кизляр, почему ему и хотелось оставить там доктора Гевитта, но последний рапортовался больным и просил уволить его от дальнейшего пребывания. Он выехал из Кизляра в июне 1756 года, и после его отъезда все пошло по старому, так как полковые лекари были совершенно бессильны в борьбе с бюрократическим произволом, Гевитта же Кизлярское военное начальство, хотя немного да побаивалось и не потому, конечно, чтобы он был обличен какими-либо особыми правами, а единственно лишь вследствие его непосредственных сношений с Медицинской Канцелярией. Что же касается до учреждения в Кизляре госпиталя, то этому воспротивился Главный Комиссариат на том основании, что по действующему в то время положению госпиталь разрешалось учреждать только в резиденциях и главных портах, к каковым Кизляр не принадлежал, почему в устройстве там госпиталя было окончательно отказано.

По всей вероятности, весь практический результат поездки доктора Гевитта в Кизляр свелся к тому, что военное начальство в своей отписки по поводу значительной болезненности и смертности

¹ Фельшайская крепость находилась в 50 км от Кизляра и в 20 км от Каспийского моря.

Кизлярского гарнизона перестало ссылаться на губительное действие климата и всю вину переложило на недостаток врачей; «от того велика смертность, что мало лекарей» стало излюбленной фразой всех официальных донесений. Военная Комиссия обратила должное внимание и на этот аргумент, и по Высочайшему повелению 22 марта 1767 года в Кизлярскую крепость для гарнизона были назначены один штаб-лекарь и два лекаря, сверх лекарей, имевшихся там по одному при каждом батальоне. Таким образом, лекарей стало уже вполне достаточно, улучшения же никакого не последовало ни вскоре, ни много лет спустя, и в 1798 году в течение только четырех месяцев, август-ноябрь, умерло от болезней в Кизлярском гарнизоне князя Уракова полку 652 человека, или, иными словами погибло более половины полка.

То, что происходило в Кизляре, не было единичным явлением, а имело место в большей или меньшей степени на всей Кавказской Линии, которая в начале XIX столетия занимала довольно значительное протяжение.¹ По этой Линии в крепостях, редутах и на постах были расположены войска Кавказской Инспекции² в числе 20 батальонов пехоты и 20 эскадронов тяжелой кавалерии, а именно полки: 4 драгунских (5-ти эскадронные Таганрогский, Нижегородский, Нарвский и Владимирский), 1 гренадерский (Кавказский), 4 мушкетерских (3-х батальонные Кабардинский, Казанский, Суздальский и Тифлиссский), 2 егерских (2-х батальонные 17-й и 18-й) и 2 гарнизонных на полевом содержании (даухбатальонный Кизлярский и однобатальонный Моздокский) (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 12). Из наиболее важных пунктов, занимавшихся ими, можно отметить: гор. Ставрополь, Георгиевск, Александров, Кизляр и Моздок; крепости Прочноокопскую, Григориполисскую, Екатериноградскую, Северную, Московскую, Усть-Лабинскую, Кавказскую, Шелкозаводскую и Константиногорскую; слободу Прохладную, селение Павлодольское и станицу Наур. Кроме того, далеко впереди Линии, у самого подножья Кавказского Хребта, на пути сообщения России с Грузией, была занята крепость Владикавказская, возобновленная в 1800 году из Владикавказского поста, который в числе других небольших укреплений был учрежден еще в 1784 году в эпоху начинавшегося сближения России с Грузией, когда возникла необходимость частых и непрерывных между ними сношений, но в следующем затем 1785 году был нами оставлен,³ после того как весной того года пришлось похоронить там 1300 человек, умерших от цинги. Цинготная эпидемия достигла такой величины, почти беспримерной в источниках русской медицины, интенсивности, что из 1500 человек, бывших на Владикавказском посту, осталось в живых только 200 (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 12).

Предпринятое в исходе XVIII столетия переселение на Линию казачьих войск целыми казачьими обществами в их полковом составе достигло значительных размеров и активно поддерживалось правительством, благодаря этому быстро возникали группы новых казачьих станиц. Так вслед за поселением в 1777 году у Ставрополя и в его окрестностях Хоперского казачьего полка с р. Хопра, к Александрову, кр. Павловской, Екатеринограду и Моздоку переселились Волжские казаки с р. Волги, а Черноморья заселилась казаками, составившими Черноморское казачье войско. Несколько позднее переселение достигло Кубани, куда первым пришел в 1797 году Кубанский казачий полк, и в начале XIX столетия там же образовался из Слободско-Украинских казаков Кавказский казачий полк.

В административном отношении Линия была первоначально причислена к Астраханской губернии и разделена на 5 уездов.⁴ В 1786 году она была преобразована в губернию под именем Кавказского Наместничества с административным центром в Екатеринограде. Это наместничество, однако, просуществовало недолго, и в 1790 году снова была восстановлена зависимость Линии от Астраханской губернии, но и это продолжалось также недолго. В 1803 году была образована Кавказская губерния с губернским городом в Георгиевске. Этот последний представлял буквально губернскую деревню с бедняками-жителями. В нем было менее 10 домов, крытых тесом, все же дома – крестьянские мазанки⁵ без полов, крытые камышом или соломой и построенные в хаотичном порядке.

Лучший дом был губернаторский, в нем было 4 небольших комнаты и 2 маленьких кладовых. В городе была одна деревянная церковь. Немощенные улицы утопали в грязи, и жители по своей бедности не в состоянии были отбивать, какие бы то ни было, повинности для улучшения города.

¹ Линия начиналась от Кизлярской крепости, шла вверх по течению Терека до Моздока, затем вверх по реке Малке до поста Беломечетского, где Малка делает крутой поворот в горы; отсюда шла уже сухопутная граница, пролежавшая сзади Бештовых гор (Пятигорья) и упиравшаяся в реку Кубань ниже места, назвавшегося также «белой мечетью», откуда Линия направлялась вниз по Кубани до жилищ Черноморских казаков и оканчивалась за Усть-Лабинской крепостью Воронежским редутом.

² В то время еще не существовало военных округов, и войска группировались по отдельным инспекторствам.

³ Он назывался также Капкайским полком по имени расположенного близ него Осетинского аула Капкай.

⁴ Георгиевский, Кизлярский, Моздокский, Ставропольский и Александровский.

⁵ Плетневые хижины, обмазанные глиной.

По селам и станицам Кавказской губернии солдаты жили в таких же мазанках, как и поселенцы на Линии, в крепостях же и редутах хотя и строились казармы, но, конечно же, лучше Кизлярских, и притом они весьма скоро приходили в упадок, запускаясь и обваливались. Граф Гудович во всеподданнейшем рапорте от 20 сентября 1806 года доносил императору Александру I: «крепости не только старые, но и вновь построенные на Кубани, совершенно опущены и строение в них обвалившееся, ...повсеместно все упало, казармы и конюшни для драгунских полков рушились».

С продовольствием войск на Линии мы познакомились отчасти из описания жизни Кизлярского гарнизона, но Кизляр по своему сравнительно близкому положению к Астрахани, откуда доставлялся провиант на Линию, был еще счастливым. В более отдаленных пунктах вследствие несвоевременной доставки провианта солдатам нередко приходилось голодать. В крепости Владикавказской батальон Казанского мушкетерского полка 4 дня оставался без хлеба по случаю неприбытия транспорта с провиантом из Моздока, так что люди от голода дошли до того, что были не в силах нести службу.

Санитарный надзор в войсках лежал на лекарях, которых по указу Сената 10 декабря 1757 года было положено иметь по военному времени в каждом батальоне по одному. Однако, за недостатком штатного количества лекарей их в полках почти никогда не было. Для мирного времени тогда действовал штат 1733 года с дополнениями 1735¹ и 1755² годов, по которым полагался в пехотных и полевых полках 1 полковой лекарь с подлекарем, в гарнизонных же полках по ведомости Военной Коллегии 21 сентября 1737 года и штату 2 марта 1764 года полагался только 1 лекарь. Служебное положение полковых лекарей было сложным. Находясь в прямом подчинении своих полковых командиров и, не имея непосредственной связи со своим медицинским начальством, они могли быть только «бессильными наблюдателями всех зол бюрократического растления» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 13). Да и высшее в военном ведомстве медицинское учреждение, призванное блюсти санитарные нужды армии, Медицинская Канцелярия Военной Коллегии не имела никакой самостоятельности и в свою очередь играла роль консультанта по медицинским делам при Военной Коллегии.

Больные из частей войск лечились в своих войсковых лазаретах, где их содержали на счет вычета половины денежного жалованья за все время пребывания там и полного хлебного и мясного довольствия; если же этого оказывалось мало, то вычитали все жалованье полностью. Лазаретное содержание во всем было довольно скудное, и на все представления лекарей по этому поводу полковое начальство неизменно отвечало, что «нет такой суммы денег, чем бы их (больных) по надлежащему можно содержать было» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1012. Л. 94).

Изменил к лучшему содержание солдат в лазаретах князь Потемкин-Таврический. Сознавая недостаточность для пользования больных на Кавказской Линии ограничиться одними войсковыми лазаретами, он 22 октября 1787 года учредил на счет экстраординарной суммы Георгиевский корпусный госпиталь на 100 человек больных, явившийся таким образом первым госпитальным учреждением на Кавказе. Личный медицинский персонал этого госпиталя состоял из 1 доктора, 2 лекарей и 8 подлекарей. Первым доктором в него был назначен Иоганн-Валентин Герике и первым лекарем Иоганн-Готтлиб Траутвейн. Когда для улучшения санитарного состояния войск Высочайшим повелением 18 февраля 1798 года приказано было учредить при всех полках полковые лазареты по особому примерному положению, составленному особым комитетом под председательством Цесаревича Александра Павловича и Высочайше утвержденному 12 марта 1798 года, причем мера эта повела за собой закрытие многих госпиталей в империи, как сделавшихся ненужными, Георгиевский госпиталь не только не был признан лишним, но Военная Коллегия тогда же постановила содержать его из общих сумм на военные расходы. Через 10 лет после открытия, госпиталь пришел в ветхость и «стал неспособным к содержанию больных», вследствие чего по предписанию Военной Коллегии комиссариатский комиссионер в Екатеринограде 26 августа 1798 года выслал главнокомандовавшему Кавказской дивизией графу Моркову единовременно 5411 руб. 61 коп. для приведения в госпитале капитального ремонта. Характерно при этом то обстоятельство, что Военная Коллегия, принимая Георгиевский госпиталь в свое ведение, не могла выяснить, кем он был учрежден и на какое число больных рассчитан, а генерал Кнорринг 19 июля 1799 года донес ей, что «Георгиевский госпиталь учрежден, сколько известно, около 1787 года в командование Кавказскою дивизией генерала-аншефа Текелли». Трудно, конечно, допустить, чтобы через 10–12 лет совершенно забылось имя основателя первого госпиталя на Кавказе, но несомненно, что генерал-аншеф Текелли никакого участия в учреждении Георгиевского госпиталя не принимал.

Аптечных учреждений Кавказская Линия не имела до 1797 года. Войска Кавказской Инспекции получали медикаменты и другие аптечные припасы из Астраханской полевой аптеки. По отдаленности ее и отсутствию правильных и частых сообщений Линии с Астраханью лазареты частенько оставались без лекарств, и больных приходилось пользоваться народными средствами. В связи с этим по распоряжению императора Павла I 5 июня 1797 года Астраханская полевая аптека была переведена в гор. Георгиевск.

¹ Резолюция Кабинета при Императрице Анне.

² Высочайший указ.

5. Заключение

Завершая необходимо отметить, что Российская империя при своем продвижении на Кавказ столкнулась с многочисленными проблемами. Одной из них являлась зачастую невозможность выбора места со здоровым климатом под населенные пункты или под крепости. В результате это предопределило наличие значительных потерь среди военнослужащих и представителей русской администрации от болезней. Столкнувшись с этими проблемами, командование начало усиливать противоэпидемиологическое обслуживание войск, санкционировало создание лазаретов и аптек. Таким образом, к концу XVIII века русская администрации приступила к планомерной работе по созданию разветвленной сети врачебных учреждений на Кавказе.

Литература

Ахмедханов, Ермолаева, 2016 – Ахмедханов А.А., Ермолаева Е.В. Развитие санитарного дела в России // *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. 2016. Т. 6. № 1. С. 208.

Беляев и др., 2007 – Беляев Е.Н., Подунова Л.Г., Коростелев И.Б. Истоки санитарного дела в России // *Здоровье населения и среда обитания*. 2007. № 8. С. 7-11.

Иноземцева, 2011 – Иноземцева Е.И. Терско-гребенское казачество как неотъемлемая часть северокавказской историко-культурной общности (XV–XVIII вв.) // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. 2011. С. 225-236.

Сень, 2009 – Сень Д.В. Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // *Культурная жизнь Юга России*. 2009. № 31. С. 49-51.

Сень, 2011 – Сень Д.В. Из вольных казаков – в подданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII в. // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2011. № 5. С. 46-54.

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Albitskiy, Sher, 2014 – Albitskiy V.Y., Sher S.A. (2014). Source of the Document Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny [The protection of infant life: from XVIII to XXI century (the input of physicians and scientists of the Research Center of Children Health of the Russian Academy of Medical Sciences)] / *NII sotsial'noi gigieny, ekonomiki i upravleniia zdravookhraneniem im. N.A. Semashko RAMN*; (2), pp. 42-45

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40, Is. 2, pp. 382-391.

Kostiukov, 2011 – Kostiukov A.V. Establishment of national naval hospitals in the XVIII century // *Voенно-meditsinskii zhurnal*. Vol. 332, Is. 11, 2011, pp. 84-89.

References

Akhmedkhanov, Ermolaeva, 2016 – Akhmedkhanov A.A., Ermolaeva E.V. (2016). Razvitie sanitarnogo dela v Rossii [The development of sanitary service in Russia]. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii*. Т. 6. № 1. pp. 208. [in Russian]

Belyaev i dr., 2007 – Belyaev E.N., Podunova L.G., Korostelev I.B. (2007). Istoki sanitarnogo dela v Rossii [The origins of sanitary affairs in Russia]. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya*. № 8. pp. 7-11. [in Russian]

Inozemtseva, 2011 – Inozemtseva E.I. (2011). Tersko-grebenskoe kazachestvo kak neot'emlemaya chast' severokavkazskoi istoriko-kul'turnoi obshchnosti (XV–XVIII vv.) [The Terek-Grebensky cossacks as an integral part of the North Caucasian historical and cultural community (XV–XVIII centuries)]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. pp. 225-236. [in Russian]

Sen', 2009 – Sen' D.V. (2009). Noveye istochniki po istorii kazachestva na Severnom Kavkaze kontsa XVII veka [The new sources on the history of the cossacks in the North Caucasus in the late of XVII century]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. № 31. pp. 49-51. [in Russian]

Sen', 2011 – Sen' D.V. (2011). Iz vol'nykh kazakov – v poddannye krymskikh khanov: kazach'i soobshchestva dona i Kavkaza v kontse XVII – nachale XVIII v. [From free cossacks to the lieges of the khans of Crimea: the cossack communities of the Don and the Caucasus in the late XVII – early XVIII centuries]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. № 5. pp. 46-54. [in Russian]

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The Central state historical archive of Georgia].

Albitskiy, Sher, 2014 – Albitskiy V.Y., Sher S.A. (2014). Source of the Document Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny [The protection of infant life: from XVIII to XXI century (the input of physicians and scientists of the Research Center of Children Health of the Russian Academy of Medical Sciences)] / *NII sotsial'noi gigieny, ekonomiki i upravleniia zdravookhraneniem im. N.A. Semashko RAMN*; (2), pp. 42-45. [in Russian]

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 40, Is. 2, pp. 382-391.

Kostiukov, 2011 – Kostiukov A.V. (2011). Establishment of national naval hospitals in the XVIII century. *Voенно-meditsinskiĭ zhurnal*. Vol. 332, Is. 11, pp. 84-89.

УДК 94

Становление русской врачебной деятельности на Кавказе в 1736–1799 гг.

Татьяна Евгеньевна Гварлиани ^{a, *}, Лариса Александровна Королева ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается первый опыт создания Российской империей санитарного дела на Кавказе в середине – конце XVIII века. Уделено внимание процессу колонизации, а также характерным особенностям жизни переселенцев.

В качестве материалов были использованы документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). Важное значение имеют научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды.

В заключении авторы отмечают, что Российская империя при своем продвижении на Кавказ столкнулась с многочисленными проблемами. Одной из них являлась зачастую невозможность выбора места со здоровым климатом под населенные пункты или под крепости. В результате это предопределило наличие значительных потерь среди военнослужащих и представителей русской администрации от болезней. Столкнувшись с этими проблемами, командование начало усиливать противоэпидемиологическое обслуживание войск, санкционировало создание лазаретов и аптек. Таким образом, к концу XVIII века русская администрация приступила к планомерной работе по созданию разветвленной сети врачебных учреждений на Кавказе.

Ключевые слова: врачебное дело, Кавказ, 1736–1799 гг., Кавказская губерния.

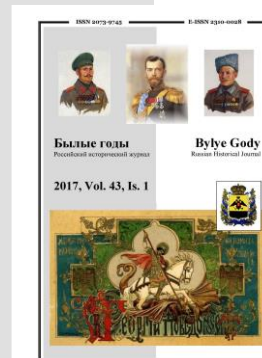
* Корреспондирующий автор

E-mail: antana-tata@mail.ru (Т.Е. Гварлиани), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева),
Svetchnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 48-58, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.48
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(4)

Participation of Aral Military Flotilla in the Accession of Central Asia to the Russian Empire

Yuri F. Katorin ^{a,*}, Aleksey V. Shadymov ^b, Aleksandra Yu. Glebanova ^c

^a Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Russian Federation

^b NEIL "Radian" Ltd., Russian Federation

^c Peoples Friendship University of Russia, Russian Federation

Abstract

In this article it is told about some aspects of the history of the achievement of Central Asia by the Russian Empire in XIX the century, in this case primary attention is diverted role in this process of Aral military flotilla. The history of creation and formation of flotilla, its base is given, are analyzed reasons caused the application of warships in this region, in detail are described its ships, their special features and technical characteristics. It is in detail described about studies of Aral sea, determination of astronomical points along the coast, position it is mouth Syrdari and Amu-Dar'ya, carried out the lieutenant commander A.I. Butakovym, and are also described basic expeditions for these rivers. It is told about the combat employment of ships of flotilla both directly in combat and for the supply of the expeditionary troops. The data about attempts at the adjusting of commercial navigation for the transportation of loads and passengers are cited.

Keywords: achievement of Central Asia, Aral sea, Syrdarya, Amu-Dar'ya, the lieutenant commander A.I. Butakov, the General of V.A. Obruchev, Khivinskiy is march 1873, Aral flotilla.

1. Введение

Аральское море в последнее время привлекает внимание многих специалистов. С одной стороны, Аральская экологическая катастрофа стала, вероятно, наиболее масштабным техногенным бедствием современности, а с другой, планируемое строительство трансасиатского транспортного коридора (Trans-Asian Railway – TAR), по-видимому, еще более усугубит проблемы региона. В связи с этим, огромное значение приобретает критическое переосмысления всего исторического опыта хозяйственной деятельности в бассейнах рек Сырдарья, Амударья и Аральского моря.

Еще в 1739 году хан Абулхайр (1693—1748) и знатные старейшины Малой Киргизской орды попросили русских для защиты их земель от набегов джунгар соорудить на Сырдарье крепость-порт и организовать военную флотилию. Разрозненным казахам трудно было быстро собраться и вести войны, да и сами по себе они были мирным народом, никогда не совершавшим набеги на соседние страны и территории. Но из-за больших трудностей со снабжением в то время этого сделать не удалось (Шалекунов, 1966: 21). Только после того, как в середине XIX века прикаспийские туркмены добровольно приняли русское подданство, в Санкт-Петербурге решили организовать военный флот на Аральском море, с целью «пресечь хивинцам совершать переправу через Сырдарью для грабежей киргизов, а также для содействия сухопутным войскам в колониальных экспедициях, торговых и воинских перевозок, защиты прибрежных районов реки Сырдарья». Помимо этого, предполагалось использовать ее суда и для развития торговли на Аральском море. Появление на водах Средней Азии

* Corresponding author

E-mail addresses: katorin@mail.ru (Yu.F. Katorin), lcavs@mail.ru (A.V. Shadymov), glebanova2014@mail.ru (A.Yu. Glebanova)

невиданных до того времени вооруженных паровых судов произвело большое впечатление на местных жителей (Терентьев, 1903: т.1, 121).

Заказываемым для флотилии судам предстояло осуществлять плавания в чрезвычайно трудных условиях, как непосредственно по довольно бурному Аральскому морю, так и по двум великим среднеазиатским рекам — Амударье и Сырдарье. При этом реки обладали весьма своеобразным «характером» — при высокой начальной скорости воды, которая, например, при сравнительно большом перепаде высот Амударья, летом приобретала характер потока, бурно несущегося по беспредельной песчаной равнине (Макшеев, 1896: 39).

В малую воду (с октября по апрель) течение становилось значительно тише, но и тогда, не будучи скована прочными берегами, а протекая по мягкому сыпучему песку, при весьма частых колебаниях уровня, река продолжала оставаться своеобразным капризным детищем пустыни. Еще более коварна Сырдарья, более мелководная и непредсказуемо меняющая свое русло. То, что в других местах называется фарватером, так часто меняет свое местоположение, что обвехование его условными знаками не имеет никакого смысла. (Сытин, 1911: 28-29)

Несомненно, что при таком чисто индивидуальном характере судовождения посадки на мель происходили не только из-за перекатов, оползания берегов и скорости течения, доходящей до 16 км/ч, но и весьма часто становились делом простого случая или лоцманской ошибки. Впрочем, низовья Сырдарьи человечество освоило еще в глубокой древности. Достаточно вспомнить оригинальные многоярусные глиняные башни-города джетыясарцев, открытые знаменитой Хорезмской экспедицией Сергея Павловича Толстова (1907–1976). Или Янги-Кент, бывший в X веке столицей гузов (Толстов, 2003). Нашествие орд Чингисхана опустошило район, надолго прервав развитие этого региона. На этих реках нельзя было пользоваться обычными способами речного судовождения, так как, прежде чем идти по фарватеру, его нужно было отыскать. Для этого существовал только один способ — солидный опыт плавания, который давался с годами и требовал большого напряжения зрения и памяти, при наличии особого лоцманского чутья. При проводке судов ориентировались по цвету воды. Будучи грязно-коричневой вообще, на глубоких и мелких местах она принимает различные оттенки. Сообразуясь с дневным освещением, направлением течения, размером бурунов и другими признаками, лоцманы направляли суда по фарватеру. С наступлением темноты пароходы приставали к берегу и вставали на швартовы до рассвета. Только в очень редких случаях плавание совершалось ночью, и то не на всех участках (Макшеев, 1896: 123-124).

2. Материалы и методы

2.1. Материалами послужили документы Центрального государственного архива Военно-морского флота, опубликованные отчеты, а также материалы дореволюционной периодической печати. Важное место занимают и современные исследования по истории присоединения Средней Азии к Российской империи.

2.2. Методологической основой работы послужили основополагающие методы объективности, системности и диалектической взаимосвязи явлений, методы историзма, сравнительного анализа и синтеза, способствующие критически-аналитическому осмыслению событий и фактов далекого прошлого, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

Обоснованность и достоверность исследования базируется на основе анализа большого количества архивных материалов и литературных источников и обеспечивается научной методологией, комплексным характером исследования, системным подходом и подтверждается строгой логикой выводов в соответствии с поставленными целями и задачами.

Результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе высших учебных заведений, а также в качестве справочно-аналитического материала специалистами.

3. Обсуждение

Роль Аральской военной флотилии до сих пор остается одним из наименее изученных эпизодов присоединения Средней Азии к Российской Империи, хотя, справедливости ради, следует отметить, что она рассматривается в трудах целого ряда специалистов. В первую очередь, о ней неизбежно упоминают историки, занимающиеся проблематикой Средней Азии, в частности Казахстана и Узбекистана (Коцанов, Джумашев, 1997), из которых, вероятно, наиболее значимые являются работы Б.В. Лунина (Лунин, 1970). Востоковедение также внесло значительный вклад в изучение данной темы (Лунин, 1965; Из истории, 1958) Во-вторых, Аральскую флотилию неизбежно упоминают историки, занимающиеся российской колонизацией Средней Азии, поскольку именно для этих целей флотилия и создавалась (Терентьев, 1903). Но следует отметить, что все они пишут об Аральской флотилии, как правило, фрагментарно, поскольку собственно флотилия, не являлась объектом их исследований и служила лишь фоном для описания соответствующих исторических процессов.

Серьезные подвижки в создании подробного и системного описания истории и боевой работы флотилии дают работы современного узбекского историка С.А. Сулайманова (Сулейманов, 2006), но, к сожалению, из-за малой известности его трудов за пределами Узбекистана, с ними практически незнакома русскоязычная научная общественность. Много внимания теме в ряде своих работ уделили

петербургский исследователь И.И. Черников (Черников, 2003) и запорожский Р.В. Лапшин (Лапшин и др., 2012), но их интересовали лишь определенные частные вопросы военно-технического аспекта, например, характеристики и судьба отдельных боевых единиц, и как следствие, их работы не создают целостного восприятия проблемы. А именно военно-технический аспект, рассмотренный комплексно, может представлять наибольший интерес. Например, для строительства судов флотилии активно привлекались мощности Воткинского завода. Последний факт особенно интересен в свете выявления истинного вклада этого завода в военное и гражданское судостроение в дореволюционной России.

Чтобы не загружать дальнейшее повествование справочно-библиографическим аппаратом, вкратце перечислим его. При работе над данной статьей были использованы «Памятные книжки Морского министерства» и официальные списки или регистры речных судов России, поскольку справочники по корабельному составу рассматривают Аральскую флотилию лишь эпизодично. Например, в известных работах С.П. Моисеева (Моисеев, 1948) и Ф.Ф. Веселаго (Веселаго, 1948) имеются данные лишь о четырех пароходах: «Арал», «Сыр-Дарья», «Самарканд» и «Ташкент». В случае противоречия источников, использовались сведения, которые, на мой взгляд, являлись наиболее вероятными.

Таким образом, изучение историографических работ по изучаемой теме свидетельствует, что тщательного анализа историографического наследия по истории Аральской флотилии мы не находим.

Начало будущей Аральской флотилии было положено возведением близ устья Сырдарьи на ее правом берегу в 1847 году Раимского укрепления¹, переименованного позднее в Аральское, и постройкой в том же году в Оренбурге двух двухмачтовых судов — военной шхуны «Николай» (главные размерения: 11,73 x 3,56 x 1,65 м; вооружение — две пушки; экипаж 19 чел.) и частного судна — «Михаил». В разобранном виде их доставили в Раим и там собрали (Лапшин и др., 2012: 142). Перевозимые узлы и детали судов размещались на полутора тысячах башкирских телег, запряженных верблюдами. Караван охраняли рота пехотинцев, две казачьи сотни и двухорудийная батарея. Подобные меры предосторожности были вызваны частыми нападениями хивинцев и мятежного казахского султана Кенесары Касымова. Возглавлял экспедицию лейтенант Алексей Иванович Бутаков (1816–1869) — представитель известной династии русских моряков, а для выполнения обязанностей матросов в его распоряжение, помимо 18 прибывших с ним специалистов, было выделено 36 солдат из четвертого оренбургского линейного батальона (Каторин, Кузнецов, 2014: 136).

Первая из шхун предназначалась исключительно для исследования Аральского моря, вторая — для организации в нем рыболовства. В следующем году там же построили еще одну, несколько большую по размерам, двухмачтовую шхуну «Константин» (главные размеры: 14,33 x 4,88 x 1,85 м; вооружение — две пушки; экипаж 27 чел.) которая, в отличие от первых, была вполне мореходной и могла безбоязненно производить описание моря в открытой части его акватории. (Лапшин и др., 2012: 143). Например, в августе 1848 года недалеко от острова Барсакельмес экипаж шхуны пережил сильную бурю, продолжавшуюся около трех суток (Костенко, 1870: 64). Однако, отправляясь на шлюпках к берегу для проведения исследовательских работ, членам экспедиции надлежало находиться в полной боевой готовности, ибо эпизодически происходили нападения конных отрядов хивинцев. В январе 1849 года Алексея Ивановича произвели в капитан-лейтенанты, а вскоре пришло известие об избрании его в действительные члены Императорского русского географического общества (Льмарев, 2006: 6).

Летом и осенью 1849 года капитан-лейтенант А.И. Бутаков ходил в плавание по Аральскому морю, которое тогда еще не знало кораблей, и составил карты его побережья; он же открыл Царские острова, из которых остров Николая довольно велик. На нем он обнаружил много сайгаков, которые приближались к матросам без страха, потому что еще не видели людей. 24 мая (5 июня) 1849 года экипажем шхуны был открыт остров Толмачева, а 30 августа (11 сентября) остров Беллингаузена. Этот опытный и образованный морской офицер впоследствии подробно исследовал все Аральское море, определил много астрономических пунктов вдоль побережья, а также положение устьев Сырдарьи и Амударьи. Экспедицией были произведены промеры глубин на значительной площади, установлено, что наибольшая из них равна 68 метрам; определены скорость и направление постоянного течения, идущего по ходу часовой стрелки, что отличало Аральское море от других морей Российской империи; изучены геологические особенности берегов Арала. Зимовала экспедиция на острове Кос-Арал, где Бутаков занимался обработкой астрономических наблюдений, разбором и систематизацией собранных за время плавания геологических и ботанических коллекций (Костенко, 1870: 65, Льмарев, 2006: 24).

Следует отметить, что на проведение съемки и описи берегов этого моря А.И. Бутакова, уже совершившего кругосветное плавание, рекомендовал знаменитый Фаддей Фаддеевич Беллингаузен

¹ Или форт Раим — первое российское военное укрепление в Приаралье. Раимское укрепление было построено в виде неправильного многоугольника, на мысу нагорного берега Сыр-Дарьи, круто возвышающегося на 17 м над поверхностью реки. Построено военным инженером К.И. Герном в 1847 г., в 1854 г. официально упразднено.

(Фабриан Готлиб; 1778—1852). В качестве художника и летописца А.И. Бутаков взял с собой ссыльного украинского поэта, рядового 2-й роты 4-го Оренбургского батальона Тараса Григоровича Шевченко (1814—1861), который именно там и создал свой знаменитый альбом «Берега Аральского моря». За гидрографические работы император Николай I наградила А.И. Бутакова орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1850 году, на основании исследований А.И. Бутакова, Гидрографический департамент Морского министерства издал карту Аральского моря, а позже, в 1867 году, офицер был награжден золотой медалью Лондонского географического общества за исследования этого моря и устья Амударьи (ЦГВИА РФ. Ф. 1396, Оп. 1, Д. 232, Л. 477, Лымарев, 2006: 29).

4. Результаты

Спустя три года (в 1850 г.) Оренбургский генерал-губернатор генерал-от-инфантерии Влади́мир Афа́на́сьевич О́бручев (1795—1866), желая организовать судоходство по Сырдарье, предложил построить 40-сильный пароход и 12-сильный паровой барказ к нему. Связывалось это с тем, что упомянутые выше шхуны имели морскую конструкцию корпусов и были пригодны только для плавания по Аральскому морю, но не по реке Сырдарья. Впрочем, идея основания парового судоходства принадлежит А.И. Бутакову (Лапшин и др., 2012: 144). В своих рапортах на имя генерала В.А. Обручева он неоднократно подчеркивал, что плавание по Аральскому морю с севера на юг «всегда легко и может совершаться скоро на парусных судах, но зато путь от юга к северу при господствующих северных ветрах весьма труден, в особенности на судах плоскодонных... Для успешного плавания по Аральскому морю необходимы пароходы». В качестве топлива для них, из-за отсутствия разработок угля в данном районе, решили использовать дрова из саксаула, для чего в течение всей навигации 1851 года «Николай» и «Константин» «занимались исключительно перевозкою этого растения с берегов Аральского моря на остров Кос-Арал» (Каторин, Кузнецов, 2014: 138).

Однако уже к октябрю того же года возникло предположение, что использование одного саксаула в качестве топлива «по причине казавшейся тогда ограниченности в количестве этого растения, а главное, по затруднительности его добывания и обращения в дрова», не обеспечит судоходство в требуемом объеме. Поэтому, «не взирая ни на какие издержки», пришлось заключить договор на доставку с Дона в Аральское укрепление 10 тыс. пудов (163,8 т) грушевого антрацита, по цене 1 руб. 20 коп. за пуд. Однако в дальнейшем использовался как уголь, так и саксаул, но в значительно большем объеме (Документы из архива, 1967: 248-250).

Заказ на просимые В.А. Обручевым суда на общую сумму в 37 445 руб. разместили в Швеции на заводе «Мотала» («Mekaniska Verkstad», Motala), а занимался этим вопросом на месте, посланный туда в 1850 году, капитан-лейтенант А.И. Бутаков. В целом же, с учетом перевозки и содержания нанятых в Швеции котельщика и механика, они обошлись в 49 347 руб. Построенные колесные пароходы в разобранном виде сначала по воде были доставлены в Санкт-Петербург, затем в Самару, далее на повозках в Оренбург, а до места сборки в Аральское укрепление (Раим) — на верблюдах (Военная энциклопедия, 1911: 48; Бларамберг, 1978: 126).

Первый из них — «Перовский» (водоизмещение 140 т, главные размеры: 35,81 x 6,55 x 0,91 м; вооружение — один 3/4-пуд. единорог со станком на вращающейся платформе в носу и два горных единорога на станках типа карронадных — в корме; корпус железный; мощность паровой машины 40 сил), по сборке был спущен на воду 26 февраля 1853 года. Второй — железный барказ «Обручев», (водоизмещение 16 т, главные размеры: 21,34 x 2,79 x 0,7 м; в носу и корме имелись приспособления для установки, в случае необходимости, по одному горному единорогу; корпус железный; мощность паровой машины 12 сил; экипаж 14 человек) — 4 апреля того же года. Чтобы суда могли осуществлять плавания по морю, они имели выдвижные кили (Лапшин и др., 2012: 144).

Первыми командирами пароходов стали, соответственно, капитан-лейтенант А.И. Бутаков (он же руководил их сборкой, а в 1853 г. был назначен начальником созданной им же Аральской флотилии) и лейтенант Христофор Петрович Эрдели (1824—1872). Весной 1853 года «Перовский» совершил первое в истории плавание вверх по Сырдарье, а в следующем году состоялся его первый боевой дебют — участие в поддержке войск при взятии кокандской крепости Ак-Мечеть (Белая мечеть), которую переименовали в форт Перовский (позднее и до 1925 г. — Перовск; затем Кзыл-Орда). Крепость была заложена Омар-ханом (Amir Umaqon; 1787—1822), правителем Кокандского ханства в 1820 году как форпост Коканда в казахских степях, гарнизон состоял из 300 кокандцев при 3 орудиях. Участвовавший в этой операции Х.П. Эрдели при штурме Ак-Мечети командовал флотским десантом, и за отличие награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (Кротков, 1895: 146).

После взятия Ак-Мечети хивинцы перестали переправляться через Сырдарью и нападать на казахские племена, принявшие российское подданство, кроме того способствовало в дальнейшем завоеванию всего Кокандского ханства. Осенью этого же года экипажи судов Аральской флотилии принимали участие в отражении атаки кокандского войска на форт Перовский и захвате артиллерии противника. Вскоре после этого вдоль нижнего течения Сырдарьи был возведен ряд укреплений, названный Сырдарьинской линией — Казалинск, Карамакчи и с 1861 года Джулек (Военная энциклопедия, 1911: 124).

«Обручев» же совершил свое первое плавание только в 1855 году. Причиной такой задержки стали деревянные части судна — изготовленные на нижегородской фабрике не по нужным размерам, они потребовали долгой подгонки. В том же году на Аральское море доставлены еще семь железных гребных судов (Лапшин и др., 2012: 145).

В 1857 году флотилия под командованием Бутакова принимала участие в экспедиции в Аральское море и устье Амударьи, для производства изысканий. В июне 1858 года на пароходе «Перовский» Бутаков поднялся по Амударье вверх до Кунграда и произвел съемку и гидрографическое исследование этой реки. В 1858 и 1859 годах пароходы совершили плавание в устье Амударьи, чтобы отвезти на родину возвращавшегося из Российской империи бухарского посла Неджметдина-Ходжу (Кротков, 1895: 148). Однако бухарский посол отказался вернуться в Бухару на российском пароходе. Тем не менее, оренбургский генерал-губернатор Александр Андреевич Катенин (1800–1860) приказал Бутакову отправиться в восставший Кунград, а оттуда — вверх по Амударье с целью «исследовать Аму и определить пункт, удобный для будущих наших торговых сношений в пределах Бухарии» (ЦГВИА, Ф. 1376, Оп. 1, Д. 230, Л. 74). Кораблям удалось достичь Кунграда и отогнать осаждавшие город хивинские войска, но отправиться дальше, в Бухару, они не смогли из-за резкого обмеления русла. В Кунграде же царила анархия и процветала торговля рабами (Аннамухамед Клычев, 1972).

Сообщая об этой экспедиции генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу (1827–1892), А.И. Бутаков в своем секретном рапорте от 31 июля 1858 года, в частности, отмечал: «По словам каракалпаков и прибрежных киргизов, страшно угнетаемых и обиравемых хивинскими властями, а поэтому смотрящих на русских, как на своих будущих избавителей, в нынешнем лете вода так высока, как никто не запомнит: это было заметно по затопленным берегам, очевидно, сухим в обыкновенные годы. Несмотря на это исключительное половодье, я убежден, что и в обыкновенном году плавание по Улкун-Дарье (разумеется, в половодье же) весьма легко до протока Кульден. Далее же по Талдыку и по главному руслу Аму-Дарьи плавание совершенно свободно». В 1859 году было проведено обследование и опись Амударьи вплоть до Нукуса (ЦГВИА, Ф. 148, Оп. 1, Д. 7, Л. 134; Лымарев, 2006: 124).

В течение лета 1863 года была проведена опись Сырдарьи от Перовска на протяжении 807 км. Гидрографические исследования судоходной части Амударьи и Сырдарьи продолжались вплоть до конца 1863 года. Во время боевых действий против Кокандского и Бухарского ханств с 1864 по 1868 год пароход «Перовский» и баркас «Обручев» осуществляли воинские перевозки. В том числе пароходом весной 1866 года был доставлен 10-дневный запас продовольствия и часть боевых припасов вверх по реке Сырдарье до Чиназа (Кротков, 1895: 148).

Правда, по мере накопления опыта эксплуатации, к этим судам появились определенные нарекания. Так, «Обручев», больше считавшийся паровой лодкой, в быстрых водах реки Сыра «особой пользы» не приносил, а «Перовский», с его полукруглым днищем, считался больше морским судном и при своей глубокой осадке часто оказывался на мели. Кроме того, из-за слабой машины, даже без груза, он, не доходя до Ходжента, уже не мог преодолеть течение реки (Лапшин и др., 2012: 145).

Поначалу вновь образованная флотилия, будучи в непосредственном подчинении Оренбургского генерал-губернатора, не имела ни определенных штатов, ни определенного положения по своему содержанию и существовала как бы полуофициально. Ее личный состав в среднем насчитывал около полусотни нижних чинов, из которых половина назначалась из Астрахани из 45-го флотского экипажа, а другая — из оренбургского линейного батальона, и содержалась она из имевшихся у Оренбургского генерал-губернатора сумм, «составлявшихся из поступлений с взносов от киргизов, башкиров и тептярей» (ЦГА РУз. Ф. И-1, Оп. 16, Д. 636, Л. 11-15). И только после высочайше утвержденного 26 декабря 1861 года положения об Аральской флотилии она стала входить в состав Российского Императорского флота. Правда, при этом Морское министерство занималось только комплектацией ее личным составом, постройкой судов и вообще «всей морской, технической и гидрографической» частями, относя все финансовые издержки на содержание флотилии на военное ведомство, где они проходили по смете отдельного оренбургского корпуса, командир которого являлся и главным ее начальником (Каторин, Кузнецов, 2014: 140).

Непосредственно на начальнике Аральской флотилии лежало только внутреннее управление ее делами. Первоначальный штат флотилии состоял из 249 человек — восьми штаб и обер-офицеров, 193 строевых нижних чинов и 48 нестроевых и мастеровых. Что касается стоимости грузоперевозок в двух имеемых баржах (полная грузоподъемность обоих около 3500 пудов или 57,33 т), буксируемых пароходом «Перовский» то, по предварительным подсчетам, один его рейс от форта №1 до форта Перовский и обратно при средней цене за пуд угля 1 руб. 30 коп. мог обойтись около 2500 руб. При использовании же саксаула, которого требовалось вчетверо больше, но при цене 6 коп. за пуд, стоимость того же рейса снижалась почти в пять раз (до 520 руб.). В пересчете средняя стоимость перевозки одного пуда груза, в первом случае обходилась в 30 коп., во втором — не дороже трех копеек. А вот сухопутная между теми же пунктами обошлась бы казне в 40–50 коп. за пуд. Для примера можно привести данные за 1867 год. Если бы все грузы и люди (пассажиры, применительно для пароходов) с багажом в навигацию того года перевозились на верблюдах подрядным, наиболее дешевым, способом, то это обошлось бы в 72 197 руб. 23 коп. Перевозка же на

судах обошлась в 19 938 руб. 13,5 коп., т. е. экономия составила более 50 тыс. руб. В действительности же она выглядела несколько больше, поскольку многие тяжести, как, например, артиллерийские грузы, на верблюдах перевозить было невозможно. Правда, и среднегодовое содержание самой флотилии выражалось суммой в 106 248 руб. 89 коп. Но при этом нельзя забывать, что она являлась некоммерческим предприятием (Сулейманов, 2006: 128).

Поскольку в обоих случаях доставка по воде обходилась дешевле, то было принято решение все необходимые предметы снабжения и припасы сухим путем перевозить из Оренбурга только до форта № 1, а далее от него до фортов № 2, Перовский и Джюлек — по Сырдарье, что требовало увеличения судового состава флотилии. Для этого на ее развитие государственным казначейством в 1859 году было отпущено 220 тыс. руб. и с этого же года стала создаваться и инфраструктура по обеспечению базирования судов флотилии. На указанную сумму в следующем году в Англии на заводе Гамильтона в Ливерпуле заказали два новых парохода, для чего туда вновь командировали А.И. Бутакова, ставшего к тому времени капитаном 1 ранга (с 1857 г.) и флигель-адъютантом (с 1860 г.) (Сулейманов, 2006: 130).

Поскольку имелось желание избежать недостатков, присущих прежним пароходам, то их решили построить плоскодонными, по системе Френсиса, из «желобчатого железа» (гофрированное) и с одним гребным колесом в корме. Первый из них получил наименование «Арал» (водоизмещение 149 т; главные размерения: 35,66 x 7,1 x 0,6/0,9 м; мощность паровой машины 40 сил; экипаж 40 чел.; стоимость с доставкой 30 080 руб.), второй — «Сыр-Дарья» (водоизмещение 70 т; главные размерения: 29 x 5,6 x 0,84/0,61 м; мощность паровой машины 20 сил; экипаж 20 чел.; стоимость с доставкой 16 100 руб.). Каждый из них поначалу был вооружен одним 3/4-пуд. горным единорогом. Одновременно с ними там же, в Ливерпуле, заказали двухсекционный плавучий док (стоимость около 30 тыс. руб.; длина и ширина каждой секции соответственно 12,8 и 9,14 м), баржу (грузоподъемность около двух тысяч пудов или 32,76 т) и шесть шлюпок (четыре длиной по 6,1 м и две — по 5,01 м). Для их постройки использовалось то же железо, что и для пароходов. Помимо перечисленного, тогда же Камско-воткинскому заводу поручили строительство трех двухмачтовых парусных барж (длина и ширина каждой 27,43 и 5,48 м, грузоподъемность — по 3500 пудов, или 57,33 т), а несколько позже, двух больших и двенадцать малых одномачтовых парусных барказов (первые имели длину и ширину 11,28 и 3,12 м, вторые — 7,92 и 2,29 м соответственно) (Лапшин и др., 2012: 144; Юлдашев, 1961: 120).

Эти и последующие пароходы и другие плавсредства флотилии собирались уже в форте № 1 (Казалинске), расположенном на правом берегу Сырдарьи на соединении двух караванных путей из Бухары и Хивы, куда осенью 1854 года из Раймского укрепления перенесли верфь и который стал базой Аральской флотилии. Правда, в нем отсутствовал удобный затон, где бы ее суда могли зимовать безопасно, особенно весной во время ледохода. Зато перемещение укрепления всего на 30 км позволило взять под контроль не только водные, но и сухопутные торговые коммуникации. Впрочем, военная история Казалинска была очень недолгой — стремительно расширявшиеся границы страны скоро свели его стратегическое значение на нет (Юлдашев, 1961: 123).

На новом месте для обеспечения деятельности флотилии в 1860–1863 годах были построены кузница, шлюпочный и машинный сарай и два склада, а в 1864 году сделана пристройка к машинной мастерской для парового котла и устроен еще один склад. На всех судах флотилии развеялся Андреевский флаг, а с созданием Туркестанской области и образованием с 14 июля 1867 года Туркестанского военного округа она стала подчиняться его командующему. В 1862 года все заказанное доставили в форт № 1, где после сборки первым 29 июля того же года на воду сошел пароход «Сыр-Дарья», вторым, 29 октября — «Арал». После пополнения флотилии пароходами и другими плавсредствами ее численный состав пришлось пересмотреть, и по новому штату от 18 июня 1866 года он был увеличен до 357 человек (14 штаб и обер-офицеров, 238 строевых нижних чинов и 105 нестроевых). Помимо ранее перечисленных судов, в 1863 году в составе флотилии числились еще два одномачтовых парусных парома длиной 18,29 и шириной 5,49 м каждый. Оба они, как и упомянутые выше 16 барказов, находились в распоряжении комендантов фортов. Первые служили перевозочными средствами, вторые — для переправы через реку (Терентьев, 1903: т.2, 234).

Правда, уже в первую навигацию 1863 года у всех зарубежных приобретений обнаружилась масса недостатков, а новые пароходы оказались хуже прежних. Так, «Арал», долженствовавший буксировать до 30 тыс. пудов (491,4 т) на трех баржах, не мог против течения тащить и 12 тыс. пудов (196,56 т). Желобчатое железо листов обшивки корпусов «оказалось весьма хрупко; само судно было недостаточно скреплено, особенно корма», на которую пароход, и так достаточно глубоко сидевший в воде, имел еще и значительный дифферент (0,32 м), что было «совершенно противно условиям речной службы». Из-за этого он «взлезал на мель всем корпусом, следовательно, сдвинуть его с мели было весьма трудно», да еще и при примененных листах обшивки (Лапшин и др., 2012: 145; Юлдашев, 1961: 124).

Кроме того, из-за «дурной заводской работы и недоброкачества металла, в короткое время медные клапаны питательных помп стали проедаться водою; в скользящих золотниках стали образовываться сквозные дыры от действия пара; медная решетка с пролетами золотников начала быстро уничтожаться, обращаясь в тонкую пластинку». Главным же недостатком стала крайне неудачное размещение его энергетической установки — из-за удаленных на 11,5 м от паровой

машины котлов пар терял до 10 % своей силы, вследствие чего приходилось тратить «огромное количество топлива (до двух пудов саксаула в час на силу), истребив в один месяц» его шестимесячную норму (Лапшин и др., 2012: 146).

Пароход «Сыр-Дарья» хоть и был, в частности, «устроен немного лучше», обладал теми же существенными недостатками. Вместо буксировки груза в 12 тыс. пудов (196,56 т) со скоростью четырех верст в час, он, при той же скорости, не мог справиться и с втрое меньшим грузом. В целом, оба парохода по своей слабосильности идти по реке выше Чиназа, даже без груза, уже не могли. Упомянутая выше английская баржа не слушалась руля и постоянно стремилась стать бортом к течению, отчего создавалась опасность затопления, и поэтому «командиры пароходов никогда и не рисковали брать ее с собой», а все шесть шлюпок, хоть и сделанных «весьма красиво», оказались «для тяжестей и речной службе при пароходах и баржах» непригодными. Не нашел должного применения и плавдок, предназначенный было заменить устроенный А.И. Бутаковым еще в 1854 году деревянный элинг для подъема судов из воды с целью осмотра и ремонта. При спуске на воду после сборки создавалась угроза сноса его: летом и осенью — быстрым течением (около 3,73 км/ч у порта), весной — вследствие напора льда. Да и вытаскивать суда на берег было легче, чем сам док (Лапшин и др., 2012: 146).

А вот отечественные баржи оказались «более удачными», и единственный их недостаток заключался «в том, что, будучи предназначены для плавания и в море, и в реке, они не вполне достигали цели: как морские они должны были иметь полную палубу, как речные мало брали груза и глубоко сидели в воде» (до 1,07 м в полном грузу). В связи со сказанным, в случае дальнейшего развития флотилии, командующий войсками Оренбургского края генерал-адъютант Николай Андреевич Крыжановский (1818—1888) в рапорте военному министру (№ 240 от 20 апреля 1865 г.) написал, что необходимо «увеличить паровые силы флотилии заказом еще одного, но хорошего парохода, удовлетворяющего вполне требованиям местности. Причем принять в соображение нижеследующие обстоятельства: так как плавание флотилия производит исключительно по Сыр-Дарье, то, для приобретения лучших результатов при заказе нового парохода, заказать его исключительно для речного плавания, т. е., при данной длине около 120 фут, требовать, чтобы пароход сидел менее 2 фут, имел бы машину низкого давления в 60 сил, с ходом в тихой воде до 11,5 верст в час, с котлами новейшей конструкции, устроенными для топки как древесного, так и минерального топлива» (Сытин, 1911: 238).

В июне 1865 года последовало высочайшее повеление на дальнейшее развитие флотилии с выделением на это 171 496 руб. На них, в том же году приобрели на Камско-воткинском заводе три большие баржи, грузоподъемностью по девять тысяч пудов (147,42 т) каждая, и паром, а в следующем, наконец, полностью оплатили бельгийскому обществу «Кокериль» («Soc. Anon. J. Cockerill») на строительство и доставку из Бельгии в форт № 1 колесного «70-сильного парохода», стоимостью 78 700 руб. Новое судно, получившее наименование «Самарканд» (водоизмещение 154 т; главные размерения: 45,8 x 6,7 x 0,61/0,9 м; вооружение — две 6-фн пушки на сухопутных лафетах; корпус железный; мощность паровой машины 70 сил; экипаж 2 офицера и 50 нижних чинов), было заказано еще в конце 1861 года (стапельный № 103), в следующем году оно сошло на воду, но лишь в конце июля 1866 года его разобранном виде доставили в Петербург, а уже в августе отправили в Самару. По требованию А.И. Бутакова, под контролем которого проектировался пароход, на «Самарканде» был установлен носовой руль, благодаря которому была улучшена маневренность (Каторин, Кузнецов, 2014: 142).

Впервые пароход пошел по Сырдарье в 1869 году. Несколько позже флотилию пополнил пароход «Ташкент» (водоизмещение 86,5 т; главные размеры: 31,93 x 4,88 x 0,61/0,84 м; корпус железный; мощность паровой машины 35 сил), построенный на Воткинском заводе в 1870 году (Лапшин и др., 2012: 147).

После покорения двух крупнейших государств в Средней Азии — Бухарского и Кокандского ханств, последним независимым государством в Средней Азии оставалось Хивинское ханство. Весной 1873 года пароход «Самарканд» вместе с пароходом «Перовский» и тремя баржами, под общим командованием начальника Аральской флотилии капитана 1 ранга Александра Павловича Ситникова (1819—1878), обеспечивал на Амударье наступающие на Хиву войска Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Константиина Петровича фон Кауфмана (1818—1882) (Мак-Гахан, 1875: 24).

Завоевание Хивинского ханства осуществлялось силами четырех отрядов, выступивших в конце февраля и начале марта 1873 года из Ташкента (генерал-лейтенанта К.П. Кауфман), Оренбурга (генерал-майор Н.А. Веревкин), Мангышлака (полковник Н.П. Ломакин) и Красноводска (полковник В.И. Маркозов) (по 2—5 тыс. человек) общей численностью 12—13 тыс. человек и 56 орудий, 4600 лошадей и 20 тыс. верблюдов. Когда русские войска дошли до противника, выяснилось, что хивинский хан был совершенно не готов к войне, и его легко сумели победить. Позднее Хивинский хан объяснил, почему он не был готов к нападению с этой стороны: русские войска прошли по непроходимой дороге, известной под именем «смерть человеку» и «только дурак мог пойти» таким путем (Арский, 1879: 112). В походе на Хиву принимали участие сын военного министра, флигель-адъютант поручик Алексей Дмитриевич Милютин (1845—1904), Великий князь Николай

Константинович (1850–1918) и принц Евгений Максимилианович (1847–1901). Участие высокопоставленных лиц обеспечило этому Туркестанскому походу благосклонное внимание государя (Бухерт, 2002: 14).

Почему флотилия не была использована более активно, объяснил участник похода великий князь Николай Константинович, который писал: «Вчера осматривали мы Аральскую флотилию; к сожалению, главные пароходы «Обручев» и «Самарканд» зимуют в Перовском, но мы увидим их в Аму-Дарье, куда г[енерал] Кауфман приказал им идти в начале апреля, для производства промеров и для поддержания сообщений между Туркестанским и Оренбургским отрядами. Жаль только, что при постройке всех пароходов желали достигнуть две цели: чтобы они ходили морем и рекою. А вышло, что для моря они слишком малы (и плоскодонны), а для Сыр-Дарьи велики» (Бухерт, 2002: 16).

Отряд же судов флотилии покинул устье Сырдарьи 18 апреля и, дойдя до острова Такмац-ага в Талдыкском заливе, направился в «реку Кичкине-Дарью и Улькун-Дарью», к хивинской крепости Ак-Кала с гарнизоном в тысячу человек при пяти орудиях. Добравшись до нее 23 апреля, суда отряда, сбив огнем крепостные пушки, обратили гарнизон в бегство (Лобысевич, 1898: 198). Правда, ответным огнем на «Самарканде» был пробит левый борт, разбита подушка орудия, отбита лапа якоря и осколками разбившегося ядра ранено семь нижних чинов (двое впоследствии умерли) и начальник флотилии капитан 1 ранга А.П. Ситников. За это «дело» командир парохода «Перовский» капитан-лейтенант В.И. Брюхов был награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами, а А.П. Ситников – орденом Св. Владимиром 4-й ст. с мечами (Арский, 1879: 118).

Затем пароходы направились далее вверх «по реке к устью Яны-Дарьи ее притоками в озера Кара-Куль и Сара-Куль искать прохода к Кунграду или другого пути, ведущего в Аму-Дарью». Однако, не найдя его отряд возвратился в Улькун-Дарью и пошел вверх по ней, пока позволяла глубина, став на якорь в 50 верстах от Кунграда. Здесь оказалось, что «настоящее русло Улькун-Дарью запружено хивинцами в пяти местах, дабы не допустить русские суда» к Кунграду. Этот путь с 1859 года, т.е. с рекогносцировки А.И. Бутакова считался самым удобным для входа в Аму-Дарью. В ходе вынужденной стоянки отряд несколько раз пытался найти проход в Аму-Дарью, но поиски его для дальнейшего движения по реке поначалу оказались безуспешными. Эти плотины были разрушены только к середине октября (Арский, 1879: 119).

Лишь после окончания боевых действий, 1 августа 1873 года, полковник генерального штаба Александр Васильевич Каульбарс (1844–1929) А.В. на пароходе «Самарканд» исследовал низовья Амударьи и отыскал судоходный путь в Аральское море через самый многоводный проток Амударьи – Куванджарму, Даукаринские озера и реку Янсы-Суу. Этим путем суда Аральской флотилии в дальнейшем стали регулярно совершать рейсы из Казалинска через Аральское море в Амударью, где была построена крепость Кабаклы (Терентьев, 1903). В Улькун-Дарье отряд простоял до 26 августа и, по принятии в тот день прибывших генералов и офицеров, а также больных и раненых нижних чинов и артиллерийских грузов, снялся с якоря и 30 августа вернулся в Казалинск (Арский, 1879: 121).

В 1873 году, с переходом правого берега Амударьи от Хивинского ханства к России, на месте хивинской крепости Турткуль был образован город Петроалександровск (первоначально – укрепление Петро-Александровское) в составе Сыр-Дарьинской области Российской империи (Терентьев, 1903: т.2, 246). С 1876 до апреля 1877 года, пароход «Самарканд» совершил рейс вверх по Амударье из Петроалександровска (ныне Турткуль) до Чарджоу (ныне Туркменабад) став первым судном, добравшимся до этих мест. По этому случаю газета «Туркестанские ведомости писала: «22 марта 1877 года пароход “Самарканд” отправился в плавание из Петро-Александровска до Учкудука шел благополучно, 30 марта подошел к крепости Кабаклы, 3 апреля продолжал плавание, погрузив прибывшие на каюках дрова. 7 апреля подошел к Чарджоу. Обратное плавание совершил быстрее, прибыв в Петро-Александровск 18 апреля». К 1879 году личный состав флотилии увеличился до 15 офицеров, 15 вольнонаемных машинистов и мастеров и 597 нижних чинов (Юлдашев, 1961: 138).

В 1878 году пароходом «Самарканд» (командир капитан-лейтенант В.И. Брюхов 1-й) с баржой № 9 стали производиться регулярные рейсы между Казалинском и Нуркусом. Расписание рейсов было следующим: пароход уходил из Казалинска 15 мая, приходил в Нуркус 29 мая, стоянка 5 суток, выходил 4 июня и т. д. Таким образом, пароход совершал рейс туда за 15 суток, а обратно за 7–8 суток. С учетом стоянки всего требовалось 28 суток. В 1879 году пароход дошел до Ходжа-Соляра, чем показал, что и верховья Сырдарьи пригодны для судоходства (Сулейманов, 2006: 229).

Спустя два года, в ночь с 15 на 16 января 1881 года, «Самарканд» у того же форта Перовский пропорол днище камнем и затонул. Над поверхностью выступала только часть левого борта с кожухом гребного колеса, дымовой трубой и половиной рубки. Темные мутные воды Сырдарьи исключали возможность работы водолазов, поэтому обычные в то время методы подъема судна негодились. Попытки поднять пароход не увенчались успехом и, с упразднением в 1883 году Аральской флотилии, он был исключен из ее списков. Ликвидация флотилии связывалась с мелководностью и изменчивостью фарватера Сырдарьи, из-за чего пароходные рейсы по ней носили случайный характер, отнимали много времени и обходились очень дорого (Каторин, Кузнецов, 2014: 149).

С 1865 по 1879 год суда флотилии перевезли 1724414 пудов груза и 29146 пассажиров. Однако стоимость содержания флотилии на 1866 год обходилось в 163089 руб., а к 1880 году она возросла до 261366 руб. — деньги по тем временам огромные (Сулейманов, 2006: 230).

5. Заключение

В 1882 году император Александр III назначил Михаила Григорьевича Черняева (1828–1898) генерал-губернатором Туркестанского края с указанием «действовать так, чтобы эта окраина была бы не бременем для России, а послужила ей на пользу». С окончанием военных экспедиций в Средней Азии и в силу малой пригодности судов для торговых перевозок, в 1883 году принимается решение об упразднении Аральской флотилии. Хотя к моменту ее ликвидации транзитная торговля через Казалинск между Оренбургом и Бухарой составляла 7,5 млн руб. в год. 16 июня 1883 года генерал-адъютант М.Г. Черняев телеграфировал из Петербурга требование о «высылке в Главный штаб инвентаря и всего имущества Аральской флотилии, которое должно быть передано в виде премии предпринимателям пароходства по Амударье». Сверх того последним еще была предложена субсидия в размере 150 тыс. руб. в год (Военная энциклопедия, 1911: 86).

Судьбу же бывшей базы флотилии, Казалинска, решила построенная в 1900–1905 годах Оренбург-Ташкентская железная дорога, которая пролегла в 12 км к северо-востоку от города. Все грузы и торговля сосредоточились отныне в новом пристанционном поселке – Ново-Казалинске, отобрав у старого Казалинска последние стимулы к развитию.

Таким образом, Аральская флотилия оказала большое влияние на исследование и картографирование рек и озер Средней Азии, однако, в качестве боевых кораблей суда этой флотилии особых успехов не имели. Не более успешна была и другая область деятельности Аральской флотилии – перевозка военных грузов и людей. Из-за малой мощности двигателей и глубокой осадки пароходов, мелководья и изменчивости фарватера Сырдарьи и других рек региона, рейсы пароходов носили случайный характер, требовали много времени и обходились слишком дорого.

Подводя итоги деятельности Аральской флотилии в борьбе Российской империи за контроль над Средней Азией, следует признать, что тех технических и людских ресурсов, которыми она располагала, было недостаточно для осуществления поставленных стратегических задач. Тем не менее, постоянное присутствие русских военных моряков на Арале, их контакты с населением на протяжении полутора десятилетий, несомненно, сыграло важную роль в формировании образа России как могущественной не только сухопутной, но и морской державы. Одновременно это способствовало развитию торговых связей России со странами Востока, которые всегда имели большое значение для нашей страны.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение № 02.а03.21.0008).

Литература

- Клычев, 1972 – Клычев А. Кугитанская трагедия. Ашхабад: Туркменистан, 1972. 168 с.
- Арский, 1879 – Арский А.В. Хивинский поход 1873 года // *Русский вестник*. 1879. Т. 142, № 7. 148 с.
- Бларамберг, 1978 – Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 386 с.
- Бухерт, 2002 – Бухерт В.Г. Мы стали твердою ногою на Аму-Дарье. Хивинский поход 1873 г. в описании великого князя Николая Константиновича // *Документы русской истории*. 2002, № 4 (58), С. 14–22.
- Веселаго, 1948 – Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Типография морского министерства, 1872. 798 с.
- Военная энциклопедия, 1911 – Военная энциклопедия / Под ред. В.О. Новицкого, А.В. фон Шварца, В.А. Апушкина и Г.К. фон Шульца. 2-е изд. СПб.: Товарищество И.Д. Сытина, 1911. 468 с.
- Документы из архива, 1967 – Документы из архива Хивинских ханов по истории и этнографии коракалпаков. Подбор документов, перевод, примечания и указатели Ю.Э. Брегеля. М.: Наука, 1967. 540 с.
- Из истории, 1958 – Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент: изд-во АНУ, 1958. 586 с.
- Каторин, Кузнецов, 2014 – Каторин Ю.Ф., Кузнецов Л.А. Из истории Аральской флотилии // *Гангут*, 2014. № 82. С. 135–150.
- Костенко, 1870 – Костенко Л.Ф. Аральская флотилия и плавание по реке Сыр-Дарье // *Военный сборник*. 1870. № 3–4. С. 265–278.
- Коцанов, Джумашев, 1997 – Коцанов Б.А. Джумашев А.М. Зарубежная и отечественная историография истории Туркестана, Карапалстана и Хорезма в первой четверти XX века. Карапалстан: Наукус, 1997. 648 с.

- Кротков, 1895** – Кротков А. Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб.: Военно-морской ученый отдел Главного морского штаба, 1893. 864 с.
- Лапшин и др. 2012** – Лапшин Р.В., Митюков Н.В., Порцева Л.П. Корабельный состав Аральской военной флотилии // *Научные ведомости Белгородского государственного университета (История Политология Экономика Информатика)*. 2012, №7 (126). С. 141–149.
- Лобысевич, 1898** – Лобысевич Ф.И. Описание Хивинского похода 1873 г. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1898. 248 с.
- Лунин, 1970** – Лунин Б.В. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. Ташкент: Фан, 1970. 422 с.
- Лунин, 1965** – Лунин Б.В. Средняя Азия в советском и дореволюционном востоковедении – Ташкент: Фан, 1965. 408 с.
- Лымарев, 2006** – Лымарев В.И. Алексей Иванович Бутаков, 1816–1869. М.: Наука, 2006. 184 с.
- Мак-Гахан, 1875** – Мак-Гахан Дж. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М.: 1875. Восточная литература. Проверено 11 февраля 2011. Архивировано из первоисточника 23 августа 2011. 122 с.
- Макшеев, 1896** – Макшеев А. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю, СПб.: Военная Типография, 1896. 238 с.
- Моисеев, 1948** – Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота с 1861 по 1917 г. М.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил СССР, 1948. 569 с.
- Сулейманов, 2006** – Сулейманов С.А. История создания Аральской военной флотилии // Материалы международной научной конференции «Восток Запад: аспекты взаимодействия». – Ташкент, 2006.
- Сытин, 1911** – Сытин И.Д. Аральская флотилия; Афонское сражение. // Военная энциклопедия Сытина. 1911, Т. 3.
- Терентьев, 1903** – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1–3. СПб.; Типолитография В.В. Комарова, 1903.
- Толстов, 2003** – Толстов С.П. Города гузов // *Советская этнография*. 1947. № 3. С. 46–53.
- Черников, 2003** – Черников И.И. Флот на реках. Энциклопедия речного флота. СПб.: «Полигон», 2003. 704 с.
- ЦГА РУз** – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- ЦГВИА** – Центральный государственный военно-исторический архив.
- Шалекенов, 1966** – Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Аму-Дарьи. Ташкент: 1966. 336 с.
- Юлдашев, 1961** – Юлдашев М.Ю. К истории Аральской флотилии // *Общественные науки в Узбекистане (Ташкент)*. 1961, № 12. С. 119–133

References

- Klychev, 1972** – Klychev A. (1972). Kugitanskaya tragediya [Kugitanskaya tragedy]. Ashkhabad: Turkmenistan. 167 p. [in Russian]
- Arskiy, 1879** – Arskiy A.V. (1879). Khivinski poход 1873 goda [Khiva march 1873 of year]. *Russian herald*. т. 142, № 7. 146 p. [in Russian]
- Blaramberg, 1978** – Blaramberg I.F. (1978). Vospominanya. [Recollections]. M.: Science, the main editorial staff of eastern literature. [in Russian]
- Buxert, 2002** – Buxert V.G. (2002). Stali tverdo na Amu-Dar'ya [We they became solid foot in Amu-Dar'ya. Khiva march 1873 g. in the description of the great prince Nikolai Constantinovich]. *Dokumenty the Russian history*. № 4 (58). pp. 14–22. [in Russian]
- Veselago, 1948** – Veselago F.F. (1948). Spisok russkix voennix sudov s 1668 po 1860 god. [List of Russian military vessels s 1668 over 1860 the years]. St. Petersburg.: Printing house of sea ministry, 1872. 798 p. [in Russian]
- Military encyclopedia, 1911** – Voennia encyclopedia [Military encyclopedia] / pod red. V.O. Novitskiy, A.V. von Schwarz, V.A. Apushkina and G.K. von Schulz. the 2-nd publ. St. Petersburg; Comradship I.D. Sytina, 1911. [in Russian]
- Documents from the archive, 1967** – Document iz arhive Khiva khans. [Documents from the archive of the Khiva khans on the history and entografii of korakalpakov. Selection of documents, transfer, note and indicators Yu.E. Bregelya]. M.: Science, 1967. 540 p. [in Russian]
- From the history, 1958** – Iz istorii Rossian vostokovedenia i arheologii. [From the history of Russian oriental study and archaeology in Turkestan] Tashkent: publishing house Ana, 1958. [In Russian]
- Katorin, Kuznetsov, 2014** – Katorin Yu.F., Kuznetsov L.A. (2014). Iz istorii Aral flotilia. [From the history of Aral flotilla]. *Gangut*. № 82. pp. 135–150. [in Russian]
- Kostenko, 1870** – Kostenko L.F. (1870). Aral flotilia i plavanie po reke Syr-Dar'ya. [Aral flotilla and floating along Syr-Dar'ya river]. *Military collector*. № 3–4. pp. 265–278. [in Russian]
- Krotkov, 1895** – Krotkov A. (1893). Povsednevnia zapis zamechatelni sobiti. [Daily record of remarkable events in the Russian fleet]. St. Petersburg: Naval scientific division of main naval headquarters. [in Russian]

- Lapshin and other, 2012 – Lapshin R.V., Mityukov N.V., Portsev L.P. (2012). Korabli Aral voenni flotilii. [Ship composition of Aral military flotilla]. *The scientific lists of Belgorod state university (history of politologiya the economy information theory)*. №7 (126). [in Russian]
- Lobysevich, 1898 – Lobysevich F.I. (1898). Opisanie Khiva pohod 1873 g. [Description of Khiva march 1873 g.] St. Petersburg: Type. Comradeships “public benefit”. [in Russian]
- Lunin, 1970 – Lunin B.V. (1970). Istoria istoricheskoi nauki v Uzbekistan. Kratci ocherk. [History of historical science in Uzbekistan. Brief description.] Tashkent: Fan. 648 p. [in Russian]
- Lymarev, 2006 – Lymarev V.I. (2006). Aleksey Ivanovich Butakov, 1816–1869. [Aleksey Ivanovich Butakov, 1816–1869]. M.: Science. 184 p. [in Russian]
- Mak-Gakhan, 1875 – Mak-Gakhan J.A. (1875). Voennie deistvia na Oksuse i padenie Khivy. [Military actions on Oksuse and drop In Khivy]. M. [in Russian]
- Maksheev, 1896 – Maksheev A. (1896). Putechestvie po Kirghiz steppia i Turkestan krai. [Journeys through the Kirghiz steppes and the Turkestan edge]. St. Petersburg: Military printing house. [in Russian]
- Moiseev, 1948 – Moiseev S.P. (1948). Spisok russkix voennix sudov s 1861 g. po 1917 g. [List of the ships of Russian steam and armored fleet s 1861 at 1917 g.] M.: Military publishing house of the ministry of armed forces of the USSR. 569 p. [in Russian]
- Suleymanov, 2006 – Suleymanov S.A. (2006). Istoria sozdania Aralskoi voennoi flotilii. [The history of the creation of Aral military flotilla]. / The materials of international scientific conference “the east is the West: the aspects of interaction”. Tashkent, 2006. [in Russian]
- Sytin, 1911 – Sytin I.D. (1911). Aralskia flotilia. Afonskia bitva. [Aral flotilla. Afons battle.] // Military encyclopedia Of sytina. T. 3. [in Russian]
- Terentev, 1903 – Terentev M.A. (1903). Istoria zavoevania Sredni Asia. [History of the achievement of Central Asia]. T. 1-3. St. Petersburg; Typolithography explosive. Komarov. [In Russian]
- Tolstov, 1947 – Tolstov S.P. (1947). Goroda guzov. [Cities of guzov]. Soviet ethnography. № 3. p. 46–53. [in Russian]
- TsGA Uz – Central Public Archive of the republic of Uzbekistan. [in Russian]
- TsGVIA RF – Central state military history archive. [in Russian]
- Chernikov, 2003 – Chernikov I.I. (2003). Flot na rekah. [Fleet on the rivers. Encyclopedia of river fleet.] St. Petersburg: “Range”, 2003. 704 p. [in Russian]
- Yuldashev, 1961 – Yuldashev M.Yu. (1961). K istorii Aral flotilia. [To the history of Aral flotilla]. *Social sciences in Uzbekistan (Tashkent)*. № 12. pp. 119–133. [in Russian]

УДК 94(4)

Участие Аральской военной флотилии в присоединении Средней Азии к Российской империи

Юрий Федорович Каторин ^{a, *}, Алексей Владимирович Шадымов ^b, Александра Юрьевна Глебанова ^c

^a Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Российская Федерация

^b НИЛ ООО «Радиан», Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассказывается о некоторых аспектах истории завоевания Средней Азии Российской империей в XIX веке, при этом основное внимание отведено роли в этом процессе Аральской военной флотилии. Приводится история создания и становления флотилии, ее базы, анализируются причины вызвавшие применение военных кораблей в данном регионе, подробно описываются ее корабли, их особенности и технические характеристики. Подробно рассказано об исследованиях Аральского моря, определении астрономических пунктов вдоль побережья, положение устьев Сырдарья и Амударья, проведенных капитан-лейтенантом А.И. Бутаковым, а также описаны основные экспедиции по этим рекам. Рассказывается о боевом применении кораблей флотилии, как непосредственно в боях, так и для снабжения экспедиционных войск. Приводятся данные о попытках налаживания коммерческого судоходства для перевозки грузов и пассажиров.

Ключевые слова: Завоевание Средней Азии, Аральское море, Сырдарья, Амударья, капитан-лейтенант А.И. Бутаков, генерал В.А. Обручев, Хивинский поход 1873 г., Аральская флотилия.

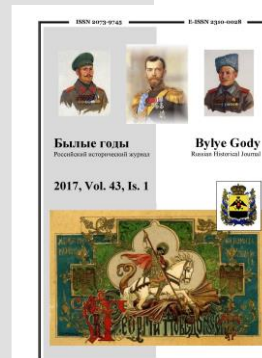
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: katorin@mail.ru (Ю.Ф. Каторин), lcavs@mail.ru (А.В. Шадымов), glebanova2014@mail.ru (А.Ю. Глебанова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 59–67, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.59
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Image of Russia in French Travel Literature of the XIXth century

Jeanne M. Aroutiounova ^{a, *}, Elena V. Linkova ^a, Rafael A. Arslanov ^a

^a Peoples Friendship University of Russia, Russian Federation

Abstract

The article presents the analysis of the literature of travel of French authors of the XIXth century. Authors put the aim to create the general investigation dedicated to this term, bringing in the quality of the source base as a quite famous works of the French travelers and writers, and little-known to a wide circle of readers. XIX century is a time of expanding cultural, humanitarian, diplomatic contacts between Russia and France, which resulted in an increase in the number of foreigners who traveled to Russia, and, consequently, of the works explaining all the features of the trip, impressions, fears, etc.

During this period, the Europeans started to visit not only Moscow and Saint Petersburg, but also Siberia, the Far East, the geography of travelling considerably expanded, and new works of foreigners about Russia appeared. Still, as in the previous epoch, the French authors wrote about traditions and mores, the state and social structure, religious peculiarities, the culture of Russia.

In general, the travel literature on Russia is significantly enriched, indicating the increasing interest of the Russian state. It is not only about informative motives, but also need to learn the realities of the Russian state, the mood in society, the level of military capabilities etc. Notes of a travelling foreigners were thus provided very valuable information about the state of affairs in Russia, it was important for European readers and, of course, diplomats, military and the rulers of other states.

Of course, the French authors reproduced pictures seen in Russia through the prism of their own experience, political affiliation, certain stereotypes and myths about the Russian state and people, developed in a previous era.

However, despite a certain subjectivity in the estimates and judgments, the works of French authors are a very valuable source in the framework of imagological research, studying the image of «their» and «alien» in the view of Europeans of the XIX century.

Keywords: image of Russia, imagology, travel, France, autocracy, Orthodoxy, stereotypes, national character.

1. Введение

Образ России начинает привлекать внимание Западной Европы еще в XV–XVI вв., когда она, освободившись от ордынской зависимости, превратилась в форпост христианского мира в его противостоянии с исламом. В далекую северную страну стали приезжать первые европейские путешественники: купцы, строители, ремесленники, дипломаты, искатели приключений. Именно в это время происходит знакомство французов с Московией, появляются первые записки о стране, ее народе, традициях, природе и т.д. С течением времени гуманитарные связи расширяются, интерес к России, вызванный не только прагматическими и политическими соображениями, но и обычной любознательностью возрастает. В сознании европейцев и, в частности, французов, складываются

* Corresponding author

E-mail addresses: jeannearout@mail.ru (J.M. Aroutiounova), e.v.linkova@yandex.ru (E.V. Linkova), ars_raf@mail.ru (R.A. Arslanov)

первые образы российского государства и народа, формируются основные мифы и стереотипы их восприятия (Поляков, 2013; Гачев, 1994).

На протяжении XVII–XVIII вв. мифологемы в отношении Московского государства – России множатся, стереотипы становятся все более устойчивыми, подпитываясь новыми страхами и домыслами. Большинству жителей западноевропейских стран Россия представлялась огромной холодной, варварской по своей сути страной, «ледяной глыбой» нависшей над цивилизацией, несущей угрозу самому её существованию. Следует заметить, что и в XIX в. в записках и мемуарах путешественников прослеживаются представления о России, которые сложились еще во времена Средневековья. При этом они настолько прочно утвердились в мировосприятии европейцев, что даже развитие науки, расширение гуманитарных, дипломатических, военных, культурных контактов, не изменило общей тенденции в восприятии иностранцами России.

Французская литература путешествий XIX в., посвященная России, достаточно многообразна. Она включает в себя наблюдения за политической системой, общественным устройством, бытом и нравами, культурой, религиозными традициями, природой и т.д. Таким образом, работы французских путешественников, как в целом и других иностранцев, являются важным источником при изучении формирования образа России в представлениях европейцев. Имагологические исследования чрезвычайно актуальны, т.к. находятся на стыке гуманитарных наук, раскрывают специфику восприятия нациями друг друга, культуры и традиций «чужого». Кроме того, изучение образа другой страны дает возможность выявить один из факторов, влиявших на выработку внешнеполитического курса, на развитие отношений между государствами, протекавших в определенном историко-культурном контексте.

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи послужили сочинения французских путешественников, побывавших в России в XIX столетии и оставивших свои отзывы, наблюдения, критические сведения в виде мемуаров, записок, путевых заметок. Для подготовки данной публикации авторы обращались к публицистическим и литературным произведениям, написанным французскими авторами по мотивам путешествий по России. В частности, среди подобных источников можно назвать известные широкой публике работы А. Дюма, О. де Бальзака, А. де Кюстина, а также малоизученные в России произведения таких французских авторов, как Ф. Ле Пле, Д. Де Лонле, Ф. Лакруа, Г. Молилари, Ж.-Ф. Ансело и др. Записки Лакруа, Молилари, Ансело хранятся в фондах Библиотеки Дидро (Лион, Франция) и являются частью коллекции фонда славянских исследований, фундаментального научного центра по изучению не только истории, но и образа России в Европе. Данные источники, помогли существенно расширить концептуальные рамки исследования сочинений французских авторов, посвященных Российской империи XIX в.

В статье использован историко-антропологический, сравнительно-исторический методы, позволяющие провести анализ исторических источников и выйти на уровень теоретических обобщений, составить целостную картину восприятия французскими авторами-путешественниками российских реалий XIX в.

3. Обсуждение и результаты

Историография данной проблемы довольно обширна. Прежде всего, она включает общие работы, посвященные становлению образа России в мире, литературе путешествий, эволюции представлений европейцев о русском государстве, его народе, традициях и особенностях (Россия и мир глазами друг друга, 2000–2016; Образ России, 1998; Россия и Европа, 1996; Линькова, 2014).

Ряд работ французских путешественников, например, вызвавшая крайнее недовольство императора Николая I книга маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 г.» получили не только широкую известность, но и специальное освещение в научной литературе (Мильчина, Осповат, 1995).

Вместе с тем представляется весьма интересным и полезным обращение к тем сочинениям, которые по разным причинам не привлекли внимание ни западноевропейского, ни российского общества. Работы французских авторов, вне зависимости от их популярности, помогают определить особенности понимания российских реалий XIX в. французскими современниками, дают возможность проследить за формированием и развитием мифологем восприятия, установить степень их влияния на отношения между государствами и народами.

Целью данного исследования является определение особенностей становления и эволюции образа России в системе взглядов европейских путешественников XIX в., выявление противоречий между сложившимися стереотипами и представлениями, формирующимися в результате непосредственного восприятия российских реалий. Достижение поставленной цели предполагает решение задач, связанных с выявлением и анализом записок и мемуаров французов, посетивших Россию в XIX в., а также определением факторов, влиявших на формирование и эволюцию их воззрений.

В XVIII в. сложилась определенная традиция в восприятии иностранцами России. В это время происходит не только знакомство французов с реалиями российской жизни, но и углубление гуманитарных связей, связанное, прежде всего, с расширением культурных и дипломатических

контактов. Середина XVIII столетия вошла в историю как эпоха галломании в России, увлечения всем французским: культурой, философией, модой, стилем жизни. Однако сами русско-французские отношения оставались крайне напряженными. Сближению двух стран препятствовали глубокие геополитические противоречия, вызванные обострением русско-французского соперничества на континенте. Особенно ярко оно проявилось во время войны за польское наследство 1733–1735 гг., в решении шведского и восточного вопросов, а также в создании французской дипломатией «восточного барьера» на рубежах России. Свою роль сыграли и революционные события во Франции конца XVIII в., а точнее – оценка их последствий российской элитой.

В век Просвещения сложились две основные тенденции в восприятии французами России. Примером тому могут служить взгляды Вольтера и Ж.-Ж. Руссо, которые сохранили свою актуальность и для французских авторов XIX в. (Мезин, 2003). Так, Вольтер, который вел обширную переписку с императрицей Екатериной II, видел в России просвещенную монархию, вернувшуюся благодаря реформаторской деятельности Петра I в лоно европейской цивилизации. Ж.-Ж. Руссо, напротив, скептически оценивал настоящее и будущее России, полагая, что Петр I не смог изменить азиатскую, невежественную сущность народа и деспотический характер российского государства.

Во французской публицистике XIX в. зачастую использовались мифологемы и стереотипы предшествующего периода. Примером тому может служить представление о варварстве русских, детерминированном географическим положением России. Согласно т.н. климатической теории Ш.Л. Монтескье, географическая среда играет весьма важную роль в истории, во многом определяя «дух народа». В частности, русские оставались варварами, приспособившимися жить в своих суровых природных условиях и не готовыми к восприятию норм и правил цивилизованных народов (Minuti, 2001).

Смена политического вектора развития Франции в конце XVIII в., расширение контактов с Россией, не привели однако к концептуальному переосмыслению российского цивилизационного опыта, а, напротив, способствовали сохранению и распространению критического отношения к российской национальной модели государственности, общественным порядкам, православной церкви и религии, традициям и обычаям русского народа, свойственного для многих представителей века Просвещения (например, Шап д'Отроша, К.К. Рюльера, Ш. Массона, Т. Готье, Ж.-Ж. Руссо и др.).

Свою роль в создании и распространении негативного образа сыграла и информационная война, развернувшаяся между Францией и Россией накануне наполеоновского вторжения. Для обоснования захватнических замыслов «императора французов» официальная пропаганда пыталась представить Россию дикой азиатской страной, начавшей в эпоху Петра I проводить реформы лишь в целях достижения военного могущества и установления мирового господства. Чтобы дискредитировать Россию в глазах европейского общества в 1812 г. на французском языке было опубликовано получившее широкую известность фальшивое завещание Петра Великого, которое и в XX в. использовалось как доказательство её гегемонистских устремлений. (Подробнее см.: Данилова, 1946; Козлов, 1996: 77-89).

В XIX в. появляются многочисленные работы французов о России, которые лишь усиливают сложившиеся стереотипы. Этому способствовал ряд факторов, например, одним из источников формирования фантастических образов русского государства, служил страх перед возросшим могуществом России после победы над Наполеоном. Французские солдаты, вернувшиеся на Родину, оставили немало заметок о России, описав не только русскую армию, но и народную жизнь, традиции, быт (Фабер дю Фор, 2011: 106-107, 130, 139; Французы в России, 2012). Солдаты отмечали жестокость русских рядовых воинов по отношению к французам (кстати, немало удивляясь природе этой жестокости) и благожелательность со стороны офицеров и простых крестьян (Россия и Франция, 2006: 115-137).

В 1820-е гг. появляются новые мифы, связанные, например, с возможным политическим объединением славян под эгидой России. А роль «жандарма Европы», взятая на себя Николаем I и его внешнеполитическим ведомством только способствовала усилению критических суждений о России. Эту идею восприняли многие мыслители Европы. Например, в одной из статей, опубликованной в 1841 г. в газете «Allgemeine Zeitung», Г. Гейне призывал не опасаться религиозного рвения мусульман, т.к. оно «явилось бы лучшим оплотом против стремлений Московии, которая замышляет не более, не менее, как завоевать или хитростью добыть на берегах Босфора ключ ко всемирному господству» (Гейне, 1958: 278). Подобные суждения не были редкостью в политических кругах Западной Европы, безусловно влияя на умонастроения в обществе. Вследствие чего многие путешественники, отправлявшиеся в Россию, имели стойкое предубеждение в отношении того, что предстоит им увидеть в далекой стране.

В целом, работы о России, вышедшие из-под пера путешествовавших по ней французов, можно условно разделить на три группы. Во-первых, записки, носившие явно критический характер. Авторы подобных произведений не стремились анализировать или, тем более, понять особенности России, а лишь рассматривали их сквозь призму устоявшихся стереотипов. Осмысленно или случайно они подпитывали тем самым основанные на мифах о русской угрозе и варварстве русофобские настроения в Западной Европе, вносили свой вклад в обострение международной обстановки.

Традиционный подход к изображению России и в целом, цивилизации, отличной от западноевропейской, в полной мере представлен в знаменитой книге маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году» (Кюстин, 2008), которая основана на размышлениях путешественника о ходе его поездки по России. Благоклонно встреченный императором Николаем I, он ответил неаргументированным разоблачением рабской природы русского общества и деспотического характера власти.

Французский путешественник негативно оценивал, прежде всего, российскую историю, государственность, политическую систему, общественные отношения и церковь. Критика Кюстина распространялась даже на те события и тех деятелей русской истории, которые традиционно высоко оценивались европейцами. Речь, в первую очередь, идет о личности Петра I и его реформах, направленных на превращение России в европейскую страну. По мнению же Кюстина, российское общество не может быть европеизировано, а русская церковь никогда не станет подлинной основой государства, т.к. «сколько бы не напрягал свои силы император, ему никогда не наделить греческую Церковь тем могуществом, в котором ей отказано Богом...» (Кюстин, 2008: 262) Все, что видит вокруг себя в России французский путешественник, вызывает у него раздражение, которым буквально пронизаны строки его записок. Даже при описании бытовых традиций, праздников, повседневной жизни Кюстин не упускает возможности показать всю дикость и ограниченность русского народа, отсталость политической системы и страны в целом (в записках можно найти немало примеров подобных суждений путешественника: «русские – скверные моряки (Кюстин, 2008: 254)», Россия – «царство фасадов» (Кюстин, 2008: 497), декорация, и даже пасущийся на полях скот – «малорослый и хилый» (Кюстин, 2008: 277).

Россия представляла в работе А. де Кюстина грозной силой, сдерживавшей развитие прогрессивных идей, врагом всей западной цивилизации. Его заметки являются не только хрестоматийным примером негативного отношения образованной части французского общества к николаевскому режиму, но и книгой, продуцировавшей враждебность к России в будущее.

Сочинение А. де Кюстина вызвало большой резонанс как в европейском, так и российском обществе. В России реакция на его творчество в основном носила характер официального осуждения. Очень метко по поводу мифотворчества французского путешественника высказался русский поэт и дипломат Ф.И. Тютчев: «Что было бы бояться Европе, будь Россия в самом деле таким чудовищным оставленным Богом обществом, каким изображает его господин де Кюстин?» (Мильчина, Осповат, 1995: 274). Именно Ф.И. Тютчев указывал на то, что книга французского путешественника – это воплощение враждебности к России, а, главное, к ее военной мощи. По словам поэта, Кюстин, позволил себе «судить о целом Мире менее серьезно, нежели прежде относились к разбору водевиля» (Тютчев, 2003: 12).

Можно отметить, что маркиз не пытался отказаться от тех мифов и стереотипов, которые сложились в странах Западной Европы о России еще в эпоху Средневековья, а лишь собирал слухи и анекдоты, подчас отождествляя всю страну с узким кругом придворных, с которыми ему удалось познакомиться.

Линию А. де Кюстина продолжили авторы, которые указывали, прежде всего, на особенности России, отличавшие её от стран Западной Европы. Именно на подобном противопоставлении публицисты выстраивали свои суждения о России, формировали представление о российском государстве, как о «чужом» для западноевропейской цивилизации. Среди подобных произведений о России XIX в. особый интерес представляют записки Ф. Лакруа «Тайны России. Картина политической и духовной жизни Российской империи» (Lacroix, 1854). В данной работе автор дает не только свою трактовку политических особенностей России, но и рисует картины общественной и повседневной жизни населения. Лакруа объективно описывал тяжелое положение русских крестьян, жестокие нравы, существовавшие в обществе, объясняя их низким уровнем культуры и невежеством людей.

При этом он отмечал, что русские живут под постоянным неусыпным контролем полиции, которая рекрутирует на службу в свои ряды людей всех классов. В результате складывалась ситуация, при которой буквально в каждом доме в России есть доносчик. «Ни в одной стране мира шпионаж не был так хорошо организован, как в России. В Петербурге даже стены имеют уши» (Lacroix, 1854: 26).

Автора поражает и жесткая цензурная политика, проводимая в России. Ее главная цель – защита от революционных идей, проникающих в страну из Западной Европы.

При исследовании записок французского путешественника можно встретить его трактовки особенностей России, не только отличающих ее от Западной Европы, но и дающих, как считает автор, ключ к пониманию загадочной северной страны. Первое, на что обращает внимание Лакруа – это политическая система России. Публицист пришел к выводу о том, что «именно власть в России, на самом деле, в гораздо большей степени, чем в Турции или Персии, представляет идеал абсолютизма» (Lacroix, 1854: 9). Авторитарная система является основой России, т.к. «у русских деспотический принцип представлен во всеоружии» (Lacroix, 1854: 10). И русское самодержавие отличает Россию не только от западноевропейского мира, но, что удивительно, даже от восточных деспотий. Лакруа писал, что «в Персии и Турции существует письменное законодательство, почитаемое еще и потому, что само по себе является также и религией» (Lacroix, 1854: 10). Даже в мусульманских странах присутствуют механизмы, ограничивающие власть правителя. Автор приводит в пример Коран,

который сдерживает неограниченную власть в мусульманском Востоке и правитель здесь лишь «исполнитель закона», но не «законодатель», как в России.

В Китае также присутствуют подобные политические механизмы и традиции государственности, так, в частности, «глава государства принимает участие в заседании совета в суде, который может рассматривать его поведение и имеет право указывать на недостатки» (Lacroix, 1854: 10). В любой стране имеются те или иные институты власти (кроме правителя государства) и только в России есть никем не сдерживаемый и не ограничиваемый суверен, чья воля является безусловным законом. Автор пишет об автократической традиции русского государства и общества, где царь – это и есть высшая власть, все существует для него и вокруг него. Царь может все создать и разрушить. Поэтому Лакруа приходит к выводу, что «если Людовик XIV имел полное право утверждать, что: «Государство – это я», то русский монарх может с уверенностью добавить, что: «Вся Россия – это я» (Lacroix, 1854: 11). Автор заключает, что русский царь всемогущ, он может распоряжаться имуществом подданных, руководить армией и внешней политикой, наконец, «он могущественнее Бога» (Lacroix, 1854: 11).

Таким образом, объективный наблюдатель обнаруживал основное препятствие на пути развития страны в деспотическом характере власти. В отличие от А. де Кюстина, который не видел будущего у России и негативно оценивал все стороны ее жизни, Лакруа, находясь, скорее всего, под влиянием революционных идей, полагал, что свержение самодержавия откроет ей дорогу к политической свободе и процветанию.

Другой французский путешественник Ж.-Ф. Ансело видел в России, прежде всего, рабскую по своей сути страну: «Не странное ли зрелище, что эти люди одновременно и рабы и деспоты?» (Ancelet, 1827: 75). И более того, автор утверждал, что «В России существуют только два класса: хозяева и рабы» (Ancelet, 1827: 83). Однако, и Ансело, и Лакруа, столь критически оценивавшие политический режим и общественные порядки России, в отличие от де Кюстина, не считали саму страну дикой и несущей угрозу Западу.

К следующей группе произведений относятся заметки французских путешественников, представивших описательные нарративы с отвлеченными рассуждениями о России. Авторы подобных работ – французы, отправлявшиеся в поездки по России с познавательными или утилитарными целями. Их заметки изобилуют сведениями о природных богатствах, о крупных торговых и промышленных центрах не только Центральной России, но и Сибири, Урала, Крыма, Поволжья. Кроме того, авторы обращались к хозяйственной деятельности, быту, религиозным особенностям и культурным традициям российского народа. При этом их непосредственное восприятие российских реалий не было искажено сложившимися негативными стереотипами и пропагандистскими клише, что придавало работам объективный характер и вызывало интерес, прежде всего, у прагматически настроенной части французского общества.

Одним из известных путешественников середины XIX в. был Фредерик Ле Пле, который в 1844 г. посетил Казань, Урал (Екатеринбург, Златоуст, Нижний Тагил) и оставил подробное описание природы, традиций, быта, включая даже устройство домов в Сибири (Grève de, 1990: 631-645). Следует заметить, что особый интерес Ф. Ле Пле как французского инженера вызывали предприятия российской промышленности и, прежде всего, уральские заводы. Он описывал природные богатства, сырьевые ресурсы региона с точки зрения возможности их промышленного использования. При этом в отличие от многих своих сограждан Ф. Ле Пле восхищался потенциалом России, ее могучей природой. Замечал он и недостатки. Например, в Сибири ему пришлось столкнуться с явлением, которое существенно испортило впечатление от поездки. «Чтобы сохранять баланс между красотой и всеми выгодами природы, – писал он, – каждая страна имеет и свои недостатки. Главный недостаток северного Урала – это обилие комаров» (Grève de, 1990: 640).

Француз Дик Де Лонле и его записки – это еще один пример скрупулезного и объективного анализа российской действительности. В 1886 г. путешественник составил свое описание поездки по России, одним из ярких эпизодов которой для него стало его присутствие на коронации Александра III. Автор представил фактически почасовой репортаж данного события, воспроизводя в мельчайших деталях все его тонкости. Д. Де Лонле показал прекрасное знание и уместное использование русских слов и понятий (Grève de, 1990: 1061-1071), а само торжество описал как великолепный народный праздник, со скomorохами, казаками и другими традиционными для России элементами.

Участие в охоте на волков, сильные морозы, медведи, подходившие близко к деревне, – все это произвело впечатление на Олима Одуара, побывавшего в России, в гостях у своих друзей в 1870 г. Яркие воспоминания легли в основу книги О. Одуара «Путешествие в страну бояр», в которой он описал не только природу Костромской земли, но и жизнь различных слоев общества этого региона, их традиции, быт и занятия (Grève de, 1990: 969-972).

Французский путешественник Рауль Бурдьё в 1851 г. отправился на север Сибири, в Якутск. Внимание автора привлекла, прежде всего, жизнь местного населения, его основные виды деятельности (например, торговля мехом, бивнями моржей и мамонтов), а главное – способность людей выживать в условиях суровой природы (Grève de, 1990: 173).

Интересны заметки путешественника Ж.-Ф. Ансело о городах России. Нечасто французы уезжали дальше Москвы и Петербурга и тем интереснее мемуары тех, кто отваживался покинуть

пределы столиц в целях изучения глубинки страны, жизни и обычаев ее народа. В частности, Ж.-Ф. Ансело писал: «Первый город, который притягивает интерес на пути из Петербурга в Москву, – это знаменитый Новгород. Когда размышляешь о его былом великолепии, вспоминаешь старую русскую поговорку: «Кто может противостоять богам и Великому Новгороду?» (Ancelet, 1827: 241).

Интерес к российской провинции был связан не только с ознакомительными, но и с прагматическими аспектами. Многие французские предприниматели во второй половине XIX в. открывали в России свое дело, поэтому записки французских путешественников, посетивших различные регионы обширной российской империи, являлись ценным источником при изучении специфики экономического развития, в частности промышленности, торговли, сельского хозяйства. В итоге, знакомство французских читателей с русскими традициями и бытом, делали записки путешественников ценным материалом в глазах тех, кто отправлялся в Россию с определенными практическими целями.

Французский публицист и путешественник Г. де Молилари в своих записках о России поднял еще одну важную проблему, представляющую определенный интерес для любого европейца: сущность духовных ценностей русских, настаивая на том, что тезис об их особенной религиозности является мифом. Так, согласно наблюдениям Г. де Молилари, религиозность простого народа, например, его представления о христианских святых были наполнены различного рода суевериями. В итоге автор сравнивал православие русского народа с язычеством, а почитание Святого Николая и Святого Ильи с идолопоклонничеством. «Так живо, – по его мнению, – переплелись у русских христианские и народные начала» (Molinari, 1877: 94).

Г. де Молилари отмечал отсутствие религиозной культуры не только в народной среде, но и среди аристократии, а также правящих кругов. По мнению автора, преобладание внешней набожности над искренней верой, низкий уровень религиозности различных слоев общества вызывались, в конечном итоге, монопольным положением православной церкви в русском государстве. Следствием же превращения церкви в инструмент государственного управления стало определенное равнодушие к религии как таковой, что, как утверждал де Молилари, «... нигде не было так заметно как в России» (Molinari, 1877: 88-89).

Описание православного культа, праздников, обрядов, церквей и т.д. является свидетельством попыток, предпринимаемых со стороны иностранцев, понять природу и особенности духовной традиции русского народа. Однако, в большинстве случаев, религиозные особенности России анализировались зарубежными авторами не с целью выявления их глубинной сущности, а для доказательства тезиса о чуждости российского и западноевропейского духовных начал.

Наконец, к третьей группе произведений о России можно отнести работы литературного характера, созданные французскими писателями – путешественниками. Во второй половине XIX в. расширились контакты российских и французских литераторов: в России побывали писатели О. де Бальзак, А. Дюма (отец), оставившие весьма ценные заметки об увиденном (*Histoire de la neige*, 1994).

В конце XIX в. особенно популярной среди французских путешественников становится длительная поездка по Транссибирской магистрали, которая превращается в один из способов изучения России. Подобные вояжи французские литераторы предпринимают с целью ближе познакомиться с экзотическим «восточным соседом», стремясь побывать не только в крупных городах, но и добраться до Дальнего Востока. Примечательно, что по итогам своих путешествий, французские писатели составляли путевые заметки и даже значительные литературные произведения, в которых сравнивали бескрайние просторы России с русским национальным характером и русской душой, находящейся в постоянном поиске. Транссибирская магистраль становится своеобразным символом России и её модернизации, показателем мощи народа и уровня образования его интеллектуальной элиты. Путешествие по железной дороге через всю страну широко освещалось во французской прессе, строительство Транссибирской магистрали и те преимущества и возможности, которые будут получены в результате ее использования сравнивались по масштабу с сооружением Суэцкого канала и, даже, с открытием Америки (*La France*, 1903: 2).

В конце века образ России получает новое наполнение, связанное с научным прогрессом, с интересом к техническим достижениям. Однако и в новую эпоху европейские путешественники много пишут о русской природе, о регионах, поражавших их своими необъятными просторами (В. Ларбо, Г. Леру). Более того, во Франции появляются литературные произведения, главным сюжетом которых становится тема путешествия по России, что свидетельствует о популярности подобных поездок (например, приключенческий роман Ж. Верна «Клодиус Бомбарнак. Записная книжка репортера об открытии большой Трансазиатской магистрали (из России в Пекин)», изданный в 1893 г.). К концу века «стальной пояс» России, связывающей ее от Балтики до Тихого океана, превращается в новый символ страны, которая ранее ассоциировалась с варварством и отсталостью.

4. Заключение

В XIX в. французы все более активно знакомятся с Россией, отражая в своих записках собственное восприятие русских реалий, особенностей политического строя, общественной жизни, духовных ценностей и пр. Следует заметить, что при освещении политического строя, общественных отношений, культурных традиций авторы в большинстве своем односторонне критически оценивали увиденное в России, не стремились не только объяснить, но и вникнуть в суть процессов и явлений.

Недостаточная глубина анализа истории страны и ее народа и, прежде всего, восприятие их как «опасного другого» препятствовали пониманию особенностей российской цивилизации, что зачастую приводило французских авторов к поверхностным суждениям и следованию сложившимся ранее негативным представлениям о стране. Для французов был свойственен европоцентризм при построении парадигмы «свой-чужой», где «свой» – это понятный, принадлежащий во всех проявлениях к западноевропейскому миру и традициям, а «чужой» – варварский и нецивилизированный по своей сути объект.

Вместе с тем в XIX в. в записках части французских авторов, руководствовавшихся при изучении России, прежде всего, практическим интересом, наблюдаются объективные представления о русской жизни, положительные оценки природы страны, творческого потенциала народа и пр.

Большое число выходцев из Франции обосновались в России, найдя здесь для себя «вторую родину». Французы проявили себя в развитии промышленности, культуры, науки, внося весомый вклад в модернизацию России. Они способствовали не только расширению экономических, культурных и гуманитарных связей российского и западноевропейского общества, но и пробуждению познавательного интереса к России, преодолению тех антироссийских страхов и мифологем, которые складывались на Западе веками. Вместе с тем сложно не согласиться со словами Ф.И. Тютчева о том, что «... о России много говорят; в наши дни она стала предметом жгучего, беспокойного любопытства. Очевидно, что она сделалась одной из самых больших забот нынешнего века; однако, следует признать, что эта забота, заметно отличаясь от других волнующих наше время проблем, скорее угнетает, нежели возбуждает современную мысль...» (Тютчев, 2003: 17). Представляется, что это суждение поэта не потеряло своей актуальности и сегодня.

Литература

- Артемова, 2000 – *Артемова Е.Ю.* Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века) / Под ред. Л.Н. Пушкирева. М., 2000. 253 с.
- Гачев, 1994 – *Гачев Г.М.* Национальные образы мира. М., 1994. 480 с.
- Гейне, 1958 – *Гейне Г.* Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Л., 1958. 278 с.
- Данилова, 1946 – *Данилова Е.Н.* «Завещание» Петра Великого. // *Труды Историко-архивного института.* Т. 2. М., 1946. С. 203-270.
- Козлов, 1996 – *Козлов В.И.* Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996. 272 с.
- Кюстин, 2008 – *Кюстин А.* Россия в 1839 году. СПб., 2008. 704 с.
- Линькова, 2014 – *Линькова Е.В.* К вопросу о формировании образа России в Западной Европе // *Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история»*, 2014, № 1. М., 2014. С. 51-59.
- Мезин, 2003 – *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. 214 с.
- Мильчина, 2006 – *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2006. 528 с.
- Мильчина, Осповат, 2008 – *Мильчина В.А., Осповат А.Л.* Комментарии к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 г.». СПб., 2008. 368 с.
- Мильчина, Осповат, 1995 – *Мильчина В.А., Осповат А.Л.* Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С.С. Уварова. *Новое литературное обозрение*, 1995, № 13, С. 91-107.
- Образ России, 1998 – *Образ России.* Русская культура в мировом контексте. М., 1998. 408 с.
- Поляков, 2013 – *Поляков О.Ю.* Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013. 162 с.
- Россия и Европа, 1996 – *Россия и Европа в XIX–XX вв.: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур.* М., 1996. 228 с.
- Россия и мир глазами друг друга, 2000–2016 – *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Сб. ст. Вып 1-7 / Отв. ред. А.В. Голубев. М., 2000–2016.
- Россия и Франция, 2006 – *Россия и Франция.* М., 2006. 405 с.
- Тютчев, 2003 – *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 3. М., 2003. 528 с.
- Фабер дю Фор, 2011 – *Фабер дю Фор Х.В.* Война 1812 года: Иллюстрированный дневник участника. М., 2011. 144 с.
- Французы в России, 2012 – *Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: [сборник]: в 3 ч.* М., 2012. Ч. I-II. 736 с. Ч. III. 576 с.
- Ancelet, 1827 – *Ancelet J.-F.* Six mois en Russie. Paris, 1827. 326 p.
- Chappe d'Auteroche – *Chappe d'Auteroche J.* Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les mœurs et les usages des Russes, et l'état actuel de cette puissance; de la description géographique et le nivellement de la route de Paris à Tobolsk; l'histoire naturelle de la même route; des observations astronomiques et des expériences sur l'électricité naturelle. Available at: <https://books.google.ru>
- Ducrey, 2013 – *Ducrey A.* Pierre le Grand dans les lettres françaises (XVIII et XIX siècles): Du personnage historique à la figure mythique // *Россия и Франция: XVIII–XIX вв. Лотмановские чтения.* М., 2013. С. 13-29.

- [Grève de, 1990](#) – *Grève de C.* Le voyage en Russie. Anthologie des voyageurs français aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris, 1990. 1293 p.
- [Histoire de la neige, 1994](#) – Histoire de la neige. La Russie dans la littérature française. Paris, 1994. 306 p.
- [La France, 1903](#) – La France. № 1203, 17 mars 1903. p. 2.
- [L'ours et le coq, 2000](#) – L'ours et le coq. Trois siècles de relations franco-russes. Paris, 2000. 287 p.
- [Lacroix, 1854](#) – *Lacroix F.* Les mystères de la Russie. Tableau politique et moral de l'Empire russe. Paris, 1854. 323 p.
- [Minuti, 2001](#) – *Minuti R.* L'image de la Russie dans l'oeuvre de Montesquieu // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001. С. 168-174.
- [Molinari de, 1877](#) – *Molinari de G.* Lettres sur la Russie. Paris, 1877. 404 p.

References

- [Artemova, 2000](#) – *Artemova E.Ju.* (2000). Kul'tura Rossii glazami posetivshih ee francuzov (poslednjaja tret' XVIII veka). [The culture of Russia through the eyes of the French that have visited it (the last third of XVIII century)]. Moscow. 253 p.
- [Gachev, 1994](#) – *Gachev G.M.* (1994). Nacional'nie obrazi mira. [National images of the word]. Moscow. 480 p.
- [Geine, 1958](#) – *Geine G.* (1958). Sobranie sochinenij v 10 t. T. 7. [The Complete works. In 10 volumes. Vol. 7]. Leningrad. 278 p.
- [Danilova, 1946](#) – *Danilova E.N.* (1946). «Zavechanie» Petra Velikogo. [The testament of Peter the Great]. *The writings of Historical and archival institute*. Vol. 2. Moscow. pp. 203-270.
- [Kozlov, 1996](#) – *Kozlov V.I.* (1996). Taini fal'sifikacii. Analis poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov [Secrets of falsification. Analysis of forgeries of historical sources in XVIII–XIX centuries]. Moscow. 272 p.
- [Kjustin, 2008](#) – *Kjustin A.* (2008). Rossia v 1839 godu. [Russia in 1839]. Saint-Petersbourg. 704 p.
- [Lin'kova, 2014](#) – *Lin'kova E.V.* (2014). K voprosu o formirovanii obraza Rossii v Zapadnoj Evrope [To the question about the formation of Russia's image in Western Europe]. *Bulletin of PFUR. Series of «Universal history»*, 2014, № 1. Moscow. pp. 51-59.
- [Mezin, 2003](#) – *Mezin S.A.* (2003). Vzglyad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I. [The View from Europe: the French authors of the eighteenth century about Petr I]. Saratov. 214 p.
- [Milchina, 2006](#) – *Milchina V.A.* (2006). Rossija i Francija. Diplomaty. Literatory. Shpiony. [Russia and France. Diplomats. Writers. Spies] Saint-Petersbourg. 528 p.
- [Milchina, Ospovat, 2008](#) – *Milchina V.A., Ospovat A.L.* (2008). Kommentarii k knige Astolfa de Kustina «Rossia v 1839 g.» [Comments to the book by Astolphe de Custine «Russia in 1839»]. Saint-Peterbourg, 2008. 368 p.
- [Milchina, Ospovat, 1995](#) – *Milchina V.A., Ospovat A.L.* (1995). Peterburgskii kabinet protiv markisa de Kustina: nerealizovaniy proekt S.S. Uvarova [Petersburg office against the marquis de Custine: an unrealized project of S.S. Uvarov]. *New literary review*, № 13. pp. 91-107.
- [Obraz Rossii, 1998](#) – *Obraz Rossii.* Russkaja kul'tura v mirovom kontekste. [The image of Russia. Russian culture in global context]. Moscow, 1998. 408 p.
- [Poljakov, 2013](#) – *Poljakov O.U.* (2013). Imagologija: teoretiko-metodologicheskie osnovy [Imagology: theoretical and methodological foundations]. Kirov. 162 p.
- [Rossija i Evropa, 1996](#) – *Rossija i Evropa v XIX–XX vv.: Problemy vzaimovosprijatija narodov, sociumov, kul'tur.* [Russia and Europe in the XIX–XX centuries: problems of mutual perception of the peoples, societies, cultures]. Moscow, 1996. 228 p.
- [Rossija i mir glazami drug druga, 2000](#) – *Rossija i mir glazami drug druga: Iz istorii vzaimovosprijatija.* [Russia and the world through the eyes of each other: From the history of the perception] Moscow, 2000.
- [Rossija i Francija, 2006](#) – *Rossija i Francija.* [Russia and France]. Moscow, 2006. 405 p.
- [Tjutchev, 2003](#) – *Tjutchev F.I.* (2003). Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma. V 6-ti tomah. T. 3. [The Complete works. Letters. In 6 volumes. Vol. 3]. Moscow. 528 p.
- [Faber du For, 2011](#) – *Faber du For H.V.* (2011). Voina 1812 goda. Illjustririvany dnevniki uchastnika [The War of 1812. Illustrated diary of the participant]. Moscow. 144 p.
- [Francuzy v Rossii, 2012](#) – *Francuzy v Rossii: 1812 god po vospominanijam sovremennikov-inostrancev [sbornik]: v 3 ch.* [The French in Russia: 1812 in memoirs of contemporaries-foreigners. In 3 parts. Moscow, 2012. Part I-II. 736 p. Part III. 576 p.
- [Ancelot, 1827](#) – *Ancelot J.-F.* (1827). Six mois en Russie. Paris. 326 p.
- [Chappe d'Auteroche](#) – *Chappe d'Auteroche J.* Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les mœurs et les usages des Russes, et l'état actuel de cette puissance; de la description géographique et le nivellement de la route de Paris à Tobolsk; l'histoire naturelle de la même route; des observations astronomiques et des expériences sur l'électricité naturelle. Available at: <https://books.google.ru>
- [Ducrey, 2013](#) – *Ducrey A.* (2013). Pierre le Grand dans les lettres françaises (XVIII et XIX siècles): Du personnage historique à la figure mythique. // Russia and France: the XVIII–XIX centuries. Lotman Readings. Moscow. pp. 13-29.

- Grève de, 1990 – *Grève de C.* (1990). Le voyage en Russie. Anthologie des voyageurs français aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris. 1293 p.
- Histoire de la neige, 1994 – Histoire de la neige (1994). La Russie dans la littérature française. Paris. 306 p.
- La France, 1903 – La France. № 1203, 17 mars 1903. p. 2.
- L`ours et le coq, 2000 – L`ours et le coq (2000). Trois siècles de relations franco-russes. Paris. 287 p.
- Lacroix, 1854 – *Lacroix F.* (1854). Les mystères de la Russie. Tableau politique et moral de l'Empire russe. Paris. 323 p.
- Minuti, 2001 – *Minuti R.* (2001). L'image de la Russie dans l'oeuvre de Montesquieu // European enlightenment and the development of civilization in Russia. Saratov. pp. 168-174.
- Molinari de, 1877 – *Molinari de G.* (1877). Lettres sur la Russie. Paris. 404 p.

УДК 93/94

Образ России во французской литературе путешествий XIX в.

Жанна Михайловна Арутюнова^{а,*}, Елена Валентиновна Линькова^а, Рафаэль Амирович Арсланов^а

^а Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ литературы путешествий французских авторов XIX в. в Российскую империю. Целью статьи является реконструкция и обобщение того образа страны, который складывался у французов в результате непосредственного общения с людьми, ее населяющими, восприятия их культуры, быта и поведения. В качестве источниковой базы использовались работы не только знаменитых, но и малоизвестных широкому кругу читателей французских путешественников и публицистов.

XIX в. – это время расширения культурных, гуманитарных, экономических и дипломатических связей между Россией и Францией, что повлекло за собой увеличение числа иностранцев, приезжавших в России, а, следовательно, и работ, в которых отразились их впечатления от страны, интерпретировались особенности ее хозяйственной деятельности и государственного строя. В этот период европейцы наряду с двумя столицами – Санкт-Петербургом и Москвой, начали активно посещать Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Крым и другие регионы. При этом заметно расширяется не только география путешествий, но перечень объектов, вызывавших их внимание. По-прежнему, как и в предшествующую эпоху, французские авторы пишут о жизни двора, традициях и нравах, государственном и общественном устройстве, религиозных особенностях и культуре России. Вместе с тем их начинают интересовать изменения, происходившие в условиях пореформенной модернизации в городе и деревне, события общественной и научной жизни.

В этот период литература путешествий значительно обогащается, что свидетельствовало о повышении интереса к России, ее обществу и государству. Наряду с познавательной мотивацией рост внимания стимулировался прагматическими соображениями, вызванными потребностями написания объективной картины положения дел в стране. Без знания особенностей ее экономического развития, внутренней политики, уровня военного потенциала и др. нельзя было не только изучить, но и представить реальную, а не мифическую Россию. Следует учесть и влияние распространявшегося в Европе позитивистского мышления, требующего научного описания природы и общества. В этой ситуации в сознании французов наметилось противоречие между складывавшимися веками стереотипами о варварской стране, и потребностью создания реального образа России и её народа, без которого невозможно было не только понять её особенности, но и выстраивать конструктивные отношения с великой европейской державой.

Таким образом, записки путешествующих иностранцев несли весьма ценные, не деформированные предвзятыми соображениями сведения о состоянии дел в России, что было немаловажно для европейских читателей и, конечно же, для дипломатов, военных и правителей других государств.

Безусловно, французские авторы, воспроизводили картины увиденного в России сквозь призму собственного опыта, политических пристрастий, определенных стереотипов и мифов о российском государстве и народе, сложившихся в предыдущие эпохи. Однако, несмотря на определенную субъективность в оценках и суждениях, работы французских авторов являются весьма ценным источником в рамках проведения имагологических исследований, изучения образа «своего» и «другого» в представлении европейцев XIX в.

Ключевые слова: образ России, имагология, путешествия, Франция, самодержавие, православие, стереотипы, национальный образ.

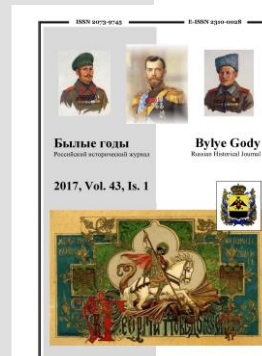
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: jeannearout@mail.ru (Ж.М. Арутюнова),
e.v.linkova@yandex.ru (Е.В. Линькова), ars_raf@mail.ru (Р.А. Арсланов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 68-85, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.68
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, d, *}, Vladimir G. Ivantsov ^b, Michal Smigel ^c, Violetta S. Molchanova ^a

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Sochi state university, Russian Federation

^c Matej Bel University, Slovakia

^d East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article reflects the data obtained from official documents published by the military historical department at the headquarter of the Caucasian military district about the Russian army losses in the period of the Caucasian War 1801–1864 years. There were used the materials of personal origin, pre-revolutionary research and modern scientific publications. The analyzed statistics includes the data about the losses of Russian army over the years with the release of different positions: the irretrievable losses of officers and lower ranks with the division of them on reflection of highlanders' attacks and military operations; sanitary losses; loss of prisoners. The article separately identifies from a statistical array the losses of officers, natives of the Caucasus, who served in the Russian army; the losses in the suppression of uprisings and unrest. Based on the analyzed data, the authors examined and compared the two stages of the Caucasian War: 1801–1836 and 1837–1864 years. The statistics of losses is analyzed in the context of specific historical events.

Keywords: Caucasian war, losses, theater of operations, slave trade, attacks, military operations, stages of the war, ethnonyms, 1801–1864.

1. Введение

Исторически сложилось, что историю Кавказской войны специалисты в разные периоды времени рассматривали по-разному, причиной этому были разные исследовательские подходы. Так, в советский период благодаря насаждению тезиса о «национально-освободительной борьбе горцев против царизма» формируется представление о Кавказской войне как войне 1817–1864 годов. Ответственность за начало боевых действий в одностороннем порядке возлагается на русское командование, а в частности на генерала А.П. Ермолова. Однако совершенно другого мнения придерживалась дореволюционная историческая школа, которая вела отсчет Кавказской войны с 1801 года, то есть с присоединения Грузии к Российской империи и защиты ее населения от набегов горцев, занимающихся захватом пленников и обращением их в рабов.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источника использован официальный материал – «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. / сост. А.Л. Гизетти» ([Сборник сведений о потерях, 1901](#)). Помимо этого были использованы документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация),

* Corresponding author

E-mail addresses: sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), V-ivantsov@rambler.ru (V.G. Ivantsov), michal.smigel@umb.sk (M. Smigel), v.molchanova_1991@list.ru (V.S. Molchanova)

материалы личного происхождения, а также дореволюционные изыскания и современные научные публикации.

2.2. В статье широко применен статистический метод. Так нами сделаны выборки из статистического массива, а именно: в числе офицеров, погибших в период Кавказской войны, выделены уроженцы Кавказа, служившие в Русской армии; разделены потери от нападений горцев и от проведения армейских операций.

3. Обсуждение и результаты

3.1. Хронологические и географические рамки

3.1.1. Рассматриваемые в статье хронологические рамки Кавказской войны определяются следующими датами: 8 января 1801 года – 21 мая 1864 года. Нижняя граница обусловлена подписанием манифеста императора Павла I о добровольном присоединении Картли-Кахети (Восточная Грузия) к Российской империи. Это создало новую ситуацию в регионе, имевшую следствием противодействие горских народов расширению российских владений на Кавказе. Верхняя граница определена падением последнего пункта сопротивления горных джигетов близ урочища Кбаада (ныне Красная поляна). Продолжительность периода военного противостояния сторон исчисляется (включая високосные годы) в 23144 дня.

Первый опыт периодизации Кавказской войны был предпринят сразу после ее окончания. А.Д. Берже, председатель Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК), в предисловии к 1-му тому АКАК, на основе изучения дел архива Главного управления наместника Кавказа счел возможным разделить их на три периода: 1-й период начинается с 1801 года и продолжается до вступления в 1816 г. генерала А.П. Ермолова в управление Грузией. 2-й период охватывает деятельность Ермолова на Кавказе до 1827 года и «поныне» (АКАК, 1866: IV).

В историографии Кавказской войны по вопросу ее хронологических рамок и периодизации нет единого мнения. В литературе наиболее спорна дата начала войны: это и 1783, и 1801, и 1817, и 1834 гг. и др. Распространенной, включая энциклопедии, является датировка Кавказской войны (без внешних войн России с Турцией и Персией) временем с 1817 по 1864 гг. Что касается периодизации Кавказской войны, то здесь разброс суждений также значителен. Один из предложенных этапов войны следующий: 1818–1829, 1830–1834, 1834–1859, 1859–1864 гг. (Джахиев, 2004: 5-8).

Наши аргументы относительно иной периодизации войны излагаются ниже, в процессе анализа потерь Русской армии.

3.1.2. Боевые действия в Кавказской войне в различных формах велась на территории Северного Кавказа, Предкавказья и Закавказья. Территориями наиболее активных и кровопролитных действий являлись Чечня, горный Дагестан и Северо-Западный Кавказ. С учетом этих обстоятельств возможно выделение двух основных театров военных действий (ТВД). Восточный ТВД – на этой территории главным противником России выступало государственное образование Шамиля Имамат, объединившее различные дагестанские и чеченские племенные этносы. Имамат отличался высоким уровнем централизации и высокой боеспособностью войск. На вооружении горцев была артиллерия, часть которой они изготавливали самостоятельно.

Северо-Западный ТВД, на территории, расположенной южнее реки Кубань, включая земли исторической Черкесии. Противником здесь выступали адыги (черкесы). Уровень централизации военных усилий на протяжении всей войны здесь оставался крайне низким, каждое племя воевало или мирилось с русскими автономно, лишь изредка образовывая непрочные союзы с другими племенами. Нередкими в ходе войны были столкновения между самими черкесскими племенами. Продолжалась практика захвата пленных и внутренняя работорговля.

3.1.3. Ситуация накануне войны

После падения Византийской и Трапезундской империй в середине XV столетия Грузинское царство раскололось на отдельные княжества и перестало цивилизационно влиять на Кавказ. Кавказские племена разделились на составные части на охотников и на их добычу, что зависело от того где они жили – в непроходимых горах или на открытых местах. Но это различие со временем исчезло. Приученные с детства к охоте на людей, горцы так сроднились с этим специфическим промыслом, что перенесли его в собственные ущелья. Возвращаясь с охоты в чужом краю, они ставили ловушку соседу, крали его детей, продавали собственных.

До вхождения Крымского полуострова в состав Российской империи (1783 г.) Крым являлся крупным центром работорговли на Черном море. Согласно приблизительным данным в период существования Крымского ханства здесь было продано в рабство более 3 млн человек (Fisher, 1972).

На Кавказе центрами работорговли являлись Батум, Поти, Анапа, Исагури, Сухум-Кале, Кодос, черкесское побережье и др. Здесь пленники (черкесы, грузины, мингрелы, абхазы, русские, поляки, армяне и др.), переходя из рук в руки, продавались турецким, иногда армянским торговцам, которые переправляли их в Стамбул, а оттуда вывозились в Египет и порты Леванта. До конца 1820-х гг. с восточного побережья Черного моря ежегодно вывозилось 3 тыс. рабов (Бларамберг: 360, 362).

Адыгское, абазинское и другое горское простонародье являлось выгодным товаром на невольничьих рынках. Хотя среди захваченных и обращенных в рабство людей бывали и представители знати (ТАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 63. Л. 6). Поэтому турки не спешили обращать его в ислам, так как согласно Корану мусульманин не имел права торговать мусульманами. При этом горская знать уже исповедовала ислам и турки стремились закреплять свои позиции, привлекая этих единоверцев на свою сторону (Кипкеева, 2008: 17).

С середины XVI в. на Кавказе набирает развитие сложный процесс добровольного вхождения в состав Российской империи народов Кавказа. Необходимо отметить, что в России в то время была популярна европейская идея о цивилизаторской миссии страны (Mamedov, 2014: 142-162). Ориентация горских народов на российское подданство менялось и находилось в зависимости от внешнего фактора – политики Персии и Османской империи, стремившихся к экспансии на территории Кавказа, сопровождавшейся грабежами, разорениями, убийствами, а также распространением практики захвата пленников с последующей продажей их в качестве рабов.

С 1801 года, когда Грузия вошла в состав Российской империи, масштабы работорговли стали значительно сокращаться. Однако как полагал Р. Фадеев, чтобы очистить Закавказье от лезгинских банд (собирательное название горцев – Авт.), активно занимавшихся захватом пленников и последующей продажей, необходимо было истреблять их в течение 15 лет (Фадеев, 1860: 18). Между тем банды продолжали свой промысел, но начали действовать скрытно, минуя кордоны русских войск и осуществляя нападение только в случае полной уверенности в успехе. Захватив добычу, караван направлялся к местам сбыта «живого» товара. Такая подпольная продажа людей производилась практически на всей территории Кавказа даже в середине XIX века. В особенности такая торговля возрастала на сопредельных с Османской империей территориях, например Гурия (ЦГИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3525. Л. 1-36) или Абхазия (ЦГИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3632. Л. 4-5). При этом торговлей людьми занимались все от крестьян до князей, отличия были только в масштабах. Так, например, владетель Абхазии князь Михаил Шервашидзе в 1846 г. продал в Османскую империю около 400 местных жителей (ЦГИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3632. Л. 4), что составило не многим менее 1 % населения Абхазии (в 1835 г. население Абхазии составляло 52590 человек (Зубарев, 1842: 83)).

Вот как выглядел невольничий караван в описании С. Броневского: «...скованных пленников по два вместе за одну руку, приводят большими конвоями через земли Чеченские, Ингушевские и Черкесские скрытными дорогами мимо российских караулов до Анапы. Прежде такие караваны отправлялись также через Куманскую и Кубанскую степь в Крым, и оттуда в Константинополь. Ныне сим путем перевозить пленников строго запрещено со стороны Российского правительства. Женщинам дают лошадей и имеют за ними особенный присмотр, а прочих пленников ведут пеших и кормят досьга, чтобы в дороге не исхудали. Из Джар лезгины проводят пленников через Грузию также скрытыми дорогами по горам и лесам в Ахальцах и оттуда далее в Черноморские пристани Батум и Потти. Но дабы умножить добычу похищением грузинских жителей, разделяются на малые отряды; одни провожают пленных, другие имеют в предмете новые поиски, стараясь однако же возвратиться в Джары того же лета или до наступления глубокой осени» (Bronevskii, 1823: 313-314).

Так уж исторически сложилось, что цены на рабов были очень высоки. Т. Лапинский отмечал, что мальчик никогда не продается в стране (имеется ввиду Черкессия – Авт.) дешевле 100 серебряных рублей, девушка, если она только сносно сложена, достигает 300, но не превышает почти никогда 500 рублей, раб, годный для военной службы, стоит обыкновенно 200 рублей. Торговец рабами получает прибыли почти всегда втрое, вчетверо, часто даже в десять раз больше (Лапинский, 1995: 106). По приведенным данным девушка, продаваемая в рабство, стоила до 500 рублей, в то время как жалование русского офицера было около 300 рублей в год. При таких ценах на пленников заниматься охотой на людей было очень выгодно и ничто другое не могло сравниться по эффективности, ни скотоводство, ни садоводство, ни хлебопашество. Это предопределило особый характер Кавказской войны, где практикой на всем ее протяжении являлись набеги и захват пленных.

Таблица 1. Наиболее результативные набеги горцев на населенные пункты (Сборник сведений о потерях, 1901: 9, 18, 20, 28, 58, 61, 66, 121)

дата	Населенный пункт	Потери населения		
		убитые	раненые	пленные
1809 г.	селение Каменнобродское	Данных нет	58	51
13 мая 1823 г.	станция Круглолесская	50	41	302
29 октября 1825 г.	станции Каменнобродская и Богоявленская	14	11	79
1 ноября 1831 г.	гор. Кизляр	103	29	155

9 марта 1841 г.	селение Чир-Юрт	60	Данных нет	240
23 января 1842 г.	Васюринский курень	84	13	30
10 ноября 1842 г.	Станица Темнолеская	25	6	106
3 марта 1843 г.	гор. Моздок и станция Лукловская	8	1	25
26 июня 1862 г.	станция Псеменская	29	14	40
3 октября 1862 г.	станция Нижне- Баканская	7	7	3

Приведенная статистика свидетельствует, что целью набегов были не только грабеж, но и пленные, которые еще до налета расценивались как добыча, отсюда и стремление по возможности не ранеными ее захватывать. Случалось, что при набеге население оказывало жесточайшее сопротивление. В качестве примера может служить Васюринский курень, где из 127 жителей 84 было убито. Менее результативные налеты с целью захвата людей происходили повсеместно.

Таким образом, придя на Кавказ, Российская империя должна была искоренить, в первую очередь, широко распространенное рабство и работорговлю.

3.2. Статистика потерь Русской армии

В период Кавказской войны Русская армия, согласно официальным данным, потеряла: убитыми – офицеров 803 (еще один офицер погиб спустя месяц после окончания войны), нижних чинов 24148, ранеными офицеров 3154 и нижних чинов 61971 человек, пленными – офицеров 92 и нижних чинов 5915 (*Сборник сведений о потерях, 1901: II*). Из числа раненых значительное количество умерло, однако численность их неизвестна. Умерло и значительное количество пленных, которые в нечеловеческих условиях находились в положении рабов (*Smigel, Cherkasov, 2016: 1188*). При пересчете всех потерь в сборнике нами выявлена небольшая погрешность в размере менее 0,5 % (См. *Таблицы 2, 3*).

Первым офицером, погибшим в период Кавказской войны, был штабс-капитан Габуадзе Кабардинского мушкетерского полка, который погиб во время нападения лезгин на пост Чикаани 15 августа 1802 года (*Сборник сведений о потерях, 1901: 3*). Последней жертвой стал подпоручик Гугиев 153-го пехотного Бакинского полка, погибший уже после окончания Кавказской войны – 24 июня 1864 года во время экспедиции в общество Хакучей (*Сборник сведений о потерях, 1901: 126*).

Помимо этого потери несли и жители населенных пунктов в Черномории, а также на Кавказской и Лезгинской линиях от набегов горцев. Эти потери составили более 2 тыс. человек убитыми и ранеными (*Сборник сведений о потерях, 1901: III*).

Кроме этих потерь покорение Кавказа унесло еще более чем втрое умершими от болезней, в особенности в тех его частях, которые были расположены в местностях крайне неблагоприятных по климатическим условиям, как например, на территории Черноморской береговой линии, на Алазани и в других местах (*Сборник сведений о потерях, 1901: III*).

Все потери убитыми мы разделили на две части: на погибших во время набегов горцев и при проведении войсковых операций. Помимо этого в убыль от набегов были включены и потери при подавлении восстаний, так как практически все восстания происходили стихийно и их невозможно было ни предсказать, ни предупредить заранее.

Среднесуточные безвозвратные боевые потери за период Кавказской войны:

Офицеры – 0,034 чел.

Нижние чины – 1,043 чел. (Подсчитано нами – Авт.).

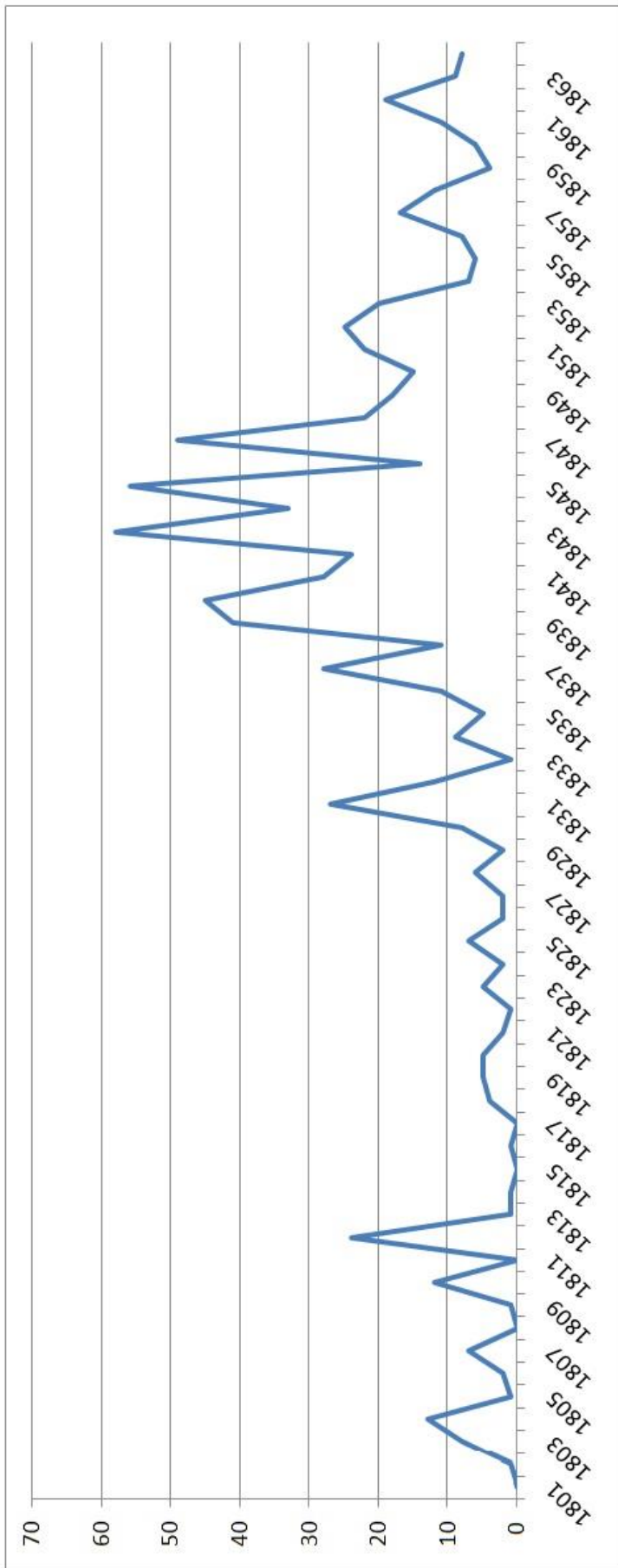

Диаграмма 1. Потери офицерского корпуса в период Кавказской войны за 1801–1864 гг.

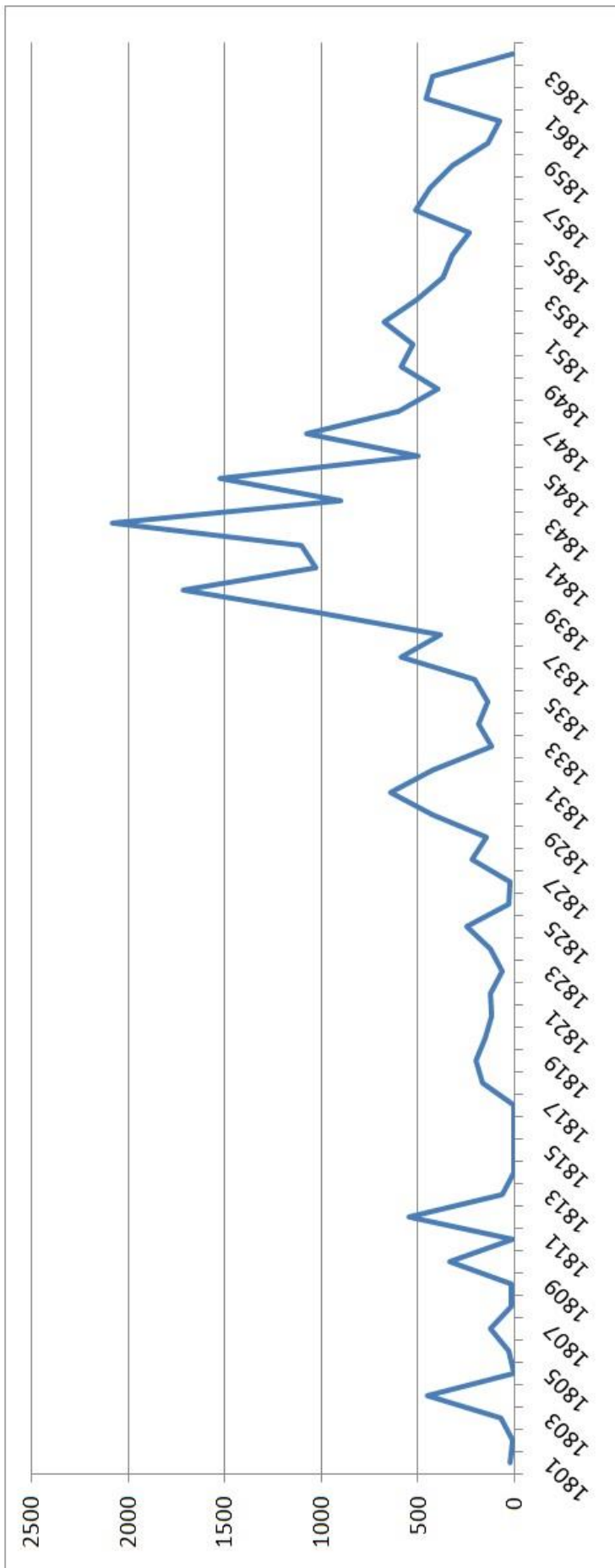

Диаграмма 2. Потери нижних чинов в период Кавказской войны за 1801–1864 гг.

Диаграммы 1 и 2 представляют картину динамики потерь Русской армии на протяжении всей Кавказской войны по годам. Примечательно, что в период 1801–1813 гг., то есть до «эпохи Ермолова», с которой связывают активность наступательной политики России, численность русских потерь была больше, чем в 1817–1827 гг. В 1801–1813 гг. общие потери убитыми, ранеными и пленными среди офицеров и нижних чинов составили 4999 человек (подсчитано нами: [Сборник сведений о потерях, 1901: 127](#)). В период за 1814–1817 гг. общие потери были минимальными – 43 человека. При Ермолове с 1818 по 1827 гг. общие потери составили 4697 человек.

Наибольшие потери до Ермолова были обусловлены сражением в Закатальском ущелье (январь 1804 г.) и отражением нападения горцев на 1-й Донской казачий полк, следовавший из Владикавказа в Тифлис – 313 человек (декабрь 1804 г.). Потери в 786 человек имели место в феврале – октябре 1810 г. при подавлении волнений в Имеретии. Значительные потери, составившие 809 человек, произошли в 1812 г. при подавлении возмущений в Кахетии, а также отражениях нападений горцев на Кавказскую линию ([Сборник сведений о потерях, 1901: 6, 7, 10-12](#)). Анализ потерь в 1801–1813 гг. и их соотнесение с потерями в 1818–1827 гг. позволяет утверждать, что пламя Кавказской войны разгоралось не со времени деятельности Ермолова на Кавказе, а с начала XIX века.

Таблица 2. Безвозвратные потери офицеров и нижних чинов во время войсковых операций и нападений горцев ([Сборник сведений о потерях, 1901: 3-126](#))

годы	Во время нападений			Войсковые операции			Итого	%
	офицеров	нижних чинов	всего	офицеров	нижних чинов	всего		
1801	-	23	23	-	-	-	23	0,090
1802	1	10	11	-	-	-	11	0,044
1803	4	21	25	3	49	52	77	0,309
1804	2	155	157	11	298	309	466	1,868
1805	-	-	-	1	4	5	5	0,020
1806	2	33	35	-	-	-	35	0,140
1807	-	-	-	7	129	136	136	0,545
1808	-	19	19	-	-	-	19	0,076
1809	1	18	19	-	-	-	19	0,076
1810	-	11	11	12	324	336	347	1,391
1811	-	10	10	-	-	-	10	0,040
1812	24	549	573	-	-	-	573	2,297
1813	-	-	-	1	67	68	68	0,273
1814	1	4	5	-	-	-	5	0,020
1815	-	5	5	-	-	-	5	0,020
1816	1	5	6	-	-	-	6	0,024
1817	-	5	5	-	-	-	5	0,020
1818	4	156	160	-	8	8	168	0,673
1819	9	95	104	-	106	106	210	0,842
1820	5	90	95	1	61	62	157	0,629
1821	1	84	85	1	37	38	123	0,493
1822	-	87	87	1	38	39	126	0,505
1823	-	45	45	5	22	27	72	0,289
1824	1	68	68	1	60	61	129	0,517
1825	6	219	225	1	32	33	258	1,034
1826	1	17	18	1	13	14	32	0,128
1827	2	27	29	-	-	-	29	0,116
1828	-	56	56	6	165	171	227	0,910
1829	2	148	150	-	-	-	150	0,601

1830	-	54	54	6	374	380	434	1,740
1831	8	102	110	19	544	563	673	2,698
1832	4	156	160	8	267	275	435	1,744
1833	1	122	123	-	-	-	123	0,493
1834	-	69	69	9	119	128	197	0,790
1835	3	97	100	2	45	47	147	0,589
1836	4	131	135	7	77	84	219	0,878
1837	-	139	139	28	447	475	614	2,461
1838	4	144	148	7	241	248	396	1,587
1839	3	148	151	38	874	912	1063	4,261
1840	29	1383	1412	16	335	351	1763	7,067
1841	7	455	462	21	574	595	1057	4,237
1842	13	388	401	11	720	731	1132	4,538
1843	42	1822	1864	16	261	277	2141	8,582
1844	12	392	404	21	510	531	935	3,748
1845	9	312	321	47	1213	1260	1581	6,337
1846	9	293	302	5	206	211	513	2,056
1847	18	390	408	31	687	718	1126	4,514
1848	10	397	407	12	207	219	626	2,509
1849	12	247	259	6	152	158	417	1,672
1850	8	279	287	7	307	314	601	2,409
1851	8	284	292	14	240	254	546	2,189
1852	8	335	343	17	340	357	700	2,806
1853	17	423	440	3	82	85	525	2,104
1854	5	282	287	2	86	88	375	1,503
1855	4	282	286	2	39	41	327	1,311
1856	6	148	154	2	84	86	240	0,962
1857	9	264	273	8	248	256	529	2,120
1858	7	241	248	5	195	200	448	1,796
1859	1	192	193	3	132	135	328	1,315
1860	1	35	36	5	106	111	147	0,589
1861	6	52	58	5	24	29	87	0,349
1862	12	238	250	7	221	228	478	1,916
1863	6	314	320	3	113	116	436	1,748
1864	-	-	-	8	89	97	97	0,389
Всего за войну	353	12570	12922	453	11572	12025	24947	100

Таблица 2 показывает, что большая часть потерь была понесена русской армией в ходе нападений горцев. При этом в начальный период войны интенсивность проведения войсковых операций была незначительной.

Таблицы 2–4 свидетельствуют, что самые тяжелые потери Кавказской армии в ходе всей войны были понесены в 1837–1848 гг. Зоной боевых действий в это время являлась вся территория Северного Кавказа. За означенный период потери офицеров и нижних чинов составили: безвозвратные – 12947 человек, санитарные – 30477, пленными 2211 человек (в том числе 48 офицеров). Общие потери исчислялись в 45635 человек, или 47,5 % от общих потерь в 64-летней Кавказской войне.

Наиболее крупные общие потери по годам составили: в 1837 г. во время экспедиции в Авариию – 695 человек; в 1839 г. во время осады Ахульго в июле-августе – 3069; в 1840–1841 гг. – при стычках и нападениях горцев на Кавказской линии и в Черноморье – 1217 человек; в 1842 г. – в ходе Ичкеринской экспедиции в мае-июне – 1785 человек; в 1843 г. – в ходе сражений против войск Шамиля в Авариию – 2022 человека; в 1844 г. – при перестрелках и нападениях горцев на левом и правом фланге Кавказской линии и в Черноморье – 757 человек; в 1845 г. – огромные потери в ходе экспедиции в Дарго – 3867 человек; в 1846 г. – при стычках и нападениях горцев на Кавказской линии и в Черноморье – 863 человека; в 1847 г. – в период осады и взятия аула Салты в июне-сентябре – 2423 человека; в 1848 г. – при набегах на Чечню и нападениях на Кавказской линии и в Черноморье (Подсчитано нами: [Сборник сведений о потерях, 1901: 52-91](#)).

Таблица 3. Санитарные потери офицеров и нижних чинов во время войсковых операций и нападений горцев ([Сборник сведений о потерях, 1901: 3-126](#))

годы	Во время нападений			Войсковые операции			Итого	%
	офицеров	нижних чинов	всего	офицеров	нижних чинов	всего		
1801	2	26	28	-	-	-	28	0,043
1802	-	22	22	-	-	-	22	0,034
1803	2	41	43	4	40	44	87	0,133
1804	6	134	140	32	720	752	892	1,365
1805	-	-	-	1	17	18	18	0,028
1806	-	43	43	-	-	-	43	0,066
1807	-	-	-	6	276	282	282	0,432
1808	-	22	22	-	-	-	22	0,034
1809	1	52	53	-	-	-	53	0,081
1810	11	327	338	8	334	342	680	1,041
1811	-	42	42	-	-	-	42	0,064
1812	31	549	580	-	-	-	580	0,888
1813	-	-	-	18	208	226	226	0,346
1814	-	2	2	-	-	-	2	0,003
1815	-	2	2	-	-	-	2	0,003
1816	-	2	2	-	-	-	2	0,003
1817	-	1	1	-	-	-	1	0,002
1818	9	167	176	6	208	214	390	0,597
1819	2	71	73	20	357	377	450	0,689
1820	5	211	216	5	142	147	363	0,556
1821	6	125	131	4	113	117	248	0,380
1822	1	65	66	7	228	235	301	0,461
1823	15	171	186	-	55	55	241	0,369
1824	9	254	263	-	-	-	263	0,403
1825	13	397	410	4	186	190	600	0,918
1826	2	44	46	10	143	153	199	0,305
1827	-	43	43	-	-	-	43	0,066
1828	5	85	90	8	312	320	410	0,627
1829	3	50	53	-	-	-	53	0,081
1830	5	126	131	39	743	782	913	1,397
1831	11	305	316	70	1701	1771	2087	3,194
1832	2	158	160	79	1097	1176	1336	2,045

1833	12	147	159	-	-	-	159	0,243
1834	2	124	126	23	566	589	715	1,094
1835	2	99	101	24	368	392	493	0,755
1836	5	103	108	36	430	436	574	0,878
1837	30	560	590	67	1133	1200	1790	2,739
1838	12	241	255	40	811	851	1106	1,693
1839	19	256	275	188	3473	3661	3936	6,024
1840	17	547	564	61	1136	1197	1761	2,695
1841	22	687	709	115	1708	1823	2532	3,875
1842	20	648	668	103	2169	2272	2940	4,499
1843	31	535	586	42	736	778	1364	2,088
1844	32	651	683	107	2012	2119	2802	4,288
1845	43	607	650	206	3184	3390	4040	6,183
1846	34	919	953	56	890	946	1899	2,906
1847	40	859	899	149	2823	2972	3871	5,924
1848	46	1018	1064	59	1253	1312	2376	3,636
1849	21	555	576	35	658	693	1269	1,942
1850	37	818	855	31	754	785	1640	2,510
1851	53	877	930	73	1278	1351	2281	3,491
1852	25	787	812	98	1938	2036	2848	4,359
1853	62	1016	1088	15	329	344	1432	2,192
1854	45	793	838	27	536	563	1401	2,144
1855	28	581	609	27	344	371	980	1,500
1856	24	428	452	15	480	495	947	1,449
1857	18	594	612	57	1564	1621	2233	3,417
1858	29	768	797	50	889	939	1736	2,657
1859	2	263	265	51	882	933	1198	1,833
1860	21	345	366	30	283	313	679	1,039
1861	8	173	181	3	86	89	270	0,413
1862	23	623	646	55	1051	1106	1752	2,681
1863	3	281	284	52	825	877	1161	1,777
1864	4	81	85	14	178	192	277	0,424
Всего за войну	911	20521	21464	2230	41647	43847	65341	100

Таблица 4. Потери пленными офицерами и нижними чинами во время войсковых операций и нападений горцев (Сборник сведений о потерях, 1901: 3-126)

годы	Во время нападений			Войсковые операции			Итого	%
	офицеров	нижних чинов	всего	офицеров	нижних чинов	всего		
1801	-	15	15	-	-	-	15	0,250
1802	-	4	4	-	-	-	4	0,067
1803	-	63	63	-	2	2	65	1,082
1804	4	130	134	-	-	-	134	2,231
1805	-	-	-	-	-	-	-	-
1806	-	-	-	-	-	-	-	-
1807	-	-	-	-	-	-	-	-
1808	-	11	11	-	-	-	11	0,183
1809	-	5	5	-	-	-	5	0,083
1810	-	31	31	-	40	40	71	1,182
1811	-	17	17	-	-	-	17	0,283
1812	1	108	109	-	-	-	109	1,815
1813	-	-	-	-	-	-	-	-
1814	-	4	4	-	-	-	4	0,067
1815	-	4	4	-	-	-	4	0,067
1816	-	4	4	-	-	-	4	0,067
1817	-	5	5	-	-	-	5	0,083
1818	-	4	4	-	-	-	4	0,067
1819	-	31	31	-	5	5	36	0,599
1820	1	39	40	-	-	-	40	0,666
1821	-	49	49	-	-	-	49	0,816
1822	1	112	113	-	-	-	113	1,881
1823	-	57	57	-	2	2	59	0,982
1824	-	37	37	-	-	-	37	0,616
1825	2	95	97	-	-	-	97	1,615
1826	-	10	10	-	6	6	16	0,266
1827	-	5	5	-	-	-	5	0,083
1828	-	80	80	-	4	4	84	1,398
1829	-	94	94	-	-	-	94	1,565
1830	-	28	28	-	39	39	67	1,115
1831	-	108	108	-	8	8	116	1,931
1832	-	212	212	-	7	7	219	3,646
1833	-	123	123	-	-	-	123	2,048
1834	1	98	99	3	7	10	109	1,815
1835	1	103	104	-	3	3	107	1,781
1836	1	140	141	-	6	6	147	2,447
1837	-	192	192	-	18	18	210	3,496
1838	2	136	138	-	2	2	140	2,331
1839	-	60	60	-	10	10	70	1,165
1840	6	242	248	-	10	10	258	4,295

1841	3	152	155	-	29	29	184	3,063
1842	-	96	96	-	7	7	103	1,715
1843	23	510	533	-	28	28	561	9,339
1844	3	95	98	-	12	12	110	1,831
1845	3	113	116	1	58	59	175	2,913
1846	1	66	67	-	3	3	70	1,165
1847	3	121	124	-	-	-	124	2,064
1848	4	173	177	-	29	29	206	3,429
1849	1	93	94	-	-	-	94	1,565
1850	-	97	97	-	-	-	97	1,615
1851	2	136	138	-	6	6	144	2,397
1852	2	143	145	-	-	-	145	2,414
1853	-	145	145	-	-	-	145	2,414
1854	3	199	202	-	-	-	202	0,336
1855	4	208	212	-	-	-	212	3,529
1856	1	82	83	-	3	3	86	1,432
1857	3	143	146	-	6	6	152	2,530
1858	1	191	192	-	3	3	195	3,246
1859	2	141	143	-	4	4	147	2,447
1860	-	14	14	-	1	1	15	0,250
1861	1	25	26	-	-	-	26	0,433
1862	5	96	101	-	-	-	101	1,681
1863	3	60	63	-	-	-	63	1,049
1864	-	-	-	-	2	2	2	0,033
Всего за войну	88	5555	5643	4	360	364	6007	100

Ввиду того, что потери убитыми, ранеными и пленными в 1814–1817 гг. являлись незначительными, то они в сборнике были представлены объединенно. Для их представления в таблицах мы разделили эти потери на равные доли.

Если исходить из рассматриваемых общих потерь Русской армии в Кавказской войне, а они очень существенно отличаются в рамках отдельных ременных периодов, то эти показатели, отражающие степень интенсивности противостояния сторон, могут быть положены в основу периодизации войны.

На наш взгляд Кавказскую войну можно разделить на два хронологических периода: 1801–1836 гг. и 1837–1864 гг. Это не означает, что эти два периода не могут делиться еще на отдельные периоды внутри каждого. Логика предложенной нами периодизации следующая.

За первые 36 лет войны (1801–1836 гг.) о каком-либо постоянстве проведения войсковых операций русской армией говорить не приходится. В то же время русская администрация использовала различные способы для мирного решения возникавших конфликтов, спорных вопросов, налаживания атмосферы партнерства. Поощрялась торговля, строились школы (Shevchenko et al., 2016), делались попытки внедрения медицинского обслуживания. В январе 1834 г. было опубликовано постановление императора Николая I о начале сбора средств для выкупа захваченных горцами пленников (ЦГИАГ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4695). В этот период было 14 лет, когда войсковые операции вообще не проводились. Еще в 13-ти годах совокупные потери офицеров и нижних чинов составляли менее 100 человек в год. Показательны и другие сравнительные данные. В 1801–1836 гг., в первый период войны совокупные потери русской армии убитыми во время набегов составили 2777 человек, в то же время в войсковых операциях погибло 2806 человек, приведенные цифры вполне сопоставимы.

Во второй период Кавказской войны русская администрация делает акцент на военное решение проблемы. На побережье Черного моря была создана Черноморская береговая линия, которая резко ограничила связи горцев с Османской империей, нарушая пути доставки рабов на рынки в

Константинополе. Помимо этого было значительно увеличено привлечение горцев на службу в Русской армии, в том числе в составе милиции. В этот период имам Шамиль предпринял меры для упрочнения своей власти в горных районах Дагестана с последующим объединением и расширением фронта борьбы, включая попытки привлечь на свою сторону кабардинцев, черкесов и других горцев Северо-Западного Кавказа. Резко возрос исламский радикализм среди части населения Северо-Западного Кавказа. Это проявилось в частности в уничтожении христианского историко-культурного наследия (Cherkasov et al., 2016). В условиях ожесточенных боевых действий потери Русской армии резко возросли.

Таблица 5. Потери офицеров и нижних чинов по периодам Кавказской войны

Периоды	убитые	раненые	пленные	всего	%
Первый период (1801–1836 гг.)	5719	12820	1970	20509	21,32
Второй период (1837–1864 гг.)	19131	52521	4037	75689	78,68
Итого				96198	100

В первом периоде ежегодные средние потери составляли 592 человека (подсчет по данным таблиц 2–4, 7 – Авт.). За первые 11 лет второго периода (время самых тяжелых жертв в Кавказской войне) ежегодные русские потери составили 3856 человек, или в 5,6 раза больше, чем в первом периоде.

В Кавказской войне на стороне Российской империи военную службу в качестве офицеров несли представители различных народов Кавказа. Они, как и русские комбатанты, гибли в сражениях и стычках.

Таблица 6. Список офицеров-кавказцев погибших в период Кавказской войны (Сборник сведений о потерях, 1901: 3-125)

№	годы	Звания, фамилии
1	1801	Штабс-капитан Габуадзе
2	1803	Частный пристав Ауштров
3	1806	Капитан Казбек
4	1812	Полковник князь Вахтанг Орбелиани
5	1820	Майор Гасан-Ага
6	1821	Прапорщик князь Бебутов
7	1826	Штабс-капитан князь Абхазов
8	1827	Капитан милиции Эмир-Гамза-бек
9		Хорунжий Татархан-Турганов
10	1829	Поручик милиции Измаил-Алиев
11	1831	Поручик Мамад-Ага-Омер-Али-Оглы
12		Поручик Алхазов
13	1836	Прапорщик Мазан-Коков
14		Прапорщик князь Баратов
15	1837	Обер-офицер милиции из осетин
16	1838	Поручик милиции Джеват-бек
17		Прапорщик милиции князь Чавчавадзе
18	1839	Корнет князь Гуриель
19	1840	Войсковой старшина Сагандаков
20	1841	Подпоручик князь Султанмунд Уцмиев
21		Прапорщик Ислам Баташев
22		Поручик князь Баратов
23		Поручик князь Засхано-Маршани
24		1842
25	1843	Поручик князь Черкасский
26		Штабс-капитан Бебутов
27		Корнет Гегий-Абиев
28		Хорунжий Гажеев
29		Подпоручик Ильяс-Иналов
30	1844	Капитан Челокаев

31		Поручик милиции Биакай
32		Корнет милиции Магмед
33	1845	Прапорщик Гургеенидзе
34		Прапорщик милиции Шалапи-швили
35	1846	Прапорщик милиции Курахмаев
36		Прапорщик милиции Аменькач-Тотуа
37		Корнет милиции Сатыбал-Баматов
38	1847	Обер-офицер милиции фамилия неизвестна
39		Прапорщик князь Аргутинский-Долгоруков
40		Штабс-капитан князь Чавчавадзе
41		Прапорщик милиции Хан-Баба-бек
42		Поручик милиции Паша-Ага
43		Прапорщик Гаджи-Абаз
44		Подпоручик милиции Белисианов
45	1848	Прапорщик милиции Кота Джантиев
46		Штабс-капитан князь Макаев
47	1849	Подпоручик князь Палавандов
48		Поручик Мирза-Абдул-Рахман-Шилов-Гаджи-оглы
49		Офицер милиции фамилия неизвестна
50		Подполковник Гирей
51		Майор Дукай
52		Прапорщик милиции Ачакан
53		Прапорщик милиции Аджи-Казбеков
54		Прапорщик милиции Акай Татушев
55		Прапорщик милиции Габаев
56		Прапорщик милиции Цебел-хан
57	1850	Прапорщик милиции Магомед-Гамзалию-оглы
58		Прапорщик милиции Осман-Адиль-оглы
59		Сотник Кикнадзев
60		Поручик милиции Шемшадинов
61		Штабс-капитан князь Кобулов
62		Подпоручик князь Эристов
63		Полковник князь Эристов
64	1851	Прапорщик князь Ратиев
65		Прапорщик Багдасар-Магомы-оглы
66		Капитан Алибей Мансуров
67		Подпоручик милиции Гели хан-Шаукалов
68		Корнет Фарза Али-бек-Фатали-оглы
69	1852	Прапорщик милиции Ильяс-бек
70		Прапорщик князь Бебутов
71		Капитан Исламов
72		Корнет Ага-бек-Рагим-бек-оглы
73	1853	Штабс-капитан Магомед-Гирей-Кундухов
74		Штабс-капитан князь Беслан-Маршани
75		Корнет Атив-Аккубек-Аджиев
76		Поручик Али-Шакманов
77		Подпоручик милиции Исмаил-Лоов
78		Подполковник Иса-Мустафа-Араблинский
79		Корнет Искендер-Мустафа-оглы
80		Капитан князь Аргутинский-Долгоруков
81	1854	Подпоручик милиции князь Эдик Мариев
82		Сотник Химшиев
83	1855	Подпоручик Анпуга Дудаев
84		Подпоручик милиции князь Темир-Капланов
85		Прапорщик милиции Цер-Кардам-мулла-Магмед-оглы
86		Прапорщик милиции Мухазин
87	1856	Прапорщик милиции князь Вачнадзе
88		Прапорщик милиции Джамал
89	1857	Прапорщик милиции Мамед-Али
90		Штабс-ротмистр гвардии Молгач-Долгиев
91		Подпоручик Артагон Агамурзов

92		Хорунжий Тукум-Бугов
93		Подпоручик милиции Тамбиев
94		Поручик милиции Ага-бек-Молла-Шариф-оглы
95	1858	Капитан Чикуани
96		Прапорщик князь Микеладзе
97		Подпоручик Хуцесов
98		Прапорщик Цитлиев
99	1860	Полковник князь Багратион
100		Прапорщик князь Грузинский
101		Поручик князь Вахвахов
102	1861	Подпоручик Чичинадзе
103	1862	Подпоручик князь Цицианов
104		Прапорщик Сресули
105		Поручик князь Амилохваров
106	1863	Полковник милиции Крым-Гирей-Гусаров
107		Поручик милиции Кимчереев
108		Прапорщик Тер-Арутинов

Согласно данным [таблицы 6](#), офицеры-выходцы с Кавказа составляли 13,4 % потерь офицерского состава Русской армии. 39 офицеров из приведенных 108 числились за подразделениями милиции. В таблице справочника Гизетте числятся погибшими 52 офицера милиции ([Сборник сведений о потерях, 1901: 130](#)). Разночтения необходимо пояснить. Дело в том, что офицерский корпус милиции усиливался и русскими кадрами. Наибольшие потери офицеры с Кавказа понесли в следующие годы: 1853 году – 8 человек, 1847 и 1850 годах – по 7 человек. Наибольшие потери в одном боестолкновении имели место 30 октября 1849 года близ Воровской балки, около крепости Внезапной, где в ходе боя погибли 4 офицера (подполковник и 3 прапорщика милиции) ([Сборник сведений о потерях, 1901: 92-93](#)).

Из [таблицы 6](#) также видно, что в период по 1836 год включительно, то есть в первый период войны, погибло только два офицера милиции (1827 и 1829 гг.), а 37 (более 90 %) во второй период.

Уместно отметить, что биографические данные о черкесах, находившихся на службе в Русской армии, содержатся в справочнике, составленном А.В. Казаковым ([Казаков, 2006](#)). Тема воинского служения горцев Северо-Западного Кавказа в офицерском корпусе Русской армии исследуется в работах Е.В. Брацуна. Автор, в частности, приводит численность горцев, воевавших на стороне России в 1855 г., в 12 тыс. человек ([Брацун, 2013; Брацун, 2014](#)).

Таблица 7. Потери во время восстаний и беспорядков в регионах ([Сборник сведений о потерях, 1901: 10-126](#))

годы	Район	Потери убитыми		
		офицеров	солдат	всего
24 февраля – 3 октября 1810 г.	Имеретия	9	106	115
31 января – 10 марта 1812 г.	Кахетия	23	516	539
1820	Имеретия и Гурия	3	37	40
1823	Мехтулинское ханство	3	18	21
9 июня – 12 августа 1824 г.	Абхазия	1	60	61
1827	Табасарань	1	21	22
22 апреля 1831 г.	Село Хазавуа Тальшенского ханства	1	3	4
1–11 сентября 1837 г.	Кубинская провинция	-	16	16
19 августа – 5 сентября 1840 г.	Осетия	-	10	10
1841 г.	Гурия	-	32	32
1864	Терская область	-	8	8

Как уже отмечалось, безвозвратные потери во время восстаний и беспорядков были включены в потери от набегов. На наш взгляд есть необходимость их разделения. Восстания в регионах в период с 1810–1864 гг. демонстрируют наличие социального протеста в горском обществе.

Самые ожесточенные столкновения, во время которых пленных не брали, а раненые добивались, представлены ниже:

8 июня 1804 г. при нападении кабардинцев на абазинские копи близ Воровкосельской станицы погибли 1 офицер и 24 нижних чинов ([Сборник сведений о потерях, 1901: 6](#)).

31 августа 1841 г. при нападении горцев близ станицы Тифлисской погибли 1 офицер и 46 нижних чинов ([Сборник сведений о потерях, 1901: 57](#)).

23 ноября 1841 г. при штурме горцами укрепления Гоцатль погибли 1 офицер и 15 рядовых ([Сборник сведений о потерях, 1901: 55](#)).

29 марта 1842 г. при истреблении близ станицы Баталпашинской команды хоперских казаков погибло 1 офицер и 48 казаков ([Сборник сведений о потерях, 1901: 61](#)).

4 июня 1863 г. при нападении на команды, находящиеся на покосе, были убиты 1 офицер и 55 нижних чинов ([Сборник сведений о потерях, 1901: 125](#)).

Нападения на малочисленные пикеты и дозоры в данном перечне не учитывались. Помимо этого раненые добивались при взятии целой плеяды укреплений 2 апреля 1840 г. – Николаевское укрепление на реке Абин из 6 офицеров и 250 нижних чинов в плен были взяты только 3 офицера, все остальные были убиты ([Сборник сведений о потерях, 1901: 52](#)). При взятии форта Лазарева 5 февраля 1840 г. раненых также не было ([Сборник сведений о потерях, 1901: 52](#)). Аналогично 29 февраля 1840 г. было взято укрепление Вельяминовское и 21 марта 1840 г. укрепление Михайловское ([Сборник сведений о потерях, 1901: 53](#)). В 1843 г. ряд укреплений ([Сборник сведений о потерях, 1901: 63](#)). Во время взятия Шамилем укрепления Гергебиля в 1843 г. из гарнизона в 439 человек, в том числе 10 офицеров, погибли 224 человека, в плен попали 15 нижних чинов ([Сборник сведений о потерях, 1901: 65](#)).

4. Заключение

Анализ потерь Русской армии в Кавказской войне 1801–1864 гг., с подразделением их на безвозвратные потери офицерского корпуса и нижних чинов, соответственно санитарные потери, потери пленными по годам и по отдельным периодам позволяют сделать следующие выводы.

Соотнесение потерь от нападений и набегов горцев и потерь в ходе военных операций, как на отдельных временных отрезках войны, так и на всем ее протяжении, свидетельствует о том, что потери Русской армии были значительнее в первом случае.

Выделение двух основных этапов Кавказской войны – 1801–1836 и 1837–1864 гг., обусловлено сравнительным анализом потерь в эти годы. Сравнительно невысокая численность потерь в течение 36 лет первого периода связана с отсутствием проведения регулярных войсковых операций, а также предпринимавшимися попытками кавказских властей решать конфликты и спорные вопросы мирным путем. На втором этапе, когда Кавказская администрация и командование сделали упор на военном решении проблем, потери Русской армии резко возросли. Средние ежегодные потери в первые 11 лет в разы превышали потери первого периода.

5. Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Сроки выполнения 2016–2018 гг. Шифр: 100.01.

Литература

[АКАК, 1866](#) – Акты собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского. Т. 1. Тифлис, 1866.

[Бларамберг](#) – *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Б.м., б.г. (предположительно 1834–1835 гг.).

[Брацун, 2013](#) – *Брацун Е.В.* Офицеры-адыги на службе в частях русской императорской армии в XIX – начале XX вв. // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал.* 2013. № 1-2.

[Брацун, 2014](#) – *Брацун Е.В.* К вопросу о службе адыгов в Черноморском казачьем войске и русской армии в XIX в. // *Теория и практика общественного развития.* 2014. № 1.

[Броневский, 1823](#) – *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. Ч. 1. М., 1823.

[ГАКК](#) – Государственный архив Краснодарского края.

[Джахиев, 2004](#) – *Джахиев Г.А.* О хронологии и периодизации Кавказских войн (к постановке вопроса) // *Вестник Дагестанского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2004. № 3. С. 5-8.

[Зубарев, 1842](#) – *Зубарев Д.* О народонаселении за Кавказом // *Русский Вестник.* 1842. № 6.

[Казаков, 2006](#) – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX вв. Биографический справочник. Нальчик, 2006.

- Кипкеева, 2008** – *Кипкеева З.Б.* Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008.
- Лапинский, 1995** – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
- Сборник сведений о потерях, 1901** – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.
- Фадеев, 1860** – *Фадеев Р.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.
- ЦГИАГ** – Центральный государственный исторический архив Грузии.
- Cherkasov et al., 2016** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S.* The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). // *Annales, Series Historia Naturalis*. 2016. 26 (1): 1-12.
- Fisher, 1972** – *Fisher A.* Muscovy and the Black Sea Slave Trade // *Canadian-American Slavic Studies*, 1972. Vol. 6. P. 580-583.
- Mamedov, 2014** – *Mamedov M.* From civilizing mission to defensive frontier: The Russian empire's changing views of the Caucasus (1801–1864) // *Russian History*, 2014, 41(2), pp. 142-162.
- Shevchenko et al., 2016** – *Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V.* The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2, pp. 363-372.
- Smigel, Cherkasov, 2016** – *Smigel M., Cherkasov A.A.* The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4, pp. 1182-1197.

References

- АКАК, 1866** – Akty sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei [The acts collected by the Caucasian archaeological commission]. Arkhiv Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo. T. 1. Tiflis, 1866. [In Russian]
- Blaramberg** – *Blaramberg I.F.* Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [The historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. B.m., b.g. (predpolozhitel'no 1834–1835 gg.). [In Russian]
- Bratsun, 2013** – *Bratsun E.V.* (2013). Ofitsery-adygi na sluzhbe v chastyakh russkoi imperatorskoi armii v XIX – nachale XX vv. [The officers-circassians on service in parts of the Russian Imperial Army in the XIX – early XX centuries]. *Golos minuvshogo. Kubanskii istoricheskii zhurnal*. № 1-2. [In Russian]
- Bratsun, 2014** – *Bratsun E.V.* (2014). K voprosu o sluzhbe adygov v Chernomorskom kazach'em voiske i russkoi armii v XIX v. [On the issue of service of the circassians in the Black Sea Cossack Army and the Russian Army in the XIX century]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. № 1. [In Russian]
- Bronevskii, 1823** – *Bronevskii S.* (1823). Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze [The newest geographical and historical news of the Caucasus]. V 2 ch. Ch. 1. Moskva. [in Russian].
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [The state archives of the Krasnodar territory].
- Dzhakhiev, 2004** – *Dzhakhiev G.A.* (2004). O khronologii i periodizatsii Kavkazskikh voyn (k postanovke voprosa) [On the chronology and periodization of the Caucasian wars (to the statement of the problem)]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. № 3. pp. 5-8. [In Russian]
- Kazakov, 2006** – *Kazakov A.V.* (2006). Adygi (cherkesy) na rossiiskoi voennoi sluzhbe. Voevody i ofitsery. Seredina XVI – nachalo XX vv. [The circassians in the Russian military. Governors and officers. The middle of the sixteenth century – the beginning of the twentieth century]. *Biograficheskii spravochnik. Nal'chik*. [In Russian]
- Кипкеева, 2008** – *Кипкеева З.Б.* (2008). Severnyi Kavkaz v Rossiiskoi imperii: narody, migratsii, territorii [The Northern Caucasus in the Russian Empire: peoples, migration, and territory]. Stavropol'. [In Russian]
- Лапинский, 1995** – *Лапинский Т.* (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The highlanders of the Caucasus and their struggle for freedom against the Russians]. Nal'chik. [In Russian]
- Сборник сведений о потерях, 1901** – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaaspian region 1801–1885 years] / Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [In Russian]
- Фадеев, 1860** – *Фадеев Р.* (1860). Shest'desyat let Kavkazskoi voiny. Tiflis [For sixty years of the Caucasian war]. [In Russian]
- ТсГИАГ** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The Central state historical archive of Georgia].
- Zubarev, 1842** – *Zubarev D.* (1842). O narodonaselenii za Kavkazom [On Population of the Caucasus]. *Russkii Vestnik*. № 6. [in Russian].
- Cherkasov et al., 2016** – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S.* (2016). The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and

Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *Annales, Series Historia Naturalis*. 26 (1): 1-12.

Fisher, 1972 – Fisher A. (1972). Muscovy and the Black Sea Slave Trade. *Canadian-American Slavic Studies*, Vol. 6. pp. 580-583.

Mamedov, 2014 – Mamedov M. (2014). From civilizing mission to defensive frontier: The Russian empire's changing views of the Caucasus (1801–1864). *Russian History*, 41(2), pp. 142-162.

Shevchenko et al., 2016 – Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. (2016). The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. *Bylye Gody*, Vol. 40, Is. 2, pp. 363-372.

Smigel, Cherkasov, 2016 – Smigel M., Cherkasov A.A. (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*, Vol. 42, Is. 4, pp. 1182-1197.

УДК 94

Потери Русской армии во время Кавказской войны (1801–1864 гг.): историко-статистическое исследование

Александр Черкасов ^{a, d, *}, Владимир Иванцов ^b, Михал Шмигель ^c, Виолетта Молчанова ^a

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^c Университет Матей Бела, Словакия

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье нашли отражение данные, полученные из официальных опубликованных документов военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа о потерях Русской армии в период Кавказской войны 1801–1864 гг. Используются также материалы личного происхождения, дореволюционные изыскания и современные научные публикации. Анализируемая статистика содержит сведения о потерях Русской армии по годам с выделением различных позиций: безвозвратные потери офицеров и нижних чинов с разделением их на отражение нападений горцев и на войсковые операции; санитарные потери; потери пленными. Из статистического массива в статье отдельно выделены: потери офицеров-уроженцев Кавказа, служивших в Русской армии; потери при подавлении восстаний и волнений. Исходя из анализируемых данных, рассматриваются и сравниваются два этапа Кавказской войны: 1801–1836 и 1837–1864 гг. Статистика потерь анализируется в контексте конкретных исторических событий.

Ключевые слова: Кавказская война, потери, театр военных действий, работорговля, набеги, войсковые операции, этапы войны, этнонимы, 1801–1864 гг.

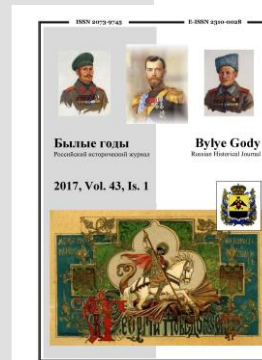
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sochio03@rambler.ru (А. Черкасов), V-ivancov@rambler.ru (В. Иванцов), michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель), v.molchanova_1991@list.ru (В. Молчанова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 86-93, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.86
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908

Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Mikhail D. Severyanov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article discusses the history of the Siberian grassroots and their professional composition as Siberian government participation may reflect the processes taking place in Russian Imperia. The aim of this article is to look at the long-term evolution of Siberian employees' participation in the province's administration in Yenisei province from 1822 to the 1917. The data on the officials in grassroots governance came from archival research, involving 447 clerks' biographies from Eastern Siberia. The documents were stored in the Russian State Historical Archive (St Petersburg, Russia) and the State Archive of Krasnoyarsk Region (Krasnoyarsk, Siberia, Russia). It was an important source of empirical data on the work of the Siberian grassroots governance that was not available elsewhere. Social composition, education, working experience and criminal record were considered to identify a group of officials prevailing in local and regional government structures. In conclusion, we found that, in the first, dominance of Siberian clerks with primary education, quite an insignificant number of clerks with secondary and higher education confirm the idea that involving state employees in governance participation was complicated by their educational level. Secondly, clerks low socio-economic stratum constituted the majority in the governance grassroots in the Eastern Siberia. In this region nobles were represented in much smaller numbers. Third, Service work experience from 2 to 5 years allowed working more professionally. Consequently, frames of the Russian Imperia in Siberia began to form more experienced employees during 1822–1917. However, 1–2 years was the average term of office. Fourthly, at the time the proportion of Siberian clerks with criminal record composed 7–8 per cent as figures was in the Central regions of the Russian Imperia.

Keywords: clerks, grassroots, state employees, local government officials, government participation, Yenisei Province, Siberia, Russian Imperia.

1. Введение

Изучение кадрового состава местного звена управления Сибирью в период Российской империи имеет важную роль для современной отечественной исторической науки, поскольку позволяет установить профессиональный облик того слоя лиц, в руках которого находилась реальная полнота власти над окраинным регионом и его населением. В статье предпринята попытка разобраться с тем, что представляли собой чиновники-«письмоводители», находившиеся на административных должностях низших рангов Енисейской губернии, на примере которой можно проследить особенности кадровой политики в управлении Сибирью.

Параметрами для анализа послужили профессионально важные критерии чиновников как государственных служащих, а именно уровень образования, опыт службы в должности, ведомстве и в Сибири, «бытность под судом и следствием».

Хронологические рамки исследования определены дореволюционным периодом существования Енисейской губернии (1822–1917 гг.), расположенной в центре Восточной Сибири и

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

включавшей в себя пять округов (уездов): Красноярский, Ачинский, Минусинский, Канский, Енисейский.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой работы явился массив формулярных (послужных) списков. Коллекции основных и дополнительных списков должностных лиц Енисейской губернии за 1823, 1831, 1842, 1851, 1853 гг. были подняты из Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург) – фонд № 1349 «Формулярные списки чинов гражданского ведомства». В качестве материалов по второй половине XIX – началу XX в. использованы групповые и индивидуальные формулярные списки чиновников за 1883, 1893, 1905, 1915 гг. из Государственного архива Красноярского края (ГАКК, г. Красноярск) – фонды № 595 «Енисейское губернское управление», № 141 «Енисейский губернский суд», № 161 «Енисейская казенная палата», № 613 «Енисейский губернский прокурор», № 32 «Тюремное ведомство», № 156 «Енисейское губернское акцизное управление», № 401 «Управление земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии». Все подсчеты по качественному и количественному составу обер-офицерских чиновников проведены на основе анализа комплекса формулярных списков из восьми фондов РГИА и ГАКК, что подтверждает репрезентативность сделанных в статье выводов. Всего были выявлены и рассмотрены формулярные списки 447 чиновников, что составило 71,9 % от полного их кадрового состава по штатным расписаниям (622 чел.) за 1821, 1831, 1842, 1851, 1865, 1853, 1883, 1893, 1905, 1915 гг. Для сравнения сибирских чиновников с государственными служащими, занимавшими аналогичные посты в центральных губерниях Российской империи, были использованы статистические данные по провинциальному чиновничеству из работ Т.А. Поскачей (вторая четверть XIX в., на материалах Рязанской губернии) и Ю.Н. Токмаковой (вторая половина XIX – начало XX в., на примере Курской губернии).

2.2. Согласно заложенной в отечественной и зарубежной историографии традиции, анализ чиновничества был проведен с учетом разрядов занимаемых ими должностей: I–V классы – высшие чиновники, VI–VIII классы – штаб-офицерские, IX–XIV классы – обер-офицерские (Зайончковский, 1978: 65; Троицкий, 1974: 34; Pintner, 1970; Raeff, 1979). В данном исследовании нас интересовала группа чиновников-«письмоводителей», занимавших низшие в общей служебной иерархии должности обер-офицерского ранга IX–XIV классов. В Енисейской губернии, как в губерниях и областях Сибири и всей Российской империи, это были столоначальники, делопроизводители, протоколисты, архивариусы, секретари, бухгалтеры, регистраторы, журналисты, и, соответственно, их помощники.

Исследования проводились с использованием принципов историзма, объективности, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения. Идеино-методологическое осмысление динамики полученных результатов базировалось на теории модернизации, согласно которой изменение социальных и профессиональных характеристик служащих понималось как противопоставление традиционного – современному, прошлого – настоящему, как переход по исторической линии «доиндустриальное – индустриальное (модерновое)» общество. С помощью сравнительно-исторического метода были произведены необходимые сравнения общих и особенных черт в социальном составе российского и сибирского чиновничества. Использованный универсальный метод историзма позволил воспроизвести динамику профессиональных характеристик чиновничества.

3. Обсуждение

При общей недостаточной изученности провинциального аппарата управления в Сибири, как в отечественной, так и зарубежной историографии, можно с уверенностью говорить о большой популярности данной темы у российских и иностранных исследователей (Дегтярев, 2013; Bloch, 2005; Gentes, 2003; Graber, 2015; Pintner, 1970; Raeff, 1979). Кадровый состав корпуса высшей администрации Восточной Сибири в середине XIX в. проанализирован с позиции формальных и неформальных критериев классификации чиновничества (Матханова, 2002; Матханова, 2016). Выделены основные направления правительственной политики по формированию бюрократического аппарата в Сибири (Дамешек, 2016; Gentes, 2003). В свою очередь, история чиновничества Енисейской губернии представлена периодическими изданиями и работами публицистического характера: очерки о деятельности губернаторов и других высших лиц местной власти (Бердников, 1995); статьи о структуре и численности енисейской губернской администрации (Верхотурова, 2010; Карчаева, 2016). Попыток комплексного рассмотрения кадрового состава низших чиновников в Сибири, в частности в Енисейской губернии, до сих пор не предпринималось.

4. Результаты

4.1. Уровень образования

По законодательству Российской империи в XIX – начале XX в. уровень образования являлся одним из трех условий, наравне с возрастом и сословным происхождением, определявшим доступ на государственную службу и возможность продвижения по ней. В губерниях Центральной России без

аттестата об образовании с 1809 до 1832 г. запрещалось получать чины до статского советника включительно (I – V классов), с 1832 г. – поступать на гражданскую службу. Только в конце XIX – начале XX в. вместо основного сословного принципа был установлен образовательный, открывавший доступ на гражданскую службу всем сословиям (с 1889 г. – по департаменту железнодорожных дел; с 1894 г. – по ведомству Министерства финансов; с 1904 г. – в отделе торговых портов Министерства торговли и промышленности, главному управлению по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел, по Министерству путей сообщения, с 1906 г. – по всем ведомствам) (*Свод законов...*, 1896: 2, 7, 8, 138; *Зайончковский*, 197: 53).

В Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода, в отличие от губерний Центральной России, право к поступлению на гражданскую службу имели все сословия и независимо от уровня знаний (без аттестата об образовании претенденты просто проходили испытание на умение читать, считать и писать) (*Свод законов...*, 1857: 1267). Данное правило объяснялось особенностями комплектования административных кадров в Сибири до 1917 г., суть которых заключалась в том, что в пределах Восточной Сибири фактически отсутствовало дворянское сословие, а сословный состав сибирской интеллигенции был представлен в основном разночинцами и купечеством. Однако можно предположить, что даже в Сибири государство стремилось не допустить в высшие эшелоны власти лиц из податных сословий. Как показал анализ архивных материалов по Енисейской губернии, на высшие посты (например, губернатора, вице-губернатора, председателей казенной палаты, губернского суда и пр.) и должности среднего звена штаб-офицерского ранга (например, советников губернатора, начальников отделений, губернского прокурора, губернского архитектора и пр.) приглашались чиновники преимущественно дворянского происхождения из Центральной России и имевшие при этом аттестат об образовании (*Карчаева*, 2016: 136). В свою очередь, динамика изменения образовательного уровня чиновников, занимавших обер-офицерские должности, отражена в приведенной ниже таблице (*Таблица 1*).

Таблица 1. Образовательный уровень чиновников обер-офицерских должностей енисейской губернской администрации

Уровень образования	Годы											
	1823		1851		1865		1893		1905		1915	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Высшее	2	6,7	4	6,25	5	7,9	6	10,7	7	12,5	8	12,5
Среднее	–	–	14	21,9	16	25,4	21	37,5	22	39,3	26	40,6
Начальное	1	3,3	17	26,6	35	55,6	23	41,1	22	39,3	24	37,5
Частное	1	3,3	4	6,3	–	–	–	–	–	–	–	–
Домашнее	22	84,6	25	39,1	7	11,1	6	10,7	7	12	6	4,7
<i>Итого</i>	26	100	64	100	63	100	56	100	58	100	64	9,4

Таблица составлена авторами по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1823 г. Д. 108; Оп. 4. 1831 г. Д. 102; Оп. 6. 1831 г. Д. 829; Оп. 6. 1833 г. Д. 849; Оп. 4. 1842 г. Д. 404; Оп. 4. 1845 г. Д. 479. Ч.1; Оп. 5. 1850 г. Д. 892. Ч. 1; Оп. 5. 1851 г. Д. 2916; Оп. 5. 1853 г. Д. 2282. Ч. 1; Оп. 5. 1853. 2281. Ч. 2; ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 86, 110, 158, 177, 1470 – 782; ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 58, 80 – 82, 91, 96, 102, 118 – 124, 130, 133 – 140, 146, 149, 156, 157, 178, Д. 179, 212, 243, 246, 333 – 339, 428, 445 – 450, 485, 538, 972, 1038, 1066, 1268, 1446, 2862.; Оп. 2. Д. 48, 49; Оп. 3. Д. 129; Оп. 5. Д. 1; ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 114, 261, 290, 341; ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 3 – 53, 56, 58 – 106, 108 – 117, 120 – 127, 130, 133, 135 – 163, 168, 174, 179, 186 – 201 а, 204, 211 – 218, 222 – 243, 248, 252, 274, 281, 293, 325, 326, 472, 474, 486, 489; Ф. 161. Оп. 1. Д. 58, 80 – 82, 91, 96, 102, 118 – 124, 130, 133 – 140, 146, 149, 156, 157, 178, 179, 212, 243, 246, 333 – 339, 428, 445 – 450, 485, 538, 972, 1038, 1066, 1268, 1446, 2862.; Оп. 2. Д. 48, 49; Оп. 3. Д. 129; Оп. 5. Д. 1; ГАКК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 14, 27, 34, 73, 80 – 83, 94, 99, 165, 169, 200, 202, 227, 232, 257, 274 – 316.

Суммируя приведенные данные, можно сделать вывод о том, что корпус чиновников, занимавших по служебной иерархии низшие должности, формировался из служащих, которые до середины XIX в. обучались преимущественно в домашних условиях (т. е. при поступлении на службу они не предоставляли аттестат об образовании), во второй половине XIX в. – в основном уже имели аттестат приходских и уездных училищ (начальный уровень образования), в начале XX в. – губернских гимназий и духовных семинарий (средний уровень образования).

В исследованиях одного из авторов данной статьи доказано, что чиновники на обер-офицерских должностях, имевшие домашнее и начальное образование, были представлены сибиряками (1823 г. – 50 %, 1865 г. – 73,1 %, 1915 г. – 93,7 %), а именно выходцами из Енисейской, Иркутской губерний, что категорически отличалось от территориального происхождения высших и штаб-офицерских служащих. Так, доля сибиряков среди высших чиновников енисейской губернской администрации в 1822–1917 гг. составляла всего 16,4 %. Количество сибиряков среди среднего звена енисейской губернской администрации хотя и неуклонно росло (в 1823 г. – 15,8 %, 1865 г. – 52 %,

1915 г. – 61,7 %), но было меньше, чем среди низших чиновников. Интересно, что стабильными поставщиками «назначенцев» (от письмоводителя до губернатора) являлись столичные губернии, а также Украинские и Северо-Западные земли (Карчаева, 2016: 137).

Для сравнения с Центральной Россией, например, в Рязанской губернии также повсеместно наблюдался недостаток квалифицированных кадров (Поскачей, 2005: 82–85). В период с начала XIX в. по 1860-х гг. происходило повышение уровня образования государственных служащих, например, в Курской губернии, на территории которой доля чиновников со средним образованием увеличилась от 5,7 до 20 % (семинарии, гимназии, училища), с высшим – от 4 до 10 %, соответственно, с начальным образованием – от 12,3 до 49 %, а количество служащих с домашним образованием сократилось от 74 до 17 % (Токмакова, 2009: 67, 70).

4.2. Опыт службы в Сибири, ведомстве и должности

Анализ территориального происхождения низших чиновников показал, что до середины XIX в. кадры обер-офицерских должностей в Енисейской губернии формировались наполовину как из приезжих, так и местных чиновников (преобладали уроженцы г. Красноярска и Красноярского округа). Со второй половины XIX в. главным поставщиком служащих на низшие в служебной иерархии должности стала Сибирь: 1842 г. – 69,7 %, 1865 г. – 73,1 %, 1893 г. – 85,7 %, 1915 г. – 93,7 % (табл. 2).

Таблица 2. Территориальная принадлежность последнего места службы (места жительства) чиновников обер-офицерских должностей

Год	Губернии				Центральная Россия		Сибирь				Енисейская губерния		Итого
	Прибалтийские		Украинские				Западная		Восточная				
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.		
1823	3	11,5	2	7,7	8	30,8	6	23,1	4	15,4	3	11,5	26
1831	2	7,1	2	7,1	9	32,2	4	14,3	8	28,6	3	10,7	28
1842	3	5,4	5	8,8	9	16,1	8	14,3	22	39,3	9	16,1	56
1851	5	7,8	4	6,3	9	14,1	7	10,1	21	32,8	18	28,1	64
1865	4	6,4	5	7,9	8	12,7	6	9,5	20	31,8	20	31,8	63
1882	2	3,6	2	3,6	4	7,3	2	3,6	14	25,5	31	56,4	55
1893	2	3,6	3	5,4	3	5,4	3	5,4	11	19,6	34	60,7	56
1905	–	–	–	–	3	5,2	2	3,5	12	20,7	41	70,6	58
1915	–	–	–	–	4	6,3	3	4,7	13	20,3	44	68,7	64

Таблица составлена авторами по данным РГИА, ГАКК (см. табл. 1)

Среднестатистический чиновник в Енисейской губернии до назначения на обер-офицерскую должность, например, бухгалтера, столоначальника, регистратора, протоколиста или их помощника, имел опыт на государственной службе (военной и гражданской) в среднем 8 лет (табл. 3).

Таблица 3. Служебный стаж обер-офицерских чиновников

Год	Количество чиновников, чел., имевших стаж службы, лет							Итого
	до 5	6–10	11–15	16–20	21–30	31–40	41–50	
1823	4	14	6	–	2	–	–	26
1831	3	11	4	4	5	1	–	28
1842	3	18	15	10	9	–	1 (62 года)	56
1851	2	4	18	17	15	8	–	64
1865	9	5	7	20	11	9	2	63
1882	2	14	11	4	10	11	3	55
1893	3	13	12	8	11	7	2	56
1905	7	15	13	12	7	4	–	58
1915	9	19	15	14	4	2	1	64

Таблица составлена авторами по данным РГИА, ГАКК (см. табл. 1)

Опыт государственной службы у чиновников, занимавших низшие по служебной иерархии должности, был в 2 раза меньше, чем у их непосредственных начальников – чиновников на штаб-

офицерских должностях (18 лет), и, разумеется, меньше, чем у высших администраторов (губернаторы – от 23 до 44 лет, председатели казенной палаты, губернского правления, губернского суда и пр. – от 12 до 52 лет (Верхотурова, 2010: 48).

Определенной системы в формировании кадрового аппарата младшего звена чиновников, скорее всего, не было, поэтому срок пребывания в должности составлял в среднем 1 год, опыт службы в одном ведомстве – 3 года. С полной уверенностью можно утверждать, что в первой половине XIX в., а затем в начале XX в. корпус обер-офицерских должностей в Енисейской губернии формировался за счет молодых чиновников, имевших непродолжительный служебный стаж, что в первом случае объяснялось общим недостатком претендентов на занятия вакантных мест, во втором – привлечением на младшие должности лиц без значительного опыта, но с образованием. Так, анализ групповых формулярных списков показал, что количество лиц, поступивших на обер-офицерские должности в возрасте до 30 лет в 1823 г. было 61,5 %, в 1865 г. – 12,7 %, в 1905 г. – 31 %, 1915 г. – 32,8 % (Верхотурова, 2010: 49). При этом ведомственные и должностные перемещения младшего звена губернского чиновничества происходили без учета служебной специализации и ведомственной принадлежности, что свидетельствовало о низкой профессиональной квалификации чиновников. Особенно были частыми случаи перевода служащих низших должностей (из енисейского губернского суда, губернского правления и пр.) на разноплановые низшие должности в новые учреждения по Министерству финансов (губернское казначейство, контрольная палата, губернное акцизное управление), открывшиеся в Сибири во второй половине XIX в. в связи с усложнением хозяйственно-экономической жизни в регионе.

Среди государственных служащих енисейской губернской администрации, занимавших должности протоколистов, регистраторов, секретарей, столоначальников и пр., знаками отличия беспорочной службы (в основном ордена Св. Станислава III ст. и Св. Анны III ст.) были награждены всего 6 % чиновников, только 27 из 447 чел., что было несравнимо меньше, чем 100 % награжденных среди высших чиновников, 68 % – штаб-офицерских. Несмотря на уровень образования, частые перемещения и отсутствие наград у чиновников, занимавших низшие в служебной иерархии должности, их служебная пригодность в первой половине XIX в. соответствовала 100 % (со второй половины XIX в. данная графа была убрана из формулярного списка). О каждом из них было написано: «К прохождению службы годен... и к повышению достоин...» Однако анализ перемещений по службе показал, что на протяжении всего рассматриваемого периода количество чиновников, поднявшихся по служебной иерархии на высшие штаб-офицерские должности стабильно равнялся 20 %, что свидетельствовало о консервативности государства в кадровой политике.

4.3. «Бытность под судом и следствием»

На протяжении почти векового рассматриваемого периода (1822–1917 гг.) среди 311 чиновников, согласно имеющимся сведениям, выявлено только 24 служащих (8 %), совершивших правонарушения преступного характера, за которые следовала по решению суда юридическая ответственность в виде ареста, денежного штрафа, вычитаемого из жалования, официального выговора и пр. Состав незаконных деяний был представлен в четырех случаях злоупотреблением властью, в трех – «служебными упущениями», в девяти – драками, в восьми – хулиганством.

Анализ формулярных списков показал, что неформальным, но распространенным наказанием среди низших чиновников в Енисейской губернии являлось увольнение провинившихся с занимаемых должностей по собственному прошению, что иногда сопровождалось отсылкой из Сибири назад в европейскую часть России, если они были приезжими.

Среднестатистическим примером тому могут служить биографические сведения о двух чиновниках Енисейской губернии: канцелярском слуге (т. е. без классного чина) Александре Филипповиче Полчанинове, происходившем из семьи красноярского дьяка, и коллежском асессоре Егоре Семеновиче Бурдине, происходившем из семьи штаб-офицера и приехавшем в Сибирь из Киевской губернии, а потому имевшем классный чин. Согласно формулярному списку, 25-летний Полчанинов с должности столоначальника 2-го стола хозяйственного отделения енисейской казенной палаты был уволен по собственному прошению в 1851 г. Предположительно, поводом послужил предшествовавший тому случай на свадьбе у его коллеги, состоявшего тогда в чине коллежского регистратора, 32-летнего Бурдина, служившего в канцелярии енисейской казенной палаты. Состав преступления, совершенного Полчаниновым, заключался в «непримерном поведении» в церкви во время бракосочетания Бурдина, за что Полчанинов судом был приговорен к 7 сут. ареста в тюрьме. Кроме того, Бурдин также был переведен из г. Красноярска в ачинский городской суд в качестве письмоводителя, хотя в соответствии с классным чином коллежского регистратора, полученного им в качестве служебной привилегии за перевод на службу в Сибирь из Киевской губернии, мог бы рассчитывать на более высокую должность. В г. Красноярск Бурдин со своей семьей переедет повторно только в 1860 г. в связи с назначением на должность столоначальника по земскому столу енисейского общего губернского управления по неоднократному своему прошению. Интересно, что служебная карьера 57-летнего коллежского асессора Бурдина оборвется в 1876 г. в связи с «попаданием его под суд за утрату дел мещанина Юдовича». Официального наказания как такового не последует, но он покинет должность делопроизводителя

канцелярии енисейской казенной палаты «с отбытием в Киевскую губернию», положенной пенсии при этом назначено ему не будет (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 156. Л. 122 об.–125; Д. 446. Л. 31–53 об; Ф. 595. Оп. 45. Д. 85. Л. 68–72).

В губерниях Центральной России официальный процент правонарушений был примерно таким же, например, 9 % в Рязанской губернии во второй четверти XIX в. (Поскачей, 2005: 84).

Таким образом, несмотря на сложности комплектования в Сибири кадрового состава низших по служебной иерархии служащих, обер-офицерское чиновничество на примере «письмоводителей» Енисейской губернии можно охарактеризовать как профессионально пригодное. Согласно формулярным спискам, для данной категории служащих были свойственны следующие характеристики: во-первых, адекватный времени уровень образования, который повышался от домашнего к начальному, затем к среднему; во-вторых, наличие существенного опыта работы в государственных учреждениях, в том числе и в Сибири, как и сибирское происхождение большинства служащих; в-третьих, отсутствие вопиющих случаев правонарушений. Отличало чиновников енисейской губернской администрации, находившихся на обер-офицерских должностях, от их коллег в губерниях Центральной России только более низкое сословно-социальное происхождение и наличие в их составе приезжих из других территорий. Следует заметить, что обер-офицерские должности енисейской губернской администрации не выполняли функцию резерва кадров, так как существовали самостоятельно и их кадровый состав имел наименьшее число отличий по представленным критериям от соответствовавших им по статусу чиновников в губерниях Центральной России.

Литература

Бердников, 1995 – Бердников Л.П. Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916): факты, события, люди. Красноярск, 1995. 320 с.

Верхотурова, 2010 – Верхотурова Т.Г. Социальный состав енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2010. № 2 (10). С. 48–53.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, 2016 – Дамешек Л.М. Губернаторская власть в меняющемся пространстве империи: от Петра I до Александра I // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2016. Т. 15. С. 6–14.

Дегтярев, 2013 – Дегтярев С.И. Проблема социального происхождения чиновников в политике Романовых (XVIII – первая половина XIX вв.) // *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2013. № 30 (4). С. 27–35.

Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва, 1978. 288 с.

Карчаева, 2016 – Карчаева Т.Г. Социокультурный портрет чиновников Енисейской губернии (1822–1917 гг.) // *Гуманитарные науки и образование*. 2016. № 1 (25). С. 135–139.

Матханова, 2002 – Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 250 с.

Матханова, 2016 – Матханова Н.П. Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 2. С. 58–75.

Поскачей, 2005 – Поскачей Т.А. Социальная характеристика рязанского чиновничества в первой половине XIX вв. // *Аспирантский вестник Рязанского государственного педагогического университета имени С.А. Есенина*. 2005. № 6. С. 82–85.

РГИА – Российский государственный архив.

Свод законов ... , 1857 – *Свод законов Российской империи*, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. С.-Петербург, 1857.

Свод законов ... , 1896 – *Свод законов Российской империи*, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. С.-Петербург, 1896.

Токмакова, 2009 – Токмакова Ю.Н. "От чистописания к юриспруденции"; проблема образовательного уровня провинциальных чиновников центральной России в первой половине XIX в. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2009. № 37. С. 65–71.

Троицкий, 1974 – Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. Москва, 1974. 368 с.

Bloch, 2005 – Bloch A. Longing for the Kollektiv: Gender, Power, and Residential Schools in Central Siberia // *Cultural Anthropology*. 2005. Vol. 20 (4). pp. 534–569.

Gentes, 2003 – Gentes A. Licentious Girls' and Frontier Domesticators: Women and Siberian Exile from the late 16th to the early 19th Centuries // *Sibirica*. 2003. Vol. 3 (1). pp. 3–20.

Graber, Murray, 2015 – Graber K.E., Murray J.D. The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s // *Slavic Review*. 2015. Vol. 74 (1). pp. 127–152.

Pintner, 1970 – Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // *Slavic Review*. 1970. № 3. pp. 429–443.

Raeff, 1979 – Raeff M. The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // *American Historical Review*. 1979. № 84. pp. 399–411.

References:

Berdnikov, 1995 – *Berdnikov L.P.* (1995). Vsyā krasnoyarskaya vlast: ocherki istorii mestnogo upravleniya i samoupravleniya (1822–1916): faktyi, sobyitiya, lyudi [All of the Krasnoyarsk power structure: the historical sketches of the local administration and self-government (1822–1916): the facts, events, people]. Krasnoyarsk. 320 p. [in Russian].

Verhoturova, 2010 – *Verhoturova T.G.* (2010). Socialnyy sostav eniseyskoy gubernskoy administratsii (1822–1917 gg.) [Social Composition of the Yenisei Province Administration in 1822–1917]. *Humanities Research in the Russian Far East*, № 2 (10), pp. 48–53 [in Russian].

GAKK – Gosudarstvennyy arhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archives of the Krasnoyarsk Region].

Dameshek, 2016 – *Dameshek L.M.* (2016). Gubernatorskaya vlast v menyayushchimsya prostranstve imperii: ot Petra I do Aleksandra I [Power of the Governors in the Changing Space of the Empire: from Peter I to Alexander I]. *The Bulletin of Irkutsk State University, series «History»*, vol. 15, pp. 6–14 [in Russian].

Degtyarev, 2013 – *Degtyarev S.I.* (2013). Problema sotsialnogo proishozhdeniya chinovnikov v politike Romanovykh (HVIII – pervaya polovina XIX veka) [The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century)]. *Bylye Gody. Russian Historical Journal*, № 30 (4), pp. 27–35 [in Russian].

Zayonchkovskiy, 1978 – *Zayonchkovskiy P.A.* (1978). Pravitelstvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v. [The Government Staff of Russia in the XIX Century]. Moscow. 288 p. [in Russian].

Karchaeva, 2016 – *Karchaeva T.G.* (2016). Sotsiokulturnyy portret chinovnikov Eniseyskoy gubernii (1822–1917 gg.) [The Cultural Image and the Social Staff of Enisey Province's Officials from 1822 until 1917]. *The Humanities and Education. Scientific and methodological journal*, № 1 (25), pp. 135–39 [in Russian].

Mathanova, 2002 – *Mathanova N.P.* (2002). Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX v.: Problemy sotsialnoy stratifikatsii [Governor-Generals of Eastern Siberia from the middle of the XIX c.]. Novosibirsk. 250 p. [in Russian].

Mathanova, 2002 – *Mathanova N.P.* (2016). Vlast i chinovniki v memuarah sibirskogo kupechestva XIX v. [Authorities and State Officials as Portrayed in the 19th Century Memoirs of Siberian Merchants]. *Siberian Historical Research*, № 2, pp. 58–75 [in Russian].

Poskachej, 2005 – *Poskachej T.A.* (2005). Sotsial'naya kharakteristika ryazanskogo chinovnichestva v pervoy polovine XIX vv. [Social Characteristics of the Ryazan Officials in the First Half of the XIX Century]. *Science and research at Ryazan State Pedagogical University named after S.A. Yessenin*, № 6, pp. 82–85 [in Russian].

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian State history archive].

Svod zakonov..., 1857 – Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy. Sankt-Peterburg, 1857 [in Russian].

Svod zakonov..., 1996 – Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy. Sankt-Peterburg, 1896 [in Russian].

Tokmakova, 2009 – *Tokmakova Y.N.* (2009). "Ot chistopisaniya k yurisprudentsii": problema obrazovatel'nogo urovnya provintsial'nykh chinovnikov Tsentral'noj Rossii v pervoy polovine XIX v. ["From calligraphy to jurisprudence": on the problem of the educational level of provincial officials in Central Russia in the first half of XIX century]. *Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*, № 37, pp. 65–71 [in Russian].

Troitskiy, 1974 – *Troitskiy S.M.* (1974). Russkiy absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v.: Formirovanie byurokratii [The Russian absolutism and nobility in XVIII century. Formation of Bureaucracy]. Moscow, 368 p. [in Russian]

Bloch, 2005 – *Bloch A.* (2005). Longing for the kollektiv: Gender, power, and residential schools in central Siberia. *Cultural Anthropology*, Vol. 20 (4), pp. 534–569.

Gentes, 2003 – *Gentes A.* (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. *Sibirica*, Vol. 3 (1), pp. 3–20.

Graber, Murray, 2015 – *Graber K.E., Murray J.D.* (2015). The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. *Slavic Review*, Vol. 74 (1), pp. 127–152.

Pintner, 1970 – *Pintner W.M.* (1970). The social characteristics of the early nineteenth-century Russian bureaucracy. *Slavic Review*, № 3, pp. 429–443.

Raeff, 1979 – *Raeff M.* (1979). The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905. *American Historical Review*, № 84, pp. 399–411.

УДК 908

Кто они – «письмоводители» в Сибири? Профессиональная характеристика местных чиновников Российской Империи в XIX – начале XX вв.Татьяна Геннадьевна Карчаева^{а, *}, Денис Николаевич Гергилев^а, Михаил Дмитриевич Северьянов^а^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен деловой облик чиновников Енисейской губернии Восточной Сибири, занимавших низшие по служебной иерархии должности в местных органах власти в 1822–1917 гг. Научная актуальность исследования обусловлена пониманием необходимости изучения кадрового состава служащих, равных по статусу "письмоводителю", но от профессионализма которых, зачастую, зависело правильное функционирование системы государственного управления окраинным регионом и его населением. На основе детального анализа массива архивного материала, впервые введенного в научный оборот, сделан вывод о профессиональной пригодности протоколистов, столоначальников, делопроизводителей, регистраторов и пр., что подтвердило теорию включенности Сибири в общероссийское пространство государственного управления в XIX–XX вв. Результаты сравнения полученных статистических показателей с опубликованными данными о провинциальных чиновниках Центральной России свидетельствуют о том, что на протяжении рассматриваемого периода профессиональные характеристики служащих в отдаленной восточной окраине соответствовали общероссийским. Так, во-первых, выявлен рост уровня образования местных низших чиновников от преобладавшего домашнего к среднему при доминировавшем начальном (приходские школы, уездные училища); во-вторых, стабильно низким оставался срок службы в должности и ведомстве (при беспорядочной ротации кадров); в-третьих, количественный и качественный состав правонарушений, скорее всего, официально скрывался, но в процентном соотношении не превышал общероссийских 7–8 %. К региональным социально-профессиональным характеристикам (особенностям) сибирских низших чиновников можно отнести их податное сословно-социальное происхождение; наличие в кадровом составе большого количества приезжих из других территорий Российской империи; отсутствие у чиновников сибирского происхождения существенных карьерных перспектив продвижения по службе.

Ключевые слова: чиновники, государственные служащие, местное управление, губернская администрация, Енисейская губерния, Сибирь, Российская империя.

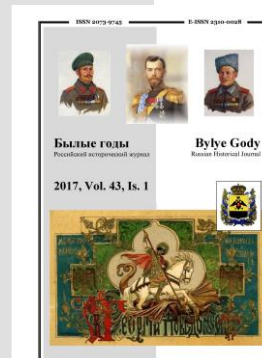
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева)

Copyright © 2017 by Sochi State University
Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
Co-publisher in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 43, Is. 1, pp. 94-102, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.1.94
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (574)

Formation of the Kazakh Employees in the Conditions of Russian Management Military-Administrative Model

Aidar A. Aitmuhambetov ^{a, *}, Ruslan K. Bekmagambetov ^b, Aigul A. Bimoldanova ^c,
Maisara G. Bekmagambetova ^b

^a Kostanay State University A. Baitursynov, Republic of Kazakhstan

^b Kostanay State Pedagogical Institute, Republic of Kazakhstan

^c Abai Kazakh national pedagogical university, Republic of Kazakhstan

Abstract

In article is considered as in the second half of the XIXth century in Kazakhstan professional groups of the Kazakh employees educated according to Russian-educational standards who had essential differences from other representatives of the Kazakh society are actually formed.

Administrative-territorial and social-economic changes in the region persistently dictated need of formation of the specialists demanded by time from the local ethnic environment. The development of state-secular model of education is a consequence of this social factor.

The Kazakh aristocracy was a basis of formation of employees group. It is distinguished several aristocratic clans oriented on innovative perceptions and further incorporation with new structure of management: Seydalin, Dzhanaturin, Temirov, Nuralikhanov, Valikhanov, Ablaykhanov, Taukin, Babadzhanov, Karatayev, Sultangazin and others.

The natives of sultan and other notable surnames of Younger and Central zhuz under the influence of the parents made a conscious choice in benefit of the military schools which educational status defined in prospect their inclusion in the rank military titulatura dominating in empires.

The most of the Kazakh officers graduated from the Omsk and Orenburg military schools. Some Kazakh managers didn't have corresponding military and civil education, but by the nature of a post had military ranks.

In the XIXth century by virtue of the political situation which developed in Kazakhstan national and Russian officials mainly had military ranks. In administrative managerial hierarchy of the Kazakh employees remained the rank titulatura with the corresponding assignment of the military ranks emphasizing recognition of merits by the imperial government.

Keywords: the Russian state, imperial institutes, civil servants, Kazakh officials, military school, the district authority, Kazakh aristocracy, officers – sultans, soldiery ranks, reforms.

1. Введение

Актуальность исследования определяется значимостью изучения складывания системы государственных служащих. В данном ракурсе научный интерес представляет процесс формирования корпуса казахских служащих, их профессиональная, общественная и политическая деятельность в XIX – начале XX века. Принципы и методы подготовки казахских специалистов проходили в условиях трансформации Российского государства. В результате реформ 1860-х годов происходит нивелирование сословных привилегий и трансформирование сословий в классы и профессиональные

* Corresponding author

E-mail addresses: aidar_abavi4@mail.ru (A.A. Aitmuhambetov), Ruslan_69@mail.ru

(R.K. Bekmagambetov), maisara75@mail.ru (M.G. Bekmagambetova), turpost@list.ru (A.A. Bimoldanova)

группы. Таким образом, во второй половине XIX века в Казахстане фактически формируются профессиональные группы просвещенных по русско-государственным образовательным стандартам казахских служащих, имевших существенные отличия от остальных представителей казахского общества.

Инкорпорирование казахских специалистов в имперскую модель управления, судопроизводства, государственной системы просвещения и медицины предполагало их уравнивание в правах с работниками этих сфер. Таким образом, казахские специалисты официально вводились в группу служащих.

Исследование поставленной проблемы представляет научный интерес в свете современной ситуации формирования корпуса служащих и их задач в эволюции общества и государства.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили ранее малоизученные документы казахстанских и российских архивов (Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Российского Государственного исторического архива города Санкт-Петербурга (РГИА СПб), Государственного архива Оренбургской области (ГАОрО), газеты и журналы. В исследовании применялись материалы официальной статистики. Интересующие нас сведения содержатся в статистических сборниках, сформировавшихся в дореволюционный период по областному принципу. К таковым документам относятся «Адрес-календари» и «Памятные книжки», официально патронируемые губернской и областной администрацией. В этих сборниках содержится социально-экономический обзор областей по следующим критериям: история административной единицы, численность населения, анализ инфраструктуры. В материалах статистики имеются данные по городским сословиям – чиновничеству и мещанству. Скрупулезный анализ показателей выявленной документации позволил собрать сведения относительно казахских городских служащих.

Методологической основой исследования являются принципы диалектики и синергетики, а также идеи и концепции ученых, рассматривающих вопросы политической эволюции и социально-экономического развития социума. При написании работы сохранялись принципы историзма, научной объективности и комплексного подхода при изучении проблемы.

Исходя из того, что в основе структурно-функционалистской методологии выступает функционалистская составляющая проведен анализ социальной структуры общества, точнее, связи между элементами и целым. Исходным выступает выяснение связей между структурными единицами и способами их функционирования. Следовательно, определяются области возможных вариантов в социальной структуре объекта исследования. При условии сохранения структурной целостности прогнозируются и научно реализуются возможные и невозможные состояния системы, границы допустимых сочетаний элементов.

Исходная вторая составляющая в структуралистской тенденции в структурно-функционалистской методологии основана на анализе вычленения входящих в состав социальной структуры соотношении между общим и частным (общества, его состояния, классов, социальных слоев), а также единиц (элементов, факторов переменных составных). Определенная тем самым установка исследования послужила исходным пунктом для многостороннего анализа процессов социального изменения динамики казахских служащих Российской империи в рассматриваемый временной исторический период.

Теоретическая исследовательская концепция позволила подойти к изучению формирования казахских служащих Российской империи в XIX – начале XX века как к системе.

Одновременно изучение отдельных аспектов проблемы предполагало применение сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов исследования.

Использование метода системного и комплексного изучения позволило раскрыть объект исследования как образование, характеризующее целостностью и взаимосвязью элементов. Исходя из данного положения, в исследовании рассматривается история формирования и развития категорий казахских служащих как цельной системы. Метод сопоставления фактов и данных извлеченных источников создал возможность систематизировать сведения о конкретных личностях. Использование статистического метода позволило изучить количественную характеристику изменения казахских служащих в указанные хронологические рамки. Данный метод использовался при составлении и сопоставлении качественных характеристик исследуемых групп по таким критериям, как пол, образовательный статус, социально-имущественная характеристика, возраст.

3. Обсуждения

Ученые провели значительную работу по изучению истории формирования корпуса казахских служащих и их общественно-политической деятельности. Однако некоторые проблемы исторической науки изучены недостаточно по причине доминирования идеологической конъюнктуры, затруднявшей достоверность познания истории. В ракурсе проработки данной темы сохраняется актуальность сборника В.В. Васильева (*Васильев, 1896*), изложивший ценные материалы относительно подготовки казахских учащихся в немногочисленных училищах на локальной территории воздействия Оренбургской администрации. Значительный объем информации

содержится в публикациях и сочинениях И. Алтынсарина (Алтынсарин, 1978), Ш. Кудайберды-улы (Кудайберды-улы, 1990), К.А. Жиренчина (Жиренчин, 1996), Х.М. Абжанова (Абжанов, 2005).

Анализ состояния изученности проблем истории формирования и деятельности казахских служащих свидетельствует о необходимости дальнейших исследований ученых с целью освещения следующих малоизученных вопросов:

во-первых, комплексной характеристике казахского студенчества в высших учебных заведениях по социально-имущественному, финансовому статусу, качеству обучения и специализации;

во-вторых, профессиональной деятельности и общественной работы казахских военных, служащих администрации и социальной сферы.

4. Результаты

Административно-территориальные реформы и социально-экономические новации периода XIX века и последующих времен способствовали структурным преобразованиям казахского общества. У казахского народа формируются другие представления о сути и устройстве государства и формах служения. Кочевая государственность с присущими ей институтами и формами общественного устройства вытесняется в сознании казахской общины жестко централизованной и вертикально регламентируемой моделью управления. Представители казахской аристократии и других правящих групп осознавали сложившиеся реалии как неизбежный феномен, катализирующий их последующий алгоритм действий с целью сохранения социальной значимости.

Объективно происходит медленное формирование нового стереотипа поведения прежде всего у данной категории казахов. Власти, заинтересованные в дальнейшем усилении присутствия имперских институтов, активизировали процесс инкорпорирования казахов в общественно-государственные процессы, прежде всего, включения национальной знати в административные круги. Участие казахов в местном управлении логично предполагало формирование категорий служащих с различными функциональными обязанностями. Национальные традиции воспитания препятствовали пополнению низовой администрации представителями аристократических кланов на начальном уровне развития. Данный фактор обусловил приток в край татарских и русских канцеляристов. В перспективе, как явствует из архивных документов, соответствующие звенья восстанавливались казахами из обедневших знатных семей и категории «черной кости». Динамика образования этой группы «белых воротничков» актуализировалась самой природой упорядочивания и разветвления бюрократической системы с целью интенсивного освоения территорий. Военно-полицейский режим управления активизировал поведенческие установки ведущих фамилий. В первой половине XIX века отмечается признание частью султанства присвоения им военных званий как символа подчинения государству. Обратная связь есть суть повышения статусности конкретной династии краевой властью. Таким образом, коррекция стереотипа поведения аристократов гармонично соответствовала их ментально-целевым задачам властного присутствия в обществе.

По справедливой оценке исследователей Х. Абжанова и С. Селиверстова, в период создания конкурентоспособных элементов национальной рыночной экономики начинается процесс «постепенного становления национальных предпринимателей, промышленников, торговцев, коммерсантов, а с другой стороны – национальной интеллигенции слоя наемных работников» (Абжанов, Селиверстов, 2004: 9).

Административно-территориальные и социально-экономические изменения в регионе настойчиво диктовали необходимость формирования востребованных временем специалистов из местной этнической среды. Следствием данного социального фактора является развитие государственно-светской модели образования. Процесс адаптирования образовательной сферы к условиям быта и традициям местного населения актуализировал ее реформирование и коррекцию. Подвижные аульные школы и стационарные училища при переселенческих центрах, прежде всего, были рассчитаны на полярные слои казахского общества, находящихся в фазе постепенной социоэтнической маргинализации. Пограничное этнопсихологическое состояние этих категорий – беднейших слоев и теряющей авторитет знати – определенно влияло на их схему действий в выборе жизненных ориентиров и достижения благополучия. Этот исторический период поведения и сознания данных групп общества.

В Российской империи исторически практиковалась процедура встреч императора с подданными. Такие встречи проходили в различных форматах. Одним из наглядно-эффективных методов воздействия на массы оставалась процедура отправки депутатических миссий к императорскому дому от различных социальных и национальных групп. Периодически казахские депутатии выезжали на встречу с императором. Как правило, такие встречи проходили по случаю особых торжественных событий. В 1876 году подобная миссия была отправлена от казахов западных регионов (Хроника, 1892: 13). В 1881 году казахская делегация отправилась в Санкт-Петербург по поводу кончины императора. В состав делегации входили помощники уездных начальников Уральской области Иржан Чулаков и Мухамеджан Сарыходжин.

Впоследствии эти два делегата вновь посетили Санкт-Петербург по случаю коронации его Императорского Величества. Иржан Чулаков был кавалером ордена Святого Великомученика Георгия Победоносца. Этой награды он удостоился за участие в Хивинском походе генерала

Веревкина. Помимо указанных представителей в состав делегации входил уроженец Гурьевского и Эмбенского уездов Даулет Яунгаров. Комиссия состояла из казахских чиновников. Таким образом, вполне осознанно происходило формирование новых стандартов подбора и состава комиссий, которые контролировались царской администрацией. Определенно соответствующая процедура оказывала информационное влияние на казахскую общественность.

Итак, в XIX веке сохранялась процедура депутатских миссий от казахских родовых подразделений к имперскому двору. В ракурсе доминирования патронально-вассальных отношений приходит постепенное изменение депутатского состава делегаций. Депутатский состав формировался под влиянием властей и в определенной мере состоял из официальных лиц, состоявших на государственной службе.

В критические исторические моменты актуализировалась проблема сохранения внутренней стабилизации в империи. Правительственные круги мобилизовывали имеющиеся ресурсы на достижение поставленной цели. В 1856 году продолжалась Крымская война закончившаяся поражением для Российской империи. Российская общественность консолидировалась под идеологическими лозунгами защиты национальных интересов. Характерно, что именно в это время в Казахстане награждается большая группа казахов Букеевской Орды за усердную службу. В числе награжденных числились султан Мухамедгали Касымов, тархан Ходжабеков, старшины В. Бикмухамедов, Я. Нермухамедов, Б. Дюйсенбаев, Ч. Байбуканов. Данные администраторы повышались по службе и награждались золотыми медалями на Владимирской ленте и серебряными медалями на Аннинской ленте ([Санкт-Петербургские ведомости, 1856](#)). Очевидно, данная кампания символизировала стремление имперского дома к демонстрации сохранения единства территории и общественного согласия в границах империи. Синхронно в этот период по Высочайшему указу от 16 июня 1856 года паж 1-го класса Султан Губайдула Джангир Букеев был пожалован в камер-пажи императорского двора ([Санкт-Петербургские сенатские ведомости, 1856](#)). Семейство Букеевых отличалось родовитостью и заслуженным авторитетом в западных территориях Казахстана. При российском императорском дворе продолжалась традиция пребывания при коронованных особах представителей национальных и сословных групп. Повышение в чине Букеева возвышало статус его семьи и в очередной раз демонстрировало стремление власти показать свою силу и величие в общественном сознании казахов.

Казахская аристократия являлась основой формирования группы служащих. На территории степных областей во второй половине XIX века сохранялась доминанта султанских фамилий, члены которых были связаны узами кровного родства и семейной взаимопомощи. В последующем в процессе имущественного разорения султаны, прежде всего, стремились к сохранению прежней статусности посредством слияния с государственной властью. На территории проживания казахов выделяется несколько аристократических кланов, ориентированных на инновационные восприятия и дальнейшее инкорпорирование с новой структурой управления. Значимость фамилий Сейдалиных, Джантуриных, Темировых, Нуралихановых, Валихановых, Аблайхановых, Таукиных, Бабаджановых, Каратаевых, Султангазиных и ряда других активно поддерживалась их представителями из поколения в поколение. Традиции их лидирующего влияния закладывались с периода начала XIX века. Политическая ориентация указанных династий четко проявилась в данный хронологический период. По сути, поляризация общественного мнения балансировала между признанием имперского господства с реальной утерей былой государственности или отрицанием момента включения в империю при полной мобилизации имеющихся средств для защиты интересов. Метода толерантно-терпимого отношения к продвижению европейски-централизованных форм управления базировалась на возможно быстром усвоении казахскими интеллигентами всех составляющих потенциала империи. Алгоритм действий этой группы султанов носил схематичный характер, который формировался с учетом складывавшихся обстоятельств. Политическое будущее этих кланов во многом зависело от активности их представителей на начальной стадии развития, избоблюющей неизвестностью и непредвиденными сложностями.

В реализации указанной долгосрочной задачи акцентировалась проблема включения представителей этих семей в управленческие звенья. Реальным критерием акклиматизации знатных выходцев в новой сфере являлись соответствующие образовательные стандарты военных училищ, предназначенных для подготовки военных специалистов. Первоначально, представители знатных фамилий не желали отдавать своих детей на обучение в кадетские корпуса, опасаясь за их дальнейшее будущее. Только личное давление хана Внутренней Орды Джангира оказало положительное влияние на решение местных аристократов, впоследствии ориентированных на Оренбургский кадетский корпус. По воспоминаниям Сейдалина 2-го, закончившего Оренбургский кадетский корпус в 1855 году, в области существовали негативные предубеждения относительно эффективности работы этого учреждения: «Нужно ли говорить, что с первого же момента переступления мною порога корпуса пришлось мне убедиться во всей нелепости ходивших о нем рассказов в степи, с одной стороны и ободряющий вид развившихся повсюду кругом меня сверстников – сразу расположили меня к так пугавшему корпусу» ([Оренбургский кадетский корпус, 1896: 7](#)). Впоследствии представители знати изменили свои суждения о значимости корпуса в обучении их сыновей. Образование в этом корпусе получили представители известных фамилий:

А. Букейханов, М. Бабаджанов, З. Нуралиханов, М. Бекмухамедов, Ш. Шигаев, С. Шигаев, Х. Бабаджанов, Б. Букейханов, М. Чукин, М. Джантурин, С. Чалабаев, А. Сейдалин, Т. Сейдалин, Т. Джаныбеков, Д. Айчуваков, А. Айчуваков, А. Нурепин, С. Таубаев, М. Бештжанов ([Оренбургский кадетский корпус, 1896: 13](#)). Подобная схема наблюдалась в действиях казахской знати северных областей, чьи представители учились в Омском кадетском корпусе. В первой половине XIX века выходцы обозначенных фамилий составили костяк казахского кадетства военных корпусов.

Таким образом, выходцы из султанских и других знатных фамилий Младшего и Среднего жузов под влиянием своих родителей сделали осознанный выбор в пользу кадетских корпусов, образовательный статус которых определил в перспективе их включение в доминировавшую в империи ранговую военную титулатуру.

Помимо заявленных выше казахских военных следует отметить группу казахских кадетов, служивших в военных подразделениях. Так, Джангиров Искандер Батыршин начинал военную карьеру прапорщиком Оренбургского линейного 1-го батальона. В этой же войсковой части служил прапорщик Султан-Мухаммед Бекжанов ([Справочная книжка, 1870: 84](#)).

Некоторые представители казахского кадетства предпринимали попытки к службе в действующую армию. В частности, сын выпускника Оренбургского корпуса Мухаммеда Джантурина Гумар Джантурин обращался с просьбой откомандирования его в действующие войска. Ранее он обучался в кадетском корпусе, но в возрасте 16 лет оставил учебу по состоянию здоровья ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 260. Л. 23](#)).

Большинство казахских офицеров не принимали участия в военно-полевой службе. Ареал деятельности казахских офицеров ограничивался Степными областями и близлежащей зоной Сибири и Поволжья. Потенциальные возможности этих военных эффективно применялись в административной сфере.

Бесспорно, европейски подготовленные офицеры составляли конкуренцию местным феодалам. Спектр деятельности офицеров, начинавших карьеру в звании ротмистров и поручиков, оказался разнообразным. Первоначально в их компетенцию входила доставка корреспонденции, сопровождение грузов, посредническая миссия с казахскими родами и приграничным среднеазиатским населением. Лишь единицы офицеров продолжали свою службу за пределами родовой территории. Именно эти военные сделали прекрасную карьеру, впоследствии протезируя казахское студенчество Москвы и Санкт-Петербурга. По существу просвещенные военные являлись носителями локально-территориальных интересов населения на уровне волости и уездов. Пожалуй, круг интересов и знакомств столичных казахских военных оказался достаточно обширен. В научных источниках не встречаются сведения о длительном проживании казахских офицеров степных областей в административных городах Сибири и Приуральско-Поволжского региона. Имперская кадровая политика акцентировала участие офицеров в зоне концентрации казахского населения, проживавшего в провинции.

Из числа султанов, окончивших Оренбургский корпус, известен Альмухаммед Сейдалин. Он был выходцем из обедневшей султанской семьи и не видел иной альтернативы получению престижного образования, что позволило бы ему занять достойное положение в обществе. Сейдалин являлся одним из немногих казахских офицеров, начавших военную карьеру в действующей армии. Обычно офицеры из числа казахов начинали службу в административном аппарате. В дальнейшем военно-полевая карьера Сейдалина пресекалась. Власти использовали его на гражданской службе. Из ведения Военного ведомства он переводится в подчинение Министерства юстиции. По всей видимости, это объяснялось нехваткой чиновников-делопроизводителей. По законодательству государственный судья обязан был иметь соответствующее рангу высшее или среднее образование. По рекомендации начальства Сейдалин вполне подходил на судейскую должность как хороший специалист по судебным разбирательствам между казахами ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 764. Л. 3](#)). На территории Тургайской области Сейдалин выполнял обязанности уездного судьи Иргизского, а чуть позже Николаевского уездов ([РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 9](#)). Солидная научная образовательная база, заложенная в годы обучения в корпусе и длительная чиновничья практика, вероятно, стали хорошей основой для его деятельности на новом поприще. Альмухаммед Сейдалин, будучи майором, выполнял обязанности письмоводителя при уездном управлении. В этот период А. Сейдалин состоял в должности уездного судьи. Дефицит национальных служащих продолжал сохраняться на всех уровнях чиновничьей вертикали.

Как правило, согласно положению, обязанности уездного начальника выполняли назначаемые правительством русские офицеры. В 1870-е годы подполковник султан Джигангеров действовал в качестве помощника Тургайского уездного начальника. Казахские военные администраторы, обладая высокими офицерскими званиями, ограничивались властями уровнем уездной администрации. В категории казахских служащих действовали чиновники, не имевшие кадетского образования. Соответствующие чиновники в силу занимаемой должности имели казачьи военные звания. Функциональные обязанности помощников уездных начальников северо-западного Казахстана фактически были идентичны, при этом военные звания офицеров-султанов варьировались. Так, в должности младшего помощника уездного начальника Букеевской Орды состоял есаул султан Арунгазыев, а в должности младшего помощника уездного начальника Николаевского уезда

Тургайской области находился Бермухаммед Куламбаев ([Справочная книжка, 1870: 66](#)). Характерно, что производственная деятельность султана Арунгазыева проходила в Илецком уезде, где он работал младшим помощником.

Некоторые казахские управленцы не имели соответствующего военного и гражданского образования, но по роду занимаемой должности имели военные звания. В XIX веке в силу сложившейся в Казахстане политической ситуации национальные и русские чиновники в основном имели военные звания. В административной управленческой иерархии казахских служащих сохранялась ранговая титулатура с соответствующим присвоением военных званий, подчеркивавших признание заслуг имперским правительством. Во второй половине XIX века повышается в звании начальник дистанции Сулейман Джигангеров и управляющий родоплеменным подразделением Казбек Чегенев за производственную деятельность с присвоением чинов соответственно есаула и хорунжего ([Справочная книжка, 1868: 1](#)). Ареал деятельности Казбека Чегенева сохранялся в районе между реками Тургай и Тобол. Авторитет К. Чегенева формировался его генеалогическим прошлым взаимосвязи с историческими лидерами и личными качествами, предопределившими его бийское звание. Личное состояние Чегенева оценивалось в 200 лошадей, 20 верблюдов и 300 баранов ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2512. Л. 62](#)). Статусность казахских военных поддерживалась занимаемыми ими должностями.

В Западном Казахстане концентрировались Уральское и Оренбургское казачество. В иерархии управления преобладала военизированная модель отношений. Казахский административный корпус на протяжении значительного времени состоял из чиновников с военными званиями. С 1841 года с должности помощника султана-правителя Восточной части Орды начинается карьера султана Мухаммеда Джантурина. С середины 1840-х годов он состоял в звании сотника, полученного за найм верблюдов для военно-транспортных служб. В 1859 году он получил звание есаула. На момент назначения в 1861 году на должность султана-правителя Восточной части он имел звание войскового старшины ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 259. Л. 10](#)). Через 9-лет М. Джантурин числился в звании полковника.

В областном правлении действовали зауряд-хорунжий Миргалий Бахтияров, зауряд-хорунжий Тохтамыс Косваков. В этом же управлении обязанности младшего чиновника при военном губернаторе выполнял войсковой старшина султан Сейтхан Ахмедович Джантурин ([Справочная книжка, 1868: 50](#)).

В 1860-е гг. успешно складывалась карьера в Тургайской области выпускника Оренбургского кадетского корпуса Искандера Бабина, начинавшего в звании сотника ([Адрес-календарь, 1868: 50](#)). На казахских офицеров возлагались юридические функции. Обязанности младшего помощника начальника Уральского уезда возлагались на хорунжего Чулака Айбасова ([Адрес-календарь, 1899: 101](#)). В первой четверти второй половины XIX века корпус казахских переводчиков формировался также служащими с военными званиями. В частности, переводчиком при Оренбургской канцелярской палате работал есаул Ельмухамед Ахмедович Куватов ([Справочная книжка, 1867: 29](#)).

На рубеже XIX–XX веков и в последующий период переводчики в значительной массе не имели военных званий и котировались по другим критериям чиновничьего ранжирования. При этом незначительная часть переводчиков сохраняла военные звания. Так, в штате переводчиков областного правления Уральской области состоял есаул Худей Искаков ([Адрес-календарь, 1915: 15](#)). В период XIX–XX веков казахские военные составили значительный слой казахских администраторов, задействованных в зоне степных областей.

В источниках зафиксированы акты неподчинения служащих государственным органам власти. Преступные действия опальных служащих классифицировались по уголовным и политическим мотивам. Так, обвиненный в преступлении хорунжий султан Зулхарнай Нуралиханов лишался звания и чина и ссылался в Вятскую губернию на поселение ([ГАОРО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7202. Л. 66](#)). Служащий Тургайской области сотник Искандер Бабин в 1874 году обвинялся в подстрекательстве казахов против местного управления и за это подвергся высылке за пределы области ([ГАОРО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8388. Л. 10](#)). В процессе усиления доминирующей роли имперской управленческой модели казахские администраторы постепенно теряли неограниченное право легитимного воздействия на казахские родовые подразделения. Другие изученные служащие не прослеживаются в уголовной статистике.

Казахские военные администраторы, задействованные в новой системе управления, содержались за счет государственной казны посредством официально установленного жалования. Финансовое обеспечение чиновника особых поручений С. Джантурина во второй половине XIX века составляло 800 рублей, из которых 533 рублей 34 копейки оставляло жалование; 266 рублей 66 копеек – столовые ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 258. Л. 1](#)). Общая сумма годового оклада судьи Т. Сейдалина в 1890-е годы XIX века составляла 1800 рублей, из которых финансовая сумма жалования – 100 рублей. Т. Сейдалин ушел на пенсию после 43 лет беспорочной службы. Первоначально пенсия Т. Сейдалина начислялась в сумме 285 рублей 90 копеек в год ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 258. Л. 12](#)). По мнению местного Тургайского уездного начальства, султан Сейдалин испытывал затруднение в материальном обеспечении. Впоследствии по ходатайству уездного начальника К. Молчанова Т. Сейдалину начислялась пенсия подобно пенсии султанов правителей по высшему окладу согласно 125 статье

Пенсионного устава. Таким образом, усиленная пенсия Т. Сейдалина по линии МВД составляла 1200 рублей в год.

Престиж военного образования неуклонно снижался в казахской среде. В последней четверти XIX века лишь единицы казахских юношей выбрали военное училище. Так, сын военного А. Сейдалина Жиганшах Сейдалин 2 года учился в Оренбургском кадетском корпусе. Затем он перевелся в местную гимназию. Дети состоявшихся на службе военных в конце XIX века выбирали гражданские учебные заведения. Например, сын З. Нуралиханова учился в гражданской гимназии. Очевидно, данное решение казахских юношей в конце XIX века было продиктовано рядом обстоятельств. Во-первых, казахи традиционно не призывались в армию и поэтому лишались возможности карьерного продвижения; во-вторых, со второй половины XIX века казахи получили возможность обучения в гражданских училищах, как например учительские семинарии, гимназии, технические фельдшерские школы и прочие учебные заведения; в-третьих, по окончании этих училищ казахские специалисты получили право реализации своих возможностей в различных сферах.

5. Заключение

Итак, в первой половине XIX века в регионе действовала группа казахских офицеров, подготовленных по государственной модели управления. Казахские юноши получали военное образование в кадетских корпусах. Большинство казахских офицеров закончили Омский и Оренбургский кадетские корпуса. Казахское офицерство характеризовалось немногочисленностью. На наш взгляд это произошло в силу ряда обстоятельств: во-первых, существовала определенная квота, ограничивавшая обучение казахов в этих учебных заведениях; во-вторых, ограничение о поступлении представителями «белой кости» и узкого круга знатных людей; в-третьих, царизм не был заинтересован в увеличении казахского офицерства в силу специфики колониальной политики. Социальную основу казахских военных составили выходцы из аристократических и приближенных им знатных фамилий. Примечательно, что дефицит казахских военных восполнялся людьми с гражданской подготовкой, задействованными в управленческой и переводческой сферах.

Казахские военные принимали участие в военных походах. Таких казахских офицеров по официальным данным было немного. К ним относятся Ч. Валиханов, Г-Б. Валихан, А. Сейдалин и ряд других. Большинство казахских военных оказались заняты на гражданском поприще, выполняя обязанности переводчиков и управленцев. Впоследствии на рубеже XIX–XX веков военное образование утратило свою значимость в казахской среде. Казахские аристократы-управленцы, возведенные в военные чины, согласно правилам военно-гражданской службы полностью попадали в зависимость от имперских административных структур. Таким образом, в XIX – начале XX веков в регионе национальная военная элита характеризовалась офицерской титулатурой от младших воинских чинов до генералов (Алтынбаев и др., 1999: 97). Как правило, указанные личности развивали свою деятельность в пределах своей родовой территории. Административный статус чиновников ограничивался уровнем подчинения в управленческой вертикали представителям руководящего корпуса по линии уездного и областного ранга.

Литература

- Абжанов, 2005 – Абжанов Х.М. Отечеству преданно служить // Казахстанская правда. Алматы, 2005. 24 июня. №4.
- Абжанов, Селиверстов, 2004 – Абжанов Х.М., Селиверстов С. Критическое столетие // Мысль. 2004. №2. С. 7-14
- Адрес-календарь, 1868 – Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1868 г. Оренбург, 1868. 64 с.
- Адрес-календарь, 1915 – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1915 г. Оренбург, 1915. 15 с.
- Адрес-календарь, 1899 – Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1899 г. Оренбург, 1899.
- Алтынбаев и др., 1999 – Алтынбаев М., Балакаев Т., Белан П., Григорьев В., Козыбаев М., Нурмагамбетов С., Нурпеисов К., Тасбулатов А. Исторический опыт защиты Отечества. Военная история Казахстана. Алматы, 1999. 352 с.
- Алтынсарин, 1978 – Алтынсарин И. // Соч.: в 3-х томах. Алма-Ата: Наука, 1978. Т.3. 252 с.
- Васильев, 1896 – Васильев В.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. 226 с.
- ГАОРО – Государственный архив Оренбургской области
- Жиренчин, 1996 – Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX–XX вв. Алматы, 1996. 242 с.
- Кудайберды-улы, 1990 – Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династия ханов. Алма-Ата: «Дастан», 1990. 118 с.
- Оренбургский кадетский корпус, 1896 – Оренбургский кадетский корпус, как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург: типолитография Н. Жаринова, 1896. 14 с.

- [РГИА СПб](#) – Российский государственный исторический архив.
[Санкт-Петербургские ведомости, 1856](#) – Санкт-Петербургские ведомости. №55. СПб., 1 июля 1856.
[Санкт-Петербургские сенатские ведомости, 1856](#) – Санкт-Петербургские сенатские ведомости №54. СПб., 5 июля 1856.
[Справочная книжка, 1867](#) – Справочная книжка Оренбургской губернии на 1867 г. Оренбург, 1868.
[Справочная книжка, 1868](#) – Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 г. Оренбург, 1868. 50 с.
[Справочная книжка, 1870](#) – Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. – Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург, 1870. 84 с.
[Хроника, 1892](#) – Хроника // Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям. Омск, 1892. №24. С. 11-15.
[ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- [Abzhanov, 2005](#) – *Abzhanov H.M.* (2005). Otechestvu predanno sluzhit' [It is devoted to fatherland to serve] // *Kazahstanskaja pravda*. Almaty, 24 ijunja. №4. [In Russian]
[Abzhanov, Seliverstov, 2004](#) – *Abzhanov H.M., Seliverstov S.* (2004). Kriticheskoe stoletie [The critical century]. *Mysl'*. №2. pp. 7-14 [In Russian]
[Adres-kalendar', 1868](#) – Adres-kalendar' i pamjatnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1868 g. [Address calendar and memorable book of the Orenburg province]. Orenburg, 1868. 64 p. [In Russian]
[Adres-kalendar', 1915](#) – Adres-kalendar' i spravocnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1915 g. Orenburg, 1915. 15 p. [In Russian]
[Adres-kalendar', 1899](#) – Adres-kalendar' Orenburgskoj gubernii na 1899. Orenburg, 1899. [In Russian]
[Altynbaev i dr., 1999](#) – *Altynbaev M., Balakaev T., Belan P., Grigor'ev V., Kozybaev M., Nurmagambetov S., Nurpeisov K., Tasbulatov A.* (1999). Istoricheskij opyt zashhity Otechestva. Voennaja istorija Kazahstana. [The historical experience of defending the homeland. Military history of Kazakhstan]. Almaty. 352 p. [In Russian]
[Altynsarin, 1978](#) – *Altynsarin I.* // Soch.: v 3-h tomah. Alma-Ata: Nauka, 1978. T.3. 252 p. [In Russian]
[Vasil'ev, 1896](#) – *Vasil'ev V.V.* (1896). Istoricheskij ocherk russkogo obrazovaniya v Turgajskoj oblasti i sovremennoe ego sostojanie. [Historical sketch of the Russian education in the Turgai region and his current state]. Orenburg. 226 p. [In Russian]
[GAOrO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State archive of the Orenburg region]
[Zhirenchin, 1996](#) – *Zhirenchin K.A.* (1996). Politicheskoe razvitie Kazahstana v XIX–XX vv. [Political development of Kazakhstan in the 19–20 th centuries]. Almaty. 242 p. [In Russian]
[Kudajberdy-uly, 1990](#) – *Kudajberdy-uly Sh.* (1990). Rodoslovnaja tjurkov, kazahov, kirgizov. Dinastii hanov. [Family tree of Turkic peoples, Kazakhs, Kyrgyz. Dynasties of khans]. Alma-Ata: «Dastan». 118 p. [In Russian]
[Orenburgskij kadetskij korpus, 1896](#) – Orenburgskij kadetskij korpus, kak pervoe uchebnoe zavedenie v istorii russkogo obrazovaniya kirgizov [The Orenburg military school as the first educational institution in the history of the Russian education of Kyrgyz]. Orenburg: tipolitografija N. Zharinova, 1896. 14 p. [In Russian]
[РГИА СПб](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. [Russian state historical archive]
[Санкт-Петербургские ведомости, 1856](#) – Санкт-Петербургские ведомости [St. Petersburg sheets]. №55. СПб., 1 ijulja 1856. [In Russian]
[Санкт-Петербургские сенатские ведомости, 1856](#) – Санкт-Петербургские сенатские ведомости [St. Petersburg senatorial sheets]. №54. СПб., 5 ijulja 1856. [In Russian]
[Справочная книжка, 1867](#) – Справочная книжка Orenburgskoj gubernii na 1867. [Help book of the Orenburg province] Orenburg, 1868. [In Russian]
[Справочная книжка, 1868](#) – Справочная книжка Orenburgskoj gubernii na 1868. [Help book of the Orenburg province] Orenburg, 1868. 50 p. [In Russian]
[Справочная книжка, 1870](#) – Справочная книжка Orenburgskoj gubernii na 1870 [Help book of the Orenburg province] Orenburg, 1870. 84 p. [In Russian]
[Хроника, 1892](#) – Хроника // Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям. Омск, 1892. №24. pp. 11-15 [In Russian]
[CGA RK](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan. [Central state archive of the Republic of Kazakhstan]

УДК 94 (574)

**Формирование казахских служащих
в условиях военно-административной модели управления России**А.А. Айтмухамбетов^{a, *}, Р.К. Бекмагамбетов^b, А.А. Бимолданова^c, М.Ж. Бекмагамбетова^b^a Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, Казахстан^b Костанайский государственный педагогический университет, Казахстан^c Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается, как во второй половине XIX века в Казахстане формируются профессиональные группы просвещенных по русско-государственным образовательным стандартам казахских служащих, имевших существенные отличия от остальных представителей казахского общества.

Административно-территориальные и социально-экономические изменения в регионе настойчиво диктовали необходимость формирования востребованных временем специалистов из местной этнической среды. Следствием данного социального фактора является развитие государственно-светской модели образования.

Казахская аристократия являлась основой формирования группы служащих. На территории проживания казахов выделяется несколько аристократических кланов, ориентированных на инновационные восприятия и дальнейшее инкорпорирование с новой структурой управления: Сейдалины, Джантурины, Темировы, Нуралихановы, Валихановы, Аблайхановы, Таукины, Бабаджановы, Каратаевы, Султангазины и другие.

Выходцы из султанских и других знатных фамилий Младшего и Среднего жузов под влиянием своих родителей сделали осознанный выбор в пользу кадетских корпусов, образовательный статус которых определил в перспективе их включение в доминировавшую в империи ранговую военную титулатуру. Большинство из них закончили Омский и Оренбургский кадетские корпуса.

Казахские аристократы-управленцы, возведенные в военные чины, согласно правилам военно-гражданской службы полностью попадали в зависимость от имперских административных структур.

Некоторые казахские управленцы не имели соответствующего военного и гражданского образования, но по роду занимаемой должности имели военные звания. В XIX веке в силу сложившейся в Казахстане политической ситуации национальные и русские чиновники в основном имели военные звания. В административной управленческой иерархии казахских служащих сохранялась ранговая титулатура с соответствующим присвоением военных званий, подчеркивавших признание заслуг имперским правительством.

Ключевые слова: Российское государство, имперские институты, государственные служащие, казахские чиновники, кадетский корпус, уездное начальство, казахская аристократия, офицер-султаны, военные звания, реформы.

* Корреспондирующий автор

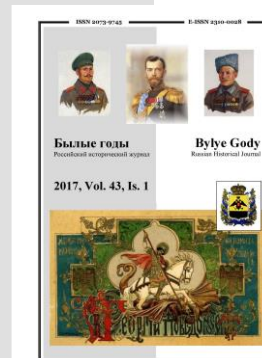
Адреса электронной почты: aidar_abaivi4@mail.ru (А.А. Айтмухамбетов), Ruslan_69@mail.ru

(Р.К. Бекмагамбетов), maisara75@mail.ru (М.Ж. Бекмагамбетова), turpost@list.ru (А.А. Бимолданова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 103-111, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.103
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 305.0(09)

The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a Factor of Modernization Turn in Russia

Maxim N. Krot ^{a,*}, Sergey V. Chernicin ^b, Oksana O. Zavyalova ^a

^a Southern Federal University, Russian Federation

^b Don State Technical University, Russian Federation

Abstract

Since ancient times, the war for the states were not only way to solve foreign policy problems, a source of enrichment and strengthening of its position in the world. Armed conflicts have been and continue to be an essential element of internal policy factor that has huge impact on the social life, which is capable both added to the existing political regime, and crush him. With the growth of national consciousness that took place in Europe in the era of modern times, the society ceases to be a silent participant in armed confrontations, actively expressing your opinion by supporting or condemning the actions of their government. It is well known that the Crimean War was a turning point in the domestic policy of Russia in the XIX century, demonstrating the backwardness of Russia from the European powers, and triggering a wave of criticism of the previous political system, which largely pushed the authorities to carry out the Great Reforms. However, the problem remains little-studied effect of this war on Russian society, and it caused her a patriotic enthusiasm, which had a variety of manifestations: from the wide volunteerism and financial donations to the army to develop the concept of the country's transformation. The surge of patriotism era of the Crimean War was the initial phase of a broad social and political upswing that has gripped Russian society in the second half of the 1850-s and contributed to a new stage of modernization of the country. The article is devoted to the problem of beginning, especially major manifestations and forms of patriotic enthusiasm.

Keywords: Russian Empire, Crimean War, patriotic enthusiasm, Nicholas I, public opinion, Slavophiles, Westernizers, modernization.

1. Введение

На протяжении XVIII–XIX веков военный фактор играл огромную роль в истории внутреннего развития России, стимулируя модернизационные процессы, протекавшие в этот период. Начиная с эпохи реформ Петра I, преобразования, проводимые в стране, так или иначе были связаны с необходимостью ведения войны или поддержания боеспособности государства в мирное время. По мнению ряда исследователей, война вообще является основным условием прогресса, ликвидируя разнообразные пережитки старого общества и давая возможность для новых форм его организации (Гуревич, 2005: 14).

Войны, которые Россия вела в XIX столетии, помимо влияния на социально-экономическую и военно-техническую сферы, оказывали огромное воздействие на крепнущее общественное самосознание, способствуя развитию и укреплению национальной идентичности. В то же время они выступали как фактор ускорения национальных процессов, охвативших Европу в XIX веке, одним из результатов которых была выработка и распространение национальных идей (Apryshchenko, 2016: 84). Крымская война, как и «Гроза 12-го года» в значительной степени повлияли на формирование

* Corresponding author

E-mail addresses: makkrot2010@rambler.ru (M.N. Krot), svchernitsin@rambler.ru (S.V. Chernicin), oxana-z10@rambler.ru (O.O. Zavyalova)

культуры «соучастия», со-*бытия* общества со своим государством на основе совместного коллективного действия, когда и общество и власть, разделяя общую ситуацию, проникаются духом эмоционально-интеллектуально-нравственной сопричастности (Яковлева, 2015: 123). При этом происходит постепенный переход от нерелексивного фактического участия отдельных личностей и групп в материальной и духовной жизни общества к осознанному и управляемому участию, что является важным этапом эволюции общественного сознания, составляющей интеллектуально-психологическую основу социокультурной модернизации общества.

После войны 1853–1856 годов в развитии общественного самосознания начинается новый этап, который выражался в резкой активизации интеллектуальной деятельности представителей русской общественной мысли. Крымская война и ее итоги актуализировали императив обновления, сделав его доминирующим элементом как общественных инициатив, так и различных правительственных практик в первые годы царствования императора Александра II. Патриотический подъем, охвативший русское общество в годы войны позволил трансформировать внешнеполитическую неудачу в мощный преобразовательный импульс, который верховная власть сумела ощутить и реализовать в рамках Великих реформ 1860–1870-х годов.

2. Материалы и методы

Эмпирическую базу данного исследования составили свидетельства современников войны, среди которых особую значимость представляют воспоминания, дневники и переписка видных общественных деятелей середины XIX века. Для изучения общественных настроений источники данного типа имеют огромное значение, поскольку отражают как субъективную позицию конкретной личности, так и информацию о существовавших в обществе стереотипах мышления, моделях поведения, системах социальных связей и контактов. «Раскодирование» различных смысловых пластов, содержащихся в источниках личного происхождения, позволяет выявить тесную взаимосвязь индивидуального сознания автора источника с общественными настроениями, реакциями на те или иные события, представлениями о наиболее актуальных проблемах и перспективах развития страны (Тимофеев, 2016: 157). Одной из основных групп источников являются материалы периодических изданий, на страницах которых нашли отражение основные проявления деятельностного патриотизма русского общества. Отдельную группу составляют публицистические сочинения представителей общественности, позволяющие определить степень влияния Крымской войны на настроения образованной части русского общества. Также источниками исследования послужили неопубликованные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области и в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Теоретико-методологическую основу данной работы составляет применение общего концептуального подхода, представляющего собой синтез цивилизационной и модернизационной теорий и позволяющего задать системность при объяснении особенностей конкретной проблемы исторического развития, а также совокупность специально-исторических методов. Среди них историко-генетический метод позволил выделить основные этапы развития и момент перехода от патриотического подъема в годы Крымской войны к общественно-политическому с учетом последовательности событий и общей динамики данного процесса в первой половине 1850-х гг. Благодаря системно-историческому методу удалось перейти от накопления конкретно-исторических фактов к их теоретическому осмыслению в рамках концепции модернизации.

3. Обсуждение

Неоднозначное отношение к Крымской войне, сформировавшееся у современников, привело к двойственности историографических подходов в ее изучении. Историки дипломатии и военные историки рассматривали войну как закономерный эпизод в нескончаемой борьбе великих держав за сферы влияния в Османской империи, в результате которой Россия потерпела неудачу, без каких-либо серьезных территориальных уступок (М.И. Богданович, Н.Ф. Дубровин). Другие исследователи при оценке Крымской войны делали акцент на том, что для внутреннего развития России поражение в Крымской войне стало переломным моментом, обернулось «крахом николаевского режима» и вызвало в обществе небывалое оживление, отразившееся в общественно-политическом подъеме первых лет правления Александра II. Катастрофический характер, который придавался Крымской войне, в научной литературе обычно связывался с «неумелым» военным руководством и общей несостоятельностью николаевского режима (Е.В. Тарле, И.В. Бестужев). Помимо характеристики военных и дипломатических событий в этих исследованиях определенное внимание уделялось общественным настроениям в годы войны, причем авторы сосредотачивались преимущественно на критических оценках, выдвигая их на первый план.

Другую группу исследований составляют работы, посвященные проблеме отношения русского образованного общества к Крымской войне, ускорившей преобразовательные процессы середины – второй половины XIX века. В дореволюционной историографии данная тема затрагивалась в биографиях крупных общественных деятелей современников войны М.П. Погодина, Т.Н. Грановского, А.И. Кошелева и др. (Н.П. Барсуков, В.Е. Чешихин-Ветринский, Н.П. Колопанов). В своей фундаментальной монографии, посвященной Крымской войне, крупный советский историк Е.В. Тарле, оценивая состояние

общества в её период, преимущественно рассматривает настроения, царившие в славянофильской среде, обходя вниманием проявления патриотического подъема среди других общественных групп. В советский период исследователи в большинстве своем рассматривали общественную оценку характера и итогов войны, не прослеживая эволюцию настроений на различных её этапах (А.В. Фадеев, Ш.М. Левин, И.Н. Ковалева). Современные ученые (В.А. Холодов, М.М. Шевченко), затрагивающие данный вопрос в своих работах, в основном стремятся проследить общие тенденции распространения критических настроений во время войны в учено-литературных кругах.

Тем не менее, патриотический подъем, охвативший Россию в годы Крымской войны, его этапы, формы, идейные основы, а также влияние на модернизационные процессы в стране не становились самостоятельными объектами изучения, рассматриваясь в контексте решения иных проблем.

4. Результаты

Активное вмешательство западноевропейских стран в вековой конфликт православной России и мусульманской Порты воспринималось современниками как глобальное столкновение различных цивилизаций, противостояние двух разных миров. По ощущению многих современников, в битве сошлись «Восток и Запад, мир Славянский и мир Латинский, православная церковь не только с Исламом, но и с прочими христианскими исповеданиями...» (Тютчева, 1990: 123–124). Те же настроения в противоположном лагере испытывал английский статс-секретарь по иностранным делам лорд Кларендон, характеризуя Восточную войну как битву «цивилизации против варварства» (История дипломатии, 1941: 447).

В определении характера Крымской войны как межкультурного и межцивилизационного противостояния и ее влияния на русское общество применима концепция английского историка А. Тойнби «вызов-ответ», в соответствии с которой конфликт следует рассматривать как «вызов» среды внешнего окружения к российской цивилизации, а также как «стимул удара», повлиявший на российское творческое меньшинство, заставив его задуматься о подготовке «ответа» западным индустриальным цивилизациям на новом этапе качественных изменений в жизни страны, которые повлекла за собой непрекращающаяся социокультурная трансформация (Елин, 2012). Необходимо отметить, что, по мнению Тойнби, именно творческое меньшинство «вдыхает в социальную систему новую жизнь» (Тойнби, 1991: 213). Применительно к середине XIX века это меньшинство следует отождествлять с просвещенной бюрократией в союзе с образованной частью русского общества.

Настроения, господствовавшие в начальный период Крымской войны, имели много общего с эпохой «Грозы 12-го года». Ф.И. Тютчев, с конца 1830-х гг. живший предчувствием нового столкновения с европейскими странами, охарактеризовал Отечественную войну 1812 года и Крымскую войну как «Пунические войны» Запада против России (Тютчев, 1899: 518). Угроза территориальной целостности и независимости страны, идущая извне со стороны могущественной европейской коалиции, привела к ответной реакции русского общества, нашедшей свое выражение в широком патриотическом подъеме, охватившем все социальные слои, начиная с образованных кругов и заканчивая крестьянством.

Патриотические чувства общества и отдельно взятой личности являются сложным и многоаспектным психосоциальным явлением. Его политический компонент в зависимости от конкретно-исторической ситуации в обществе может варьироваться от полной поддержки существующего политического режима до его жесткой критики и полного отрицания, но при этом весь этот диапазон настроений своим внутренним стержнем имеет собственное понимание блага Отечества. На протяжении Крымской войны патриотические настроения в русском обществе прошли эволюцию от восторженно-воодушевленного патриотизма, к рационально-критическому, суть которого изложил еще П.Я. Чаадаев в выражении: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы не обманывать» (Чаадаев, 1991: 469). При этом, в период Крымской войны патриотические настроения в русском обществе не ограничивались только оценками – восторженными или критическими. Особенностью этого конфликта было чрезвычайно широкое проявление так называемого деятельного патриотизма, выразившегося в активной сопричастности трудностям и невзгодам, с которыми столкнулась страна в период войны. Это выразилось в массовом ополченческом движении, в огромных денежных пожертвованиях со стороны различных кругов общества, формировании отрядов милосердия и т.д.

Вступая в войну, российское правительство стремилось создать официальную версию надвигавшегося конфликта, проводя параллели с Отечественной войной 1812 года. В письме Николая I императору Франции Наполеону III, ставшего достоянием гласности, русский самодержец писал следующее: «На что бы Ваше Величество не решилось, я не отступлю ни пред какою угрозою. Доверяю Богу и моему праву, и Россия, ручаюсь в том, явится в 1854 году такою же, как была в 1812-м» (Ковалевский, 1871: 301). Одновременно с этим, в официальных документах и правительственных органах печати настойчиво проводилась мысль о справедливом характере вооруженного конфликта, в котором Россия выполняла священную миссию защиты братских единоверных народов Балкан и Закавказья (Северная Пчела, 1855, № 44: 221).

Возникшее в годы войны в обществе стремление к самовыражению привело к тому, что общественное мнение стало восприниматься современниками как «новая сила, вызванная наружу

тяжелыми обстоятельствами, в которых находится отечество, и призванная на обновление русского государства» (НИОР РГБ, 1850-е. Ф. 557. Ед. хр. 61. Л. 1 об.). В начале 1854 года в списках распространяется стихотворение К.С. Аксакова «Свободное слово», выразившее стремление всей передовой общественности к свободному выражению мыслей, которое воспринималось как действенное средство против невежества и лжи, как всеобщее движение к «к свету... к правде» (Аксаков, 1880: 17). Об общественном оживлении 1853 года в ноябрьском письме к жене писал Ф.И. Тютчев: «...Теперь поговорим о политике, возникающие заботы которой нарушают общее оцепенение, владевшее всеми до сих пор. Отрезвление произошло...» (Тютчев, 2010: 262).

Военные победы в ноябре 1853 года на Кавказе и Черном море воодушевили русское общество, все больше убеждая его представителей в способности России отстоять свои интересы и помочь «народам соплеменным, чающим избавления». Профессор Московского университета С.П. Шевырев в письме Погодину в январе 1854 года отмечал: «От всей России войне сочувствие. Флигель-адъютанты доносят, что таких дивных и единодушных наборов еще никогда не бывало» (Цит. по: Зайончковский, 2002: 378). Историк особо отметил изменение общественных настроений, произошедшее в столице: «Никогда еще мнения в Петербурге, так резко не высказывались, как теперь. Русского тотчас отличишь от западника. Жертвовать все готовы. Есть движения, напоминающие двенадцатый год...» (Цит. по: Зайончковский, 2002: 378). Историк и непосредственный участник Крымской войны Е.П. Ковалевский отмечал, что даже позже, когда союзный флот уже стоял в Черном море «ни один русский не склонился бы перед надменным диктаторством Людовика-Наполеона, и если не всякий верно понимал значение громадных сил, скопавшихся против нас, то всякий помнил 1812 год и веровал в правоту своего дела, твердость и несокрушимость русского духа. В России был общий возглас – война! Как будто долго сдерживаемый порыв, наконец порвал все дипломатические пути и освободился от них» (Ковалевский, 1871: 133–134).

Патриотический подъем, наиболее яркими выразителями которого стали представители русских славянофильских кругов, первоначально воплощался в появлении целой серии патриотических произведений, стихов, пьес, проникнутых верно подданныческими настроениями. Военные стихотворения славянофилов проникнуты национальными и религиозными мотивами, уверенностью в особом историческом предназначении России, грядущем военном триумфе страны. К.С. Аксаков начало войны встретил стихотворением «Орел России», в котором с помощью поэтических средств стремился обосновать исторические притязания России на Константинополь (Троицкий, Лебедев, 1978: 326). Поэт и композитор Ф.Н. Глинка ответил на объявление войны военно-патриотическое стихотворением «Ура! На трех ударим разом...», которое было опубликовано в № 1 «Северной пчелы» 2 января 1854 года. Вскоре оно вышло отдельным изданием с иллюстрациями, получив широкую известность среди населения, продаваясь в пользу раненых солдат и матросов по 10 копеек серебром за экземпляр (Глинка, 1854). Это стихотворение, отражающее характерный для всей страны настрой на борьбу, проникнутое уверенностью в успехе войны для России, через напоминание о русских боевых победах в наполеоновских войнах, о чести и славе русского оружия, было призвано консолидировать нацию в борьбе с предавшими христианство англичанами и французами в нечестивом союзе с турками.

Западники не разделяли восторженных настроений своих оппонентов, трезво оценивая возможности России в предстоящей общеевропейской войне. Для них священный религиозный «ореол», сформированный вокруг нараставшего конфликта пропагандистской деятельностью властей и мессианскими чаяниями славянофилов, представлял собой не более чем прикрытие истинных намерений Российской империи, стремившейся получить преобладание на Ближнем Востоке (Чичерин, 1906: 128–129). При этом, являясь горячими патриотами своей родины, они с восторгом встречали известия о победах русского оружия, болезненно переживая военные неудачи. Профессор Московского университета Т.Н. Грановский, с большим вниманием следивший за ходом событий, ясно осознавал опасность, грозившую стране, и задавался вопросом: «Чем приготовились мы для борьбы с цивилизацией, высылающей против нас свои силы?» (Грановский, 1897: 252). Преувеличенные надежды, широко распространенные в обществе после Синопской победы русского флота, раздававшие кругом возгласы: «мы их шапками забросаем!», раздражали его. В то же время, Грановский не мог примириться с мнениями о желательности военного поражения России в качестве горького, но полезного урока, считая их для себя не менее оскорбительными. Встречая вокруг себя противоречивые мнения, он нравственно сильно страдал, о чем написал своему другу Н.Г. Фролову из Москвы в октябре 1854 года: «Так много совершается кругом, так много противоречий в голове и в сердце, что под час не знаешь, куда деваться с этою ношею. Образованных отголосков на собственные мысли слишком мало» (Грановский, 1897: 434). Как истинный патриот, Грановский желал, чтобы каждый соотечественник в годину испытаний был готов на деле бороться и умереть за свою родину, даже «без желания победы России», как писал он позже, после падения Севастополя.

«Вихрь патриотического энтузиазма» весны 1854 года, охвативший русское общество привел к настоящему духовному оживлению. Придворная фрейлина А.Ф. Тютчева в письме поэту П.А. Вяземскому, жившему в 1854 году в Карлсруэ, описывала общественную жизнь в России так: «Жизнь здесь кипит, это настоящая духовная оттепель, пробуждаются все благородные и добрые чувства; восточный вопрос производит в душах действие подобное чувству любви – дураки делаются умными, скряги щедрыми, трусы храбрецами, и даже самые апатичные пробуждаются к жизни»

(Тютчева, 1994: 110). Празднование 100-летнего юбилея Московского университета в январе 1855 года, ставшее самым громким и затратным академическим торжеством за весь XIX век, вышло далеко за рамки предписанной ему правительственной установки на утверждение университета как опоры самодержавия (Морозов, 2016: 110). Несмотря на усилия официальных властей, это грандиозное празднество стало своеобразной площадкой для публичного высказывания общественных настроений и ожиданий. В этих условиях даже такие консервативные деятели, как М.П. Погодин указывали на невозможность сохранения прежних цензурных ограничений, на вред, который наносился многочисленными цензурными комитетами делу общественного содействия государству в условиях тяжелой войны (НИОР РГБ, 1855. Ф. 557. Ед. хр. 61. Л. 5 об.).

Патриотический подъем, охвативший все слои русского общества, не ограничился духовно-нравственным проявлением и эмоциональным выражением возвышенных чувств любви к Родине в произведениях словесности. На втором этапе вооруженного конфликта, когда с весны 1854 года война подступила к границам России и приобрела угрожающий для страны характер, широкий размах получает так называемый деятельный патриотизм, обладающий побудительной силой, способной направить нацию или отдельную личность на выполнение конкретных поступков на благо отечества (Лутовинов, 2013: 34). Стремление общества принять участие в войне и помочь русской армии особенно усиливается в период героической обороны Севастополя. В общественных кругах началось широкое движение в поддержку армии. В Крым в действующую армию со всех концов России стали стекаться посылки с необходимыми вещами, недостаток которых ощущался наиболее остро: теплой одеждой, медикаментами, простынями и т.п. По инициативе великой княгини Елены Павловны была создана Крестовоздвиженская община сестер милосердия, благодаря деятельности которой были спасены многие жизни (Краткий очерк деятельности, 1858).

Другой формой деятельного патриотизма стало добровольческое движение в действующую армию, принявшее массовый характер. Б.Н. Чичерин писал об этом времени: «Оборона Севастополя возбуждала и страхи, и восторг. Со всей России собирались ополчения, в которые шли даже люди из общества, никогда не знавшие военной службы, как Юрий Самарин и Иван Аксаков» (Воспоминания Б.Н. Чичерина, 1991: 106). Представители лучших дворянских семей, таких как Голицыны, Римские-Корсаковы и другие, записывались в армию и поступали нижними чинами в различные полки, стремясь как можно скорее отправиться на театр боевых действий. Многие русские газеты неоднократно публиковали информацию о поступлении на военную службу дворян-добровольцев различных губерний (Северная пчела, 1855, № 36: 153).

В районах, непосредственно примыкавших к театру боевых действий, формировались добровольческие отряды самообороны, во главе которых становились отставные офицеры. Так, например, в Таганроге, который был важной базой снабжения русских войск, находящихся в Приазовье, незадолго до нападения на него англо-французского флота был сформирован отряд из горожан – добровольцев во главе с отставным морским офицером капитаном 1-го ранга Зигури (ГАРО. Ф. 579. Оп.1. Д. 488. Л. 4). Желание защитить свой родной город выразило практически все мужское население Таганрога, однако, из-за недостатка оружия численность отряда ополченцев составила всего около 250 человек. И, тем не менее, этот отряд блестяще проявил себя во время попытки захвата города союзным десантом 22 мая 1855 года, приняв на себя один из главных ударов врага. В жестокой штыковой схватке у таганрогской Лесной биржи слабо обученные ополченцы яростно контратаковали высадившихся английских пехотинцев и обратили их в бегство (Чибисова, 2015: 193).

Еще более массовый характер приобретает сбор денежных средств на нужды армии, в котором принимали участие представители всех без исключения слоев населения – от крестьян до высшей столичной аристократии. В официальном органе военно-морского ведомства – журнале «Морской сборник» в период войны появился специальный раздел «Приношения», куда помещалось описания пожертвований для нужд военно-морского флота со стороны как частных лиц, так и различных обществ. Вот только некоторые из приводимых там данных, свидетельствующих о размахе этой деятельности: Граждане города Путивля пожертвовали на нужды воинов 237 рублей. Купцы и мещане г. Устюжны в пользу Черноморского флота пожертвовали 2515 руб. серебром (Морской сборник, 1854, № 6: 153). В майском номере за 1854 год содержатся сведения о собранных по подписке чиновниками Первого Департамента С.-Петербургской палаты Гражданского Суда пятистах рублей серебром на устройство канонирских лодок (Морской сборник, 1854, № 5: 72). В помощь семьям убитых и раненых солдат разные общества устраивали благотворительные вечера. Так, Екатеринославское общество пожертвовало триста пятьдесят рублей, собранными на музыкальном вечере местных любителей музыки (Морской сборник, 1854, № 5: 73).

Наряду с многотысячными суммами, предоставляемыми представителями зажиточных слоев общества, газеты того времени писали о еще более многочисленных мелких пожертвованиях. «Московские ведомости» сообщали о поступлении от неизвестного купца Алехина 12 руб., от московских: купца Глушкова 100 руб., мещанина Беляева 20 руб., мещанки Ильиной 1 руб., от крестьянина Могуткова 3 руб. <...>; 2-е вещами: от г-жи Чайковской: бинтов 60 штук, от дочери московского купца девицы Ольги Глушковой: бинтов 80 штук, компрессов 5 ф.» (Московские ведомости, 1855, № 2: 13).

Население тех районов страны, через которые проходили войска, направлявшиеся в Крым, также оказывало им разнообразную материальную помощь. В частности, населением Области Войска Донского для постоянных нужд проходивших войск и пособий снаряжавшимся на службу казакам было собрано около 5700 рублей. Местное дворянство выделило для нужд артиллерии и обозов 118 лошадей и 180 волов. Помимо этого, местные казаки на угощение солдат и офицеров, проходивших через Донские земли, пожертвовали «рогатого скота – 200 голов; овец – 600 голов; четвертей хлеба – 500; ведер пьяного вина – 2000» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 610. Л. 10).

В подавляющем большинстве случаев эти пожертвования носили добровольный и абсолютно искренний характер, иницилируясь региональными дворянскими собраниями, городскими обществами, крестьянскими и казачьими сходами. Все это свидетельствовало о глубоком и искреннем стремлении всех слоев русского общества оказать посильную помощь своим воинам, испытывавшим тяжелые лишения.

В то же время, неудачное развитие для России военных действий неизбежно вело к возникновению в обществе растерянности и недоумения со временем перераставшего в критическое отношение к российской действительности и правящему режиму. Все больше представителей русской общественности задавались вполне закономерными вопросами – в чем причины того бедственного положения, в котором оказалась Россия в ходе войны, кто виноват в поражениях русской армии, почему страна оказалась одна перед лицом могущественной европейской коалиции? Ответы на эти вопросы порождали подъем критических настроений, все шире охватывавших российское общество на втором этапе войны.

Изменения в характере влияния военных событий на общественность можно проследить по записям в дневнике В.С. Аксаковой, которая в феврале 1855 года писала: «Все тягости войны, все труды и опасности остаются те же и даже с каждым днем увеличиваются, но отнят дух, одушевлявший всех, отнята уверенность в пользе этих трудов и жертв, отнято сознание, что не даром они приносятся...» (Аксакова). Для большинства представителей русской общественности становится очевидным, что страна, несмотря на свое видимое материальное могущество, несмотря на героизм русских войск, не была готова победоносно завершить военные действия. Мрачное разочарование в военном потенциале России охватывает И.С. Аксаков, который писал в начале ноября 1854 года: «Страшная борьба! На их стороне наука, искусство, талант, храбрость, все матерьяльные средства; на нашей – только правота дела и личное мужество войск; остального ничего нет» (Аксаков, 1994: 331).

Поколение, воспитанное на славе побед России, было приучено к мысли «о военной неуязвимости России» и оказалось не в состоянии «не назвать отступление поражением, а поражение – катастрофой» (Айрапетов, 1998: 39–40). Критические настроения, все шире распространявшиеся в обществе, все чаще обращаются против творца той политической системы, которая господствовала в России на протяжении почти тридцати лет. Неэффективное военное командование, дипломатические просчеты, материальная отсталость русских войск – вина за все это возлагалась, причем далеко не всегда оправданно, на Николая I, внезапная смерть которого стала важным этапом перерастания военно-патриотической по своей природе общественной активности в социально-политическую (Krot, Zavyalova, 2016: 132).

Консервативный политический режим, существовавший в России на протяжении трех десятилетий, был окончательно скомпрометирован в русском общественном мнении проигранной войной, потрясшей мировоззрение целого поколения. Вступивший на престол Александр II, тонко ощутил господствующие в общественном мнении настроения, взяв курс на реформы, разработка концепции и проектов которых происходили при содействии представителей общественности.

5. Заключение

Поражение в Крымской войне и вступление на престол нового императора стали основополагающими стимулами для начала реформаторского процесса в России, но, вместе с тем, важным условием проведения нового этапа российской модернизации был и установившийся в 1850-е гг. «дискурс обновления», в который в равной степени оказались включены представители общественности и высшие властные круги (Stadelmann, 2012: 224). Оценки масштабов поражения в российском обществе были существенно завышены, что объяснялось унижением чувства национальной гордости в обществе, воспитанном на славе военных побед Российской империи. Крымская война воспринималась не только как военное столкновение государств, но и как, прежде всего, противостояние различных цивилизаций, «нравственных и умственных противоположностей». В этом отношении поражение в этой войне во многом ускорило восприятие Россией достижений западной цивилизации. Это предопределило иновцивилизационный вектор модернизации страны в последующее царствование, поворот к которому был обусловлен моральным потрясением, вызванным неспособностью России противостоять ведущим европейским державам. Одним из долгосрочных результатов патриотического подъема стала высокая степень мобилизации российского общества, сохранившаяся на протяжении второй половины 1850-х гг., и представляющая собой один из основных ресурсов успешной реализации модернизационных мер правительством Александра II.

Литература

- Айрапетов, 1998** – Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольте». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя, 1998. 315 с.
- Аксаков, 1994** – Аксаков И.С. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994. 653 с.
- Аксаков, 1880** – Аксаков К.С. Свободное слово // Русь. 1880. № 1.
- Аксакова** – Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855). 1855 г. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения – 06.10.2016 г.).
- Воспоминания Б.Н. Чичерина, 1991** – Воспоминания Б.Н. Чичерина // Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Ч. II. М.: Изд-во МГУ, 1991. 254 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Глинка, 1854** – Глинка Ф.Н. Ура! СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1854. 14 с.
- Гуревич, 2005** – Гуревич П.С. Идет война кошмарная // Тоффлер Э. Война и антивоина: что такое война и как с ней бороться на рассвете XXI века. М.: АСТ, 2005. 412 с.
- Елин, 2012** – Елин С.П. Элита и циклические процессы в обществе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. №10. С. 85–90.
- Зайончковский, 2002** – Зайончковский А.М. Восточная Война 1853–1856. В 2-х т. СПб: Полигон, 2002. Т. 2. 566 с.
- История дипломатии, 1941** – История дипломатии: в 3 т. / ред. В.П. Потемкин. М.: ОГИЗ–СОЦЭКГИЗ, 1941–1945. Т. 1. 1941. 566 с.
- Ковалевский, 1871** – Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 гг. СПб.: Тип. братьев Глазуновых, 1871. 345 с.
- Краткий очерк, 1858** – Краткий очерк деятельности сердобольных вдов в Крымских госпиталях, во время войны России с Англией, Францией и Турцией на берегах Черного моря, в 1854–1856 г. СПб: Тип. Опекун. совета, 1858. 26 с.
- Лутовинов, 2013** – Лутовинов В.И. Современный Российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // *Studia Humanitatis*. 2013. № 2. С. 18–45.
- Московские ведомости, 1855** – Московские ведомости. 1855. № 2.
- Морозов, 2016** – Морозов О.В. Vivat Academia – Perat Diabolus: 150-летие Императорского Московского университета накануне Первой русской революции // *Новое прошлое*. 2016. № 2. С. 107–120.
- Морской сборник, 1854** – Морской сборник. 1854. № 5, № 6.
- НИОР РГБ, 1850-е** – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. "Об общественном мнении" (статья неустановленного автора). 1850-е.
- НИОР РГБ, 1855** – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Погодин М.П. О цензуре. 1855.
- Северная пчела, 1855** – Северная пчела. 1855. № 36, № 44.
- Грановский, 1897** – Т.Н. Грановский и его переписка. В 2-х т. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. Т. 1: Биографический очерк / А. Станкевича. 283 с.
- Тимофеев, 2016** – Тимофеев Д.В. Методология «истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // *Новое прошлое*. 2016. № 4. С. 155–168.
- Тойнби, 1991** – Тойнби А. Постижение истории. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
- Троицкий, Лебедев, 1978** – Троицкий В.Ю., Лебедев Е.Н. Поэзия славянофилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов: 1830–1850-е годы / Отв. ред. К.Н. Ломунов. М.: Наука, 1978. 502 с.
- Тютчев, 1899** – Тютчев Ф.И. Письма во время Крымской войны. 1855 г. // *Русский архив*. 1899. № 2. С. 505–520
- Тютчев, 2010** – Тютчев Ф.И. Письма Эрн. Ф. Тютчевой // Тютчев Ф.И. Избранные сочинения / Сост. Б.Н. Тарасов. М.: РОССПЭН, 2010. 784 с.
- Тютчева, 1994** – Тютчева А.Ф. Письмо П.А. Вяземскому 7 мая 1854 г. // *Русский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. 671 с.
- Тютчева, 1990** – Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник, 1853–1855 / Под ред. С.В. Бахрушина и М.А. Цявловского. М.: СП Интербук, 1990. 220 с.
- Чаадаев, 1991** – Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Полн. собр. соч. и избр. письма. М.: Наука, 1991. Т. 1. 798 с.
- Чибисова, 2015** – Чибисова С.П. "Город свой мы отстояли": свидетельства казака Харитона Попова, участника обороны Таганрога в 1855 году // *Донской временник*. 2015. Вып. 23. С. 188–198.
- Чичерин, 1906** – Чичерин Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения // Записки кн. С.П. Трубецкого. СПб: Сириус, 1906. С. 125–154.
- Яковлева, 2015** – Яковлева Е.Л. Время собирать камни... // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 1 (33). С. 119–124.
- Apryshchenko, 2016** – Apryshchenko V.Y. Idea of a nation in Eastern Europe in modern times // *Bylye Gody*. 2016. № 1 (39). pp. 83–89.
- Krot, Zavyalova, 2016** – Krot M.N., Zavyalova O.O. Reflection in Russian public opinion accession to the throne of Emperor Alexander II // *Bylye Gody*. 2016. № 1 (39). pp. 129–136.

Stadelmann, 2012 – *Stadelmann M.* Großfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. XIII, 470 p.

References

- Ajrapetov, 1998 – *Ajrapetov O.R.* (1998). Zabytaja kar'era «russkogo Mol'tke». Nikolaj Nikolaevich Obruchev (1830–1904) [Forgotten career «Russian Moltke». Nikolay Obruchev (1830–1904)]. St. Petersburg: Aletejja Publ., 1998. 315 p. [in Russian].
- Aksakov, 1994 – *Aksakov I.S.* (1994). Pis'ma k rodnym (1849–1856) [Letters to his family]. Moscow: Nauka Publ., 653 p. [in Russian].
- Aksakov, 1880 – *Aksakov K.S.* (1880). Svobodnoe slovo [Free Speech]. *Rus'*. 1880. Nr 1 [in Russian].
- Aksakova – *Aksakova V.S.* Dnevnik V.S. Aksakovej (1854–1855) [Diary of V. S. Aksakova (1854–1855)]. Available at: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (accessed 06.10.2016 r.).
- Vospominaniya B.N. Chicherina, 1991 – *Vospominaniya B.N. Chicherina* [Memories Chicherin B.N.], in *Russkoe obshchestvo 40–50-h gg. XIX v. Ch. II* [Russian society 40–50 of XIX century. Pt. II]. Moscow: MSU Publ., 1991. 254 p. [in Russian].
- GARO – Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy Oblasti [State Archives of the Rostov Region]
- Glinka, 1854 – *Glinka F.N.* (1854). Ura! [Rah!], St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences print. house, 14 p. [in Russian].
- Gurevich, 2005 – *Gurevich P.S.* (2005). Idet vojna koshmarnaja [There is a war nightmare] in *Toffler A. Vojna i antivojna: chto takoe vojna i kak s nej borot'sja na rassvete XXI veka* [War and Anti-War: Survival at the Dawn of the 21st Century]. Moscow: AST Publ., 412 p. [in Russian].
- Elin, 2012 – *Elin S.P.* (2012). Jelita i ciklicheskie processy v obshhestve [Elite and cyclic processes in society], in *Sborniki konferencij NIC Sociosfera. №10.* pp. 85–90 [in Russian].
- Zajonchkovskij, 2002 – *Zajonchkovskij A.M.* (2002). Vostochnaja Vojna 1853–1856 [Eastern War of 1853–1856]. Vol. 1–2. St. Petersburg: Polygon Publ., Vol. 2. 566 p. [in Russian].
- Istorija diplomatii, 1941 – *Istorija diplomatii* [History of diplomacy]. Vol. 1–3. Moscow: OGIZ–SOCJeKGIZ Publ., 1941–1945. Vol. 1. 1941. 566 p. [in Russian].
- Kovalevskij, 1871 – *Kovalevskij E.P.* (1871). Vojna s Turciej i razryv s zapadnymi derzhavami v 1853 i 1854 gg. [The War with Turkey and the gap with the Western powers in 1853 and 1854]. St. Petersburg: Glazunovyh print. house. 345 p. [in Russian].
- Kratkij ocherk, 1858 – *Kratkij ocherk dejatel'nosti serdobol'nyh vdov v Krymskih hospitaljah, vo vremja vojny Rossii s Anglij, Franciej i Turciej na beregah Chernogo morja, v 1854–1856 g.* [A brief outline of the activities of compassionate widows in the Crimean hospitals, during the Russian war with Britain, France and Turkey, on the shores of the Black Sea, 1854–1856]. St. Petersburg: Opekun. soveta print. house, 1858. 26 p. [in Russian].
- Lutovinov, 2013 – *Lutovinov V.I.* (2013). Sovremennyy Rossijskij patriotizm: sushhnost', osobennosti, osnovnye napravlenija [Modern Russian patriotism: the nature, characteristics, main directions]. *Studia Humanitatis.* № 2. pp. 18–45 (in Russian).
- Moskovskie vedomosti, 1855 – *Moskovskie vedomosti* [Moscow News]. 1855. Nr 2. [in Russian].
- Morozov, 2016 – *Morozov O.V.* (2016). Vivat Academia – Pereat Diabolus: 150-letie Imperatorskogo Moskovskogo universiteta nakanune Pervoj ruskoj revoljucii [Vivat Academia – Pereat Diabolus: 150th anniversary of the Imperial Moscow University on the eve of the Russian Revolution]. *New past.* Nr 2. pp. 107–120 [in Russian].
- Morskoj sbornik, 1854 – *Morskoj sbornik* [Sea collection]. 1854. Nr 5, Nr 6. [in Russian].
- NIOR RGB, 1850-e – *Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki.* "Ob obshhestvennom mnenii" (stat'ja neustanovlennogo avtora) [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. «On the public opinion» (article author unknown)]. 1850-e.
- NIOR RGB, 1855 – *Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki.* Pogodin M.P. O censure [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Pogodin M.P. About censorship]. 1855.
- Severnaja pchela, 1855 – *Severnaja pchela* [Northern Bee]. 1855. Nr 36, № 44 [in Russian].
- Granovskij, 1897 – *T.N. Granovskij i ego perepiska* [T.N. Granovsky and his correspondence]. Vol. 1–2. Moscow: A.I. Mamontova print. house, 1897. Vol. 1. 283 p. [in Russian].
- Timofeev, 2016 – *Timofeev D.V.* (2016). Metodologija «istorii ponjatij»: ot teorii k praktike issledovanij istorii obshhestvennoj mysli Rossii pervoj chetverti XIX veka [Methodology "history of concepts": from theory to practice, study the history of social thought in Russia in the first quarter of the XIX century]. *New past.* Nr 4. pp. 155–168 [in Russian].
- Toynbee, 1991 – *Toynbee A.* (1991). Postizhenie istorii [A Study of History]. Moscow: Progress Publ., 736 p. [in Russian].
- Troickij, Lebedev, 1978 – *Troickij V.Ju., Lebedev E.N.* (1978). Pojezija slavjanofilov [Poetry slavophiles], in *Literaturnye vzgljady i tvorcestvo slavjanofilov: 1830–1850-e gody* [Literary views and creativity slavophiles: 1830–1850]. Moscow: Nauka Publ., 502 p. [in Russian].
- Tjutchev, 1899 – *Tjutchev F.I.* (1899). Pis'ma vo vremja Krymskoj vojny. 1855 g. [Letters during the Crimean War]. *Russkij arhiv.* № 2. Pp. 505–520 [in Russian].

- [Tjutchev, 2010](#) – *Tjutchev F.I.* (2010). Pis'ma Jern. F. Tjutchevoj [Letters of Ernestine Tjutcheva] in Tjutchev F.I. Izbrannye sochinenija [Selected works]. Moscow: ROSSPJeN Publ., 784 p. [in Russian].
- [Tjutcheva, 1994](#) – *Tjutcheva A.F.* (1994). Pis'mo Vjazemskomu P.A. 7 maja 1854 g. [Letter of Vyazemsky], in Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.: Al'manah [Russian Archives: History of the Fatherland in the testimonies and documents of the XVIII–XX]. Moscow: Ros. Arhiv Publ., 671 p. [in Russian].
- [Tjutcheva, 1990](#) – *Tjutcheva A.F.* (1990). Pri dvore dvuh imperatorov. Vospominaniya. Dnevnik, 1853–1855 [At the court of the two emperors. Memories. Diary, 1853–1855]. Moscow: SP Interbuk Publ., 220 p. [in Russian].
- [Chaadaev, 1991](#) – *Chaadaev P.Ja.* (1991). Apologija sumasshedshego [Apology of a Madman], in Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma [Complete Works and Selected Letters]. Moscow: Nauka Publ., Vol. 1. 798 p. [in Russian].
- [Chibisova, 2015](#) – *Chibisova S.P.* (2015). «Gorod svoj my otstojali»: svidetel'stva kazaka Haritona Popova, uchastnika oborony Taganroga v 1855 godu [«City its we defended»: certificates Cossack Hariton Popov, defense party Taganrog in 1855]. *Don vremennik*, Is. 23, pp. 188–198 [in Russian].
- [Chicherin, 1906](#) – *Chicherin B.N.* (1906). Vostochnyj vopros s russkoj tochki zrenija [Eastern Question from the Russian point of view], in Zapiski kn. S.P. Trubeckogo [Notes Prince S.P. Trubetskoy]. St. Petersburg: Sirius Publ., pp. 125–154 [in Russian].
- [Jakovleva, 2015](#) – *Jakovleva E.L.* (2015). Vremja sobirat' kamni... [Time to collect stones ...]. *Actual problems of Economics and Law*, Nr 1 (33), pp. 119–124 [in Russian].
- [Apryshchenko, 2016](#) – *Apryshchenko V.Y.* (2016). Idea of a nation in Eastern Europe in modern times. *Bylye Gody*. Nr 1 (39), pp. 83–89 [in Russian].
- [Krot, Zavyalova, 2016](#) – *Krot M.N., Zav'lova O.O.* (2016). Reflection in Russian public opinion accession to the throne of Emperor Alexander II. *Bylye Gody*. Nr 1 (39), pp. 129–136 [in Russian].
- [Stadelmann, 2012](#) – *Stadelmann M.* (2012). Großfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie. Wiesbaden: Harrassowitz. XIII, 470 p. [In German]

УДК 305.0(09)

Патриотический подъем в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) как фактор модернизационного поворота в России

Максим Николаевич Крот ^{a, *}, Сергей Вячеславович Черницын ^b, Оксана Олеговна Завьялова ^a

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Донской государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. С древнейших времен войны для государств были не только способом решения внешнеполитических проблем, источником обогащения и укрепления своего положения в мире. Вооруженные конфликты являлись и продолжают являться важнейшим элементом внутренней политики, фактором, оказывающим огромное влияние на общественную жизнь, который способен как упрочить положение существующего политического режима, так и сокрушить его. С ростом национального самосознания, происходившим в европейских странах в эпоху Нового времени, общество перестает быть безмолвным участником вооруженных противостояний, активно выражая свое мнение, поддерживая, либо осуждая действия своих властей. Общеизвестно то, что Крымская война 1853–1856 гг. стала поворотным моментом во внутренней политике России в XIX веке, продемонстрировав отставание России от европейских держав по многим показателям, и вызвала в обществе волну критики предшествовавшей политической системы, что во многом подтолкнуло власть к проведению Великих реформ. Однако, в то же время, малоисследованной остается проблема влияния этой войны на российское общество, а именно вызванный ею широкий патриотический подъем, имевший самые разнообразные проявления: от широкого добровольческого движения и материальных пожертвований в пользу армии до разработки концепции преобразований страны. Всплеск патриотизма эпохи Крымской войны стал начальным этапом широкого общественно-политического подъема, который охватил русское общество во второй половине 1850-х гг. и способствовал новому этапу модернизации страны. Его возникновению, особенностям, основным проявлениям и формам и посвящена представленная статья.

Ключевые слова: Российская империя, Крымская война, патриотический подъем, Николай I, общественное мнение, славянофилы, западники, модернизация.

* Корреспондирующий автор

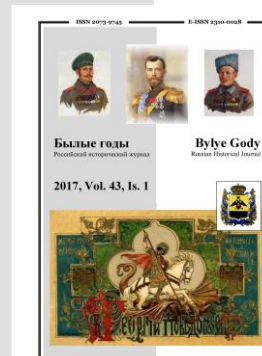
Адреса электронной почты: makkrot2010@rambler.ru (М.Н. Крот),

svchernitsin@rambler.ru (С.В. Черницын), oxana-z10@rambler.ru (О.О. Завьялова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 112-120, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.112
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Crimean War (1855–1856): the Combat Operations in Rioni Region

Alla G. Vazerova ^{a, *}, Ramin A. Gurbanov ^{b, c}, Natalya V. Micky ^a

^a Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^c Institute of Philosophy and Law of National Academy of Sciences of Azerbaijan, Azerbaijan

Abstract

The article discusses the fighting in the Rioni region in the period of the Crimean war, 1855–1856 years. The attention is paid to the climatic and geographical description of the territory where the fighting took place. Rioni region was a secondary theater of operations during the Crimean war. The task of the allied troops consisted of having landed in Abkhazia to start a vigorous attack on Kutais and Tiflis in order to divert the Russian army from the besieging of the Kars fortress.

Among the materials are the documents of the Central state historical archive of Georgia (Tbilisi, Georgia). The scientific publications on the topic of the study, published in pre-revolutionary and modern periods, have a significant importance.

The authors conclude that the airborne operation in Rioni region began in the best terms for the allies, but the slowness of the Turkish troops and the active defense of Russian led to delays in the operation before the onset of autumn rains. As a result of deterioration of the sanitary situation the landing operation was terminated without reaching the success.

Keywords: Crimean war, combat operations, Rioni region, 1855.

1. Введение

В период русско-турецких войн одновременно с операциями на главном театре, в Армении, войскам Кавказской армии приходилось вести борьбу и в прибрежной полосе Черного моря на пространстве между Сухумом и Батумом, причем, несмотря на значительные силы, разворачиваемые здесь воюющими сторонами (в 1855 году корпус Омара-паши 40 тыс. человек, в то время как Анатолийская армия имела не более 25 тыс.) военные действия в Рионском крае всегда имели второстепенное значение. Объяснение этому надо искать в стратегическом значении, которое представлял в XIX веке Приморский театр для России и для Турции. Для русского наступления могла быть единственная цель – Батум, но занятие его, обеспечивая России успех, не могло бы отразиться на общем ходе дел в Азиатской Турции. Для Турции же, при желании достичь важных результатов во время действий в Рионском крае, необходимо было поставить себе целью наступление к Тифлису или, по крайней мере, к Кутаису, но это предприятие никогда не было по силам Турции, так как с одной стороны местные особенности этого театра представляли большие трудности для наступления (что наглядно продемонстрирует поход Омара-паши), а с другой – изолированное положение Рионского края от Эрзерумского влияния ставило Турцию в необходимость направлять сюда свои войска морем и поэтому операции, нося характер десантных экспедиций, не могли иметь широких размеров.

Тем не менее, прибрежная полоса всегда привлекала внимание Турции; населенный в северной части единоверными туркам абхазами и соприкасающийся с землями горцев Северного Кавказа,

* Corresponding author

E-mail addresses: history@pguas.ru (A.G. Vazerova), ramingurbanov@yahoo.com (R.A. Gurbanov), history@pguas.ru (N. V. Micky)

также всегда склонными к Турции, край этот представлялся для Турции выгодным, как театр второстепенных действий с целью поднятия против Российской империи российских мусульман. Необходимо отметить, что мусульманскую карту на Кавказе Турция пыталась разыграть даже в Первую мировую войну (Polyakova et al., 2015: 1093). Успех в начале операции давал надежду Турции развить свои действия на Кутаис, с занятием которого Кутаис приобретал бы значительные выгоды, подрывая русское влияние на местные народности. Последние были связаны с русскими единой религией, но преданность их русским интересам всегда находилась в зависимости от военных успехов России.

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). Важное значение имеют научные публикации по теме исследования, изданные в дореволюционный и современный периоды.

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения и максимально возможная нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала.

3. Обсуждение

Так исторически сложилось, что Крымская война была предметом многочисленных исследований в российской историографии. В дореволюционный период одними из первых к теме обратились М.И. Богданович (Богданович, 1876) и Н.Ф. Дубровин (Дубровин, 1900), которые оправдывали внешнюю политику Российской империи, объясняя мощный патриотический подъем в годы войны готовностью общества сражаться и умереть «за веру, царя и отечество». Данные работы имеют большое значение в связи с введением в научный оборот большого массива архивных документов, в которых нашли подробное освещение боевые действия.

Помимо этого в дореволюционный период было опубликовано несколько историко-мемуарных работ. Например, работы Услара (Услар, 1880) и Бороздина (Бороздин, 1873).

После установления советской власти акценты к рассмотрению Крымской войны сдвигаются. В историографии начинается поиск малоизвестных аспектов войны, под заранее заданные клише начинается процесс переписывания войны. Так, в 1923 году исследователь М.Н. Покровский (Покровский, 1923), в своем исследовании противопоставил реакционно-крепостническую Россию буржуазному европейскому Западу. Покровский уделил внимание «разоблачению захватническую политику царизма» и связал крымское поражение не только с военной, но и с социально-политической отсталостью дореформенной России. В годы Великой Отечественной войны была опубликована двухтомная работа академика Е.В. Тарле (Тарле, 1941–1944), которая на основе большого печатного и архивного материала дала подробный анализ дипломатической и военной истории 1853–1856 гг.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. интерес к Крымской войне у специалистов возрос вновь. Уделялось внимание войскам противоборствующих сторон. Так, например, Г.В. Горячкин рассматривал применение египетских войск (Горячкин, 2010). О.В. Дидух акцентировала свое внимание на роли донского казачьего войска в период Крымской войны (Дидух, 2007).

В цивилизационном аспекте рассматривали Крымскую войну В.Э. Багдасарян (Багдасарян, 2007), Т.В. Вакулов (Вакулова, 2016) и В.Н. Виноградов (Виноградов, 2005). Проблемам повседневной жизни населения в оккупированном союзниками Севастополе уделил внимание А.Ю. Гуменюк (Гуменюк, 2016).

4. Результаты

4.1. Климато-географическое описание района

Рионский край с Сухумским и Батумским округами необходимо рассматривать как самостоятельный театр военных действий (ТВД), так как отделенный от сопредельных областей (Кубанской и Карской) труднодоступными горами, он не имеет с ними практически никакой связи.

Рионский край имеет большое количество отрогов хребтов Большого и Малого Кавказа, составляющих его границы, Приморский театр на севере и юге представляет собой горную территорию, покрытую лесом и изрезанную ущельями многочисленных рек, которые несут свои воды в Черное море или в долину Риона. Такой же характер местности имеет разрезающая край в направлении с востока на запад долина нижнего течения Риона и в особенности низменная болотистая полоса, сопровождающая берег моря от устья этой реки с одной стороны Чурук-Су, а с другой до м. Кодор. Очищенные от леса места, под полями кукурузы, встречаются только в долине Риона и в холмистой полосе Абхазии.

Орошение края обильно. Крупнейшая река Рион по выходе из горной полосы, ниже Кутаис имеет спокойное течение и на участке от впадения р. Цхенис-Цхали до устья судоходна. В военном отношении значение этой реки следующее: среднее ее течение от Кутаиса до Амаглеби может служить оборонительной линией, преграждающей все пути из Имеретии в Квирильское ущелье,

судоходный же участок, может служить путем подвоза для армии, наступающей от берега моря к Кутаису.

Реки Ингур, Гализга и Кодор, протекая большей частью в обрывистых берегах, будучи и в сухое время полноводными и не имея постоянных (устойчивых) бродов, представляют сильную преграду войскам, наступающим к Кутаису от Сухума или в обратном направлении. Во время же дождей и таяния в горах снега они обращаются в стремительные потоки, переправа через которые при имеющихся при войсках средствах не возможна до спада воды.

Такой же характер имеют и менее значительные реки и ручьи, спускающиеся к бассейну р. Риона. Среди них особое значение имеет р. Цхенис-Цхали. Хотя она по выходе из гор и проходима вброд, кроме 7 верст нижнего течения, по неустройству своих берегов допускает переправу только в окрестностях селений Хони и Гапыри.

Это обстоятельство в связи с тем, что нижним течением этой реки пережимаются все пути к Кутаису от морского берега на участке от Сухума до Поты, делают из нее серьезную оборонительную линию, которой может воспользоваться отряд, прикрывающий Кутаис.

Морской берег на всем рассматриваемом участке не представлял затруднения к производству десанта, но обеспеченную стоянку флот мог найти себе только в Батуме, а Сухумский рейд по своей доступности южным и юго-восточным ветрам был не всегда безопасен.

Обилие влаги и растительности при почти тропическом положении края делали климат его крайне нездоровым: в XIX веке лихорадки летом достигали такой степени, что даже местные жители не могли их перенести и переселялись с низменностей в горы. Аналогичная ситуация была и северо-западнее на территории Черноморской береговой линии (Cherkasov et al., 2014: 151). Атмосферных осадков в регионе выпадало много: более или менее сильные и продолжительные дожди бывали в течение целого года, но с ноября наступал период постоянных дождей, которые оканчивался только в марте.

Так как во время дождей сообщение почти прерывается, вследствие разлития рек и непроходимость дорог, то зима в этом крае время крайне не благоприятное для военных действий; не многим лучше для боевых действий летнее время, когда свирепствуют лихорадки и реки вновь разливаются, вследствие таяния в горах снега. Сравнительно благоприятными для ведения военных операций остаются, весна (март и апрель) и осень (с половины августа до половины ноября), но к этому необходимо пояснить, что весной Рионский край почти безопасен от десанта по причине господствующих в это время на Черном море штормов.

Население края незначительно, только долина Риона и склоны ее предгорий представляют территорию, сравнительно густонаселенную и культивированную. В большей же части рассматриваемого края войска не могли найти ни удобств расквартирования в селениях, ни возможности пользоваться местными продовольственными и перевозочными средствами.

Вследствие малонаселенности края была слабо развита и сеть путей сообщения. Основные дороги, допускающие колесное движение, соединяли г. Кутаис с разными пунктами морского побережья.

Пути эти следующие:

- 1) Сухум – Окум – Рухи – Зугдиды – Текляты – Марани – (Орпири) – Кутаис (230 км).
- 2) Анаклия – Зугдиды – и дальше по первому направлению (150 км) шли от Зугдиды на Хони и Кутаис (также 150 км, но дорога труднопроходимая, выючная).
- 3) Редут Кале – Хони – Текляты – Марани – Кутаис (120 км).
- 4) Поты – Текляты – Кутаис (95 км).
- 5) П. св. Николая – Озургеты – Орпири – Кутаис (110 км).
- 6) Батум – Чурук Су – Озургеты – Кутаис (160 км) (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 489. Л. 4 об.).

Не имея поперечного между собою сообщения кроме тропинок, все эти пути сходятся в одном узле – Орпири на нижнем течении реки Цхенис-Цхали, что и придает этой реке важное значение как последней перед Кутаисом оборонительной линии.

Все перечисленные дороги по условиям местности имеют характер лесных (болотистых или горных) ущелий и по устройству полотна (большею частью грунтовые) чувствительны к изменениям погоды: представляя в сухое время нормальное сообщение, во время дождей они становятся почти непроходимыми.

Оценивая их с точки зрения удобств пользования тем или другим направлением для ведения операций от морского берега к Кутаису, необходимо отдать предпочтение по краткости и удобству 3-му и в особенности 4-му пути, начинающемуся от Потийского порта,¹ но зато десант после высадки вступает в территорию, от населения которой должен ожидать враждебной встречи.

Это последнее неудобство отсутствует при наступлении от Сухума, но зато операционная линия слишком удлиняется и пересекается многими оборонительными линиями (реками Кодор, Гализга, Ингур, Хетская позиция, р. Цива и р. Цхенис-Цхали).

¹ Для Омара-паши наиболее удобным путем был Редут Кале – Кутаис шоссированный на протяжении 30 км и имел общую протяженность в 100 км.

Таким образом, можно прийти к выводу, что Рионский край не представляет удобств для операции значительными силами, в особенности с целью наступления: краткость благоприятного для военных действий периода времени, должна крайне стеснять ведение операций; крайне слабо развитая сеть путей сообщения и плохое состояние существующих дорог требует, по мере поступления, разработки их и прокладки новых путей, устройств переправ через реки и топи; множество естественных рубежей и позиций, дают решительный перевес обороне перед наступлением; малая населенность лишает войска квартир в ненастное время года и делает продовольствие на счет средств края не возможным; наконец, постоянно сопровождающая военные действия в этом крае народная война ставит в весьма трудное положение полководца, не успевшего заручиться расположением населения, держа его в постоянном опасении за свой тыл и фланги и затрудняя разведку противника.

4.2. Боевые действия

Важное значение в боевых действиях в Рионском крае отводилось экспедиции турецких войск под командованием Омара-паши. Здесь необходимо пояснить, что боевые действия в Закавказье для Турции складывались весьма неудачно, в крепости Карс была блокирована русской армией турецкая Анатолийская армия. Именно для деблокирования ее в конце лета 1855 года союзники (Турция, Англия, Франция) предприняли серьезную десантную экспедицию в Рионский край с целью угрозой наступления на Тифлис отвлечь сюда главную русскую армию и остановить тем ее успехи в Армении.

Противоборствующие стороны

Турецкая армия

После 2-х месячных переговоров о направлении десанта и о задействованных войсках, решено было назначить для экспедиции 28–29 тыс. человек из состава турецких войск, частью из расположенных в Балаклаве и свободных после падения Севастополя (10 тыс.), частью же из находящихся в Европейской Турции (15 тыс., расположенных в Болгарии и 3–4 тыс. конницы из Константинополя). По высадке войска эти усиливались корпусом Мустафы-паши (12–15 тыс.), занимавшим Батум, а также гарнизонами разные пункты побережья. Начальником экспедиции был назначен Главнокомандующий турецкими войсками в Крыму, Омар-паша.

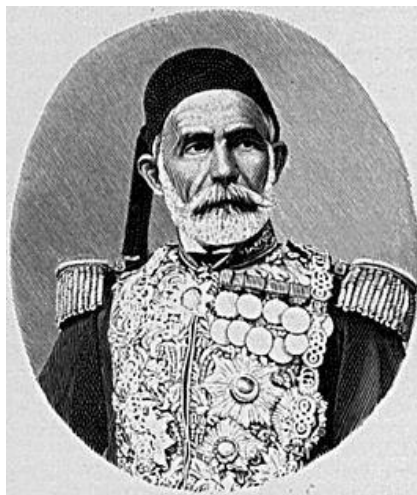

Рис. 1. Военноначальник Омар-паша (по тур. *Ömer Lütfi Paşa*)

Обстановка на Рионском театре в конце лета 1855 г.

Летом 1855 г. турки фактически владели всем побережьем Черного моря от Новороссийска до Батума, так как Российская империя, лишенная Черноморского флота еще 1854 году, сняла гарнизоны всех прибрежных пунктов. Небольшие турецкие гарнизоны занимали Сухум, Анаклию, Редут-Кале и Николаевское укрепление, главные же силы Мустафы Паши были расположены в Кабулети.

Русская армия.

Русские войска (Гурийский отряд генерал-майора кн. Багратион-Мухранского), которым вверена была оборона этого края, состояли из 18 батальонов, 11 кавалерийских сотен, 28 орудий, что, в общем, давало до 11 тыс. штыков и сабель (*Услар, 1880: 249*). Войска эти, впрочем, усиливались еще по 8–9 тыс. местными милициями, но цифру эту нельзя считать постоянной. При отряде состояла также канонерская флотилия (10 лодок с экипажем из Азовских казаков), которая в конце августа находилась в Чаладиди и имела назначением охранение устья Риона от прорыва в реку неприятельских судов.

Рис. 2. Генерал-майор князь Иван Константинович Багратион-Мухранский

Гурийский отряд разделен был на два передовых отряда и резерв. Левый отряд ген. Брунера (5 батальонов при 6 орудиях, что составляло около 2,5 тыс. чел.) занимал Анетские высоты, по левому берегу Риона и назначался для преграждения наступления турок из Кабулети. Он служил также опорой для Гурийских походных ополчений, ведущих энергичную борьбу со вторгнувшимся в их земли неприятелем, и наблюдал при посредстве этих ополчений берег моря от укр. Николаевского до устья Риона. Правый отряд кн. Дадияни (9 батальонов, 11 сотен, 12 орудий, всего около 6 тыс.), расположенный у Зугдиди прикрывал Мингрелию со стороны Абхазии, открыто выражавшей свои симпатии Турции, и наблюдал за морем к стороне Анаклии и Редута-Кале.

Наконец остальные войска (4 батальона при 10 орудиях, что составляло около 2,5 тыс.) находились в общем резерве, расположенном на р. Техури, откуда он мог поддержать тот передовой отряд, которому угрожало бы наступление превосходных сил противника.

План генерал-майора князя Багратион-Мухранского заключался в следующем: по обнаружении направления наступления противника, подкрепить угрожаемый передовой отряд резервом и, заняв выгодную позицию, дать на ней первый отпор врагу, а затем перейти к медленному отступлению, задерживая всеми мерами противника до р. Цхенис-Цхали, на которой сосредоточить все силы отряда и, пользуясь рекой как естественным оборонительным рубежом, дать решительное сражение.

Приняв оборонительный план действий кн. Багратион-Мухранский позаботился о подготовке театра военных действий в инженерном отношении: подготовлены были позиции на Ингур, Хетская на Циве на Акетских и Чехетаурских высотах и, наконец, на реке Цхенис-Цхали. Дороги, которыми не предполагалось пользоваться, были испорчены и завалены; на правом берегу Риона для воспрепятствования противнику пользоваться этой рекой, были установлены в нескольких местах батареи. Наконец для связи левого отряда с резервом были наведены и обеспечены укрепления у Орнири и Кодори.

Отправляясь в экспедицию Омар-паша, по-видимому, не имел еще определенного плана действий, по крайней мере, наметив пунктом высадки Батум, куда 2 сентября и прибыл первый эшелон десантных войск (8 тыс.), он вслед за тем приказывает перевозить войска в Сухум, который и избирает окончательно основанием своих действий. Предпочтение, отданное им Сухуму перед Батумом, объясняется желанием произвести высадку беспрепятственно вдали от русских войск. Кроме того, Омар-паша рассчитывал на присоединение к своей армии абхазских ополчений, что было ему обещано правителем этой страны, кн. Михаилом Шервашидзе, надеялся он также привлечь против русских и черкес.

Вот как описывает переговоры между Омар-пашей и абхазским князем Михаилом Шервашидзе Услар в своей работе «Гурийский отряд в 1855 году»: «В половине сентября он (Омар-паша – Авт.) снова прибыл в Сухум, где на берегу встречен был владетелем, и вступил с ним в длинные переговоры, посреди которых окончательно решены были, как план предстоящей кампании, так и условия, на которых Шервашидзе обменял присягу в верности, принесенную им русскому Императору, на таковую же турецкому султану. Но план кампании и заключенные с Шервашидзе условия так тесно соединены между собою, что нельзя говорить о них отдельно.

Как мы знаем, главнейшее условие заключалось в том, что Порта обещала признать во власти Шервашидзе все те земли, которые в продолжение войны оружием или переговорами успеет он отделить от России. Это условие, неизвестно с какими ограничениями, было принято, и Шервашидзе торжественно, с ружейной пальбой и радостными восклицаниями, провозглашен был покуда главным начальником всех укреплений и гарнизонов, расположенных от Анапы до Батума. Надобно

самому погрузиться в кипяток честолюбивых расчетов, самому долго терпеть пытку неудовлетворенных чувств мщения и ненависти, чтобы представить себе ту ослепительно блестящую перспективу, которая вдруг раскрылась перед князем Михаилом. Действительность далеко опередила самые смелые, самые несбыточные надежды его. Не только Самурзакань — вечное яблоко раздора между фамилиями Шервашидзе и Дадянов, но и самую Мингрелию — древнее достояние врагов его, Дадянов, неслыханное стечение непредвидимых обстоятельств повергало под власть его» (Услар, 1880: 275-276).

Таким образом, устроив в Сухуме прочную базу, Омар-паша был намерен двинуться затем против Гурийского отряда, сломить его сопротивление и, следуя за ним по пятам, занять Кутаис. Успех этих действий должен быть, по мнению Омара-паши, заставить русских из опасения за Тифлис снять осаду Карса и спешить главной армией для прикрытия столицы Закавказья. Корпус Мустафы-паши, оставшийся по-прежнему в Кобулет, получил приказание во время наступления Омара-паши оттягивать на себя русский отряд ген. Бруннера, по достижении же главными турецкими силами реки Цхенис-Цхали перейти в решительное наступление.

В научных специализированных изданиях нет обстоятельных сведений о порядке совершения корпусом Омара-паши переезда морем; но это и не имеет особого интереса, так как при господстве союзников на море производство десанта не представляло для них трудностей.

Для перевозки войск экспедиционного корпуса было назначено 5 кораблей и 12 пароходов, могущих одновременно принять 16,4 тыс. человек или 3,4 тыс. лошадей. Начало перевозки относится к последним числам августа, последние же эшелоны прибывали в Сухум еще в начале октября.

К 10 октября Омар-паша сосредоточил в Сухуме до 25 тыс. человек при 25–30 орудиях; конницы было мало (около 100 сабель), также как и сухопутных перевозочных средств. Насколько оправдались надежды Омара-паши на помощь абхазцев трудно составить себе представление, но записки современников (Омирант) упоминают о присутствии при войсках Омара-паши скопищ абхазцев, занимавшихся, однако, больше грабежом. По вступлению в Мингрелию Омар-паша принужден был отправить домой все абхазские ополчения из опасения возбудить против себя местное население (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 489. Л. 9 об.).

Устроив в Сухуме продовольственные и военные склады, обнеся этот город укреплениями, Омар-паша в первых числах октября двинулся к Ингуру по дорогам на Анаклию и Рухи, которых и достиг 22 октября, сделав в 3 недели всего 70 км.

Как только определилось принятое Омаром-пашой направление, князь Багратион-Мухранский перебросил резерв к своему правому отряду, расположился на р. Ингур с целью дать бой. Бой этот он считал необходимым, чтобы не лишиться влияния на мингрельцев, которые не простили бы русским уступки без боя их территории. Тем не менее, имея всего 9 тыс. человек против 25 тысячного турецкого корпуса, кн. Багратион-Мухранский не рассчитывал на победу, но полагал возможным без особого риска, пользуясь крепкой, хотя и растянутой позицией за р. Ингуром, дать отпор противнику и нанести ему численный урон, а затем отступить на Хетскую позицию.

25 октября начались боевые столкновения на переправах через Ингур и только к вечеру Омар-паше удалось прорвать растянутое расположение Гурийского отряда, после чего русские войска в походном порядке отходят к Хетам. Оборона норманских переправ шестью ротами заставила Омар-пашу на время усомниться даже в возможности успеха: роты эти, потеряв всех своих начальников, не уступили до самой ночи пяди земли неприятелю и потом отступили, будучи уже окружены со всех сторон турецкими батальонами, успевшими переправиться на других пунктах, где не встретили они столь отчаянно упорного сопротивления. При этом, три русских орудия, приведенные в негодность, были брошены, так как все лошади и большая часть прислуги были перебиты турецкими штуцерниками (Услар, 1880: 285).

Но для князя Багратион-Мухранского уже не представлялось возможным воспользоваться Хетской и даже Цивской позициями для нового отпора противнику: сила этих позиций обуславливалась невозможностью обхода их флангов, что в свою очередь находилось в зависимости: для левого фланга — от степени проходимости прибрежной болотисто-лесистой полосы, а для правого от того положения, которое примет относительно русских войск местное население. И то и другое сложилось для русских неблагоприятно: беспримерно сухое лето высушило болото, и леса стали проходимы; население же Мингрелии после Ингурского боя явно стало склоняться на сторону турок и даже состоящие у русских на службе милиции начали покидать Гурийский отряд.

В этих обстоятельствах князь Багратион-Мухранский решился отступить за р. Цхенис-Цхали, на левом берегу которой отряд и сосредоточился к 5 ноября. Суда речной флотилии были потоплены, так как по глубокой осадке их невозможно было поднять в устье Цхенис-Цхали. Сняты были также и оба моста через Рион, так как ген. Бруннер 8 ноября присоединился к главным силам.

Омар-паша после Ингурского боя не преследовал Гурийский отряд; напротив того он оставался 5 дней в Зугдиди, занимаясь образованием управления Мингрелией и устройством продовольственных магазинов. Только 1 ноября он вновь начал движение и 5 ноября достиг р. Цивы,¹ где вновь остановился для устройства новой операционной линии.

¹ Со времени Ингурского боя до прибытия Омара-паши на р. Циву прошло 12 дней, в это время его армия продвинулась вперед только на 40 км. (Зугдиди-Цива).

В Квалони, Омар-паша вышел на прямую дорогу от Редут-Кале на Кутаис и решил переменить свою операционную линию, перенеся основание действий в Редут.¹

Действительно, неудобства операционной линии Сухум-Квилони давали себя сильно чувствовать: если при наступлении к Зугдиди армия еще не терпела недостатка в запасах, так как последние² подвозились морем, то при дальнейшем марше недостаток сухопутных перевозочных средств должен был сказаться. Кроме того, обеспечение длинной операционной линии требовало массы войска.³

Устройство новой операционной линии и тыла так заняли Омара-пашу, что только к 22 ноября он продвинулся главными силами до р. Абаши, выслав авангард к Цхенис-Цхали, сделав, таким образом, в 17 дней не более 15 верст (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 489. Л. 11 об.).

Между тем обстоятельства, так долго благоприятствовавшие Омару-паше, изменились: войска кн. Багратион-Мухранского, расположенные за рекой Цхенис-Цхали, усиливаясь прибывшими подкреплениями до 20 батальонов при 27 орудиях и имеретинскими милициями, почти сравнялись в численности с корпусом Омар-паши и занимали выгодные позиции. Столь долго ожидаемые дожди разразились 16 ноября и подняли воду в р. Цхенис-Цхали, сделав ее непроходимой. Дороги испортились до невозможности пользоваться ими; турецкая армия, слабо снабженная сухопутными перевозочными средствами, начала терпеть недостаток в продовольствии, бивуаки находящиеся в антисанитарных условиях развили болезненность. Наконец в довершение всего 25 ноября было получено известие о падении крепости Карс.

Положение Омара-паши сделалось тяжелым: он убедился, что экспедиция не достигла поставленной цели – спасения Анатолийской армии, его войска, утопая в грязи, страдали от болезней и упали духом; им необходимы были удобные квартиры на зиму, а эти последние они могли найти только в Имеретии, но для этого надо было овладеть Кутаисом, разбив предварительно Гурийский отряд, расположенный за непроходимой в данное время р. Цхенис-Цхали: форсирование этой оборонительной линии Омар-паша находил невозможным, оставаться на зиму в Мингрелии, при невозможности расположиться на постой, значило потерять армию от болезней. Оставалось одно – отступить, и на это Омар-паша и решился, отдав 25 ноября приказ об обратном движении к Редут-Кале (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 489. Л. 12).

Отступление стоило турецкой армии многочисленных жертв: без продовольствия и обуви, осенняя распутица, постоянно тревожимый нападениями местного населения, вновь принявшего русскую сторону, подавленные нравственно неудачным исходом предприятия, турецкие войска почти бежали, подгоняемые страхом, что вот-вот появятся русские войска и нанесут им окончательное поражение; но русские войска были лишены возможности вести преследование всеми силами: разлившаяся река Цхенис-Цхали не допускала немедленной переправы; только 29 ноября с многочисленными трудностями были перевезены на правый берег сводный отряд штуцерных и состоящая при отряде кавалерия. Они одни начали и довершили преследование, когда же главные силы получили возможность движения, то Омар-паша, уже почти успел окончить отступление. Он эшелонировал свои войска на пространстве между Редутом и Квалони, и деятельно отправлял к берегу моря артиллерию и прочие тяжести.

Позиция, занятая им у Квалони, была очень сильна, успех атаки ее был для нас сомнителен; предпринятые же действия на фланги не имели успеха, так как местность вновь сделалась непроходимой. В этом положении Омар-паша пробыл до 27 января 1856 г., когда стянул все войска к Редуту и затем отошел частью берегом, частью морем к Батуму.

5. Заключение

Союзники на турецкий десант возлагали большие надежды, так как армейская операция разворачивалась на фоне не благоприятных для России событий. Падение Севастополя произвело невыгодное для Российской империи впечатление на народности Кавказа. Так в лице владетельного князя Абхазии Михаила Шервашидзе Омар-паша имел союзника, русские войска в Рионском крае были слабы и не могли быть оперативно поддержаны. Даже климатические условия были благоприятными для Турции: необычайно сухое лето сделало территорию удобной для движения войск; наступление осенних дождей замедлилось дольше обычного.

Причины неудачи операции, конечно, необходимо искать в ошибках ее исполнителей, но и местные условия оказали важное влияние на ее безуспешность.

Решившись на экспедицию в Рионский край, союзники вложили слишком много энергии в ее исполнение: бесполезные обсуждения о целях и направлении десанта стояли 2 месяца, перевозка корпуса Омара-паши потребовала еще месяц; благодаря чему время для начала операции (август) было упущено, так как до наступления дождливого времени со дня высадки оставалось не более 6 недель. Поздно начав

¹ Таким образом, месяц спустя после высадки, Омар-паша пришел к тому с чего следовало начать экспедицию. Месяц драгоценного времени ушел только на то, чтобы продвинуться на 30 км вперед (Редут-Кале – Квалони).

² Склады запасов были устроены в Сухуме, Очамчирах, Гудове, Анаклии и Зугдидях.

³ К началу ноября в армии Омара-паши считалось до 40 тыс., на Циве же он имел не более 25 тыс. Все остальное на сообщениях.

кампанию, Омар-паша затруднил себе достижение поставленной цели еще избранием слишком длинной операционной линии. Как бы не были вески причины, заставившие его избрать Абхазию базой для своих операций, нельзя все-таки не признать, что наиболее удобной операционной линией была для него Редут-Кале–Кутаис, что он и сам признал месяц спустя после начала операции.

Рассматривая исполнение Омар-пашей марша, особое внимание обращает на себя поразительная медленность турецких войск: на преодоление 200 км от Сухума до р. Цхенис-Цхали им потребовалось 50 дней, что составляет в среднем меньше 4 км в день. Конечно, такая медленность должна быть поставлена в упрек турецкому полководцу, но нельзя не признать, что особенности избранного им театра войны оказывали известное давление на его волю. Хотя высадка в Сухуме и мотивировалась желанием иметь в Абхазии безопасную базу, но преданность абхазцев турецким интересам выразилась далеко не в ожидаемом Омар-пашею размере. Дальнейшее наступление пришлось вести через Самурзакань и Мингрелию, отношение жителей которых к турецкой армии зависело главным образом от успешности действий Турции.¹ Неуверенность в симпатиях местного населения постоянно внушала Омару-паше опасения за безопасность его коммуникаций, возраставшие по мере движения армии вперед и заставлявшие его обращать особое внимание на устройство прочных этапов и терять время на создание гражданского управления занимаемых им земель. Задерживало его движение также неудовлетворительное состояние путей и трудность организации продовольственной части.

Обращаясь к изучению действий русского Гурийского отряда, необходимо признать, что план его был связан с учетом региональной обстановки. Будучи поставлен в необходимость быть на реке Ингури, генерал-майор князь Багратион-Мухранский принял все меры к занятию выгодных оборонительных позиций. Свойства театра войны давали возможность затянуть военные действия до наступления дождей, когда местность представляет непреодолимые трудности для наступающего.

Отступление к Кутаису сближало русский Гурийский отряд с двигающимися к нему из Тифлиса подкреплениями, тогда как неприятель по мере наступления должен был ослаблять себя оставлением войск для обеспечения своей длинной операционной линии (линии коммуникаций). Все это и привело к тому, что к середине ноября силы обеих сторон почти сравнялись, но Гурийский отряд находился в более выгодном положении.

Литература

Багдасарян, 2007 – Багдасарян В.Э. Крымская война как война цивилизаций: историографические стереотипы и современные параллели // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки.* 2007. № 1. С. 81-89.

Богданович, 1876 – Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4 т. СПб., 1876.

Вакулова, 2016 – Вакулова Т.В. Крымская война: конфликт цивилизаций // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* 2016. Т. 21. № 6. С. 38-45.

Виноградов, 2005 – Виноградов В.Н. Была ли связь между торжеством Франции в крымской войне и ее разгромом под Седаном? // *Новая и новейшая история.* 2005. № 5. С. 38-50.

Горячкин, 2010 – Горячкин Г.В. Египетские войска в Крымской и Русско-турецкой (1877–1878 гг.) войнах // *Восточный архив.* 2010. № 22. С. 42-49.

Гуменюк, 2016 – Гуменюк А.Ю. Крымская война: оккупационные власти и городское население (1854–1856) // *Парадигмы истории и общественного развития.* 2016. № 4. С. 80-84.

Дидух, 2007 – Дидух О.В. Донские казаки в Крымской войны 1853–1856 гг. М., 2007.

Дубровин, 1900 – Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. В 3 т. СПб., 1900.

Покровский, 1923 – Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

Тарле, 1941–1944 – Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. М.-Л., 1941–1944.

Услар, 1880 – Услар. Гурийский отряд в 1855 году // *Кавказский сборник.* 1880. Т. 5. С. 236-286.

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Cherkasov et al., 2014 – Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. Hillmen of the Black Sea Province (early XIX century): Geography, demography, anthropology. // *Bylye Gody.* 2014. (2), 32: 150-154.

Polyakova et al., 2015 – Polyakova L.G., Ageeva V.A., Balaniuk L.L. The Evolution of Public Views of the Black Sea Province During the First World War. // *Bylye Gody.* 2015. (4), 38: 1093-1104.

References

Bagdasaryan, 2007 – Bagdasaryan V.E. (2007). Krymskaya voina kak voina tsivilizatsii: istoriograficheskie stereotipy i sovremennye paralleli [The Crimean war as a war of civilizations: the historiographical stereotypes and modern parallels]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki.* № 1. pp. 81-89.

¹ Отношения мингрельцев к турецкой армии после Ингурского боя и во время ее отступления.

- Bogdanovich, 1876** – *Bogdanovich M.I.* (1876). Vostochnaya voina 1853–1856 gg. [The Eastern war of 1853–1856]. V 4 t. SPb.
- Vakulova, 2016** – *Vakulova T.V.* (2016). Krymskaya voina: konflikt tsivilizatsii [The Crimean war: a clash of civilizations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. T. 21. № 6. pp. 38–45.
- Vinogradov, 2005** – *Vinogradov V.N.* (2005). Byla li svyaz' mezhdru torzhestvom Frantsii v krymskoi voine i ee razgromom pod Sedanom? [Was there a connection between the triumph of France in the Crimean War and its defeat at Sedan?]. *Novaya i noveishaya istoriya*. № 5. pp. 38–50.
- Goryachkin, 2010** – *Goryachkin G.V.* (2010). Egipetskie voiska v Krymskoi i Russko-turetskoi (1877–1878 gg.) voynakh [Egyptian troops in the Crimean and Russian-Turkish (1877–1878) wars]. *Vostochnyi arkhiv*. № 22. pp. 42–49.
- Gumenyuk, 2016** – *Gumenyuk A.Yu.* (2016). Krymskaya voina: okkupatsionnye vlasti i gorodskoe naselenie (1854–1856) [The Crimean war: the occupation authorities and the urban population (1854–1856)]. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*. № 4. pp. 80–84.
- Didukh, 2007** – *Didukh O.V.* (2007). Donskie kazaki v Krymskoi voiny 1853–1856 gg. [The Don cossacks in the Crimean war of 1853–1856]. M.
- Dubrovin, 1900** – *Dubrovin N.F.* (1900). Istoriya Krymskoi voiny i oborony Sevastopolya [The history of the Crimean war and defense of Sevastopol]. V 3 t. SPb.
- Pokrovskii, 1923** – *Pokrovskii M.N.* (1923). Diplomatiya i voiny tsarskoi Rossii v XIX stoletii [The diplomacy and war of tsarist Russia in the XIX century]. M.
- Tarle, 1941–1944** – *Tarle E.V.* (1941–1944). Krymskaya voina [The Crimean war]. V 2 t. M.-L.
- Uslar, 1880** – *Uslar*. Guriiskii otryad v 1855 godu [The Gurian squad in 1855]. *Kavkazskii Sbornik*. 1880. T. 5. pp. 236–286.
- TsGIAG** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The Central state historical archive of Georgia].
- Cherkasov et al., 2014** – *Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S.* (2014). Hillmen of the Black Sea Province (early XIX century): Geography, demography, anthropology. *Bylye Gody*. (2), 32: 150–154.
- Polyakova et al., 2015** – *Polyakova L.G., Ageeva V.A., Balaniuk L.L.* (2015). The Evolution of Public Views of the Black Sea Province During the First World War. *Bylye Gody*. (4), 38: 1093–1104.

УДК 94

Крымская война (1855–1856 гг.): боевые действия в Рионском краеАлла Геннадьевна Вазерова ^{a, *}, Рамин Афад оглы Гурбанов ^{b, c}, Наталья Валентиновна Мику ^a^a Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация^b Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация^c Институт философии и права Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан

Аннотация. В статье рассматриваются боевые действия в Рионском крае периода Крымской войны 1855–1856 гг. Уделено внимание климато-географическому описанию территории, на которой происходили боевые действия. Во время Крымской войны Рионский край был второстепенным театром военных действий. В задачу союзнического десанта входило: высадившись в Абхазии начать энергичное наступление на Кутаис и Тифлис с целью отвлечь осаждавшую крепость Карс русскую армию.

В качестве материалов были использованы документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). Важное значение имеют научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды.

В заключении авторы отмечают, что десантная операция в Рионском крае началась в выгодных для союзников условиях, однако медлительность турецких войск и активная оборона русских привела к затягиванию операции до наступления осенних дождей. В результате ухудшения санитарной ситуации десантная операция была свернута, так и не достигнув успеха.

Ключевые слова: Крымская война, боевые действия, Рионский край, 1855 год.

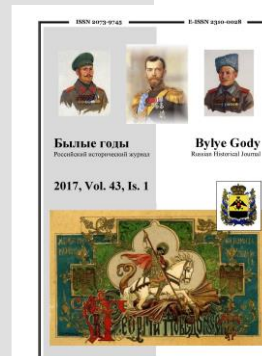
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: history@pguas.ru (А.Г. Вазерова), ramingurbanov@yahoo.com (Р.А. Гурбанов), history@pguas.ru (Н.В. Мику)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 121-128, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.121
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Role of Russian Orthodox Church in Life of Peasants in Russia in XIX – the beginning of the XXth centuries

Larisa S. Perevozchikova ^a, Bogdan A. Ershov ^{a,*}, Igor A. Ashmarov ^b, Ekaterina A. Volkova ^a

^a Central Chernozem state engineering university, Russian Federation

^b Voronezh State Institute of Arts, Russian Federation; Russian Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh Branch), Russian Federation

Abstract

The article discusses the role of the Russian Orthodox Church in the outlook of the peasantry in Russia in XIX – early XX centuries. It is shown that the priests have helped peasants in their households and even in the sickness, for which they used their special favour. In addition, our attention is given to the Orthodox Church holidays, with which the peasants tied the most significant events in their lives. We have analyzed the value of the parish in the life of the peasants, which determines the formation of the moral character of the peasantry. The attitude of the peasants to the different events, their assessment were often based on the judgment of the priest, not only obliged to hold services in the Church, but also to carry on business, has become a factor of integration of the clergy in the world of Russian village.

In the article, on the archive material, the charity of peasants is differentiated. The peasants took an active part in the affairs of philanthropy, not only in their parishes or dioceses, but also in charity events throughout Russia. The scientific problem solved in this article makes it possible to identify that it is in the village of Russian Orthodox Church rallied the population, and it was considered citizens as a spiritual institution, where the cleric was in constant and close contact with the peasants, with the result that there is a certain transformation in the national consciousness. On the specific examples given in the article, we can say that the priests were authentic spiritual teachers of their congregations. Cautionary preaching of the clergy has played an important role in ritual and religious life of the Russian peasants.

Keywords: Church, peasants, Orthodoxy, earth, community, state, ceremony.

1. Введение

Научное понимание специфики духовного сознания русской нации требует обращения к религиозным обычаям крестьян, которые в XIX веке составляли большую часть народонаселения Российского государства. Кроме того, крестьяне были одним из ключевых сословий, следовавшим традициям русской культуры и духовности. Интерес историков к православной традиции русского крестьянства определен также тем, что эта тема включена в антропологически-ориентированную историю, где на первый план выходит исследование человека, мотивы его поведения, представления, ментальные нормы и ценности, повседневный быт. Православная вера в этой связи является частью культуры русской нации. Православие в XIX- начале XX вв. определяло поведение и мировоззрение крестьянства, а также всю систему идеологических установок людей, социальную, этическую и хозяйственную стороны русских крестьян. Между тем, крайне мало исследован вопрос о месте и роли Православной Церкви в будничной жизни крестьянства в России в XIX – начале XX вв.

* Corresponding author

E-mail addresses: bogdan.ershov@yandex.ru (B.A. Ershov)

2. Материалы и методы

Материалами для написания статьи послужили как опубликованные, так и архивные источники. К первой группе источников можно отнести: нормативные акты Российского государства, данные периодической печати, мемуарную литературу, документы федеральной и светской власти, статистические сведения. Вторая группа представлена документами Государственного архива Воронежской области, Государственного архива Тамбовской области. Совокупность представленных в статье источников позволяет достаточно объективно осветить специфику религиозно-обрядовой деятельности крестьян в XIX – начале XX вв. как в России в целом, так и в Воронежской и Тамбовской губерниях. Методами для написания статьи послужили: метод историзма, проблемно-хронологический метод, метод сравнительно-исторического анализа. Данные методы дали возможность раскрыть духовную жизнь крестьянства в XIX – начале XX вв. и определить новые формы хозяйственной деятельности священников на определенном историческом этапе.

3. Обсуждение

Вопросы, связанные с ролью Церкви в жизни крестьян, стали рассматриваться во второй половине XIX века. В тот период историки Церкви и общественные деятели пробовали ответить на актуальные вопросы. Они, в частности, затрагивали проблемы обрядовой деятельности крестьян, их отношение к священнослужителям с позиций наставничества. Особо затрагивалась тема крестьянского быта, сопряженного с церковным календарем. Среди этих ученых можно отметить работы современных исследователей Папкова А.А., Ласковой М.П. (Ласковая, 1976: 19, Папков, 1999: 31). По их мнению крестьяне соблюдали все праздники Православной Церкви, с ними они связывали наиболее существенные в своей жизни события. Ученые единодушны во мнении, что крестьяне чтили святые дни, в праздники и выходные не трудились, так как считали это огромным грехом.

О быте сельского духовенства аргументировано писал священник Иоанн Белюстин (Белюстин, 1859: 38-58). Он подтвердил круг интересов сельского жителя. В 1858 году И. Белюстин писал «где земля является плодородной, и священнослужитель возделывает ее своими руками, там земля дает хороший урожай. Священнослужитель не только накормлен со своей семьей, но и еще старается продать что-то, ведь Бог даровал хороший урожай. У священнослужителя нет другого пути, как обдумывать свою обиденную жизнь, при этом, помня и о духовной, но как же сложно выкарабкаться из этого крайне тяжелого круга, где можно погрязнуть очень глубоко». Эта цитата Иоанна Белюстина даёт возможность увидеть, как священник самостоятельно ведёт своё хозяйство, что свидетельствует о тяжелой службе священника в приходе, которая являлась неотъемлемой частью крестьянской повседневности.

Тема взаимоотношений крестьян и Русской Церкви описывалась русским писателем Ф.М. Достоевским. Впервые вопрос о значении Церкви для крестьян ставился Ф.М. Достоевским в середине XIX века. Главным качеством в православной вере Ф.М. Достоевский считал смирение, которое, по Достоевскому, составляло ядро для нравственного возрождения людей. Без смирения человек не мог искупить свои грехи, поэтому люди должны следовать смирению, посредством которого они могут нравственно очиститься (Волкова, 2016: 82).

Известный ученый первой половины XX века С.Л. Франк определял характер народной духовности как «вселенский», разъясняя при этом, что ключевым стимулом такого взгляда служит «обожествление земли-матери». Он понимал духовность и христианство с одной стороны, как наследие Церкви в Византии, а с другой стороны Церковь служила важным звеном в повседневной жизни людей, приучая их к традициям веротерпимости и милосердия (Франк, 1992: 493).

В определенных работах ученых рассмотрена духовная эмансипация крестьян. Среди них можно выделить исследование П.С. Кабытова, В.А. Козлова, Б.Г. Литвака, где обращается внимание на изучение проблем народной духовности: сохранение религиозных верований, соблюдение крестьянами религиозных традиций. Однако, в работе есть и марксистский аспект затрагивающий выступления крестьян против священников в период первой русской революции 1905–1907 гг. Совокупный результат этого исследования заключался в ускорении процессов секуляризации сознания крестьян, но повседневная духовность сохранялась, и идея Бога-человека продолжала занимать определенную роль в крестьянской повседневности (Кабытов и др., 1988: 25-30). Большую лепту в отношении крестьян и Церкви внесла М.М. Громыко. Она структурировала категорию «духовная жизнь православного крестьянина», где в качестве компонентов показаны: православные традиции и обряды в крестьянской семье, проблемы взаимоотношений крестьянства и священнослужителей, нравственные суждения, единство которых определялось православной догматикой (Громыко, 1986: 69).

Отношение крестьян к продуктам как к Божественному дару и понимание значения соблюдения постов анализируется в работе Т.А. Ворониной. Семантику церковных праздников, изучала в своих исследованиях Л.А. Тульцева. Она на примерах подаяния выявляет глубину православного постижения добра и сострадания (Воронина, 2001: 53-72, Тульцева, 1978: 38-47).

Взаимоотношения крестьян и Церкви в лице сельского духовенства отображено в работе Т.Г. Леонтьевой. В своём труде Т.Г. Леонтьева приходит к заключению, что во второй половине XIX века рядовой священнослужитель оказался в социокультурной изолированности, а значит, был

невостробованным, тогда как ему надлежало проводить службы в Церкви и вести назидательную проповедь (Леонтьева, 2002: 272).

Некоторая часть работ ученых была посвящена доходам сельских священников в начале XX века. О них упоминает исследователь Н.В. Саввотеева (Саввотеева, 2008: 139-139). В своей работе она использует примеры, которые говорят о нестабильном материальном положении священнослужителей в зависимости от качества и количества урожая.

В целом, точки зрения разных исследователей и общественных деятелей, дореволюционных, советских и современных при противоположных подходах к оценке духовности русского крестьянства, были сходны в том, что почти все ученые говорили о стойкой привязанности образа жизни крестьянства к православной вере.

4. Результаты

Поднятию авторитета священника не только как духовного пастыря, но и как наставника крестьян, в повседневных, хозяйственных, и прочих вопросах, оказало влияние на решение Синода о введении в духовных семинариях преподавания медицины, естественной истории и сельского хозяйства. В конце 1860-х годов эти кафедры были упразднены из-за отсутствия пособий, кабинетов, тем не менее, епархии стали снабжать сельских священников народными лечебниками, сельскохозяйственными книгами или практическими наставлениями для просвещения крестьян. Почтение к священнику крестьяне оказывали постоянно. Встречая священника, они в обязательном порядке снимали шапку, низко кланялись и просили благословения; называли священника «отцом», диакона — «отцом диаконом», иерея — по имени-отчеству. Нанести оскорбление священнослужителю, по представлению крестьян, являлось большим грехом.

Батюшки советами, «а порой и посильными делами, помогали крестьянам в болезнях и в домашнем быту, за что пользовались особенным их расположением, таким священникам помещики и крестьяне охотно помогали в их домашнем хозяйстве». Священники, как и крестьяне, очень ценили свои земли, постоянно наблюдая за их сохранностью. Об этом свидетельствуют примеры, связанные с нарушением эксплуатации земель, принадлежащих священнослужителям. Один из таких случаев произошел в деревне Тепелево Нижегородской губернии. Данная деревня была владельческой, и ей руководил князь Егор Александрович Грузинский. В этой деревне дьякон сдал в аренду часть земли местному жителю Никите Семенову. Этот случай вызвал возмущение представителей духовенства, которые обратились в духовную консисторию и написали жалобу, в ней было указано, что гражданин Семенов Н. еще и с участков других священников приходской земли себе присвоил немалую часть (Семевский, 1881: 54-62).

Необходимо отметить, что большая часть приходов епархий России использовала трехпольную систему обработки земли, когда на земле чередовались разнообразные культуры, было также установлено время посадки растений. Культуры, которые сажали, незначительно варьировались по отдельным уездам, что было обусловлено качеством земли и её урожайностью.

Главной культурой в средней полосе у крестьян была рожь, о чем говорит пример церковного хозяйства Валуйского уезда Воронежской губернии, из 160 урожайных четвертей 73 четверти составляла в основном озимая рожь. Сеяли также яровой хлеб, но посеы озимые все же преобладали. Рожь обладала таким удельным весом в хозяйстве благодаря тому, что была относительно высокая урожайность, приблизительно до 1:5, тогда как гречка не вызревала более 1:1. В хозяйствах духовенства практически по всей России разводили и культивировали овёс, гречку, горох и ячмень. Скопившиеся лишние излишки урожая отдавали на продажу, но не всегда, что было определено внушительным числом детей семей сельских священников и нуждой компенсировать неурожай одной культуры урожайностью другой. Как и в хозяйстве крестьян, в хозяйствах священнослужителей разводили скот: лошадей, коров и телят, свиней, овец, а также домашнюю птицу. Инвентарь, которым обрабатывали землю, был типичным, как и у крестьян (ГАВО, Ф. И-6. Оп. 1. Д. 190. Л. 37).

Следовательно, хозяйственная деятельность приходского священника была фактором интегрирования духовенства в мир русского села. Действительно, аграрный труд, занимавший большую часть дней в году, неизменно приводил к перестройке под посевной календарь, связанный с работой на земельном участке. В различных губерниях России хороший урожай не везде можно было получить по причине слабого плодородия земельных участков, неустойчивости погоды, поэтому такие условия приводили к нерешительности в завтрашнем дне, и основная задача состояла в повышенном внимании к собственному хозяйству, перспективность которого была связана с элементарным выживанием семьи священника и самого крестьянина. Поэтому, если говорить о крестьянском быте, такая ситуация являлась обычным явлением, а в повседневной жизни священников, ключевой задачей которых была религиозная служба, вышеперечисленные обстоятельства имели немного другой смысл (Бадмаева, 2016: 1173-1181).

Уважение к сану священнослужителя совмещалось со строгостью, предъявляемой мирянами к его носителю. По их миропониманию, священник должен степенно, следуя церковному уставу, вести службы, быть заботливым к обращениям и вопросам мирян. Он обязан был знать нужды и заботы своих прихожан. Священник сам был сельским хозяином, и сельскохозяйственные занятия еще ближе сплачивали причт и приход. С приходом неразрывно были связаны и все основные этапы

жизненного цикла русского крестьянина: крестины новорожденного, венчание брачующихся, отпевание почивших и неизменное поминание их. Таким образом, приход играл особую роль в жизни крестьянина, он был неотъемлемой частью деревенской жизни и быта. Отсутствие церкви в деревне воспринималось отрицательно, так как предполагалось, что с отсутствием храма не будет существовать и сама деревня. Всё это инициировало сильное желание крестьян иметь в своём селе храм, который чаще всего строили на средства семей крестьян и деревенской общины. Большинство построенных в России в XIX столетии храмов и церквей было деревянными: крепостные не могли позволить себе выстроить каменный храм (их, как правило, чаще возводили помещики).

Следует заметить, что отдельные крестьяне совместно со священнослужителями вносили большой вклад в благотворительность. В церковных кругах известностью у общественности пользовался митрополит Московский Владимир, который вёл активную благотворительную деятельность. Он учредил разные меценатские общества, общенародные чтения и образовательные курсы, активно проповедовал борьбу против пьянства, создавал сообщества трезвости. Священнослужитель С. Куров из деревни Нахабино под Москвой много труда отдал, чтобы искоренить имеющиеся случаи пьянства в среде крестьян.

Свою лепту на меценатство вносили и крестьяне, отдельные из них были представителями попечительских приходских организаций. Некоторые богатые крестьяне отдавали в пользу церкви крупные суммы пожертвований. В 1890 году крестьянка Наталия Ускова, проживающая под Москвой, передала в храм деревни Восковское 28200 рублей. Крестьянин из посёлка Шаинково Московской губернии Н. Глыбов в 1900 году передал в пользу храма 1600 рублей. Тем не менее, такие большие личные денежные вклады крестьян являлись редкими. Как правило, большинство крестьян оказывало помощь в ходе кружечного сбора в Церкви (Кузнецов, 1996: 285-394).

В архивах имеется немало сведений об общинных вкладах крестьян в пользу духовенства, богаделен, храмов, на покупку разнообразного церковного имущества и на обслуживание причта. В ведомостях о вкладах Московской епархии за 1900 год значится, что из 50 больших пожертвований 14 были произведены крестьянами. В основном все эти денежные средства были использованы на украшение Церкви, шли причту, на утварь и на различные требы (Матвеев, 1913: 151-155).

Отчетные ведомости о вкладах, поступающие в духовные консистории разных епархий России подтверждают, что переданные крестьянами деньги использовались церквями и епархиями не только на постройку и ремонт часовен, но и на меценатские и просветительно-миссионерские нужды: это, в частности, содержание и ремонт духовных семинарий, передача новых книг в церковные библиотеки и в церковные приюты, монастыри, на помощь обездоленным и немощным мирянам, раненым солдатам. Большое количество денег тратилось на опубликование и распространение духовной литературы. Большие деньги тратились на постройку и обеспечение всем необходимым духовных академий, определенные расходы шли на улучшение жизненного уровня паломников, посещающих различные святые места, например, в Палестину, оказывалась помощь бедствующим людям на Балканах (ГАВО, Ф. И-84. Оп. 2. Д. 48. Л. 361, 395).

В результате имеющиеся данные говорят о том, что священнослужители совместно с крестьянами принимали деятельное участие в делах благотворительности, причем не только в своих приходах или епархиях, но и в благотворительных мероприятиях по всей России. Эта работа отвечала не только христианским принципам милосердия, но и носила социальный контекст. Крестьяне, производя пожертвования в Церкви и монастыри, тем самым оказывали помощь духовным семинариям и школам, а также бедствующим мирянам. Отношение крестьян к тем или иным событиям, их оценка основывалась зачастую на суждениях самого священника: крестьянство доверяло ему, как человеку умному и образованному. В церковных отчетах содержались сведения и о сельских образовательных учреждениях: частично они были церковно-приходскими, а другие были подчинены министерству образования. Это, например двухклассные и одноклассные школы, и ключевой их целью, исходя из закона о духовных учреждениях православного толка от 1903 года, было не только распространять в государстве идеи в духе православия, но и обучать истории, письму, математике, диалектике и другим наукам (Томилов, 2016: 145-152).

Судя по отчетам, в каждой сельской епархии имелись учебные организации. Священнослужители преподавали в них Закон Божий, или, как заявляли в то время, являлись учителями по закону. В Богучарском уезде Воронежской губернии имелась двухклассная и одноклассная школа. В ней училось 24 мальчика и 16 девочек. Священник зарабатывал в этой школе 170 руб., тогда как оклад преподавателя из Московской губернии составлял 490 руб. А в городе Канске иерей зарабатывал за преподавание в начальном высшем училище 530 руб., на что указывает факт существенно более высокого уровня жизни духовенства в городах по сравнению с сельским духовенством. В приходе Троицкой церкви Тамбовской губернии было три школы, в том числе двухклассная, открытые в 1907 году. В первом классе обучалось 38 мальчиков и 19 девочек, а во втором 15 и 4. Как видно, количество обучающихся во 2 классе гораздо меньше по сравнению с первым, а количество девочек меньше более чем в 2 раза (ГАТО, Ф. 181. Оп. 1. Д. 1835. Л. 4-5). Нужно заметить, что сельские Церкви располагали библиотеками. И число книг в библиотеках было немало: в Троицкой церкви в библиотеке значилось 180 книг, в Покровском храме Воронежа – 290 книг (все книги были одобрены Святейшим Синодом). К сожалению, информация о посещениях

библиотек детьми не содержится в архивных отчетах (ГАТО, Ф. 181. Оп. 1. Д. 1496. Л. 8-10). Имелись при храмах (не везде) часовни. Например, в Троицком храме Тамбовской губернии значилось три часовни: архистратига Михаила, Георгия Победоносца и другие. Часовни располагались в разных селах и их строили сами миряне. В некоторых приходах несколько часовен были построены на деньги мирян.

В отчетах указаны также сведения о селах, где находилось наибольшее количество часовен, построенных крестьянами, имелись сведения о приусадебных хозяйствах при Церквях, количестве жителей мужского и женского пола, социальном статусе мирян, а также численности людей, исповедующих другую религию. Эти сведения дают понять, что количество мирян было достаточно велико. Троицкий храм Тамбовской губернии обслуживал 5 сёл, всего в приходе имелось 670 дворов с населением около 2000 человек мужчин и 1800 женщин (ГАТО, Ф. 181. Оп. 1. Д. 1496. Л. 17-18 об). Основную массу жителей составляли крестьяне. Дворянства практически не было, в небольшом количестве присутствовали мещане: числится лишь три двора мещан. Абсолютная часть жителей в двух губерниях исповедовали православие. Но были и католики. В частности, упоминалось 4 деревни с числом дворов – 600. Из них лишь 5 дворов исповедовали католическую веру. В Земляном уезде Воронежской губернии значилось 270 хозяйств, а иноверцы были всего в 5 хозяйствах (вера не указывалась) (ГАВО, Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1945. Л. 15).

Крестьяне считали, что вне Церкви невозможно спасение и обретение Царствия Небесного. После рождения детей необходимо было крестить на второй или третий день. Это событие могли отложить, но не более чем на месяц, из-за отдаленности сельского храма, весенней распутицы или страдной поры. Так как детская смертность была высока, родители старались окрестить ребенка как можно раньше, потому что они считали, что младенцы, которые умерли крещенными, становятся ангелами. Крестные присутствовали в сельском храме, когда совершалось таинство Крещения. Теперь они отвечали перед Богом за праведную жизнь своего крестника. Затем, приходя из Церкви, отмечали крестины, накрывая праздничный стол. Почетное место занимали кума и кум, так как крестьяне большое значение придавали духовному родству. В середине XIX века в Тамбовской губернии в Моршанском уезде считалось непроситильным грехом поссориться с кумом или кумой. Поэтому, чтобы избежать греха, крестьяне старались брать крестных из другого дома и не иметь духовного родства с домочадцами. Отношение крестьян к смерти было полностью христианским. Они верили, что душа бессмертна и существует загробная жизнь, и поэтому у них не было чувства страха перед смертью как физическим явлением. С детства близость смерти для крестьян была явлением привычным: в их присутствии умирали их дедушки и бабушки, братья и сестры, они также становились свидетелями последних минут жизни своих соседей (Воронина, 2001: 53-72).

Крестьяне боялись только того, чтобы смертный час не застал их «неуготованными». Крестьяне считали смерть неизбежным событием, и поэтому перед смертью совершали исповедь, причащение и соборование. Похороны в селе были церковными, умершего отпевали в Церкви и предавали земле на сельском кладбище. Русский крестьянин, трудясь на земле, осознавал ответственность перед Богом, исполняя его заповеди по отношению к земле и к хозяйственной деятельности. Авторы сборника «Русские» утверждают, что «христианство помогло выработать добросовестное отношение к труду и к строгой дисциплине, так как крестьяне думали, что труд дан Богом». В селах широко практиковались общественные молебны и крестные ходы, и в этом выражалась православная вера русского селянина. Такие молебны происходили по инициативе общины или отдельных мирян и получили большое распространение по всей России. В воспоминаниях сельского священника Тамбовской губернии говорится, что такие молебны могли совершаться в полях и по самым различным случаям. Поводом для молебнов могло быть начало и окончание полевых работ, засуха, первый выгон скота. Иногда молебны и крестные ходы совершались для профилактики. Например, в Курской губернии на праздник Крещение Господне во дворе насыпали зерно в виде креста, и пока животные едят зерно, крест троекратно обходят с иконами и кропят святой водой, чтобы водилась и была здорова живность. Для избежания падежа скота служили молебны 11 февраля на день Святого Власия.

23 апреля на день Святого Георгия служили молебны о весеннем плодородии почвы и получении прибыли. В Орловской губернии молебны от засухи ежегодно служили в поле в воскресенье перед Вознесением, 8 июля, на Казанскую, служили молебны от градобития (Краснянский, 1864: 91-99).

Крестьяне широко применяли в хозяйстве и в быту святую воду, которая приносила благодать: ею окропляли фрукты, овощи, поля, скот, посевы, семена. Крещенскую воду ценили особенно. В последней четверти XIX века правительство сделало попытку разграничения сфер жизнедеятельности сельского мира и приходской общины. Циркуляром министра внутренних дел от 21 марта 1887 года сельским и волостным сходам запрещалось вмешиваться в дела церковного управления, в дела прихода, составляя по этим вопросам приговоры. Запрещая сельским и волостным сходам принимать решения, касающиеся внутрприходской жизни, данный акт лишал крестьянский мир права активного участия в церковноприходском управлении, переносил акцент в управлении с институтов крестьянского общественного самоуправления на религиозное сообщество прихожан. Попытка эта не вполне удалась по причине глубокого проникновения православия в сознание русского крестьянства, слитности в этом сознании мирского и церковного. Некоторые виды

проступков, которые преследовались законом, такие, как убийство, обман, мошенничество, растрата, соединяли в глазах крестьян свойства и греха, и преступления (Тульцева, 1978: 38-47). Понимание государственным законодательством преступления как деяния, соединяющего в себе признаки уголовного преступления и преступления против веры (также можно сказать, что кощунство и святотатство так были чужды русскому религиозному типу, что первые дела по этим обвинениям появились только после революции 1905 года), легло в основу закона о предоставлении общине после 1861 года права «удаления из общества порочных крестьян»... и предоставления их в распоряжение правительства. Крестьяне составляли в таких случаях мирской приговор об удалении из общества того или иного лица за дурное поведение. Такие же приговоры составлялись в отношении крестьян, уличенных обстоятельствами дела в воровстве, но не сознавших в содеянном на суде, что усугубляло их вину. Когда государство вводило в 1861 году «Общее положение о крестьянах», оно руководствовалось идеей постепенного введения обычного права в русло государственного законодательства, за обычаем была признана сила действующих юридических норм: имущественные и семейно-имущественные споры и правоотношения в своей массе продолжали решаться на основе обычно-правовой практики. Правительство понимало, что эти нормы органичны для религиозно-нравственных воззрений крестьянства, и, напротив, гражданское законодательство не всегда согласуется с религиозными и жизненными идеалами крестьянства, с их представлениями о правде, добре, справедливости (Федоров, 1991: 149-172).

5. Заключение

Таким образом, православная вера составляла основу крестьянского миропонимания, и сельский быт буквально был пронизан традициями православия. Необходимо отметить, что крестьяне хорошо ориентировались в православной догматике, что отражалось в глубоком религиозном познании традиций Русской Православной Церкви. Разнообразные проявления добра и милосердия в среде крестьян убеждают исследователей в серьезном отношении крестьянства к духовности в России в XIX – начале XX вв.

Литература

- Белюстин, 1859 – Белюстин И.С. Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin Paris London, 1859. № 4. С. 38-58.
- Волкова, 2016 – Волкова Е.А. «Воззвать к России новой»: общественная деятельность и социально-исторические взгляды Ф.М. Достоевского. Воронеж: VG, 2016. 252 с.
- Воронина, 2001 – Воронина Т.А. Особенности соблюдения постов в народной среде в XIX веке // Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков: Итоги этнографических исследований / Под ред. Т.А. Листовой и др. М.: Наука, 2001. С. 53-72.
- ГАВО – Государственный архив Воронежской области.
- ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.
- Громыко, 1986 – Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М.: Наука, 1986. 274 с.
- Кабытов, 1988 – Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 237 с.
- Красиков, 1920 – Красиков П.А. Крестьянство и религия. М.: Издание Народного Комиссариата Юстиции, 1920. 16 с.
- Краснянский, 1864 – Краснянский Г. Заметка сельского священника: (О хождении церковного причта в великие праздники со святою водою, иконами и крестом по домам прихожан) // РДСП. 1864. Т. 1. № 3. С. 91-99.
- Кузнецов, 1996 – Кузнецов С.В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 285-394.
- Ласковая, 1976 – Ласковая М.П. Богоискательство и богостроительство прежде и теперь. М.: Московский рабочий, 1976. 136 с.
- Леонтьева, 2002 – Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
- Листова, 2001 – Листова Т.А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков: Итоги этнографических исследований / Т.А. Листова (отв. ред.), С.В. Кузнецов, Х.В. Поплавская (отв. секретарь.). М.: Наука, 2001. С. 31-35.
- Матвеев, 1913 – Матвеев С. Из жизни современного крестьянства // Русское богатство. 1913. № 10. С. 151-155.
- Панченко, 1999 – Панченко А.А. Религиозные практики: к изучению «народной религии» // Мифология и повседневность: материалы науч. конф. 24–26 февраля 1999 года. Вып. 2. СПб., 1999. С. 198-218.
- Папков, 1899 – Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв.). М., 1899.
- Певницкий, 1905 – Певницкий В.Ф. Популярность обязательное качество церковной проповеди // Труды Киевской духовной академии. 1905. Т. 2. № 8. С. 608-641.

- Приклонский, 1885** – Приклонский С. Крестьянский мир и приходский причт // *Северный вестник*. 1885. № 1. Отд. 2. С. 42-62.
- Саввотеева, 2008** – Саввотеева Н.В. Экономическое положение сельского духовенства в начале XX в. // *Вопросы истории*. 2008. № 11. С. 136-139.
- Семевский, 1881** – Семевский В.И. Крестьяне вотчин духовенства // *Русская мысль*. 1881. № 9–10. С. 54-62.
- Томилов, 2016** – Томилов И.С. Русская Православная Церковь и законодательная политика самодержавия на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 408. С. 145-152.
- Тульцева, 1978** – Тульцева Л.А. Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX–XX веков // *Советская этнография*. 1978. № 3. С. 38-47.
- Федоров, 1991** – Федоров В.А. Православная церковь в XIX веке // Православная церковь в истории России: (Спецкурс лекций для аспирантов АОН при ЦК КПСС): [Сб. ст.] / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Ин-т религиоведения и атеизма; [Редкол.: В.П. Семьянинов и др.]. М.: АОН, 1991. С. 149-172.
- Франк, 1992** – Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. 512 с.
- Шмидт, 1974** – Шмидт С.О. Церковноприходские летописи как источник по истории русской деревни // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Вильнюс, 1974. С. 397-404.
- Badmayeva, 2016** – Badmayeva E.N. The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries. // *Bylye Gody*. 2016. Т. 42. № 4. pp. 1173-1181.

References

- Badmayeva, 2016** – Badmayeva E.N. (2016). The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries. *Bylye Gody*. Т. 42. № 4. pp. 1173-1181.
- Belyustin, 1859** – Belyustin I.S. (1859). Opisanie selskogo dukhovenstva [Description of rural clergy]. *Russkiy zagranichnyy sbornik*. Berlin Paris London. № 4. pp. 38-58 [in Russian].
- Volkova, 2016** – Volkova E.A. (2016). «Vozzvat k Rossii novoy»: obshchestvennaya deyatelnost i sotsialno-istoricheskiye vzglyady F.M. Dostoyevskogo [«To appeal to Russia new»: public work and sociohistorical views of F.M. Dostoyevsky]. Voronezh: VG. 252 p. [in Russian].
- Voronina, 2001** – Voronina T.A. (2001). Osobennosti soblyudeniya postov v narodnoy srede v XIX veke [Features of observance of posts in the national environment in the 19th century] // *Pravoslavnyaya zhizn russkikh krestian XIX–XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy* / Pod red. T.A. Listovoy i dr. М.: Nauka. pp. 53-72 [in Russian].
- GAVO** – Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti [State archive of the Voronezh region].
- GATO** – Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [State archive of the Voronezh region].
- Gromyko, 1986** – Gromyko M.M. (1986). Traditsionnyye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krestian XIX veka [Traditional standards of behaviour and forms of communication of the Russian peasants of the 19th century]. М.: Nauka. 274 p. [in Russian].
- Kabytov et al., 1988** – Kabytov P.S., Kozlov V.A., Litvak B.G. (1988). Russkoye krestianstvo: etapy dukhovnogo osvobozhdeniya [Russian peasantry: stages of spiritual release]. М.: Mysl. 237 p. [in Russian].
- Krasikov, 1920** – Krasikov P.A. (1920). Krestianstvo i religiya [The peasantry and religion]. М.: Izdaniye Narodnogo Komissariata Yustitsii. 16 p. [in Russian].
- Krasnyanskiy, 1864** – Krasnyanskiy G. (1864). Zametka selskogo svyashchennika: (O khozhdenii tserkovnogo prichta v velikiye prazdniki so svyatoyu vodoyu, ikonami i krestom po domam prikhozhan) [Note of the village priest: (walking about the church clergy in the great festivals with holy water, icons and crosses on the parish home)]. *RDSP*. Т. 1. № 3. pp. 91-99.
- Kuznetsov, 1996** – Kuznetsov S.V. (1996). Vera i obryadnost v khozyaystvennoy deyatelnosti russkogo krestianstva [Religion and ritual in the economic activity of the Russian peasantry] // *Mentalitet i agrarnoye razvitiye Rossii (XIX–XX vv.)*. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. М., pp. 285-394. [in Russian].
- Laskovaya, 1976** – Laskovaya M.P. (1976). Bogoisatelstvo i bogostroitelstvo prezhde i teper [God-seeking and god building before and now]. М.: Moskovskiy rabochiy. 136 p. [in Russian].
- Leontyeva, 2002** – Leontyeva T.G. (2002). Vera i progress: Pravoslavnoye selskoye dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Belief and progress: Orthodox rural clergy of Russia in the second half the XIX beginning of the 20th centuries]. М.: Novyy khronograf. 272 p. [in Russian].
- Listova, 2001** – Listova T.A. (2001). Narodnyy pravoslavnyy obryad sozdaniya semi [National orthodox ceremony of creation of family] // *Pravoslavnyaya zhizn russkikh krestian XIX–XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy* / T.A. Listova (otv. red.). S.V. Kuznetsov. Kh.V. Poplavskaya (otv. sekretar.). - М.: Nauka. pp. 31–35 [in Russian].
- Matveyev, 1913** – Matveyev S. (1913). Iz zhizni sovremennogo krestianstva [From life of the modern peasantry]. *Russkoye bogatstvo*. № 10. pp. 151-155 [in Russian].
- Panchenko, 1999** – Panchenko A.A. (1999). Religioznyye praktiki: k izucheniyu «narodnoy religii» [Religious practices: to studying of «national religion»] // *Mifologiya i povsednevnost: materialy nauch. konf. 24-26 fevralya 1999 goda*. Vyp. 2. Spb. pp. 198-218 [in Russian].
- Papkov, 1899** – Papkov A.A. (1899). Upadok pravoslavnogo prikhoda (XVIII–XIX vv.) [Decline of orthodox parish (the 18–19th centuries)]. М. [in Russian].

- Pevnitskiy, 1905** – *Pevnitskiy V.F.* (1905). Populyarnost obyazatelnoye kachestvo tserkovnoy propovedi [Popularity mandatory quality church sermon]. *Trudy Kiyevskoy dukhovnoy akademii*. T. 2. № 8. pp. 608-641 [in Russian].
- Priklonskiy, 1885** – *Priklonskiy S.* (1885). Krestianskiy mir i prikhodskiy pricht [Peasant world and the parish clergy]. *Severnyy vestnik*. № 1. Otd. 2. pp. 42-62 [in Russian].
- Savvoteyeva, 2008** – *Savvoteyeva N.V.* (2008). Ekonomicheskoye polozheniye selskogo dukhovenstva v nachale XX v. [The economic situation of the rural clergy at the beginning of the XX century]. *Voprosy istorii*. № 11. pp. 136-139 [in Russian].
- Semevskiy, 1881** – *Semevskiy V.I.* (1881). Krestiane votchin dukhovenstva [Farmers estates clergy]. *Russkaya mysl*. № 9-10. pp. 54-62 [in Russian].
- Tomilov, 2016** – *Tomilov I.S.* (2016). Russkaya Pravoslavnaya Tserkov i zakonodatel'naya politika samoderzhaviya na stranitsakh «Tobolskikh eparkhialnykh vedomostey» v kontse XIX – nachale XX v. [Russian Orthodox Church and the legislative policy of the autocracy in the pages of "Tobolsk Diocesan Gazette" at the end of XIX – early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 408. pp. 145-152 [in Russian].
- Tultseva, 1978** – *Tultseva L.A.* (1978). Religioznyye verovaniya i obryady russkikh krestian na rubezhe XIX–XX vekov [Religious beliefs and practices of Russian peasants at the turn of XIX–XX centuries] // *Sovetskaya etnografiya*. № 3. pp. 38-47 [in Russian].
- Fedorov, 1991** – *Fedorov V.A.* (1991). Pravoslavnaya tserkov v XIX veke [The Orthodox Church in the XIX century] // *Pravoslavnaya tserkov v istorii Rossii: (Spetskurs lektsiy dlya aspirantov AON pri TsK KPSS): [Sb. st.] / Akad. obshchestv. nauk pri TsK KPSS. In-t religiovedeniya i ateizma; [Redkol.: V.P. Semianinov i dr.]. M.: AON. pp. 149-172 [in Russian].*
- Frank, 1992** – *Frank S.L.* (1992). Dukhovnyye osnovy obshchestva [The spiritual foundations of society]. M.: Izdatelstvo «Respublika». 512 p. [in Russian].
- Shmidt, 1974** – *Shmidt S.O.* (1974). Tserkovnoprikhodskiye letopisi kak istochnik po istorii russkoy derevni [Parish annals as a source on the history of Russian village]. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 1971. Vilnyus. pp. 397-404 [in Russian].

УДК 94

Роль Русской Православной Церкви в жизни крестьян в России в XIX – начале XX вв.

Лариса Сергеевна Перевозчикова ^a, Богдан Анатольевич Ершов ^{a,*}, Игорь Анатольевич Ашмаров ^b, Екатерина Александровна Волкова ^a

^a Центрально-Черноземный государственный инженерный университет, Российская Федерация

^b Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Воронежский филиал), Российская Федерация; Воронежский государственный институт искусств, Российская Федерация.

Аннотация. В статье рассматривается роль Русской Православной Церкви в мировоззрении крестьянства в России в XIX – начале XX вв. Показано, что священники помогали крестьянам в болезнях и в домашнем быту, за что пользовались особым их расположением. Кроме того, уделено внимание православным церковным праздникам, с которыми крестьяне связывали наиболее существенные в своей жизни события. Проанализировано значение церковного прихода в жизни крестьян, определяющего формирование нравственного облика крестьянства. Именно отношение крестьян к тем или иным событиям, их оценка основывались зачастую на суждениях самого священника, обязанного не только проводить службы в Церкви, но и вести хозяйственную деятельность, ставшую фактором интегрирования духовенства в мир русского села. В статье дифференцирована на архивном материале благотворительная деятельность крестьян, которые принимали деятельное участие в делах филантропии, причем не только в своих приходах или епархиях, но и в благотворительных мероприятиях по всей России.

Научная проблема, решенная в статье, даёт возможность выявить, что именно в деревне Русская Православная Церковь сплачивала население, и она воспринималась жителями в качестве духовного института, где священнослужитель находился в постоянном и тесном общении с крестьянами, в результате чего происходила определенная трансформация в народном сознании. На конкретных примерах, приведенных в статье, можно говорить о том, что священники являлись подлинными духовными педагогами своих прихожан. Назидательная проповедь духовенства играла существенную роль в обрядово-религиозной жизни крестьян.

Ключевые слова: Церковь, крестьяне, православие, земля, община, государство, обряд.

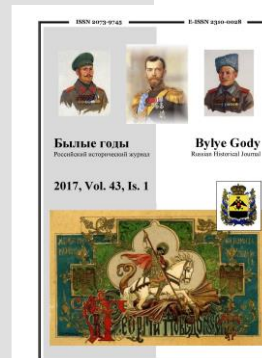
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bogdan.ershov@yandex.ru (Б.А. Ершов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 129-138, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.129
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

Ukrainian Question in the Russian Conservative Thought. The end of XIXth – early XXth century

Andrey A. Ivanov ^{a,*}, Aleksandr E. Kotov ^a, Denis G. Yanchenko ^a, Dmitrii V. Ovsjannikov ^a

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

Ukrainian nationalism appears in the middle of the XIX century. Russian conservatives do not perceive it as a serious threat. Attitude to this problem has done serious evolution - from ridicule of cranky small group of provincial intellectuals to recognize the imminent prospects of territorial division and the breakdown of historical unity of the Russian people. Editor of "Moscow News", a well-known publicist, M.N. Katkov was the main critic of "ukraynofilstvo" in the second half of the XIX century. Otherwise, but also critical as a whole, perceived this movement M.F. De Pulet, I.S. Aksakov and V.J. Shulgin (founder of newspaper "Kievlyanin"). A major criticism of Ukrainian nationalism was the conservative writers of the period: P.A. Kulakovskiy, L.A. Tikhomirov, M.O. Menshikov, V.M. Purishkevich, D.V. Skrynchenko and D.D. Muretov. In particular positions stood nationalist T.V. Lokot', considered people of Great Russia, Russia Minor and Belorussia as the Russian ethnic groups, not united into a political nation. The most consistent and staunch fighters against the "Ukrainians" was Kiev residents A.I. Savenko and V.V. Shulgin. Despite the rather harsh assessment of the emerging "Ukrainians", representatives of the conservative camp did not allow themselves pejorative judgments at the inhabitants of Russia Minor. Among the Russian conservatives were quite a few people who both believed to be children of the Great Russia and Russia Minor, but they perceived «Ukrainian idea» as a chimera. It was imposed to people by anti-Russian part of the local intelligentsia. Russian conservatives have not seen in the emergence of "Ukrainians" any historical validity. They interpreted this as a political project, aimed at the division of a single nation, and the state territory, favorable to geopolitical rivals of Russia.

Keywords: Russian conservatism, Ukrainian nationalism, Ukraine, Ukrainophilism, M.N. Katkov, V.Y. Shulgin, V.V. Shulgin, V.M. Purishkevich, A.I. Savenko, T.V. Lokot'.

1. Введение

Русские пореформенные консерваторы традиционно видели своих врагов в либералах, революционерах и внешних противниках России. Украинский национализм, зарождавшийся в середине XIX века, поначалу не воспринимался русскими консерваторами в качестве серьезной угрозы. Однако постепенно отношение к нему проделало эволюцию – от насмешек над причудами небольшого кружка провинциальной интеллигенции к осознанию грозящей перспективы раскола не только территориального, но и исторического единства русского народа.

2. Материалы и методы

В методологическом плане работа опирается на принципы историзма и объективности. При проведении исследования применялись традиционные в российской историографии сравнительно-исторический, историко-типологический методы. В частности, сравнительно-

* Corresponding author

E-mail addresses: andrey.a.ivanov@spbu.ru (A.A. Ivanov), a.kotov@spbu.ru (A.E. Kotov), d.yanchenko@spbu.ru (D.G. Yanchenko), d.ovsiannikov@spbu.ru (D.V. Ovsjannikov)

исторический метод позволил проанализировать изучаемые процессы в их взаимосвязи и противоречивости. Мы можем сопоставить разные точки зрения на популярную ныне тему. В исследовании применены историко-описательный и политико-описательный методы. Они обеспечивают сопоставление концепций дореволюционных авторов, писавших об «украинском вопросе». Это публицисты и политики консервативного толка: М.Н. Катков, И.С. Аксаков, М.Ф. Де-Пуле, В.Я. и В.В. Шульгины, Л.А. Тихомиров, В.М. Пуришкевич и др. В источниковедческом плане особый акцент сделан на изучении важного свидетельства ушедшей эпохи, периодической печати – газет «Московские ведомости» и «Киевлянин». Анализ современной отечественной историографии по теме исследования подтверждает, что представленные в статье вопросы по-прежнему актуальны в научной литературе и нуждаются в дополнительном изучении.

3. Обсуждение

Главным критиком «украинофильства» во второй половине XIX в. был известный публицист, редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков. Состоявшееся в 1840–1860-х гг. «начало модерного украинского национализма» (Миллер, 2000: 227) пореформенным обществом воспринималось как причудливое и во многом симпатичное ответвление славянофильского народничества. Вплоть до польского восстания 1863 г. М.Н. Катков также относился к «украинофильству» достаточно спокойно – как к идее «безвредной по своей несостоятельности».

К полемике с немногочисленным тогда украинофильским кружком Катков обращается в переломные 1860-е. Идея украинской самостоятельности (пока только культурной, выражавшейся в требовании журналом «Основа» открытия государственных народных школ на украинском языке) представлялась Каткову абсурдной и не слишком опасной сама по себе – она могла стать «положительно вредною [...] только как примесь к чему-либо другому, как готовое пособие для каких-нибудь более практических доктрин, как готовое оружие для какой-нибудь более серьезной пропаганды» (Московские ведомости. 1863. №136. 21 июня). Свою борьбу против «украинофильства» редактор сравнивал с поведением моряка, «который, заметив на небе черное пятнышко, принимает меры против бури» – в противоположность тому, «который начинает убирать парус, когда уже налетел шквал» (Московские ведомости. 1864. №31. 6 февраля). В сферу политического это «пятнышко» переводили два фактора – польский и «петербургский»: «Земских корней это призрачное явление не имеет. Занесенное на берега Днепра с берегов Невы и Вислы, оно всем своим значением обязано этой встрече, [...] неожиданной, но повторявшейся и при других случаях, а потому заслуживающем самого серьезного внимания» (Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября).

Большинство украинофилов, по мнению Каткова, «не отдают себе отчета в своих стремлениях» и «служат орудием самой враждебной и темной интриги», «покорным орудием заклятых врагов своей Украины», – т.е. польских мятежников: «Самые фанатические из польских агитаторов ожидают рано или поздно особенной пользы своему делу от украинофильства, и поддерживают его всеми способами, разумеется, прикрывая себя разными масками». Одной из таких «масок» было отрицание существования русских – впервые, как видим, высказанное польскими националистами: «Ставя вопрос о существовании русского народа, чего лучшего могут ожидать польские фанатики как не разложения в собственных недрах русского народа» (Московские ведомости. 1863. №136. 21 июня). Предвосхищая современных критиков примордиализма, «польские публицисты с бесстыдной наглостью доказывали, что русская народность есть призрак», а «народ *российский*» «не имеет и не может иметь никакой национальности, потому де, что создан не историей, а указом императрицы Екатерины II, переименовавшей монголов в русских» (Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября). Другой «маской», прикрывающей «заветные и вместе злостные стремления этой язвы» была попытка представить украинофильство как противовес польскому влиянию – на что «Московские ведомости» возражали: «Немцы не развивали в Шлезвиге особого наречия, чтобы противодействовать там датскому влиянию» (Московские ведомости. 1866. №98. 7 мая).

Однако и «блудливая рука» «польской интриги», и сами нигилисты не были для Каткова главной угрозой – т.к. польский вопрос «отражает в себе как в верном зеркале все слабые стороны России». Украинское крестьянство представлялось ему вполне лояльным, поэтому «надежды поляков» были связаны с теми русскими, «которые больше расположены к космополитизму, чем юго-западный русский народ»: «Эти элементы пригодны на всё, что может вредить русскому национальному делу; всякая пригрезившаяся мечта, всякое детское опасение способны увлекать эти элементы сильнее, чем не существующий для них интерес национального дела. Люди, которые очень могли бы действовать с пользой, становятся в политическом отношении совершенно беспомощными, когда не имеют в себе живого чувства своей национальности [...] Из этих вечно колеблющихся, беспомощных и безразличных элементов могут возникать самые противоположные явления. Из них, между прочим, возникло и в них нашло сочувствие себе украинофильство», которое «пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями» (Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября).

Отрицая теорию «двух русских народов», «малороссийское наречие» Катков считал диалектом русского: «... В Германии что ни местность, то особенное наречие, и до такой степени особенное, что человек, отлично знающий по-немецки, не поймет ни слова в том местном говоре. Во Франции то же

самое и то же самое в Англии. Во всех этих странах, при могуществе общей всем цивилизации и литературного языка, существуют резкие народные особенности [...], которые гораздо более разнятся между собою, чем даже языки русский и польский» ([Московские ведомости. 1866. №12. 15 февраля](#)).

«Две русские народности и два русских языка» представлялись Каткову столь же невозможными, как «две французские народности и два французских языка». «Идея о “двух народностях русских”, – говорилось в другой передовице «Московских ведомостей», – пущена в ход отнюдь не нами. Мы никогда не хотели знать никаких великоруссов и южноруссов; их выдумали именно те, против которых мы вооружаемся; для нас же это не более, как географический термин. Мы желали бы знать только русских, дорожащих единством и процветанием России» ([Московские ведомости. 1864. №168. 30 июля](#)).

Русский язык Катков принципиально отказывается именовать «великороссийским», т.к. это «язык не племенной, а исторический... в его образовании столько же участвовала северная Русь, сколько и южная, и последняя даже более» ([Московские ведомости. 1863. №136. 21 июня](#)).

Идея преподавания в народных школах на «народном наречии» не без оснований виделась Каткову антидемократической, закрывающей для крестьянства еще один социальный лифт: «в Белоруссии [...] были случаи, когда крестьяне не хотели, чтобы их детей учили по-белорусски, желали, чтобы их учили *царскому языку*: иначе, говорили они, мы будем всегда в черном теле [...] Итак, держать сельчан в черном теле и сделать для них чуждым язык верховной власти, этого ли желают петербургские украинофилы?» ([Московские ведомости. 1866. №98. 7 мая](#)).

Тезис об антидемократическом характере украинофильства позднее развивал в своих статьях один из сподвижников М.Н. Каткова – М.Ф. Де-Пуле. Он расценивал преподавание украинского языка в школах (напомним, именно это было главным требованием первых украинофилов) как меру, изолирующую малороссийское простонародье от социального прогресса: «В настоящую пору распространение нашего государственного языка (литературного и образованного) идет с поразительной быстротой. Даже такая крепкая племенная индивидуальность как еврейская, в лице своего учащегося молодого поколения, начинает забывать свой жаргон, и это не в Одессе одной, а даже в таких городах, как Вильна. [...] И вдруг украинофилы со своими запоздалыми требованиями [...] Народность сама ассимилируется, сама бежит навстречу слиянию с общемою матерью-родиной, а вы говорите о жестокости, о насилии!.. Не с той ли стороны, напротив, идет насилие, которая становится поперек этому историческому движению и старается поставить ему преграды» ([Де-Пуле, 1881: 230-231](#)).

Однако источником этого насилия, по его мнению, была не любимая Катковым «польская интрига»: «Украинофильство, даже самое простое и чистое, есть явление не органическое, а искусственное, вызванное прихотью людей образованных, литературным дилетантизмом» ([Де-Пуле, 1881: 214](#)). «Прихоть» эта была закономерной болезнью роста. Перенасыщенность русской литературы талантами, по мнению Де-Пуле, вела к тому, что второстепенные литераторы искали альтернативное поле для самореализации: «Когда завершилось создание общего русского литературного языка, когда в этом направлении дела стало меньше, а результаты трудов стали обещать блестящие успехи только для крупных дарований: тогда начало появляться в разных местах украинофильство, писательство на малороссийском языке, положившее начало его литературной обработке» ([Де-Пуле, 1881: 216](#)).

Полемика с украинофильским кружком и его петербургскими апологетами не вела ни Каткова, ни его единомышленников к украинофобии как таковой: «Нет, мы любим Украину, – любим как часть нашего отечества, как живую и дорогую часть нашего народа, как часть нас самих, и потому-то нам так ненавистна всякая попытка внести чувство *моего* и *твоего* в отношении Украины и России [...] Мы любим Украину, своеобычный характер ее детей, поэзию ее преданий и мелодий; ее напевы так же близки и родственны нам, как и песни, оглашающие Волгу. Мы весьма далеки от того, чтобы осуждать тех украинцев, которые пристрастны к своей родине. Le patriotisme du clocher есть весьма почтенное чувство, но оно не должно исключать патриотизма более широкого; интересы *родины* не следует противопоставлять интересам *отечества*» ([Московские ведомости. 1864. №31. 6 февраля](#)).

Сам Катков оценивал эффективность своей пропаганды достаточно высоко: «украинофильская агитация прекратилась; в 1864 году о ней уже не было помину, а в 1865 году начали ее стыдиться даже те, кто ею увлекался [...] Шаловливая рука, дергавшая ниточками, спряталась, и агитация, вызванная этою работою, исчезла как марево, в украинских степях. Все успокоилось и занялось лучшим делом в пользу общую» ([Московские ведомости. 1866. №12. 15 января](#)). В XX веке стало очевидно, что редактор «Московских ведомостей» ошибался: тот «призрак», с которым он боролся, обрел плоть и кровь. Впрочем, и в 1860-е гг. не все русские консервативные националисты разделяли катковские воззрения.

И.С. Аксаков, «не постигавший» «полноты русского развития без Малороссии», был убежден, что «у нас не было бы “Мертвых душ”», если бы Костомаров или Кулиш «наложили бы на него [Гоголя] пути племенного эгоизма и сузили бы его горизонт кругозором одного племени» ([Аксаков, 2016: 60-61](#)). «Племенному эгоизму» украинских националистов публицист противопоставлял идею «всерусского народа». При этом он отрицал «всякую репрессивную меру» по отношению к украинским националистам и подчеркивал свою готовность к свободной дискуссии с ними:

«Моя филокацапская газета охотно поместит на своих столбцах всякое печатное [...] возражение против наших москальских теорий» (Аксаков, 2016: 65).

Своеобразным и во многом отличавшимся от катковского был взгляд на украинский вопрос одной из важнейших провинциальных газет катковского направления – основанного В.Я. Шульгиным «Киевлянина». Если Катков решительно отвергал концепцию «трех русских народов» (Котов, 2014: 6-12), то Шульгин скорее склонялся именно к ней: «редакция смотрит на взаимные отношения великоруссов, малоруссов и белоруссов не с узко-великорусской точки зрения, не с хохломанольвовской и не с шляхетско-польской: она смотрит на эти три местные группы как на три родные отрасли, как на три проявления одного русского народа. Их скрепляет воедино не одна внешняя государственная связь, союз идет глубже: он проникает в соки и кровь организма единоверного, единоплеменного, единопольского, – он сложился историею, и не разорвать его никаким кабинетным теоретикам и непризванным областным патриотам» (Киевлянин. 1864. №1. 1 июля).

Шульгин осторожно намекал на чрезмерность катковской критики украинского движения, сочувственно цитируя в своей передовице письмо одного из читателей: «нам кажется странным то значение, которое многие, [...] приписывают кажущимся сепаративным стремлениям в этом отношении. Мы позволяем себе думать, что такого значения далеко не приписывали, в особенности в начале, сами себе люди, подавшие инициативу к сепаратизму. Их поставила на ходули серьезная борьба, начатая противу них [...] Вся опасность украинофильского учения, по нашему мнению, заключается в том, чтобы этим оружием не пользовались поляки для удовлетворения своим тенденциям. Что же касается до чистого, так сказать, кровного украинофильства, то мы думаем, что отнюдь не следует смотреть в увеличительное стекло на микроскопические успехи этого учения на поле так называемой малороссийской народности. Предоставьте только этот элемент самодействию и сами не помогайте ему, и вы увидите, что все останется по-прежнему» (Киевлянин. 1864. №6. 13 июля). В одной из последующих передовиц редактор добавлял об этом последнем направлении: «Цель наша – снять с южнорусского народа клеймо позора, которое многие господа кладут на него, называя этих деятелей хохломанами, малороссофилами, украинофилами» (Киевлянин. 1864. №9. 21 июля).

Вскоре Шульгин вступил даже в полемику по украинскому вопросу с «Московскими ведомостями» – разумеется, соблюдая при этом все необходимые в обращении с М.Н. Катковым требования «техники безопасности». Публицист начал с того, что «“Московские ведомости” смотрят на польский вопрос с русской государственной точки зрения, мы смотрим на него с местной народной, следовательно также русской точки зрения – а та и другая очень близко соприкасаются между собою [...] Воззрения “Московских ведомостей” [...] – воззрения, вытекающие из трезвого понимания действительности и долженствующие рано или поздно восторжествовать вопреки господствующим в данную минуту в обществе направлениям. Но “Московские ведомости”, усвоив себе относительно польского вопроса взгляд, по нашему мнению трезвый, и потому нами разделяемый, весьма удобно могут к другим касающимся нас вопросам относиться совершенно иначе и встречать в нашей газете по этим вопросам более или менее резкое противоречие». Далее редакция «Киевлянина» утверждала, что в «вопросе о хлопоманстве» «мы никогда не сближались с московскою газетою [...] мы считали хлопоманство невинною игрою университетской молодежи, игрою, которой поспешила придать опасное значение польская интрига» (Киевлянин. 1866. №44. 14 апреля).

Сделаться единомышленником П.А. Кулиша и Н.И. Костомарова старший Шульгин, конечно же, не мог. Он активно полемизировал с «Санкт-Петербургскими ведомостями», поддержавшими главное требование тогдашних украинофилов – открытие народных школ на украинском языке. Подчеркнув своё единомыслие с автором, он поместил в «Киевлянине» статью М.В. Юзефовича на эту тему. В ней публицист задавался вопросом, для чего нужна простому народу грамотность, и сам же отвечал: «Конечно, в ближайшем результате, для усвоения самых простых нравственно-религиозных понятий и для практического обихода жизни, а затем, для открытия пути выделяющимся из него способным единицам к дальнейшему умственному развитию». Для первой цели в России уже имелся церковнославянский, для прочих имелся «общерусский». Юзефович, таким образом, предвосхищал позднее прозвучавшие на страницах «Русского вестника» тезисы М.Ф. Де-Пуле: «Для всех жизненных потребностей, народу нашему, прежде всего, необходимо непосредственное знание этого русского языка. А к каким бы результатам пришел народ, заключивши свое первоначальное образование в местную речь? – Прежде всего, он остался бы при неспособности самолично действовать во всех отправлениях гражданской жизни [...] и это в то время, когда он призывается к непосредственному представительству своих земских интересов и к участию в судопроизводстве! – Вторым результатом была бы совершенная неспособность, то значительное затруднение продолжать учение в следующих за народной школой училищах [...] Не послужила ли бы, таким образом, местная речь задержкою для народа в его дальнейшем развитии?» При этом публицист с редактором вполне сходились друг с другом и расходились с М.Н. Катковым по вопросу «о так называемой малороссийской литературе: очень и очень желательно отстранить от нее всякое стеснение и вполне предоставить ее своей судьбе [...] Было бы смешно думать, что эта десятифунтовая

литература может взять верх над тысячелетней литературой, наполняющей все наши библиотеки и архивы» (Киевлянин. 1866. №48. 23 апреля).

Позже Шульгин будет утверждать, что «украинофильство, так же, как и славянофильство, есть справедливое в основе, но крайнее в формах и извращенное многими до безобразия стремление к усвоению и изучению народного духа [...] Мы не скрывали смешных и диких сторон украинофильства [...] Но в то же время мы указывали на то, что возвели украинофильство в чин политического вопроса поляки» (Киевлянин. 1867. №58. 1 июня). Несколько лет спустя «Киевлянин» сравнит украинское движение с «шалостями взрослых детей» (Киевлянин. 1874. №97. 7 сентября) и даже делает в его адрес ряд реверансов: «Нужно отдать справедливость украинофильству: имело оно много недостатков, но в нем, т.е. в лучшей сознательной его части, была и положительная сторона: представители его, ближе и непосредственно знакомые с ролью и характером полонизма в западной России, никогда не переставали указывать остальному русскому обществу на этот характер и на эту роль» (Киевлянин. 1872. №7. 15 января).

Украинский вопрос затрагивался и в публицистике П.А. Кулаковского. Наиболее последовательно свои взгляды он изложил в своей записке к С.Д. Сазонову по поводу сделанного в 1910 г. австрийским посольством предложения приравнять украинскую (точнее, «русинскую») литературу к иностранной. Смешивая русинский язык с украинским, Кулаковский повторяет практически все катковские аргументы относительно недопустимости выделять из «множества русских наречий» «малороссийское»: «Если бы допустить мысль, что этот язык и эта словесность составляют нечто особое, то логически необходимо было бы допустить существование особого белорусского языка, оправдать польскую попытку в 1907 г. создать для населения части будущей Холмской губернии особый “полещукский” язык, допустить возможность возникновения “севернорусского” языка и литературы для Вологодской и Архангельской губ., особого Сибирского языка и т.д. Тогда бы оказалось, что собственно русского языка, литературы, и даже такого народа не существует». К этим аргументам Кулаковский добавляет и попытку «австрийской политики» «придумать «боснийский» язык» – который, впрочем, «не лишился своей природы и остался тем же, что и был – разнородностью сербо-хорватского». Однако уверенность в бесперспективности «украинофильской» деятельности не мешает ему отрицать возможность «самой малой уступки австро-венгерским требованиям» (ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. хр. 46. Л. 30б. - 4).

Л.А. Тихомиров также касался в своих трудах «украинства», которое именовал не иначе как «гнилой болячкой на теле русского народа» (Тихомиров, 2016: 265). Такое резкое суждение известного консервативного теоретика объяснялось тем, что «украинство» он расценивал как идею совершенно искусственную и гибельную, как для великороссов, так и для малороссов, ибо «фантазия сочинять “украинскую мову” и национальность – это есть фантазия самоубийства» (Тихомиров, 2016: 269). Еще более резок в своих оценках «мазепинства», как в начале XX в. стали называть украинский сепаратизм, ведущий публицист «Нового времени» М.О. Меньшиков, считавший насадителей враждебного России «самостийного украинства» «преступной партией», движимой «воспаленной ненавистью к России» (Меньшиков, 2016: 332).

Не обошел своим вниманием «украинский вопрос» и известный правый политик В.М. Пуришкевич, чьи предки по отцовской линии причисляли себя к малороссийской народности. Однако «мазепинства» он категорически не принимал. Имевший историко-филологическое образование Пуришкевич, обращаясь к властям, предупреждал, что малороссийское литературное движение, первоначально претендовавшие лишь на развитие украинской культуры, стало вырождаться в политическое явление сепаратистского толка. Протестуя против попыток некоторых местных деятелей доказать принципиальное отличие украинцев от «москалей», Пуришкевич, подвергнув анализу морфологические и фонетические особенности великорусского и малорусского языка, обосновывал принадлежность их к «единой лингвистической группе», считая украинский язык лишь вульгарным наречием языка русского. Исходя из этого, он приходил к заключению, что «способствовать развитию особой простонародной литературы на украинском наречии значило бы положить прочное основание к развитию убеждения в возможность осуществления в будущем отчуждения Украины от России». «Украина, средняя Россия и Россия западная, населенная белорусами, силою исторических событий и естественного тяготения окраин к соплеменному им великорусскому центру составляет одно неразрывное и единое тело, а потому поощрять или хотя бы только равнодушно относиться к попыткам известной политической группы берущей на себя смелость быть представительницею, якобы только духовных интересов Украины, но способной сеять в ней лишь рознь и смуту, было бы величайшей политической неосторожностью. И правительство и Гос. Дума должны твердо усвоить себе эту точку зрения», – предостерегал политик (Пуришкевич, 1910: 9). Д.В. Скрынченко соглашался с этим взглядом. Публицист не видел необходимости обучать в школах детей малороссов на их «мове», он характеризовал её как «домашнее просторечие». «Кому нужно было такое обучение? не кучке ли типов, которые, под невинной вывеской “культурного самоопределения”, прививали народу изменнические, мазепинские традиции?» – задавался риторическими вопросами Скрынченко (Скрынченко, 2009: 34-35). А правый публицист Д.Д. Муретов, также отказывавшийся признавать малороссов отдельной от русских народностью, заявлял: «Кто говорит, что народным языком Малороссии является украинский язык, тот отрицает

национальное значение для нее языка русского. Кто говорит: национальная литература Малороссии есть литература на украинском языке, тот отнимает у малороссов право считать Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого своими писателями; тогда история Великой России не есть родная история для малороссов, предания мужества и самоотвержения, создавших величайшее в мире государство, – уже не родные для Малороссии предания» (Муретов, 2015: 187). При этом, Муретов метко подмечал, что в отличие от национализмов «великих», «малый» украинский национализм, «возводящий ничтожные отличия в степень особого национального сознания», строится не на положительном, а на отрицательном принципе – на противопоставлении себя русскому народу. «В таком противополжении, – заключал публицист, – всякий малоросс должен будет отказаться, как не от своего, от самого ценного своего. А то, что остается у него своего, это – жалкие обрывки, не дающие ничего цельного», так как «ни русского из малорусского, ни малорусского из русского исключить нельзя». Это наблюдение подводило к выводу, что «украинский национализм должен замкнуться в мелочь, стать провинциализмом, внести в жизнь узость и слепоту сектанта» (Муретов, 2015: 188).

Но были в консервативном лагере и иные взгляды на украинскую проблематику. Профессор Т.И. Локоть (в прошлом трудовик, а затем приверженец «государственного национализма» и самодержавной монархии), рассматривал великороссов, малороссов и белорусов как этнографические группы, исторически составляющие русскую народность, но еще не объединенные в единую русскую политическую (государственную) нацию. В связи с этим, отмечал профессор, существует реальная почва для украинского национализма, поскольку «20-миллионное малорусское племя все же говорит своим особым наречием, достаточно отличным от литературного русского языка» и имеет ряд отличий от великорусской и белорусской ветвей русского народа (нравы, обычаи, народное творчество), уничтожать которые «искусственными, а тем более насильственными мерами, было бы во всяком случае бесполезно, а с точки зрения оригинальности и продуктивности творчества – даже вредно» (Чемакин, 2015: 257). По его мнению, осознание великороссами и малороссами общих экономических интересов в крае будет способствовать объединению их в единую политическую русскую нацию. При этом Локоть не закрывал глаза на явные признаки сепаратизма в украинских «просвитах», но полагал, что чисто интеллигентские организации в своем стремлении создать обособленный украинский народ успеха иметь не будут, «ввиду полного нерасположения народных масс к какому бы то ни было сепаратизму». «... Опасности в украинофильстве нет никакой, это национализм романтический, этнографический. Ассимиляция малороссов с великороссами идет неудержимо и непрерывно», – писал Т.В. Локоть (Чемакин, 2015: 260). Как справедливо отмечает современный исследователь, «Локоть советовал не преследовать украинские организации, а постепенно менять их характер», направляя обостренное национальное чувство на развитие сознания государственного единства. И тогда, заключал Локоть, «малорусские националисты станут союзниками общерусских националистов на почве единой государственности!» (Чемакин, 2015: 259). Такая точка зрения была для правого лагеря не типичной и вызывала шквал критики.

В годы Первой Мировой войны «украинская тема» обрела в публицистике русских консерваторов второе дыхание. Учитывая появление в составе австро-венгерской армии добровольческих частей из украинских националистов, русские правые стали относиться к «украинству» еще жестче, видя в его развитии стремление Германии и Австро-Венгрии при помощи «мазепинцев» отколоть от Российской империи малороссийские земли. При этом предпринималась попытка провести водораздел между «малороссами» и «украинцами»: первые объявлялись «чисто русскими людьми», а вторые, в лучшем случае – «шутами гороховыми», а в худшем – врагами русского дела. В статье «Война и “украинцы”» Д.В. Скрынченко восклицал: «[Мазепинство] должно теперь безвозвратно умереть, а если оно не захочет умереть, то его надо беспощадно задушить. И, думается мне, его заглушат, прежде всего, сами малороссы, потому что они – чисто русские люди и ничего общего с “украинством” не имеют» (Скрынченко, 2009: 41-42). А в постановлении Петроградского монархического совещания, состоявшегося в ноябре 1915 г. был даже отдельный пункт, в котором отмечалось, что российские либералы «под видом “восстановления малорусской печати” и освобождения арестованных в Галиции украиноманов», требуют от правительства «прекращения борьбы с мазепинством, – политическим движением, крайне опасным для целостности Русского государства, всецело созданным субсидируемым и руководимым Австро-Германией» (Совещание монархистов, 2015: 30).

Опасения русских правых стали стремительно воплощаться в жизнь во время революции и Гражданской войны. Стремительный рост украинского национализма, возникновение Украинской народной республики, а затем «незалежной» Украинской державы заставили представителей русских национально-консервативных кругов отвечать на эти вызовы.

Причем, что характерно, наиболее последовательными и убежденными борцами с «украинством» оказались киевляне А.И. Савенко и В.В. Шульгин, бывшие до революции лидерами партии русских националистов – Всероссийского национального союза. Во время Гражданской войны они демонстративно отказались от украинского подданства. В брошюре с говорящим названием «Украинцы или малороссы?» Савенко, выступая противником существования независимого от России украинского государства, стремился доказать, что «украинство» есть порождение исключительно политиканствующих сепаратистов, в то время как малороссийские народные массы

пока еще не отделяют себя от общерусского племени. «Научный спор по вопросу о том, существует ли особый украинский народ, является решенным в отрицательном смысле, – утверждал Савенко. – Множеством авторитетнейших ученых исследований в области антропологии, археологии, истории, лингвистики и т.д. установлено и неопровержимо доказано единство русского народа, который распадается на три ветви – великорусскую, малорусскую и белорусскую, отличающиеся одна от другой лишь незначительными, второстепенными различиями. [...] Профессор И.А. Сикорский по этому поводу говорит, что данные антропологии отвергают существование “украинцев” “как на земле, так и под землей”, т.е. как среди живых представителей Южной России, так и среди населения кладбищ и древних могил» (Савенко, 1919: 4-5). При этом Савенко готов был (по крайней мере, на словах) признать существование особого украинского народа, но только при условии такого его самоопределения населения Малороссии, а не ее политической верхушки. На данный же момент, констатировал политик, «мы наталкиваемся на изумительное обстоятельство, коренное население Малой Руси [...] всегда и неизменно определяло себя русским народом...» (Савенко, 1919: 6). Термин же «украинцы», продолжал Савенко, всегда имел не национальное, а «провинциально-территориальное» значение. Вывод правого политика был категоричен: «украинство», отказывающиеся от общерусского родства, является «не нацией, а политической партией» (Савенко, 1919: 30).

В том же ключе рассуждал и В.В. Шульгин, для которого, как и для Савенко, «украинство» было лишь «политической сектой» (Репников, 2015: 32), его пропагандисты – «маньяками раскола» и «иудами-предателями» (Шульгин, 2015: 213, 223), а словосочетание «украинский народ» казалось бессмыслицей, ибо, по его мнению, означало «людей, обитающих на границах» (Шульгин, 2015: 179). Выступая 14 августа 1917 г. на Государственном совещании, Шульгин констатировал, что «культурный класс южной Руси, интеллигенция, давным-давно ведет между собою спор, причем часть этой интеллигенции определенно называет себя “малороссами” и оскорбляется, когда их называют “украинцами”, а другая часть определенно называет себя “украинцами” и ненавидит “малороссов”». Принципиальную разницу между этими двумя понятиями политик видел в следующем: малороссы «дорожат своим русским именем», осознают «вековые и настоящие интересы своего края», украинцы же «стараются елико возможно ограничиться от русского имени» (Шульгин, 2015: 137-138). Издаваемый Шульгиным «Киевлянин» в ноябре 1917 г. в связи с этим иронизировал: «С самоопределением народностей в нашем украинском государстве выходят некоторые неудобства, если не сказать странности. Принадлежность к тому или другому народу до сих пор обычно рассматривалась под знаком кровного родства. Например, если у человека отец и мать французы, то он никак не осмеливался назвать себя немцем, и наоборот. Но вот на Украине вышло как-то по-иному. Здесь люди забыли связь кровного единства.

Уже давно замечено странное явление:

1) Михаил Сергеевич Грушевский – ярый украинец, можно сказать – глава украинства. А Сергей Григорьевич Грушевский, его родственник (дальний) – убежденный русский.

2) Василий Витальевич Шульгин – убежденный русский. А Александр Яковлевич Шульгин, его племянник (двоюродный) – щирый украинец (один из “секретарей” украинского правительства)» (Чемакин, 2015: 257).

«Украинская идея, т.е. утверждение, что южнорусский народ – не русский, долго не выдержит, ибо оно лживо и рассчитано на невежество», полагал Шульгин, отмечая при этом, что «“особенности” южно- и северно-русские, подновленные годами разделения, останутся» (Репников, 2015: 32). Создание независимого украинского государства Шульгин воспринимал как «дезертирство» Малой Руси и с горечью заявлял: «Нам тяжело будет, если Киев из матери городов русских станет рассадником украинского отщепенства» (Шульгин, 2015: 125). По мнению Шульгина, для создания особого украинского государства не было ни исторической основы, ни насущных жизненных обстоятельств, за исключением амбиций политиканов и интересов Польши, Германии, Австрии. «... Просмотрев всю историю Малороссии, мы убеждаемся, что никогда, ни в какую эпоху Украинской державы не существовало. Земли же, которые ныне зачисляются во вновь сфабрикованную Украинскую державу, всегда и неизменно считали себя русскими, причем в более древний период назывались просто Русью, а в позднейший – Малой Русью. Это, впрочем, вполне понятно. Слово “Украина” означает то, что находится “у края”, т.е. оно равносильно слову “окраина”. Независимое государство не может быть окраиной», – заключал В.В. Шульгин. Позднее, в эмиграции, эти мысли были развиты им в широко известной брошюре «Украинствующие и мы!» (Шульгин, 1939). В ней же объявлялся и окончательный приговор «украинству»: «Оно было изобретено поляками (граф Ян Потоцкий); поставлено на ноги австро-немцами (“Украину сделал я!” – заявление генерала Гофмана); но консолидировано оно большевиками, которые вот уже 20 лет без просыпа украинствуют (конституция Сталина 1937 г.)» (Шульгин, 2015: 233).

Кроме того, русских националистов малороссийского происхождения (В.В. Шульгин, А.И. Савенко, В.Я. Демченко, С.Г. Грушевский), выступавших за единое общерусское государство, украинский национализм определенно не устраивал еще и в силу своей местечковости и провинциальности. По их мнению, это было недостойно Киева как исторической столицы всей Руси,

опережавшего и Москву, и Петербург в плане развитости русского национального самосознания (Чемакин, 2016: 62).

4. Заключение

Борьба русских консерваторов с проявлениями украинского национализма, «самостийности» и «незалежности», на протяжении всего рассматриваемого периода была далека от проявлений радикализма и ксенофобии. Несмотря на довольно резкие оценки нарождавшегося «украинства», представители общерусского консервативного лагеря никогда не позволяли себе уничижительных суждений по адресу жителей Малороссии. И связано это было не только с тем, что среди русских консерваторов было немало тех, кто одновременно считал себя детьми Великой и Малой Руси, но и с тем, что «украинская идея» воспринималась ими как химера, навязываемая антироссийски настроенной частью местной интеллигенции малороссийскому простонародью. Русские консерваторы не видели в появлении «украинства» ни исторической обоснованности, ни естественной потребности, а потому вынуждены были трактовать это явление, прежде всего, как политический проект, нацеленный на разделение единого народа и государственной территории, выгодный лишь геополитическим противникам Российского государства.

5. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке НИР СПбГУ «Кризис идентичности на постсоветском пространстве в зеркале конфликта», шифр ИАС НИД СПбГУ «5.38.279.2014».

Литература

- Аксаков, 2016 – Аксаков И.С. Письмо к Н.И. Костомарову о Малороссии // Украинский вопрос в русской патриотической мысли. М.: Книжный мир, 2016. 800 с. С. 58-65.
- Де-Пуле, 1881 – Де-Пуле М.Ф. К истории украинофильства // Русский вестник. 1881. №4. С. 210-234.
- Киевлянин. 1864. №1 – Киевлянин. 1864. №1. 1 июля.
- Киевлянин. 1864. №6 – Киевлянин. 1864. №6. 13 июля.
- Киевлянин. 1864. №9 – Киевлянин. 1864. №9. 21 июля.
- Киевлянин. 1866. №44 – Киевлянин. 1866. №44. 14 апреля.
- Киевлянин. 1866. №48 – Киевлянин. 1866. №48. 23 апреля.
- Киевлянин. 1867. №58 – Киевлянин. 1867. №58. 1 июня.
- Киевлянин. 1872. №7 – Киевлянин. 1872. №7. 15 января.
- Киевлянин. 1874. №97 – Киевлянин. 1874. №97. 7 сентября.
- Котов, 2014 – Котов А.Э. Украинский вопрос в политической публицистике «катковского направления» // Клио. 2014. №11. С. 6-12.
- Меньшиков, 2016 – Меньшиков М.О. Быть ли России Великой? // Украинский вопрос в русской патриотической мысли / Сост., предисл., послесловие и прим. А.Ю. Минакова. М.: Книжный мир, 2016. 800 с. С. 332-341.
- Миллер, 2000 – Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.
- Московские ведомости. 1863. №136 – Московские ведомости. 1863. №136. 21 июня.
- Московские ведомости. 1864. №31 – Московские ведомости. 1864. №31. 6 февраля.
- Московские ведомости. 1864. №193 – Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября.
- Московские ведомости. 1864. №168 – Московские ведомости. 1864. №168. 30 июля.
- Московские ведомости. 1866. №98 – Московские ведомости. 1866. №98. 7 мая.
- Московские ведомости. 1866. №12 – Московские ведомости. 1866. №12. 15 февраля.
- Муретов, 2015 – Муретов Д. Этюды о национализме // Национализм. Полемика 1909–1917 / Сост. М. А. Колеров. 2 изд. М.: Модест Колеров, 2015. 304 с. С. 179-190.
- ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы.
- Пуришкевич, 1910 – Пуришкевич В.М. Растаскивание России. Самоопределяющаяся украинская интеллигенция // Прямой путь. 1910. 20 января. С. 9-10.
- Репников, 2015 – Репников А.В. Долгая жизнь Василия Шульгина // Шульгин В.В. Россия, Украина, Европа: избранные работы / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. М.: Посев, 2015. 422 с. С. 5-55.
- Скрынченко, 2009 – Скрынченко Д.В. Минувшее и настоящее. Избранная публицистика. Предисл., сост., подг. текста и прим. В.Б. Колмакова. Ч. 2. Воронеж: [Без издательства], 2009. 192 с.
- Совещание монархистов, 1915 – Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М.: Типография градоначальства, 1915. 45 с.
- Савенко, 1919 – Савенко А.И. Украинцы или малороссы? (Национальное самоопределение населения Южной Руси). Ростов-на-Дону: [Без издательства], 1919. 32 с.
- Тихомиров, 2016 – Тихомиров Л.А. Украинцы и малороссы // Украинский вопрос в русской патриотической мысли / Сост. А.Ю. Минаков. М.: Книжный мир, 2016. 800 с. С. 265-269.

[Чемакин, 2016](#) – Чемакин А.А. От русского националиста до «украинизатора» // *Вопросы национализма*. 2016. № 1 (25). С. 51-77.

[Чемакин, 2015](#) – Чемакин А.А. «Чада по духу Мазепы – польской интриги сыны»: украинское движение в оценках русских национал-демократов начала XX в. // *Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 3 (30). С. 51-77.

[Шульгин, 2015](#) – Шульгин В.В. Россия, Украина, Европа: избранные работы / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. М.: Посев, 2015. 422 с.

[Шульгин, 1939](#) – Шульгин В.В. Украинствующие и мы! Белград: Издательство Н.З. Рыбинского. Изд-во Russia Minor, 1939. 32 с.

References

[Aksakov, 2016](#) – *Aksakov I.S.* (2016). Pis'mo k N.I. Kostomarovu o Malorossii [Letter to N. Kostomarov about Russia Minor] // *Ukrainskij vopros v russkoj patrioticheskoj mysli*. [Ukrainian question in Russian patriotic thoughts]. Moscow: Knizhnyj mir, 800 p. pp. 58-65. [In Russian]

[De-Pulet, 1881](#) – *De-Pulet M.F.* (1881). K istorii ukrainofil'stva [On the history of Ukrainophilism]. *Russkij vestnik*. №4. pp. 210-234. [In Russian]

[Kievljanin. 1864. №1](#) – Kievljanin. 1864. №1. 1 July. [In Russian]

[Kievljanin. 1864. №6](#) – Kievljanin. 1864. №6. 13 July. [In Russian]

[Kievljanin. 1864. №9](#) – Kievljanin. 1864. №9. 21 July. [In Russian]

[Kievljanin. 1866. №44](#) – Kievljanin. 1866. №44. 14 April. [In Russian]

[Kievljanin. 1866. №48](#) – Kievljanin. 1866. №48. 23 April. [In Russian]

[Kievljanin. 1867. №58](#) – Kievljanin. 1867. №58. 1 June. [In Russian]

[Kievljanin. 1872. №7](#) – Kievljanin. 1872. №7. 15 January. [In Russian]

[Kievljanin. 1874. №97](#) – Kievljanin. 1874. №97. 7 September. [In Russian]

[Kotov, 2014](#) – *Kotov A.E.* (2014). Ukrainskij vopros v politicheskoj publicistike «katkovskogo napravlenija» [Ukrainian question in political journalism of "Katkov followers"]. *Klio*. №11. pp. 6-12. [In Russian]

[Men'shikov, 2016](#) – *Men'shikov M.O.* (2016). Byt' li Rossii Velikoj? [Will Russia be Great?] // *Ukrainskij vopros v russkoj patrioticheskoj mysli* / Sost., predisl., posleslovie i prim. A.Ju. Minakova. Moscow: Knizhnyj mir, 800 p. pp. 332-341. [In Russian]

[Miller, 2000](#) – *Miller A.I.* (2000). «Ukrainskij vopros» v politike vlastej i russkom obshhestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX v.). ["Ukrainian question" in the policy of the authorities and the Russian public thoughts (the second half of XIXth century.)]. St. Petersburg: Aleteija, 260 p. [In Russian]

[Moskovskie vedomosti. 1863. №136](#) – *Moskovskie vedomosti*. 1863. №136. 21 June. [In Russian]

[Moskovskie vedomosti. 1864. №31](#) – *Moskovskie vedomosti*. 1864. №31. 6 February. [In Russian]

[Moskovskie vedomosti. 1864. №193](#) – *Moskovskie vedomosti*. 1864. №193. 2 September. [In Russian]

[Moskovskie vedomosti. 1864. №168](#) – *Moskovskie vedomosti*. 1864. №168. 30 July. [In Russian]

[Moskovskie vedomosti. 1866. №98](#) – *Moskovskie vedomosti*. 1866. №98. 7 May. [In Russian]

[Moskovskie vedomosti. 1866. №12](#) – *Moskovskie vedomosti*. 1866. №12. 15 February. [In Russian]

[Muretov, 2015](#) – *Muretov D.* (2015). *Jetjudy o nacionalizme* [Studies of nationalism] // *Nacionalizm. Polemika 1909–1917* / Sost. M. A. Kolerov. 2 izd. Moscow: Modest Kolerov. 304 p. pp. 179-190. [In Russian]

[OR IRLI](#) – Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (Pushkin House PR).

[Purishkevich, 1910](#) – *Purishkevich V.M.* (1910). Rastaskivanie Rossii. Samoopredelajushhajasja ukrainskaja intelligencija [Stripping Russia. Self-defined Ukrainian intelligentsia] // *Prjamoj put'*. 20 janvarja. pp. 9-10. [In Russian]

[Repnikov, 2015](#) – *Repnikov A.V.* (2015). Dolgaja zhizn' Vasilija Shul'gina [Long life of Vasily Shulgin] // *Shul'gin V.V. Rossiya, Ukraina, Evropa: izbrannye raboty* / sost., avt. vstup. st. i komment. A.V. Repnikov. Moscow: Posev. 422 p. pp. 5-55. [In Russian]

[Skrynchenko, 2009](#) – *Skrynchenko D.V.* (2009). Minuvshee i nastojashhee. Izbrannaja publicistika. [The past and the present. Selected essays]. Predisl., sost., podg. teksta i prim. V.B. Kolmakova. Ch. 2. Voronezh: [Bez izdatel'stva]. 192 p. [In Russian]

[Soveshhanie monarhistov, 1915](#) – *Soveshhanie monarhistov 21–23 nojabrja 1915 goda v Petrograde*. Postanovlenija i kratkij otchet. [Monarchists Meeting in St. Petersburg. Decisions and summary record. November 21–23, 1915]. Moscow: Tipografija gradonachal'stva, 1915. 45 p. [In Russian]

[Savenko, 1919](#) – *Savenko A.I.* (1919). Ukraincy ili malorossy? (Nacional'noe samoopredelenie naselenija Juzhnoj Rusi). [Ukrainians or people of Russia Minor? (National self-determination of the people of Southern Russia)]. Rostov-na-Donu: [Bez izdatel'stva]. 32 p. [In Russian]

[Tihomirov, 2016](#) – *Tihomirov L.A.* (2016). Ukraincy i malorossy [Ukrainians and peoples of Russia Minor] // *Ukrainskij vopros v russkoj patrioticheskoj mysli* / Sost. A.Ju. Minakov. Moscow: Knizhnyj mir, 800 p. pp. 265-269. (In Russian)

[Chemakin, 2016](#) – *Chemakin A.A.* (2016). Ot russkogo nacionalista do «ukrainizatora» [From Russian nationalist to "ukrainizator"]. *Voprosy nacionalizma*. № 1 (25). pp. 51-77. [In Russian]

Chemakin, 2015 – Chemakin A.A. (2015). «Chada po duhu Mazepy – pol'skoj intrigi syny»: ukrainskoe dvizhenie v ocenках russkikh nacional-demokratov nachala XX v. ["Heirs of the spirit of Mazepa" - the sons of the Polish intrigue": Ukrainian movement in estimates of Russian national democrats beginning of XX century]. *Problemy nacional'noj strategii*. № 3 (30). pp. 51-77. [In Russian]

Shul'gin, 2015 – Shul'gin V.V. (2015). Rossiya, Ukraina, Evropa: izbrannye raboty [Russia, Ukraine and Europe: the best studies] / sost., avt. vstup. st. i komment. A.V. Repnikov. Moscow: Posev, 422 p. [In Russian]

Shul'gin, 1939 – Shul'gin V.V. (1939). Ukrainstvujushhie i my! [Those who pretend to be Ukrainians and we are!]. Belgrad: Izdatel'stvo N.Z. Rybinskogo. Izd-vo Russia Minor. 32 p. [In Russian]

УДК 93

Украинский вопрос в русской консервативной мысли. Конец XIX – начало XX века

Андрей Александрович Иванов ^{a, *}, Александр Эдуардович Котов ^a, Денис Геннадьевич Янченко ^a, Дмитрий Владиславович Овсянников ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Украинский национализм появляется в середине XIX века. Русскими консерваторами он не воспринимался в качестве серьезной угрозы. Отношение к этой проблеме проделало серьезную эволюцию – от насмешек над причудами небольшого кружка провинциальной интеллигенции к осознанию грозящей перспективы раскола территориального и исторического единства русского народа. Редактор «Московских ведомостей», известный публицист М.Н. Катков был главным критиком «украинофильства» во второй половине XIX в. Иначе, но в целом тоже критически, смотрели на это движение М.Ф. Де-Пуле, И.С. Аксаков и основатель «Киевлянина» В.Я. Шульгин. Серьезной критике подвергали украинский национализм правые публицисты того периода: П.А. Кулаковский, Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков, В.М. Пуришкевич, Д.В. Скрынченко, Д.Д. Муретов. На особых позициях стоял националист Т.В. Локоть, рассматривавший великороссов, малороссов и белорусов как этнографические группы русских, не объединенные в политическую нацию. Наиболее последовательными и убежденными борцами с «украинством» оказались киевляне А.И. Савенко и В.В. Шульгин. Несмотря на довольно резкие оценки нарождавшегося «украинства», представители консервативного лагеря не позволяли себе уничижительных суждений по адресу жителей Малороссии. Среди русских консерваторов было немало тех, кто одновременно считал себя детьми Великой и Малой Руси, но «украинская идея» воспринималась ими как химера. Она была навязана антироссийски настроенной частью местной интеллигенции простонародью. Русские консерваторы не видели в появлении «украинства» ни исторической обоснованности. Они трактовали это явление как политический проект, нацеленный на разделение единого народа и государственной территории, выгодный геополитическим противникам России.

Ключевые слова: русский консерватизм, украинский национализм, Украина, украинофильство, М.Н. Катков, В.Я. Шульгин, В.В. Шульгин, В.М. Пуришкевич, А.И. Савенко, Т.В. Локоть.

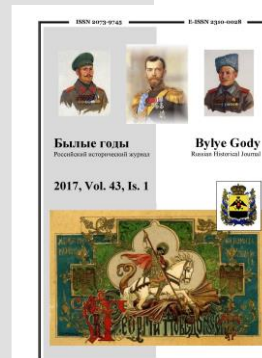
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrey.a.ivanov@spbu.ru (А.А. Иванов), a.kotov@spbu.ru (А.Э. Котов), d.yanchenko@spbu.ru (Д.Г. Янченко), d.ovsiannikov@spbu.ru (Д.В. Овсянников)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 139-144, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.139
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

The Slovak Politics and Society in Austria-Hungary before the First World War

Marek Syrný^{a, *}

^a Matej Bel University, Slovakia

Abstract

This article is an analysis of the conditions in Austria-Hungary, respectively the Kingdom of Hungary, focused at political and social status of Slovakia (Upper Hungary). The political representation of the Slovak citizens (at about 12 % of the citizens of the Kingdom of Hungary) since the beginning of the 20th century went through dynamic transformation. This transformation went into the direction of some kind of deviation from the idea of Slovak autonomy within the Kingdom of Hungary.

The general frame of the description of conditions of the era Austria-Hungary is based on authoritative researches by Slovak, Hungarian and Anglo-Saxon origin. There were used such scientific methods as analysis and synthesis, concretization, generalization while solving the research tasks. In addition, the paper used the historical-situational method, involving the study of historical facts in the context of the period under review in conjunction with the "neighboring" events and facts.

The creation of the own statehood in cooperation with more powerful Czech politics became the new goal of the Slovak politics. This study will emphasize preconditions and development not only within political elites but also within the dimension of public climate of the Slovak part of the Kingdom of Hungary.

Keywords: Slovak national movement, nationalism, political liberalization, Magyarization, Upper Hungary, Austria-Hungary.

1. Introduction

At the beginning of the 20th century the current territory of Slovakia created part of Austria-Hungary. Till the establishment of Czechoslovakia, actually up to the precise defining of its borders in the Treaty of Trianon, Slovakia was not strictly specified.

In the year 1905 approximately 2.85 million inhabitants lived in the territory of present-day Slovakia. Out of them (according to the mother tongue) up to 1.7 million were Slovaks, more than 800,000 Hungarians, up to 200,000 Germans, up to 100,000 Ruthenes and other minor ethnics (the Croats, Romanians, Bulgarians, Serbs...). At that time the Jews were not statistically introduced and mostly they were identified according to the language spoken in the family as the Germans and Hungarians.

So Slovaks represented up to 60 % of all inhabitants of this area. The Kingdom of Hungary had about 18 mil. inhabitants and approximately 1.9 mil Slovaks (*Magyar Statisztikai Közlemények, 1912: 17*) used the Slovak language (including the Slovaks inhabiting so-called "Lower Land", i.e. Hungarian, Romanian or Vojvodina enclaves). The real number of the Slovaks was little bit higher comparing to official statistics affected by a method of collecting information and also significant illiteracy or ignorance of common people. The percentage of Hungarians within the citizens of the Kingdom of Hungary grew from 47 % in 1880 to 55 % in 1910 via the policy of Magyarization (*Holec, 2012: 88*).

Slovaks created approximately 12 % of citizens (*Magyar Statisztikai Közlemények, 1912: 18*) of the Hungarian Kingdom (apart from self-governed Croatia). They were members of Austria-Hungary ruled by the Hungarian nobility and exposed to assimilation tendencies of the modern Kingdom of Hungary. On the

* Corresponding author

E-mail addresses: marek.syrny@umb.sk (Marek Syrný)

one hand, after the Austro-Hungarian Compromise in 1867 economic (and partly also social) modernization and development proceeded but on the other hand, non-Hungarian nationalities suffered national persecution aimed to establish the homogeneous Hungarian state.

2. Materials and methods

The era archive documents (Štátny archív Bratislava – State archive in Bratislava), analysis of the published era documents and era press releases were the main sources of this study.

The general frame of the description of conditions of the era Austria-Hungary is based on authoritative researches by Slovak, Hungarian and Anglo-Saxon origin. There were used such scientific methods as analysis and synthesis, concretization, generalization while solving the research tasks. In addition, the paper used the historical-situational method, involving the study of historical facts in the context of the period under review in conjunction with the "neighboring" events and facts.

3. Discussion and results

The change in social-political mentality of the Slovak elite as well as the ordinary people at the end of the 19th century and beginning of the 20th century became the main issue of the Slovak era history. An insufficient support by the state power of the Kingdom of Hungary and reductions in development of these territories had a negative impact on progress within this part of the kingdom.

How was it possible that in spite of the generally unfavourable environment the idea of Slovak uniqueness became the issue?

How could the nation of just two million citizens, which at the beginning of the 20th century faced the assimilation with Hungarians, influence (via few dozens of intellectuals) the thoughts of the emperor's court in Vienna concerning the monarchy federalisation?

Why did the Slovak politics finally abandon the idea of coexistence within the Austria – Hungary and focused on the own statehood of reciprocity with Czechs?

Why was it that the Slovak politics oriented at the national liberation from the East – the Russian Empire – changed their mind and focused on the liberation from the West – the western powers?

To answer those questions one has to focus not only at the classic and nation-subjective approach of the Slovak or Hungarian historiography or following just the political slope of the development.

To answer those questions we have to search for and sum up the broader historical context of impacts of the social-economical and cultural events of the last pre-war years.

Actually, it was not the Nationality Question what affected Hungarian, eventually Austro-Hungarian politics during the first 20 years of the 20th century, i.e. years before the First World War. Relationships within the monarchy, between its Austrian and Magyar (Hungarian) politics seemed to be the most problematic ones. In spite of the fact that after the Austro-Hungarian Compromise relationships between both dominant representatives of the Empire normalized and got better (the House of Habsburg and the Hungarian nobility) previous Hungarian rebelliousness did not disappear (Romsics, 2002: 17). In the year 1908 celebrations of the 60th anniversary of the accession of Franz Joseph to the throne were held. Although Hungarian representatives did not hide their loyalty and Franz Joseph could have been satisfied with penetration of Austrian influence to the Balkans (Bosnia and Herzegovina) within domestic politics disputes with the Hungarian Kingdom kept breaking out, i.e. relatively intensive fights were held between conservatives and liberals regarding electoral reform, democratization of a society etc. (ŠABA-1)

A brief glance at Slovak national reality before the First World War does not show very nice picture of it. Not so big group of a nationally conscious intellectuals was able to encourage just small part of the influential Slovak society. From 1875 to 1892 no Slovak members appeared among more than 400 members of the lower house of the Diet of Hungary. In the most successful year 1906 even 7 Slovak members appeared there, otherwise only 2 or 4 (Lettrich, 1955: 34-35) not enough to change anything via constitutional reforms. Situation outside a nationally conscious group of intellectuals was even worse. Apart a small town Martin there was no real economically and socially significant center. Bratislava (Pressburg, Pozsony, Prešporok) being more German and Hungarian than Slovak had weak relations with the rest of Slovakia. Slovak conscious identity was present only within smaller part of the nation, mostly among the intellectuals or emerging bourgeoisie and lesser nobility, such as lords of Turiec count. Large parts of Slovakia, at that time Upper Hungary, although inhabited by Slovaks, did not significantly realize their relationship towards the nation (Lipták, 1998: 25-31). Numerous part of inhabitants living in cross-border territories with Poland considered themselves Gorals and regions of Zemplín, Abov and Šariš, apart bigger towns of Košice or Prešov, were completely passive regarding Slovak national enlightenment.

An argument that the Slovak National Party (SNS) and Slovak nation-conscious politicians are not representatives of Slovaks, common people, who are not pro-Slovak oriented and do not support Slovak national initiatives was often used by pro-Hungarian, i.e. pro-Magyar upper classes in Slovakia (including local Germans and Jews), ethnic Magyars and also Slovaks (nobility, clerks, businessmen, teachers, clergymen...) against Slovak national-political efforts. At the close of the Kingdom of Hungary this fact was often used by Budapest politicians for their benefit via intended support of creation of so-called the Slovaks nation resulted in declaring the pro-Hungarian so-called Slovak People's Republic in Eastern Slovakia.

So Slovak national politics entered the 20th century with not so much encouraging prospects. Despite the fact that the Kingdom of Hungary after the Austro-Hungarian Compromise was organized as a unitary (apart from the Banovina of Croatia) and strongly centralized state, Slovak politics did not show any lethargy. Vice versa, the beginning of the century brought leaving existing electoral passivity (lasting from the year 1884) and despite evident handicap of national candidates in the Assembly of Hungary the Slovak National Party gathering nation-conscious politicians decided to join electoral political fights advocating democratic or social requirements ([Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti, 1998: 383-386](#)). Pavol Mudroch remained the party leader. He also held a position of the leader of the central committee representing all directions of the Slovak politics with the exception of Social Democrats being formed within Hungarian social democracy. SNS succeeded in creating the net of district confidants and gradually consolidated organizational units within the party. In 1911, taking into consideration assurances of the Government regarding cultural requirement of nationalities, SNS proposed its requirements as the Memorandum to the Chancellor of the Kingdom of Hungary emphasizing unlawful measures of Magyarization and questions related to keeping Nationalities Law from the year 1868 (such as permission to use the Slovak language in offices in Slovakia...). It also required to use the Slovak language in some types of schools as well as the returning of the property of the dissolved Matica slovenská and its restorig ([Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti, 1998: 390-395](#)). The Hungarian government rejected all of these demands and all appeals of SNS ended as it was happening from 1870s.

Some changes were indicated by reviving national-political demands of other nationalities of the Kingdom of Hungary and mainly their cooperation. Later, the Croats put more effort to gain greater autonomy. More national – liberal parties demanding an electoral reform and financial independence from the Kingdom of Hungary were established ([Romsics, 2002: 13-14](#)). They were followed by Romanians and their Romanian National Party, which similarly to SNS, declared the end of electoral passivity. Creation of joint parliamentary club of nationalities in 1905 within the Kingdom of Hungary, the Assembly Nationalities Party, was a climax of activities of political representatives of nationalities of the Hungarian Kingdom. The party was led by Teodor Mihali, the Romanian member of Parliament and Milan Hodža, Slovak was a recording clerk. Also nationality cooperation out of the parliament was boosted, e.g. “Slovanský sokolský zlet“ (the Sokol movement was an all-age gymnastics organization) was held in Zagreb, Croatia, in attendance of hundreds of Croats, Slovenes, Serbs, Bulgarians, Czechs, Polish and Slovak Americans ([Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti, 1998: 494](#)).

Massive movement of political representations of non-governing nationalities was seen also by Franz Ferdinand, the heir presumptive to the Austro-Hungarian throne who, influenced by various advisors from national politicians – including Milan Hodža – started thinking about the plan of changing politics towards nationalities and the reform of the monarchy. Thus “Belvederská politika“ (Belvedere politics) or “Belvederský kruh“ (Belvedere circle) was formed (named after the palace Belvedere, the residence of Franz Ferdinand). Hodža altogether a Romanian politician Iuliu Maniu, both entrenched in the agrarian politics, proposed a secret memorandum to draw solution of the Nationalities Question by the federalization of the monarchy ([Hodža, 1997: 92-105](#)). Slovakia, as it was in Memorandum from the year 1861, should have formed an autonomy. The type of solution to Slovak situation via federalization of the monarchy by the monarch was also adapted by the Slovak National Party of Martin.

The stoppage of electoral passivity, an improved political programme and the new leadership of the SNS (Slovak National Party) led to relatively good results of the Slovak parliament candidates. Taking into consideration the proportional representation of the Slovak citizens of the Kingdom of Hungary the representation of Slovaks in the Hungarian parliament should have risen to dozens. But the reality was very different. In 1901 only 4 SNS candidates (out of 13) were elected: lawyers Ján Ružiak (the candidate of the electorate of Liptovský Svätý Mikuláš), Ján Valášek (the candidate of the electorate of Vrbové), František Veselovský (the candidate of the electorate of Senica) and a Roman Catholic priest Martin Kollár (the candidate of the electorate of Trnava). In 1905 – after the administration had taken some steps against Veselovský and Kollár - there were only 2 candidates elected: Milan Hodža (a representative of SNS in Vojvodina, the district of Kulpín) and František Skyčák (a representative of Catholic People’s Party – Néppárt). And finally, in the most successful year of 1906, seven candidates out of 18 were elected: Pavel Blaho, František Jehlička, Ferdinand Juriga, Martin Kollár, František Skyčák and Milan Hodža (SNS representatives), and Matej Metod Bella (a representative of the Slovak People’s Party) ([Chronológia dejín Slovenska a Slovákov, 2014: 480, 489, 494](#)). Realizing that the only a tiny fraction of the adult population had a right to vote, the Hungarian administration took all possible precautions against the Slovak candidates being elected ([ŠABA-2](#)) and not all the Slovaks with the right to vote were the nationality-conscious ones, the election results at the beginning of the 20th century should be considered a kind of success. On the contrary, spreading of the national politics outside the parliamentary soil led to an activation of the Slovak society within other platforms and spheres of life.

By the spirit of previous „everyday influence“ on ordinary people Pavel Blaho started issuing a weekly paper „Pokrok (Progress)“ in the town of Skalica. The aim was to educate and provide information to the target audience – the Slovak peasants. In Budapest (an important number of Slovak immigrant workers lived there) Milan Hodža also started issuing „Slovanský týždenník (Slovak Weekly)“ which soon reached the printing of 14 000 and became the most spread newspaper in Slovak language ([Chronológia dejín Slovenska](#)

a Slovákov, 2014: 484). Contrary to the party (SNS) leadership in Martin, and in the same line as Blaho, Hodža emphasized a social-economic programme aimed at the peasant tier of the Slovak society. Few years later in Budapest Hodža started issuing also Slovenský denník (Slovak Daily) with an idea of supporting the agrarian movement and reciprocity of Czechs and Slovaks.

Besides papers supporting the Slovak national movement there were also similar activities of the opposition within the Slovak territories – Hungarians and Slovaks who supported the Kingdom of Hungary. For instance, a weekly newspaper „Krajan“, which became issued in Banská Bystrica was oriented against the Slovak national movement and its ideas and requirements.

In 1905 one of the largest public gatherings of Slovaks (until the establishment of the Czechoslovak state) took place in Bratislava. This meeting was quite important due to the fact that the representatives of all of the streams of the Slovak politics delivered their speeches there – Svetozár Hurban Vajanský of the old conservative SNS, Milan Hodža on behalf of the agrarian group, Ferdiš Juriga as a representative of the Catholic People's Party and Emanuel Lehotcký who represented the socialists (*Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti*, 1998: 391). Such mutual activity organized by all main parties of the Slovak national politics was an exception and in the following years the separation and division of the former SNS into different political streams became evident.

Social democrats were among the „first defectors“ from the original SNS platform, which as the only political subject had represented the Slovak national politics for almost 30 years. Emanuel Lehotský was the leading figure of the movement. He started issuing „Slovenské robotnícke noviny (the Slovak Labour newspaper) in Bratislava. In 1905 the 1st congress of the Slovak Social Democratic Party took place in Bratislava. The party was established after they had left the Hungarian Social Democratic Party, even they followed the same political ideas and programme. In addition, the Slovak Social Democrats requested recognition of the Slovak language as the official one. But this party did not last for long. After one year of independence they rejoined the „mother party“ under the condition of keeping their own independent Slovak executive committee (*Hronský*, 1996, 31-37).

At the end of 1905 in Žilina the representatives of the Slovak political Catholicism decided to leave their former all Hungarian party Néppárt (People's party). Even they declared the establishment of the Slovak People's Party, the party had was not fully formed at the time and acted alongside the SNS. Finally, in 1912 in Ružomberok, they left the SNS (*Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti*, 1998: 388), which was led mostly by Protestant leaders at that time. The official establishment (the first congress) of the Slovak People's Party took place a year later in Žilina. It was considered the end of the process of differentiation of the Slovak politics up to the outbreak of the First World War. Andrej Hlinka became a director of the party executive committee; František Skyčák was appointed his deputy and Ferdiš Juriga took the position of the secretary. The Slovak People's newspaper became the party official press.

The agrarian movement led by Milan Hodža tried to find their own „bearing“ too, even they were still a part of SNS. At first they tried to influence the SNS with the aim to recreate the party into the mass agrarian type (as did the Catholic People's movement). But this attempt wasn't a success. As a consequence, shortly after the war, the agrarian movement founded their own standard political party.

Seemingly, before the First World War there had not been any confrontation engagements of the Slovak national movement with the Hungarian ruling power. But this was just the illusion. The „Lex Apponyi“ (the Apponyi Education Law) or discriminatory electoral practices were important yet minor and non-violent means of suppression of the Slovak identity and political activities (*Viator*, 1908: 210, 456-460). But even before the war started there had been several occurrences of use of power, imprisonment or life firing against people at public political meetings. Two of the later Slovak most important political figures, a catholic priest and a doctor from Ružomberok – Andrej Hlinka and Vavro Šrobár – both payed for their pro-Slovak activities. 16 Slovaks were accused of inciting voters at Ružomberok electorate and went on trial. Before the trial started Hlinka had been suspended by Sándor Párvy, the bishop of Spiš. He was found guilty, sent to prison for 2 years and had to pay a fine of 1500 crowns. The unsuccessful parliamentary candidate Šrobár was sent to prison for 1 year (*Podrimavský*, 2012: 193); the others got imprisonment for few months and financial fines. The convicts, after unsuccessful appeals, went to prison in November 1907. In the meantime so-called „tragedy of Černová“ happened. It became the synonym of oppression of Slovaks in the Kingdom of Hungary, even abroad in Europe.

In 1906 in the village of Černová (near Ružomberok) work began on the construction of a new Roman Catholic church based on an architectonic design by Slovak famous architect Milan Michal Harminc. Andrej Hlinka initiated public money collection for the church construction among the local worshippers. When the church was built the worshippers insisted that Hlinka, their countryman and collection initiator, would consecrate the church. But Párvy, the bishop, stood against. He expected possible problems at the consecration, which he ordered to be executed by an outside dean, so he managed to have policemen at hand there. Finally, the policemen started fire and shooting at the crowd. As a consequence – there were 15 people shot dead and 12 severely wounded. At the follow – on trial 40 men and women of the village were found guilty and sent to prison for 37 years in total. The tragedy in Černová shook the public opinion at home and abroad (*Lettrich*, 1955: 37-38).

In 1907 the aforementioned „Lex Apponyi“ (Apponyi Education Law) struck the non-Hungarian nations of the Kingdom of Hungary (*Podrimavský*, 1996: 22-23). This law was named after its proposer - the

Minister of Culture and Education of the Kingdom of Hungary Albert Apponyi. The first part of this law regulated salaries of teachers of state-rulling schools and the second one was aimed at teachers of schools rulled by the towns (villages) and by the Church. At the state-rulling schools only the Hungarian language (Magyar) was accepted and at the Chuch-rulling ones the students were required to use this language (to be able to write and speak the language). The teachers were obliged to influence students loyalty and patriotism towards the Kingdom of Hungary and their behaviour in a sense of possible patriotism towards other nations was strictly prohibited (Deák, 1993: 93-95).

On the contrary, that open Magyarization effort (ŠABA-3) finally influenced the Slovak pro-national politics in a positive way. It mobilized the Slovak leaders to act and to think about ways of changing that negative political development (Bibó, 1996: 162). The aforementioned educational activities aimed at the ordinary people represented the way of slow but long-lasting effort. Its main goal was to influence uneducated (illiterate) mass of Slovak peasants and workers and bring them to the level of politically committed and economically active Slovak population.

To support this effort the Slovak Youth Committee in Budapest started issuing a review „Prúdy“ (Streams) which followed the ideas of the older generation of the Slovak politics who had been represented by the „Hlas“ (Voice) magazine issued at the turn of the century (inspired by the Masaryk´s idea of „everyday small steps“ in the work with the nation). In addition the committee stressed the importance of reciprocity of Czechs and Slovaks and they criticized the leadership of SNS in Martin for their conservatism and tradicionalisms. Bohdan Pavlů and Ivan Markovič (later a deputy leader of Social Democrats) became the editors of the revue. Vavro Šrobár also influenced the revue by his ideas.

The establishment of the Slovak National Council in 1914 as an unbiased authority of the Slovak politics was another important achievement initiated by the newly elected leader of SNS Matúš Dula (he followed the proposal by Vavro Šrobár) (Chronológia dejín Slovenska a Slovákov, 2014: 518). Unfortunately, the First World War just stopped the progress of Slovak politics for the following four years. To avoid persecution, shortly after the outbreak of the war, the SNS leading committee was forced to publish in their „Národné noviny“ (National newspaper) announcement of political passivity in wartime. Persecution and cancellations affected the papers of other national-political parties and fractions. For example the government cancelled issuing „Slovenský denník“ (the Slovak Daily) published by Hodža and „Národný hlásnik“ (Nation´s Watcher), the paper being issued in Martin.

4. Conclusion

To sum up, despite the relatively mild forms of Magyarisation politics applied towards Slovaks (in comparison to national repression in the Ottoman Empire or the Russian Empire) up to the end of 1914 there occurred persecutions against hundreds of Slovaks for their nationalism, anti-militarism or so-called „Pan-Slavism“.

That persecutions, together with the other forms of political, economical or cultural suppression motivated and forced the Slovak politicians and politics to consider and think about some options and courses of action concerning the future of the nation – other than the future under the „yoke“ of Austria-Hungary...

References

- Bibó, 1996 – *Bibó I.* (1996). Bieda východoeurópskych malých štátov [Misery of Eastern European small states]. Bratislava, 580 p.
- Deák, 1993 – *Deák L.* (1993). Slovaks in the Hungarian statistics. // History and politics / D. Kováč. Bratislava, pp. 93-104.
- Hodža, 1997 – *Hodža M.* (1997). Federácia v strednej Európe [Federation in Central Europe]. Bratislava, 359 p.
- Holec, 2012 – *Holec R.* (2012). Úvahy k fenoménu maďarizácie pred rokom 1918 [Reflections on the phenomenon of Magyarization before 1918] // Kľúčové otázky moderných slovenských dejín / ed. D. Kováč. Bratislava, pp. 80-135.
- Hronský, 1996 – *Hronský M.* (1996). Robotnícke hnutie na Slovensku do roku 1918 [Workers movement in the Slovakia till 1918] // Kapitoly z dejín sociálnej demokracie na Slovensku / ed. I. Laluha. Bratislava, pp. 23-68.
- Chronológia dejín Slovenska a Slovákov, 2014 – Chronológia dejín Slovenska a Slovákov [Chronology of history of the Slovakia and the Slovaks] / ed. V. Dangl, V. Bystrický. Bratislava, 2014. 548 p.
- Lettrich, 1955 – *Lettrich J.* (1955). History of Modern Slovakia. New York, 342 p.
- Lipták, 1998 – *Lipták L.* (1998). Slovensko v 20. storočí [Slovakia in the 20th century]. Bratislava, 386 p.
- Magyar Statisztikai Közlemények, 1912 – Magyar Statisztikai Közlemények [Hungary Statistical Publication], volume 42. Budapest, 1912. 883 p.
- Podrimavský, 1996 – *Podrimavský M.* (1994). Slováci v podmienkach uhorského štátu na začiatku 20. storočia [The Slovaks in terms of the Hungarian state in the beginning of the 20th century] // Česko-slovenské vzťahy – Slovensko-české vzťahy. Bratislava, pp. 17-26.

[Podrimavský, 2012](#) – *Podrimavský M.* (2012). Vavro Šrobár a slovenská otázka na prelome 19. a 20. storočia [Vavro Šrobár and the Slovak question on the edge of the 19th and 20th century] // Dr. Vavro Šrobár / ed. M. Pekník. Bratislava, pp. 178-198.

[Romsics, 2002](#) – *Romsics I.* (2002). Dismantling of Historic Hungary: The Peace Treaty of Trianon. New York, 201 p.

[ŠABA-1](#) – Štátny archív Bratislava [State archive in Bratislava], fund (f.) Podžupan (1868–1922), file 24/1914.

[ŠABA-2](#) – Štátny archív Bratislava, f. Krajský súd v Bratislave I (1872–1954), box 5. National incitement.

[ŠABA-3](#) – Štátny archív Bratislava, f. Podžupan (1868-1922), file 1810/1914

[Viator, 1908](#) – *Viator S.* (1908). Racial problems in Hungary. London, 542 p.

УДК 93

Словацкая политика и общество в Австро-Венгрии перед Первой мировой войной

Марек Сирны^{a,*}

^a Университет Матей Бела, Словакия

Аннотация. Статья анализирует ситуацию в венгерской части Австро-Венгрии с акцентом на положение Словакии (Верхней Венгрии) в политическом и социальном плане. Политическая репрезентация словацкого населения (составляющего около 12 % населения Венгрии) проходила с начала XX века до Первой мировой войны динамическим перерождением – постепенно отходя от идеи словацкой автономии в составе Австро-Венгерской империи.

Новой целью значительной части словацких политиков начинает быть создание собственной государственности в сотрудничестве с более сильной чешской политической элитой. Статья обращает внимание на предположения и развитие этих изменений не только в области политических элит, но и в диапазоне общественных настроений словацкой части Венгрии.

Ключевые слова: словацкое национальное движение, национализм, политическая либерализация, мадьяризация, Верхняя Венгрия, Словакия, Австро-Венгрия.

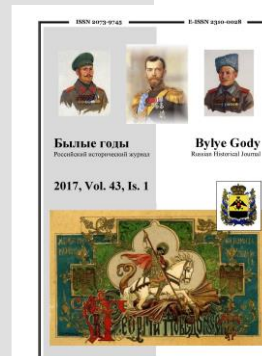
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: marek.syrny@umb.sk (М. Сирны)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 145-152, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.145
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47).083

Problems of Votkinsk's Shipbuilding: to Analyze the Historical Sources

Nicholas W. Mitiukov ^{a,*}, Dmitry Matveev ^b, Natalia V. Svechnikova ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b East-European Institute, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

Abstract

Shipbuilding in Votkinsk on the second half of XIX – early XX century is one of the cultural and technological phenomena of Russia on this period. Votkinsk is situated far from the river's highways but Votkinsk plant was one of the largest builder of the ships in Russia. But as the source's analysis is showed, the systematic description of the Votkinsk's shipbuilding and its cataloging has not been the object of study of historians or ethnographers. The aim of this work is consist to identify the body of the sources and their typology for the solving of this problem. In the addition to traditional methods of the historiographical researches, for the work there was used the systematic method of analysis, that allowed to reveal the implicit information, that usually is hidden during the analysis of each group individually sources.

As a result, there was revealed that the body of sources about Votkinsk's shipbuilding industry can be divided into a four groups. Archives information (first of all CSA of UR and Votkinsk's plant archive), River Register of the Russian Empire and the Soviet Union, press and modern analyzer's works. The integrate using of all groups of sources allowed to put new research challenges and to formulate a new approaches to research problems of Votkinsk's shipbuilding. For example, the absence on registers of certain groups of vessels may indicate the possibility of tax evasion in the Russian Empire. It revealed two groups of similar vessels: factory ships and private yachts.

Keywords: Russia, shipbuilding, Votkinsk's plant, historical source, systematic approach.

1. Введение

Судостроение в Воткинске второй половины XIX – начала XX века является одним из культурно-технических феноменов России этого периода. Далекий от речных магистралей поселок Воткинский завод стал, одним из крупнейших поставщиков пароходов в России. Продукция воткинской верфи долгие годы несла службу на морях и реках России, а затем и СССР: от Амура и Иртыша до Волги и Невы, от Аральского и Белого до Черного и Каспийского морей. После революции воткинское судостроение пресеклось, но филиалы завода, в первую очередь на Амуре и Иртыше, выросли в крупнейшие предприятия отрасли этих регионов. Суда, построенные в Воткинске и филиалах, внесли существенный вклад в историю России. Достаточно отметить, что, например, Аральская военная флотилия более чем наполовину состояла из кораблей и плавсредств, построенных этим заводом.

В краеведческой литературе встречается цифра, что с середины XIX по 1920-е гг. заводом построено свыше 400 морских и речных судов (Воротов, 1985: 44; Новиков, 1998: 31), которую совершенно некритически заимствовали научные издания и официальные издания Воткинского завода («Графский» метод, 2009: 51). Вместе с тем, до этой краеведческой «находки», в научной

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov), matveevdv1972@mail.ru (D.V. Matveev), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova)

литературе имелись совершенно другие цифры. Так в работе И.А. Шубина сообщается: «за все время существования судостроительного отделения заводом было построено более 20 буксирных пароходов и более 10 пассажирских» (Шубин, 1927: 832).

Откуда могла взяться цифра «около 400»? Начиная с 1910-х гг. в названии документации по проектируемым и строящимся судам завода стал фигурировать стапельный или строительный номер. Максимальное число, обнаруживаемое по архивным фондам, это № 393, который получил бывший пароход купца Михалева, достроенный как «Металлист» (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 8к. Д. 984. Л. 1). Но коррелируется ли этот номер с общим числом построенных судов? Скорее всего нет. Так на момент выдачи заказа пароходы с номерами на 360 окружали заказы с номерами начинающимися на 200. Весьма настораживают и лакуны в едином списке этих номеров даже на два-три номера. Кроме того, по большому количеству построенных судов стапельные номера в документации вообще не фигурируют. Вполне очевидно, что истинный размах воткинского судостроения можно представить, лишь каталогизировав всю произведенную продукцию.

Во время работы над монографией «Удмуртские названия в морском и речном флоте России» (Митюков, 2010) нам удалось установить, что до сих пор не существует системного описания технических аспектов истории воткинского судостроения. Немногих историков, занимавшихся воткинскими пароходами, интересовали, прежде всего, капиталистические отношения, например, в свете развития речного транспорта (Мельников, 1996), или как элемент развития индустрии Урала (Осколков, 1963; Кривоногов, 1960). В современных работах большое внимание уделяется рассмотрению разнообразных проблем, возникших в связи с функционированием завода: демографических (Васина, 2010), экологических (Кудрявцев, 2016) и др. Но в этих исследованиях речь идет скорее об общероссийских, менее общезаводских проблемах, а не конкретно судостроительного производства Воткинска. Краеведческая литература также выхватывает лишь отдельные аспекты и эпизоды воткинского судостроения, не давая системной картины (Воротов, 1985; Завод в период капитализма, 1959). Аналогично можно охарактеризовать и литературу мемуарного характера (Добровольский, 2009).

Таким образом, следует признать, что задача системного описания технической составляющей воткинского судостроения и его каталогизация пока не были объектом исследования ни историков, ни краеведов.

2. Материалы и методы

Привлекаемая для решения поставленной задачи системного технического описания воткинского судостроения источниковая база состоит из нескольких неравноценных, но взаимодополняющих групп документов, для работы с которыми используются свои методы. Для работы с архивными фондами применялись традиционные методы архивоведения. Предыдущая наша работа с регистрами и реконструкция по их данным биографий судов дали возможность сформулировать несколько оригинальных принципов, подробнее изложенных нами ранее (Митюков, 2016): принцип хронологической преемственности, принцип обратного поиска справок, принцип системного поиска и принцип соответствия характеристик. Указанные принципы применялись и для данного исследования. При работе с аналитической литературой и периодической печатью использовались традиционные методы анализа данного вида источников, важнейший из которых стал ретроспективный метод, позволяющий реконструировать события той поры, опираясь на весь массив информации.

В целом при работе со всем корпусом источников применялся метод системного анализа, позволяющий выявить неявную информацию, скрытую при анализе каждой группы источников по отдельности.

3. Обсуждение

Анализ всего корпуса источников позволил условно разделить его на четыре группы.

Архивные фонды Воткинского завода. При изучении проблематики воткинского судостроения большое значение имел комплекс неопубликованных источников. В первую очередь материалы Технического бюро завода. Это чертежная конструкторско-технологическая документация. Кроме характеристик проектируемых судов, она содержит ценные ремарки на полях: информацию о дальнейшей судьбе судна, его переименованиях; полезна также дата разработки чертежей, их утверждения и т.п. В качестве источника исследования использовались и бухгалтерские отчеты завода, поданные в различные инстанции, прежде всего в Горный департамент. В них содержится информация об отпущенных на судостроение материалах, сметы расходов, затраченных денежных средствах и т.п. Отчеты о действиях завода за определенный период времени также полезны, например, с целью уточнения не всегда понятных денежных расходов и доходов. Кроме того, в них нередко содержатся объяснения, например, по поводу несвоевременной поставки продукции, ее недолжного качества, нарушения пунктов контракта. Переписка завода с заказчиками в своей основной массе не сохранилась, но имеются отдельные дела, содержащие переписку по исключительным случаям поставки судостроительной продукции, например, если имелись проблемы с оплатой, судебные тяжбы и т.д. Имеется также группа дел, посвященная действиям отдельных

заводских пароходов: их передвижениям, произведенным на них работам. После революции большое значение приобретает планы работ завода на отчетный год, но подобные планы имели место и в дореволюционной документации, например, на 1916 г. В исключительных случаях сохранились целые дела о постройке некоторых проходов, например «Матвей» (1885–1892 гг.). Кроме того, полезна и фотодокументация по судам.

В настоящее время заводские документы содержатся в следующих архивах. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР), прежде всего в фонде 212 «Камско-Воткинский железодельный завод и Камско-Воткинский железодельный и сталеплавильный завод». Наиболее интересны опись 1 «Документы постоянного хранения» (11267 документов) и опись 7к «Научно-техническая (конструкторская) документация» (967 документов). Послереволюционная история отражена в фонде Р-785 «Воткинский машиностроительный и сталеплавильный завод» опись 1 «Документы постоянного хранения» (385 единиц хранения) и опись 8к «Научно-техническая документация» (30 единиц хранения).

Некоторые не переданные в ЦГА УР материалы в настоящее время находятся в архивном фонде музея Воткинского завода. Он содержит ценную информацию, особенно в разделе фотодокументов. К сожалению, фонды его не каталогизированы, а сам музей, находится на территории завода – режимного предприятия.

Указанные архивные документы не представляют собой однородный массив данных. Например, по бухгалтерским документам завода можно определить, что и когда он строил. Но эти документы, например, имеются за 1892–1895 гг., но отсутствуют за 1891 г. Кроме того, нужная информация в этих обширных бухгалтерских книгах очень краткая и зачастую теряется при просмотре в массиве других документов. Информация, содержащаяся в документах совершенно неоднородна, так отчет за 1915 г. дает удивительный пример подробной и систематизированной информации, как по заказчикам, так и по отдельным заказам. А следующий за ним 1916 г. описан крайне поверхностно и не создает целостной картины всех заказов завода.

Но наибольшую трудность в работе представляет послереволюционная документация. Сразу виден резко упавший уровень грамотности составителей и исполнителей. В документах нередко орфографические и стилистические ошибки, места, допускающие двойное или тройное взаимоисключающее прочтение, опiski и опечатки, а также прямое искажение информации (так пароход «Братья Камские» так называется «Друзья Камские»). Это обстоятельство крайне затрудняет использование этих фондов. Более-менее объективную картину можно создать лишь внимательно сверив информацию всего фонда и сопоставив ее с другими фондами. А это, в свою очередь снижает ценность современных исследований и их выводов, процитировавших лишь отдельные листы дел.

Речные регистры. Исторически сложилось так, что как в научных, так и популярных работах информация регистров обычно носит вспомогательный характер. Как правило, они используются для уточнения сведений, полученных из других источников.

Особенность ведения регистров заключается в том, что они дают временной срез на строго определенный период времени. В связи с этим, для отслеживания динамики или биографии судна одного регистра недостаточно. Очень важна степень насыщенности выбранных для исследования хронологических рамок регистрами: чем их больше, тем более точно реконструируется биография судна. Поскольку регистрация судов плотно связывала налогообложение и выдачу лицензий и сертификатов, информация, содержащаяся в регистрах, как правило, вполне объективна. При завышении или занижении характеристик неизбежно проигрывали интересы либо государственных структур, либо частного. Поэтому выявлялась и исправлялась не только ведомо ложная информация, но и допущенные опечатки и опiski, которые хоть и встречаются в регистрах, но довольно редко. Поэтому в регистры вносилась самая оперативная информация по постановке или снятия с учета и смены хозяев.

Регистры могли создаваться разными организациями, но наибольшую ценность представляют собой официальные министерские издания (например, министерства путей сообщения или министерства торговли). Кроме того, регистры ввиду большого объема могли делиться по бассейну. В первые годы после гражданской войны регистры выходили с крайне поверхностной информацией. Частную собственность в отношении пароходов ликвидировали, и составителей интересовал более списочный состав находящихся в кампании судов. И наоборот, описание регистра 1916–1917 гг. довольно подробное.

В этой связи, составление каталога воткинского судостроения, как пример системного анализа всей продукции завода, дало возможность исправить ряд ошибок наших более ранних работ. Например, пароход «Марксист», бывший «Воткинский завод», оказался не пароходом купца Раммерца (Митюков, 2010: 18–19), а капитально отремонтированным и переименованным пароходом «Левшино».

Материалы периодической печати, содержащие исторические справки на отдельные корабли и суда. Этот массив источников крайне разнородный, и может иметь как мемуарную основу (тогда достоверность обычно не высока), так и документальную. Особенную ценность представляют материалы периодической печати, современные данному событию. Нередко они дают совершенно неожиданную оценку имеющим место событиям. Так в работе Коробейникова

(Коробейников, 2012: 27–28) дается анализ серии очерков журналиста И.З. Озерова в газетах «Прикамская жизнь» и «Сарапульская Кама» относительно убыточности завода и качества продукции судостроительного цеха.

В проведенном исследовании материалы периодической печати имели вспомогательный характер и использовались лишь для уточнения имевшейся информации. В основном использовались материалы периодической печати, представленные в сети Интернет.

Современная аналитическая литература имеет крайне эклектичный характер. Ее в свою очередь, можно разделить на две группы: справочники по судовому составу и научные произведения в виде журнальных статей и монографических исследований.

Справочники по судовому составу имеют отдельные казало бы готовые для каталога статьи. К сожалению, это не так, в первую очередь из-за их объектного содержания. Так ряд справочников специализируется на участии судов в боевых действиях и потому гражданская часть их биографии рассматривается поверхностно или вообще отсутствует. Вероятно, одним из первых таких справочников стала работа С.С. Бережного (Бережной, 1981), выпущенная в свое время с грифом «Для служебного пользования». По количеству представленной информации большую ценность имеет шеститомник Р.В. Лапшина и А.В. Коробейникова «Белый флот гражданской войны» (Лапшин, 2014а). С другой стороны, имеются справочники, построенные по территориальному принципу, т.е. описывают состав торгового флота, работавшего в определенном бассейне. Это, например, работы А.С. Павлова (Павлов, 2014), Л.А. Яковенко (Яковенко, 2015), Р.В. Лапшина (Лапшин, 2012), (Lapshin, 2014) и др. И в данном случае работа судов в других регионах, за пределами рассматриваемого, также либо не представлена, либо представлена тезисно.

Как показал проведенный анализ, всем справочникам присущи общие недостатки. Во-первых, это полное отсутствие библиографического аппарата. Понятно, что информация в них основном базируется на данных регистров, но зачастую там даются интересные подробности биографии, уточнить или перепроверить которые не представляется возможным. Во-вторых, это ограниченное объектное содержание. Например, чрезвычайно подробная работа Яковенко ограничивается лишь регионом Амура и в связи со смертью автора в 2015 г. имеет характер некоторой незавершенности.

Аналитические исследования, как правило, посвящены рассмотрению достаточно узкого круга вопросов, идущих в разрезе воткинского судостроения. Так в упомянутой работе А.В. Коробейникова подробно показана картина деградации судостроения в Воткинске в послереволюционный период, участие судостроителей в гражданской войне (Коробейников, 2012: 22-65).

В работах П.В. Дмитриева (Дмитриев, 2014), Ю.Ф. Каторина (Каторин, 2014) рассматриваются различные аспекты комплектования корабельным составом Аральской флотилии. Несмотря на решающий вклад воткинского завода в ее строительство, в указанных работах об этом упомянуто вскользь.

Чрезвычайно полезна и интересна работа С.А. Липиной (Липина, 2012), дающая попытку анализа основных инноваций, внедренных на производстве Воткинского завода во время Первой мировой войны. Но относительно судостроения, информация этой статьи вырвана из контекста архивного документа и потому может способствовать ложным выводам. Например, автор заявляет: «В судовом цехе Воткинского завода ввели разметку шаблонов, которая дала возможность увеличить производительность цеха и снизить стоимость производства корпусов пароходов и снарядов» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1., Д. 11086, Л. 57). Это, несмотря на то, что плазовая разметка является необходимым условием производства крупногабаритных деталей сложной формы, каковыми, например, являются шпангоуты. В цитируемом документе речь идет просто об открытии нового плазового участка, позволившего поднять производительность труда плазовиков. А в таблице 1 автор пишет, что в 1912 г. завод выпустил 5 судов «различного типа», а в 1913 г. – уже 6. И снова вызывает недоумение, что за «суда различного типа»: только пароходы без учета несамходных плавсредств, а учтен ли здесь, например, плавкран?

Таким образом, можно сказать, что для использования указанных аналитических работ требуется предварительная подготовка и перепроверка.

4. Результаты

Таким образом, выявлено четыре основные группы источников для реконструкции истории судостроительной отрасли Воткинского завода. Указанная проблематика каталогизации воткинского судостроения решается с помощью взаимной увязки и согласования всего корпуса источников. Но системный подход дал возможность выйти на ряд задач и сформулировать исследовательские подходы, до сих пор не поднимавшиеся в литературе.

В этой связи видится продуктивным выявление групп судов и плавсредств, отсутствующих в одной из групп источников. Так наличие судов в регистрах и отсутствие на них в архивной документации о постройке, скорее всего, говорит об ошибках в регистрах, возможно имел место капитальный ремонт судна. Так интересна информация о пароходе «Нижегородец». В регистрах он впервые появляется в 1879 г. как пароход «Сусанна», при этом сообщается, что это бывший «Нижегородец» воткинской постройки 1859 г. Интересно, что Воткинский завод в этот период заказов от частных еще не принимал, а единственный пароход, который мог стать «Нижегородцем»

получается безмятный баркас, построенный по заказу Морского ведомства. В 1859 г. судно спустили на воду и во время испытаний выяснились его крайне плохие ходовые качества. Несколько лет завод пытался доработать баркас и сдать заказчику, но в ноябре 1862 г. Астраханский порт окончательно отказался принять судно и завод решил его использовать для собственных нужд. Обнаружить его дальнейшую судьбу по архивным материалам не представилось возможным (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6732).

Аналогичным образом выясняются дополнительные подробности относительно парусных транспортов «Аист» и «Колпик», участвовавших в Ахалтекинской экспедиции генерала Скобелева. Регистры говорят о 1863 г. строительства указанных транспортов. Но архивные фонды о них ничего не сообщают. Зато имеются сведения, что в 1862 г. начато строительство паровых баркасов для Астраханского порта. В результате, сопоставляя эти сведения можно сделать вывод, что у завода снова возникли проблемы со сдачей паровых машин и в итоге оба баркаса стали ходить исключительно под парусами.

Интересна также обратная ситуация: наличие судна в архивной документации и отсутствие ее в регистрах. Поскольку речные регистры являлись базой для налогообложения, можно проанализировать как и каким образом происходило уклонение от налогов в Российской Империи.

Первая группа отсутствующих в регистрах судов это заводские пароходы. В документации завода имеются сведения о постройке в 1891 г. для Омутнинского завода парохода (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 86. Л. 1). Указанный в документе «господин Левитский» – А.С. Левитский, в 1891 г. управляющий Омутнинского завода, в связи с чем вопросов об идентификации завода не возникает. Но ранее мы, основываясь на данных периодической печати, реконструировали биографию единственного парохода завода так.

Железный колесный служебный паровой катер «Первенец», 1885 г. построен хозяйственным способом на р. Омутная (приток в верховьях р. Вятка) для Омутнинского чугуноплавильного и железодельного завода Н.П. Пастухова для работы на заводском пруду. Постановлением ВСНХ от 24.09.1918 г. национализирован с заводом и вскоре стал «Рабочий». В апреле 1919 г. подчинен Особому Северному Экспедиционному Отряду (ОСЕВЭК) как «ОСЕВЭК» и вооружен. Участвовал в боях с белыми у Кирсинского завода и Песковки. В начале июня 1919 г. подчинен штабу 3-й армии красных и ушел через Вятку на Каму. Зимой 1919–1920 гг. стоял в Заозерском затоне близ Перми. В апреле 1920 г. разоружен и сдан в ремонт. В конце апреля 1921 г. экипаж вернул его на завод и как служебный использовался там к середине 20-х гг. в подчинении Северо-Вятского горнозаводского округа ВСНХ. С мая 1927 г. с заводом в управлении Вятского совнархоза. Вероятно, вскоре сдан на слом, более поздних данных нет. На 1917 г. имелись характеристики парохода: длина 14,2 м, ширина с колесами 3,5 м, осадка 0,3 м. одна машина мощностью 8 н.л.с. (24 л.с.), команда 3 чел. В 1919 г. вооружен двумя пулеметами (Лапшин, 2012: 145).

Характеристики с заводского чертежа дают следующие размеры парохода: длина по ватерлинии 10,3 м, длина максимальная 12,5 м, ширина корпуса 1,83 м, ширина с колесами 3,6 м, осадка 0,46 м. В связи с чем, вопросов с тождественностью построенного в Воткинске парохода и парохода, служившего на Омутнинском пруду, не возникает.

Углубленные поиски по данному вопросу дали возможность найти статью краеведа А. Мохова (Мохов, 1957), в которой прямо указывается «Построенный в 1860 г. на Воткинском заводе и проведенный по рекам на Омутнинский пруд он вначале назывался «Первенец», затем – «Работник», а сейчас – «Металлург»». Относительно даты постройки, для автора воспоминаний на 1957 г. пароход очень старый, возможно старше его самого и удревление событий весьма характерно для придания авторитета своим высказываниям. Относительно финального этапа парохода также имеется весьма информативная заметка местной газеты с интервью В.И. Кошурникова, 64 года проработавшего на заводе, в том числе и на пароходе (Киреев, 2006). Из заметки можно узнать, что во второй половине 1950-х гг. пароход был поставлен на прикол, в 1960 г. сильным ветром его сорвало со швартовых. Его отнесло на середину пруда, где он затонул на 7-метровой глубине напротив заводской проходной. Хотя пароход находится всего примерно в 20 м от берега, дайверами он не посещается из-за сложных условий нахождения.

Вторая группа судов, уходящих от налогов Российской империи, это частные яхты. Так в фондах имеется чертеж яхты по заказу князя Горчакова (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 61, Л. 1), в тот момент бывший губернатором Вятской губернии. Чертеж дает следующие размерения яхты: длина по ватерлинии 8,23 м, максимальная длина 11,9 м, ширина по ватерлинии 2,9 м, максимальная ширина 3,25 м, осадка корпуса 0,34 м. К сожалению, периодическая печать вспомнила об этой яхте, названной «Вятский воевода» лишь в связи с одним эпизодом. В 1909 г. князь Горчаков отбыл на ней по Каме к месту своего нового назначения в Калугу. Так в 1910 г. газета «Вятская речь» пожелала Горчакову обзавестись яхтой «Калужский воевода», намекая на его быстрее убытие из Калуги (Сергеев, 2002: 73).

В обоих приведенных случаях характерно то, что оба судна отсутствуют в регистрах, и только комплексное использование всех типов источников дало возможность впервые установить факт постройки их Воткинским заводом.

5. Заключение

1. Корпус источников о воткинском судостроении можно разделить на четыре группы. Архивные данные (прежде всего ЦГА УР и архива Воткинского завода), речные регистры Российской Империи и Советского Союза, периодическая печать и современные аналитические исследования;

2. Комплексное использование всего корпуса источников позволяет ставить новые исследовательские задачи и формулировать новые подходы в исследовании проблематики воткинского судостроения. Например, отсутствие в регистрах определенных групп судов может означать возможности ухода от налогов в Российской Империи. Выявлено две группы таких судов: заводские пароходы и частные яхты.

Литература

«Графский» метод, 2009 – «Графский» метод сборки пароходов // Воткинский завод: вчера, сегодня, завтра 1759–2009. Воткинск, Ижевский полиграфический комбинат, 2009. С. 51–57.

Бережной, 1981 – Корабли и вспомогательные суда советского Военно-морского флота (1917–1927 гг.) / С.С. Бережной и др. М.: Воениздат, 1981. 589 с.

Васина, 2010 – Васина Т.А. Демографические процессы в Камско-Воткинском заводе в конце XVIII – середине XIX в // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2010. Т. 76. № 2. С. 92-100.

Воротов, 1985 – Воротов А. Воткинские корабели // Воткинск. Летопись событий и фактов. Устинов: Изд-во «Удмуртия», 1985. С. 43-45.

Дмитриев, 2014 – Дмитриев П.В. Характеристика судов Аральской флотилии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 3-1. С. 51-53.

Добровольский, 2009 – Добровольский И.А. Воткинский завод на рубеже эпох. Заметки конструктора. Воткинск, 2009. 400 с.

Завод в период капитализма, 1959 – Завод в период капитализма // Воткинские были. Исторические очерки 1759–1959. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1959. С. 59–83.

Каторин, 2014 – Каторин Ю.Ф., Кузнецов Л.А. Из истории Аральской флотилии // *Гангут*. 2014. № 82. С. 135-150.

Киреев, 2006 – Киреев В. «Работник» потрудился на славу // *Наша жизнь*. 2006. 28 сентября.

Коробейников, 2012 – Коробейников А.В. Воткинское судостроение и гражданская война. Очерки социальной истории города и завода. Ижевск: Иднакар, 2012. 190 с.

Кривоногов, 1960 – Кривоногов В.Я. Из истории Камско-Воткинского завода // Из истории заводов и фабрик Урала. Выпуск 1. Свердловск, 1960.

Кудрявцев, 2016 – Кудрявцев А.Ф. Ижевский и Воткинский заводы: первые сто лет истории // *Экологический консалтинг*. 2016. № 1. С. 25-29.

Лапшин, 2012 – Вятские пароходы (1861–1917 гг.) / Р.В. Лапшин и др. Ижевск: Иднакар, 2012. 168 с.

Лапшин, 2014 – Лапшин Р.В., Коробейников А.В. Белый флот гражданской войны. В 6-ти частях. Ижевск: Иднакар, 2014–2016 г.

Липина, 2012 – Липина С.А. Модернизация оборудования и внедрение новых технологий на Воткинском железодельном заводе в годы первой мировой войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 1-2. С. 130-134.

Мельников, 1996 – Мельников Л.С. Речной транспорт // Очерки по истории Удмуртии XIX в. Ижевск, 1996. С. 245–261.

Митюков, 2010 – Митюков Н.В., Лапшин Р.В. Удмуртские названия в морском и речном флоте России. Ижевск, 2010. 96 с.

Митюков, 2016 – Mitiukov N.W. Maritime and river registers as a historical source // *Былые годы*. 2016. № 2 (40). С. 469-478.

Мохов, 1957 – Мохов А. Исторический пароход // Голос рабочего. Омутнинская газета. 1957. 12 февраля.

Новиков, 1998 – Новиков А.В. У истоков воткинского судостроения // Золотой ларец. Ижевск: Ижевский полиграфический комбинат, 1998. С. 13–32.

Осколков, 1963 – Осколков Г.И., Сутьрин Б.А. Из истории Камско-Воткинского завода и Екатеринбургской фабрики в начальный период промышленного переворота // Вопросы истории Урала. Выпуск 3. Свердловск, 1963.

Павлов, 2014 – Павлов А.С. Пароходы Сибири 1844–1918 гг. Обь-Иртыш. Ангара-Байкал-Селенга. Амур. Лена. Енисей. Колыма. Якутск, 2014. 168 с.

Сергеев, 2002 – Сергеев В.Д. Из истории вятских газет. 1838-1917. Вятка (Киров), 2002. 104 с.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики

Шубин, 1927 – Шубин И.А. Волга и волжское судоходство (История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М.: Транспечать, 1927. 920 с.

[Яковенко, 2015](#) – Яковенко Л.А. Первые пароходы на Амуре. Режим доступа: <http://www.jakol.ru/amur1.html>

[Lapshin, 2014](#) – Lapshin R.V. Flotillas in Turkestan on Civil war period // *International Naval Journal*. 2014. № 2. pp. 77–94.

References

[«Grafskij» metod, 2009](#) – «Grafskij» metod sborki parohodov ["Count" method of the steamer's assembling]. Votkinskij zavod: vchera, segodnja, zavtra 1759–2009 [Votkinsk plant: yesterday, today and tomorrow 1759–2009]. Votkinsk, Izhevskij poligraficheskij kombinat, 2009. pp. 51–57.

[Berezhnoj, 1981](#) – Korabli i vspomogatel'nye suda sovetskogo Voenno-morskogo flota (1917–1927 gg.) [The ships and the auxiliary vessels of the Soviet Navy (1917–1927.)] / S.S. Berezhnoj i dr. M.: Voenizdat, 1981. 589 p.

[Vasina, 2010](#) – Vasina T.A. (2010). Demograficheskie processy v Kamsko-Votkinskom zavode v konce XVIII – seredine XIX v [Demographic processes in the Kama-Votkinsk plant at the end of XVIII – the middle of XIX century]. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*. T. 76. № 2. pp. 92–100.

[Vorotov, 1985](#) – Vorotov A. (1985). Votkinskie korabely [Votkinsk's shipbuilders]. Votkinsk. Letopis' sobytij i faktov [Votkinsk. Annals of events and facts]. Ustinov: Udmurtija. pp. 43–45.

[Dmitriev, 2014](#) – Dmitriev P.V. (2014). Harakteristika sudov Aral'skoj flotilii [Characteristics of the Aral Sea Flotilla vessels]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 3-1. pp. 51–53.

[Dobrovol'skij, 2009](#) – Dobrovol'skij I.A. (2009). Votkinskij zavod na rubezhe jepoh. Zametki konstruktora [Votkinsk plant at the turn of epochs. Notes of designer]. Votkinsk. 400 p.

[Zavod v period kapitalizma, 1959](#) – Zavod v period kapitalizma [The plant in the period of capitalism]. Votkinskie byli. Istoricheskie ocherki 1759–1959 [Votkinsk's true stories. Historical Essays 1759–1959]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izd-vo, 1959. pp. 59–83.

[Katorin, 2014](#) – Katorin Ju.F., Kuznecov L.A. (2014). Iz istorii Aral'skoj flotilii [From the history of the Aral Sea Flotilla]. *Gangut*. № 82. pp. 135–150.

[Kireev, 2006](#) – Kireev V. (2006). «Rabotnik» potrudilsja na slavu [“Rabotnik” had a best work]. *Nasha zhizn'*. 28 september.

[Korobejnikov, 2012](#) – Korobejnikov A.V. (2012). Votkinskoe sudostroenie i grazhdanskaja vojna. Oчерki social'noj istorii goroda i zavoda [Votkinsk's shipbuilding and the Civil war. Essays on the social history of the city and the factory]. Izhevsk: Idnakar. 190 p.

[Krivonogov, 1960](#) – Krivonogov V.Ja. (1960). Iz istorii Kamsko-Votkinskogo zavoda [From the history of the Kama-Votkinsk plant]. Iz istorii zavodov i fabrik Urala [From the history of mills and factories of the Urals]. Issue 1. Sverdlovsk.

[Kudrjavcev, 2016](#) – Kudrjavcev A.F. (2016). Izhevskij i Votkinskij zavody: pervye sto let istorii [Izhevsk and Votkinsk factories: the first one hundred years of history]. *Jekologicheskij konsalting*. № 1. pp. 25–29.

[Lapshin, 2012](#) – Vjatskie parohody (1861–1917 gg.) [Vyatka's steamships (1861–1917)] / R.V. Lapshin i dr. Izhevsk: Idnakar, 2012. 168 p.

[Lapshin, 2014](#) – Lapshin R.V., Korobejnikov A.V. (2014–2016). Belyj flot grazhdanskoj vojny [White Navy of the Civil War]. V 6-ti chastjah. Izhevsk: Idnakar.

[Lipina, 2012](#) – Lipina S.A. (2012). Modernizacija oborudovanija i vnedrenie novyh tehnologij na Votkinskom zhelezodelatel'nom zavode v gody pervoj mirovoj vojny [Modernization of equipment and introduction of new technologies at the Votkinsk's ironworks during the First World War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 1-2. pp. 130–134.

[Mel'nikov, 1996](#) – Mel'nikov L.S. (1996). Rechnoj transport [River transport]. Oчерki po istorii Udmurtii XIX v. [Essays on the history of the Udmurtia on XIX century]. Izhevsk. pp. 245–261.

[Mitjukov, 2010](#) – Mitjukov N.V., Lapshin R.V. (2010). Udmurtskie nazvanija v morskome i rechnom flote Rossii [Udmurt names in sea and river fleet of Russia]. Izhevsk. 96 p.

[Mitjukov, 2016](#) – Mitiukov N.W. (2016). Maritime and river registers as a historical source. *Bylye Gody*. № 2 (40). pp. 469–478.

[Mohov, 1957](#) – Mohov A. (1957). Istoricheskij parohod [Historic steamer]. *Golos rabochego. Omutninskaja gazeta*. 12 fevralja.

[Novikov, 1998](#) – Novikov A.V. (1998). U istokov votkinskogo sudostroenija [At the root of the Votkinsk's shipbuilding]. *Zolotoj larec [Golden Casket]*. Izhevsk: Izhevskij poligraficheskij kombinat, pp. 13–32.

[Oskolkov, 1963](#) – Oskolkov G.I., Sutyryn B.A. (1963). Iz istorii Kamsko-Votkinskogo zavoda i Ekaterinburgskoj fabriki v nachal'nyj period promyshlennogo perevorota [From the history of the Kama-Votkinsk plant and the Ekaterinburg factory in the initial period of the industrial revolution]. *Voprosy istorii Urala*. Issue 3. Sverdlovsk.

[Pavlov, 2014](#) – Pavlov A.S. (2014). Parohody Sibiri 1844–1918 gg. Ob'-Irtysh. Angara-Bajkal-Selenga. Amur. Lena. Enisej. Kolyma [Steamers of Siberia 1844–1918. Ob-Irtysh. Angara-Selenga-Baikal. Amur. Lena. Yenisei. Kolyma]. Jakutsk. 168 p.

Sergeev, 2002 – *Sergeev V.D.* (2002). Iz istorii vjatskih gazet. 1838-1917 [From the history of Vyatka's newspapers. 1838-1917]. Vjatka (Kirov). 104 p.

CGA UR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki [Central State Archive of the Republic of Udmurtia].

Shubin, 1927 – *Shubin I.A.* (1927). Volga i volzhskoe sudohodstvo (Istorija, razvitie i sovremennoe sostojanie sudohodstva i sudostroenija) [Volga and Volga's shipping (history, development and current state of navigation and shipbuilding)]. M.: Transpechat'. 920 p.

Jakovenko, 2015 – *Jakovenko L.A.* Pervye parohody na Amure [The first steamers on the Amur]. <http://www.jakol.ru/amur1.html>

Lapshin, 2014 – *Lapshin R.V.* (2014). Flotillas in Turkestan on Civil war period. *International Naval Journal*. № 2. pp. 77–94.

УДК 94(47).083

Проблематика воткинского судостроения: к анализу корпуса исторических источников

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Дмитрий Владимирович Матвеев ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c

^a Международный сетевой центр Фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

^b Восточно-Европейский институт, Ижевск, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

Аннотация. Судостроение в городе Воткинске второй половины XIX – начала XX века является одним из культурно-технических феноменов России этого периода. Далекий от речных магистралей поселок Воткинский завод явился одним из крупнейших поставщиков пароходов в России. Но как показал анализ источников, системное описание воткинского судостроения и его каталогизация пока не были объектом исследования ни историков, ни краеведов. Целью данной работы является выявление корпуса источников и их типологии для решения данной задачи. Кроме традиционных методов историографических исследований, при работе с ним применялся метод системного анализа, позволивший выявить неявную информацию, скрытую при анализе каждой группы источников по отдельности.

В результате было выявлено, что весь корпус источников о воткинском судостроении можно разделить на четыре группы. Архивные данные (прежде всего ЦГА УР и архива воткинского завода), речные регистры Российской Империи и Советского Союза, периодическая печать и современные аналитические исследования. Комплексное использование всего корпуса источников позволило поставить новые исследовательские задачи и сформулировать новые подходы в исследовании проблематики воткинского судостроения. Например, отсутствие в регистрах определенных групп судов может означать возможности ухода от налогов в Российской Империи. Выявлено две группы таких судов: заводские пароходы и частные яхты.

Ключевые слова: Россия, судостроение, Воткинский завод, исторический источник, системный подход.

* Корреспондирующий автор

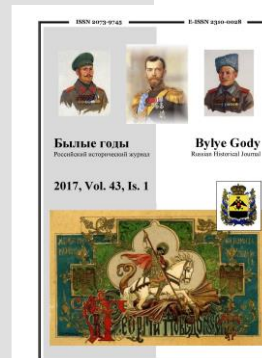
Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков),

matveevdv1972@mail.ru (Д.В. Матвеев), Svetchnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 153-161, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.153
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

The Siberian Students in Research, Cultural and Social Life of the Region in the Late XIX – Early XX centuries

Oksana V. Ustinova^{a, *}, Anna L. Skifskaya^a

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the role and place of students in the Siberian scientific-research and cultural-educational life of the region. It is shown that high moral ideals and a desire to help people in need be useful to its edge and to society in general – describe the ideas, common in the student's environment at the turn of XIX – XX centuries. Based on the analysis of archival materials and scientific literature, it was found that the students showed during this period, an increased desire to participate in social and cultural life of Siberia and the whole country. However, this participation in different ways manifested in the minds and actions of young people. Some students, actively engage in the cultural life of the region, entered in the companies involved in charity work, academic research, literary and theatrical art, medicine, advanced study of philosophy, technical processes, etc. At universities created various thematic interest groups, on a territorial basis – numerous fraternities, a nobility of purpose in the form of moral and material support of their members.

However, some Siberian students in their own way understood his own mission in social processes, including under the form of participation in legal societies, clubs or fraternities in the activities of political and campaign focus, in the meetings discussing ideas about the possibilities of revolution, as expected, from their point of view, progress and prosperity in case of their implementation. Also in this period, there are illegal organizations that engage some students of Siberian universities. The activities of such organizations is highly political in nature.

Keywords: Russia, Siberia, universities, students, youth, clubs, societies, fraternities, creativity, research activities, political ideas, cultural and social life.

1. Введение

Увеличение общего числа учебных заведений на территории Сибири к концу XIX – началу XX веков повлияло на общественную жизнь края. Большая часть образовательных учреждений в этот период представлена школами, гимназиями, ремесленными училищами и другими образовательными учреждениями, не относящимися к системе высшего образования. Тем не менее, в этот период в Сибири открывается и функционирует несколько вузов. Высшие учебные заведения воспринимаются обществом в качестве авторитетных центров науки и знаний. Студенчество осознает особую роль и миссию в исследовании и освоении сибирского края, занимает активную позицию в общественной и культурной жизни Сибири.

2. Материалы и методы

2.1. Настоящее исследование реализовано на базе анализа материалов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Государственного архива Томской области (ГАТомО).

* Corresponding author

E-mail addresses: sema_79@bk.ru (O.V. Ustinova), skifskaya@yandex.ru (A.L. Skifskaya)

В исследовании использованы материалы периодической печати, популярные в исследуемый временной период среди населения края («Омский вестник», «Сибирские вопросы», «Сибирская жизнь», «Сибирский студент», «Утро Сибири», «Томские губернские ведомости»).

2.2. Среди методов исследования были применены: нарративный, историко-сравнительный, контент-анализ документов. Так, нарративный метод применялся для более глубокого описания преобразований, сопровождавших возникновение и развитие различных студенческих объединений в конце XIX – начале XX веков. Историко-сравнительный анализ позволил выявить взаимообусловленность роста в исследуемый период в России числа различных негосударственных студенческих объединений и гражданской инициативы населения края. Контент-анализ применялся для качественно-количественного анализа содержания документов в целях выявления социальных явлений и тенденций, отражающих общественную и культурную жизнь сибирского студенчества на рубеже веков.

3. Обсуждение

В большей части исследований, посвященных истории студенчества на рубеже XIX – начала XX веков, описываются вопросы, связанные со становлением и функционированием учебных заведений России. Тематические труды в данном направлении появились еще в дореволюционный период (Вернадский, 1910, Булгаков, 1912). Дальнейшее развитие этих вопросов нашло продолжение в трудах советского и постсоветского времени (Иванов, 1991; Иванов, 2004, Vermeer, Van Der Ven). Однако в них не было уделено должного внимания анализу специфики, характерной для высших учебных заведений именно Сибири.

Тем не менее, вопросы, посвященные развитию высшего образования в вышеуказанном регионе в конце XIX – начале XX веков, также исследовались, несмотря на существенно меньшее распространение трудов данного типа. В дореволюционное время в таких работах преимущественно затрагивались вопросы о предпосылках создания конкретных сибирских вузов. Также приводились фактические и статистические данные об открытии этих образовательных учреждений, организационных и иных аспектах, связанных с протекающими в них учебными процессами: численностью преподавательского состава, успеваемостью и посещаемостью занятий студентами и т.п. (Открытие..., 1888). Но в них не содержалось должной систематизации хоть какого-то опыта функционирования данных учебных заведений. Редким исключением в этом отношении представляется труд М.Ф. Попова, в котором была сделана попытка произвести обобщение двадцатипятилетнего опыта работы Томского университета (Попов, 1913).

Лишь в советский и постсоветский периоды появляется достаточно большое количество трудов, авторы которых производят систематизацию сведений о деятельности высших учебных заведений Сибири. Однако в большинстве из них рассматривалась деятельность какого-либо одного сибирского вуза. Особенно подробно в данном направлении исследована история Томского университета. Кроме трудов дореволюционного времени, о которых уже упоминалось ранее (Попов, 1913), выходят исследования советского (Зайченко, 1960; История..., 1975) и современного периодов (Профессора..., 1996; Хаминов, 2011, Oleksiyenko, 2015). История же Томского политехнического (ранее – технологического) института изучена несколько меньше и в основном в работах советского (Лозовский, 1971; История..., 1975) и современного времени (Ищенко, 2006; Ищенко, 2010). При этом, в последнее время появились лишь единичные исследования, посвященные деятельности Сибирских высших женских курсов (Кузьминова, 2005).

В еще одной, условно выделенной нами группе работ, исследовательское внимание сконцентрировано на культуре, повседневных установках и быте учащихся и российских студентов (Леонтьева, 1997). Однако существенная часть данных трудов посвящена анализу жизни и быта только студентов столичных вузов (Москвы и Петербурга).

Таким образом, несмотря на некоторые успехи в заданном направлении, до сих пор нет оснований полагать, что разработка вопросов, связанных с повседневной жизнью, творчеством, научной и общественной деятельностью сибирского студенчества на рубеже XIX – начала XX веков, полностью завершена. Убеждены, что данная тематика нуждается в дополнительных исследованиях.

4. Результаты

На рубеже XIX–XX веков возрастает роль высших учебных заведений в реализации деятельности научно-исследовательского характера, построенной, преимущественно, на изучении самой Сибири, ее географических особенностей, природы, климата и промысловых ресурсов.

Характерно, что в данные процессы активно вовлекаются не только представители преподавательского состава вузов, но также и сами студенты. Так, например, в томских вузах активно практикуются совместные походы студентов и педагогов по местам родного края с целью исследования местной флоры и фауны. Самостоятельная исследовательская деятельность студентов поощряется, в том числе и материально.

Один из наглядных примеров подробно описан в работе П.А. Зайченко, где приводятся данные о том, что в 1908 году Обществом естествоиспытателей и врачей одному из студентов Томского

технологического (ныне – политехнического) института для осуществления экскурсии к верховью реки Томи с целью сбора коллекции насекомых было выделено 50 рублей. (Зайченко, 1960: 180-181).

Другому студенту этого же учебного заведения также было выделено 50 рублей для осуществления поездки на территорию Змеиногорского уезда с целью сбора определенных семян и растений, представляющих интерес для местного научного сообщества. При этом студенту В.Ф. Семенову была выделена еще большая сумма в размере 200 руб. на проведение работы по сбору растений для составления коллекции флоры Амурского бассейна (Зайченко, 1960: 182-183).

Студентами составлялись отчеты, где подробно описывались проделанные мероприятия и личные наблюдения, полученные в ходе экскурсии. В дальнейшем отчеты направлялись в Общество естествоиспытателей и врачей, а также непосредственно на факультеты, где обучались данные лица.

Интересно отметить, что деятельность самого Общества естествоиспытателей и врачей не ограничивалась лишь исследованием растений, медицины и иных вопросов естественно-научной направленности. Как показал анализ сохранившихся исторических документов, сфера исследовательского интереса данной организации была существенно шире и многогранней.

Так, например, в уставе данного Общества, утвержденном еще в 1889 году, министр народного просвещения граф И.Д. Делянов ставил перед организацией, наравне с прочими задачами по исследованию территории Сибири, задачу по изучению примыкающих к ней других стран. Кроме того, была поставлена цель – исследовать быт населяющих сибирскую землю племен, «преимущественно инородцев, в антропологическом отношении, а также антропологическое изучение по археологическим памятникам живших здесь доисторических племен» (Устав, 1889).

В примечании к отмеченному уставу было прописано, что исследования Сибири археологического характера взаимосвязаны с естествознанием не только в области антропологии, но также и во многих иных аспектах, относящихся, например, к «истории географического распространения культурных растений и домашних животных, а также добычи металлов и минералов» (Устав, 1889).

Из текста данного документа фактически следует, что не только науки естественного цикла знаний входили во взаимосвязь с гуманитарным подходом к решению ключевых вопросов и задач, но также наблюдалась и обратная взаимосвязь, когда гуманитарные науки, такие как антропология и археология, помогали в разрешении некоторых сложных вопросов медицинской и естественно-научной направленности.

Заметим также, что большой вклад в исследование сибирского края, помимо прочих исследователей и научных деятелей, был внесен одним из инициаторов открытия Томского университета, попечителем западносибирского учебного округа, ученым деятелям и почетным гражданином Томска – В.М. Флоринским.

В область научных интересов данного общественного деятеля входили курганы Томской губернии. В его научных трудах приводятся подробные характеристики, а также топографические сведения о курганах (Флоринский, 1890). Интересно, что к своим исследованиям В.М. Флоринский нередко привлекал и студентов Томского университета, задействуя их в работе по сбору лечебных трав, подготовке к археологическим экспедициям, обработке и систематизации сведений научно-исследовательского характера, подготовке экспонатов и стендов для Археологического музея Томского университета (Флоринский, 1898).

Помимо участия в исследовательских процессах, нередко студенты сибирских вузов добровольно вовлекались в деятельность практического характера, нацеленную на оказание помощи местному населению. Так, например, томские студенты медицинского факультета вместе с врачами оказывали медицинскую помощь в хирургической и факультетских клиниках Томского университета. Томские студенты также были вовлечены в осуществление профилактической вакцинации среди местного населения (Зайченко, 1960: 188-190).

При этом студентами Томского технологического института совместно с представителями преподавательского состава активно выполнялись заказы, поступающие от механических мастерских, золотопромышленников, владельцев винокурных заводов, стремящихся усовершенствовать осуществляемые на их предприятиях технологические процессы (История..., 1975: 138-140). Таким образом, можно констатировать, что сибирские студенты вносили посильный вклад в развитие промышленных процессов, протекающих в регионе на рубеже исследуемых веков.

В конце XIX – начале XX веков Россия проходит этап интенсивного роста числа различных негосударственных объединений, распространение которых было обусловлено выражением гражданской инициативы населения края, и в первую очередь, представителей русской интеллигенции.

Учитывая настроения и потребности граждан, характерные для данного периода времени, 4 марта 1906 года Николаем II издается Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах. В соответствии с данным документом, к таким обществам следовало относить: «соединение нескольких лиц, которые, не имея задачи получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель, а союзом – соединение двух или нескольких таких обществ, хотя бы через посредство их уполномоченных» (Российское..., 1994: 263). Обществам и союзам, согласно п. 2

этого указа, было дано право на создание и функционирование «без испрошения на то разрешения правительственной власти», однако с соблюдением правил, которые были изложены в данном документе (Российское..., 1994: 263).

Из наиболее популярных направлений общественной самодеятельности, получившей особое распространение в исследуемый период, можно выделить деятельность научно-технического, культурно-просветительного, художественно-литературного и благотворительного характера. В целом на рубеже XIX–XX веков в стране наблюдается высокий подъем в культурной жизни общества и сознательной активности граждан (Блинов, 1995: 4-5).

В сибирских городах создаются многочисленные драматические, художественные, музыкальные и иные общества культурно-просветительной направленности. Параллельно происходит активизация общественной инициативы в сфере народного просвещения. Значимое место в жизни исследуемого края стали занимать общества, деятельность которых была нацелена на «вспомоществование учащимся». Однако к данным организациям был закрыт доступ для учащихся – за исключением студентов высших учебных заведений.

Так, согласно п. 7 упомянутого ранее Именного высочайшего указа, «Несовершеннолетние, а также учащиеся в низших и средних учебных заведениях не допускаются ни к образованию общества, ни к участию в них» (Российское..., 1994: 263).

Тем не менее, как отмечалось выше, студенты высших учебных заведений могли быть допущены к образованию обществ, которые действовали бы вне вузов, а также к участию в данных структурах, однако с существенным ограничением: только на основаниях, устанавливаемых в уставах учебных заведений, где они получали соответствующее образование (Попов, 2006: 217).

На практике это означало, что в каждом случае руководители вузов совместно с попечителями учебных округов индивидуально решали вопрос о даче или отказе в предоставлении тому или иному студенту разрешения на участие в деятельности конкретного общества. Как свидетельствуют архивные документы, в ряде случаев ходатайства, поданные учащимися сибирских вузов, удовлетворялись.

Так, например, в период с 1900 по 1902 годы ректор Томского университета дал разрешение нескольким студентам на вступление в ряды Томского добровольного пожарного общества студентов. Как следует из материалов Государственного архива Томской области, такие разрешения были предоставлены студентам К. Данилову, Г. Прахову и В. Кропачеву (ГАТомО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 226. Л. 1; Д. 286. Л. 1-2).

В 1902 году также было удовлетворено ходатайство студента юридического факультета А. Мокиенко о его вступлении в общество трезвости, сформированное при участии Томской Никольской церкви. Желание студента вступить именно в это общество, во многом было обусловлено его предыдущей общественной деятельностью. Как следует из архивных материалов, до обучения в университете А. Мокиенко являлся участковым попечителем одного из уездных комитетов попечительства, специализирующегося на вопросах, связанных с привитием и поддержанием среди населения и молодежи устойчивой идеи о необходимости сохранения здорового образа жизни и трезвости (ГАТомО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 286. Л. 2-3).

В свою очередь, члены обществ и союзов нередко сами предпринимали попытки по вовлечению в свои ряды сибирских студентов, которых в последствие привлекали к проведению концертов и вечеров благотворительной направленности. Например, в октябре 1900 года Общество попечения о начальном образовании города Томска ходатайствовало перед руководством Томского университета о том, чтобы студентам М. Щеглову, М. Широконовичу, В. Балдовскому и А. Постникову разрешили принять участие с вокальной программой в музыкальном концерте, организованном данным Обществом. В 1902 году студенческий хор с разрешения администрации вуза принял участие в вечере танцев, организованном Томским обществом вспомоществования учащимся (ГАТомО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 286. Л. 5-6). В сохранившихся архивных материалах имеется множество других примеров и свидетельств подобного рода.

Следует подчеркнуть, что желание студенческой молодежи не ограничиваться учебными и факультативными занятиями внутри учебных заведений, во многом объясняется сложившейся в студенческой среде идеей о важной миссии, наложенной на студенчество социумом – миссии в сфере преобразования отдаленного сибирского края, и содействия, тем самым, позитивным преобразованиям и трансформациям в целом по стране.

Однако относительная поддержка студентов в их новаторской, творческой, а также общественно-полезной деятельности, параллельно сопровождалась рядом серьезных запретов и ограничений. Правительство, опасаясь развития революционных идей и радикальных взглядов в среде учащейся молодежи, старалось ввести некоторые меры контроля за деятельностью студенческих организаций. По этой причине формировавшиеся стихийно студенческие объединения обязывали получать легальный статус, накладывающий на них определенные обязанности и ограничения (например, необходимость оформлять регулярные отчеты и др.).

Среди организаций студенческой молодежи, помимо обществ, выделялись создаваемые повсюду землячества, объединявшие учащихся вузов по принципу их территориального происхождения.

В журнале «Сибирский студент» была сделана попытка охарактеризовать этот вид объединений молодежи. Землячество определялось в качестве некоей самоорганизующейся структуры, представляющей группу учащихся, объединенную территорией, наименование которой положено в основу названия самого землячества, ставящего себе цели и задачи в зависимости от интересов своих участников (Сибирская..., 1908: 16).

Самой же студенческой молодежи в качестве ключевой цели землячеств считалась взаимная моральная, материальная и духовная поддержка (Омский..., 1912: 6-7). Однако студенты, входящие в землячества, также занимались работой культурно-просветительного характера, и нередко участвовали в обсуждении политических идей и общей политической ситуации в стране.

Следует отметить, что правовое положение и функции землячеств, а также других организаций студентов высших учебных заведений, с 11 июня 1907 года регулировались, прежде всего, введенными императором Николаем II «Временными правилами о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений» (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1295. Л. 20-24).

В соответствии с данным документом, в помещениях учебных заведений разрешалось проводить собрания лишь академической направленности. Землячества должны были быть зарегистрированы и легализованы, а также обязаны предоставлять ежегодный отчет о своей деятельности в соответствии с уставом.

Политизированный характер деятельности ряда землячеств неоднократно подчеркивали черносотенцы. Например, в документе под названием «Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института...» отмечалось, что некоторые землячества под предлогом осуществления деятельности экономического характера осуществляли непрерывную «противоуправительственную агитацию», одновременно «выкачивали» деньги обывателей на революционные цели (Краткий..., 1911: 132).

В связи со сложившейся ситуацией, участвовавшими доносами на преподавателей и студентов вузов, 16 мая 1908 года Распоряжением Министерства народного просвещения было приказано считать законными лишь такие студенческие организации, уставы которых были утверждены и заверены Советами профессоров, действующими учебных заведениях. На практике данная мера привела к тому, что некоторая часть землячеств под различными поводами была закрыта.

Тем не менее, деятельность далеко не всех землячеств носила политизированный характер. Многие землячества легально и успешно функционировали на протяжении длительного периода времени, активно помогая своим членам в адаптации к жизни за пределами родного дома.

Так, например, в 1908 году администрацией Томского технологического института были официально утверждены уставы Иркутского, Южного, Кавказского, Енисейско-Красноярского, Воронежского, Астраханского, Омского, Семипалатинского, Казанского и Тюменского землячеств. Однако в этот же период была прекращена деятельность Забайкальского землячества на основании распоряжения губернатора (ГАТомО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 44-46). Из-за политической направленности была запрещена деятельность украинского землячества, функционировавшего ранее при Томском университете (ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1909. Д. 213. Л. 1-2).

Следует заметить, что параллельно с землячествами, студентами сибирских вузов предпринимались нечастые попытки формирования национальных организаций. Так, в Томском технологическом институте в 1914 году было сформировано Мусульманское общество взаимопомощи (ГАТомО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 152. Л. 13-14).

Желание объединиться по национальному признаку было характерным и для еврейских студентов. Свидетельством тому может служить текст письма, датированного 29 сентября 1903 года, написанного студентом Виткиным и отправленного в Петербург. В сохранившемся документе, помимо прочего, есть упоминание о нелегально функционирующем в Томском университете еврейском студенческом обществе. Председателем данной неформальной организации явился студент медицинского факультета третьего курса – Залкинд (ГА РФ. Ф. ДП. ОО. 1898. Д. 3. Ч. 280. Т. 8. Л. 45-46).

В целом можно констатировать, что в начале XX века землячества в студенческой среде сибирской молодежи были существенно более распространенным явлением, в сравнении с организациями национального характера.

Кроме обществ и землячеств широкую популярность среди студентов Сибири получили различные кружки технической и научно-просветительной направленности. По сведениям, изложенным в журнале «Сибирский студент», в период с 1907 по 1914 годы в городе Томске в рамках технологического института функционировали: аэрокружок, фотокружок, технический кружок, при Томском университете – экономический и сибирский кружок и др. (Сибирский..., 1914: 58-65). При этом в выпуске 1908 года газеты «Сибирская жизнь» содержатся упоминания о функционировании при Томском университете философского кружка; при Томском технологическом институте – кружка ураловедения и научного кружка и др. (Сибирская..., 1908: 3-4). В некоторых других местных журналах и газетах также содержались сообщения о творческой и научно-исследовательской деятельности, реализуемой учащимися томских вузов в рамках кружков и обществ (Сибирские..., 1910; Томские..., 1907; Утро..., 1916).

Однако в ряде случаев под видом молодежных кружков функционировали студенческие объединения, основной целью которых была деятельность политизированного характера. Так, например, по заявлению, озвученному томским вице-губернатором, к началу 1908 года в высших учебных заведениях города наравне с шахматным и драматическим кружком также функционировали три кружка, официально заявленной целью которых являлось самообразование. Однако в действительности данные объединения студентов представляли собой молодежные «фракции политических партий»: ПНС, ПСР, РСДРП (ГА РФ. Ф. ДП. 4 д-во. 1907. Д. 77. Ч. 5. Л. 102).

В продолжение исследования заметим, что только к 1910 году в Сибири открывается первое учебное заведение, дающее женщинам полноценное право на получение высшего образования. В этот период открываются Сибирские высшие женские курсы в Томске. До утверждения женских курсов, женщинам разрешалось, посещать томские вузы в качестве вольнослушательниц. Однако Циркуляр, вышедший 16 мая 1908 года, наложил полный запрет на такие посещения, что, в свою очередь, вызвало волну возмущения среди многих граждан, послужив в дальнейшем одной из ключевых причин открытия в Сибири специализированных высших женских курсов (Патрикеева, 2012: 14).

Следует заметить, что в отличие от Европейской части России, сибирская общественность, как это следует из местной прессы начала XX в., в целом существенно благосклонней относилась к возможности предоставления женщинам полноценных прав в сфере образования (Сибирская..., 1908; Сибирские..., 1908).

Данное обстоятельство было обусловлено нехваткой высококвалифицированных кадров в регионе, и прежде всего, в области медицины, а также вполне сформировавшимися условиями для открытия высших женских курсов в г. Томске (наличие профессионального преподавательского состава, задействованного в работе Томского университета и Томского технологического института; учебных корпусов, некоторые из которых могли служить также и в качестве аудиторий для женских курсов и др.).

В целом, можно констатировать, что открытие первого в Сибири высшего учебного заведения для женщин стало неким прорывом в мышлении даже ранее консервативно настроенной части граждан, ориентированной на традиционный жизненный уклад и семейные ценности, где женщине, прежде всего, отводилась роль домашней хозяйки, занимающейся рукоделием и воспитывающей детей (Кузьминова, 2005: 166).

Несмотря на открытие в 1910 году специального образовательного учреждения, далеко не все женщины, но только их малая часть, окончили полный цикл обучения на данных курсах. Как отмечается в исследовании Е.Ф. Кузьминовой, из 1426 поступивших на обучение женщин, только 151 слушательница курсов получила свидетельство об их окончании. При этом доля девушек, получивших диплом, в этой совокупности оказалось еще меньшей (Кузьминова, Некрылов, 2006: 136).

Что же касается общественной и культурной жизни студенток Сибирских высших женских курсов, то в целом можно отметить, что она существенно отличалась по своей насыщенности и включенности в общественные процессы, в сравнении с вузами, ориентированными на обучение мужчин. Женщины посещали театры, иногда сами участвовали в театральных постановках, литературном творчестве, музыкальных концертах. Однако столь выраженной политической активности, характерной для ряда студенческих организаций, членами которых являлись преимущественно мужчины, среди женщин, обучающихся на данных курсах, не наблюдалось. Тем не менее, нужно признать, что участие женщин в движении за право на высшее образование само по себе явилось проявлением некоторой активности в их борьбе за свои права.

5. Заключение

Таким образом, в рамках настоящей статьи были рассмотрены вопросы, связанные с ролью и местом сибирского студенчества в научно-исследовательской и культурно-просветительной жизни региона в конце XIX – начале XX веков. Как показал реализованный анализ научной литературы, архивных данных и материалов периодической печати, в исследуемый период на огромной территории Сибири были открыты и функционировали только три учебных заведения, имеющие официальный статус вузов: Томский университет, Томский технологический институт, а с 1910 года – Сибирские высшие женские курсы в Томске.

Малое количество высших учебных заведений на всю Сибирь повысило статус студентов, их восприятие обществом и населением края. Студенты чувствовали свою особую роль в освоении региона и повышении благополучия всей страны. Особая творческая и исследовательская активность учащихся сибирских вузов на рубеже XIX–XX веков обусловила появление различных обществ, кружков, землячеств и иных организаций, с участием студенческой молодежи Сибири.

Однако некоторые студенты параллельно с учебной, культурной и исследовательской деятельностью, проникаясь революционными идеями, предпринимали попытки самостоятельно, либо совместно с взрослыми лицами, имеющими такие же взгляды и убеждения, вступить на путь революционных преобразований в стране. В этих условиях правительство стремилось сдерживать соответствующие процессы и оппозиционные настроения. Формирующимся студенческим объединениям стали присваивать легальный статус, однако параллельно налагать на них ряд существенных запретов и ограничений.

Литература

- Блинов, 1995** – Блинов Н.В. К общественному движению в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Вып. 2. Томск: Томск, государственный университет, 1995. С. 3-23.
- Булгаков, 1912** – Булгаков В. Университет и университетская наука. М., 1912. 98 с.
- Вернадский, 1910** – Вернадский М.В. К характеристике современного студенчества. СПб., 1910. 112 с.
- ГА РФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАТомО** – Государственный архив Томской области.
- Зайченко, 1960** – Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск: Изд-во Томского университета, 1960. 480 с.
- История..., 1975** – История Томского политехнического института в документах. Т. 1. 1896–1917. Сборник документов и материалов. Томск: Изд-во Томского университета, 1975. 172 с.
- Ищенко, 2006** – Ищенко О.В. Студенческое движение в Томском технологическом институте в первые годы его существования (1901–1903 годы) // *Известия Томского политехнического университета*. 2006. Т. 309. № 4. С. 255–262.
- Краткий..., 1911** – Краткий очерк деятельности профессоров и студентов Томского технологического института Императора Николая II на поприще «освободительного движения»: 1901–1911 гг. Томск, 1911. 318 с.
- Кузьминова, Некрылов, 2006** – Кузьминова Е.Ф., Некрылов С.А. Высшее женское образование в Сибири в начале XX века. // *Вопросы образования*, 2006. №3 С. 122-139.
- Кузьминова, 2005** – Кузьминова Е.Ф. Сибирские высшие женские курсы в Томске в общероссийском движении за право женщин на образование // Томск-400. Судьба регионального центра России. Томск: ТГУ, 2005. С. 165–168.
- Леонтьева, 1997** – Леонтьева Т.Г. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX в. // *Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль*. М., 1997. С. 20-38.
- Лозовский, 1971** – Лозовский И.Т. Томскому ордену Трудового Красного знамени политехническому институту имени С.М. Кирова 75 лет» (Томск, 1971). Томск: изд-во Томского университета, 1971. 18 с.
- Омский..., 1912** – Омский вестник. Омск. Вып. от 10 июня 1912 года.
- Открытие..., 1888** – Открытие Императорского Томского университета. 22 июля 1888 года. Томск, 1888. 234 с.
- Патрикеева, 2012** – Патрикеева О.А. Курсистка или вольнослушательница университета: выбор россиянок в начале XX столетия // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2012. № 2. С. 14-17.
- Попов..., 2006** – Попов Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 512 с.
- Попов, 1913** – Попов М.Ф. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913. 315 с.
- Профессора..., 1996** – Профессора Томского университета. Биографический словарь. Выпуск I. 1888 – 1917. Томск: Издательство Томского университета, 1996. 228 с.
- Российское..., 1994** – Российское законодательство X–XX веков. Том 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций: Учебное пособие / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1994. 352 с.
- Сибирская..., 1908** – Сибирская жизнь. Томск. Вып. от 2 декабря 1908 года. С. 3-4.
- Сибирские..., 1908** – Сибирские вопросы. С.-Петербург. 1908.
- Сибирский..., 1914** – Сибирский студент. Томск. 1914. № 1. С. 58-65.
- Томские..., 1907** – Томские губернские ведомости. Томск. 1907.
- Устав, 1889** – Устав Томского общества естествоиспытателей и врачей // Изв. ИТУ. Труды Томского общества естествоиспытателей и врачей. Кн. 1. Томск, 1889. С. 3-4.
- Утро..., 1916** – Утро Сибири. Томск. 1916.
- Флоринский, 1890** – Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской областей // Изв. ИТУ. Томск, 1890. Кн. 2. С. 16-46.
- Флоринский, 1896** – Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни: Опыт славянской археологии. Томск, 1896. Ч. 1–2.
- Флоринский, 1898** – Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1898.
- Хаминов, 2011** – Хаминов Д.В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XX в. Томск: Издательство Томского университета, 2011. 270 с.
- Oleksienko, 2015** – Oleksienko A. Internationalization Legacies and Collaboration Challenges: Post-Imperial Hybrids and Political Fallouts in Russian Higher Education // *Frontiers of Education in China*, 2015. Vol. 10, Is. 1, pp. 23-45.

Johannes, 2003 – Paul, Johannes. Moral Consciousness of Secondary School Students // *Journal of Empirical Theology*, 2003. Vol. 16, Is. 1, pp. 51–71.

References

Blinov, 1995 – *Blinov N.V.* (1995). K obshchestvennomu dvizheniyu v Sibiri [To a social movement in Siberia] // *Materialy k hronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* Vyp. 2. Tomsk: Tomsk, gosudarstvennyj universitet. pp. 3–23. [in Russian].

Bulgakov, 1912 – *Bulgakov V.* (1912). Universitet i universitetskaya nauka. [The University and University research] M. 98 p. [in Russian].

Vernadskij, 1910 – *Vernadskij M.V.* (1910). K karakteristike sovremennogo studenchestva. [To the characteristics of modern students]. SPb., 112 p. [in Russian].

GA RF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State archive of the Russian Federation].

GATomO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [The State archive of Tomsk region].

Zajchenko, 1960 – *Zajchenko P.A.* (1960). Tomskij gosudarstvennyj universitet imeni V.V. Kujbysheva. Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880–1955). [Tomsk state University named after V. V. Kuibyshev. Essays on the history of the first Siberian University over 75 years (1880–1955)] Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. 480 p. [in Russian].

Istoriya..., 1975 – *Istoriya Tomskogo politekhnicheskogo instituta v dokumentah.* T. 1. 1896–1917. [History of the Tomsk Polytechnic Institute in the documents. Vol. 1. 1896–1917] / *Sbornik dokumentov i materialov.* Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1975. 172 p. [in Russian].

Ishchenko, 2006 – *Ishchenko O.V.* (2006). Studencheskoe dvizhenie v Tomskom tekhnologicheskom institute v pervye gody ego sushchestvovaniya (1901–1903 gody) [Student movement in the Tomsk Institute of technology in the first years of its existence (1901–1903)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta.* T. 309. № 4. pp. 255–262. [in Russian].

Kratkij..., 1911 – *Kratkij ocherk deyatel'nosti professorov i studentov Tomskogo tekhnologicheskogo instituta Imperatora Nikolaya II na poprishche «osvo–boditel'nogo dvizheniya»: 1901–1911 gg.* [The Brief outline of the activities of professors and students of Tomsk technological Institute of Emperor Nicholas II in the field of "liberation movement": 1901–1911]. Tomsk, 1911. 318 p. [in Russian].

Kuz'minova, Nekrylov, 2006 – *Kuz'minova E.F., Nekrylov S.A.* (2006) Vyshee zhenskoe obrazovanie v Sibiri v nachale XX veka. [Women's Higher education in Siberia in the early XX century]. *Voprosy obrazovaniya.* №3. pp. 122–139. [in Russian].

Kuz'minova, 2005 – *Kuz'minova E.F.* (2005). Sibirskie vysshie zhenskie kursy v Tomske v obshcherossijskom dvizhenii za pravo zhenshchin na obrazovanie [Siberian higher women's courses in Tomsk all-Russian movement for women's right to education] // *Tomsk-400. Sud'ba regional'nogo centra Rossii.* Tomsk: TGU. pp. 165–168. [in Russian].

Leont'eva, 1997 – *Leont'eva T.G.* (1997). Byt, nrawy i povedenie seminaristov v nachale XX v. [The Life, habits and behavior of seminarians at the beginning of the XX century]. *Revoljuciya i chelovek: byt, nrawy, povedenie, moral'.* M., pp. 20–38.

Lozovskij, 1971 – *Lozovskij I.T.* (1971). Tomskomu ordena Trudovogo Krasnogo znamenii politekhnicheskomu institutu imeni S.M. Kirova 75 let [Tomsk order of the red banner of Labor Polytechnic Institute named after S. M. Kirov 75 years.] (Tomsk, 1971). Tomsk: izd-vo Tomskogo universiteta. 18 p. [in Russian].

Omskij..., 1912 – *Omskij vestnik.* [Bulletin of Omsk]. Omsk. Vyp. ot 10 iyunya 1912 goda.

Otkrytie..., 1888 – *Otkrytie Imperatorskogo Tomskogo universiteta.* 22 iyulya 1888 goda. [The opening of Imperial Tomsk University. 22 Jul 1888]. Tomsk, 1888. 234 p. [in Russian].

Patrikeeva, 2012 – *Patrikeeva O.A.* (2012). Kursistka ili vol'noslushatel'nica universiteta: vybor rossijanok v nachale XX stoletiya [Students or listener of the University: selection of the Russians in the early twentieth century]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly.* № 2. pp. 14–17. [in Russian].

Popov, 2006 – *Popov D.I.* (2006). Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v konce XIX – nachale XX vv. [Cultural and educational society in Siberia in the late XIX – early XX centuries]. Omsk: Izd-vo OmGU. 512 p. [in Russian].

Popov, 1913 – *Popov M.F.* (1913). Kratkij istoricheskij ocherk Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913). [A Brief historical sketch of the Imperial Tomsk University for 25 years (1888–1913)] Tomsk. 315 p. [in Russian].

Professora ..., 1996 – *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskij slovar'.* Vypusk I. 1888–1917. [Professor of Tomsk University. Biographical dictionary. Issue I. 1888–1917]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1996. 228 p. [in Russian].

Rossijskoe ..., 1994 – *Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov.* [Russian ..., 1994 – Russian legislation X – XX centuries]. Tom 9. *Zakonodatel'stvo ehpori burzhuazno-demokraticeskikh revoljucij: Uchebnoe posobie / Pod red. O.I. Chistyakova.* M.: Yuridicheskaya literatura, 1994. 352 p. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1908 – *Sibirskaya zhizn'.* [Siberian..., 1908 – Siberian life]. Tomsk. Vyp. ot 2 dekabrya 1908 goda. pp. 3–4. [in Russian].

Sibirskie..., 1908 – *Sibirskie voprosy.* [Siberian questions]. S.-Peterburg. 1908. [in Russian].

Sibirskij..., 1914 – *Sibirskij student.* [Siberian student]. *Tomsk.* 1914. № 1. pp. 58–65. [in Russian].

Tomskie..., 1907 – *Tomskie gubernskie vedomosti*. [Tomsk provincial sheets]. Tomsk. 1907. [in Russian].

Ustav, 1889 – Ustav Tomskogo obshchestva estestvoispytatelej i vrachej [Charter of the Tomsk society of naturalists and physicians]. // *Izv. ITU. Trudy Tomskogo obshchestva estestvoispytatelej i vrachej*. Kn. 1. Tomsk, 1889. pp. 3–4. [in Russian].

Utro..., 1916 – *Utro Sibiri*. [Morning Of Siberia]. Tomsk. 1916. [in Russian].

Florinskij, 1890 – *Florinskij V.M.* (1890). Topograficheskie svedeniya o kurganah Semirechenskoj i Semipalatinskoj oblastej [Topographical data on burial mounds of the Semirechensk and Semipalatinsk regions]. *Izv. ITU. Tomsk*. Kn. 2. pp. 16–46. [in Russian].

Florinskij, 1896 – *Florinskij V.M.* (1896). Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ih doistoricheskoy zhizni: Opyt slavyanskoj arheologii. [Primitive Slavs on the monuments of their prehistoric life: the Experience of Slavic archaeology]. Tomsk. Ch. 1–2. [in Russian].

Florinskij, 1898 – *Florinskij V.M.* (1898). Arheologicheskij muzej Tomskogo universiteta. [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk. [in Russian].

Haminov, 2011 – *Haminov D.V.* (2011). Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v konce XIX – nachale XX v. [Historical science and education in Tomsk University in the late XIX – early XX century]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 270 p. [in Russian].

Oleksienko, 2015 – *Oleksienko A.* (2015). Internationalization Legacies and Collaboration Challenges: Post-Imperial Hybrids and Political Fallout in Russian Higher Education. *Frontiers of Education in China*. Vol. 10, Is. 1, pp. 23–45.

Johannes, 2003 – *Paul V., Johannes V.D.V.* (2003). Moral Consciousness of Secondary School Students. *Journal of Empirical Theology*. Volume 16, Issue 1, pp. 51–71.

УДК 93

Роль сибирского студенчества в научно-исследовательской, культурной и общественной жизни региона в конце XIX – начале XX веков

Оксана Вячеславовна Устинова^{а, *}, Анна Леонидовна Скифская^а

^а Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли и места сибирского студенчества в научно-исследовательской и культурно-просветительной жизни региона. Показано, что высокие нравственные идеалы, желание помочь нуждающимся людям, быть полезными своему краю и обществу в целом – характеризуют идеи, распространенные в студенческой среде на рубеже XIX–XX веков. На основе анализа архивных материалов и научной литературы, установлено, что студенты проявляли в этот период повышенное стремление к участию в общественной и культурной жизни Сибири и всей страны. Однако данное участие по-разному проявлялось в сознании и реальных действиях молодежи. Часть студентов, активно включаясь в культурную жизнь региона, вступала в общества, занимающиеся благотворительностью, научными исследованиями, литературным и театральным творчеством, медициной, углубленным изучением философии, технических процессов и др. При вузах создавались различные тематические кружки по интересам, по территориальному признаку – многочисленные землячества, преследующие благородные цели в виде моральной и материальной поддержки их членов.

Однако некоторые сибирские студенты по-своему понимали собственную миссию в социальных процессах, включаясь под видом участия в легальных обществах, кружках или землячествах в деятельность политической и агитационной направленности, обсуждая на собраниях идеи о возможностях революции, ожидаемого, с их точки зрения, прогресса и процветания в случае их внедрения. Также в этот период появляются нелегальные организации, в которые вступают некоторые учащиеся сибирских вузов. Деятельность части таких организаций носит выраженный политизированный характер.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, высшие учебные заведения, студенчество, молодежь, кружки, общества, землячества, творчество, научно-исследовательская деятельность, политические идеи, культурная и общественная жизнь.

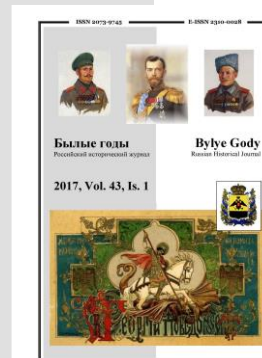
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sema_79@bk.ru (О.В. Устинова), skifskaya@yandex.ru (А.Л. Скифская)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 162-168, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.162
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 940

German Industrial Enterprises in Western Siberia in the second half of the 19th century

Vladimir N. Shaidurov ^{a, *}

^a Saint-Petersburg Mining University (Mining University), Russian Federation

Abstract

Economic modernization proceeded at an uneven pace in Russia. It was until the second half of the 19th century that the process began in Siberia. The abolition of segregation regulations contributed to the formation of bourgeois relations in industry and agriculture. New bourgeois were former government officials who had required connections to establish factories, and traders, who accumulated significant capital. The specificity of Siberia's national development enabled the formation of the German national entrepreneurship in various economic sectors. The article is intended to characterize the German entrepreneurship and its place in the regional economy in the context of political modernization and industrialization. The foundation for the study is built on the archival documents, statistical digests and current research. The work is based on the regional approach.

Keywords: economic modernization, Russian Germans, Western Siberia, national entrepreneurship

1. Introduction

In the middle of the 19th century, Siberia remained one of the backward regions in the Russian Empire. An explanation suggests that it above all was remote from major economic centers and sparsely populated. By 1865, there was only 4.3 % of the empire's population living there (3.1 million people) (Rashin, 1956: 95). But the population almost doubled over the following decades (in 1897 – 5.8 million people). The sharp growth is explained through ongoing resettlement policies that contributed to the industrial, agricultural, transport and trade development.

However, the economic growth in Western Siberia was hampered by prohibitive laws that were in effect at the time. For example, until the 19th century in the Altai mining district¹ which was one of the industrial centers, it was forbidden to use steam engines at private factories and plants.

In the 19th and early 20th centuries, Siberia witnessed the formation of various national groups. The largest group was formed by Russians who settled mainly in rural areas and engaged in agriculture. Numerous members were part of Jewish, Polish, German communities who settled mainly in towns and near major transport routes. These communities became mobile diasporic groups that began to play an important role in the regional economy, taking on themselves the functions that could not be fulfilled by Russian peasants and indigenous peoples of Siberia. For instance, Germans and Poles were administration officials in the Tomsk and Tobolsk provinces, Altai mining district, administrators at metallurgical plants, and army officers; Jews were engaged in trade, construction, processing and sales of agricultural produce.

* Corresponding author

E-mail addresses: s-w-n@mail.ru (V.N. Shaidurov)

¹ Altai mining district – a major administrative and territorial structure which was part of the Tomsk province. The district was located in the territory of the Russian Federation (Novosibirsk, Kemerovo Region, Altai Krai, Republic of Altai) and the Republic of Kazakhstan (East Kazakhstan region). Between 1745 and 1896, the district was controlled by the Cabinet of His Imperial Majesty, and was one of the ferrous metallurgy centers (gold, silver and copper extraction). The district was regulated by special laws.

Political modernization in the 1860s and early 1870s enabled more active development of capitalist relations in the Russian economy, which led to the end of the industrial revolution in the 1880s and the start of industrialization in the 1890s. This process was slower in some Russian regions, which was caused by the distinctive features of their development. National minorities (Jews, Germans, Poles, Finns, Estonians and others) became mobile diasporic groups in Russian, that facilitated economic progress. Resettlement of various ethnic groups to the outskirts of the empire helped develop traditional industries at higher technical and technological levels and contributed to the emergence of new industries. This process has been related to the formation of national entrepreneurship. One of these groups became Russian Germans. The basis for their active role in business activities was provided by objective and subjective factors. Due to high levels of education, knowledge of the latest technology and equipment, and proximity to power, Germans in Siberia played an important part in the development of ore mining and processing sectors, metallurgy, agricultural proceeding industry, etc.

2. Material and methods

In this article, we will define main characteristics of the German national entrepreneurship in the second half of the 19th century on a regional scale, identify conditions that contributed to the emergence of this phenomenon, define the industries in which German entrepreneurship played an important role, and use the comparative analysis to determine its place in the Siberian economy in the period under consideration.

As a main method, we will employ principles of the regional approach, represented on the Russian material by Andreas Kappeler (1992) in his monograph, in the form of reconstruction of specific aspects of history of Germans in Siberia. On the other hand, we will also apply some principles of the situational approach that has been lately widely used by Russian and foreign historians to describe history as resulted from the interaction of various actors (Miller et al., 2006).

The work is largely based on archival documents and published sources. The integrated use of these resources will help accomplish the objectives set above.

3. Discussion

Modern science gives much attention the issues of labor division. Modern history is characterized by the ethnic division of labor and involvement of various ethnic groups in specific sectors of the economy. In modern Russia, this phenomenon is studied using the regional approach (Kalmina and Kuras, 2001; Skubnevsky, 2010; Norkina, 2013). However, there are very few works based on the comparative method, which would make a comparison of the same political, social, economic, cultural, religious phenomena in different ethnic groups (Karikh, 2004; Nam, 2009; Shaidurov, 2013, 2014, 2015).

Germany showed much interest in the history of Russian Germans in the late 20th century. This resulted in the publication of monographs on the Germans living in individual regions of the Russian Empire (Bush, 1995).

4. Results

Bourgeois reforms, undertaken by Alexander II between the 1860s and 1870s, affected the situation of the German minority in Western Siberia. Radical changes took place in the situation of mining engineers and officials who were partly of German descent. This was described, for instance, by V. Zinoviyev, who noted that the Cabinet's enterprises had managerial personnel that came from clerks of mining and metallurgical districts and Freiberg and Ostsee Germans (Zinoviyev, 2007: 102).

In the second half of the 19th century, Germans still held key positions in the administrative and economic apparatus of the Tomsk and Tobolsk provinces and the Akmola region. The system of mining and metallurgical production persisted until 1896, which allowed Germans to influence this sector by working as mining engineers and managers at various levels. They held positions in Treasury Chambers, judicial apparatus, postal, telegraph and medical services. Germans retained their roles as gymnasium teachers in the system of public education. With the opening of the Tomsk University, they became part of the system of higher education. But compared to the first half of the 19th century, there was a reduced number of Germans (originating from Baltic provinces) in the Russian military service. Some researchers attribute this fact to the attack by the tsarist administration on the Baltic-German autonomy in the 1870s – 1880s, which led to a decreasing number of those wishing to serve in Russia, and even more so in Siberia (Katin-Yartsev, 2000: 159).

The second half of the 19th century brought about a rise in the Siberian economy as traditional and new industries developed. One of the characteristics featuring this period was the formed national entrepreneurship of the capitalist type in industry and agriculture.

Southern territories of Western Siberia with their mineral wealth and fertile land became the center of German entrepreneurship in the 1860s. The key factor here was high educational levels of German officials and mining engineers who were trained at the Mining Institute and military schools in St. Petersburg and abroad, and therefore had the high potential for starting modern production. With the availability of family and other ties, this contributed to first large-scale enterprises.

One of the first private factories in the Altai in the second half of the 19th century became the Prang soda factory opened in 1864. The importance of soda in industry can not be overestimated. At one time,

prominent chemist D.I. Mendeleev, making a review of the Paris World Exhibition, pointed to the need to organize industrial production of soda in Russia ([Mendeleev, 1868](#)).

The Russian government had realized the need for soda production already by the end of the 1850s. This is evidenced, for example, by the fact that a retired lieutenant, Benardaki, was granted a 10 year right to extract bitter salt from the Astrakhan lakes to produce sodium. The covering letter from the Finance Minister to this provision by the Committee of Ministers indicated that “Most soda used in Russia, one of the most important products in factory business, especially in glass manufacturing, is imported from abroad at a very considerable sum, whereas we have in abundance all basic materials to manufacture the above-mentioned, and the indigenous production of soda, in excess of the benefit for our factories, could constitute a new item of trade, create a separate source of earnings, relieve manufacturers from foreign dependence on the acquisition of the above-mentioned, and keep capital designated for this in the state” ([Complete code of laws of the Russian empire. Ed. II. Vol. 33. Sec. 1. No. 33339](#)).

Such *carte blanche* gave prospective entrepreneurs in some regions tremendous opportunities. There is no doubt that brothers Prang as mining engineers kept track of all technological innovations. A favorable combination of circumstances enabled them to actually establish their own monopolistic soda production in Siberia.

The center of bitter salt production became Marmyshanskies lakes in the Kulunda steppe of the Altai mining district. Brothers Ivan and Yegor Prang obtained a right to excise free salt extraction, similar to the above one of Benardaki ([Skubnevsky, 2010: 199](#)).

In 1863, Matvey Prang made an attempt to open his own glass and soap production facility with soda supplies the plant of his brothers ([RGIA. F. 468. Op. 23. D. 529. L. 1-2](#)). However, getting such business work required the use of steam engines. But in 1802 there was a ban in place in the Altai mining district, which prohibited opening private plants based on the steam engine technology. The reason was in the policy implemented by the Cabinet to conserve forests which were a source of fuel and charcoal for metallurgical plants. As a result, Prang's request was rejected ([RGIA. F. 468. Op. 23. D. 529. L. 3-4](#)).

In 1870 the brothers sold the enterprise to their brother Matvey. The 1870 – 1872 period witnessed the struggle with the excise department which made the new owner pay the excise tax motivating by giving a reason that the excise free right covered the former owners, rather than the enterprise. For this reason, Yegor Prang had to take the lead in the production facility over again. It was not until 1875 that Matvey Prang gained a right to extract salt excise free over the next 10 years ([RGIA. F. 1263. Op. 1. D. 3767. L. 156-160](#)). It was he who managed the factory until his death in 1890, after which the factory was taken over by his widow Yu. Prang. In 1907, it was bought out by a firm, “Lyubimov, Solve i K^o”, that owned a larger similar facility in the Urals. In 1912, the Barnaul soda factory was closed down.

Initially, there were hand furnaces installed at the facility. There were no steam engines there as their installation was prohibited in private factory located in the lands of the Cabinet. The ban had valid since 1828 and it was not until the late 1870s – early 1880s that the facility equipment was updated. However, despite the ongoing ban, the director of the Altai mining district, A. Freze, permitted the installation of steam engines. This allowed M. Prang to boost production levels.

According to statistics, the enterprise operated quite successfully from the very beginning. Already in 1866, the factory produced 3 thousand *poods* (pood – a Russian unit of weight equivalent to about 16.4 kilograms) of soda, and in the 1870s the annual production capacity already was approx. 6.2 thousand *poods* ([Skubnevsky, 2010: 199](#)). According to Orlov, as of the end of the 1890s the “Prang i K^o” soda factory produced 14.2 thousand *poods* of caustic soda and 4 thousand *poods* of refined soda ([Orlov, 1895: 185](#)). By the end of the 19th century, the enterprise had been a major soda supplier for tanneries, glass and soap factories in Siberia and the Far East ([Zavidovsky, 1894: 390](#)). The Prangs had only one rival beyond the Urals at that time – K. Zanevsky's factory in the Trans-Baikal oblast, which produced at that time only 450 *poods* of caustic soda.

Early 20th century studies into the work organization at private factories in the Altai mining district preserved information on the organization of production and workers' life at the “Prang i K^o” factory. For instance, S.P. Shvetsov noted that as to the plat buildings, they were in a terrible state: “The first section of the factory, which has a number of so-called sulphate furnaces, is nothing but the quite an old log barn with no windows and ceiling; gates instead of the door, earthen floor.” That there were no basic security measures on the production floor is indicated by the quotation that “without assistance it was impossible to take a single step, without risking to fall somewhere in a boiler or furnace” ([Shvetsov, 1897: 161](#)).

Despite a significant workforce (there were over 60 workers at the end of the 1890s), the soda factory had no physician or *feldsher* (feldsher – a medical doctor's assistant). The lack of medical personnel at such a dangerous production facility was compensated with an available first aid kit from which workers received free medications. If necessary, they were sent for treatment at the Red Cross Hospital in Barnaul. In this case, expenses were covered by the owner of the enterprise. The soda factory was one of the few enterprises in the Altai, that maintained its own school for workers' children. Shvetsov pointed out that children were taught for a long time by Matvey Prang's wife Julia Prang. In 1890, after her husband's death, she assumed control over the company and had to take for the vacant position of teacher a graduate from the Barnaul pre-gymnasium. Since the factory was located near Barnaul, the school had children of workers and clerks at the factory office.

According to the production organization, production volumes, and number of employees, Prang's soda factory can be characterized as a factory type enterprise. It was the first production of this type in the Altai. In addition, the value of the factory is that it was Russia's first enterprise in the industrial production of soda. At the 1882 Russian Industrial and Art Exhibition, M. Prang was awarded a gold medal inscribed "For the foundation of the first and sole active soda factory in Russia to date, as well as for the contribution made by the exhibitor in the development of Siberia's soap and other manufacturing sectors" (Zavidovsky, 1894: 389).

Another example of the German industrial entrepreneurship in the post-reform period can be provided by M. Funk. Before his retirement, he served as chief of the Barnaul post and telegraph office. In 1869, he partnered with B. Shmurygin and opened a buckshot manufacturing plant in Barnaul. Such cooperation was mutually beneficial for partners: the first one had contacts needed to obtain approvals, and the second one the initial capital to establish a business. The tandem of this kind was not unique to that time, on the contrary, it was typical in the situation when economic interests of the military, bureaucratic nobility and the merchant class converged.

In conditions of high demand on buckshot in Siberia, the enterprise turned profitable. By the end of the 1890s, it had returned its owners 12 thousand rubles annually (Orlov, 1895: 185). Modern researchers, who study the history of Funk's business activity, suggest that until the 1880s lead to produce buckshot was purchased at Altai silver producing plants of the Cabinet. In the 1880s, raw materials were purchased in England and Germany. At the turn of the 19th and 20th centuries, it once again became of Russian origin.

Until the early 20th century, it was the only factory in the region that specifically offered these products.

Like many other entrepreneurs in the post-reform period, Funk tried to occupy niches in several industry sectors. In the first case, as we can see, he achieved spectacular results. His other activity was a shipping company which focused on the Northern Sea Route and trade in Altai products with Nordic countries. By joining forces with Tara merchant A. Shcherbakov, he built a few steamships that transported goods to the Gulf of Ob. But this venture was not successful. In addition, Funk and his brother gained a right to extract salt in lake Burlinskoye in the Barnaul district of the Tomsk province in the late 1880s (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 1046. L. 74). At the same time he was engaged in the bread trade.

The fate of Funk's enterprises was to a large extent typical for their time. After the death of the owner, his heirs were not interested in commercial affairs and sold their shares to third parties.

In the post-reform period, Germans flocked not only into the commercial and industrial sectors. They made attempts to organize updated agricultural production in Western Siberia. In particular, they took first steps in establishing commercial production of industrial crops in the Altai.

In the middle of the 19th century, Western Siberia was a place of work of a number of Germans who went to Russia from German states to conduct commercial affairs. Without taking Russian citizenship, they remained Prussian, Hamburg, Bavarian, and other subjects. One of such "immigrants" was a native of the free city of Hamburg, August Brokmiller, who settled in the Altai. He was so firmly entrenched in the District that was temporarily a Barnaul merchant and father-in-law of the manager at the Pavlovsk silver factory, Fialkovsky, historians note (Ivanchenko, 1993: 46).

In 1857, the Cabinet of His Majesty acknowledged the benefits of the sugar beet farming in the south of Western Siberia. According to officials, this would provide the population with cheap refined cube sugar (sugar was brought from European Russia until the middle of the 19th century), enable peasants who would supply the raw material for the plant to earn additional income and would help set up businesses in the new promising sector (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 520. L. 8 ob.).

In 1858, Brokmiller was granted 100 *dessiatines* of land (*dessiatine* – a Russian unit of area equal to approximately 2.7 acres or 10 800 square metres) near the Malyshevskoe village, Barnaul district, and a permission to grow sugar beets and build a plant for the beet refined cube sugar production – the first venture of its kind in Siberia. In the first years, Brokmiller invested some 10 thousand rubles to arrange the production. However, the businessman did not take into account that the South of Western Siberia was an area of risk farming and cultivating non-recognized varieties here could lead to the loss of crops. He had to face this already in the first few years. To overcome the financial problems, he had to take out several loans.

In 1862, he already rented from the Cabinet 300 *dessiatines* of land. The factory began operating in 1862 and produced in the period between 1862 and 1865 2400 *poods* of sugar. The enterprise operated using horse engines that were set in motion by 16 horses; the enterprise employed 2 foremen and 70 workers.

Sale of sugar in the Siberian market did not allow Brokmiller to quickly pay back the loans. enterprising German who had by then joined the Barnaul merchantry, decided to set up the liquor production from beet-sugar refining production waste. In 1863, with the permission of the Minister of Finance, he launched a distillery (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 521. L. 154 ob.). In 1864, it returned 44.5 thousand rubles and employed 22 workers. It remained the only distilling plant in the Altai mining district until 1868.

In 1868, by order of the Cabinet, Brokmiller's factories were shut down and the owner was charged with illegal alcohol production. The plant was completely closed down in the spring of 1870. The reason for the closure of the plant was the failure of the plant owner to pay rent for the land he used (486 rubles) (RGIA. F. 468. Op. 23. D. 521. L. 343). According to N. Ivanchenko, a significant role in the case of Brokmiller was

played by K. Platonov who opened in cooperation with merchant Badiin the Itkul distillery in the village of Sokolovo in the Biysk District in 1868 and sought to defeat his competitor (Ivanchenko, 1993: 46).

By the end of the 19th century, German commoners of foreign origin were also actively involved in various sectors of the food industry. They launched the greatest activity in their traditional sectors, such as the flour-milling industry, distilling, and brewing. Although their presence in these areas were noticeably inferior to that of Jews and Poles. Nevertheless, there are several large enterprises that are worth mentioning. For instance, a distillery operated in the Tyukalinsk district of the Tobolsk province since 1883, owned by a colonist, Albert Fischer. Certainly, this enterprise could not compete with such “heavyweights” as N. Davydovskaya and heirs of Poklewski-Koziell. Still, the factory can be classified as a medium-sized enterprise. In the late 1890s, it annually gave about 8 thousand pails of vodka to the amount of 100 thousand rubles. At the time, the factory employed 20 people (Orlov, 1895: 205). Like other distillery owners, Fischer located his enterprise in one of the major centers of commercial grain production.

The late 1880s were a period of the booming yeast production in Western Siberia, which was associated with development of related sectors in the food industry. Its centers became Tomsk and Omsk. In 1887, a Prussian subject, Gustav Goltzgoter opened his factory in Tomsk. After 10 years, it annually produced up to 250 *poods* of dry yeast to the amount of three thousand rubles (Orlov, 1895: 208). In 1888, a yeast factory was opened in Omsk by Alexander Fischer, which, unlike the above enterprise, was oriented to the production of compressed yeast. The factory output amounted to 200 *poods*/year. Both factories were comparable through the use of artisanal production methods. The evidence is the number of workers employed in the production: there were only two workers employed at each factory. But while Goltzgoter faced completion from Franz Kaminsky’s factory in the Tomsk province, Fisher was spared such trouble in the Akmola region, as his factory was the only producer there.

The strongest presence of Germans in the post-reform period was in Western Siberian brewing. Each province had its own German brewer. Germans were very often invited as subject matter specialists by Russian and Jewish owners of beer mead breweries. For example, since the early 1880s, the Akmola region was the principal place of business of breweries owned by court counselor Hans Schpringbach. One of his factories was located in Omsk, and its annual production amounted to over 10 thousand pails to the amount of 8 thousand rubles (Orlov, 1895: 230). His other beer and mead production facility was located in Petropavlovsk; its output was smaller (6 thousand pails), but to 9 thousand rubles (Orlov, 1895: 229). This was due largely to the product range offered by the enterprises. Both factories were artisanal; they employed only 5 employees and 3, respectively.

But Western Siberia’s largest German family business belonged to Tomsk brewers of Prussian origin – the Kruegers.

Information on the start of Karl Krueger’s business activities refers to the summer of 1876. August 11, a meeting of the Tomsk municipal дума read out a document as follows: “A subject of the North German Confederation, Karl Krueger, in an application to the administrative board of the city, requests that he should be granted a lease of a land plot for 10 years, under the authority of the Yurtochnaya Community, in the newly designed street behind the city hospital, with the area 913 and a half square *sazhens* (*sazhen* – an old Russian measure of distance equal to 2.13 m) to establish a brewery for the price, which will be fixed by mutual agreement; a plan for the requested land plot was submitted attached thereto.

As a consequence of this, the administrative board of the city has found no reasons preventing a lease of the land plot in the specified area, and by mutual agreement fixed one hundred rubles per year as a lease payment and determined to submit the applicant’s application to the discretion of the дума. Having considered the area plan attached to the board’s register, with the plan marking the land plot requested by Krueger, and found that the terms are beneficial, the Tomsk municipal дума has resolved: to grant a 10 year lease on the requested land plot to master brewer Karl Krueger, from September 1, 1876, with an annual payment to the city income of 100 rubles.”

Constructing a brewery and installing equipment took about a year. In 1877, the Register of General Inspection of Industrial and Commercial Establishments already contained an entry on K. Krueger’s brewery as an operating facility. It was a small enterprise of the artisanal type.

In 1880, construction of a university began in Tomsk, and the land plot where Krueger’s operating enterprise was located, was transferred to the construction committee. As K. Krueger realized that the interests of the Imperial University would prevail, he chose to start new construction. This happened at the beginning of 1884. On a land plot, that was at the corner of Tyuremnyi vvoz and Moskovski trakt, October 27 (November 9, new style) 1884, an excise officer in the presence of the brewery owner, Karl Krueger, measured new vessels, thereby giving a legal permission to launch the enterprise (GATO. F. 234. Op. 1. D. 116. L. 38 ob.).

In September 1890, Karl Krueger leased out the brewery to his nephew Robert Krueger for a period of 5 years. And in August 1895, Tomsk brewery No. 8 owned by a Prussian subject, Karl Krueger, became the property of a Prussian subject, Robert Krueger.

Between 1897 and 1898, the facility was retrofitted. In addition to the restructuring of the premises themselves, modernization of the enterprise was primarily expressed in the installation of a 25 hp steam engine. The wooden mash mixing vessel with a capacity of 123 pails were replaced with an iron one rated for 199 pails. The 80-pail iron tun for mash decoction was supplanted with a 132-pail one, and the 296-pail iron

wort boiling tun with a 487-pail one. The facility's capacity was increased to 50 thousand pails per year, while it was no more than 10 thousand pails until 1887. According to industry statistics, in the late 1890s, the share of Krueger's brewery amounted to more than 27% of the total output or 31% in the ruble equivalent. But production processed remained largely semi-artisanal – in this period, it employed 4 workers (GATO. F. 234. Op. 1. D. 116. L. 38). It should be noted that brewery No. 8 by the nature of its production did not differ from other enterprises in the industry: Reichseligman's brewery had 6 workers (GATO. F. 234. Op. 1. D. 116. L. 39), Fuksman's and Vokano's 3 each (GATO. F. 234. Op. 1. D. 116. L. 37, 41).

This was not the last role of Germans in the development of Siberian industry. They did not only own enterprises. By the end of the 19th century, a widespread practice was to invite engineers, technicians and technologists from Central Europe. Austria-Hungary and Germany became a source of highly qualified personnel for Russia, including Siberia.

As they lived up to the end of the 19th century in large cities, Germans were incorporated into the city economic life. They were owners of meat and sausage shops in Tomsk, Tobolsk, Omsk, and Barnaul. They owned furniture stores and shops selling musical instruments. As the resettlement process intensified and the demand for improved agricultural equipment sharply increased, they became sales representatives of leading manufacturers (McCormick, Erlanger and others). Advertisements of these establishments were continuously posted on pages of Siberian newspapers.

A very small part of the German community had lived in rural areas by the end of the 19th century. They were predominantly former colonists who came to Tobolsk and Tomsk provinces from the Middle Volga region. Once at the new place of residence, they tried to adapt to local conditions, which they successfully managed. Their economic activity was traditionally based on agriculture. Cattle breeding was of an auxiliary nature. Inadequate knowledge of local environmental conditions hampered the process of establishing farming enterprises. As the settlements were located in areas remote from big cities and major trade routes, they were unable to integrate into the commodity exchange process, and for this reason the farming business was primarily self-sustaining for a long time.

5. Conclusion

Thus, the second half of the 19th century marked the start of economic modernization in Western Siberia. The development of capitalism in the regional economy was contributed to by European ethnic groups, such as Jews, Poles and Germans, who brought bourgeois practices to industry, commerce, transport and banking. This crystallized into a growing number of ethnicity-based enterprises in Western Siberia.

Proximity of Germans to the government institutions and strong family ties facilitated the rise of capitalist entrepreneurs from their group, who managed to become monopolists (Prang, Funk) or take leading positions in various sectors (Krueger). At the same time they had to face fierce competition in the most profitable sectors (e.g. distilling) and they were not always triumphant.

References

- Bush, 1995** – *Bush M.* (1995). *Deutsche un St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration*. Essen: Klartext. 288 p. [in Germany].
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoy oblasti [State Archives of the Tomsk region].
- Ivanchenko, 1993** – *Ivanchenko N.V.* (1993). *Selskiye predprinimateli Altaya v poreformennoye vremiya* [Rural entrepreneurs of the Altai in the post-reform time] // *Predprinimatelstvo na Altaye: XVIII v. – 1920-ye gg.* Barnaul, Altai University Press, pp. 44-49. [in Russian].
- Kalmina and Kuras, 2001** – *Kalmina L. and Kuras L.* (2001). *A History of exiles: The Jews of Buryatia. East European Jewish Affairs*. Vol. 31. Is. 1. pp. 49-60.
- Kappeler, 1992** – *Kappeler A.* (1992). *Russland als Vielvoelkerreich*. Muenchen: Verlag C.H. Beck. [in Germany].
- Karikh, 2004** – *Karikh Ye.V.* (2004). *Mezhetnicheskije otnosheniia v Zapadnoi Sibiri v protsesse ee khoziaistvennogo osvoeniia. XIX – nachalo XX v.* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic reclamation. The 19th – early 20th century]. Tomsk: Tomsk University Press. 233 p. [in Russian].
- Katin-Yartsev, 2000** – *Katin-Yartsev M.Yu.* (2000). *Baltiysko-nemetskoye dvorianstvo na rossiyskoy sluzhbe. Konets XVIII – nachalo XX vv.* [Baltic-German nobility in the Russian service. Late 18th – early 20th centuries]. Moscow. 296 p. [in Russian].
- Mendeleev, 1868** – *Mendeleev D.I.* (1868). *Obzor Parizhskoy vseмирnoy vystavki* [An Overview of the Paris World Exhibition]. St. Petersburg. 179 p. [in Russian].
- Miller, 2006** – *Miller A.* (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanovs Empire and nationalism: An essay on the methodology of historic research]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ. 248 p. [in Russian].
- Nam, 2009** – *Nam I.V.* (2009). *Natsionalnyey menshinstva Sibiri i Dalnego Vostoka na inistoricheskome perelome. (1917–1922)* [Ethnic minorities of Siberia and Far East at the historic crucial point. (1917–1922)]. Tomsk, Tomsk University Press. 500 p. [in Russian].
- Norkina, 2013** – *Norkina E.* (2013). *The origins of anti-Jewish policy in the Cossack regions of the Russian Empire, late nineteenth and early 20th century.* *East European Jewish Affairs*. Vol. 43. Is. 1, pp. 62-72.

Orlov, 1895 – *Orlov P.A.* (1895). Ukazatel fabrik i zavodov okrain Rossii: Tsarstva Polskogo, Kavkaza, Sibiri i Sredneaziatskikh vladeniy: Materialy dliya fabrichno-zavodskoy statistiki [Guide to factories and plants in border regions of Russia: the Kingdom of Poland, the Caucasus, Siberia and the Central Asian lands: Materials for factory statistics]. St. Petersburg, V. Kirschbaum's Printing house. 261 p. [in Russian].

PSZ – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete code of laws of the Russian empire].

Rashin, 1956 – *Rashin A.G.* (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.). Statisticheskie ocherki [The population of Russia for 100 years (1813–1913). Statistical essays]. Moscow: Gosstatizdat. 352 p. [in Russian].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Shaidurov, 2013 – *Shaidurov V.N.* (2013). Evrei, nemtsy, poliaki v Zapadnoi Sibiri 19 - nachala 20 v. [Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th – 20th century]. St. Petersburg: Nevsky Institute of Language and Culture Press. 260 p. [in Russian].

Shaidurov, 2014 – *Shaidurov V.N.* (2014). Evrei i ikh mesto v khoziaistvennoi zhizni Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine 19 veka [The Jews and their Place in the Economic Life of Western Siberia in the second half of the 19th century]. *Novyj Istoricheskij Vestnik*. Vol. 39. pp. 21-34. [in Russian].

Shaidurov, 2015 – *Shaidurov V.N.* (2015). Russian Germans in Russian Historiography from the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *East European History*, Vol. (1), Is. 1, pp. 13-23.

Shvetsov, 1897 – *Shvetsov S.P.* (1897). Polozhenie truda na chastnykh zavodakh Altayskogo okruga [The situation in labor in private factories of the Altai district]. *Sbornik pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy: Trudy yuridicheskogo obshchestva, sostoyashchem pri Imperatorskom Moskovskom universitete*. Vol. VII. Moscow. pp. 130–180. [in Russian].

Skubnevskiy, 2010 – *Skubnevskiy V.A.* (2010). Nemetskoe predprinimatel'stvo na Altae vo vtoroi polovine 19 – nachale 20 v. [German Free Entrepreneurship in Altai in the Second Half of 19th – the Beginning of 20th Centuries]. *The News of Altai State University*. 2010. Vol. 4. Is. 3. pp. 198-202. [in Russian].

Zavidovskiy, 1894 – *Zavidovskiy N.* (1894). Sodovoye proizvodstvo v Sibiri [Soda production in Siberia]. *Gornyi zhurnal*. Vol. 9. St. Petersburg. pp. 383-391. [in Russian].

Zinoviyeu, 2007 – *Zinoviyeu V.P.* (2007). Industrialnye kadry staroy Sibiri [Industrial personnel of old Siberia]. Tomsk, Tomsk University Press. 255 p. [in Russian].

УДК 940

Немецкое промышленное предпринимательство в Западной Сибири во второй половине XIX в.

Владимир Николаевич Шайдуров ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский горный университет (Горный университет), Российская Федерация

Аннотация. Экономическая модернизация проходила в России неравномерно. Только во второй половине XIX в. она началась в Сибири. Новыми буржуа стали бывшие чиновники, которые имели необходимые связи для устройства заводов, и торговцы, накопившие большие капиталы. Специфика национального развития Сибири способствовала формированию немецкого национального предпринимательства в разных отраслях экономики. Цель статьи – характеристика немецкого предпринимательства и его место в региональной экономике в условиях политической модернизации и начавшейся индустриализации. Основанием для исследования стали документы из архивов, статистические сборники и современные исследования. Работа построена на основе регионального подхода.

Ключевые слова: экономическая модернизация, российские немцы, Западная Сибирь, национальное предпринимательство.

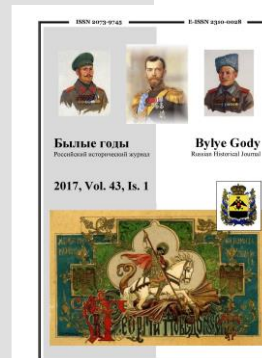
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s-w-n@mail.ru (В.Н. Шайдуров)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 169-178, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.169
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47).083

Russian Subjects on the Territory of the Grand Duchy of Finland (according to the Russian and Finnish Population Statistics of the late 19th century)

Sergey G. Kashchenko ^{a, *}, Maria A. Markova ^a, Olga V. Rodionova ^b

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

^b Russian State Historical Archive, Russian Federation

Abstract

Historical demographic research plays an important role in multi-disciplinary projects in historical, social and political sciences at the moment. It is of great importance for migration and social policy studies and also concerns economics, material and intellectual culture and inter-ethnic and inter-faith relations. The border regions with high population mobility are of particular interest. The search in the Russian State Historical Archive uncovered a complex of primary census material concerning the Russian population in the Grand Duchy of Finland. Thus it became possible to introduce previously unstudied documents, containing data on the Russian subjects, mainly military men, stationed at Helsinki, Sveaborg, Tavastgus, Torneo and a number of other garrisons into scientific use.

Russian military men in those towns comprised quite a noticeable element in the composition of the population. It is no doubt that Russian officers and their family members were part of the town elite according to their social status, life experience, and level of education.

Consequently the primary documents of the 1897 census give us a unique opportunity to see the demographic situation of the Russian garrisons accommodated in the Vyborg Governorate in the end of the 19th century from the inside, and add living colors related to biographies of certain people to the dry statistical picture which describes the population of the town.

Keywords: First Russian Empire Census, Military History, inter-ethnic relations, Finland, Vyborg, population register, statistics, Russian 19th century, Russian garrisons, demographic situation.

1. Введение

Сложные историко-демографические исследования, опирающиеся на применение современных компьютерных технологий, становятся в последние годы важной составляющей в научных проектах, охватывающих сферу исторических, социальных и политических наук. Они играют существенную роль при изучении различных аспектов миграционной и социальной политики, затрагивают области экономики, материальной и духовной культуры, межэтнических и межконфессиональных отношений. Сегодня можно говорить о существенных успехах «новой исторической демографии», уверенно развивающейся в научных центрах Российской Федерации (Владимиров, 2016: 64–66). Следует отметить, что особый интерес приобретают подобные исследования в приграничных регионах, где демографическая ситуация часто существенно отличается от положения во внутренних районах.

* Corresponding author

E-mail addresses: s.kaschenko@spbu.ru (S.G. Kashchenko), m.markova@spbu.ru (M.A. Markova), rodionova83@gmail.com (O.V. Rodionova)

2. Обсуждение

На протяжении последних двадцати лет западноевропейскими и российскими центрами проводятся совместные работы по сравнительному изучению демографического поведения населения в европейских странах и отдельных российских регионах, где в качестве источников неоднократно использовались первичные материалы учета населения. Одним из подобных проектов стало голландско-российское исследование «Integral history at the regional level», поддержанное The Netherlands Organisation for Scientific Research NOW, руководителем которого был недавно ушедший из жизни профессор Pim Kooij (Афиани и др., 2016: 214–215). К документам церковного учета населения и первичным данным переписей в настоящее время обращено пристальное внимание западноевропейских и российских ученых. Можно отметить активную деятельность The Norwegian Historical Data Centre (University of Tromsø), который в рамках научной кооперации с российскими учеными выполняет проект «Regional societies as demographic transitions: East–West» (руководитель – профессор Gunnar Thorvaldsen, лидер норвежской группы проекта «История народонаселения Европы по регионам», поддержанного Европейским научным фондом (ESF) в 2013 г.). В качестве одной из задач этого проекта рассматривается введение в научный оборот первичных источников дореволюционных российских переписей, среди которых заметное место занимает Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. Перспективы подобных работ были определены в докладе Е.М. Главацкой и Г. Торвальдсена на XVI международной конференции ассоциации «История и компьютер» «Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, методы, технологии» (Главацкая, Торвальдсен, 2016: 251–254).

3. Материалы и методы

Сегодня в ряде российских архивов найдено и введено в научный оборот (а частично и включено в реляционные компьютерные базы данных) значительное количество материалов текущего церковного учета населения XVIII – начала XX вв., а также первичные данные переписей, которые до этого редко использовались в историко-демографических исследованиях. Одна из реляционных баз данных по материалам переписи 1897 г. была создана сотрудницей Российского государственного исторического архива О.В. Родионовой. Значительная часть таблиц этой базы вместе с каталогами и комментариями опубликована (Население, 2012: 174–376).

В контексте обозначенных выше историко-демографических исследований особое значение приобретает параллельное использование опубликованных ранее данных официальной статистики и первичной архивной информации, содержащей сведения о каждом индивидууме. Как уже упоминалось, важным видится изучение демографической ситуации в приграничных регионах, для которых характерна высокая степень миграции населения. Одним из таких регионов можно считать территорию Великого княжества Финляндского, где располагалось значительное количество российских военнопленных, находившихся в Хельсинки (и на расположенной рядом морской базе в Свеаборге), Выборге, Або (Турку), Тавастгусе, Вильманстранде, Фридрихсгаме, Торнео. Эта часть населения оказывала заметное влияние на демографическую ситуацию в регионе и изучение ситуации в гарнизонах представляет несомненный научный интерес.

По устоявшемуся мнению авторитетных ученых (Кадомцев, 1909; Котельников, 1909; Литвак, 1990; Сафронов, 2001), наиболее полную и достоверную информацию о численности и структуре населения России конца XIX века содержат материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года, проведенной почти во всех регионах империи. Отметим, что Великое княжество Финляндское, где существовала собственная система учета населения, не вошло в их число. Известно, однако, что в ходе переписи были специально выделены лица, «находившиеся в дальнем плавании на военных судах, в русских поселениях в Бухаре», русские подданные в Хиве и «русское население, подлежащее переписи в Великом княжестве Финляндском». По данным переписи общая численность русского населения в Финляндии составляла 13276 человек (11891 мужчина и 1385 женщин), находившихся в Або-Бьернеборгской, Выборгской, Тавастгуской и Нюландской губерниях (Общий свод, 1905).

Большой интерес для изучения представляют первичные документы, составлявшие во время переписи, т.н. «переписные листки». В настоящее время эти документы в сравнительно небольшом количестве обнаружены в некоторых российских архивохранилищах. Так, в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1290 (Центральный статистический комитет)) был найден комплекс подготовительных первичных материалов к переписи, касающихся учета русского населения в Великом княжестве Финляндском [Воинские перечневые ведомости], в основном военнопленных, размещенных в ряде гарнизонов финских городов.

Среди выявленных первичных документов «Переписной лист. Форма В», «Воинская перечневая ведомость» и «Ведомость распределения населения по вероисповеданию», отпечатанные в типографиях (Кащенко, Родионова, 2010: 87–88; Кащенко, Родионова, 2011: 156–184).

Наиболее ценным источником информации являются т.н. «Переписные листы. Форма В». Здесь можно найти детальное описание расположения объекта, население которого переписывалось, общие сведения о числе наличного и постоянно живущего населения, персональные данные о лицах (имена, пол, возраст, семейное положение, отношение к главе семьи, «состояние или звание», место

рождения и постоянного проживания, вероисповедание, родной язык, данные о грамотности и образовании, занятиях, должности). «Воинская перечневая ведомость» включала информацию о нижних чинах, состоящих на действительной службе. Наряду с общими сведениями о числе военнослужащих в перечневой ведомости также приводились персональные данные. Значительный интерес представляет «Ведомость распределения населения по вероисповеданию», в ней учитывались: православные с «единоверцами»; «старообрядцы и уклоняющиеся»; «римско-католики»; протестанты различных направлений; «остальные христиане», а также магометане и иудеи. На последующих листах указывались еще 76 различных наименований религиозных течений (сект и т.п.), на последнем листе помещалась сводная таблица, состоящая из перечня религиозных направлений с учетом количества мужчин, женщин, лиц обоего пола, их исповедующих.

Таким образом, эти документы содержат обширную и достаточно достоверную демографическую информацию (известно, что их проверка осуществлялась в Центральном статистическом комитете). Эти сведения после введения в реляционные базы данных и последующей обработки позволили проанализировать широкий спектр демографических показателей.

При подготовке статьи были применены статистические методы обработки массовых источников по исторической демографии. Широко использован просопографический метод, позволяющий создавать коллективные биографии, анализируя однотипные сведения о времени рождения, семейном положении, социальном происхождении, исповедании, месте жительства, образовательном уровне, характере деятельности отдельных индивидуумов, выделяя характерные типы.

4. Результаты

В статье рассмотрена демографическая ситуация, сложившаяся в Выборге и других финских городах. Хотя население Выборга попадало в поле зрения финских исследователей ([Hämynen, 2010](#); [Hämynen, 2014](#)), детального изучения ими состава военнослужащих местного российского гарнизона в конце XIX в. с использованием уникальных первичных материалов переписи 1897 г. не проводилось. В российской историографии впервые к этой теме обратилась О.В. Родионова, опубликовавшая небольшую статью о русских военнослужащих в Выборге ([Родионова, 2014а: 285–289](#)).

Выборг во 2-й половине XIX – начале XX в. развивался быстрыми темпами, притягивая сельское население. О переменах в жизни города, писал в частности, С.И. Барановский в начале 1880-х гг. ([Живописная Россия, 1882: 101](#)). Этому способствовало развитие инфраструктуры, строительство железной дороги, открытие Сайменского канала, а также изменения во всех сферах жизни, происходившие в стране в пореформенное время.

Анализ демографических процессов, протекавших в Выборге в 1890-е гг., обычно базируется на материалах переписей городского населения Великого княжества Финляндского ([Suomen virallinen tilasto, 1893](#); [Suomen virallinen tilasto, 1904](#)). Здесь можно найти данные о численности жителей в отдельных районах, приводятся характеристики возрастной, половой и семейной структур, уровня грамотности, языкового состава населения. Ряд таблиц содержит данные о распределении горожан по месту рождения, вероисповеданиям, занятиям и профессиям.

Так называемый военный фактор, выражавшийся, прежде всего, в присутствии значительных по численности воинских формирований на территории города, оказывал серьезное влияние на развитие социально-экономических, культурных и демографических процессов. Интерес к этому вопросу отразился в данных, приведенных разработчиками переписи 1890 г., где были размещены сведения о возрастной структуре военнослужащих. В последующих выпусках подобная информация о военных отдаленно не размещалась, но влияние военного фактора сохранялось и через десять лет. В материалах переписи 1890 г. была помещена специальная таблица, характеризующая возрастную состав военнослужащих. В переписи 1900 г. представлена таблица о профессиональной структуре жителей Выборга, в которой содержатся данные о численности нижних воинских чинов Выборгского гарнизона и членов их семей. По данным переписи 1890 г. в казармах Выборга находился 2091 российский военный, 1838 из них были холостыми, 252 – женатыми, 1 – вдовцом. В 1900 г. среди российских подданных, сведения о которых были зафиксированы переписью, 2424 человека были военнослужащими, вместе с членами семей их численность составляла 2781 человек.

Анализ материалов переписей населения Выборга позволяет говорить о значительных переменах, произошедших в численности и структуре населения города в конце XIX – начале XX в. Следует заметить, что, анализируя изменения по материалам переписей, исследователи сталкиваются с рядом трудностей, в первую очередь, с проблемой сопоставимости обследуемой территории. Так, в ходе переписи 1900 г. собирались сведения не только о жителях собственно Выборга, но и о населении пригородов. Количество жителей города в это время составило – 22650 человек, численность жителей города и пригородов – 36808 человек ([Suomen virallinen tilasto, 1904: 250–251](#)). При проведении переписи 1890 г. территориальный охват был иным (без ряда пригородных территорий) ([Suomen virallinen tilasto, 1893: 130–131](#)).

Можно отметить, что в эти годы происходило определенное «выравнивание» половой структуры. Так, на протяжении 1890-х гг. доля мужчин сокращалась, составив в 1890 г. 54,2 %, а в 1900 г. – 50,8 %. В материалах переписи 1890 г. представлены данные о возрасте

2091 военнослужащего Выборгского гарнизона ([Suomen virallinen tilasto, 1893: 133](#)). Из них 706 человек (33,8 %) родились в 1868 г., 582 человека (27,8 %) – в 1867 г., 534 человека (25,5 %) – в 1866 г. Таким образом, мужчины в возрасте от 22 до 24 лет составляли большинство (87,1 %) среди военнослужащих гарнизона.

В 1874 г. происходили решительные перемены в способе комплектования русской армии. Согласно уставу о воинской повинности 1874 г. призывной возраст наступал в 21 год, а срок действительной военной службы в сухопутных войсках составлял 6 лет. Таким образом, с введением нового законодательства, возраст подавляющего большинства нижних воинских чинов русской армии приходился на промежутки от 21 до 24 лет. Следует упомянуть и о новых тенденциях, связанных с обучением солдат в армии, которой требовалось все больше грамотных людей. Создавались военные школы, которые увеличивали процент грамотных. Практика обучения солдат элементарным навыкам письма и чтения во время прохождения службы сказывалась на культурном облике жителей Выборга в целом. По переписи 1890 г. каждый пятый грамотный выборжанин в возрасте 10 и более лет был солдатом гарнизона. Так, всего 7049 мужчин в возрасте 10 лет и старше умели писать и читать, из них российскими солдатами были 1522 человека.

Эти общие цифры можно проиллюстрировать примерами, полученными на основании анализа первичных материалов переписи 1897 г. для нижних чинов. Таким примером может служить состав находившейся в Выборге первой роты 4-го Финляндского стрелкового полка ([РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 441. Л. 446–465](#)). Подавляющее большинство этих солдат родились в 1872–1875 гг. По своему социальному положению это были крестьяне (около 88 %) и мещане. Около трети нижних чинов были выходцами из трех северо-западных губерний, остальные были призваны из западных губерний империи. Интересно, что каждый пятый солдат был из Виленской губернии, каждый четвертый – из Сувалакской и Ломжинской, примерно столько же – из Смоленской, Витебской и Минской. Холостых нижних чинов (включая унтер-офицеров) в роте было 87 %. Грамотными были почти две трети солдат, которые, как правило, обучались в полку.

Православных было почти три четверти солдат, которые считали своим родным языком русский. Для сравнения, лютеранами числилось только двое военнослужащих, которые говорили на эстонском языке. Учитывая, что две трети солдат происходили из западных губерний, вполне естественным было сравнительно большое число католиков (18 % рядовых, разговаривавших в основном на литовском и польском языках). Иудаизм в роте исповедовало 12 евреев. Можно отметить, что в этом поликонфессиональном сообществе нашлось место и старообрядцу ([Родионова 2014а: 285–289](#)).

Таким образом, если в конце 1890-х гг. жители встречали на улицах Выборга рядового 1-й роты 4-го Финляндского стрелкового полка, то, скорее всего, это был солдат, 22–24 лет, холостой, русский, происходивший из крестьян северо-западных или западных губерний. Он умел читать, причем, с весьма большой вероятностью, выучился грамоте в полку.

Из документов следует, что в брак военнослужащие могли вступать как в Выборге, так в родных губерниях. О довольно тесных контактах жителей Выборга с русским гарнизоном, существовавших во 2-й пол. XIX в., свидетельствуют данные о смешанных браках, зафиксированных в метрических книгах местного Преображенского собора. Эти данные относятся к более раннему времени, к 1870-м гг., но мы полагаем, что их уместно привести.

Военные реформы 1870-х гг. сказались на брачности, сокращение сроков службы привело не только к откладыванию браков у мужчин, но, вероятно, и к изменению практики выбора невесты. До реформы военнослужащие, чей срок службы подходил к концу, чаще выбирали невесту среди населения того города или местности, где несли службу. После реформы, существенно сократившей срок службы, большая часть военнослужащих, вероятно, надеялась найти себе достойную пару в родном селе, деревне или городе. Таким образом, постепенное исчезновение из метрических книг записей о смешанных браках православных военных и выборжанок, скорее свидетельствует не о нарастающем отчуждении между гарнизоном и жителями города, а об изменениях в брачном поведении солдат.

Какую же картину фиксируют документы 1870-х гг. ([Метрические книги](#))? С 1873 по 1876 гг. в метрики Преображенского собора внесены сведения о 68 браках, из них 23 союза были заключены между православным и лютеранкой, 13 пар включали лютеранина и православную. В тех 23 случаях, когда были обвенчаны православные мужчины и женщины, исповедующие лютеранство, 10 женихов являлись военнослужащими гарнизона или членами их семей. Не только жительницы Выборга выходили замуж за военнослужащих гарнизона, в 3 случаях из 13 браков, заключенных между лютеранином и православной, невесты принадлежали к семьям нижних воинских чинов выборгского гарнизона, которые вышли замуж за ремесленников Выборга.

Можно привести и некоторые наблюдения, касающиеся других русских гарнизонов в губернии. Здесь были расквартированы воинские части (два стрелковых полка) в трех городах: Выборге, Фридрихсгаме и Вильманстранде. Общая численность военных, членов их семей и прислуги по материалам переписи составляла 4423 человека ([РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 441. Л. 2–706](#)).

В Вильманстранде в 1897 г. находились пять рот 3-го Финляндского полка, управление коменданта и продовольственный магазин, всего около 800 военнослужащих; в Фридрихсгаме

военных было немного – 36 человек; большинство находилось в Выборге – три роты 3-го Финляндского стрелкового полка, 6 рот 4-го Финляндского стрелкового полка, роты крепостной артиллерии и пехотного батальона, здесь же находились штаб крепости и др. подразделения, всего переписали 3663 человека.

Если пересчитать процент русских на 1890 г., то в Вильманстранде при общей численности населения в 1614 человек их было почти 50 %; в Выборге – около 20 % и только в Фридрихсгаме из 3226 человек русских насчитывалось примерно 1 % (*Сборник сведений, 1892: 182*).

Если рассмотреть религиозную принадлежность военных в выборгских гарнизонах, то можно сказать, что среди военнотружущих было православных 65 %, католиков – 15,6 %; протестантов – 2 %; иудеев – 5,6 %. 27 человек записались старообрядцами. Как правило, солдат набирали из С.-Петербургской, Московской, Казанской, Новгородской и Архангельской губерний, значительное число их было из Прибалтики.

Интересно провести сравнение демографической ситуации в выборгских гарнизонах с другими воинскими подразделениями, расквартированными в Великом княжестве Финляндском. В Тавастгусе была расквартирована первая рота 2 Финляндского стрелкового полка. Практически все солдаты в роте были 1872–1875 гг. рождения. И здесь подавляющее большинство солдат (86 %) относили себя к крестьянскому сословию, только 12 % – к мещанам, единичными случаями были записи: «купец» и «солдатский сын». Среди русских, в основном (около 60 %), были выходцы из северо-западных губерний (из С.-Петербургской (15 %), Новгородской (9 %), Псковской (34 %)). Отсутствие выходцев из центральных губерний можно объяснить тем, что Петербургский военный округ включал в себя при своем создании в 1864 г. Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Архангельскую и Олонецкую губернии. С 1870 г. (после упразднения Рижского военного округа) в него вошла Эстляндская губерния, еще позже – Курляндская и Лифляндская (за исключением Рижского уезда, входившего в Виленский военный округ). Комплектование велось в пределах военного округа, отсюда можно видеть высокий процент выходцев из северо-западных губерний. 14 % призванных в армию были уроженцами Смоленской губернии. Остальные, в основном, происходили из Витебской губернии (скорее всего среди них было немало белорусов, которых фактически не выделяли в отдельную языковую группу).

65 % военнотружущих назвали родным языком русский, а себя считали православными. 21 % русских солдат (все из них были крестьянами) не умели читать, 35 % – научились грамоте в полку. До поступления в полк 85 % солдат занимались земледелием, были среди них также кузнец, ломовой извозчик, маляр, портной, чернорабочий, торговец, два сапожника и матроса «на корабле добровольного флота». Встретился среди рядовых даже бывший конторщик в магазине, однако на момент переписи он находился в самовольной отлучке.

Около 30 солдат-католиков назвали родным языком польский. Почти две трети поляков происходили из Плоцкой губернии. Остальные, примерно в одинаковых пропорциях, из Варшавской, Ломжинской и Сувалкской губерний. Практически все они были крестьянами, причем 40 % из них не умело читать, а 23 % научилось грамоте в полку. Во время службы четверо поляков были музыкантами, а трое – офицерской прислугой.

В роте числилось также 13 человек, исповедовавших иудаизм и назвавших еврейский родным языком. Из них 8 происходили из Витебской губернии, 2 – из Полоцкой. В основном это были мещане. До службы в армии двое были торговцами, четверо – портными, трое – земледельцами. Были среди них также столяр, кузнец, живописец и слесарь. В целом среди евреев почти половина была неграмотными, а четверть научилась грамоте в полку. Во время прохождения службы трое считались музыкантами. Были среди солдат также 6 малороссиян (из них три – офицерская прислуга), литовец и немец.

Таким образом, «средний» солдат из Тавастгуса был весьма похож на рядового из Выборга. Следует отметить, что несколько отличались от них солдаты воинских частей, расквартированных в Хельсинки (*Население, 2012: 169–367; Родионова, 2014б: 170–176*).

На основании архивных материалов можно получить представление о и некоторых особенностях жизни офицеров русских частей, расквартированных на территории Выборгской и других губерний Великого княжества Финляндского. Так, на основании первичных бланков («Форма В») можно получить сведения о командном составе русских гарнизонов в Выборгской губернии.

Наиболее заметной фигурой среди русских офицеров в Выборге был командир 3-го Финляндского стрелкового полка 45-ти летний Константин Осипович Курганович, заполнивший бланк переписи и на свою семью, и на прислугу, проживавшую в доме. Потомственный дворянин, уроженец Гродно, Курганович получил военное образование в столице (в 1-й С.-Петербургской военной гимназии, а позднее в Павловском военном училище) и был выпущен офицером в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1890 г. он получает чин полковника, а через два года становится командиром 3-го Финляндского полка. Интересна его дальнейшая судьба (*Волков, 2009: 743; Список генералам, 1908: 323; Список полковникам, 1900: 99*). В 1900 г. он получил чин генерал-майора, в 1907 – генерал-лейтенанта. После 1897 г. – служил в 86-м пехотном Вильманстрандском полку, с 1901 г. был начальником 2-й Финляндской стрелковой бригады, с 1907 г. по 1909 г. – начальником 37-й пехотной дивизии. С началом Первой мировой войны его «призывали на службу по

Государственному ополчению», а революционные события 1917 г. застали Кургановича далеко от столицы и Финляндии – в Самарканде. В 1897 г. он жил в Выборге с супругой, потомственной столичной дворянкой, окончившей институт. Вместе с семьей была переписана шестидесятилетняя кухарка, московская мещанка, а в качестве «казенной прислуги» находился грамотный 23-летний поляк, католик Юрий Урбанович, выходец из крестьян Сувалаской губернии.

Сохранилась в документах и подробная информация о трех комендантах, служивших в Выборгской губернии. Самым известным из них был комендант Выборгской крепости, 62-х летний боевой генерал, артиллерист Иван Павлович Рубец, уроженец Черниговской губернии, окончивший 2-й кадетский корпус. Рубец участвовал в «Восточной войне» 1853–1856 гг., где был дважды ранен, а также «польской кампании» 1863–1864 гг. К 1886 г. он был генерал-майором, а к 1896 г. – генерал-лейтенантом. С 1886 г. генерал командовал артиллерийской бригадой, а затем был назначен комендантом Выборгской крепости.

Его супруга, сорокалетняя потомственная дворянка из Одессы, имела институтское образование. Вместе с ними в Выборге жили их дети: сын 18 лет, родившийся в городе Остров Ломжинской губернии, закончивший кадетский корпус, и дочь, родившаяся в Минске и обучавшаяся в 1897 г. в Выборгской гимназии. Здесь же жила двадцативосьмилетняя гувернантка Катерина Фрейман, уроженка Митава (родным языком она считала немецкий, в свое время окончила Рижскую женскую гимназию), и кухарка Анна Иванова, уроженка Псковской губернии.

Комендант Вильманстранда, 43-х летний подполковник Михаил Михайлович Трушталецкий, был родом из Шлиссельбурга, выпускником юнкерского училища. Его супруга петербурженка, потомственная дворянка, имела высшее образование. С ними были переписаны трое детей: сын и две дочери, мальчик родился в Выборге, девочки – в Вильманстранде. В семье была «бонна», 19 летняя протестантка из Лифляндской губернии Ребека Теслова.

Комендант Фридрихсгама, подполковник Владимир Николаевич Мироносицкий, 48 лет, был потомственным дворянином, уроженцем Вологодской губернии, образование получил в вологодской гимназии, а затем и Московском пехотном юнкерском училище. Его супруга была родом из Сестрорецка, получила домашнее образование. Прислуживали в семье Егор Боровиков и Илья Воробьев, оба из крестьян Смоленской губернии.

Можно сопоставить эти сведения с данными о комендантах других крепостей.

Семья тридцатичетырехлетнего коменданта Торнео личного дворянина Василия Тимофеевича Белова включала четырех человек. Поскольку он родился в Гельсингфорсе, его можно считать местным уроженцем. Здесь же в Гельсингфорской Александровской гимназии он и получил образование. Женат комендант был на личной дворянке, петербурженке, закончившей Петровскую гимназию. Обе дочери в этой семье родились в Торнео.

Еще теснее с Финляндией была связана семья коменданта Тавастгуса Акселя-Вольмара Готлунда, жившая в «деревянном, покрытом асфальтом» доме по адресу Биргер-Ярльская ул. 18. Комендант был уже не молод, к моменту переписи ему было 62 года. Для Финляндии это была весьма заметная личность, поскольку он был сыном выдающегося финского литератора и общественного деятеля Карла Алекса Готлунда (1796–1875). Потомственный дворянин, уроженец Куопио, комендант был лютеранином, считал родным языком шведский и, указав в анкете, что окончил Гельсингфорскую гимназию. Его жена, 37 летняя Ольга Готлунд (урожденная Краснопольская) была русской, православной, происходила из Курской губернии. В свое время она училась в московском Мариинском институте. Вместе со своими родителями в Тавастгусе жили их сын, Карл-Вальтер 11 лет, родившийся здесь же, и две его сестры, старшая Ольга-Мария 16 лет, родившаяся в крепости Свеаборг (где, возможно, ранее служил ее отец) и младшая 14 летняя Анна-Шарлота-Елизавета, родившаяся уже в Тавастгусе. Дети были записаны как лютеране, девочки говорили по-фински и по-шведски, мальчик – по-фински. Учились сестры в финской женской гимназии, а их брат – в подготовительном финском училище. В ходе поиска нам удалось найти данные о семействе коменданта Готлунда и о захоронении его членов. На надгробном памятнике указаны даты жизни и смерти еще одного, старшего сына Готлунда – Акселя Готлунда (1883–1972), упоминания о котором в переписном листе нет. Видимо в 1897 г. мальчик где-то учился, скорее всего, вне Тавастгуса. Интересно, что никакого указания на прислугу в анкете нет.

Несколько необычно выглядела «команда управления Тавастгуского коменданта». В ее состав входили 17 крестьян, из них 10 православных русских и 7 католиков (6 поляков и 1 литовец). Из 10 русских – 6 были неграмотными, литовец и поляки грамотные, умели читать «по-польски».

Комендантом важной в военном стратегическом отношении Свеаборгской крепости в 1897 г. был петербургский дворянин, потомственный военный, генерал-лейтенант Константин Федорович Аргамаков (Волков, 2009: 71–72; Глиноецкий, 1882: 102; Милорадович, 1886: 91; Пономарев, Шабанов, 2009: 389). Его отец, Федор Исаевич, был полковником, братья Василий и Николай дослужились до чинов генерал-майора и полковника соответственно. Родился будущий комендант Свеаборга в 1836 г. Он получил прекрасное военное образование, окончив Первый кадетский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Константин Федорович, будучи совсем молодым человеком, участвовал в войне 1853–1856 гг. В 1864 г. он получил чин капитана, с 1867 – подполковника, с 1870 – полковника. С 1870 г. Аргамаков находился в должности начальника штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Генерал-майором он стал в 1881 г., тогда же был зачислен в

свиту императора Александра III, а генерал-лейтенантом стал в 1893 г., когда и был назначен комендантом Свеаборгской крепости. Вместе с ним в крепости жила его супруга, Мария Ивановна, петербургская дворянка, окончившая в свое время Екатерининскую женскую гимназию, дочь и падчерица (обе получили образование в столице). В доме находилась престарелая Марфа Чубракова, в анкете которой было указано, что она происходила «из личных дворян» С.-Петербургской губернии. Прислуга, Адель Семашко, восемнадцатилетняя девица, была из гродненских мещан. В анкете было указано, что она закончила школу М.И. Аргамаковой, и на жизнь зарабатывала пошивом одежды. При коменданте находились трое «казенных слуг» 23–25 лет, выходцы из крестьян.

Рассмотрев состав семьи комендантов крепостей, можно сказать, что все офицеры были дворянами (потомственными или личными), родились либо во внутренних губерниях Российской империи, либо на территории Великого княжества Финляндского, имели семьи и детей, получили хорошее образование, образованными были и их жены. Все они, за исключением Тавастгусского коменданта, были православными и родным языком считали русский. Прежде чем оказаться в Финляндии они не раз меняли место жительства из-за службы, об этом говорят данные о месте рождения детей.

Возвращаясь к Выборгу, отметим, что имеются в материалах переписи и сведения о семьях батальонных командиров Бориса Францевича Янушевича, Василия Федоровича Симонтовского, а также данные об Алексее Михайловиче Максютенко, который на момент переписи был вдовцом.

Таким образом, мы можем представить себе семьи офицеров, проживавших в Выборгской губернии. Происходили эти офицеры из потомственных дворян, женаты были, как правило, на дворянках из той же губернии, откуда были родом. Супруги были православными, родным языком считали русский. Многие имели детей, которые родились уже во время службы в гарнизоне. В их семьях находились няни или гувернантки детей, часто лютеранки из Прибалтики, «казенной» прислужкой были солдаты из тех же частей, которыми командовали офицеры.

Младшие офицеры, попавшие в переписные листы, в основном, были в возрасте 27–35 лет, происходили из потомственных дворян, заканчивали военные училища в С.-Петербурге. Как правило, они были холостыми, имели «казенных слуг», которые обычно «происходили из крестьян» и служили в их ротах. Чаще всего они занимали одну квартиру на 3–4 человек. В целом, это была типичная для Российской империи офицерская среда конца XIX века.

5. Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что русские военнослужащие в городах Великого княжества Финляндского являлись весьма заметным элементом в составе населения. В основном, это были молодые мужчины, значительная часть которых была грамотна, уроженцы различных внутренних губерний империи, разных национальностей, принадлежавшие разным религиозным конфессиям. В условиях Выборга, который на протяжении нескольких веков своей истории входил в состав Швеции, России и, наконец, стал частью Великого княжества Финляндского, города, где традиционно проживали представители самых разных социальных слоев, говорили на нескольких языках и молились в церквях разных христианских конфессий, адаптация этих людей, по крайней мере в периоды политического затишья, должна была происходить достаточно легко. Можно предположить, что и для местных жителей русские военные не были каким-то чужеродным элементом с менталитетом, существенного отличавшимся от их собственного.

Русские офицеры и члены их семей, по своему социальному статусу, жизненному опыту и уровню образования, несомненно, входили в городскую элиту. Рядовые, хотя, в основном, и были выходцами из крестьянской среды, также в значительной степени были грамотными и происходили из тех российских губерний, которые нельзя назвать окраинными. К тому же они находились в том возрасте, когда человек мог проявить свою социальную активность в наибольшей степени. Их поведение, учитывая усилившийся в этот время приток в города мигрантов из сельской местности, не должно было сильно отличаться от поведения финских крестьян, к тому же оно регламентировалось воинской дисциплиной.

Таким образом, первичные документы переписи 1897 г. дают нам уникальную возможность увидеть «изнутри» демографическую ситуацию, сложившуюся в русских гарнизонах, расквартированных в Великом княжестве Финляндском в конце XIX века, добавить в сухую статистическую картину, описывающую состав горожан, живые краски, связанные с биографиями отдельных людей.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14–21–18001.

Литература

Афиани и др., 2016 – Афиани В.Ю., Дьячков В.Л., Кащенко С.Г. и др. Памяти голландского коллеги (Пим Коой) // *Клио*. 2016. №10 (118) Октябрь, СПб., С. 214–215.

Владимиров, 2016 – Владимиров В.Н. «Новая историческая демография» в России: анализ основных демографических традиций // *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»*. № 45. Октябрь 2016. М., 2016. С. 64–66.

- Волков, 2009** – Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов от Петра I до Николая II. Т. 1. А – К. М., 2009. С. 71–72.
- Главацкая, Торвальдсен, 2016** – Главацкая Е.М., Торвальдсен Г. Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX – начале XX вв. // *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»*. № 45. Октябрь 2016. М., 2016. С. 251–254.
- Глиноецкий, 1882** – Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 102.
- Живописная Россия, 1882** – Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т.2. Ч.1. Северо-западные окраины России. Великое княжество Финляндское. СПб.; М., 1882. С. 101.
- Кадомцев, 1909** – Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. СПб., 1909.
- Кащенко, Родионова, 2010** – Кащенко С.Г., Родионова О.В. Первичные документы первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (Опыт поисковой работы и начальной обработки) // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. № 36. 2010. С. 87–88.
- Кащенко, Родионова, 2011** – Кащенко С.Г., Родионова О.В. Русские подданные на территории Великого княжества Финляндского в 1897 г. Опыт изучения переписных листов Первой всеобщей переписи населения Российской империи, составленных в г. Тавастгусе // *Вестник филиала СЗАГС в г. Выборге (научные труды и материалы)*. Выборг, 2011. С. 156–184.
- Котельников, 1909** – Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. СПб., 1909.
- Литвак, 1990** – Литвак К.Б. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (Исторический аспект) // *История СССР*. 1990, № 1. С. 114–126.
- Метрические книги** – Метрические книги Преображенского собора в Выборге 1873–1876 гг. [Электронный ресурс]. URL: digi.narc.fi/digi/slistaus.ka?ay=81821 (дата обращения: 29.11.2016).
- Милорадович, 1886** – Милорадович Г.А. Список лиц свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 год. Киев, 1886.
- Население, 2012** – Население Санкт-Петербурга и Хельсинки в зеркале российской и финской статистики. Вторая половина XIX – начало XX вв. СПб., 2012.
- Общий свод, 1905** – Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Ч. 1. СПб., 1905.
- Пономарев, Шабанов, 2009** – Пономарев В.П., Шабанов В.М. Кавалеры Императорского ордена Святого Александра Невского. 1725–1917. Т.3. М., 2009.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Родионова, 2014а** – Родионова О.В. Русские в Выборгской губернии в конце XIX века. По материалам первичных переписных листов Всероссийской переписи населения 1897 г. // *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*. 2014. № 4. С. 285–289.
- Родионова, 2014б** – Родионова О.В. Русские подданные в Финляндии по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 года (население мыса Катаянокка (Katajanokka) // *Управленческое консультирование*. 2014. № 8. С. 170–176.
- Сафронов, 2001** – Сафронов А.А. Из истории подготовки Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 1. Екатеринбург, 2001. С. 211–231.
- Сборник сведений, 1892** – Сборник сведений по Финляндским губерниям. СПб., 1892. С. 182.
- Список генералам, 1908** – Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 г. СПб., 1908.
- Список полковникам, 1900** – Список полковникам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1900 г. СПб., 1900.
- Hämynen Tapio, 2014** – Hämynen Tapio. Viipurin läänin väestökehitys autonomian ajalla // *Autonomisen Suomen rajamaa. Viipurin läänin historia V*, Keuruu 2014.
- Hämynen Tapio, 2010** – Hämynen Tapio. Viipurin läänin väestö itsenäistymisestä talvisotaan // *Karjala itärajan varjossa. Viipurin läänin historia VI*, Porvoo 2010.
- Suomen virallinen tilasto, 1893** – Suomen virallinen tilasto. Sarjaa VI. Väestö-Tilastoa. K. 20. Väenlasku Helsingin, Turun, Tampereen, Wiipurin, Oulun ja Porin kaupungeissa 1 p. Joulukuuta 1890. Ensimmäinen vihko. Helsingissä, 1893.
- Suomen virallinen tilasto, 1904** – Suomen virallinen tilasto. Sarjaa VI. Väestö-Tilastoa. K. 35. Väenlasku Helsingissä, Turussa, Tampereella ja Viipurissa joulukuun 5 Päivänä 1900. Helsinki, 1904.

References

- Afiani et al., 2016** – Afiani V.Yu., D'yachkov V.L., Kashchenko S.G. i dr. (2016). Pamyati gollandskogo kollegi (Pim Kooi) [In memory of Dutch colleagues (Pim Kooy)]. *Klio*. №10 (118) Oktjabr'. St. Petersburg, pp. 214–215 [in Russian].
- Glavatskaya, Torval'dsen, 2016** – Glavatskaya E.M., Torval'dsen G. (2016). Etno-religioznaya i demograficheskaya dinamika v gornoj Evrazii v kontse XIX – nachale XX vv. [Ethno-religious and

- demographic dynamics in the mountain of Eurasia in the late 19th – early 20th centuries]. *Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. № 45. Oktyabr'. Moscow, pp. 251–254 [in Russian].
- Glinoetskii, 1882** – *Glinoetskii N.P.* (1882). *Istoricheskii ocherk Nikolaevskoi akademii General'nogo shtaba*. [Historical Sketch of General Staff Academy]. St. Petersburg, p. 102 [in Russian].
- Hämynen, 2010** – *Hämynen T.* (2010). Viipurin läänin väestö itsenäistymisestä talvisotaan // *Karjala itärajan varjossa. Viipurin läänin historia VI, Porvoo*. [in Finnish].
- Hämynen, 2014** – *Hämynen T.* (2014). Viipurin läänin väestökehitys autonomian ajalla // *Autonomisen Suomen rajamaa. Viipurin läänin historia V, Keuruu*. [in Finnish].
- Kadomtsev, 1909** – *Kadomtsev B.P.* (1909). Professional'nyi i sotsial'nyi sostav naseleniya Evropeiskoi Rossii po dannym perepisi 1897 g. [Professional and social composition of the population of European Russia according to the 1897 census]. St. Petersburg. [in Russian].
- Kashchenko, Rodionova, 2010** – *Kashchenko S.G., Rodionova O.V.* (2010). Pervichnye dokumenty pervoi Vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. (Opyt poiskovoi raboty i nachal'noi obrabotki) [Primary documents are the first general census of the population of the Russian Empire in 1897 (search of work and initial treatment experience)]. *Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. Number 36. Moscow, pp. 87–88 [in Russian].
- Kashchenko, Rodionova, 2011** – *Kashchenko S.G., Rodionova O.V.* (2011). Russkie poddannye na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v 1897 g. Opyt izucheniya perepisnykh listov Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii, sostavlennykh v g. Tavastguse [Russian subjects in the Grand Duchy of Finland in 1897. Studying census sheets of the First Russian Census made in Tavastgus]. *Vestnik filiala SZAGS v g. Vyborge (nauchnye trudy i materialy)*. Vyborg, pp. 156–184 [in Russian].
- Kotel'nikov, 1909** – *Kotel'nikov A.* (1909). Istoriya proizvodstva i razrabotki vseobshchei perepisi naseleniya 28-go yanvarya 1897 g. [History of execution and development of the census of January 28, 1897]. St. Petersburg. [in Russian].
- Litvak, 1990** – *Litvak K.B.* Perepisi' naseleniya 1897 goda o krest'yanstve Rossii (Istoricheskii aspekt) [1897 census on Russian peasant population (Historical aspects)] // *Istoriya SSSR [History of USSR]*. 1990, No. 1, pp. 114–126 [in Russian]
- Metricheskie knigi** – Metricheskie knigi Preobrazhenskogo sobora v Vyborge 1873–1876. [Elektronnyi resurs] [Parish registers of the Transfiguration Cathedral in Vyborg 1873–1876. Electronic resource] URL: digi.narc.fi/digi/slistaus.ka?ay=81821 [in Russian].
- Miloradovich, 1886** – *Miloradovich G.A.* (1886). Spisok lits svity ikh velichestv s tsarstvovaniya imperatora Petra I po 1886 god [List retinue of persons of their Majesties the reign of Emperor Peter I to 1886]. Kiev. [in Russian].
- Naselenie, 2012** – *Naselenie Sankt-Peterburga i Khel'sinki v zerkale rossiiskoi i finskoi statistiki. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [The population of St. Petersburg and Helsinki in the Mirror of the Russian and Finnish statistics. The second half of 19th – beginning of 20th centuries]. St. Petersburg, 2012 [in Russian]
- Obshchii svod, 1905** – *Obshchii svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvarya 1897* [General compilation of the results of the first general census held on January 28, 1897]. V. 1. St. Petersburg, 1905 [in Russian].
- Ponomarev, Shabanov, 2009** – *Ponomarev V.P., Shabanov V.M.* (2009). Kavaleri Imperatorskogo ordena Svyatogo Aleksandra Nevskogo. 1725–1917. [Knights of the Imperial Order of St. Alexander Nevsky. 1725–1917]. V. 3. Moscow. [in Russian].
- Rodionova, 2014b** – *Rodionova O.V.* (2014). Russkie poddannye v Finlyandii po dannym Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 goda. (naselenie mysa Katayanokka (Katajanokka)) [Russian citizens in Finland, according to the first national census of 1897 (Population cape Katajanokka)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. № 8, pp.170–176 [in Russian].
- Rodionova, 2014a** – *Rodionova O.V.* (2014). Russkie v Vyborgskoi gubernii v kontse XIX veka. Po materialam pervichnykh perepisnykh listov Vserossiiskoi perepisi naseleniya 1897 g. [Russian Vyborg province in the end of 19th century. Based on materials from the primary census All-Russian population census of 1897]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya*. № 4, pp. 285–289 [in Russian].
- Safronov, 2001** – *Safronov A.A.* (2001). Iz istorii podgotovki Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [From the history of the preparation of the first general census of the Russian Empire, 1897]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. V. 1. Ekaterinburg, pp. 211–231 [in Russian].
- Sbornik svedenii, 1892** – *Sbornik svedenii po Finlyandskim guberniyam* [Collection of data on governorates of Finland]. St. Petersburg, 1892 [in Russian]
- Spisok generalam, 1908** – *Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlenn po 1 iyulya 1908 g.* [Seniority roll of generals. Issued for a period up to July 1, 1908]. St. Petersburg, 1908 [in Russian].
- Spisok polkovnikam, 1900** – *Spisok polkovnikam po starshinstvu. Sostavlenn po 1 sentyabrya 1900 g.* [Seniority roll of colonels. Issued for a period up to September 1, 1900]. St. Petersburg, 1900 [in Russian].
- Suomen virallinen tilasto, 1893** – *Suomen virallinen tilasto. Sarjaa VI. Väkiluvun-Tilastoa* [Official statistics of Finland . S. VI. Population statistics]. K. 20. Väenlasku Helsingin, Turun, Tampereen, Wiipurin,

Oulun ja Porin kaupungeissa 1 p. Joulukuuta 1890. Ensimmäinen vihko [Census of Helsinki, Turku, Tampere, Wiipurin, Oulu and Pori cities 1 December 1890]. Helsingissä, 1893 [in Finnish].

Suomen virallinen tilasto, 1904 – *Suomen virallinen tilasto*. Sarjaa VI. Väestö-Tilasto. [Official statistics of Finland. S. VI. Population statistics]. K. 35. Väenlasku Helsingissä, Turussa, Tampereella ja Viipurissa joulukuun 5 Päivänä 1900 [Census of Helsinki, Turku, Tampere and Wiipurin 5 December 1900]. Helsinki, 1904 [in Finnish].

Vladimirov, 2016 – *Vladimirov V.N.* (2016). «Novaya istoricheskaya demografiya» v Rossii: analiz osnovnykh demograficheskikh traditsii [“The new historical demography” in Russia. Analysis of the major demographic traditions]. *Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. № 45. Oktjabr' Moscow, pp. 64–66. [in Russian].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Volkov, 2009 – *Volkov S.V.* (2009). Generalitet Rossiiskoi imperii: entsiklopedicheskii slovar' generalov ot Petra I do Nikolaya II [General Officers of the Russian Empire. Encyclopedic Dictionary of generals and admirals from Peter I to Nicholas II]. V. I. Moscow, [in Russian].

Zhivopisnaja Rossiya, 1882 – *Zhivopisnaya Rossiya*. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. T.2. Ch. 1. Severo-zapadnye okrainy Rossii. Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe [Scenic Russia. Our motherland and its lands, history, nations, economy and culture. Vol. 2. P. 1. North-western outskirts of Russia. The Grand Duchy of Finland]. St. Petersburg, 1882 [in Russian].

УДК 94(47).083

Российские подданные на территории Великого княжества Финляндского (по данным российской и финской демографической статистики конца XIX в.)

Сергей Григорьевич Кашенко ^{a, *}, Мария Александровна Маркова ^a, Ольга Вадимовна Родионова ^b

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

^b Российский государственный исторический архив, Российская Федерация

Аннотация. Историко-демографические исследования являются в настоящее время одной из важных составляющих в междисциплинарных проектах, охватывающих сферу исторических, социальных и политических наук. Они играют важную роль при изучении различных аспектов межэтнических и межконфессиональных отношений, миграционной и социальной политики, затрагивают области экономики, материальной и духовной культуры. Интерес представляет изучение демографической ситуации в приграничных регионах, для которых характерна высокая степень миграции населения. Одним из таких регионов можно считать территорию Выборгской губернии. В ходе поисковых работ в Российском государственном историческом архиве был обнаружен целый комплекс подготовительных первичных материалов Первой всеобщей переписи населения 1897 г., касающихся учета русского населения в Великом княжестве Финляндском, были введены в научный оборот документы, содержащие сведения о русских подданных, размещенных в Выборгской губернии.

Русские военнослужащие в городах Выборгской губернии составляли весьма заметный элемент в составе населения. В основном, это были молодые мужчины, значительная часть которых была грамотна, уроженцы различных внутренних губерний Империи, разных национальностей, принадлежавшие разным религиозным конфессиям. Русские офицеры и члены их семей, по своему социальному статусу, жизненному опыту и уровню образования, несомненно, входили в городскую элиту.

Таким образом, первичные документы переписи 1897 г. дают нам уникальную возможность увидеть «изнутри» демографическую ситуацию, сложившуюся в русских гарнизонах, расквартированных в Великом княжестве Финляндском в конце XIX века, добавить в сухую статистическую картину, описывающую состав горожан, живые краски, связанные с биографиями отдельных людей.

Ключевые слова: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, военная история, межэтнические отношения, Великое княжество Финляндское, Выборг, учет населения, статистика, Россия XIX век, русские гарнизоны, демографическая ситуация.

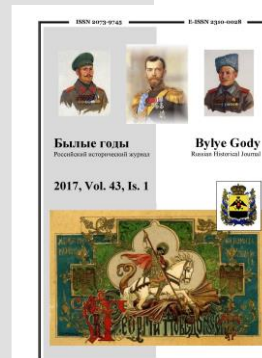
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s.kaschenko@spbu.ru (С.Г. Кашенко), m.markova@spbu.ru (М.А. Маркова), rodionova83@gmail.com (О.В. Родионова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 179-188, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.179
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 359(470+497.2)

Engineer Pavel Izotov in Service in the Russian Imperial Navy and the Bulgarian Fleet

Asen N. Kozhukharov ^{a, *}, Igor N. Najmushin ^b

^a Nikola Vaptsarov Naval Academy, Bulgaria

^b Museum of Naval Polytechnic Institute, Russian Federation

Abstract

On the basis of data from newly discovered archival collections in the Governmental Military History Archive (Veliko Tarnovo, Bulgaria) and the Russian State Archive of the Naval Fleet (St. Petersburg, Russia), the article restores the biography and the highlights in the career of the marine engineer LTJG Pavel Izotov.

The Bulgarian period of Pavel Izotov's career was reconstructed using general scientific methods: analysis, synthesis, comparison and consolidation. The study was based on the principle of historicism. The application of this principle allowed the comparison of the facts from the documents deposited in Bulgarian and Russian archives from this epoch with published accounts by the participants in the events, and furthermore with academic publications from the second half of the past century.

It outlines his contributions to the development of shipbuilding, ship repairs, and the system of naval education in the Principality of Bulgaria in the period from 1882 to 1884.

Keywords: Pavel Izotov, Bulgarian Navy, Russchuk, fleet engineers, Russian Imperial Navy, Kronstadt.

1. Введение

Инженер-механик Павел Изотов совершенно неизвестен в России. Не успев сделать на родине значительной карьеры и не отметившись участием в громких событиях, он не привлек внимания российских исследователей. Тем не менее, был в его жизни очень интересный и нечастый для действующего офицера Российской Императорского флота период службы — в другом государстве. Около двух лет провел Павел Изотов под болгарским флагом, став частью истории города Рушук (ныне г. Русе) (Димитрова, Йорданов, 2011: 147). Интересно, что споры о значимости для Болгарии его деятельности до сих пор не утихают среди местных ученых, а «российская» часть биографии Изотова очень туманна: не известны даты жизни, последний чин, образование, награды, и даже неясно, как он выглядел — история, к сожалению, не сохранила ни его рисованного портрета, ни фотографии.

2. Материалы и методы

2.1. Статья написана на основе результатов исследований фондов Государственного военно-исторического архива (ДВИА¹, Велико-Търново, Болгария) и Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ, Санкт-Петербург, РФ). Кроме того, в ней использованы мемуары полковника Константина Божкова, периодическая печать тех лет и публикации по данной тематике в

* Corresponding author

E-mail addresses: robert77@naval-acad.bg (A.N. Kozhukharov), gari98@mail.ru (I.N. Najmushin)

¹ По болгарски *Държавен военноисторически архив* и соответственно официальное сокращение ДВИА.

болгарской исторической науке, а также издания Центральной военно-морской библиотеки (Санкт-Петербург).

2.2. При решении задачи реконструкции болгарского периода карьеры Павла Изотова были применены общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение и обобщение.

Основой исследования стал принцип историзма. Применение этого принципа позволило сравнить документальные факты той эпохи, найденные в болгарских и российских архивах, с обнародованными свидетельствами участников событий и научными публикациями второй половины прошлого века.

3. Обсуждение

Основная цель этой работы — реконструкция биографии и карьеры инженер-механика Павла Изотова.

Результатом исследования стал ответ на вопросы первого плана: был ли П. Изотов первым начальником болгарского Морского училища; являлся ли П. Изотов руководителем постройки первого судна с металлическим корпусом, положившим начало современному судостроению в Болгарии.

На втором плане исследования — историография этой реконструкции, которая занимала мемуаристов и историков почти век. В связи с этим было необходимо ответить на следующие вопросы:

- правдивы ли воспоминания свидетелей тех событий (датированных первой половиной прошлого века)
- насколько корректно использованы архивные фонды в текстах первых исследований (1969–1989 гг.)
- в какой степени были оправданы сомнения в научной добросовестности предшественников, возникшие у исследователей, занимавшихся этой проблематикой уже на рубеже нашего века.

4. Результаты. Изложение результатов исследования целесообразно разделить на три части: 1. Молодые годы и служба до 1882 г.; 2. Служба в Болгарии 1882–1884 гг.; 3. Служба в Российской империи 1884–1892 гг.

4.1. Молодые годы и служба до 1882 г.

Павел Михайлович Изотов родился 4 июня 1844 г. в Кронштадте, в православной семье небогатого чиновника 9-го класса.

4 сентября 1854 г. он поступил воспитанником в *Кондукторские Роты Учебного Морского Рабочего Экипажа* (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 7. Л. 7). Это учебное заведение было основано в Санкт-Петербурге еще в 1798 г. как *Училище Корабельной архитектуры* — первое в мире специализированное заведение для подготовки кораблестроителей (ПСЗРИ, 1798). В конце 1820-х годов его полностью реорганизовали. В созданном Учебном Морском Рабочем Экипаже бывшее училище составило Кондукторские роты, назначенные для комплектования кораблестроительной части флота кондукторами (звание, предшествующее первому офицерскому чину прапорщика) (ПСЗРИ, 1827). Кроме того, в Экипаже состояли еще и Мастерские роты, готовившие мастеров разных специальностей (нижних чинов) для рабочих экипажей кораблестроительной части, но к Кондукторским ротам они отношения не имели и не являлись предварительной ступенью образования. Кондукторские роты были заведением сословным и формировались почти исключительно из детей военных и гражданских чиновников Морского ведомства. По образовательному уровню Роты относились к средним учебным заведениям. В то время из морских учебных заведений только Морской кадетский корпус числился высшим учебным заведением, а училища, готовившие прочих специалистов (штурманов, артиллеристов, инженеров) — средними, хотя по реальному уровню они почти не отличались от высшего. Количество направлений подготовки постепенно увеличивалось, и к моменту поступления Изотова Кондукторские роты выпускали специалистов кораблестроителей, инженер-механиков, инженеров военных поселений, инженеров морской строительной части, морских артиллеристов и даже инженеров путей сообщения. Полный курс обучения составлял тогда 10 лет (пять классов по два года в каждом), однако, в зависимости от успеваемости, время его окончания могло быть разным. Таким образом, поступив в 1854 г., Изотов должен был завершить учебу в 1864 г.

С 1840 г. все, окончившие полный курс, производились уже не в кондукторы, а сразу получали офицерский чин прапорщика по соответствующей специальности. После Крымской войны в учебных заведениях Морского ведомства начались значительные изменения, с главной идеей — отделить общее образование от специального. Кондукторские роты в 1856 г. были преобразованы в *Инженерное и Артиллерийское училище Морского ведомства* (ПСЗРИ, 1856). С 1857 г. введен одногодичный (вместо двухлетнего) курс — восемь классов (РГА ВМФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 260. Л. 1–4). В 1860 г., для повышения практической подготовки, воспитанников морских учебных заведений перестали выпускать во флот сразу офицерами, а ввели для них специальные звания кондукторов и гардемарин (ПСЗРИ, 1860). Через два года службы они получали офицерские чины.

Все кондукторы, состоявшие до этого в корпусах морского ведомства, переименовывались в юнкера или унтер-офицеры.

Для скорейшей реорганизации морских учебных заведений летом 1862 г. были учреждены три гимназии (в Кронштадте, Петербурге и Николаеве), куда перевели расформированные младшие классы всех училищ (ПСЗРИ, 1862). Часть воспитанников забрали родители, а некоторые — из старших классов — отправились на флот или в армию, не завершив полного курса. В числе их оказался и Павел Изотов. 22 ноября 1862 г. он был определен в службу унтер-офицером 2-го класса, в корпус инженер-механиков, на четырехлетний срок выслуги до офицерского чина, и зачислен в 8-й флотский экипаж. Далее его переводили соответственно в 3-й, 4-й, 6-й и 5-й флотские экипажи (1.02.1863, 11.03.1866, 1.04.1869 и 11.04.1870) (РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 878. Л. 610–612). В 1863 г. плавал на винтовой лодке «Порыв», а с 1866 по 1869 г. каждое лето — младшим механиком на мониторе «Лава» в Балтийском море. В 1864–1865 гг. состоял в распоряжении начальника артиллерии г. Кронштадта при артиллерийских мастерских.

1 января 1865 г. Изотов получил звание унтер-офицера 1-го класса, а 7 марта 1867 г. — кондуктора (т. е. звание, которое получали выпускники училища). 28 апреля 1869 г. последовал первый офицерский чин — прапорщика, 25 марта 1874 г. — подпоручика, 30 апреля 1879 г. — поручика.

В 1872 г. Павел Изотов вступил в законный брак с дочерью коллежского советника, девицей Александрой Николаевной Щетининой. К 1878 г. у них уже было трое детей.

31 октября 1873 г. Изотова прикомандировали к *Кронштадтскому Пароходному заводу* — судоремонтному и механическому предприятию, введенному в строй после Крымской войны. Официальное его открытие состоялось в 1858 г., хотя отделка зданий и оборудование продолжались еще несколько лет. Этот завод был признан одним из лучших в Европе предприятий такого рода (Розадеев и др., 1977: 103). К концу 1881 г. Павел Изотов занимал должность помощника старшего мастера слесарной (сборочной) мастерской (РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 878. Л. 599–601). Вскоре его универсальный опыт — многолетняя заводская практика, плаванья судовым механиком и даже служба в артиллерийских мастерских — был востребован командующим болгарским флотом.

4.2. Служба в Болгарии 1882–1884 гг.

С 17 января 1882 г. и до 7 июня 1884 г. в послужном списке Изотова значится непримечательная запись: «Уволен для службы на коммерческих судах, с зачислением по корпусу». Постороннему человеку может показаться, что он ушел в море на торговом судне и два года не был на военной службе. Фактически же все это время Павел Изотов находился в Русуке (Колев, 2001: 9), на службе в Военном флоте Княжества Болгария, на реке Дунай.

Официально болгарский флот в те времена назывался *Флотилия и морская часть*. Она была основана 1 августа 1879 г., через год после окончания Русско-турецкой освободительной войны, русскими морскими офицерами во главе с капитаном-лейтенантом Александром Егоровичем Конкевичем — весьма известной фигурой в истории Российской Империи той эпохи. Помимо того, что он был морским офицером, полицмейстером г. Либавы и политическим деятелем (Витте, 1960: 397), Конкевич неплохо проявил себя и в литературе. Он считается одним из основоположников «империалистического утопизма» (Суслов, 2010: 18–29). Свои произведения с сюжетами из морской фантастики Конкевич обнародовал под псевдонимом «Беломор». Одна из его книг была переведена на английский язык и напечатана в Англии (Кондратенко, 2008: 133).

Александр Конкевич прибыл в Княжество Болгария с той же, что и Изотов, туманной формулировкой: «Уволен для службы на коммерческих судах». Он стал основателем и первым командующим (официально он был «заведующим») Военно-морским флотом Болгарии. На должность главного инженер-механика флота Конкевич пригласил в 1879 г. своего товарища по кругосветному плаванью Павла Алексеевича Машнина. В послужном списке последнего отмечено, что он занимал должность «главного инженер-механика Болгарской флотилии, заведовал механической мастерской и командовал портовой ротой морских болгарских команд» (РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2582. Л. 1–19). В *Флотилии и морской части* в Русуке портовый механик, первоначально не имевший помощника, был ключевой фигурой и отвечал за техническое состояние кораблей и управление судоремонтным заводом. Кроме того, по совместительству он был преподавателем и начальником (Павлов, 1988: 31) Морского училища в Русуке, основанного 9 января 1881 г. (ДВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24). Павел Машнин оставил службу в Болгарии в 1882 году (увольнение «для службы на коммерческих судах» позволялось лишь на срок не более трех лет для сохранения права на производство в следующий чин), поэтому еще накануне возник вопрос о возможном кандидате для его замены.

Точная дата отъезда Машнина и назначения на его место Изотова стала предметом продолжительных заочных дебатов в болгарской морской историографии последней четверти XX века. Предыстория этого научного (или околонучного) спора такова. В Юбилейном сборнике Морского училища (1931 г.) сказано, что первым начальником учебного заведения был Машнин (Официален, 1931: 83). Следует отметить, что эта книга писалась не как научное произведение, и

сведения для нее собирали преимущественно по воспоминаниям современников. Такой способ, как известно, далеко не всегда обеспечивает достоверную информацию о прошедших событиях.

Во второй половине XX века исследования военно-морской истории Болгарии были поставлены на более прочную основу. Несмотря на это, к некоторым из них возникли серьезные претензии, что, как ни странно, в конечном итоге привело к возврату утверждений мемуаристов издания 1931 г. Наиболее ярким примером в этом отношении стала монография Ради Боева (1923–1989). В ней автор, цитируя приказ от 1 января 1880 г., утверждал, что «Поручик Машнин служил до конца 1879 г. Его заместителем [в 1880 г.] стал инженер-механик поручик Павел Михайлович Изотов» (Боев, 1969: 31). Поэтому, со слов автора, не Машнин, а Изотов является первым начальником Морского училища, так как училище основано в 1881 году.

В истории весьма важно знать, кому выпала честь быть первым, поэтому «сенсационное открытие» Боева следовало проверить очень тщательно по формальным архивным документам. К сожалению, с самого начала к содержанию монографии Боева отнеслись или без должного внимания, или предпочли его не комментировать. Получилось так, что не сразу нашлись желающие вдаваться в подробности книги и спорить с директором Военно-морского музея г. Варны, кем являлся кандидат исторических наук Ради Боев. В итоге утверждение о том, что Изотов был первым начальником Морского училища, повторялось в других публикациях вплоть до начала нового века (Механици, 2001: 19). Одно из немногих исключений того времени — научная статья кандидата исторических наук Владимира Павлова, который отмечает в 1988 г., что все же первым начальником училища был Машнин, а уже вторым стал Павел Изотов. Автор статьи сообщает (не ссылаясь ни на публикации, ни на какие-либо исковые данные), что Изотов сменил Машнина на должности начальника Морского училища в 1883 г. (Павлов, 1988: 31). Дату же, приведенную в книге Боева, он вообще никак не комментирует. Поэтому можно предположить, что 1883 год — это просто опечатка.

Длительное время на все эти несоответствия не обращалось должного внимания. И только на рубеже нашего столетия исследователи вернулись к этому вопросу, заметив видимую нелогичность в истории училища: бывшие воспитанники упоминали своим первым начальником именно Машнина, а отнюдь не Изотова. В сложившейся ситуации проще всего казалось найти этот приказ в ДВИА по исковым данным, опубликованным Боевым. Однако именно это дело архивного фонда не было должным образом описано и к тому же находилось в длительной реставрации. Когда его, наконец, ввели в оборот (к сожалению, после смерти Боева), выяснилось, что это не *Книга приказов 1880 года*, а более поздний документ 1894 г., который на русский язык можно перевести как *Алфавитная книга XVIII призыва*. Этот весьма объемный документ в 330 листов хранит биографические справки на «учеников» Морского училища и матросов Дунайской флотилии последнего десятилетия XIX века. Однако никакого отношения к приказам капитана-лейтенанта Конкевича 1880 года этот документ не имеет. Между прочим, Радев сослался на документ, который он назвал «заповед», но необходимо напомнить, что во *Флотилии и морской части с 1879 по 1886 год Приказная книга* вела записи на русском языке, и термин, который там использовался, был «приказ». После 1886 г. этот документ уже официально составляли на болгарском языке (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 10. Л. 96). Тем не менее, русский термин «приказ» продолжали употреблять, и только в 1892 г. его заменили особым распоряжением на болгарский «заповед» (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 18. Л. 81). Фактически Ради Боев не совсем корректно цитировал документ, переводя его название в соответствии с современной практикой болгарского языка.

Впрочем, искать этот приказ было вовсе не обязательно. Достаточно взглянуть на *полный послужной список* Павла Изотова, чтобы понять, когда он прибыл в Болгарию. К сожалению, этот документ оказался невостребованным, хотя и был вполне доступен. *Полный послужной список* Изотова сохранился как в РГА ВМФ, так и в ДВИА, а кроме того, о нем говорится и в других документах болгарского архива. Так, например, его затребовало телеграммой Военное министерство Княжества у капитан-лейтенанта Зиновия Рожественского (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 7. Л. 1) (преемника Конкевича).

С начала нашего века наиболее активно этот вопрос исследовал инженер Иван Алексиев. Работая в *Институте кораблестроения*, он параллельно занимался историей своей профессии времен восстановления Болгарской государственности в XIX веке. В основном Алексиев использовал публикации, поскольку имел ограниченный доступ к архивным фондам Военно-морского музея г. Варны, а также не имел возможности работать в ДВИА — Велико-Тырново и уж тем более в российских архивах. Несмотря на все эти ограничения в его поисках, он обнаружил несоответствия в публикациях Ради Боева в отношении ранней истории болгарского судостроения, а затем проанализировал публикации других авторов, которые вышли из печати в последней четверти прошлого века. В своем исследовании Алексиев отмечает, что до него наиболее системно биографией Изотова занимался сотрудник ВММ — Варна Петр Даскалов, который в 1987 г. докладывал результаты своих исследований на Юбилейной конференции *Института кораблестроения* в Варне. И это при том, что доклад Даскалова не был посвящен специально Изотову, а написан по другой теме. В конечном итоге его так и не опубликовали, отправив на хранение в ВММ — Варна (Алексиев, 2006: 140).

В архивных фондах того же музея Иван Алексиев обнаружил официальный документ (письмо № 895/13.12.1881 заведующего Морской частью в Русе), косвенно свидетельствующий, что Изотов

прибыл в Болгарию только весной 1882 г. и потому не мог являться первым начальником Морского училища в Руцуке (Алексиев, 2006: 135). Этим Алексиев более обоснованно указал на несостоятельность тезиса Ради Боева и его современных приверженников (Механици, 2001: 19). В то же время он заметил, что существуют некоторые сомнения, пока не найдется прямое доказательство о дате приезда и назначения Изотова в г. Руцук. Теперь уже ясно, что предположение инженера Алексиева полностью совпадает с истиной. В обнаруженных в ДВИА и РГА ВМФ экземплярах *Полного послужного списка* Павла Изотова сказано, что он «17.01.1882 уволен для службы на коммерческих судах».

Важно отметить, что, кроме профессиональных интересов, привлекать российских флотских механиков к службе за границей мог очень хороший заработок. Еще 13 декабря 1881 г. в цитированном выше письме капитан-лейтенант Конкевич предложил Изотову службу в болгарской *Флотилии и морской части* при годовой зарплате в 13196 франков (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 6. Л. 17) (5075 рублей). Деньги по тем временам приличные, благодаря чему и должность в дунайском городе Руцук выглядела весьма привлекательной. В России, перед приездом в Болгарию, поручик Изотов получал в качестве помощника мастера *Кронштадтского Пароходного завода* 1096 рублей в год. После отъезда обратно в Россию, будучи прикомандирован к Управлению Главного инженер-механика флота (и уже в чине штабс-капитана), он получал 1200 рублей. На последней должности в Морском техническом комитете ему начисляли 1500 рублей. В 1886 г. жалованье управляющего *Кронштадтским Пароходным заводом* составляло 4000 рублей в год (РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 878. Л. 596–612).

Документ, который был обнаружен инж. Алексиевым в ВММ — Варна, весьма интересен, поскольку освещает специфику службы инженер-механика в *Флотилии и морской части*. В письме от 15 января 1882 г. Конкевич так пояснял обязанности нового механика: «следить за исправностью механизмов кораблей; руководить всеми отделениями Арсенала и не требовать назначения помощника». Копия этого письма, адресованного Изотову, обнаружена в ДВИА (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 6. Л. 28).

С 1 марта 1882 г. подпоручик Павел Машнин был отчислен с довольствия, и на его штатную должность назначен поручик Павел Изотов (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 2. Л. 87). 27 марта 1882 г. начальник Флотилии и морской части Александр Конкевич и приехавший недавно в Болгарию поручик Павел Изотов подписали договор о назначении последнего на должность заведующего технической мастерской Руцукского порта. В том же документе отмечено, что в феврале 1882 г. Павел Машнин все еще числится заведующим технической мастерской Руцукского порта (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 2. Л. 100).

В своей книге Иван Алексиев весьма детально и аргументированно разбирает обязанности Павла Изотова в должностях старшего механика, начальника Флотского арсенала и начальника Морского училища (Алексиев, 2006: 136). Он отвечал за ремонт и техническое состояние кораблей и управлял заводом (Флотским арсеналом). Более того, являлся одним из авторов проекта объединения Флотского арсенала с Артиллерийским (оба находились в Руцук). По стечению обстоятельств, не зависящих от Изотова, проект этот так и не реализовали. На самом заводе, в составе комиссии с офицерами М.Я. Балем и П. Теодосиевым, был оформлен перечень основных работ предприятия, определены нормативы расходов за труд и материалы (именно этой работой впоследствии и будет заниматься в России Изотов). Следует согласиться с инж. Алексиевым, что «вероятно, это первая попытка технологического нормирования не только в болгарском морском хозяйстве, но и в болгарском машиностроении вообще» (Алексиев, 2006: 136). Под руководством Изотова на заводе был осуществлен ряд изменений, нацеленных на совершенствование технологических процессов. Очевидец тех событий Константин Божков отмечает исключительно тяжелую работу механика и огромное напряжение, которое испытывал поручик Изотов в своей деятельности (Божков, 1933: 125). Заметим при этом, что как начальник и преподаватель Морского училища он почти не запомнился: тот же Константин Божков пишет о нем вскользь (Божков, 1933: 125), а один из бывших воспитанников упоминает всего в трех предложениях (Атанасович, 1931: 43). Впрочем, это и не удивительно, учитывая тот объем практической работы, которую вел Изотов.

Современники Павла Изотова и исследователи того периода истории болгарского Военно-морского флота отмечают огромную заслугу русского механика в деле постройки первого в Болгарии металлического судна, которое вошло в историю под названием «Бот № 1» (Алексиев, 1997: 17). Тем не менее, по этому поводу до сих пор продолжают споры в болгарской историографии. Так, например, Ради Боев в официальной истории Военно-морского флота Болгарии с 1989 г. отмечает, что *фактически в 1881 г.* «...под руководством инженер-механика поручика Изотова построен самоходный понтон — «Бот № 1» (Боев, 1989: 15). Через десять лет после публикации Р. Боева ему вторит Трёмол Иванов в своей книге о болгарском судостроении, но, в отличие от своего предшественника, он не ссылается на источники (Иванов, 1998: 17).

Как уже было отмечено выше, в 1881 г. Изотов все еще не был назначен на должность в Болгарии. Поэтому возможно одно из двух: или Изотов не имеет отношения к этому понтону, или все же «Бот № 1» был построен после 1881 г. В исследованиях Иван Алексиев впервые замечает, что Р. Боев дает ссылку не на архивный документ, а на уже цитированные воспоминания Константина

Божкова. Однако в статье К. Божкова не указан 1881 год, как год постройки несамходного понтона. Там сказано, что бот «...единственное, что было сделано в то время» и что на его корпусе вмонтирована бронзовая табличка с надписью «Русенский порт 1882 год» (Божков, 1933: 124). Очевидно, Ради Боев некорректно сослался на воспоминания К. Божкова.

Принимая свидетельства Константина Божкова о завершении постройки в 1882 г., следует оценить и аргументы инженера Алексиева, который не исключает возможность, что бот заложили еще до приезда Изотова (Алексиев, 2006: 141), т. е. при первом механике *Флотилии и морской части* подпоручике Павле Машнине.

Этот вопрос можно рассмотреть и с другой, чисто логической точки зрения, сравнивая факты биографий первых болгарских флотских механиков. Очевидно, что Бот № 1 появился не ранее 1881 и не позже 1882 г. И тут возможны два руководителя этого судостроительного проекта: подпоручик Павел Машнин или его преемник поручик Павел Изотов. Машнин, конечно, мог этим как-то руководить, но следует учитывать, что в отличие от Изотова он не учился в *Инженерном и Артиллерийском училище Морского ведомства*. Получив «домашнее образование» (о содержании которого нам ничего не известно), в 1866 г. он поступил юнкером 2-го класса в корпус инженер-механиков, в 1869 г. получил звание кондуктора, а в 1871 г. — первый офицерский чин прапорщика. Всю свою службу Павел Машнин провел в должностях судового механика — в дальних плаваниях. Успел он и повоевать — во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был старшим механиком на миноносных паровых катерах на р. Дунай, а затем, вплоть до назначения в Болгарский флот, служил отрядным механиком паровых судов Дунайской флотилии (РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 2582. Л. 1–19). До приезда в Болгарию Машнин не имел заводского опыта работы по судоремонту или судостроению. Его стихия — дальние походы, кругосветные плавания, где, кстати, на корвете «Боярин», у него старшим офицером был Александр Конкевич. В отличие от Изотова, Машнин имел много наград, в том числе иностранных. В дальнейшем, после того как вернулся из Болгарии, он также много плавал — даже смерть, как у настоящего морского волка — настигла его в море, на броненосце «Сисой Великий», и похоронен он не на родине, а в городе Порт-Артур (РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 1479. Л. 2).

С Изотовым ситуация совершенно противоположная. Плавал он мало, исключительно во «внутренних водах» — летом в Балтийском море. Орденов не имел. Половина службы прошла на *Кронштадтском Пароходном заводе*, где он практически восемь лет совершенствовал свои умения в ремонте и строительстве кораблей. Поэтому логично заключить, что именно он, а не Павел Машнин, являлся руководителем постройки несамходного понтона «Бот № 1». Что умел, то и делал.

За два неполных года в Болгарии у Изотова сменились три начальника — капитан-лейтенант Александр Конкевич, лейтенант Митрофан Баль и капитан-лейтенант Зиновий Рожественский. Последний отнесся к своему механику весьма неуважительно и бесцеремонно, в ультимативной форме уволив его со службы. Можно только заметить, что резкий тон в отношениях с подчиненными был вообще свойственен капитану-лейтенанту Рожественскому, впоследствии вице-адмиралу и командующему *Второй Тихоокеанской эскадрой* в Цусимском сражении 1905 г. (Брацун, 2011: 137).

Зиновий Рожественский был недоволен техническим состоянием завода, что отмечалось им в письме в Военное министерство Княжества от 14 августа 1883 г. (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 6. Л. 43–44). В итоге Изотову объявили о понижении зарплаты, начиная с 1 января 1884 г. В ответ, 9 ноября 1883 г. поручик Павел Изотов подал рапорт управляющему Военным министерством в Софии. В нем он отмечал, что по должности портового инженер-механика Русцукского порта в его обязанности входило «ремонттировать пароходы и суда, и вообще все работы в порту и управление механической мастерской. С увеличением количества офицеров на кораблях работа только увеличивается...» (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 6. Л. 25). Следует дополнить, что увеличилось не только число морских офицеров в Русцуке, но и кораблей — из Франции прибыла в состав *Флотилии и морской части* яхта «Александр I Батенберг» (Кръстева, Панайотов, 2006: 8).

Разумеется, подобный рапорт не способствовал улучшению отношений с Начальником флотилии. Зная резкий характер Рожественского, вполне логичным было ожидать, что он постарается избавиться от своего механика. 21 марта 1884 г., почти через два года после назначения Изотова, капитан-лейтенант Зиновий Рожественский письменно сообщил ему, что «по изменению обстоятельств увольняет с должности портового механика, считая с этой даты» (Алексиев, 2006: 139).

4.3. Служба в Российской империи 1884–1892 гг.

Предположительно в мае 1884 г. Изотов вернулся на родину. 7 июня 1884 г. был зачислен в 6-й флотский экипаж, а через неделю — прикомандирован к 8-му флотскому экипажу. 19 августа 1884 г. Изотов получил чин штабс-капитана корпуса инженер-механиков. 30 ноября он был прикомандирован к Управлению главного инженер-механика флота (Циркуляр, 1884).

1 января 1886 г. Изотов занял должность младшего производителя учета в *Морском Техническом комитете* (Приказ, 1886). Отдел технического учета МТК занимался сбором возможно более полных и соответствующих современным требованиям положений, определяющих количество затраченных материалов при производстве работ по кораблестроительной, механической, артиллерийской и минной частям. У главных техников-ревизоров в подчинении состояли по два старших и три младших производителя учета из офицеров корпусов корабельных инженеров и инженер-механиков. Кроме того, по одному производителю учета было из артиллеристов и минеров.

Производители учета занимались ревизией отчетности портов и заводов при производстве работ, а также ревизией судовой отчетности (машинных журналов).

После т.н. «цензовой» реформы 1885–1886 гг. все флотские инженеры получили вместо военных чинов равнозначные им звания и стали числиться гражданскими чинами Морского ведомства (ПСЗРИ, 1886). Павел Изотов стал «помощником старшего инженер-механика». 14 апреля 1887 г. его перевели в офицеры «по Адмиралтейству» (Список, 1887), с прежним чином штабс-капитана. Зачислению «по Адмиралтейству» подлежали офицеры, занимавшие штатные должности в Морском министерстве, портовых управлениях, морских военно-учебных заведениях и других учреждениях морского ведомства. 1 апреля 1890 г. Изотов получил свой последний чин — капитана по Адмиралтейству, оставаясь по-прежнему в той же должности в *Морском Техническом комитете*.

8 января 1892 года поручик по Адмиралтейству Александр Михайлович Изотов сообщал в газете *Кронштадтский вестник* о смерти своего старшего брата Павла Михайловича Изотова в Петербурге, в доме № 16 по Гончарной улице (Изотов, 1892). В сообщении похороны указаны 9 января, что позволяет предположить дату смерти 6 января 1892 г.

5. Заключение

Инженер-механик Павел Изотов не был исключительной личностью и, к сожалению, на родине не оставил особо заметных следов. Но за рубежом, в Болгарии, где прослужил два года, он получил свой шанс работать почти самостоятельно, и именно здесь наиболее полно себя проявил. В Русуке, где базировалась *Флотилия и морская часть*, многое буквально начиналось с нуля в первые годы после формирования Болгарского княжества. В создавшейся ситуации перед любым механиком открывалось широкое поле деятельности: в сфере технического образования и науки, в судостроении и судоремонте, администрировании промышленности и многом другом. Конечно, Изотов оставил след далеко не во всех направлениях. Он стал первым в болгарской истории в том, что знал и умел лучше всего — в деле судостроения и судоремонта, что можно объяснить его большим опытом, накопленным до этого на родине.

Несомненно, капитан-лейтенант Зиновий Рожественский требовал от Изотова намного больше, чем можно было сделать в той ситуации и, тем не менее, Изотов был им так грубо уволен с *Флотилии и морской части*. На сегодняшний день остается только догадываться, кто и насколько был прав в этом споре. Изотов, по всей видимости, вынужден был даже предъявлять Рожественскому копию письма Конкевича, где указывались обязанности инженер-механика и по которому составлялся затем договор. Самого договора по каким-то причинам на руках у Изотова не было. Вероятно, он хранился у Рожественского, чем последний и манипулировал. Копия письма Конкевича была заверена управляющим русским консульством в Русуке 22 сентября 1883 г. с приложением консульской печати (ДВИА. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 6. Л. 28).

Очевидно, что преемник Изотова, известный российский ученый и изобретатель капитан Павел Кузьминский, был намного способнее и сделал намного больше в Русуке. Тем не менее, даже им капитан-лейтенант З. Рожественский был крайне недоволен, что подтверждается документами: он неоднократно наказывал своего механика арестом, объявляя об этом в приказах (Алексиев, 2010: 145). Так что определенные неудачи технического свойства во *Флотилии и морской части* неправильно было бы списывать только на кого-то одного. Вероятно, Изотов уехал из Болгарии со смешанными чувствами: с обидой в душе и с облегчением, что избавился от командира со столь резким характером.

Теперь, по прошествии долгого времени, уже нет сомнения, что всей своей деятельностью Павла Михайловича Изотова оставили заметный след в истории болгарского военного флота и морской промышленности. Тем непростительнее, что его имя не упомянуто в семитомном справочнике Р. Руменина, который составлялся по наличным послужным спискам в болгарских архивах (Руменин, 1996: 3). Впрочем, там пропущены все имена первых трех механиков болгарского флота, механиков так называемой «Павловской эпохи» судоремонта Третьего болгарского государства — подпоручика Павла Машнина, поручика Павла Изотова и капитана Павла Кузьминского. Полагаем, что наша статья хотя бы отчасти восполняет этот пробел и до некоторой степени освещает темные пятна как болгарской, так и российской морской истории.

Литература

Алексиев, 1997 – Алексиев И. Начало на кораборемонта в българския военен флот (1879–1897) // [Сто] 100 години кораборемонтен завод «Флотски арсенал», 1897–1997. Варна: ИК «Галактика», 1997. С. 15-31.

Алексиев, 2006 – Алексиев И. Омаяни от кораби мъже. Т. 1. Варна: ИК «Морски свят», 2006.

Алексиев, 2010 – Алексиев И. Храм на знания технически. Варна: ИК «Морски свят», 2010.

Атанасович, 1931 – Атанасович Д. Как се тури началото на Машинното училище в 1881 година // Юбилеен сборник за 50-годишната дейност на Морското училище 1881–1931 г. Неофициален отдел. Варна, 1931. С. 40-46.

Боев, 1969 – Боев Р. Военният флот на България 1879–1900. София: Държавно военно издателство, 1969.

- Боев, 1989** – *Боев Р.* Полагане основите на военния флот от Русия. Участие на флота в Сръбско-българската война и политическите събития след нея (1879–1887 г.) // История на българския военноморски флот. София: Военно издателство, 1989. С. 13–23.
- Божков, 1933** – *Божков К.* Бележки и спомени по Морската ни част // Военноисторически сборник. 1933. № 13. С. 110–160.
- Брацун, 2011** – *Брацун Е.В.* Адмирал З.П. Рожественский в воспоминаниях современников // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал.* 2011. № 4. С. 137–151.
- Витте, 1960** – *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960.
- ДВИА** – Държавен военноисторически архив.
- Димитрова, Йорданов, 2011** – *Димитрова М., Йорданов С.* Лицата на Русе от I-ви до средата на ХХ век. Енциклопедичен справочник. Русе: Авангард принт, 2011.
- Иванов, 1998** – *Иванов Тр.* Страници от историята на българското корабостроене. Варна, 1998.
- Изотов, 1892** – Александр Михайлович Изотов с прискорбием извещава друзей... // Кронштадтский вестник. № 4/3660. 8.1.1892. С. 4.
- Колев, 2001** – *Колев К.* [Сто и двадесет] 120 години Морско училище: хроника на една вековна традиция. Варна: ВВМУ & СТЕНО, 2001.
- Кондратенко, 2008** – *Кондратенко Р.В.* Миражи «капитана Конкевича» // *Гангут.* 2008. № 49. С. 133.
- Кръстева, Панайотов, 2006** – Военноморските сили на България 1879–2006. Сост. М. Кръстева, А. Панайотов. Варна, 2006.
- Механици, 2001** – Механици. Варна: ИК СТЕНО, 2001.
- Официален, 1931** – Официален отдел // Юбилеен сборник за 50-годишната дейност на Морското училище 1881–1931 г. Варна, 1931.
- Павлов, 1988** – *Павлов В.* Морското образование в България (1879–1918) // Годишник на образованието в България – Габрово. Т. 6. 1988. С. 29–50.
- Приказ, 1886** – Приказ по морскому ведомству № 3 от 1.01.1886 // Сборник приказов и циркуляров о личном составе чинов Морского ведомства. СПб., 1886.
- ПСЗРИ, 1798** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 25. № 18634. 20.08.1798.
- ПСЗРИ, 1827** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 2. № 843. 27.01.1827.
- ПСЗРИ, 1856** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 31. № 30301. 26.03.1856.
- ПСЗРИ, 1860** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 35. № 35489. 29.02.1860; № 35581. 21.03.1860.
- ПСЗРИ, 1862** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 37. № 38566. 11.08.1862.
- ПСЗРИ, 1886** – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 3. Т. 6. № 3701. 15.05.1886.
- РГА ВМФ** – Российский государственный архив военно-морского флота.
- Розадеев и др., 1977** – *Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С.* Кронштадт. Архитектурный очерк. Л., 1977.
- Руменин, 1996** – Офицерският корпус в България 1878–1944. Сост. Р. Руменин. Т. 1–7. София: ВИ, 1996.
- Список, 1887** – Список генералам, штаб- и обер-офицерам корпусов: корабельных инженеров, инженер-механиков и инженеров морской строительной части. Ч. 5. СПб., 1887, 1891.
- Суслов, 2010** – *Суслов М.Д.* Феномен империалистического утопизма, 1880–1914 // *Вопросы философии.* 2010. № 3. С. 18–29.
- Циркуляр, 1884** – Циркуляр ГМШ № 111 от 30.11.1884 // *Кронштадтский вестник.* № 147 (2581). 9.12.1884.

References

- Aleksiev, 1997** – *Aleksiev I.* (1997). Nachalo na koraboremonta v bylgarskiiia voenen flot (1879–1897) [The Begining Of Bulgarian Navy Shiprepairs (1879–1897)]. In: [Sto] 100 godini koraboremonten zavod Flotski arsenal, 1897–1997 [One Hundred Years Naval Arsenal Dockyard]. Varna: Galaktika Books, pp. 15–31 [in Bulgarian].
- Aleksiev, 2006** – *Aleksiev I.* (2006). Omaiani ot korabi myzhe [Men Fascinated By The Ships]. Т. 1. Varna: ИК Морски свият. [in Bulgarian].
- Aleksiev, 2010** – *Aleksiev I.* (2010). Hram na znaniia tehlicheski [Temple Of Technical Knowledge]. Varna: ИК Морски свият. [in Bulgarian].
- Atanasovich, 1931** – *Atanasovich D.* (1931). Kak se turi nachaloto na Mashinnoto uchilishte v 1881 godina [How To Inaugurate The Engineering School In 1881]. Jubileen sbornik za 50 godishnata dejnost na Morskoto uchilishte 1881–1931 g. [Jubilee Book On 50 Annual Activity Of The Naval Academy 1881–1931]. Varna, p. 43 [in Bulgarian].

- Boev, 1989** – *Boev R.* (1989). Polagane osnovite na voennia flot ot Rusiia. Uchastie na flota v Srybsko-bylgarskata vojna i politicheskite sybitiia sled neia (1879–1887 g.) [Laying The Foundations Of The Navy Of Russia. Part of the Fleet In The Serbo-Bulgarian War And Political Events After War]. In: Istoriiia na bylgarskiia voennomorski flot [History Of The Bulgarian Navy]. Sofia: Voenno izdatelstvo. pp. 13–23 [in Bulgarian].
- Boev, 1969** – *Boev R.* (1969). Voennijat flot na Bulgarija 1879–1900 [Bulgarian Navy 1879–1900]. Sofia: Dyrzhavno voenno izdatelstvo. [in Bulgarian].
- Bozhkov, 1933** – *Bozhkov K.* (1933). Belezhki i spomeni po Morskata ni chast [Notes And Memories Of The Our Naval Unit]. *Voennioistoricheski sbornik*, Nr 13, pp. 110–160 [in Bulgarian].
- Bratcun, 2011** – *Bratcun E.V.* (2011). Admiral Rozhestvenskiy In Memories Of His Contemporaries. *Golos minuvshogo. Kubanskiy istoricheskij zhurnal*. Nr 4, pp. 137–151 [in Russian].
- GVIA** – Gosudarstvennyi voenno-istoricheskij arhiv [Governmental Military History Archive].
- Krasteva, Panajotov, 2006** – *Krasteva M., Panajotov A.* (2006). Voennomorskite sili na Bylgariia 1879–2006 [Bulgarian Navy 1879–2006]. Varna. [in Bulgarian].
- Vitte, 1960** – *Vitte S.Iu.* (1960). Vospominaniia [Memories]. Moscow. [in Russian].
- Dimitrova et al., 2011** – *Dimitrova Mariana, Jordanov Stoyan.* (2011). Litsata na Ruse ot I-vi do sredata na XX vek [Faces Of Ruse From The First Until Mid-Twentieth Century]. Ruse: Avangard print. [in Bulgarian].
- Ivanov, 1998** – *Ivanov Tr.* (1998). Stranici ot istoriata na bylgarskoto korabostroene [Pages From The History Of Bulgarian Shipbuilding]. Varna. [in Bulgarian].
- Kolev, 2001** – *Kolev K.* (2001). 120 godini Morsko uchilishte: hronika na edna vekovna tradiciia [One Hundred And Twenty Years Naval Academy: Chronicle Of An Age-Old Tradition]. Varna, VVMU & CTEHO. [in Bulgarian].
- Kondratenko, 2008** – *Kondratenko R.V.* (2008). Mirazhi kapitana Konkevicha [Captain Konkevich Mirages]. *Gangut*, Nr 49, p. 133 [in Russian].
- Mehanici, 2001** – *Mehanici* [Mechanics]. Varna, IK CTEHO, 2001 [in Bulgarian].
- Oficialen otdel, 1931** – *Oficialen otdel* [Official Chapter]. In: Jubileen sbornik za 50 godishnata dejnost na Morskoto uchilishte 1881–1931 g. [Jubilee Book On 50 Annual Activity Of The Naval Academy 1881–1931]. Varna, 1931 [in Bulgarian].
- Pavlov, 1988** – *Pavlov V.* (1988). Morskoto obrazovanie v Bylgariia (1879–1918) [Maritime education in Bulgaria (1879–1918)]. *Godishnik na obrazovaniето v Bylgarija – Gabrovo*, Vol. 6, p. 40 [in Bulgarian].
- PSZRI, 1798** – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii*, sobr. 1 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Collection 1], Vol. 25, Nr 18634, 20.08.1798 [in Russian].
- PSZRI, 1827** – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii*, sobr. 2 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Collection 2], Vol. 2, Nr 843, 27.01.1827 [in Russian].
- PSZRI, 1856** – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii*, sobr. 2 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Collection 2], Vol. 31, Nr 30301, 26.03.1856 [in Russian].
- PSZRI, 1860** – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii*, sobr. 2 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Collection 2], Vol. 35, Nr 35489, 29.02.1860; N°35581, 21.03.1860 [in Russian].
- PSZRI, 1862** – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii*, sobr. 2 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Collection 2], Vol. 37, Nr 38566, 11.08.1862 [in Russian].
- PSZRI, 1886** – *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii*, sobr. 3 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Collection 3], Vol. 6, Nr 3701, 15.05.1886 [in Russian].
- Prikaz, 1886** – *Prikaz po morskomu vedomstvu Nr 3 ot 1.01.1886* [Order of the Navy Department Nr 3 from 01/01/1886]. In: *Sbornik prikazov i cirkuliarov o lichnom sostave chinov Morskogo vedomstva* [Collection Of Orders And Circulars Of The Personnel Of The Naval Department Officials]. St. Petersburg, 1886 [in Russian].
- RGAVMF** – Rossijskij Gosudarstvennyj Arhiv Voenno-Morskogo Flota [Russian Governmental Archive of the Navy].
- Rumenin, 1996** – *Rumenin R.* (1996). Ofiterskija korpus v Bylgaria 1878–1944 [Officer Corps In Bulgaria 1878–1944]. Sofia, Voenno izdatelstvo. [in Bulgarian].
- Rozadeev et al., 1977** – *Rozadeev B.A., Somina R.A., Kleshteva L.S.* (1977). Kronshtadt. Arhitekturnyj ocherk. [Kronshtadt. Architectural Sketch]. Leningrad. [in Russian].
- Spisok, 1887** – *Spisok generalam, shtab i ober-oficeram korpusov: korabel'nyh inzhenerov, inzhener-mehnikov i inzhenerov morskoy stroitel'noj chaste* [List Of Generals, Staff And Senior Officers Corps: Naval Architects, Mechanical Engineers And Engineers of Marine Construction Unit]. Vol. 5. St. Petersburg, 1887, 1891 [in Russian].
- Suslov, 2010** – *Suslov M.D.* (2010). Fenomen imperialisticheskogo utopizma, 1880–1914 [Phenomenon Of Imperialist Utopianism, 1880–1914]. *Voprosy filosofii*, Nr 3, pp. 18–29 [in Russian].
- Tsirkuliar, 1884** – *Tsirkuliar GMSH N° 111 ot 30.11.1884* [Circular HQ of Navy Nr 111 from 30.11.1884]. *Kronshtadtskij vestnik* [Kronstadt newspaper], Nr 147 (2581). 9.12.1884 [in Russian].

УДК 359(470+497.2)

Инженер-механик Павел Изотов на службе в Российском императорском флоте и болгарской флотилии

Асен Н. Кожухаров ^{a, *}, Игорь Н. Наймушин ^b

^a Высшее военно-морское училище им. Николы Вапцарова, Болгария

^b Музей Военно-морского политехнического института, Рская Федерация

Аннотация. На основе данных архивных фондов Государственного военно-исторического архива (Велико-Тырново, Болгария) и Российского Государственного архива ВМФ (Санкт-Петербург, РФ) статья восстанавливает биографию и основные моменты карьеры флотского механика поручика Павла Изотова.

При решении задачи по реконструкции болгарского периода деятельности Павла Изотова были применены общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение и обобщение.

Основой исследования стал принцип историзма. Применение этого принципа позволило сравнить документальные факты той эпохи, найденные в болгарских и российских архивах, с обнародованными свидетельствами участников событий и научными публикациями второй половины прошлого века.

В результате очерчен личный вклад Изотова в развитие судостроения, судоремонта и военно-морской образовательной системы молодого болгарского княжества в период с 1882 по 1884 г.

Ключевые слова: Павел Изотов, болгарская флотилия и морская часть, Руцук, флотский механик, Российский Императорский флот, Кронштадт.

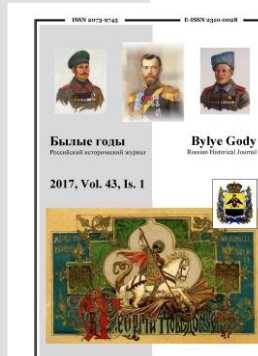
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: robert77@naval-acad.bg (А.Н. Кожухаров),
gari98@mail.ru (И.Н. Наймушин)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 189-199, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.189
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 314.15

Models of Mating Behavior of the Mordva in Tumkino of Simbirsk Province in the 1885–1918 according to Parish Registers

Alexandr V. Kobzev ^{a,*}, Tatyana A. Kobzeva ^a, Denis E. Buzaev ^a

^aUlyanovsk state pedagogical university of I.N. Ulyanov, Russian Federation

Abstract

The author examines the marital relations with the peasants of Tumkino in Simbirsk province in this article. The sources of research base are parish registers of the State Archive of the Ulyanovsk region. Research of marital relations of the population in Tumkino covers the period from 1885 to 1918. The author has analyzed the dynamics and the share of foreign marriages and marriages of Mordovian population in village Tumkino, formation and change of the marriage market, relationship dynamics and the proportion of inter-ethnic marriages, the average age of marriage the bride and groom, the number and proportion of primary and repeated marriages in this article. The author came to the following conclusions in his study in the second half of XIX – early XX centuries in the Mordovian village Tumkino was positive dynamics of the population. The system of marital relations villagers prevailed vnutriposelencheskie marriages. The marriage market covers 22 settlements, including the Russian villages and hamlets. The proportion of inter-ethnic relations was high enough, collectively accounting for 87.87 % of all foreign marriages. The basis for marriage lines marriage market accounted marital relations with the peasants Russian-Chuvash villages and Russian villages Fedkina Nazaykino and Terenga. The average age of marriage the bride and groom matched the average age in Russia. The groom was older than the bride on average two years. The proportion of second marriages was small, and the primary marriages prevailed in marital behavior Tumkino residents. With increasing age of marriage of women and men, married decreased. The probability of marrying men was higher than women to marry. The results can be used for the reconstruction of ethno-demographic processes in small local societies of non-Russian population of the Middle Volga.

Keywords: Mordva, Tumkino, Simbirsk, marriage, marital relations, marriage ring, the average age of marriage the bride and groom, marriage vnutriposelencheskie external settler marriages, primary and second marriages.

1. Введение

Среднее Поволжье один из многих регионов России, где проживает мордва. В конце XIX века в Симбирской губернии по официальным данным ее доля составляла 12,4 %. Для расселения мордвы были характерны те же черты, что и для других финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья. С одной стороны, коренное население концентрировалось на своих исконных территориях, с другой стороны, в результате интенсивных колонизационных процессов образовывались различные этноконтактные зоны и периферийные районы расселения этносов (Кузеев, 1992: 148, 163-164). В результате уже с XVIII в. мордва чересполосно проживала с другими народами Российской империи — русским, татарами, чувашами (Кабузан, 1990: 234). В таких районах преобладающего инонационального и иногда иноконфессионального окружения формировались малые локальные национальные социумы. Основой их устойчивости были различные объединяющие

* Corresponding author

E-mail addresses: alkobzev@yandex.ru (A.V. Kobzev),
tadir@mail.ru (T.A. Kobzeva), buzaev_76@mail.ru (D.E. Buzaev)

факторы — вероисповедание, совместное землепользование, соблюдение традиций и совместных праздников, поддержание тесных родственных связей за счет браков внутри своей среды, так и за ее пределами. В условиях инонационального и иноконфессионального окружения локальные социумы оказывались под воздействием различных социокультурных процессов, начиная от аккультурации и заканчивая частичной или полной ассимиляцией. Это проявлялось и в изменении моделей демографического поведения. Одним из социальных каналов такого многовекторного воздействия были внешние межпоселенческие, в том числе и межнациональные браки. Предлагаемая статья посвящена исследованию моделей брачного поведения в малых локальных социумах на примере мордовских крестьян с. Тумкино Симбирской губернии.

2. Материалы и методы

2.1. Основу источниковой базы исследования составили материалы церковно-приходской статистики — метрические книги церкви с. Тумкино за 1885–1918 гг., с незначительными временными пробелами за три года. Анализ метрических данных позволяет проследить общую динамику браков жителей села, рассчитать удельный вес внешних и внутриселенческих, моноэтнических и межнациональных браков, средний брачный возраст жениха и невесты, удельный вес первых и повторных браков, реконструировать брачные круги и проследить динамику территориальных брачных предпочтений. Опубликованные статистические издания (Списки населенных мест Симбирской губернии) позволили выявить динамику численности населения в с. Тумкино и удельный вес мордвы, чувашей и русских Тереньгульской волости Симбирской губернии.

2.2. Использование различных по форме и содержанию источников обусловило применение авторами в работе сравнительно-исторического, историко-генетического метода, ВИС-метода с созданием электронных баз данных. Основной акцент сделан на изучение моделей брачного поведения нерусского населения в малых локальных социумах в условиях иноэтнического окружения.

3. Обсуждение

Исследование демографического поведения устойчивых иноэтнических / иноконфессиональных групп ведётся этнологами, демографами, социологами, историками с разных точек зрения и с разным набором методов. В дореволюционной историографии к материалам метрических книг впервые обратились Л.Ю. Крафт, К.Ф. Герман, Д.П. Журавский и С.А. Новосельский, исследовавшие факторы и динамику смертности населения в Российской империи (Крафт, 1787; Журавский, 1846; Новиков, 1907). В советской историографии научный интерес к метрическим книгам возрождается в 1960-е годы. В исследованиях Х.Э. Палли, А.В. Елпатьевского и Б.Н. Миронова были раскрыты источниковедческие особенности изучения метрических книг и апробированы математические методы их исследования (Палли, 1977; Елпатьевский, 1979; Миронов, 1990). В современной российской историографии по материалам церковно-приходского учета населения были изучены самые разные аспекты — социальный статус, детская смертность, сословный состав брачующихся, средний брачный возраст, удельный вес первых и повторных браков, охвачены разные конфессиональные и этнические группы дореволюционной России (Сарафанов, 2012; Шустрова, 2012; Чирук, 2012; Владимиров, Сарафанов, 2012; Маркова, 2014; Очерки, 2000; Шабалина, 2001; Мордва, 1995).

4. Результаты

Сведения дореволюционных статистических источников об этническом составе жителей с. Тумкино противоречивы. В Списках населенных мест, опубликованных в 1897 и 1913 годах, его население отмечено как русское (Список, 1897: 67; Список, 1913: 205). В Списке населенных мест, подготовленного к изданию ЦСК МВД в 1863 году, село не числится в перечне мордовских селений, но напрямую не обозначено как русское (Список, 1863: 29-30). В ведомостях о числе чувашей, мордвы и татар Симбирской губернии за 1866–1869 гг. население с. Тумкино отнесено к мордве (ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 362. Л. 4 об., 21). В Подворной переписи крестьянских хозяйств Симбирской губернии 1910–1911 гг. село указано как мордовское (Подворная перепись, 1914: 58). О том, что в нем проживала мордва, говорится и в Списке населенных мест Ульяновской губернии, изданном в 1924 году (Список, 1924: 13).

Есть все основания полагать, что Тумкино было мордовским селом, а его отнесение к русским в Списках за 1863, 1897 и 1913 годы связано с конъюнктурными этнодемографическими процессами в Среднем Поволжье и особенностями учёта населения в Российской империи. В XVIII–XIX вв. мордва Среднего Поволжья была подвержена ассимиляции со стороны русского населения и некоторая часть селений, считавшихся мордовскими, рассматривались как русские. Это отразилось в материалах переписи населения по Нижегородской, Тамбовской и Симбирской губерний. Всех нерусских, кто говорил на русском языке, перестали фиксировать отдельно, и включили в состав русского населения. Это коснулось и мордвы (Кабузан, 1992: 173). В Списке 1863 года относительно мордовских поселений Симбирской губернии было сказано, что сведения об их этническом составе могут быть не точными, так как мордва “издревле” жившая совместно с русскими, совершенно обрусела, и поэтому селения могут быть по названию мордовскими, а само население считается русским (Список, 1863: 29-30, 65).

Это обстоятельство не отменяло того факта, что мордва, считавшаяся обрусевшей, могла сохранить прежнее этническое самосознание. Х ревизия 1859 г. зафиксировала заметный прирост удельного веса мордовского населения в Симбирской губернии (с 9,58 до 12,47 %) за счет более точного учета обрусевшей мордвы (Кабузан, 1992: 176).

С 1860-х гг. при учёте населения ведущим этническим маркером стал язык, а вспомогательным — вероисповедание (Брук, Кабузан, 1980: 22). Этим, видимо, объясняется тот факт, что в Списке 1897 г. село Тумкино отнесено к русскому селению. Основным источником информации при его составлении были данные, предоставленные волостными правлениями и полицией (Брук, Кабузан, 1980: 21), которые как раз руководствовались при проведении учёта показаниями родного языка и вероисповедания. Список 1913 года, судя по структуре материала, был подготовлен на основе сведений, полученных от низовых органов власти, то есть таким же образом, что и Список 1897 года. Не привносит ясности и Первая всероссийская перепись населения 1897 года, которая завысила численность русских и занизила численность других народов, которые частично утратили свой родной язык, но сохранили этническое самосознание (Кабузан, 1990: 9).

Подворная перепись в Сенгилеевском уезде была проведена весной — осенью 1911 года. В ней приняли участие местные земские сельские корреспонденты, народные учителя, сельские писари и старосты. Всего в переписи было занято 97 человек. Вероятность ошибки переписчиков в обозначении этнической принадлежности жителей населенных пунктов, скорее всего, была минимальной. У организаторов и непосредственных участников Подворной переписи была отличная возможность выяснить на месте, путем опроса, национальный состав жителей селений Симбирской губернии, не полагаясь только на данные, полученные от низовых органов власти — полиции и волостных правлений.

В расчете удельного веса жителей мы будем исходить из того основания, что в с. Тумкино проживала мордва, что не исключает вероятности ее частичной ассимиляции русскими. Во второй половине XIX — начале XX вв. село входило в состав Тереньгульской волости Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Волость была этнически неоднородной. Здесь помимо мордвы проживали русские и чуваши. Русские составляли чуть более 2/3 всего населения волости. В 1859–1911 гг. их удельный вес снизился на 3,8 %, а к 1913 г. вновь подрос на 0,7 %. При этом их численность выросла 1,5 раза. Доля чувашского населения за это же время выросла на 4 % с 13,4 до 17,4 %, а численность в 1,8 раза. Доля мордвы к 1911 г. выросла на 2,7 %, а затем снизилась вслед за уменьшением численности на 1,6 %. В течение трех лет с 1911 по 1913 гг. убыль мордовского населения в с. Тумкино составила 179 человек.

Таблица 1. Численность и удельный вес национальностей Тереньгульской волости по данным дореволюционной статистики

Народы	1859		1884		1897		1911		1913	
	числ.	в %	числ.	в %	числ.	в %	числ.	в %	числ.	в %
Мордва	1012	14,6	1601	16,8	1736	17,1	1902	17,3	1723	15,7
Чуваши	1062	13,4	1516	15,9	1616	16	1804	16,5	1910	17,4
Русские	4832	69,9	6414	67,3	6773	66,9	7255	66,1	7339	66,8

Примечания: Составлено авторами по материалам: Список, 1863: 29–30, 65; Список, 1884: 26; Список, 1897: 67; Список, 1913: 205; Подворная перепись, 1914: 58.

Метрические книги села Тумкино охватывают период с 1885 по 1918 год с временными лагунами в 1893, 1898, и 1915 годы. В сельской приходской церкви за 31 год из 33 лет было заключено 427 браков по линии женитьбы и еще 17 браков по линии замужества. Анализ брачности проведен по мужской линии. Из 427 браков 372 были внутриселенческими и 55 внешними, то есть заключенными с невестами из окрестных селений. Доля первых составила 87,12 % и вторых — 12,88 %.

В среднем в год заключалось 13,77 браков, из них 12 были внутриселенческими и 1,7 внешними. Минимальные показатели общей брачности были отмечены в 1887, 1897, 1908, 1911 и 1913 годы. В это время было 7–9 браков. Максимальные показатели общей брачности были зафиксированы в 1903 и 1918 гг. — 25 и 26 браков. В остальные годы общая брачность варьировала в пределах 10–20 браков.

Внешняя брачность крестьян с. Тумкино своих максимальных показателей достигала дважды в 1900 и 1916 годах. Тогда, соответственно было оформлено шесть и пять брачных союзов. В 1899, 1905, 1908–1909, 1911 и 1914 гг. не было ни одного внешнего брака, и все брачные союзы были оформлены между односельчанами. На протяжении 1888–1897, 1901–1903, 1906–1907 гг. общее количество внешних браков варьировало в пределах 1–2 браков и в целом укладывалось в средние показатели внешней брачности по селу (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106–109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68).

Динамика внутриселенческой брачности всецело определяла динамику общего количества браков с. Тумкино. Здесь прослеживается четкая взаимосвязь: чем выше удельный вес внутриселенческой брачности, тем в большей степени проявится синхронность циклов снижения и

роста общей брачности. Минимальные показатели внутрипоселенческой брачности были зафиксированы в 1887, 1897, 1908 и 1913 гг. — 5, 6 и 7 браков. Они полностью совпадают с минимальными показателями общей брачности. Это правило касается и максимальных значений внутрипоселенческой брачности, которые приходится на 1903 и 1918 гг. — 24 и 23 брака (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68).

Исходя из данных об удельном весе внешних и внутрипоселенческих браков, динамики их количества и влияния на общую динамику брачности, можно сказать, что брачный рынок с. Тумкино был преимущественно сориентирован на внутренние ресурсы. Браки с соседними сёлами носили периферийный характер, и никак не влияли на динамику общей брачности в селе по мужской линии.

Брачный рынок с. Тумкино охватывал 22 селения. Из них 16 селений были русскими, два русско-чувашскими, два русско-мордовскими, одно мордовско-чувашское и одно мордовское. Структура брачного рынка с. Тумкино состояла из трех брачных кругов. В первый круг вошли селения Федькино, Назайкино и Тереньга. На них в совокупности приходилось 52,73 % всех браков, заключенных в 1885–1918 годах. Ко второму брачному кругу относятся селения Нижние Коки, Гладчиха, Молвино и Зеленец. На них приходится 32,73 % внешних браков. Третий брачный круг, его периферию образуют брачные отношения с жителями оставшихся 14-ти населенных пунктов. Брачные связи крестьян с. Тумкино с жителями этих селений носили единичный характер (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68).

Значительное количество селений, входивших в брачный рынок с. Тумкино, его трехуровневая структура, наличие иномордовских поселений отличают стратегию брачного поведения локального социума мордовских крестьян, проживавших в инонациональном окружении от брачного поведения мордвы в компактных этнически однородных территориях. Там брачные круги обычно включали 2–3 селения, расположенные по соседству с иномордовскими поселениями (Мордва, 1995: 213).

Этнический состав брачных пар с. Тумкино сильно отличается от других локальных мордовских селений Симбирской губернии. Например, в селах Нижние Коки и Томылово удельный вес внешних межэтнических браков равнялся 93 и 89 %, то есть был достаточно высоким (Кобзев, 215: 230; Кобзев, 215: 161). Из 10 невест девять девушек были мордовками в браках с жителями других поселений. В селе Тумкино доля таких браков составила всего 12,73 %, а брачный рынок включал всего одно этнически однородное мордовское село Нижние Коки, с чьими жителями за 31 год было заключено всего четыре брака в 1894, 1900 и 1916 годах. Значительно большей оказалась доля межэтнических мордовско-русских браков — 60 %. Еще 27,27 % внешних браков приходилось на русско-чувашские селения Федькино и Старый Тукшум. Причем с крестьянами с. Федькино было заключено 14 браков. Это самый большой показатель внешней межэтнической брачности (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68).

Мы не можем дифференцировать по этническому признаку браки крестьян с. Тумкино с жителями русско-чувашских сёл. В метрических книгах сельской церкви не указана этническая принадлежность жениха и невесты. Остается лишь догадываться, сколько браков было мордовско-чувашских и сколько мордовско-русских. Тем не менее, общая доля этнически смешанных браков в с. Тумкино оказалось достаточно высокой. Если суммировать мордовско-русские внешние браки и браки тумкинцев с крестьянками из русско-чувашских сёл, то получится цифра в 87,27 %. И получается, что среди невест, взятых замуж не из Тумкино, лишь только каждая десятая была мордовкой, остальные были русскими либо чувашками. Можно предложить несколько объяснений этого феномена. Общая конфессиональная принадлежность — и те и другие православные христиане; относительная изолированность Тумкино от компактно расположенного в Ардатском и Алатырском уездах мордовского этнического анклава. Село находилось в окружении русских сёл и деревень, и с их стороны могли идти ассимилирующее давление. Всё это могло быть основной причиной значительно большей распространенности межэтнических браков. Нельзя исключать и локальное общее экономическое пространство, связывавшее мордовские, русские и частично чувашские поселения. В частности в 1907 г., менее чем в пяти километрах от Тумкино в русском селе Тереньга каждый понедельник проводился базар, на который съезжались крестьяне из окрестных селений (Справочная книжка, 1907: 216). Базар в Тереньге мог быть местом смотрин невест и женихов. Кроме того, здесь ежегодно с 28 июня по 1 июля проходила Петровская ярмарка (Справочная книжка, 1910: 208; Справочная книжка, 1912: 164; Справочная книжка, 1914: 168; Справочная книжка, 1916: 158).

Из 55 браков 53 были заключены с крестьянками Симбирской губернии. Большинство невест — 50 человек были родом из деревень и сёл Сенгилеевского уезда. Две крестьянки были родом из соседней Самарской губернии. Оба села были русско-мордовскими, и скорее всего, обе брачные пары были мордовскими по этническому составу (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68). Ближайшие селения, с жителями которых поддерживались регулярные и интенсивные брачные отношения по мужской линии, находились в 4,3–7,4 км от с. Тумкино. Это были сёла Федькино, Тереньга и Назайкино. Ближайшее мордовское село (Нижние Коки) находилось в 20 км от Тумкино. Русско-мордовские сёла Самарской губернии были самыми удаленными от Тумкино поселениями: Новая Бинарадка находилась в 106 км и Ерзовка (Фролкино) в 223 км. Что заставляло мордву из Тумкино искать мордовских невест на таком большом отдалении — вопрос, ведь в пределах уезда были многочисленные мордовские селения. Хотя только одно мордовское село (Нижние Коки) и одно

мордовско-чувашское село (Верхние Коки) входили в брачный рынок с. Тумкино. В пределах Сенгилеевского уезда брачный рынок с. Тумкино охватывал территорию в радиусе 4,3–50 км. Прямая зависимость между количеством браков и расстоянием до другого населенного пункта не прослеживается. Этнический фактор в брачной стратегии жителей с. Тумкино также слабо выражен. Мордва этого села оказалась достаточно открытой для межнациональных, прежде всего, мордовско-русских браков.

Подавляющее большинство браков, заключенных по мужской линии в приходской церкви с. Тумкино в последней трети XIX — начале XX вв., были первыми. За это время их удельный вес составил 89,23 %, доля же повторных браков составляла 10,78 %. Средний брачный возраст жениха и невесты указанного села соответствовал общероссийским показателям — 23 и 21 лет. Разница в возрасте в пользу жениха была небольшой и составляла всего 2 года (см. [таблица 2](#)). Это наблюдение подтверждается этнографическими исследованиями по мордовскому населению Симбирской губернии. У мордвы-эрзи в конце XIX — начале XX вв. жених был старше невесты на один — два года, а у мокши, наоборот, невеста была старше жениха на два года ([Шабалина, 2001: 52](#)). По данным демографической статистики второй половины XIX века в европейской части Российской империи средний возраст вступления в брак для девушек составлял 21,3 года и для юношей 24 года ([Миронов, 2014: 561](#)).

Таблица 2. Количество, удельный вес первых и повторных браков, средний возраст жениха и невесты с. Тумкино в 1885–1918 гг.

Параметры брачности	Кол-во браков	Доля браков в %	Удельный вес повторных браков в %	Средний возраст	
				жених	невеста
В целом все браки	427	100		23,48	21,21
Первый брак (оба новобрачных)	381	89,23		21,99	20,4
Повторные браки	46	10,78	100	37,13	29,02
1-й тип: оба новобрачных	23	5,39	50	42,4	34,6
2-й тип: только жених	18	4,22	39,13	34,2	23,3
3-й тип: только невеста	5	1,17	10,87	23,4	23,8

Примечания: Составлено авторами по материалам: [ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68](#)

Повторные браки крестьян с. Тумкино можно отнести к трем основным типам. Первый, когда оба новобрачных вступили в брак повторно. Доля таких браков в изучаемый период от общего количества браков составила 5,39 %. Второй тип, когда невеста выходила замуж впервые, а для ее жениха брак был повторным. Удельный вес таких брачных союзов составил 4,22 %. Третий тип брачной пары, когда невеста повторно выходила замуж, а жених вступал в брак впервые. Такие браки были мало распространенными, и их доля составляла всего 1,17 % (см. [таблица 2](#)). Подтверждается закономерность, согласно которой вдове было сложнее найти мужа вообще, (если за ней не было порядочного приданного). Вдовец, наоборот, имел больше шансов, найти невесту-девицу. Общая численность мужчин, повторно вступивших в брак, и их удельный вес были выше, чем у женщин. Всего повторно заключили брачный союз 69 человек, из них 41 мужчин и 28 женщин. Доля первых равнялась 9,62 %, а вторых 6,56 % от общей численности вступивших в брак. Это подтверждает тот факт, что вероятность вступления во второй брак у мужчин с. Тумкино была несколько выше, чем у женщин.

Если рассматривать структуру повторных браков, то наиболее распространенными, были брачные союзы первого типа, когда оба супруга ранее состояли в браке. Их удельный вес равнялся 50 % от общего количества повторных браков. Выбор для будущей семейной жизни супругов с одинаковым брачным статусом возможно объяснялся наличием детей, иным (нежели молодёжь) целеполаганием. В среднем их брачный возраст был значительно выше, чем в целом по с. Тумкино — на 18,9 лет у мужчин, и на 13,39 лет у женщин. То есть обычно возраст мужчины в таком брачном союзе уже перевалил за 42 года, а женщина была в возрасте примерно 35 лет (см. [таблица 2](#)). Подобное было характерно и для русского населения. Такие браки не осуждались, а новобрачные обретали взаимную помощь и защиту ([Миронов, 2014: 559](#)).

Доля брачных союзов второго типа составляла 39,13% от общего числа повторных браков. Жених был старше невесты. В среднем ему было 34 года, а его будущей жене — 23. Наконец третий тип повторного брака характеризуется тем, что жених и невеста были примерно одного и того же возраста, почти ровесниками. Обоим было примерно по 23 года (см. [таблица 2](#)). Такие брачные союзы были возможными в крестьянской среде, но мало распространенными. Рано овдовевшей, сравнительно молодой женщине в возрасте 22–23 лет, было сложнее достаточно быстро вновь выйти замуж. В большинстве случаев такая возможность отодвигалась к возрастному рубежу в 34–35 лет, и будущий муж, был человеком достаточно зрелым, старше 40 лет и ранее женатый.

В целом, мужья обычно были старше своих жён. По данным метрических книг 63,06 % всех женихов, вступивших в брак, были старше невест. Среди женщин, только 24,71 % невест были старше женихов. Доля ровесников была незначительной, составляла всего 12,24 % (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68). Примерно, в каждой десятой паре, жених и невеста были сверстниками.

Максимально большая разница в возрасте в пользу жениха, зафиксированная в метрических книгах, составила 29 лет. В 1907 г. был заключен брак между пятидесятилетним крестьянином с. Тумкино и 21-летней невестой из с. Назайкино. Причем для мужчины брак был вторым, а для невесты первый (ГАУО. Ф. 134. Оп. 38. Д. 18: 288 об.). Чаще всего возрастная разница в пользу жениха колебалась в пределах 1–3 лет, и в совокупности на их долю приходилось 57,09 % всех браков. Еще 28,36 % приходилось на браки, где жених был старше невесты на 4–7 лет. Наконец, 14,55 % приходилось на браки, где жених был старше невесты более чем на 8 лет (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68).

В браках, где женщины были старше мужей, мы не наблюдаем такого большого разброса в возрасте, как среди мужчин. Невесты, максимум, были старше женихов на 1–7 лет. Чаще всего невеста была старше мужа на 1–2 года. Доля таких браков составляла 66,99 %. На браки с разницей в возрасте в 3–4 года приходилось 25,24 %. Еще 7,76 % составляли браки, где невеста была старше мужа на 5–7 лет. У женщин в возрасте старше мужчин на семь лет практически не было шансов найти себе мужа и такие брачные союзы не зафиксированы в метрических книгах села (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68).

По законодательству Российской империи допустимый ранний брачный возраст для юношей составлял 18 лет и для девушек 16 лет. В 1830 г. был принят соответствующий Императорский указ, повысивший брачный возраст. Метрические книги зафиксировали единичные отступления от этих правил в брачной практике мордовских крестьян. Всего за наблюдаемый период было шесть женихов, не достигших полных 18 лет, и женившихся в возрасте 17 лет. Удельный вес женихов этого возраста составил 1,41 % (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68). Среди девушек была всего одна невеста, вышедшая замуж в возрасте 15,5 лет, то есть еще не достигшей совершеннолетия. В 1892 году она вышла замуж за 19-ти летнего односельчанина, и для обоих новобрачных это был первый брак (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 108: 114 об.).

Максимальное количество браков и соответственно удельный вес приходились на женихов в возрасте 20 лет. В целом, наиболее распространенный и соответственно оптимальный возраст для вступления в брак для юношей — 19–22 года и 25 лет. В совокупности на браки в этом возрасте приходилось 62,2 % всех браков. В возрастном промежутке 23–24 года наблюдается снижение числа женившихся молодых людей. В возрастах 23–24 года и 26–27 лет число женихов варьирует в пределах 19–25 человек. Верхний возрастной рубеж у мужчин — 28 лет, после которого происходило заметное снижение численности женихов до 1–6 человек (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68).

У женщин оптимальным возрастом для вступления в брак был промежуток с 18 до 21 года. Численность девушек, вышедших замуж в возрасте 16–17 лет, была небольшой, к 18 годам она увеличивается в два раза и остается стабильно высокой до 21 года. В совокупности на невест этой возрастной группы (18–21 год) приходилось 58,54 % всех браков. Снижение их численности начинается с возрастного рубежа в 22 года, и затем, чем старше становилась женщина, тем меньше у нее шансов выйти замуж. В возрасте старше 26 лет численность невест достигала своих минимальных значений 1–6 человек (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68).

В начале XX века в районах компактного проживания мордвы в Среднем Поволжье женихи и невесты были несколько моложе, чем крестьяне из локального социума с. Тумкино. По данным статистики на 1910 год 60,9 % женихов и 75,2 % невест были в возрасте 20 лет и моложе (Мордва, 1995: 213), а в с. Тумкино соответственно — 35,44 % женихов и 50,11 % невест (ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68). Различия прослеживаются и по другим возрастным группам, и наиболее заметны они у женихов в возрасте 21–22, 23–24, 25–26 лет. Доля женихов в Тумкино в 1,6–2,3 раза была выше, и в среднем они были старше, чем женихи в компактно расположенных мордовских поселениях. В свою очередь, доля женихов в возрасте 17–18 лет был меньше в 3,9 раза. У невест с. Тумкино различия по этим возрастным группам были незначительны, но все же выше, чем в поселениях уездов Мордовии (см. таблица 3).

Таблица 3. Удельный вес женихов и невест по возрастным группам в с. Тумкино и в селениях компактного проживания мордвы в начале XX века

Возраст	Селения уездов Мордовии		с. Тумкино	
	Мужчины, %	Женщины, %	Мужчины, %	Женщины, %
17-18 лет	32,5	24,5	8,21	20,6
19-20 лет	28,7	31,9	27,23	30,21
21-22 лет	10,3	22,4	23,47	25,76
23-24 лет	6,3	8,5	10,33	11,48
25-26 лет	6,9	5,3	15,02	4,22
27-30 лет	7,2	3,2	7,28	4,45
31 и более лет	8,1	4,2	8,45	3,28

Примечания: Составлено авторами по материалам: ГАУО. Ф. 134. Оп. 21. Д. 106-109, 111; Оп. 38. Д. 18, 43, 68; Мордва, 1995: 213.

Такие расхождения могли быть вызваны разными обстоятельствами. Нельзя не учитывать в данном конкретном случае фактор преобладающего инонационального, прежде всего, русского окружения и в связи с этим подверженность мордвы в малых локальных социумах, таких с. Тумкино, общероссийским демографическим процессам, например, увеличению среднего возраста вступления в брак жениха и невесты. Кроме того, исследователи обращают внимание на варьирование среднего брачного возраста в зависимости от характера занятий. В тех губерниях, и соответственно селениях, где преобладал земледельческий труд, старались заполучить в дом работницу как можно раньше, а в селениях, где основным видом занятий стали отходничество и промыслы, наоборот, не торопились с женитьбой сына (Миронов, 2014: 564). Эта зависимость согласуется с наблюдениями дореволюционных исследователей семейного уклада мордовских крестьян. Родители стремились женить сына как можно раньше, чтобы получить в семью дополнительную рабочую силу, а родители невесты, наоборот, старались задержать ее как можно дольше в своем хозяйстве (Мордва, 1995: 214). Следует отметить, что для брачного поведения мордовских крестьян с. Тумкино такая зависимость среднего брачного возраста от характера занятий населения, не выглядит столь прямой и очевидной.

5. Заключение

5.1. Брачная стратегия тумкинцев отличается от брачной стратегии крестьян других локальных мордовских селений Симбирской губернии. С одной стороны, это достаточно невысокая доля внешних браков, с другой стороны, большой удельный вес межэтнических браков. В брачный рынок села входило всего одно этнически однородное мордовское селение, находившееся в пределах Сенгилеевского уезда. В других мордовских селениях эндогамный этнический брачный рынок включал ближайшие мордовские селения, и внешние браки с крестьянами из соседних губерний были единичными. Можно допустить, что национальный состав села во второй половине XIX — начале XX вв. в результате межэтнических браков с русскими приобрел более сложный характер. Часть жителей стала утрачивать прежнее этническое самосознание, и начинала считать себя русскими, хотя все еще помнившими, что они и их предки были мордвой. Возможно, впоследствии их потомки предпочитали брать в жёны русских крестьянок, а не мордвов.

5.2. Этническая гомогенность села в основном поддерживалась за счет внутриселенческих браков, а при сравнительно небольшой доле внешних браков, всего 12,8%, ассимиляция мордвы русскими была ограниченной и не могла кардинально изменить этническую ситуацию в поселении. Сам факт высокой интенсивности брачных связей с русскими может быть связан с несколькими факторами: общая конфессиональная принадлежность — и те и другие православные христиане. Относительная изолированность и удаленность Тумкино от компактно расположенного в Ардатовском и Алатырском уездах мордовского этнического анклава. Нельзя исключать и экономическое взаимодействие между тумкинцами и крестьянами окрестных русских и частично чувашских поселений.

5.3. Доля повторных браков была небольшой и чаще всего такие браки заключались между вдовами и вдовцами. По мере увеличения разницы в возрасте брачующихся в пользу женихов, вероятность создания семьи мужчинами снижалась, но, в целом, была выше, чем у женщин. Средний брачный возраст у жениха и невесты с. Тумкино соответствовал общероссийским показателям и был выше, чем в компактно расположенных и этнически однородных мордовских селениях. Жених в среднем был старше невесты на два года, что в то же время, соответствовало зафиксированным в этнографической литературе возрастным различиям у мордвы-эрзи Симбирской губернии.

Литература

- Брук, Кабузан, 1980** – Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // *Советская этнография*. 1980. № 6. С. 18-34.
- Владимиров, Сарафанов, 2012** – Владимир В.Н., Сарафанов Д.Е. Сословный состав вступающих в брак в Покровском приходе Барнаула в последней четверти XIX в. // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. № 38. Материалы XIII конференции АИК. М., 2012. С. 106-107.
- Елпатьевский, 1979** – Елпатьевский А.В. К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время) // *Актовое источниковедение*. М., 1979. С. 55-84.
- Журавский, 1846** – Журавский Д.П. Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846.
- Кабузан, 1990** – Кабузан В.М. Народы России в XVIII в.: численность, этнический состав. М.: Наука, 1990.
- Кабузан, 1992** – Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: численность и этнический состав. М.: Наука, 1992.
- Кобзев, 2015** – Кобзев А.В. Брачные отношения жителей с. Нижние Коки по данным метрических книг 1783–1918 гг. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 5. Материалы международной научной конференции "Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVIII – середина XIX вв.)" (г. Казань, 19 ноября 2015 года). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 222-242.
- Кобзев, 2015** – Кобзев А.В. Брачные отношения жителей с. Томылово по данным метрических книг 1865–1896 гг. // Территория и население стран и континентов: история и современность. Материалы симпозиума с международным участием по исторической демографии и исторической географии. Ульяновск, июнь 2015 / под ред. С.А. Прокопенко. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2015. С. 156-168.
- Крафт, 1787** – Крафт Л.Ю. Собрание разных знаний о законах рождения и смертности в роде человеческом: в 2 т. [Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы]. Ч. II. СПб., 1787.
- Кузеев, 1992** – Кузеев Р.Г. Народы Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992.
- Маркова, 2014** – Маркова М.А. Демографические процессы в Выборге в 1870–1910-е гг. (опыт анализа данных официальной статистики и массовых источников церковно-приходского учета) // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. № 42. Материалы XIV конференции АИК. М., 2014. С. 65-67.
- Миронов, 2014** – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
- Миронов, 1990** – Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Ленинград: Наука, 1990.
- Мордва, 1995** – Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995.
- Новиков, 1907** – Новиков Л.П. Метрики (общие акты состояний) у православных (по ведомствам епархиальному и военно-духовному), инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан. Акты гражданского состояния в царстве Польском. СПб., 1907.
- Очерки городского быта, 2000** – *Очерки городского быта* дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский, Э.Б. Каплуновская, Е.В. Ключина, Л. Хэфнер. Ульяновск: Изд-во Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», 2000.
- Палли, 1977** – Палли Х.Э. Система идентификации эстонских семей XVII–XVIII в. // *Проблемы исторической демографии СССР*. Таллин, 1977. С. 158-175.
- Подворная перепись, 1914** – *Подворная перепись населения* Симбирской губернии 1910–1911 гг. Выпуск VII. Сенгилеевский уезд. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Земства, 1914.
- Сарафанов, 2012** – Сарафанов Д.Е. Информация о социальном положении людей в метрических книгах Барнаула: результаты количественной обработки // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. № 38. Материалы XIII конференции АИК. М., 2012. С. 62-63.
- Список населенных мест, 1863** – Список населенных мест Симбирской губернии по сведениям 1859 года. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1863.
- Список населенных мест, 1884** – Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Изд-е Симбирского губернского правления, 1884.
- Список населенных мест, 1897** – Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Статистического Комитета, 1897.
- Список населенных мест, 1913** – Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск: Изд-е Симбирского Губернского Статистического Комитета, 1913.
- Список населенных мест, 1924** – Список населенных мест Ульяновской губернии. Ульяновск: Изд-е Ульяновского Губплана, 1924.
- Справочная книжка, 1907** – Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии. Симбирск: Губернская типография, 1907.

- [Справочная книжка, 1910](#) – Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии. Симбирск: Губернская типография, 1910.
- [Справочная книжка, 1912](#) – Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии. Симбирск: Губернская типография, 1912.
- [Справочная книжка, 1914](#) – Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии. Симбирск: Губернская типография, 1914.
- [Справочная книжка, 1916](#) – Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии. Симбирск: Губернская типография, 1916.
- [Чирук, 2012](#) – *Чирук С.В.* Создание базы данных умерших лютеранского прихода Грунау // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. № 38. Материалы XIII конференции АИК. М., 2012. С. 126-127
- [Шабалина, 2001](#) – *Шабалина Л.П.* Семья Симбирского Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Ульяновск: УлГПУ, 2001.
- [Шустрова, 2012](#) – *Шустрова И.Ю.* Детская смертность в русской деревне XIX века (по данным когортного анализа Сандыревского прихода Ярославской епархии) // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. № 38. Материалы XIII конференции АИК. М., 2012. С. 65-66.

References

- [Bruk, Kabuzan, 1980](#) – *Bruk S.I., Kabuzan V.M.* (1980). Etnicheskiy sostav naseleniya Rossii (1719–1917 gg.) [The ethnic composition of the population of Russia (1719–1917 gg.)]. *Sovetskaya etnografiya*. № 6. pp. 18-34. [In Russian]
- [Vladimirov, Sarafanov, 2012](#) – *Vladimirov V.N., Sarafanov D.E.* (2012). Soslovnyi sostav vstupayushchikh v brak v Pokrovskom prikhode Barnaula v poslednei chetverti XIX v. [Estates composition marrying in Protection Church in Barnaul in the last quarter of the XIX century]. *Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. № 38. Materialy XIII konferentsii AIK. M., pp. 106-107. [In Russian]
- [Elpat'evskii, 1979](#) – *Elpat'evskii A.V.* (1979). K istorii dokumentirovaniya aktov grazhdanskogo sostoyaniya v Rossii i SSSR (s XVIII v. po nastoyashchee vremya) [By documenting the history of civil status in Russia and the USSR (from the XVIII c. To the present)]. *Aktovoe istochnikovedenie*. M., pp. 55-84.
- [Zhuravskii, 1846](#) – *Zhuravskii D.P.* (1846). Ob istochnikakh i upotreblenii statisticheskikh svedenii. [On the sources and use of statistical data]. Kiev. [In Russian]
- [Kabuzan, 1990](#) – *Kabuzan V.M.* (1990). Narody Rossii v XVIII v.: chislennost', etnicheskii sostav. [The peoples of Russia in the XVIII century.: size, ethnic composition]. M.: Nauka. [In Russian]
- [Kabuzan, 1992](#) – *Kabuzan V.M.* (1992). Narody Rossii v pervoi polovine XIX v.: chislennost' i etnicheskii sostav. [The peoples of Russia in the first half of the XIX century: the number and ethnic composition]. M.: Nauka. [In Russian]
- [Kobzev, 2015](#) – *Kobzev A.V.* (2015). Brachnye otnosheniya zhitelei s. Nizhnie Koki po dannym metriceskikh knig 1783–1918 gg. [The marriage relationship with residents of Lower Koki according births 1783-1918 gg.]. // *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya*. Sb. statei. Vyp. 5. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya (XVIII – seredina XIX vv.)" (g. Kazan', 19 noyabrya 2015 goda). Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. pp. 222-242. [In Russian]
- [Kobzev, 2015](#) – *Kobzev A.V.* (2015). Brachnye otnosheniya zhitelei s. Tomylovo po dannym metriceskikh knig 1865–1896 gg. [The marriage relationship with residents Tomylovo according births 1865-1896 gg.] // *Territriya i naselenie stran i kontinentov: istoriya i sovremennost'*. Materialy simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem po istoricheskoi demografii i istoricheskoi geografii. Ul'yanovsk, iyun' 2015 / pod red. S.A. Prokopenko. Ul'yanovsk: Izdatel' Kachalin Aleksandr Vasil'evich. pp. 156-168. [In Russian]
- [Kraft, 1787](#) – *Kraft L.Yu.* (1787). Sobranie raznykh znaniy o zakonakh rozhdeniya i smertnosti v rode chelovecheskom: v 2 t. [The meeting of different knowledge about the laws of birth and death in the human race], [Sobranie sochinenii, vybrannykh iz mesyatseslovov na raznye gody]. Ch. II. SPb. [In Russian]
- [Kuzeev, 1992](#) – *Kuzeev R.G.* (1992). Narody Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala. Etnogeneticheskii vzglyad na istoriyu. [The peoples of the Volga and Southern Urals Ethnogenetic view of history] M.: Nauka. [In Russian]
- [Markova, 2014](#) – *Markova M.A.* (2014). Demograficheskie protsessy v Vyborge v 1870–1910-e gg. (opyt analiza dannykh ofitsial'noi statistiki i massovykh istochnikov tserkovno-prikhodskogo ucheta) [Demographic processes in Vyborg in 1870–1910-ies. (Experience of the analysis of official statistics and mass sources the parish records)]. *Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. № 42. Materialy XIV konferentsii AIK. M., pp. 65-67. [In Russian]
- [Mironov, 2014](#) – *Mironov B.N.* (2014). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t. [Russian Empire: from tradition to modernity] T. 1. SPb.: Dmitrii Bulanin. [In Russian]
- [Mironov, 1990](#) – *Mironov B.N.* (1990). Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie. [Russian city in the 1740–1860-ies: the demographic, social and economic development]. Leningrad: Nauka. [In Russian]
- [Mordva, 1995](#) – *Mordva: Istoriko-kul'turnye ocherki*. [Mordva: Historical and Cultural Essays]. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1995. [In Russian]

Novikov, 1907 – *Novikov L.P.* (1907). *Metriki (obshchie akty sostoyanii) u pravoslavnykh (po vedomstvam eparkhial'nomu i voenno-dukhovnomu), inoslavnykh, staroobryadtsev, sektantov, evreev, karaimov i magometan. Akty grazhdanskogo sostoyaniya v tsarstve Pol'skom.* [Metrics (general acts of state) Orthodox (at diocesan agencies and military-spiritual), the non-Orthodox, Old Believers, sectarians, Jews, Karaites and Mohammedans Acts of civil status in the Kingdom of Poland]. SPb. [In Russian]

Ocherki gorodskogo byta, 2000 – *Ocherki gorodskogo byta dorevolyutsionnogo Povolzh'ya / A.N. Zorin, N.V. Zorin, A.P. Kaplunovskii, E.B. Kaplunovskaya, E.V. Klyushina, L. Khefner.* [Sketches of urban life of pre-revolutionary Volga] Ul'yanovsk: Izd-vo Gosudarstvennogo nauchnogo uchrezhdeniya «Srednevolzhskii nauchnyi tsentr», 2000. [In Russian]

Palli, 1977 – *Palli Kh.E.* (1977). *Sistema identifikatsii estonskikh semei XVII–XVIII v.* [Identification system of Estonian families XVII-XVIII century]. // *Problemy istoricheskoi demografii SSSR.* Tallin. pp. 158-175. [In Russian]

Podvornaya perepis', 1914 – *Podvornaya perepis' naseleniya Simbirskoi gubernii 1910–1911 gg.* Vypusk VII. Sengileevskii uezd. [Homestead census of Simbirsk 1910–1911]. Simbirsk: Izd-e Simbirskogo Gubernskogo Zemstva, 1914. [In Russian]

Sarafanov, 2012 – *Sarafanov D.E.* (2012). *Informatsiya o sotsial'nom polozhenii lyudei v metricheskikh knigakh Barnaula: rezul'taty kolichestvennoi obrabotki* [Information about the social situation of people in the parish registers of Barnaul: the results of quantitative analysis] // *Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter».* № 38. Materialy XIII konferentsii AIK. M., pp. 62-63. [In Russian]

Spisok naseleennykh mest, 1863 – *Spisok naseleennykh mest Simbirskoi gubernii po svedeniyam 1859 goda.* [List of localities of Simbirsk]. SPb.: Izd-e TsSK MVD, 1863. [In Russian]

Spisok naseleennykh mest, 1884 – *Spisok naseleennykh mest Simbirskoi gubernii.* [List of localities of Simbirsk] Simbirsk: Izd-e Simbirskogo gubernskogo pravleniya, 1884. [In Russian]

Spisok naseleennykh mest, 1897 – *Spisok naseleennykh mest Simbirskoi gubernii.* [List of localities of Simbirsk] Simbirsk: Izd-e Simbirskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta, 1897. [In Russian]

Spisok naseleennykh mest, 1913 – *Spisok naseleennykh mest Simbirskoi gubernii.* [List of localities of Simbirsk] Simbirsk: Izd-e Simbirskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta, 1913. [In Russian]

Spisok naseleennykh mest, 1924 – *Spisok naseleennykh mest Ul'yanovskoi gubernii.* [List of localities of the Ulyanovsk province.] Ul'yanovsk: Izd-e Ul'yanovskogo Gubplana, 1924. [In Russian]

Spravochnaya knizhka, 1907 – *Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' Simbirskoi gubernii.* [Reference book and address-calendar of Simbirsk] Simbirsk: Gubernskaya tipografiya, 1907. [In Russian]

Spravochnaya knizhka, 1910 – *Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' Simbirskoi gubernii.* [Reference book and address-calendar of Simbirsk] Simbirsk: Gubernskaya tipografiya, 1910. [In Russian]

Spravochnaya knizhka, 1912 – *Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' Simbirskoi gubernii.* [Reference book and address-calendar of Simbirsk] Simbirsk: Gubernskaya tipografiya, 1912. [In Russian]

Spravochnaya knizhka, 1914 – *Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' Simbirskoi gubernii.* [Reference book and address-calendar of Simbirsk] Simbirsk: Gubernskaya tipografiya, 1914. [In Russian]

Spravochnaya knizhka, 1916 – *Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' Simbirskoi gubernii.* [Reference book and address-calendar of Simbirsk] Simbirsk: Gubernskaya tipografiya, 1916. [In Russian]

Chiruk, 2012 – *Chiruk S.V.* (2012). *Sozdanie bazy dannykh umershikh lyuteranskogo prikhoda Grunau* [Creating a database of deceased Lutheran parish Grunau] // *Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter».* № 38. Materialy XIII konferentsii AIK. M., pp. 126-127. [In Russian]

Shabalina, 2001 – *Shabalina L.P.* (2001). *Sem'ya Simbirskogo Povolzh'ya v kontse XIX – nachale XX vv.* [Family of Simbirsk Volga region in the end of XIX – early XX centuries] Ul'yanovsk: UlGPU. [In Russian]

Shustrova, 2012 – *Shustrova I.Yu.* (2012). *Detskaya smertnost' v russkoi derevne XIX veka (po dannym kogortnogo analiza Sandyrevskogo prikhoda Yaroslavskoi eparkhii)* [Child mortality in the Russian village of the XIX century (according to the cohort analysis Sandyrevskogo parish Yaroslavl diocese)] // *Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter».* № 38. Materialy XIII konferentsii AIK. M., pp. 65-66. [In Russian]

УДК 314.15

Модели брачного поведения мордовских крестьян с. Тумкино Симбирской губернии в 1885–1918 гг. по данным метрических книгАлександр Викторович Кобзев ^{а, *}, Татьяна Александровна Кобзева ^а, Денис Евгеньевич Бузаев ^а^а Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются брачные отношения крестьян с. Тумкино Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Источниковая база исследования — метрические книги Государственного архива Ульяновской области. Исследование кроссбрачных отношений жителей с. Тумкино охватывает период с 1885 по 1918 год. В статье анализируется динамика и удельный вес внутрипоселенческих и внешних браков жителей мордовского села Тумкино, формирование и изменение брачного рынка, иерархия кроссбрачных отношений, динамика и удельный вес межэтнических браков, средний брачный возраст жениха и невесты, количество и удельный вес первичных и повторных браков. В ходе исследования было выяснено, что во второй половине XIX — начале XX вв. в мордовском селе Тумкино прослеживается положительная динамика населения. В системе брачных отношений жителей села преобладали внутрипоселенческие браки. Брачный рынок охватывал 22 поселения, включая русские села и деревни. Доля межнациональных отношений была достаточно высокой, в совокупности составляя 87,87 % всех внешних браков. Основу брачного рынка по линии женитьбы составляли кроссбрачные отношения с крестьянами русско-чувашского села Федькино и русских сёл Назайкино и Тереньга. Средний брачный возраст жениха и невесты укладывался в средние общероссийские показатели. Жених был старше невесты в среднем на два года. Доля повторных браков была небольшой, и первичные браки преобладали в брачном поведении жителей Тумкино. По мере увеличения брачного возраста доля мужчин и женщин, вступивших в брак уменьшалась. При этом вероятность жениться у мужчин была выше, чем у женщин выйти замуж. Результаты исследования могут быть использованы для реконструкции этнодемографических процессов в малых локальных социумах нерусского населения Среднего Поволжья.

Ключевые слова: мордва, Тумкино, Симбирская губерния, брачность, кроссбрачные отношения, брачный круг, средний брачный возраст жениха и невесты, внутрипоселенческие браки, внешние поселенческие браки, первичные и повторные браки.

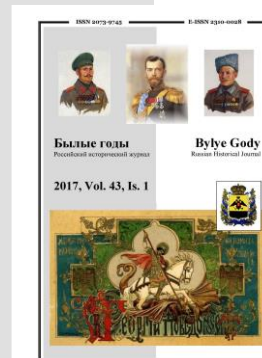
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alkobzev@yandex.ru (А.В. Кобзев), tadir@mail.ru (Т.А. Кобзева), buzaev_76@mail.ru (Д.Е. Бузаев)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 200-208, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.200
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (571.1) + 351.74

District Police Officers in the Siberian Region: to the Social Portrait

Alexander B. Khramtsov^{a,*}

^a Tyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

In article based on for the first time the archive documents introduced for scientific use social composition of district police officers as chiefs of police authorities on the example of the Siberian region is researched (1867–1917): origin, religion, age, education, etc. Stages of service by Police Chiefs, data on their encouragement and penalties are noted. Feature of their service was rotation. Office movements of district chiefs allowed to increase quality of service (to stop rise in crime) and to reduce corruption in police agencies. It is concluded that the administrative board of local police represented rather vicious circle of persons. Mainly representatives of the hereditary nobility and ober-officers were appointed to this post.

Keywords: district police officer; police; police service; encouragement; collection; public safety; Siberia.

1. Введение

Полиция – административный орган власти на местном уровне, наиболее близкий к населению. В Западной Сибири (Тобольская и Томская губернии), одном из крупнейших регионов России, действовали 16 уездных полицейских управлений и 4 городских – в губернских центрах (Тобольск и Томск) и в гг. Кольвань и Новониколаевск. В сложных условиях Сибирского региона существенно повышалась роль высших административных чиновников местного значения. Полномочия «маленьких губернаторов» выходили далеко за пределы общественной безопасности, защиты жизни и здоровья граждан и их частной собственности. Предоставляя главе полиции широкие полномочия, губернские власти пристальное внимание отдавали персональному подбору руководства уездной (исправников) и городской (полицмейстеров) полиции.

Анализ личного состава уездных исправников, обладавших всей полнотой правительственной власти и лично ответственных перед губернатором за обеспечение правопорядка во вверенных им районах, дает возможность понять особенности кадровой политики царского правительства, методы подбора и ротации служащих.

2. Материалы и методы

Информационной основой для данного исследования стали фонды региональных архивов (Томской и Тюменской областей) и Государственного архива РФ, а именно архивного фонда Департамента полиции МВД, где сохранились формуляры и другие персональные сведения об уездных исправниках (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 23. Д. 800 (Ч. 50). Л. 1-148).

Исследовать социальный состав уездных исправников позволяют формулярные (послужные) списки, которые заполнялись при поступлении (переводе, награждении) лиц на «государеву» службу и другая документация по личному составу. Данные формуляры являлись основной формой кадрового учета и документирования прохождения службы в имперской России. Единный формуляр списка был утвержден Указом Правительствующего Сената от 16 июля 1849 г. и практически не

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

подвергался изменениям вплоть до 1917 г. При этом формуляры начальников полицейских управлений в Сибири фактически не изучены.

Список представляет собой анкету в форме таблицы из XIV граф, куда вносились сведения как о прохождении службы, так и частной жизни служащего (своего рода личное дело): фамилия, имя, отчество, чин, звания, происхождение, сословие, возраст, размер содержания, вероисповедание, наличие собственности, образование, семейное положение, сведения о переменах мест службы, об отпусках, награждениях, наложении штрафов, нахождении под следствием. Служебный характер списков, снабженных отметками о подлинности, копийности, заверительными надписями, ссылками на правовые акты, подтверждает высокую степень достоверности их сведений, что дает широкие возможности для изучения социальной истории страны.

Сегодня при анализе формуляров как массовых источников используются различные методы обработки информации, раскрывающие закономерные связи и зависимости между отдельными явлениями и процессами. Наилучший эффект в данном случае дает метод контент-анализа содержания однотипных документов. К тому же такие свойства списков, как типовая структура, неизменность формы на протяжении всего периода их использования, позволяют проследить все изменения в составе высших должностных лиц полицейских управлений в регионе по единой методике. Цель анализа – установить социальные характеристики уездных исправников и особенности прохождения ими службы в Сибири. Изучение документов предполагает критическое отношение к их сведениям, установление их достоверности и полноты. Для выявления общего и особенного применялись методы группировки, аналогии и историко-сравнительного анализа. Метод историко-системного анализа позволил определить общие черты, присущие руководству полицейских управлений в регионе.

3. Обсуждение

К сожалению, современная историография мало уделяет внимания изучению социально-профессионального состава руководителей полицейских управлений в Сибири. В трудах по сибирской истории можно обнаружить ряд данных об уездных исправниках (Ермолаев, 2008). Специальных работ крайне мало. Лишь в статьях П.А. Сунгурова рассмотрены общие проблемы реформирования полицейского управления в регионе, биографии и должностные компетенции глав уездной полиции в Тобольской губернии (Сунгуров, 2015; Сунгуров, Храпцов, 2016).

В данной работе предприняты первые шаги к восполнению этого пробела. Необходимо продолжить разработку, углубить и расширить данную тему, например – исследовать характер взаимоотношений глав полиции с подчиненными, а также полицейских начальников с населением.

4. Результаты

Глава полиции назначался губернатором и утверждался в должности министром внутренних дел. Так, исправник в уезде (полицмейстер в городе):

1) заведовал служащими полиции (участковыми приставами, околоточными надзирателями, городовыми, урядниками и др.), решал кадровые вопросы: назначение, перемещение, награждение и наказание, прием и увольнение, профессиональная подготовка личного состава;

2) обладал распорядительными полномочиями – разработка и принятие приказов, положений, циркуляров, инструкций и других документов;

3) председательствовал в органах управления на местном уровне. Например, исправник возглавлял тюремное отделение, уездный комитет общественного здоровья; уездное по воинской повинности присутствие; оспенный комитет; уездный распорядительный комитет; по должности входил в состав членов присутствий, комиссий и комитетов;

4) исполнял следственно-розыскные функции: политическое дознание, сыск, заграничная и внутренняя агентура и секретное делопроизводство;

5) осуществлял надзор – наблюдал за рабочими и крестьянами, их массовыми выступлениями, антигосударственным и революционным движением, вел их профилактику и пресечение, а также за деятельностью легальных обществ и органов местного самоуправления. Более того, полномочия начальника уездной полиции относились к потребительскому рынку, санитарному и противопожарному контролю, торгово-промышленной деятельности, извозному промыслу, природопользованию и др.

В условиях Сибирского региона на главу уездной и городской полиции возлагались многообразные функции. Исправник обязывался при объездах населенных пунктов «стараться своими расспросами и советами вразумлять сельских обывателей на счет их обязанностей и пользы», крестьян он «поощрял к трудолюбию, указывал им выгоды распространения и усовершенствования земледелия, рукоделия и торговой промышленности», особо призывал к «сохранению добрых нравов и порядка» (Сунгуров, 2015: 93).

Сведения послужных списков уездных исправников позволяют сразу решить несколько исследовательских задач, скажем, выяснить происхождение полицейских начальников и их вероисповедание. Согласно спискам, их сословная принадлежность была практически однородной и неизменной. Руководство полиции комплектовалось преимущественно выходцами из

потомственного дворянства, чиновничества и обер-офицерских детей, причем родившихся в других губерниях (Полтавской, Могилевской, Черниговской, Пермской, Рязанской и др.). Например, кузнецкий (позднее – томский) уездный исправник И.И. Загарин родился в семье потомственных дворян Симбирской губернии (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 114. Д. 176. Л. 8-15). В то же время, такие формулировки списков как «сын чиновника 6 класса», «сын урядника», «из канцелярских детей», «сын губернского секретаря с правом почетного гражданина», «из писарских детей» и т.п. не дают точного понимания о происхождении чиновников. В частности, Б.П. Висман (новониколаевский полицмейстер) родился в Риге, в семье немцев.

В 1900–1917 годы в среде полицейских начальников начали появляться уроженцы Сибирского региона. Скажем, Н.Е. Скатов (тюменский исправник) родился в семье мещан г. Тары; Г.А. Пирожников (сургутский исправник) – в слободе Усть-Ница Тюменского уезда. В годы войны назначение стали получать лица, еще не имевшие чинов и званий. Очевидно, что это вызывалось нехваткой квалифицированных кадров. Хотя на должности именно уездных исправников и полицмейстеров лица без чинов и званий не назначались.

Подавляющее большинство начальников полицейских управлений являлись русскими и православными (до 98 %). Причем их конфессиональный состав оставался неизменным в 1867–1917 гг. Представителей другой веры в органах полиции служило крайне мало. В 1867–1900 гг. католицизм исповедовали: А.П. Дзержинский (Тобольск); Р.Н. Доманский (Мариинск); М.Г. Козеродский (Тара). В 1900–1917 гг. лишь курганский (Э.М. Каковский) и тарский (В.О. Кремер) исправники исповедовали римско-католическую веру, тюкалинский исправник А.И. Стадлер был лютеранского вероисповедания, а тобольский исправник А.Ш. Нагайбаков – крещеным татарин. Бухарцы, евреи, иудеи и лица других не христианских религий на руководящие посты не назначались, что можно объяснить официальной политикой царского правительства в отношении национальных меньшинств.

Анализ возрастных данных указывает на то, что наиболее востребованной в момент назначения или перевода на должности начальников являлась средняя возрастная группа – 35–45 лет. Например, Н.Н. Халтурин был назначен томским полицмейстером в 34 года; М.Н. Белоносков – барнаульским исправником в 35 лет; И.И. Загарин – кузнецким исправником в 40 лет. Хотя исключения также были: А.К. Крокосевич получил назначение тобольским полицмейстером в 26 лет; В.А. Бойчевский – новониколаевским полицмейстером в 31 год. Предельный же возраст нахождения на руководящем посту составил 59 лет. Тем не менее, средний показатель оставался примерно на одном уровне. Это объяснить несложно: лица младшего поколения не обладали соответствующим профессиональным опытом, имели низкий чин для занятия такой должности, вследствие чего предпочтение им не отдавалось, а чиновники в возрасте 55–60 лет переходили на более высокие посты, выходили на пенсию, в отставку, часто отказывались от этой службы по причине слабости здоровья и др. Бийский уездный исправник П.Г. Дрягин (50 лет) в ноябре 1891 г. ходатайствовал об увольнении со службы по причине болезни. Ему была назначена усиленная пенсия в размере 500 руб. в год (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3033. Л. 1-76).

Тюменский уездный исправник А.А. Воробьев в 48 лет был вынужден по болезни выйти в отставку. Он подал в Департамент полиции МВД прошение, в котором указал, что потерял здоровье, лишился средств на содержание своей семьи, не имел недвижимого имущества и каких-либо других источников к жизни... просил назначить «за долготлетнюю, беспорочную и полезную службу» усиленную пенсию. На основании утвержденного 21 апреля 1907 г. положения Совета министров ему была назначена с 11 сентября 1906 г. усиленная пенсия в 1000 руб. в год. Сверх этого ему назначили пенсию из частных земских сборов с дворянских гильдий Вологодской губернии в сумме 14,60 руб. в год за службу им в течение 1 года и 9 месяцев письмоводителем канцелярии Кадниковского уездного предводителя дворянства (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 26. Д. 1505. Л. 15, 16, 17, 18, 25).

Среди уездных исправников в Сибирском регионе необразованных людей не было. В целом, их образовательный уровень следует признать невысоким. Лишь единицы глав уездной полиции имели оконченное высшее образование, среди них – Р.Н. Доманский, окончивший юридический факультет Императорского университета Св. Владимира (Ермолаев, 2008: 634). В полицию приходили люди с разным образованием: педагогическим, медицинским, инженерным, военным. Большинство исправников офицерско-дворянского происхождения имели базовое образование, обучались в средних учебных заведениях. В частности, Н.Н. Халтурин (томский полицмейстер) воспитывался в Прославской военной прогимназии и Рижском пехотном юнкерском училище (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2515. Л. 1-7). Исключения встречались: И. Я. Трофимов (Курган) имел домашнее воспитание, т. е. в учебных заведениях не обучался, однако для продвижения по карьерной лестнице ему пришлось пройти испытания в Ялutorовском уездном училище (ГА в г. Тобольске. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 314. Л. 13). Высоко ценилось духовное образование: ряд исправников являлись воспитанниками духовных семинарий (Тобольской, Пермской и др.): П.А. Артоболевский (томский окружной исправник) обучался в Пензенской духовной семинарии; А.И. Разумовский (туринский исправник) и Г.А. Пирожников (сургутский исправник) обучались в Тобольской духовной семинарии, но последний ее не окончил (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 9. Д. 39. Ч. 21. Л. 31; ГА в г. Тобольске. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 315. Л. 18-21).

Послужные списки фиксировали хронологию прохождения службы. В них обязательно записывались должности, на которые назначались лица с указанием числа, месяца и года назначения. Скажем, по спискам уездных исправников можно установить их перемещения по службе. В 1892 г. Н.Е. Скатов в возрасте 20 лет он был определен в штат Тарского окружного полицейского управления на должность журналиста – столоначальник (1893) – полицейский надзиратель г. Тары (1893) – земский заседатель 1 участка Тарского округа (1894) – становой пристав Тарского округа (1898) – помощник тарского исправника (1900) – тюкалинский (1907) и тюменский уездный исправник (1909), где прослужил до февраля 1917 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 114. Д. 175. Л. 3-9; Оп. 23. Д. 800 (Ч. 50). Л. 44, 76).

В списках чиновников сведения о служебных перемещениях переплетались с данными о присвоении чинов, званий и наград, а также о командировках. В «классном» разрезе начальники полицейских управлений в Сибири за 1900–1917 гг. имели чины: IV–VI классов – 10 %, VII–IX классов – 54 % и X–XIV – 36 %.

Полицейские начальники в основном имели гражданские чины. Довольно редки были случаи, когда в руководстве полиции состояли военные чины (подполковники, капитаны, ротмистры, поручики и др.). Последние после выхода в отставку предпочтение отдавали службе в жандармских управлениях, за исключением – Т.Ф. Калугина (Тюмень) и А.А. Левицкого (Ялуторовск).

Установлено, что все высшие чины полиции имели стаж работы в государственных и общественных учреждениях, например: Н.П. Карамышев до полиции работал фельдшером в тобольской и омской больницах; И.Я. Трофимов – на разных должностях почтово-телеграфного ведомства; Л.Н. Ямзин – в канцелярии Тобольского губернского управления; Г.А. Пирожников – с 1891 г. на севере губернии (Березов, Кондинское) в системе МВД.

Ряд чиновников последовательно проходили карьерные ступеньки, работая в системе полицейского управления, скажем, земскими заседателями в округах региона (до упразднения этих должностей), становыми приставами и полицейскими надзирателями в разных городах. В частности, Н.Н. Загарин начал службу в 1892 г. канцелярским служителем Томской духовной консистории, в 1896 г. переведен на должность столоначальника в Томской городской полиции, в 1899 г. – секретарь Томской городской полиции, в 1904 г. – пристав 4 стана Томского уезда, в 1911 г. – кузнецкий уездный исправник, в 1916 г. – томский уездный исправник (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 114. Д. 176. Л. 8-15). А.И. Разумовский с 1873 г. работал полицейским надзирателем г. Березова, после земским заседателем 3-го и 1-го участка Тюменского округа, затем в этой же должности в 4-м участке Курганского округа. В 1886 г. он получил назначение помощником тюменского исправника, в 1887 г. – сургутским исправником, в 1888 г. – туринским исправником, где прослужил более 13 лет, в 1901 г. – ялуторовским и в 1906 г. вновь туринским исправником (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 23. Д. 800 (Ч. 50). Л. 3, 59; ГА в г. Тобольске. Ф. И-329. Оп. 2. Л. 18-21; Д. 286. Л. 111, 128-129).

В списках исправников записи о воинской службе встречаются редко. Отставные военные, продолжившие службу в полиции, участвовали в Крымской войне и других конфликтах: А.М. Фукса (томский полицмейстер) называли «героем русско-турецкой войны»; Б.Г. Оржеховский (мариинский исправник) участвовал в войне с Японией и обороне Порт-Артура, был тяжело ранен, избежал плена и вернулся в Россию. Он в числе других георгиевских кавалеров был представлен императору Николаю II (Ермолаев, 2008: 642).

Что касается срока службы на одном месте, то он был не велик. Особенностью полицейской службы являлась нестабильность, подвижность, изменчивость личного состава. Губернаторы активно применяли внутреннюю ротацию состава, что связано с ограниченным кругом квалифицированных и опытных управленцев (особенно в малых центрах). Регулярные перемещения начальников позволяли повысить качество службы (в том числе, пресечь разгул преступности) и снизить коррупцию в органах полиции. В среднем срок службы составлял 3–4 года. Тем не менее, отдельным чинам удавалось сохранять свои посты на более длительный срок, к примеру: томский полицмейстер М.П. Шеремет (1911–1917); исправники: мариинский – П.Г. Дрягин (1883–1890) и А.А. Зеленский (1901–1908); тарский – П.С. Гибедо (1887–1904); туринский – А.И. Разумовский (1888–1901, 1906–1908); курганский – И.Я. Трофимов (1888–1901); сургутский – Г.А. Пирожников (1903–1917); ишимский – И.Г. Виноградский (1893–1907); тюменский – Н.Е. Скатов (1909–1917); березовский – Л.Н. Ямзин (1908–1917). Вероятно, губернаторы не имели особых претензий к их службе.

Графы формуляров о семейном положении чиновников раскрывают целый ряд социально-демографических вопросов: брачность, сословие жен, половозрастной состав семьи, имена членов семьи, их вероисповедание, смертность среди детей и др. По спискам установлено, что более 90 % уездных урядников региона были женаты и имели в среднем одного – трех детей. Не встречаются браки, в которых муж и жена имели разную веру. Не выявлено семей с большим количеством детей (более 5), что можно объяснить трудностями полицейской службы, частыми переездами и, как правило, отсутствием у чинов полиции недвижимой собственности.

Что касается имущественного положения исправников, то их содержание обеспечивалось казной в размере – 1800 руб. в год (750 руб. жалование, 750 руб. столовые и 300 квартирные). Заметим, что такой уровень содержания практически никто из местных чиновников, городских и торговых служащих не получал. Кроме того, устанавливались различные надбавки и выплаты за многолетнюю службу в Сибири (см. табл. 1).

Таблица 1. Исправники и полицмейстеры в Тобольской губернии. 1900–1917 гг.

Ф.И.О. исправника и возраст на год назначения	Период службы	Классный чин на год назначения	Вероисповедание	Жалованье (руб.)	Награды
<i>город Тобольск (городское и уездное управление)</i>					
Нагайбаков Ахмед-Мухтар Шагин-Гиреевич	1899–1903 (исправник)	коллежский ассессор	православный татарин	1800	орден
Петухов Вячеслав Михайлович, 36 лет	1901–1903 (полицмейстер) 1904–1909 (исправник)	коллежский советник	православное	1900 1900	ордена и медали
Иконников Михаил Васильевич, 32 года	1909 (исправник)	коллежский регистратор	православное	1900	нет
Куриленко Василий Семенович, 38 лет	1910–1917 (исправник)	надворный советник	православное	1800	ордена
Кублицкий Николай Михайлович, 29 лет	1904–1909 (полицмейстер)	коллежский секретарь	православное	1900	орден
Лорченко Захарий Маркович, 29 лет	1909–1910 (полицмейстер)	коллежский регистратор	православное	1900	нет
Свечников Вячеслав Александрович, 48 лет	1910 (полицмейстер)	коллежский ассессор	православное	1900	медаль
Крокосевич Александр Кондратьевич, 26 лет	1910–1914 (полицмейстер)	коллежский регистратор	православное	1900	ордена и медали
Хрушов Митрофан Илларионович	1915–1917 (полицмейстер)	губернский секретарь	православное	1900	нет
<i>город Тюмень (уездное управление)</i>					
Калугин Тимофей Федорович, 28 лет	1899–1905	поручик запаса	православное	1900	ордена
Воробьев Александр Александрович, 47 лет	1905–1906	коллежский советник	православное	1900	ордена
Белоносов Михаил Николаевич, 32 года	1906–1909	губернский секретарь	православное	1900	орден и медаль
Скатов Николай Ефимович, 36 лет	1909–1917	коллежский секретарь	православное	1800	ордена и медали
<i>город Курган</i>					
Трофимов Иван Яковлевич, 37 лет	1888–1901	коллежский советник	православное	1500- 1800	ордена и медали
Каковский Эдуард Максимилиан Антонович, 47 лет	1901–1903	губернский секретарь	римско- католическое	1950	ордена
Воробьев Александр Александрович, 45 лет	1904–1905	надворный советник	православное	1800	ордена
Калугин Тимофей Федорович, 34 года	1905–1907	поручик запаса	православное	1800	ордена
Росляков Порфирий Александрович, 41 год	1907–1909	титулярный советник	православное	1800	медаль
Вольский Александр Викторович, 47 лет	1909–1911	коллежский ассессор	православное	1800	ордена и медали
Иконников Михаил Васильевич, 34 года	1911–1917	коллежский секретарь	православное	1800	медаль
<i>город Ишим (уездное управление)</i>					
Виноградский Иван Глебович, 37 лет	1893–1907	титулярный советник	православное	1500- 1800	ордена
Соколов Иван Апполонович, 46 лет	1907–1909	титулярный советник	православное	1800	ордена
Иконников Михаил Васильевич, 32 года	1909–1910	губернский секретарь	православное	1800	медаль
Лорченко Захарий Маркович, 30 лет	1910–1911	коллежский регистратор	православное	1800	орден
Свечников Вячеслав Александрович, 49 лет	1911–1917	коллежский ассессор	православное	1800	ордена и медали

<i>город Тара (уездное управление)</i>					
Гибедо Прокопий Семенович, 38 лет	1887–1904	губернский секретарь	православное	1500-1800	ордена
Куриленко Василий Семенович, 32 года	1904–1909	титулярный советник	православное	1800	нет
Левицкий Алексей Александрович, 46 лет	1909–1911	отставной войсковой старшина	православное	1800	ордена
Журавлев Александр Иванович, 50 лет	1911–1914	коллежский советник	православное	1800	ордена и медали
Кремер Вильгельм Оскарович, 46 лет	1914–1917	надворный советник	римско-католическое	1800	ордена
<i>город Туринск (уездное управление)</i>					
Разумовский Александр Иванович, 40 лет	1890–1901	титулярный советник	православное	1470 - 1800	ордена и медали
Алипов Сергей Михайлович, 44 года	1901–1906	коллежский ассессор	православное	1800	медаль
Чешко Николай Константинович, 34 года	1906	титулярный советник	православное	1800	орден
Разумовский Александр Иванович, 56 лет	1906–1908	коллежский советник	православное	1800	ордена и медали
Креков Владимир Павлович, 48 лет	1908	коллежский советник	православное	1800	ордена и медали
Волженский Василий Васильевич, 48 лет	1909–1910	надворный советник	православное	2510	орден
Стадлер Александр Иванович, 49 лет	1910–1911	губернский секретарь	православное	1800	ордена и медали
Кобзев Василий Иванович, 40 лет	1911–1912	коллежский секретарь	православное	1800	медаль
Мельников Иван Иванович, 39 лет	1912–1917	губернский секретарь	православное	1800	ордена
<i>город Тюкалинск (уездное управление)</i>					
Ухалов Матвей Семенович	1894–1901	коллежский советник	православное	1500-1800	ордена
Воробьев Александр Александрович, 43 год	1901–1903	надворный советник	православное	1800	ордена
Соколов Иван Ашполонович, 43 года	1904–1907	губернский секретарь	православное	1800	ордена
Скатов Николай Ефимович, 34 года	1907, 1908-1909	губернский секретарь	православное	1800	ордена
Креков Владимир Павлович, 48 лет	1908	коллежский советник	православное	1800	ордена и медали
Кобзев Василий Иванович, 39 лет	1909–1910	губернский секретарь	православное	1800	медаль
Стадлер Александр Иванович, 50 лет	1910–1917	губернский секретарь	православное	1800	ордена и медали
<i>город Березов (уездное управление)</i>					
Смирнов Афанасий Доримедонтович	1898–1903	статский советник	православное	1800	ордена и медали
Евсеев Иринарх Владимирович, 41 год	1903–1907	титулярный советник	православное	2300	медаль
Волженский Василий Васильевич, 47 лет	1907–1908	надворный советник	православное	2510	орден
Ямзин Лев Никифорович, 50 лет	1908–1917	коллежский секретарь	православное	2300	ордена и медали
<i>город Сургут (уездное управление)</i>					
Евсеев Иринарх Владимирович, 37 лет	1899–1903	коллежский секретарь	православное	2300	медаль
Пирожников Григорий Александрович, 34 года	1903–1917	коллежский ассессор	православное	1500	медаль
<i>город Ялуторовск (уездное управление)</i>					
Киселев Никифор Петрович	1899–1901	коллежский ассессор	православное	1800	ордена

Разумовский Александр Иванович, 51 год	1901–1906	коллежский советник	православное	1800	ордена
Новосильцев Яков Дмитриевич, 46 лет	1906–1911	коллежский ассессор	православное	1800	ордена
Левицкий Алексей Александрович, 48 лет	1911–1914	отставной войсковой старшина	православное	1800	ордена
Ламанский Павел Владимирович, 48 лет	1914–1917	коллежский советник	православное	1800	ордена и медали

Сведения об отпусках и нахождении в отставке (гр. XII и XIII) дают возможность определить, когда завершилась служба того или иного чиновника. В частности, И.Я. Трофимов ушел в отставку 17 января 1901 г. с мундиром и с пенсией 980 руб. в год. Определением Правительствующего Сената от 28 сентября 1900 г. он признан в потомственном дворянском достоинстве, с правом внесения в дворянскую родословную книгу (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1174. Л. 145-145 об.). А.А. Зеленский (кузнецкий, бийский и мариинский исправник) в 53 года вышел в отставку с правом ношения мундира и назначением пенсии – 1100 руб. в год (Ермолаев, 2008: 640). По данным списков, можно установить длительность и периодичность отпусков. Типичными сроками увольнительных были 2 недели, 1 месяц и 2 месяца.

В списках обязательно указывались сведения о медалях, орденах и других знаках отличия, которыми удостоивались начальники городской и уездной полиции. Причем о некоторых из них оговаривалось особо. Так, отдельные чиновники полиции имели комбинацию из нескольких званий, были титулованы чинами и знаками отличия. У отдельных чинов полиции были и зарубежные награды. В частности, томский полицмейстер В.В. Ушаков (отставной штабс-капитан) был удостоен медалями: серебряной – за взятие 12 января 1881 г. штурмом крепости Геок-Тепе (Туркмения); бронзовой – в память войны 1877 и 1878 гг., сербскими орденами и медалями, румынским крестом (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 11. Д. 796. Л. 68).

Многие уездные исправники и полицмейстеры заслужили ордена св. Станислава II и III степени, св. Анны II и III ст., св. Владимира IV ст., а также бронзовые медали на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг. Ордена и медали давали право на льготные сроки выслуги пенсии, скажем, орден Св. Владимира IV ст. (25 лет беспорочной службы) – 7 лет за 5 лет.

Согласно спискам, чины полиции довольно часто получали благодарность от губернатора с формулировкой «за усердную службу», иногда с единовременной денежной премией (30–50 руб.). В частности, А.И. Разумовскому 15 августа 1888 г. была объявлена благодарность губернатором «за отличную распорядительность» при производстве обысков у политссыльных в г. Туринске (ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 315. Л. 18-21). Новониколаевский полицмейстер В.А. Бойчевский был награжден орденом Св. Станислава 3 степени, серебряной медалью Красного креста в память русско-японской войны, серебряным нагрудным знаком Императорского Российского пожарного общества (ГАТомО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 2837. Л. 1-20). Любопытны и похвальные выражения в документах, например: А.И. Стадлер (Тюкалинск) – «опытный умелый исправник, с большими сыскными способностями, очень скромный в жизни»; А.К. Крокосевич (Тобольск) – «прошел хорошую школу, старательно интересуется делом, заслуживает поощрения». По всей видимости, в отношении последнего такой мерой поощрения стало назначение полицмейстером в Самару (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 113. Д. 200. Л. 4, 8).

Причем отдельных исправников губернаторы очевидно перехваливали. Например, губернатор 25 апреля 1916 г. ходатайствовал о награждении тюменского уездного исправника Н.Е. Скатова за усердную службу. Приказом губернатора от 10 августа 1914 г. ему уже объявлялась благодарность за самоотверженную деятельность в период весеннего наводнения; 6 декабря 1914 г. он был награжден за заслуги по обществу повсеместной помощи на войне солдатам орденом Св. Анны II степени; 4 октября 1915 г. за труды по мобилизации – высочайшим благоволением.

На 1 февраля 1916 г. он отслужил в должности уездного исправника в Сибири 9 лет и согласно п. 6. ст. 394 Учреждения орденов приобрел право на награждение орденом Св. Владимира IV степени. МВД 20 мая 1916 г. сообщило губернатору, что Скатов уже удостоен должными наградами. Еще решено выдать высочайший подарок по чину, указанному в п. 26 наградных правил (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 114. Д. 175. Л. 1-1 об. Л. 11-12). А с другой стороны, оппозиционный в отношении административных чиновников журнал «Сибирские вопросы» называл тюменского исправника Н.Е. Скатова «маленьким помпадуром», который не только проявил свое «рад стараться», а даже перестарался. Занявшись «изловлением крамолы», он «не останавливался ни перед производством обысков без понятий, без всякого предписания, без составления протоколов до случайной револьверной стрельбы включительно» (СВ, 1909: 32).

Интерес также представляют сведения списков о штрафах и возбуждении против уездных начальников следствия и привлечения их к суду (гр. XI формуляра). Исправники и их помощники как государственные служащие, также получали внушения, замечания и выговоры, подвергались штрафным санкциям. Хотя в большей части формулярных списков указано, что чиновник

наказаниям «не подвергался». В некоторых списках были отметки о наложении штрафов. Случаи возбуждения следствия против чинов полиции все же имели место. В частности, из Тюмени М.Н. Белоносов в 1909 г. получил назначение на должность барнаульского уездного исправника. В сентябре 1910 г. ревизия выявила факты его неправомысленных действий. По приказу губернатора он был отстранен от должности. Ему инкриминировалось соучастие в служебном подлоге. Сам Белоносов признавал себя виновным лишь в небрежности по службе. По результатам следствия, его уголовное преследование по ст. 362 прекращено, по ст. 411 он был признан виновным и получил выговор (ГАРФ. Оп. 108. Д. 69. Л. 16, 21-21 об. Л. 249).

В большинстве случаев уездные исправники получали оправдательные приговоры или наказания дисциплинарного характера (замечание, выговор, увольнение), не связанные с реальным лишением свободы. Скажем, туринский уездный исправник В.И. Кобзев обвинялся по ст. 547 и п. 2. 3 ч. ст. 354 Уложения о наказаниях (присвоение денежных сумм). По журналу Тобольского губернского управления от 14 октября 1915 г. № 22 уголовное преследование Кобзева дальнейшим производством было прекращено (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 194 (Ч. 64). Л. 17-17 об. Л. 20). Другой пример – согласно журналу общего присутствия Тобольского губернского управления от 3 марта 1911 г., тарскому уездному исправнику А.И. Журавлеву «за допущенную им медлительность по делу» по 1 ч. ст. 410 Уложения о наказаниях было объявлено замечание (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 109. Д. 28. Л. 47-52); барнаульский уездный исправник Г.Г. Григорьева по делу о неправильных действиях и некорректному поведению в отношении прокурорского надзора получил выговор (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 111. Д. 51. Л. 120-121, 122); В отношении ялutorовского исправника А.А. Левицкого, обвиненного в превышении власти, Общее губернское присутствие уголовное преследование прекратило, сделав ему выговор (Сунгуров, 2015: 94).

В 1906 г. широкий общественный резонанс получил судебный процесс над Петербургским советом, где был осужден на вечное поселение в Сибирь с лишением всех гражданских прав Л.Д. Троцкий-Бронштейн. В феврале 1907 г. он находился под надзором в г. Березове. Во время пребывания в тюрьме, у него воспалился седалищный нерв. Исправник поместил его в бесплатную больницу, откуда он бежал. За этот побег исправник И.В. Евсеев был отрешен от должности и предан суду. В 1910 г. Омская судебная палата на выездной сессии в г. Тобольске рассмотрела дело бывшего исправника, обвинявшегося в бездействии власти, а именно в непринятии мер вследствие чего ссыльным был совершен побег. 2 июля 1910 г. приговором Евсеев был оправдан. На процессе он заявил – «меня можно обвинить не в бездействии власти, а в ее бессилии». После увольнения он работал архивариусом в Тобольском окружном суде, заведовал канцелярией председателя (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 297. Л. 6). Интересно, что газета «Земщина» встала на его сторону: «Евсеев по всем признакам мужчина бравый и при том совесть его чиста» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 297. Л. 7).

Конечно самым громким в истории Сибирского региона стало дело полицмейстера Б.П. Висмана. Он, неся службу в Кольвани, Каинске и Томске, прослыл требовательным и бескомпромиссным полицейским и был назначен приставом Новониколаевска. Вскоре прежде честный и храбрый служащий стал брать взятки и быстро вошел во вкус. Основной статьей его доходов стал подпольный промысел. Пристав стал получать «мзду» с питейных заведений и нелегальных публичных домов, которых в городе насчитывалось больше сотни. В 1910 г. его незаконная деятельность вскрылась. Следствие шло 4 года. В итоге 17–20 апреля 1914 г. выездная сессия Омской контрольной палаты за «накопление» 120 тыс. рублей приговорила экс-начальника к 4 месяцам тюрьмы «без ограничения в правах и с освобождением от последствий, но с оставлением денежных взысканий 1340 руб.» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 112. Д. 194 (Ч. 65). Л. 90-105). Томский полицмейстер А.М. Фукс обвинялся сразу по нескольким статьям, по ст. 372, 354, 373, 377, 378 Уложения о наказаниях. Он, состоя в должности, ежемесячно получал от держателя ресторана «Европа» и сада «Буфф» в г. Томске Морозова по 100 руб. за назначение полицейских нарядов в летний сад. Кроме того, присвоил более 300 руб. за изготовление табличек домов (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 109. Д. 75. Л. 103, 105-106).

Весной 1917 г. большинство начальников полицейских управлений уволились со службы, часть из них погибла, другие отказывались служить «из-за трудностей переживаемого времени» или вынуждены были уйти из-за конфликтов и неприязни со стороны населения. Департамент милиции в обзоре за октябрь 1919 г. сообщал, «что лица, обладающие полицейским стажем, в большинстве случаев избегают службы в милиции, так как она в настоящее время чрезвычайно опасна и не представляет тех материальных выгод, которые можно получить даже при «самом примитивном труде» (Звягин, 2001: 181). В частности, Л.Н. Ямзин, березовский уездный исправник (1908–1917) был переведен на должность секретаря управляющего уездом. Начальником же уездной милиции в 1917 г. назначили его помощника Н.Т. Кушника (ГАТюмО. Ф. Р-943. Оп. 1. Д. 4. Л. 21 об.).

5. Заключение

Исследование обширных и многогранных данных о личном составе первых лиц полицейских управлений в Сибири позволяет выявить источники комплектования административного аппарата управления, численность, состав, социальные характеристики, особенности прохождения службы чиновников и в целом оценить кадровую политику правительства в имперскую эпоху. По результатам анализа можно утверждать, что состав руководства полицейских управлений региона представлял

собой достаточно замкнутый круг лиц. На ведущие посты назначались главным образом представители потомственного дворянства и обер-офицерства. От профессиональных и личных качеств высших полицейских начальников во многом зависела эффективность действий государственного аппарата и общественная безопасность на местном уровне.

Литература

- ГА в г. Тобольске – Государственный архив в городе Тобольске.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 ГАТомО – Государственный архив Томской области.
 ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области.
 Ермолаев, 2008 – Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. / А. Н. Ермолаев; под ред. В.А. Волчека. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 743 с.
 Звягин, 2001 – Звягин С.П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.
 СВ, 1909 – Сибирские вопросы. 1909. № 23. С. 29–32.
 Сунгуров, 2015 – Сунгуров П.А. Уездные исправники Тобольской губернии (начало XX в.) // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 4. С. 93–95.
 Sungurov, Khramtsov, 2016 – Sungurov P.A., Khramtsov A.B. Reforms of police department and practice of their realization in Western Siberia (1905–1917). // *Bylye Gody*. 2016. Nr. 3. pp. 813–821.

References

- GA v g. Tobol'ske – Gosudarstvennyj arhiv v gorode Tobol'ske [The state archive in Tobolsk].
 GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation].
 GATomO – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of Tomsk region].
 GATjumO – Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti [State archive of the Tyumen region].
 Ermolaev, 2008 – Ermolaev A.N. (2008). Uezdnyj Mariinsk. 1856–1917 gg. [District Mariinsk. 1856–1917] / A. N. Ermolaev; pod red. V. A. Volcheka. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 743 p. [in Russian].
 Zvjagin, 2001 – Zvjagin S. P. (2001). Pravoohranitel'naja politika A. V. Kolchaka [Law-enforcement policy of A. V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 352 p. [in Russian].
 SV, 1909 – Sibirskie voprosy. 1909. № 23. pp. 29–32.
 Sungurov, 2015 – Sungurov P.A. (2015). Uezdnye ispravniki Tobol'skoj gubernii (nachalo XX v.) [District police officers of the Tobolsk province (beginning of the 20th century)]. *Theory and practice of social development*. 2015. Nr. 4. pp. 93–95. [in Russian].
 Sungurov, Khramtsov, 2016 – Sungurov P.A., Khramtsov A.B. (2016). Reforms of police department and practice of their realization in Western Siberia (1905–1917). *Bylye Gody*. Nr. 3. pp. 813–821.

УДК 908 (571.12) + 352

Уездные исправники в Сибирском регионе: к социальному портрету

Александр Борисович Храмов ^{а, *}

^а Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основании впервые введенных в научный оборот архивных документов исследован социальный состав уездных исправников как начальников полицейских управлений на примере Сибирского региона (1867–1917 гг.): происхождение, вероисповедание, возраст, образование и др. Отмечены этапы прохождения службы главами полиции, сведения об их поощрениях и взысканиях. Особенностью их службы являлась ротация. Служебные перемещения уездных начальников позволяли повысить качество службы (пресечь разгул преступности) и снизить коррупцию в органах полиции. Заключено, что руководящий состав местной полиции представлял собой достаточно замкнутый круг лиц. На этот пост назначались главным образом представители потомственного дворянства и обер-офицерства.

Ключевые слова: уездный исправник, полиция, полицейская служба, поощрение, взыскание, общественная безопасность, Сибирь.

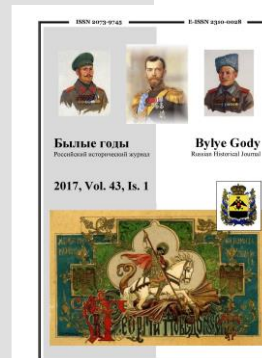
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 209-217, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.209
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Agriculture and Industry of the Black Sea Province at the beginning of the 20th century

Lyubov G. Polyakova ^{a, d*}, Anna A. Ostrovskaya ^b, Svetlana Yu. Murtuzalieva ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Peoples Friendship University of Russia, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article deals with the economic development of the Black sea province at the beginning of the XX century. The attention is paid to the development of agriculture, industry, food security of the population. As sources there were used the materials of pre-revolutionary periodical press of the Black sea province, namely: "Sochinskii listok" and "Severnii Kavkaz". Also there were used the material from the pre-revolutionary guidebooks and handbooks.

While solving the tasks there were used the general scientific methods (analysis, synthesis, concretization, generalization), and traditional methods of historical analysis. The authors applied the historical-situational method, which involves the study of historical facts in the context of the studied era in conjunction with the "neighboring" events and facts. This is particularly important when studying such sources as periodicals.

In conclusion, it is noted that the concentration of wage labor in the industrial production of the Black sea province characterized by the considerable irregularity. The Novorossiysk district was the most industrialized one and had a significant layer of not only urban but also the proletariat, the other two (Sochi and Tuapse) were essentially peasant.

Keywords: Black sea province, agriculture, industry, food security, the beginning of XX century.

1. Введение

Региональная история, макро история сегодня превращается в актуальное направление современной историографии. Для Черноморской губернии это актуально еще и в связи с тем, что губерния была наиболее молодой из административно-территориальных единиц Российской империи. В связи с этим изучение различных аспектов экономического развития региона, учет исторического прошлого представляется интересным.

2. Материалы и методы

Основным источником для подготовки статьи стали материалы дореволюционной периодической печати Черноморской губернии, а именно газеты: «Сочинский листок» и «Северный Кавказ». Используются также материалы из дореволюционных путеводителей и справочников. Важное значение в работе имеют и научные публикации по теме исследования.

При решении поставленных задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который позволяет изучить исторические факты в

* Corresponding author

E-mail addresses: evr2010@rambler.ru (L.G. Polyakova),

ostrovskaya_aa@pfur.ru (A.A. Ostrovskaya), murtuzalieva@yandex.ru (S.Yu. Murtuzalieva)

контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Это особенно важно при изучении таких источников, которыми является периодическая печать.

3. Обсуждение

Историографию по теме исследования можно разделить на три хронологических периода: дореволюционную, советскую и современную российскую историографию. Подробно историография была рассмотрена нами в статье «Black sea governorate during world war I: a historiographical survey» (Polyakova, 2015).

4. Результаты

4.1. Сельское хозяйство. В начале XX века в Черноморской губернии получает распространение табаководство, садоводство, виноградарство, а также лесное хозяйство. Это позволило губернии занять свое место на внутреннем и внешнем рынке.

Лучшими табаководами Черноморской губернии являлись армяне и греки, эмигрировавшие в Российскую империю из Османской империи и Персии, где они подвергались преследованию по национальным и религиозным мотивам (Polyakova, 2015a: 101). Занятие табаководством требовало интенсивного труда, комплекса аграрных знаний и опыта работы, однако являлось наиболее выгодным занятием и приносило значительный доход. Так, в 1913 г. по эффективной коммерциализации доля табаководства составляла 24,4 %, виноградарства – 3,2 %, хлебопашества – 11,5 %, садоводства – 17,2 %, лесного хозяйства – 43,6 % (Черноморский округ, 1923: 32). Северокавказский табак не только продавался в Российской империи, но и вывозился в ряд иностранных государств. Например, в Германию, Францию, Австро-Венгрию, Америку, Австралию, Египет, Тунис и другие страны (Ратушняк, 1989: 192).

Большое распространение в населенных пунктах губернии получило пчеловодство. Этим занимались оставшиеся черкесы и заступившие на их место русские переселенцы. Уже к 1905 году насчитывалось более 11 тыс. ульев.

В начале XX века скотоводство в губернии не составляла самостоятельного вида промышленности, ввиду того, что население разводило скот для нужд сельского хозяйства. Получая удобрения, рабочую силу и мясо для пропитания. По состоянию на 1 января 1902 года в губернии насчитывалось около 80 тысяч голов, в том числе: около 7 тыс. лошадей, 24 тыс. крупного рогатого скота, около 2 тыс. буйволов, 20 тыс. овец, 17 тыс. коз и 9 тыс. свиней (Большая энциклопедия, 1905: 54). Таким образом, молочно-мясная продукция в своем большинстве служила для крестьян для целей потребления, и только незначительная ее часть отправлялась на внутренний рынок (Сочи, 1913: 23).

Все земли в губернии разделялись на три категории: казенные, частновладельческие и отмежеванные (предназначенные в наделы для переселенцев).

Так, например, по данным на 1 октября 1898 г. земля Сочинского округа Черноморской губернии (320618 десятин) была распределена в следующих долях: казне принадлежало 238421 десятин (74,4 %), в частной собственности находилось 52 699 десятин (16,4 %), отдано поселенцам в наделы 29 498 десятин (9,2 %) (Основные административно-территориальные преобразования, 1986: 57).

Несмотря на то, что частновладельческой земли в Сочинском округе было сравнительно немного – всего 16 %, но вся она находилась в прибрежной зоне. Пять земельных наделов площадью около 9 тыс. десятин (в среднем 1,8 тыс. десятин на участок) были пожалованы по высочайшему повелению, а остальные 89 наделов – 41 626 десятин (в среднем 467 десятин на надел) были проданы частным лицам (Тверитинов, 2000: 61). Близкое положение наблюдалось и в других местах губернии, однако благодаря географическому и климатическому факторам частной земли в них находилось гораздо меньше.

Демографический взрыв в европейской части Российской империи, переживаемый в это время, привел к серьезным изменениям в размере земельных наделов. Если по Положению 1866 года (имеется ввиду положение «О заселении Черноморского округа и управлении оным») предполагалось наделение каждой переселенческой семьи участком в 30 десятин земли, то уже спустя 4 года в связи с опубликованием Положения Кавказского комитета от 18 октября 1870 г. «О перечислении в гражданское ведомство Шапсугского пешего берегового батальона Кубанского казачьего войска» жителям станиц этого батальона выделялось по 20 десятин земли на каждого человека мужского пола. В самом конце XIX век был издан еще один законодательный акт, а именно закон от 31 марта 1897 г. согласно, которому земельные наделы для переселенцев резко сокращались до 3 десятин земли на каждого человека мужского пола (Тверитинов, 2000: 73-76).

Уменьшение земельных наделов в 1866–1897 гг. происходило в связи с большим сокращением площадей свободных казенных земель, ввиду ее массовой передачи частным владельцам, а также в связи с усилением аграрного голода к концу XIX в. и повлекшего его переселенческого движения на прибрежные черноморские территории. Однако, что более важно, на наш взгляд, последняя 3 десятинная норма земельного надела была более приближена к реальным крестьянским условиям, так как поле более 3 десятин земли крестьянская семья физически обрабатывать не могла, точнее не успевала (Тверитинов, 2000: 77).

В 1899 г., правительство, приняв во внимание высокую смертность населения внутренних

губерний Российской империи на Черноморье, было издано правительственное распоряжение, которым казенные земли на территории Черноморской губернии могли заселяться только переселенцами с Северного Кавказа. В связи с этим крестьянам, прибывшим из внутренних губерний Российской империи, запрещалось селиться в прибрежной зоне Черного моря. В результате переселенческое движение из европейской части России было приостановлено. Только незначительная часть переселенцев, прибывших в Сочинский округ Черноморской губернии без предварительной «разведки», оседала в 20–30 км от побережья, в предгорных районах (Розин, 1971: 10-11). Однако отсутствие коммуникаций исключало практически любую возможность регулярного сообщения с другими территориями, стагнировало возможность продажи излишков сельскохозяйственной продукции на внутреннем и тем более внешнем рынке.

Ситуация с переселенцами из европейской части России изменилась только в 1912 году. Это произошло в связи с проведением в регионе значительных противомаларийных мероприятий, а именно засыпки значительной части находящихся на побережье болот, повлекших резкое сокращение заболеваний малярией. Ввиду этого постановление от 1899 г. было отменено.

Первый опыт колонизации территорий Черноморской губернии продемонстрировал, что пренебрежение сельскохозяйственными традициями коренного населения может стать причиной высокой смертности среди переселенцев, а также причиной значительных финансовых и материальных потерь. Потребовалось около 30 лет, «пока переселенцы поняли, наконец, что хозяйство здесь по преимуществу должно быть горным, а потому, кто не мог изучить горское хозяйство, кто не хотел или не мог обратиться в настоящего горца, тот должен был умереть с голоду или навсегда проститься с этой страной» (Розин, 1971: 11).

Именно поэтому турецкоподданные армяне и греки, осваивались в предгорном и горном кластерах Сочинского округа Черноморской губернии. Эти люди попадали в привычные для них условия и с меньшими затратами сил и средств осваивали земельные наделы, а также занимались раскорчевыванием новых участков и огородничеством.

Как уже отмечалось, серьезной проблемой для первой волны поселенцев стала малярия, которая унесла жизни двух поколений колонизаторов из европейской части Российской империи. Русские крестьяне пытались развивать хозяйство на равнинных территориях, в долинах и поймах рек, ввиду этого поселенцы постоянно болели малярией. Смертность была настолько масштабна, что заставляла крестьян оставлять освоенные земельные наделы, переезжать в другие районы, с более здоровым климатом. Масштабные мероприятия по борьбе с малярией начали проводиться с 1890-х гг., а руководство этой работой было возложено на отдел земельных улучшений Министерства земледелия (Сочи, 1913: 26). Помимо этого важную роль в борьбе с малярией играли и частные инвесторы, земли которых находились на черноморском побережье.

Важное значение в сельском хозяйстве региона отводилось хлебопашеству, так как крестьяне стремились иметь свой собственный недорогой хлеб, чтобы не быть зависимыми от купцов, продававших хлеб по завышенным ценам. Так, например, в Сочинском округе Черноморской губернии 1 фунт хлеба 1-го сорта стоил 4,5 коп. Данные цены были вполне сопоставимы с ценами в Санкт-Петербурге (Сочи и его окрестности, 1911: 10). Несмотря на желание располагать собственным хлебом в первые годы своего пребывания на территории Черноморской губернии поселенцы получали низкие урожаи зерновых. Это объяснялось тем, что было применено механическое перенесение способов возделывания полей и посевных сроков, которые применялись в европейской части Российской империи.

Среди основных продовольственных культур крестьяне-переселенцы считали просо, получая урожай по 30–40 пудов с каждой десятины. Однако как уже отмечалось, в большей части крестьянских хозяйств урожай зерновых были крайне низкими.

Новый виток развития регион получил в 1902 году, в связи с началом строительства шоссейной дороги Новороссийск – Сухуми. Создание коммуникаций привело к развитию огородничества. Местные рынки становятся более оживленнее, а крестьяне, хозяйства которых находились поблизости от окружных городов или прилегали к линии строившейся шоссейной дороги, могли легко реализовывать огородную продукцию. Те же поселенцы, хозяйства которых находились на значительном удалении от данных территорий, ограничивались выращиванием овощей только для своих собственных нужд, нужд семьи (Розин, 1971: 15).

Таким образом, к началу Первой мировой войны крестьянство Черноморской губернии оказалось весьма неоднородным. Армяне и греки, прибывшие из Османской империи и Персии в 1870–1880-х гг., применяя опыт горного и предгорного земледелия, смогли сразу же укрепиться на земле и получить в надел максимальные – 30 десятин земли. Их хозяйства эффективнее взаимодействовали с внутренним и внешним рынком. В начале XX века объемы наделения крестьян землей резко сократились до 3 десятин, причиной чего был аграрный голод.

Важную роль в экономике Черноморской губернии и Новороссийска стали играть коммерческие банки. Кроме своей непосредственной деятельности – выдача ссуд, залоговых операций – банки все более начинают заниматься реализацией местной продукции. Так, Русский для внешней торговли банк скупал и вывозил через Новороссийск до 5 млн пудов зерна ежегодно. Кустари-ремесленники и земледельцы, стремясь избавиться от перекупщиков, чтобы продавать свою продукцию

самостоятельно, объединились в кооперативные товарищества. К 1913 году в Черноморской губернии было более 10 таких товариществ, большая часть которых находилась в Новороссийске. На средства своих пайщиков это товарищества приобретали нужные товары и реализовывали их через свои кооперативы (Герасименко, 2001: 155-156).

Тем не менее, накануне Первой мировой войны все российское общество Черноморской губернии демонстрировало свою лояльность по отношению к действующей власти. Основной причиной лояльности стала результативная экономическая политика.

В период Первой мировой войны в целом по Черноморской губернии сельское хозяйство вступило в полосу тяжелого кризиса, посевные площади сократились почти вдвое. Главными причинами этого явления были увеличение налогов, нехватка рабочих рук, почти прекратившийся вывоз сельхозпродукции.

Процесс разорения захлестнул в первую очередь бедняцкие, затем середняцкие хозяйства и частично прослойку зажиточных крестьян. В 1916 г. в губернии осталось всего 13 177 крестьянских хозяйств. На их долю фактически приходилось 16 422 десятины земли, т.е. по 1,2 десятины в среднем на каждое хозяйство (Козлов, 1972: 7), тогда как до войны крестьянская семья, например, в Сочинском округе, обрабатывала в среднем около 4 десятин земли (Тверитинов, 2000: 78-79).

4.2. Промышленность. Начало промышленного развития Черноморской губернии и губернского центра началось в 1879 году. Именно в это время в окрестностях Новороссийска были обнаружены колоссальные запасы мергеля – основного природного сырья для цементной промышленности. В результате это стало основанием для зарождения цементной промышленности в районе города Новороссийска. Геологическая разведка на землях одесского предпринимателя Ф.М. Шашина показала, что земля содержит около 150 пластов цементной породы от 6 до 16 вершков, а это на 400 десятинах при выработке на глубину 3 сажени обещало дать до 50 тыс. кубических сажений цементного камня, из которого можно было получить не менее 30 млн пудов цемента на общую сумму около 12 млн рублей (Герасименко, 2001: 97).

В 1880 году Ф.М. Шашин приступает к строительству цементного завода, в этом ему помогают местные и региональные власти. Уже в 1881 году было создано общество Черноморского цементного производства с уставным капиталом в 500 тыс. рублей. Созданное общество получило широкие права: приобретать в собственность или арендовать цементные заводы и земли, иметь пароходы и баржи, железнодорожные вагоны и пр. Завод располагал даже собственной морской пристанью. В конце 1882 году завод приступил к работе.

Очень быстро продукция завода получила известность в России и за рубежом. Так, например, английское правительство для особо важных нужд, в частности, строительство крепости Гибралтар, предписывало закупать именно новороссийский цемент. Уже в 1886 году объем заказов был настолько велик, что завод стал не в состоянии удовлетворить весь спрос (Северный Кавказ (Ставрополь). 1886. 16 апр.). В связи с этим производство было расширено.

Необходимо отметить, что иностранными кредитами общество не пользовалось. Акции общества имели обращение только в России, его имуществом распоряжались только российскоподданные. Акционеры Черноморского общества получали значительные прибыли. Так, если в 1885 году размер годовой прибыли составил 11 %, то в 1886 году – 27 %, а в 1887 – уже 35. В период с 1883 по 1899 гг. прибыли достигали 51 %. Это позволило увеличить и уставной капитал общества до 2,1 млн рублей (Герасименко, 2001: 101).

После первого удачного опыта поставки на промышленные рельсы добычи цемента в 1895 году возникла франко-русская акционерная компания портланд-цементного производства в Геленджике. В 1898 году была открыта третья акционерная компания по производству цемента, но уже в Новороссийске. Процесс открытия цементных заводов продолжался даже в период Первой мировой войны. Так, во время войны группой предпринимателей под руководством А. Сидорова на разъезде Гайдук (в районе Новороссийска) был открыт завод «Победа» (Герасименко, 2001: 130).

Важное значение в промышленной инфраструктуре Новороссийска играла и переработка нефти. В том же 1879 году в Париже было образовано Русско-французское акционерное общество «Русский стандарт». Основателем этого общества был Шарль – Луи де Фрейсин, который избрал Новороссийск местом переработки и вывоза кубанской (таманской) нефти за границу.

Начинается строительство завода. В 1880 году в ст. Ильской была обнаружена нефть. В результате обществом «Русский стандарт» был протянут нефтепровод длиной более 80 км. Одновременно были построены здания по хранению и переработке нефти, морская пристань.

Уже летом 1882 года от пристани общества ушел в море первый английский танкер с 80 тыс. пудов сырой нефти на борту (Герасименко, 2001: 105).

Важное значение для промышленного развития региона имела железная дорога. В 1884 году Комитет министров Российской империи отметил особую значимость необходимости Новороссийской ветки железной дороги: «после Сибирской линии она представляется необходимой из всех, намеченных правительством железнодорожных линий» (Герасименко, 2001: 106). Строительство было возложено на общество Владикавказской железной дороги. В 1888 году строительство ветки Екатеринодар – Новороссийск общей протяженностью в 254 версты было завершено (Герасименко, 2001: 107).

Строительство железной дороги повлекло за собой активное развитие торгового порта. По соглашению с правительством строительство торгового порта взяло на себя общество Владикавказской железной дороги. Общество обязывалось начать строительство порта одновременно с началом строительства железной дороги и завершить строительство в 4 года. В 1887–1888 гг. были построены первые три причала для приема железнодорожных грузов, у которых одновременно могли грузиться 12 больших пароходов дальнего плавания.

К 1890-м гг. общая сумма на оборудование Новороссийского порта достигла 16 млн руб. К этому времени Общество имело уже 4 пристани, где могли грузиться одновременно 16 пароходов. Было построено 14 каменных и 54 деревянных амбара для 16 млн пудов грузов, в том числе для 14 млн пудов хлеба. Сооружен по американскому типу элеватор на 3 млн пудов зерна. Элеватор был самым крупным не только в России, но и в Европе. Главной особенностью элеватора было наличие электростанции трехфазного тока.

С постройкой Новороссийского порта для сельского хозяйства Северного Кавказа открылись возможности сбыта зерна и других товаров за границу. Возможность экспорта через новороссийский порт стимулировала дальнейшее железнодорожное строительство, которое вовлекало в торговый оборот новые, богатые хлебом районы. Общий грузооборот новороссийского порта за 1890–1900 гг. вырос с 30 до 66 млн пудов (Герасименко, 2001: 113). Экспорт пшеницы в 1895 году составлял 20 млн пудов, экспорт масличных семян – 6 млн пудов. Среди другой сельскохозяйственной продукции проходящей через новороссийский порт, необходимо назвать животноводство. Ежегодно перевозилось до 25 тыс. голов крупного рогатого скота и до 50 тыс. голов овец. На втором месте после экспорта сельхозпродукции находилась нефть и нефтепродукты. В 1900 году через Новороссийский порт было отправлено 17 млн пудов нефтяных грузов. Соединенный железной дорогой с богатыми зерновыми районами и грозненскими нефтяными промыслами Новоросийск в начале XX века превратился в порт общероссийского значения, на долю которого приходилось более 80 % заграничного вывоза для северокавказских портов (Герасименко, 2001: 113).

К началу Первой мировой войны грузооборот Новороссийского порта достиг 93 млн пудов. В порту было 38 причалов общей протяженностью 5,7 км. Около 80 % его мощностей принадлежало обществу Владикавказской железной дороги. К 1914 году прибыль его составляла 33 млн руб. Накануне войны экспорт хлеба превысил 66 млн пудов, из них в Германию 17–23 млн, в Голландию, Данию и Италию по 8–12 млн пудов, в Бельгию, Францию, Англию и Грецию по 3–7 млн пудов. Помимо хлеба через Новоросийск шел экспорт льняного и подсолнечного производства, резко вырос вывоз табака (до 1 млн пудов в год, то есть 1/4 вывоза его из России) (Герасименко, 2001: 155).

Фабрично-заводская жизнь в Черноморской губернии развивалась довольно медленно. Так в 1902 году в губернии было 169 таких предприятий при 3725 рабочих. Наиболее крупными предприятиями являлись две паровые мельницы, три цементных завода, а также нефтеперегонный, чугунно-литейный и кожевенный заводы. Практически все эти объекты находились в Новоросийске и его окрестностях (Большая энциклопедия, 1905: 54).

К 1913 г. промышленность на территории Черноморской губернии несколько возросла. Так, например, на территории Сочинского округа действовало: в Сочи – 3 завода минеральных вод, завод искусственного льда, 3 колбасных завода, 2 типографии, в поселке Хоста – кирпичный завод, 3 сушильных завода по производству чернослива, в селе Адлер – завод цементно-бетонных изделий, 2 кирпичных завода, кожевенный завод, 2 завода шипучих вод. Общее количество рабочих, занятых в промышленности, в городе Сочи составляло всего 60 человек (Тверитинов, 2000: 117). Таким образом, никакого значительного влияния в городе промышленные рабочие не оказывали и оказать не могли. Между тем в Адлере действовал цементный завод, на котором работало 800 рабочих, соответственно положение рабочих там было более прочным. Всего же по округу (вместе с городом Сочи) насчитывалось 1410 рабочих, задействованных в сфере промышленного производства (подсчитано нами) (Черноморский округ, 1923: 57).

Еще меньше рабочих было в посаде Туапсе – 18 человек, из которых 12 работали в типографиях и фотосалонах. В свою очередь, полноценным промышленным центром считался Новоросийск, имевший 3870 рабочих на 72 городских предприятиях. Основная масса рабочих обслуживала три цементных завода – 3171 человек, в 18 рыболовных артелях трудились 222 человека (Черноморский округ, 1923: 56).

4.3. Торговля. Главным торговым центром губернии в начале XX века являлся город Новоросийск. Так, в 1901 году в губернии насчитывалось более 600 торговых учреждений, годовым оборотом около 24,5 млн руб. В течение этого года в Новоросийский порт пришло 4,2 тыс. судов, из них 397 иностранных. Торговым флотом было экспортировано 36 млн. пудов хлеба и производных продуктов, 11 млн. пудов нефти, 48 тыс. пуд. – шерсти, 40 тыс. пуд. – табака и т.д. Суда заходили в 6 приморских пунктов: Новоросийск, Геленджик, Джубгу, Туапсе, Сочи и Адлер (Большая энциклопедия, 1905: 54).

К 1914 г. населенные пункты Черноморской губернии выросли и по количеству жилых строений, и по количеству населения, но, несмотря на это, они продолжали сохранять свои узкопрофильные черты. Так, например, для Сочи весьма характерным было положение большого дачного места. Местные городские жители строили свой быт с учетом сезона приезда

многочисленных дачников и отдыхающих, именно с этим и было связано наличие большого количества трактиров, духанов и небольших заводов. Подобное положение сохранялось до начала лета 1914 г.¹, т.е. до того периода, когда на территории Черноморского побережья начала строиться железная дорога от Туапсе до станции Ново-Сенаки Закавказской железной дороги. Вызванный строительством 15-тысячный приток рабочих (Бугай, Джимов, 1989: 12; Козлов, 1972: 6) резко изменил социальный облик населения всей Черноморской губернии (Романов, 1980: 12).

С началом Первой мировой войны война начала серьезно сказываться на экономике Черноморской губернии. Так, в новороссийских железнодорожных мастерских начался выпуск военной продукции уже в 1914 году: снарядов и деталей к орудиям, ремонт машин и котлов судов, переоборудование вагонов в теплушки. Как и во всей России, на Черноморье стали создаваться военно-промышленные комитеты, централизованно получающие заказы на армейские поставки от Всероссийского земского союза, Управления военных сообщений Кавказской армии и других организаций. Война усилила концентрацию производства, капиталов и рабочей силы.

Из-за спада производства, а также прекращения экономических связей вследствие запрета на вывоз ряда товаров за пределы Черноморской губернии в тяжелом положении оказалась торговля. Последствием этого стал рост цен. После кратковременного падения цен на сельскохозяйственные товары осенью 1914 года ввиду перегруженности рынка началось повышение цен, которое не прекращалось до конца войны.

Продовольственный вопрос.

Проблема дороговизны была актуальной и для Черноморской губернии, и если в 1914–1915 гг. она проявлялась слабо, то в 1916 г. – достаточно ощутимо.

Тем не менее, война со спекулянтами началась уже осенью 1914 года. Так, в ноябре 1914 года начальник Сочинского округа дал распоряжение о том, дабы лица, завозящие в Сочи для реализации продукты первой необходимости из иных мест, все счета на данные продукты предоставляли в продовольственную комиссию городского управления. Там торговцы были обязаны получать расценки, согласно которым могли реализовывать свой товар. В документе следовало предупредить, что товар не мог получить разрешение к продаже без установленной расценки (Сочинский листок (Сочи). 1914. 25 нояб.).

Порой это условие приводило к крайне негативным результатам, например, к локальному голоду – дефициту ряда продовольственных товаров, присутствовавших в городе, но по обстоятельству высокой продажной цене, определенной купцами, остававшихся непродаваемыми. Местные власти старались находить другие пути продовольственного обеспечения с приоритетом государственных, а не частных поставщиков.

После решения одних проблем автоматически возникали другие. Так, например, в январе 1916 г. кубический метр дров поднялся в цене до 80 руб. (Сочинский листок (Сочи). 1916. 22 янв.). В феврале 1916 г. в Сочи ощущалась нужда в мясе, которого часто не хватало. Автор, пожелавший остаться неизвестным, на страницах «Сочинского листка» дал следующие советы: «Рекомендуем хозяйкам переходить постепенно на вегетарианский стол. Напоминаем господам земледельцам, садовникам и огородникам особенно обратить внимание на разведение овощей.

В этом серьезном вопросе кроется в большей степени ваше благополучие в смысле питания. За птицеводство на культурных участках в этом году надо принятаться усиленно и не бояться хищников коршунов, т. к. хищники на базаре сдерут с вас шкуру гораздо больше» (Сочинский листок (Сочи). 1916. 11 февр.).

5 марта 1916 г. газета «Сочинский листок» опубликовала приказ временного генерал-губернатора Кубанской области и Черноморской губернии от 19 февраля 1916 г., свидетельствующая о проблеме со спекуляцией: «Ввиду возникающих недоразумений о вывозе товаров в Черноморскую губернию и из нее сообщаю, что последняя подчиняется моей власти как временного генерал-губернатора и все мои приказы и распоряжения распространяются в равной силе и на Черноморскую губернию. Поэтому, допуская свободный вывоз из Кубанской области в Черноморскую губернию и обратно, предлагаю всем административным учреждениям и лицам строго следить, чтобы товары, вывезенные для нужд Черноморской губернии, в целях спекуляции отнюдь не вывозились. Генерал от инфантерии Бабыч» (Сочинский листок (Сочи). 1916. 5 марта). Этот приказ был устремлен на борьбу со спекулянтами на территории Черноморской губернии.

Обыватели высказывали свои страхи по поводу курортного сезона в марте 1916 г. в связи с дороговизной продуктов в Сочи. На самом деле цены поднялись значительно. Так, творог стоил 50 коп. за фунт, молоко – по 20 коп. за бутылку. На рынке отсутствовали мясо и рыба. Птица дошла в цене до 3,5 руб., а куриные потроха – 40–50 коп. (Сочинский листок (Сочи). 1916. 11 марта).

Все это обещало в случае приезда отдыхающих, которые были, как правило, больными и требующие усиленного питания людей, скорый их отъезд. К тому же по всей империи мог пролететь слух с нелестными отзывами об отдыхе в Сочи. В целях борьбы с этим явлением сочинская общественность предлагала начать интенсивные «репрессии для обуздания алчных торговцев. Необходимо штрафовать или сажать в тюрьму всех виновных в ненормальном повышении цен.

¹ Строительство железной дороги началось 15 июня 1914 г.

Необходимо также строго преследовать перекупщиков – это главнейшее зло сочинских базаров. Только самые решительные меры смогут направить экономику жизни в колею известной нормы» (*Сочинский листок (Сочи). 1916. 11 марта*).

Иной мерой борьбы с перекупщиками от общественности стало предложение о выделении мест на базарной площади для торговли с повозок самими производителями или иногородними. Для этого также предполагалось выделять для этого самое ходовое время: с 6 до 10 часов утра (*Сочинский листок (Сочи). 1916. 11 марта*).

В конце марта 1916 г. в «Сочинском листке» опубликовали заметку «Мародеры тыла», в которой отмечалось, что «необходимо обратить серьезное внимание на возмутительные проделки перекупщиков рыбы. Рыбаки возвращаются с ловли, пристают к берегу близ устья реки Сочи. Там их уже поджидают перекупщики – эти “мародеры тыла” – и в течение получаса скупают весь улов.

При этом, например, за камбалу платят по 25 коп. за фунт, т.е. по ценам вполне нормальным.

Утром же на базаре эта самая рыба продается с произвольной надбавкой к покупной цене. Так, камбала идет по 40 коп. и дороже. Разве же не возмутительны такие поступки? “Мародер” наживает громадные, ростовщические проценты. Чистая прибыль в день для такого торговца – десять и пятнадцать рублей – вполне обычная вещь.

В наши дни, когда дороговизна извне тяжелым камнем легла на плечи обывателю, неужели же нельзя бороться с произволом, творящимся на внутреннем рынке» (*Сочинский листок (Сочи). 1916. 23 марта*).

Несмотря на это, местная администрация проводила активные меры против торговцев, беспричинно поднимающих цены на продукты первой необходимости. 23 марта 1916 г. газета «Сочинский листок» сообщила следующее: «За повышение цен на продукты первой необходимости постановлением Черноморского губернатора оштрафован Григорий Осипов на 300 руб., при неуплате подвергнуть аресту на два месяца» (*Сочинский листок (Сочи). 1916. 23 марта*).

К 1916 году рост цен по сравнению с довоенным периодом оказался значительным. Так, цены на хлеб поднялись в 2 раза, на мясо в 1,5 раза, на масло в 6 раз. Попытки администрации ограничить рост цен административными мерами результатов практически не приносила (*Герасименко, 2001: 166*).

В начале апреля этой же проблеме было уделено внимание в виде заметки, опубликованной в «Сочинском листке»: «...У обывателей растет крупное недовольство против перекупщиков, немилосердно вздувающих цены. Так, молочные продукты, будучи скупаемы на заре по довольно скромной цене, в продолжение дня перепродаются по невозможной цене: молоко – 20 и 25 коп. за бутылку, сметана – 35 коп. за стакан, творог – 50 коп. за фунт и т.д.

...В большинстве российских городов существует очень простая и радикальная мера: под страхом законной ответственности перекупщики не имеют права скупать продукты ранее 10–11 часов утра. Эта мера, кажущаяся столь незамысловатой, достигает прекрасных результатов» (*Сочинский листок (Сочи). 1916. 8 апр.*).

Ближе к концу октября 1916 г. ситуация с обеспечением продовольствия стабилизировалась. В значительном количестве в город завезли сахар, вследствие этого население со всех окрестных мест съехало для его закупки впрок. Белый хлеб заменил темный, который выпекался в достаточном количестве. Подвоз продуктов с Кубани стал носить регулярный характер (*Сочинский листок (Сочи). 1916. 30 окт.*).

18 декабря 1916 г. на страницах «Сочинского листка» было выпущено постановление Черноморского губернатора за № 568 от 30 ноября 1916 г. В нем сообщалось о решении наказать штрафом в размере 50 рублей с заменой в случае несостоятельности арестом на две недели торговца Герасивана Григорьевича Мирдтадзе за то, что продал свинину по цене, выше установленной (*Сочинский листок (Сочи). 1916. 18 дек.*).

Накануне Февральской революции только ситуация с товарами первой необходимости складывалась в целом удовлетворительно, что касалось иных товаров, то дело обстоит хуже. Так, 18 декабря 1916 г. корреспондент газеты «Сочинского листка» критиковал местную торговлю: «Обнаглели до крайности наши торговцы. Вчера в магазине Кореневича нужно было купить бумаги самой плохой 8 или 7 номер. Какой-то тип в форменной фуражке объявил цену в 13 руб. за стопу и согласен был продать только отдельными листами по расценке мелочной торговли. При нынешней дороговизне бумага весом в 8 фунтов стоит самое дорогое 5,8 руб., а в Сочи, у Кореневича, – 13 руб. (*Сочинский листок (Сочи). 1916. 18 дек.*)

В целом характеризуя продовольственное обеспечение Черноморской губернии в годы Первой мировой войны, можно утверждать, что оно было организовано довольно стабильно. Голод имел довольно редкое явление, случаев летального исхода от него зарегистрировано не было.

5. Заключение

Завершая, хочется отметить, что после начала Первой мировой войны в целом по Черноморской губернии выросла продолжительность рабочего дня, при этом снизилась оплата труда, что явилось следствием затрат государства на военные расходы и обуславливалось трудностями периода военного времени. С уходом на фронт большого количества профессиональных рабочих и на железной дороге, и в городском строительстве увеличился процент несчастных случаев, что не могло

положительно отразиться на настроениях промышленных рабочих Черноморской губернии.

Кроме того, Первая мировая война на территории Черноморской губернии, как и во всей России, вызвала инфляцию, дороговизну, повышенное налогообложение, но, тем не менее, в рассматриваемом регионе открытых выступлений против самодержавия не было. Села Черноморской губернии сохраняли спокойствие и напрягали все силы для доведения войны до победного конца. Подводя итоги, хочется отметить, что концентрация наемного труда в промышленном производстве Черноморской губернии отличалась значительной неравномерностью. Наиболее индустриально развитым и имеющим значительную прослойку не только городского населения, но и пролетариата, являлся Новороссийский округ, два других, по сути, являлись крестьянскими.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение № 02.а03.21.0008).

Литература

[Большая энциклопедия, 1905](#) – Большая энциклопедия. / Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 20. СПб., 1905.

[Бугай, Джимов, 1989](#) – *Бугай Н.Ф., Джимов Б.М.* От ревкомов к Советам на Кубани. Майкоп, 1989.

[Герасименко, 2001](#) – *Герасименко Б.Д.* Очерки истории Новороссийска. Новороссийск, 2001.

[Козлов, 1972](#) – *Козлов А.И.* Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917–1920 гг.). Ростов н/Д, 1972.

[Основные административно-территориальные преобразования, 1986](#) – Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986.

[Ратушняк, 1989](#) – *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века (К проблеме развития аграрного капитализма). Ростов н/Д, 1989.

[Розин, 1971](#) – *Розин И.Н.* Сельское хозяйство Сочинского округа до Великой Октябрьской социалистической революции // Докл. Сочинского отдела Географического общества СССР. Л., 1971. Вып. 2.

[Романов, 1980](#) – *Романов Н.Е.* Сочи. Краснодар, 1980.

[Северный Кавказ, 1886](#) – Северный Кавказ (Ставрополь). 1886. 16 апр.

[Сочи, 1913](#) – Сочи. Справочник / Сост. Д.И. Коченовский. СПб., 1913.

[Сочи и его окрестности, 1911](#) – Сочи и его окрестности. Дорожник экскурсий по горам и ущельям Сочинского района. СПб., 1911.

[Тверитинов, 2000](#) – *Тверитинов И.А.* Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000.

[Сочинский листок, 1914](#) – Сочинский листок (Сочи). 1914. 25 нояб.

[Сочинский листок, 1916](#) – Сочинский листок (Сочи). 1916. 22 янв.

[Черноморский округ, 1923](#) – Черноморский округ и его производительные силы. Новороссийск, 1923. Т. 1.

[Polyakova, 2015](#) – *Polyakova L.G.* Periodical Press as a Means to Study Rear Area Activities in the First World War (Black Sea Province Case Study). // *Bylye Gody*. 2015, (3), 25: 42-51.

[Polyakova, 2015a](#) – *Polyakova L.G.* Social Policy in the Caucasus on the Eve of the First World War (1905-1914 years) // *History and Historians in the Context of the Time*, 2015, Vol. (15), Is. 2, pp. 100-105.

References

[Bol'shaya entsiklopediya, 1905](#) – Bol'shaya entsiklopediya [Large encyclopedia]. / Pod red. S.N. Yuzhakova. V 22 t. T. 20. SPb., 1905. [In Russian]

[Bugai, Dzhimov, 1989](#) – *Bugai N.F., Dzhimov B.M.* (1989). Ot revkomov k Sovetam na Kubani [From the revcom to the Soviets on the Kuban]. Maikop. [In Russian]

[Gerasimenko, 2001](#) – *Gerasimenko B.D.* (2001). Ocherki istorii Novorossiiska [Essays on the history of Novorossiysk]. Novorossiisk. [In Russian]

[Kozlov, 1972](#) – *Kozlov A.I.* (1972). Bor'ba trudyashchikhsya Chernomor'ya za vlast' Sovetov (1917–1920 gg.) [The workers' struggles of the Black sea for Soviet power (1917–1920)]. Rostov n/D. [In Russian]

[Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya, 1986](#) – Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani (1793–1985 gg.) [The basic administrative-territorial transformation on the Kuban (1793-1985.)]. Krasnodar, 1986. [In Russian]

[Ratushnyak, 1989](#) – *Ratushnyak V.N.* (1989). Sel'skokhozyaistvennoe proizvodstvo Severnogo Kavkaza v kontse XIX – nachale XX veka (K probleme razvitiya agrarnogo kapitalizma) [The agricultural production of the North Caucasus in the late XIX – early XX century (to the problem of the development of agrarian capitalism)]. Rostov n/D. [In Russian]

[Rozin, 1971](#) – *Rozin I.N.* (1971). Sel'skoe khozyaistvo Sochinskogo okruga do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [The agriculture of the Sochi district before the great October socialist revolution] // Dokl. Sochinskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR. L., Vyp. 2. [In Russian]

- [Romanov, 1980](#) – *Romanov N.E.* (1980). Sochi [Sochi]. Krasnodar. [In Russian]
[Severnyi Kavkaz, 1886](#) – Severnyi Kavkaz (Stavropol'). 1886. 16 apr. [In Russian]
[Sochi, 1913](#) – Sochi. Spravochnik [Sochi. Reference book] / Sost. D.I. Kochenovskii. SPb., 1913. [In Russian]
[Sochi i ego okrestnosti, 1911](#) – Sochi i ego okrestnosti. Dorozhnik ekskursii po goram i ushchel'yam Sochinskogo raiona [Sochi and its surroundings. Dorojnik of excursions on the mountains and caves of the Sochi region]. SPb., 1911. [In Russian]
[Tveritinov, 2000](#) – *Tveritinov I.A.* (2000). Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sochinskogo okruga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The socio-economic development of Sochi Okrug in the second half of XIX – early XX centuries.]. Sochi. [In Russian]
[Sochinskii listok, 1914](#) – Sochinskii listok (Sochi). 1914. 25 noyab. [In Russian]
[Sochinskii listok, 1916](#) – Sochinskii listok (Sochi). 1916. 22 yanv. [In Russian]
[Chernomorskii okrug, 1923](#) – Chernomorskii okrug i ego proizvoditel'nye sily [The Black sea region and its productive forces]. Novorossiisk, 1923. T. 1. [In Russian]
[Polyakova, 2015](#) – *Polyakova L.G.* (2012). Periodical Press as a Means to Study Rear Area Activities in the First World War (Black Sea Province Case Study). *Bylye Gody.* (3), 25: 42-51.
[Polyakova, 2015a](#) – *Polyakova L.G.* (2015). Social Policy in the Caucasus on the Eve of the First World War (1905–1914 years). *History and Historians in the Context of the Time*, Vol. (15), Is. 2, pp. 100-105.

УДК 94

Сельское хозяйство и промышленность Черноморской губернии в начале XX века

Любовь Георгиевна Полякова ^{a,d*}, Анна Александровна Островская ^b, Светлана Юрьевна Муртузалиева ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^d Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается экономическое развитие Черноморской губернии в начале XX века. Уделено внимание развитию сельского хозяйства, промышленности, продовольственному обеспечению населения. В качестве источников использованы материалы дореволюционной периодической печати Черноморской губернии, а именно газеты: «Сочинский листок» и «Северный Кавказ». Используются также материалы из дореволюционных путеводителей и справочников.

При решении поставленных задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который позволяет изучить исторические факты в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Это особенно важно при изучении таких источников, к которым относится периодическая печать.

В заключении отмечается, что концентрация наемного труда в промышленном производстве Черноморской губернии отличалась значительной неравномерностью. Наиболее индустриально развитым и имеющим значительную прослойку не только городского населения, но и пролетариата, являлся Новороссийский округ, два других (Сочинский и Туапсинский), по сути, были крестьянскими.

Ключевые слова: Черноморская губерния, сельское хозяйство, промышленность, продовольственное обеспечение, начало XX века.

* Корреспондирующий автор

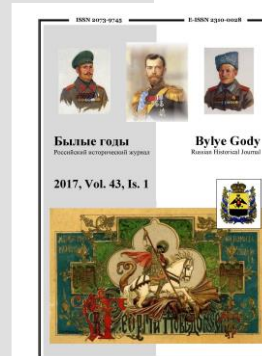
Адреса электронной почты: evr2010@rambler.ru (Л.Г. Полякова),

ostrovskaya_aa@pfur.ru (А.А. Островская), murtuzalieva@yandex.ru (С.Ю. Муртузалиева)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 218-226, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.218
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.23:323.2(470+571) «1904/1905»

Military-Political Events in the History of Russia in 1904–1905 in Interpretation of the German Naval Attaché P. Hinze

Stanislav N. Sinegubov^{a, *}, Sergei P. Shilov^a

^a Ishim Teacher Training Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

In the given article the author analyzes how the German naval attaché P. Hintze interpreted the military-political events in Russia in 1904–1905 and refers to some German archive documents introduced for the scientific use in the native historiography for the first time. This subject is revealed by means of the special study of the reports of one of the representatives of the Second Reich which touch the most topical issues connected with revolutionary actions in the navy, the reasons of their origin, moods among the officers, the factors which caused the «Tsushima tragedy». The author comes to the conclusion that P. Hintze's observations and references in general were characterized by analyticity, accuracy and completeness, despite the speed of the change of «military-political scenery». The German naval attaché could achieve such a positive result not only thanks to his openness, his ability to gain people of different «levels and estates» and to obtain the necessary information from different sources, but also his ability to analyze it, sort out the main and essential facts and on the basis of it to predict the further development of the political and military situation in Russia. Without any qualms, the high quality of the substantial data sent by P. Hintze to various government structures of Kaiser Germany – from A. Tirpitz to Wilhelm II – influenced greatly on the development of the «Russian policy» in Germany.

Keywords: The Russian Empire, Kaiser Germany, naval attaché, bourgeois revolution 1905–1907, revolutionary actions in the navy, the Russo-Japanese War 1904–1905.

1. Введение

В 1904–1905 гг. Россия переживала судьбоносные события, предопределившие ее последующее развитие. Речь идет о революционных волнениях, захвативших даже армию и флот, а также крайне неудачном ходе войны с Японией. Руководство кайзеровской Германии, столкнувшееся с новыми внешнеполитическими реалиями в виде начинающегося обострения отношений с Великобританией, и в первую очередь в области военно-морского строительства, оформления англо-французского «сердечного соглашения», носившего явно антинемецкий характер и тяготевшего к уже сформировавшемуся франко-российскому союзу, уделяло самое пристальное внимание тому, что происходило в пределах «восточного соседа» (Синегубов, 2009: 202-205). У официального Берлина были свои виды и далеко идущие планы в отношении России. Для выстраивания долгосрочных, надежных и предсказуемых с ней связей необходимо было располагать исчерпывающими и достоверными сведениями. В числе важных информаторов для политического и военного руководства II-го рейха о положении дел в российской империи был морской аташе в Петербурге П. Гинце, назначенный на эту должность в 1903 г. В 1904–1905 гг. он отправил в Берлин значительное число посланий, в которых на основе собранного им материалов и свидетельств представил оценку происходивших событий. Это в определенной мере оказало влияние на

* Corresponding author

E-mail addresses: globus_75@inbox.ru (S.N. Sinegubov), sshilov@mail.ru (S.P. Shilov)

проводимую немецкими властями политику в отношении российского государства. В советской, постсоветской историографии «гинцевский» аспект не получил специального изучения, что не позволяет говорить об исчерпывающем изучении всех факторов, обусловивших окончательный вектор политики германского руководства в отношении России в указанный период времени.

2. Материалы и методы

При написании данной статьи основным источником явились изданный в 1998 г. Исторической комиссией при Баварской Академии наук сборник документов «Paul von Hintze. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918», оригинальные материалы германского Военного архива во Фрайбурге (ФРГ), а также публикации, относящиеся к характеристике российских военно-морских сил в 1904–1905 гг. Кроме того, авторы использовали некоторые собственные исследовательские наработки, касающиеся деятельности П. Гинце.

При написании работы использовался комплекс методов научного исследования. Идеографический метод позволил выявить общее видение германским морским атташе ситуации в российском флоте в период революционных и военных потрясений 1904–1905 гг. Он также помог определить характеристики немецкого представителя настроений в офицерской среде в отношении действий власти по усмирению «бунтовщиков», к личности царя Николая II, обрисовать гинцевский взгляд на основные причины распространения мятежных чувствований среди матросов. Наконец, с его помощью показывается степень объективности оценок германского атташе причин поражения России в морском противостоянии с Японией. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить референции П. Гинце с объективно-научными данными, накопленными в отечественной историографии. Историко-генетический метод раскрыл причинно-следственные связи активизации деятельности немецкого уполномоченного в 1904–1905 гг. с усилиями официального Берлина не допустить формирования антигерманского российско-франко-британского политического и военного союза. Системный метод выявил масштабность задач, решаемых П. Гинце в России. Он «работал» не только на военно-морского статс-секретаря А. Тирпица, но и на рейхсканцлера Б. Бюлова и самого кайзера Вильгельма II. Метод сравнительного анализа вскрыл взвешенный и разносторонний поход немецкого атташе к отбору источников информации для последующей ее передачи в соответствующую имперскую инстанцию. Историко-ситуационный метод выявил связь сюжетов посланий из Петербурга с текущей внутренней и внешней политико-военной ситуацией. Для группирования и упорядочивания по содержанию различных донесений П. Гинце использовался историко-типологический метод. Диалектико-материалистический метод способствовал всестороннему политическому, военному и субъективно-личностному пониманию факторов, влиявших на результативность профессиональной деятельности германского морского атташе в России в 1904–1905 гг.

3. Обсуждение и результаты

В отечественной историографии заявленная тема специально не рассматривалась даже в новейших исследованиях по русско-японской войне (Павлов, 2016). То же самое относится и к трудам, в которых поднималась проблема германо-российских морских взаимоотношений в предвоенный период. Речь идет о работах В.М. Хвостова, Б.М. Туполева, И.Ф. Сокольской, Д.В. Лихарева (Хвостов, 1963: 128-133; Туполев, 1982: 123-164; Сокольская, 1986: 74-99; Лихарев, 1998: 537-554). Более близко к изучаемому вопросу подходил историк С.П. Шилов. В одном из исследований он использовал донесения германского атташе, чтобы охарактеризовать видение главой немецкого морского ведомства А. Тирпицем перспектив русско-японской войны, ее хода и результатов (Шилов, 2004: 52-68). Основное внимание автор уделит, прежде всего, внешней военно-политической составляющей, в то время как внутривнутриполитические характеристики П. Гинце затрагиваются им косвенно.

Если говорить о трудах немецких исследователей, то они, безусловно, достаточно подробно изучили вопрос, связанный с деятельностью института германских морских атташе в ведущих странах мира, в том числе и в России, в период до 1914 г. (Гисслер, 1972). Однако «русскому сюжету» там не уделено какого-то особого места, тем более периоду 1904–1905 гг.

Таким образом, донесения немецкого морского атташе, в которых дается оценка событий, происшедших внутри России в 1904–1905 гг., не получили должного освещения, а без их учета нельзя говорить об исчерпывающем изучении всех обстоятельств и нюансов, влиявших на формирование «русской политики» II-го рейха.

Все донесения П. Гинце изучаемого периода в содержательном отношении условно можно разделить на несколько групп. В качестве определяющего принципа такой детерминации выступает проблема, поднимаемая автором в документе. Одним из актуальных и военно-политических острых вопросов, по мнению германского военно-морского атташе, являлась благонадежность, верность присяге экипажей Черноморского и Балтийского флотов в период волнений конца 1904 – середины 1905 гг. Так еще в конце декабря 1904 г. П. Гинце сообщал, что произошедшие в ноябре 1904 г. в Севастополе выступления не носили политического характера. Они, как он считал, стали результатом раздутого скандала, связанного с запретом увольнения матросов в город. Речь шла о том, что 3 ноября

1904 г. вице-адмирал Г.П. Чухнин, главный командир Черноморского флота и портов Черного моря, получив от гражданских властей Севастополя предупреждение о возможных волнениях портовых рабочих, запретил отпускать кого-либо из казарм экипажей. Это вызвало не только возмущение, но и настоящий бунт сотен матросов. Для их усмирения пришлось вызывать вооруженный караул.

В целом же команды, по мнению П. Гинце, оставались лояльными по отношению к властям. При этом он ссылается на мнение не кого-нибудь, а самого вице-адмирала Г.П. Чухнина. Последний в беседе с немецким атташе, сравнивая матросов Черноморского и Балтийского флотов, отмечал, что черноморцы, конечно, «более динамичны, возбудимее, чем наши люди на севере, но не такие упрямые как те, и ими не трудно управлять. Это прекрасно развитые в физическом отношении парни, причем осознающие это достоинство. Таких крепких и сильных матросов на Балтийском флоте не так много» (Paul von Hintze, 1998: 156). Конечно же не только и столько именно эти характеристики интересовали в первую очередь П. Гинце. В стране после 9 января 1905 г. явно отмечался рост революционных настроений в самых разных социальных слоях, в том числе в армии и на флоте, что выливалось в конкретные антиправительственные выступления. В этих условиях вопрос о том, на чьей стороне будут военные, приобретал политически важный стратегический смысл. Оценивая критически информацию, поступавшую из разных «горячих точек», П. Гинце в целом давал положительный для властей ответ. Он в частности писал, что во время январских забастовок и восстания (9 января 1905 г.) «половина экипажей в Севастополе и Кронштадте принимали участие в обеспечении порядка, не допуская возмущений. Когда же поползли совершенно другие слухи, пишет П. Гинце, «я лично получил сведения от экипажей, что они были абсолютно надежны» (Paul von Hintze, 1998: 157).

Даже сразу после выступления матросов на броненосце «Князь Потемкин Таврический» летом 1905 г., о котором у немецкого атташе поначалу было немного сведений (он узнал лишь из достоверного источника, что бунт возглавил лейтенант, часть офицеров корабля была выброшена за борт, а другая – арестована) делалась констатация о предсказуемости и что самое главное – верности флота царю и правительству. А вот действия некоторых высших офицеров Черноморского флота по локализации «революционного очага возгорания», напротив, вызывали у П. Гинце непонимание и даже недоумение. Речь шла об операции Практической эскадры под командованием старшего флагмана, вице-адмирала А.Х. Кригера. Это соединение, состоящее из пяти броненосцев и шести миноносцев и пришедшее из Севастополя, 30 июня 1905 г. появилось на рейде Одессы, чтобы принудить повстанцев на «Потемкине» к сдаче. Однако задуманный план начал давать сбои. Входящий в экспедиционный отряд броненосец «Георгий Победоносец», на который была возложена главная задача по «вразумлению» смутьянов, 1 июля 1905 г. сел на мель. Понятно, что командованию надо было решать эту проблему, отвлекаясь от главной цели. Еще большую критику П. Гинце вызвали распоряжения А.Х. Кригера по маневрированию эскадры на рейде Одессы. По его версии, вечером 30 июня 1905 г. русский контр-адмирал поставил ультиматум перед повстанцами на «Потемкине» о сдаче в плен, дав им 12 часов на обдумывание. В качестве вразумляющего аргумента он выдвинул вперед «Георгия Победоносца». Этот корабль должен был выполнять своего рода функцию «сторожа». Идея в принципе была правильной, но, по мнению П. Гинце, для ее успешной реализации следовало бы привлечь все пять броненосцев, чтобы на корню предотвратить последующие бесчинства (Paul von Hintze, 1998: 157).

Как видно из приведенного материала, германский атташе имел не совсем точную информацию, полученную им «по горячим следам» о том, что действительно происходило в последний день июня 1905 г. в Одессе. Он ничего не говорит о сочувствии экипажей Практической эскадры повстанцам, что выразилось в их отказе открывать огонь по ним, о восстании на «Георгии Победоносце» и сознательной его посадке командой на мель, а также об удачном бегстве броненосца «Князь Потемкин Таврический» в Констанцу (Гаврилов, 1987: 125-163). Тем не менее, П. Гинце четко понимает на тот момент серьезную опасность распространения революционных идей для российского флота. Этому вопросу он уделяет немало внимания, поэтому донесения, в которых рассматривается эта проблема, можно выделить в отдельную группу.

Одними из главных «разносчиков» опасных для государства «революционных бацилл», по глубокому убеждению, П. Гинце, являлись резервисты. Они в связи с русско-японской войной в большом количестве призывались на службу. Так при снаряжении броненосного отряда контр-адмирала Н.И. Небогатова в Либаве, который должен пойти на подмогу 2-й Тихоокеанской эскадре З.П. Рожественского, происходили волнения во флотских экипажах. Из разговоров с русскими офицерами П. Гинце выяснил одну особенность. Она заключалась в том, что особой «ретивостью» отличались именно те команды, которые более чем на половину состояли как раз из резервистов. Да и сами «кадровики» (от лейтенанта и выше) отмечали, что человек, который провел 7 лет на службе на корабле, затем вернулся к себе домой в деревню, больше не пригоден для службы на корабле. По их мнению, «эти резервисты – настоящие революционеры» (Paul von Hintze, 1998: 156).

Разбираясь в причинах «особой» подверженности резервного состава бунтарским настроениям П. Гинце выделил ряд закономерностей организационно-воспитательного характера. Как он отмечал, призываемые с лета 1904 г. в большом количестве «запасники» долгое время содержались в казармах, абсолютно предоставленные самим себе. Никакого надзора над ними не осуществлялось.

По наблюдениям П. Гинце, даже в Петербурге можно было видеть нередко абсолютно ничем не занятых, праздно гуляющих матросов. Неудивительно, что они легко поддавались под влияние революционных пропагандистов и, напившись их лозунгами, распространяли их затем в экипажах. По данным, которыми располагал немецкий морской атташе, контр-адмирал З.П. Рожественский, командующий Второй тихоокеанской эскадрой, имел на своих кораблях 1/7 резервистов, а контр-адмирал Н.И. Небогатов, руководивший 3-м броненосным отрядом Второй тихоокеанской эскадры – от 1/3 до 1/2 (Paul von Hintze, 1998: 174). В одном из своих донесений А. Тирпицу весной 1905 П. Гинце выражал даже удивление по поводу того, что революционные настроения не успели захватить это последнее морское соединение (BA-MA. RM 3/2967. Bl. 75).

Однако проблема революционности не исчерпывалась только «запасниками». События в Кронштадте и Севастополе в октябре-ноябре 1905 г. подтверждали это со всей очевидностью. По словам, П. Гинце, особо неприятным и неожиданным для российских властей стал бунт моряков в Кронштадте 8–11 ноября 1905 г. (BA-MA RM 3/2967. Bl. 151-162). Учитывая причины его возникновения, морской министр вице-адмирал А.А. Бирилев в октябре – ноябре 1905 г. лично провел несколько инспекций Черноморского флота, встречался с матросами, беседовал с ними и никаких критических жалоб и пожеланий от них не получил. При этом гражданские и военные власти самых разных уровней, по убеждению П. Гинце, очень плохо учли опасность пагубного воздействия социал-демократической пропаганды на умы и настроения военнослужащих и не предпринимали должных действий как по отношению к агитаторам, так и подпавшим под их влияние людям в форме. Как полагал, германский военно-морской атташе, недопустимую лояльность по отношению к бунтарям проявило и правительство С.Ю. Витте. Оно не использовало всего арсенала предоставляемых законами средств, чтобы жестко подавлять любые поползновения на существующий порядок (Paul von Hintze, 1998: 172).

По мнению П. Гинце, определенные успехи революционной агитации на флоте были обусловлены целым рядом недостатков существующей в России призывной системы. О большой части из них германский атташе умалчивает, указывая только на одну из них – образовательный уровень новобранцев. Проблема грамотности российских призывников, безусловно, была серьезной. Однако П. Гинце, хорошо знакомый с российской военной системой почему-то ничего не говорит о том, что служба в армии для интеллигенции не считалось престижным делом, она была местом ссылки «неблагонадежных студентов», что также влияло на армейские умонастроения (Керсновский, 1994: 151-152). Как писал немецкий атташе, речь идет о том, что на флот, ввиду сложности имеющихся на нем механизмов и оборудования, призывались в основном представители из рабочего класса и ремесленников, что в реальности не совсем было так (Бескровный, 1986: 210-211). Они, продолжал он дальше, в большой своей массе (по данным П. Гинце, на 70 %) были грамотными, что примерно соответствовало действительности (Большая Советская Энциклопедия, 1952: 434). Далеко нередко они приходили на службу с уже своими представлениями «о справедливом государстве и порядках в нем», почерпнутыми из «вредных изданий», и, будучи под присягой, продолжали утверждаться в этих «заблуждениях» и более того – распространять их в матросской среде. Иное дело – сухопутная армия. Туда брали главным образом безграмотное крестьянство, проявлявшее «более стойкий иммунитет» ко всякому роду нигилистической литературы (BA-MA. RM 3/2967. Bl. 151-162). П. Гинце не дает рецепта, как же все-таки решить дилемму грамотных допризывников, в которых нуждался флот ввиду его технической сложности, и сохранение их лояльности к власти.

Еще одна причина, по которой в экипажах имели хождение социал-демократические идеи, по глубокому убеждению, П. Гинце, заключалась в предпочтении офицеров заниматься в первую очередь тактическими и техническими вопросами, а воспитание личного состава уходило у них на задний план. П. Гинце писал, что среди русских морских командиров самого разного уровня мало было тех, кто мог быть по-настоящему неформальным лидером, учить, заботиться не только о телесном здравии, но и правильным внутреннем духовном настрое подчиненных. Объяснялось это независимыми объективными обстоятельствами, в которых проходила их служба. Действительно, чрезвычайное и быстрое развитие морской боевой техники начала XX в. требовало от офицеров максимальных физических и умственных затрат для ее освоения (Крестьянинов, 2000; Каторин, 2008). На это уходила немалая часть их служебного времени. В число трудоемких вопросов, а, соответственно, еще больше усложнявших жизнь командного состава на корабле, входило решение запутанных тактических и стратегических задач как во время боевых учений, так и при подготовке к ним, что, правда, не сказалось на успехах в войне против японцев (Павлович, 1979: 300). Все это в совокупности настолько загружало дневной распорядок офицеров, что отвлекало их от вопросов воспитания – фундамента подготовки успешных действий в морском бою. Русский офицерский корпус, констатировал П. Гинце, пренебрегал этим древним правилом, поэтому, несмотря на отличное знание им техники, подобная характеристика несколько понижала его профессионализм. Негативные последствия явно недостаточного внимания командиров к вопросам воспитания наглядно проявились в бунтарские месяцы 1905 г.

За примерами П. Гинце далеко ходить не пришлось. Он при рассмотрении кронштадтского возмущения в ноябре 1905 г. отметил, что некоторые офицеры, переодевшись в гражданскую одежду, просто напроsto сбежали от матросов. В Севастополе ситуация была не лучшей. Во время бунта часть

командного состава была обезоружена и арестована. В Петербурге, по данным П. Гинце, многие офицеры вообще не думали идти к своим подчиненным в казармы, когда в 14 экипажах начались волнения. Единственно кого выделил немецкий атташе в те «смутные времена» был лейтенант П.П. Шмидт на крейсере «Очаков» в Севастополе, поскольку обладал лидерскими качествами, имел авторитет и уважение у матросов и сумел повести их за собой (Paul von Hintze, 1998: 173). Масштабность волнений на флоте осенью 1905 г. П. Гинце объяснял еще и тем, что действовавшее российское правительство связывало военным руки и не давало им применить силу против бунтовщиков. Немецкий морской представитель отмечал, что оно бросило на произвол «политического совращения» армию, свободно допуская в ее рядах хождение «неблагонадежных» газет и прокламаций. Как полагал П. Гинце, подобного отношения не выдержала бы даже самая лучшая армия мира. Среди наиболее вредных для умонастроений военнотружущих изданий он выделял суворинскую либерально-кадетскую «Русь», либеральную «Сын Отечества» и большевистскую «Новую жизнь», считая эти газеты, без акцента на имеющиеся между ними политические различия, одинаково опасными (Paul von Hintze, 1998: 173).

Особой темой интересов П. Гинце в 1904–1905 гг. было изучение общего состояния настроений в российской армии, и главным образом среди офицеров, выяснение их отношения к Николаю II. Как он сам замечал, заниматься этим делом было крайне непросто, поскольку ему, как немецкому подданному, т.е. иностранцу, русские «не открывались всей душой» и старались в основном выражать исключительно лояльные чувства. Поэтому собранный материал, по его заявлению, страдал определенной односторонностью. При всех традиционных сдерживающих факторах (недопустимость оценивать «помазанника Бога» и верховного главнокомандующего) некоторые «респонденты» допускали «вольность» судить царя. Они в качестве «слабых» черт императора отмечали его доверчивость, добродушие и снисходительность (Paul von Hintze, 1998: 159). Особую привязанность и преданность царю П. Гинце отмечал только среди офицеров, входящих в окружение Николая II, но и они открыто это не проявляли, были эмоционально сдержаны.

Резюмируя свои наблюдения, П. Гинце отмечал, что русский офицерский корпус по отношению к своему верховному главнокомандующему (царю) не проявлял какой-то особой внешне заметной теплоты, относился без робости, не давал высоких личностных характеристик. Имевшее, конечно же, в нем и место почтение, скорее всего, по мысли П. Гинце было обусловлено традиционным, «инстинктивным уважением» к потомственному правителю. Следствием же выражения «формальной почтительности» вполне могло стать и непротивление смене правителя. Правда, это умозаключение П. Гинце делал чисто гипотетически, поскольку ни один из его «интервьюируемых» не высказывался именно таким образом, даже когда подчеркивалась опасность того, что нынешнее революционное движение может привести к убийству царя. О последствиях такого хода развития событий русские офицеры предпочитали ничего не говорить (Paul von Hintze, 1998: 160–161).

Впрочем, П. Гинце располагал и другими сведениями, свидетельствующими о крайне пессимистических настроениях в офицерском корпусе и готовности его предпринять самые решительные действия не только по отношению к бунтарям, но и к царю, вплоть до его низложения. Правда эти «новости» распространяли репортеры, к которым П. Гинце относился крайне подозрительно. С осторожностью он отнесся и к конфиденциальным сообщениям своего французского коллеги Белуа (Belloy), утверждавшего, что якобы располагает вполне надежными данными о намерениях штаб-офицеров гвардейского полка, расквартированного в Красном Селе, к каким-то решительным действиям в январе 1906 г., возможно, даже и против Николая II. Однако каких-либо подтверждающих документов этим фактам германский атташе не получил. Тем не менее, утаивать такие важные сведения, пусть и непроверенные, П. Гинце не мог, поэтому он их перенаправил рейсканцлеру Б. Бюлову, сопроводив собственными комментариями. В них, в частности, говорилось, что англичане и французы заняли явно небеспристрастную позицию в деле предполагаемого «заговора русских офицеров», так как они, «исходя из имеющегося опыта не ожидают, от него (Николя II – С.С., С.Ш.) большого согласия на их планы» (ВА-МА. RM 38/154. Bl. 117-118). В Берлине также прекрасно понимали, что изменение правления в России таит в себе большие угрозы. Это могло окончательно и бесповоротно переориентировать ее на Францию и Великобританию. Поэтому П. Гинце получил указание продолжать отслеживать настроения офицеров в армии и на флоте, чтобы политическое руководство кайзеровской Германии могло держать «руку на пульсе» для принятия своевременных, превентивных решений.

Другой важной темой, часто поднимаемой в донесениях П. Гинце в 1904–1905 гг., была, конечно же, русско-японская война, что было неудивительно. Немецкое руководство очень внимательно следило за событиями, происходившими на Дальнем Востоке, стараясь максимально учесть весь позитивный и негативный опыт ведения морских боевых действий. Уже в начале октября 1904 г. Вильгельм II потребовал от А. Тирпица первых предварительных набросков относительно выявленных уроков из морского противостояния России и Японии. Военно-морской статс-секретарь обещал представить их к середине следующего месяца (ВА-МА. RM 3/4305. Bl. 146). Это было исполнено 15 ноября 1904 г. после заседания специальной группы ведомства, протокол которого был передан императору (ВА-МА. RM 3/2596. Bl. 3-7). Вне всякого сомнения, что в своих предварительных суждениях о происходящих за тысячу миль от Берлина событиях А. Тирпиц основывался как на

мнениях «домашних», министерских экспертов, так и на донесениях П. Гинце (BA-MA. RM 3/4314. Bl. 56-68; BA-MA. RM 3/4314. Bl. 77-80; BA-MA. RM 3/4314. Bl. 46-55; BA-MA. RM 3/4314. Bl. 69-76).

Если говорить о его посланиях в 1904 г., то в них значимое место занимали рассуждения о шансах России на победу даже после ряда ее неудачных действий на море (Paul von Hintze, 1998: 132-133). П. Гинце не был категоричен ни в утвердительном, ни отрицательном ответе на этот значимый не только для российских, но и германских властей вопрос, понимая, что русские не сказали еще «своего последнего слова», тем более что в этот период времени шла подготовка к отправке 2-й Тихоокеанской эскадры во главе вице-адмиралом З.П. Рожественским. Если же все-таки подходить с «провизорской дотошностью» к оценке позиции П. Гинце, то, пожалуй, можно констатировать в ней некоторое доминирование оптимистических ожиданий. Не случайно это побудило А. Тирпица в июле и сентябре 1904 г. обратиться к П. Гинце с просьбой обратить внимание российского военно-морского руководства на необходимость наступательных действий. Не исключается, что такая же задача была поставлена перед ним, когда кайзер и Штаб Адмиралтейства давали согласие на участие П. Гинце в дальнем походе 2-й Тихоокеанской эскадры, тем более, что эта инициатива исходила от З.П. Рожественского, который явно проникся доверием к германскому атташе (BA-MA. RM 3/2847. Bl. 43-45). Однако по неизвестным причинам «морское путешествие» немецкого представителя не состоялось.

В донесениях П. Гинце в 1905 г. условно выделялись два аспекта: перспективы ведения войны после июля 1905 г. и причины поражения эскадры во главе вице-адмирала с З.П. Рожественским в Цусимском проливе.

Согласно данным, которыми располагал германский военно-морской атташе, в июле 1905 г. Николай II получил заверения от военных руководителей страны разных рангов, что войска боеспособны и решительно настроены на победу. Такие заявления исходили от командующего вооруженными силами на Дальнем Востоке генерала Н.П. Линевича, военного министра А.Ф. Редигера и морского министра вице-адмирал А.А. Бирилева, который в июле 1905 г. побывал в местах сражений. Именно они предостерегали Николая II от заключения «слабого» для России мирного договора, относительно которого зондирование велось со стороны обеих воюющих сторон. Как считал П. Гинце у русских было определенное желание к заключению мира, особенно после восстания на броненосце «Потемкин Таврический». Однако давление со стороны представителей военной партии, в том числе и в прессе, сделало свое дело – царь и правительство со спокойствием и уверенностью стали смотреть на продолжение войны (Paul von Hintze, 1998: 162). С другой стороны, германский атташе расценивал воинственную риторику русских как своеобразный способ воздействия на японцев, чтобы те умерили свои аппетиты на предстоящих в Портсмуте мирных переговорах. Но как бы там ни было, на отрезке времени июль-начало сентября 1905 г. П. Гинце констатировал настроенность руководства России воевать без тяжелых для себя последствий.

Разбирательству причин поражения 2-й тихоокеанской эскадры П. Гинце посвятил несколько донесений, но, скажем так, «концептуальным» можно назвать то, которое было датировано 28 августа (по старому стилю) 1905 г. (Paul von Hintze, 1998: 163-167). Оно, несмотря на свою относительную краткость, действительно многопланово и вскрывает технические, тактические и личностно-субъективные причины цусимской трагедии, безусловно, внесшей «свою лепту» в конечный проигрыш Россией войны. Не имеет большого смысла останавливаться на всех указанных подоплеках, они в последствии были подтверждены, но более подробно и обстоятельно в «Заключении следственной комиссии по выяснению обстоятельств цусимского боя», опубликованном в нескольких номерах «Морского сборника» в 1917 г. (Заключение Следственной комиссии, 1917). Все, обусловившие провал «миссии» З.П. Рожественского. И первую очередь он отметил ошибочность решения П. Рожественского идти по так называемой «корейской трассе», вместо безопасного обхода Японии, при том, что имеющиеся на кораблях запасы угля вполне позволяли это сделать (Paul von Hintze, 1998: 166). Впрочем, он объясняет это не чем иным, как желанием соединиться как можно скорее с теми силами, которые находились во Владивостоке.

Именно данный фактор, по мнению П. Гинце, повлиял на один из главных недостатков строя русских кораблей в момент их встречи с японскими силами – его растянутость. Как полагал германский атташе, З.П. Рожественский был все-таки в первую очередь настроен не на сражение, а на быстрое прохождение опасного участка. Отсюда и проистекала ошибка тактического характера – отсутствие концентрации кораблей разных классов для успешного ведения морского боя. В свою очередь уничтожающий огонь противника по «распыленным» русским боевым судам и не столь их успешные ответные действия негативно повлияли на моральное состояние команд, обрушив, как писал П. Гинце, «знаменитую русскую выдержку» (Paul von Hintze, 1998: 164). Ранение в голову практически в начале Цусимского сражения выбило З.П. Рожественско из строя. К сожалению, среди других адмиралов эскадры не нашлось достойной личности, которая смогла бы взять нити управления боя на себя. На эту роль не подошли ни контр-адмирал Н.И. Небогатов, ни вице-адмирал О. А. Энквист, Последний как писал П. Гинце, вообще был из «зры парусного флота, и не соответствовал тем задачам, которые стояли пред ним в цусимских событиях» (Paul von Hintze, 1998: 164).

Особо отмечал германский атташе напряженное внутреннее состояние З.П. Рожественского во время дальнего перехода, негативно повлиявшее на его действия в ходе Цусимского боя. Ведь он до

последнего держал в неведении подчиненных относительно собственных планов. По мнению П. Гинце, это конечно же являлось грубой ошибкой, в итоге негативно сказавшейся на результатах дальневосточной экспедиции 2-й Тихоокеанской эскадры.

Как военно-морской специалист германский атташе уделял немалое внимание выводам русских инженеров относительно необходимости внесения изменений в конструкции кораблей. Речь шла, например, об увеличении числа орудий крупного калибра (305 мм и больше), уменьшении броневых слоев с учетом ведения боя на средних и дальних дистанциях и т.д. Всю эту информацию П. Гинце черпал не только из закрытых доверительных, но и вполне доступных источников – российской периодической печати, на страницах которых обсуждались уроки войны с Японией (BA-MA. RM 5/1434. Bl. 173-174).

Отдельной темой донесений германского атташе были русско-германские отношения. Он, в силу своих функциональных возможностей, также работал в русле втягивания России в «немецкий фарватер», хотя, как показали дальнейшие события, это не оказало нужного воздействия (Бюлов, 1935: 300-308). Российский император принимал и соглашался с заверениями Вильгельма II в преданности монаршей солидарности, как об этом говорилось, например, в одном из писем кайзера из Роминтена 26 сентября 1905 г. (Wilhelm II, 1920: 381). Однако все же, под влиянием своих министров, стремился сохранять самостоятельность и не быть обязанным чем-либо кузену в военно-политически значимых «щекотливых» вопросах. Об этом свидетельствовал, в частности, эпизод, связанный с организацией «почтовой службы» между Мемелем и Петергофом осенью 1905 г.

С согласия Николая II 30 октября 1905 г., когда в разгаре была всероссийская октябрьская политическая стачка, Вильгельм II выделил несколько боевых кораблей германского флота (малый крейсер «Lübeck» и несколько миноносков), чтобы обеспечить связь царского двора с внешним миром в случае всяких непредвиденных обстоятельств. Через два дня, 2 ноября 1905 г., П. Гинце, которому было поручено контролировать этот процесс, появился в Петергофе на миноносках D7 и S93. 4 октября прибыло еще два немецких корабля. Однако уже третьего числа того же месяца Николай II просит германского атташе прекратить эту помощь под предлогом наличия для этого российских судов (Paul von Hintze, 1998: 168). Эта просьба, естественно, была удовлетворена и 4 октября 1905 г. немецкая «особая морская фельдъегерская связь» прекратила существование, не успев начаться, о чем П. Гинце сообщал А. Тирпицу накануне (BA-MA. RM 3/41. Bl. 27). При этом он писал, что царь передавал благодарность кайзеру за его помощь с «почтовыми судами» и в качестве выражения этой признательности наградил командиров миноносков D.7 и S.93 орденом Станислава второй степени.

4. Заключение

Проанализировав наиболее значимую в содержательном отношении часть донесений германского военно-морского атташе в России П. Гинце в период 1904–1905 гг. можно прийти к ряду выводов. Немецкий представитель морского ведомства был, что называется, не «рядовым информатором». Он доносил значимые в военно-политическом отношении аналитические сведения для А. Тирпица, Б. Бюлова и кайзера Вильгельма II. П. Гинце, один из немногих вообще немецких военных представителей за рубежом, кто имел право личного обращения к императору с донесениями. Это лишнее подчеркивало его особый статус, а также значимость той страны, в которой он работал в интересах II-го рейха. Ценность донесений П. Гинце для властей империи определялась тем, что Германия в этот период, когда началось серьезное обострение отношений с Великобританией, нуждалась в новых союзниках и поэтому руководство страны собирала всю самую значимую информацию относительно «союзоспособности» русских. Поэтому «вестям» из российских пределов, в которых происходили революционные события, в том числе и по причине неудач в Русско-японской войне, предавалось большое значение. Оценивая в целом гинцевские наблюдения и референции, можно констатировать, что за некоторым небольшим исключением, главным образом по причине противоречивости или недоступности информации, они характеризовались аналитичностью, точностью и полнотой, какая была только возможна в обстановке быстро меняющихся событий. П. Гинце умел не только располагать к себе людей и склонять их к откровенному разговору и получать интересующую его информацию. Он обладал качеством опытного аналитика, что называется, «зрел в корень», отделял главное от второстепенного, тщательно препарировал выделенный им проблемный аспект, прогнозировал наступление определенных политических актов. П. Гинце в 1904–1905 гг. рассмотрел главные, на его взгляд, причины революционных настроений на российском флоте, уловил антицаристские настроения в элитной офицерской среде и показал, насколько это опасно было для действующей власти Николая II, что подтвердили события конца февраля 1917 г. Германский атташе попытался проанализировать психологическое состояние вице-адмирала З.П. Рожественского во время тяжелого перехода 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток, что, по его мнению, прямым образом повлияло на трагические результаты «цусимского боя».

Вне всяких сомнений, официальный Берлин от своего военно-морского атташе в 1904–1905 гг. получал вполне исчерпывающую и в целом объективную информацию о военно-политических событиях, происходивших в России.

Литература

- Бескровный, 1986** – *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука 1986. 242 с.
- Большая Советская Энциклопедия, 1952** – *Большая Советская Энциклопедия.* Изд. 2. Т. 12. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1952. 636 с.
- Бюлов, 1935** – *Бюлов Б.* Воспоминания. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. 562 с.
- Гаврилов, 1987** – *Гаврилов Б.И.* В борьбе за свободу: Восстание на броненосце «Потемкин». М.: Мысль, 1987. 222 с.
- Заключение Следственной комиссии, 1917** – Заключение Следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя. Неофициальный отдел // *Морской сборник.* 1917. №7. С. 1-32; №8. С. 1-49; №9. С. 1-57.
- Каторин, 2008** – *Каторин Ю.Ф.* Броненосцы. Спб.: Галея Принт, 2008. 232 с.
- Керсновский, 1994** – *Керсновский А.А.* История русской армии. В 4-х т. Т.3. М.: Голос, 1994. 352 с.
- Крестьянинов, 2009** – *Крестьянинов В. Я.* Крейсера Российского императорского флота. 1856-1917 гг. Часть II. М.: Галея Принт, 2009. 292 с.
- Лихарев, 1998** – *Лихарев Д.В.* Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // *Первая мировая война. Пролог XX века.* М., 1998. С. 537-554.
- Павлов, 2016** – *Павлов Д.Б.* Русско-японская война 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и море. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с.
- Павлович, 1979** – *Павлович Н.Б.* Развитие тактики военно-морского флота. В 4-х ч. Ч 1. М.: Воениздат, 1979. 320 с.
- Сокольская, 1987** – *Сокольская И.Ф.* Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия к концу XIX началу XX века // *Ежегодник германской истории 1986.* М., 1987. С. 74-99.
- Синегубов, 2009** – *Синегубов С.Н.* Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904–1911 гг. // *Известия Алтайского государственного университета.* 2009. № 4/1 (64/1). С. 202-210.
- Туполев, 1982** – *Туполев Б.М.* Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы // *Новая и новейшая история.* 1982. № 3. С. 123-164; № 4. С. 137-155.
- Шилов, 2004** – *Шилов С.П.* Русско-японская война 1904-1905 годов и германское военно-морское ведомство // *Новая и новейшая история.* 2004. № 5. С. 52-68.
- ВА-МА. RM** – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD)
- Paul von Hintze, 1998** – *Paul von Hintze.* Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Eingeleit. und herausg. von J. Hürter. München: Boldt im Oldenbourg-Verlag, 1998. 754 p.
- Wilhelm II, 1920** - *Briefe Wilhelms II an den Zaren, 1894–1914* / hrsg., eingeleit. von W. Goetz ; die Übers. besorgte M. Th. Behrmann. Berlin: Ullstein, 1920. 439 p.

References

- Beskrovnyy, 1986** – *Beskrovnyy L.G.* (1986). Armiya i flot Rossii v nachale XX veka. Ocherki voyenno-ekonomicheskogo potentsiala. [Army and the fleet of Russia at the beginning of the 20th century. Sketches of military-economic potential]. M.: Nauka. 242 p. [in Russian].
- Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya, 1952** – *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya.* Izd. 2. T. 12. [Big Soviet Encyclopedia. Edition 2. Volume 12.] M.: Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya. 1952. 636 p. [in Russian].
- Byulov, 1935** – *Byulov B.* (1935). Vospominaniya. [Memoirs] M.; L.: Sotsekgiz. 562 p. [in Russian].
- Gavrilov, 1987** – *Gavrilov B.I.* (1987). V borbe za svobodu: Vosstaniye na bronenositse «Potemkin». [In fight for freedom: A revolt on a battleship «Potemkin»] M.: Mysl. 222 p. [in Russian].
- Zaklyucheniye Sledstvennoy komissii, 1917** – *Zaklyucheniye Sledstvennoy komissii po vyyasneniyu obstoyatelstv Tsusimskogo boya.* [Conclusion of Commission of inquiry on clarification of circumstances of the Tsushima fight], Neofitsialnyy otdel. Morskoy sbornik. 1917. N.7. pp. 1-32; N.8. pp. 1-49; N.9. pp. 1-57. [in Russian].
- Katorin, 2008** – *Katorin Yu.F.* (2008). Bronenostsy. [Battleships] SPb.: Galeya Print. 232 p. [in Russian].
- Kersnovskiy, 1994** – *Kersnovskiy A.A.* (1994). Istoriya russkoy armii. V 4-kh t. T.3. [History of the Russian army. In 4 volumes. Volume 3]. M.: Golos. 352 p. [in Russian].
- Krestianinov, 2009** – *Krestianinov V.Ya.* (2009). Kreysera Rossiyskogo imperatorskogo flota. 1856–1917 gg. Chast II.[Cruiser of the Russian imperial fleet. 1856–1917. Part II] M.: Galeya Print. 292 p. [in Russian].
- Likharev, 1998** – *Likharev D.V.* (1998). Gonka morskikh vooruzheniy kak prichina i sledstviye Velikoy voyny [Race of sea arms as cause and effect of Great war], *Pervaya mirovaya voyna. Prolog XX veka.* M. pp. 537-554. [in Russian].

Pavlov, 2016 – *Pavlov D.B.* (2016). Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg.: sekretnyye operatsii na sushe i more. [Russian-Japanese war of 1904–1905: confidential operations on the land and the sea]. 2-e izd. pererab. i dop. M.: Institut rossiyskoy istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 512 p. [in Russian].

Pavlovich, 1979 – *Pavlovich N.B.* (1979). Razvitiye taktiki voyenno-morskogo flota. V 4-h ch. Ch 1. [Development of tactics of navy. In 4 parts. Part 1]. M.: Voenizdat. 320 p. [in Russian].

Sokolskaya, 1987 – *Sokolskaya I.F.* (1987). Stroitelstvo voyenno-morskogo flota v Germanii i anglo-germanskiye protivorechiya k kontsu XIX nachalu XX veka [Construction of navy in Germany and the Anglo-German contradictions by the end to the XIX beginning of the XX century]. *Ezhegodnik germanskoy istorii* 1986. M. pp. 74-99. [in Russian].

Sinegubov, 2009 – *Sinegubov S.N.* (2009). Sindrom «voyennoy ugrozy» kak postoyannyy faktor germano-angliyskikh otnosheniy 1904–1911 gg. [Syndrome of "military threat" as constant factor of the German-English relations 1904–1911]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. N.4/1 (64/1). pp. 202-210. [in Russian].

Tupolev, 1982 – *Tupolev B.M.* (1982). Kayzerovskiy voyenno-morskoy flot rvetsya na okeanskiye prostory [The Kayzerovsky navy is torn to ocean open spaces]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. N.3. pp. 123-164; N.4. pp. 137-155. [in Russian].

Shilov, 2004 – *Shilov S.P.* (2004). Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 godov i germanskoye voyenno-morskoye vedomstvo [Russian-Japanese war of 1904–1905 and German naval department]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. N. 5. pp. 52-68. [in Russian].

BA-MA, RM – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg, BRD) [In Deutsch].

Paul von Hintze, 1998 – *Paul von Hintze*. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Eingeleit. und herausg. von J. Hürter. München: Boldt im Oldenbourg-Verlag, 1998. 754 p. [In Deutsch].

Wilhelm II, 1920 – *Briefe Wilhelms II an den Zaren, 1894–1914* / hrsg., eingeleit. von W. Goetz; die Übers. besorgte M. Th. Behrmann. Berlin: Ullstein, 1920. 439 p. [In Deutsch].

УДК 930.23:323.2(470+571) «1904/1905»

Военно-политические события в истории России 1904–1905 гг. в интерпретации германского морского атташе П. Гинце

Станислав Николаевич Синегубов^{a, *}, Сергей Павлович Шилов^a

^a Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал ТюмГУ), Российская Федерация

Аннотация. В статье на основании в том числе и впервые вводимых в научный оборот в отечественной историографии немецких архивных документов анализируется интерпретация военно-политических событий 1904–1905 гг. в России германским военно-морским атташе П. Гинце. Эта тема раскрывается путем характеристики донесений представителя II-го рейха, в которых затрагиваются наиболее актуальные вопросы, связанные с революционными выступлениями на флоте, причинами их происхождения, настроениями в офицерской среде, факторами, обусловившими «цусимскую трагедию». Автор приходит к выводу, что наблюдения и референции П. Гинце в целом, за небольшим исключением, характеризовались аналитичностью, точностью и полнотой, несмотря на калейдоскопическую быстроту смены «военно-политических декораций». Германский военно-морской атташе смог достигать такого положительного результата не только благодаря своей открытости, умением располагать к себе людей самых разных «уровней и сословий» и получать таким образом информацию из разных источников, но умением ее препарировать, выделять главное и существенное из большого потока фактов и на основе этого прогнозировать дальнейшее развитие ситуации в политической и военной сферах жизни российского государства. Без сомнений, высокое качество содержательных данных, предоставляемых П. Гинце различным высоким правительственным структурам кайзеровской Германии – от А. Тирпица до Вильгельма II – повлияло самым существенным образом на выработку в последующем «русской политики» германского государства.

Ключевые слова: Российская империя, кайзеровская Германия, морской атташе, буржуазная революция 1905–1907 гг., революционные выступления на флоте, русско-японская война 1904–1905 гг.

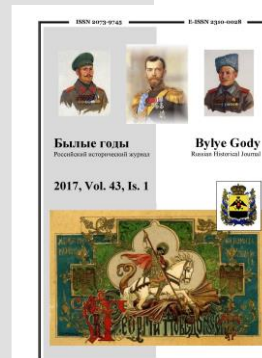
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: globus_75@inbox.ru (С.Н. Синегубов), sshilov@mail.ru (С.П. Шилов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 227-237, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.227
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(477)

Ukrainian National Movement and State Power in Late Imperial Russia, 1905–1914

Gennadiy G. Matishov^a, Oleg A. Grom^{a, b}

^a Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Institute of Social-Economic research and humanities of Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article studies the history of the interaction between the Ukrainian national movement and Russian state power in the period from the Revolution of 1905–1907 and The World War I. The authors analyze the main stages of the Ukrainian movement evolution in early XX century, and show the role of Russian nationalist organizations, firstly the Kiev Club of Russian Nationalists, in the elaboration of the governmental policy in the Ukrainian question. The principle part of the article deals with the genesis of the Stolypin circular of 1910 on the non-Russian societies and its impact on the Ukrainian movement.

Keywords: Ukrainian question, national movement, governmental policy, prosvitas.

1. Введение

Недавние события на Украине возродили интерес к истории русско-украинских отношений. Участники современного конфликта зачастую апеллируют к событиям прошлого, а также используют, часто не догадываясь об этом, элементы дискурса, фразеологию, риторику и аргументацию, характерные для начала XX века. При этом тема взаимоотношений украинского национального движения и российской государственной власти остается в значительной степени мифологизированной, как в массовом сознании, так и в историографии. Тем более важно на основе как можно более широкого круга исторических источников реконструировать идеологию и логику действий основных акторов, действовавших в начале XX в. – российской власти, украинских активистов и русских националистов.

2. Материалы и методы

Основой для написания статьи выступают документы из фондов Департамента общих дел МВД, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, заметная часть которых вводится в научный оборот впервые. Особый интерес представляет дело «По вопросу о регистрации обществ, имеющих целью объединение инородческих элементов на почве их исключительно национальных интересов», в котором хранятся документы, относящиеся к столыпинскому циркуляру от 20 января 1910 г. Документы охватывают период с 1908 по 1913 гг. и позволяют проследить воззрения высших чиновников Российской империи на «украинский вопрос», генезис циркуляра и превратности его применения на практике. Кроме того, привлекается широкий круг источников, включающий архивные документы, периодику, а также историографический материал, касающийся деятельности украинских националистов и их взаимоотношений с властями в период с 1905 по 1914 гг. Особо следует отметить важность материалов прессы, прежде всего газет «Рада» и «Киевлянин», выражавших позиции украинских и русских националистов.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что вопрос о взаимодействии украинского национального движения и российских властей в начале XX в. неоднократно поднимался в литературе, до сих пор существует

недостаток взвешенных оценок, опирающихся на широкий круг источников, учитывающих позиции всех крупных акторов.

В советской историографии тема национального движения была маргинальной. Советские историки не выражали сочувствия ни «царизму, который был олицетворением великодержавного шовинизма», ни «буржуазным националистам», отвлекавшим народные массы от классовой борьбы (Кондуфор, 1983).

В современной литературе можно выделить два подхода. Первый характерен для украинской историографии и предполагает создание нарратива, в котором заведомо «хорошие» украинские патриоты героически противостоят заведомо антиукраинской репрессивной политике имперских властей, выступающих как единое целое. При этом конечной целью украинского национального движения выступает независимость Украины. Примером подобного подхода выступает монография Ольги Бардаш «Российское самодержавие и общественно-культурная жизнь в Украине в начале XX века» (Бардаш, 2011).

Сторонники другого подхода склонны абсолютизировать позицию российских властей различных уровней. Так, известная российская исследовательница И.В. Михутина (Михутина, 2003) отличается чрезмерным доверием к основному виду используемых ею источников – документам органов полиции. Но при этом она как бы забывает, что подобные документы зачастую содержали сомнительные «агентурные сведения», пересказы дискуссий в прессе и откровенные домыслы, поэтому подходить к ним стоит критически. Идеологию украинства Михутина реконструирует фактически только по работам М.С. Грушевского. При этом Грушевский среди российских украинофилов был фигурой достаточно обособленной, и далеко не всегда его взгляды совпадали с мнением большинства участников движения. Кроме того, исследовательница часто некритически заимствует фразеологию правого охранительного дискурса начала XX века. В итоге у Михутиной украинское национальное движение представляется «искусственным» явлением, результатом различного рода внешних «интриг» и едва ли не масонского заговора (чему посвящен отдельный раздел ее книги).

4. Результаты

Революция 1905–1907 гг. стала поворотным моментом истории национальных движений в Российской империи, в том числе и украинского. Под влиянием революции российские власти пошли на либерализацию законодательства в отношении украинского языка. До этого вопрос об украинской печати регулировался Валувевским циркуляром 1863 г. и Эмским указом 1876 г., которые фактически ставили запрет на издание украинской литературы. Впрочем, как отмечает А. Миллер, эти беспрецедентные репрессивные меры в полной степени никогда до конца не исполнялись. Тем не менее, Киевский цензурный комитет во время действия Эмского указа ежегодно запрещал не менее 15 % украинских изданий, что было существенно больше, чем запрещалось на других языках (Миллер, 2000: 186). Уже на рубеже XIX и XX вв. ограничительные меры в отношении украинского языка фактически не действовали, но окончательно были отменены только в 1905 г. Ключевую роль в отмене сыграла позиция «прогрессивного» общественного мнения, университетов (прежде всего, Киевского и Харьковского), а также Академии наук, в то время как идея продолжения репрессивной политики исходила от Министерства внутренних дел¹.

Снятие цензурных ограничений способствовало появлению и быстрому росту украинской прессы. Крупнейшей и наиболее популярной стала ежедневная газета «Громадська думка», которая после закрытия в 1906 г. возродилась под названием «Рада». Издавал газету крупный деятель украинского национального движения Е.Х. Чикаленко. Всего в 1906 г. выходило 18 газет и журналов на украинском языке (Підкова, Шуст, 1999). Тиражи были скромными по меркам общероссийских изданий, но вполне сопоставимыми с другими «инородческими» печатными органами. Так, в 1909 г. тираж «Рады» составлял 2 тыс. экземпляров (Чикаленко, 2011).

Благодаря общей либерализации законодательства, последовавшей за Манифестом 17 октября 1905 г., появляются или легализуются украинские политические партии, крупнейшей из которых выступала Украинская демократическо-радикальная партия. Тогда же организуются национальные общества самого различного типа. Одной из наиболее интересных форм национального движения в этот период стали культурно-просветительные общества – просвиты.

Первые просвиты появились в Австро-Венгрии в конце 1860-х гг. На протяжении последней трети XIX в. неоднократно предпринимались попытки открыть подобные общества в пределах Российской империи, но в условиях проводимой в тот момент политики на западных окраинах, открытие просвит представлялось невозможным. Тем не менее, западно-украинская «Просвита» сохраняла связи с российской Украиной (Перський, 1932: 230).

Первой организацией, фактически выполнявшей роль «Просвиты» в пределах Российской империи, стало основанное в 1898 г. в Петербурге и просуществовавшее до 1917 г. «Благотворительное общество издания общепользных и дешевых книг». С обществом сотрудничали

¹ Подробнее о перипетиях отмены антиукраинского законодательства см.: (Боряк, 2013: 327-416).

крупнейшие деятели украинского национального движения. За время его существования было издано около 80 книг общим тиражом более 1 млн экземпляров (Перський, 1932: 232).

С изданием 4 марта 1906 г. временных правил об обществах и союзах, регистрация украинских обществ ускорилась. Всего с 1906 по 1908 г. «просвиты» были зарегистрированы в 14 городах России (Щеголев, 1912: 273). Там, где местные власти препятствовали открытию «просвит», их роль выполняли другие организации: украинские клубы, студенческие кружки (гуртки), литературные, музыкальные и театральные общества. Еще в нескольких местах общества действовали нелегально или под другими названиями. Иногда скрытые просвиты действовали под вывесками русских или смешанных обществ. Так, например, общество «Просвещение» в ст. Староминской Кубанской области, будучи по уставу русской просветительной организацией, занималось распространением украинской литературы (Рада. 1911. № 52). Преимущественно просвиты действовали в малороссийских и новороссийских губерниях, причем наиболее развитая сеть существовала именно «на окраинах» расселения малороссов. Культурно-просветительские общества украинцев также открывались в крупных городах империи, где существовали украинские диаспоры – в Петербурге, Москве, Варшаве, Риге, Баку и на Дальнем Востоке (см. рис. 1).

Рис. 1. Украинские культурно-просветительные организации в России (1905–1907 гг.)

Украинские националисты отводили просвитам особую роль. Целью существования обществ декларировалось просвещение украинского народа. Газета «Рада» следующим образом описывала задачи таких обществ: «Просвиты – это единственные украинские институты, которые правительство признало законными. Они, избегая партийности, являются тем посредником, вокруг которого на полностью легальной почве могли бы сплотиться вокруг работы на пользу родного народа все сознательные украинцы» (Рада. 1906. № 63).

Особо много проблем вызывало стремление украинских активистов действовать в сельской местности. Так, руководство Киевской просвиты пыталось организовать сеть филиалов в губернии, но не всегда эти попытки были удачными. В 1906 г. «Киевское губернское об обществах присутствие» отказалось регистрировать по формальным причинам просвиту в селе Колодистом. Газета «Рада» сожалея об отказе, однако, называла попытку открыть Просвиту по инициативе самих крестьян хорошим знаком, считая, что по примеру Колодистого сельские просвиты будут открываться повсеместно (Рада. 1906. № 56).

В 1905–1908 гг. деятельностью украинских организаций высшие власти в Петербурге интересовались мало, а большинство трений происходило на уровне губернских администраций и органов полиции.

Причиной конфликтов украинских националистов и местных властей зачастую выступал демонстративный протест и нежелание украинских активистов играть по установленным правилам. Так, в 1907 г. скандалом закончилась подача на регистрацию устава Харьковской просвиты на украинском языке. По заявлению губернатора, «в случае возобновления подобного ходатайства Харьковское губернское присутствие по делам об обществах выскажется за отклонение его, так как факт представления в правительственное учреждение проекта устава на малороссийском языке уже свидетельствует о вредности направления общества, преследующего цели политического сепаратизма Малороссии» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1908 г. Д. 159. Л. 3). Другой пример подобного рода – регистрация Бакинской просвиты в том же 1907 г., которая была одобрена только после того, как в уставе слова «украинцы» и «украинский» были заменены на «малороссы» и «малороссийский» (Заречный, 2009).

Украинские активисты понимали всю шаткость своего положения. Так, осенью 1906 г. киевская полиция провела проверку политической благонадежности местной просвиты, в результате чего общество было признано «не заслуживающим доверия». Ему было отказано в открытии библиотеки и книжного склада (Бардаш, 2011: 60). Тогда же среди украинских националистов стали распространяться слухи о скором закрытии общества, которые с заметной периодичностью продолжали циркулировать в течение последующих нескольких лет (Бардаш, 2011: 60).

Основными оппонентами украинского движения в этот период стали русские националистические и право-монархические организации, активно действовавшие в Юго-западных губерниях России.

Поворотным пунктом во взаимоотношениях украинского национального движения и российских властей стал 1908 г., когда был основан Киевский клуб русских националистов (ККРН). В его рядах оказались известные противники украинофильства – Д.И. Пихно, В.Е. Чернов, Т.Д. Флоринский, С.Н. Щёголев и А.И. Савенко (Михутина, 2003: 96). В том же году был создан Подольский союз русских националистов. Эти организации идеологически были близки Всероссийскому национальному союзу, но формально в него не входили. Идеи националистов в целом вписывались в господствовавшие в среде сторонников П.А. Столыпина представления о превращении России в русское национальное государство, а националистические организации находили поддержку в правительственных кругах.

Русские националисты с одной стороны атаковали украинских активистов в прессе, с другой, всем средствами пытались обратить внимание губернских и общероссийских властей на «опасность», исходившую от украинских организаций. Уже в марте 1908 г., накануне открытия ККРН Анатолий Савенко в «Киевлянине» объявил, что важнейшей задачей на пути «пропаганды национализма» является борьба с украинофильством. «Необходимо признаться, – писал Савенко, – что мы проспали украинское движение. Вместо того, чтобы бороться с ним, мы всё посмеивались над хохломанством, не придавая ему серьезного значения». Далее Савенко заявил, что в Петербурге недооценивают масштаб и угрозу украинофильства, считая это движение несущественным. Это мнение подкрепляется еще и тем, что с украинским движением никто открыто не борется. Поэтому именно создаваемый ККРН должен стать центром такой борьбы (Киевлянин. 1908. № 89). Украинские националисты тут же окрестили выступление Савенко «новым» курсом против украинства» (Рада. 1908. № 76).

С провозглашением «нового курса» заметно увеличилось число антиукраинских выступлений в «охранительной» прессе, причем не только в местной, но и в общероссийской. Эта агитация видимо достигала цели, поскольку сами украинские активисты в 1908–1909 г. в прессе и дневниковых записях неизменно отмечали рост числа репрессивных мер, применявшихся к ним со стороны местных властей. Но репрессии общероссийского масштаба еще ждали своего часа.

Во взглядах русских националистов на украинский вопрос проявлялись две противоречивые тенденции. С одной стороны, украинофильство признавалось «искусственным» и «беспочвенным», поскольку не имело, по их мнению, широкой народной поддержки. С другой стороны, признавалась крайняя вредность украинофильства. Это противоречие разрешалось утверждением, что несмотря на «устойчивость» основной малороссов перед лицом украинской агитации, последние со временем могли попасть под ее влияние и «ошибочно» осознать себя украинцами, оторванными от общерусской идентичности (Коцюбинский, 2001: 296).

Другой специфической особенностью взглядов русских националистов было подчеркивание «внешнего фактора» в деятельности украинских организаций и активистов. Общим местом стало утверждение, что украинофильство распространялось из австрийской Галиции и всецело поддерживалось не только австрийскими властями, но и поляками. При этом русские националисты попросту игнорировали тот факт, что польско-украинские отношения в Галиции были весьма напряженными. Украинские активисты в России отмечали, что в представлении их оппонентов «украинство обязано быть чьей-то интригой», причем подобные обвинения исходили как со стороны русской прессы, так и со стороны польской (Рада. 1909. № 45). Обвинения в сепаратизме и связях с австрийцами отвергались украинофилами как безосновательные. Так, Е. Чикаленко, комментируя выпады против украинства в «Киевлянине» и «Новом времени» писал в своем дневнике: «Господи, чего только не наговорили! Они правда так думают, или намеренно врут? Разве они не знают, что

украинцы, даже в самой фантастической своей программе, дальше автономии не пошли?» (Чикаленко, 2011: 186).

Не менее существенным было обвинение украинства в связях с революционными кругами (Коцюбинский, 2001: 298). Но здесь надо заметить, что представления об украинстве как о части революционного движения были в большей степени характерны для 1905–1908 г. если судить по мотивировкам закрытия обществ. Позднее, а особенно после столыпинского циркуляра, украинские организации преследовались почти исключительно по национальному признаку.

В 1908 г. произошел еще один случай, который, вероятно, повлиял на то, что украинский вопрос вошел в поле зрения высших властей. Инициативная группа из 37 депутатов Государственной думы направила председателю совета министров законопроект о введении преподавания на украинском языке в школах, где большинство населения составляли малороссы (Борьба за язык: 331–332).

В ответ на запрос депутатов министр народного просвещения А.М. Шварц написал письмо помощнику управляющего делами кабинета министров Н.В. Плеве, человеку близкому Столыпину. Аргументируя свою позицию, Шварц заявил, белорусы и малороссы являются частью единого русского народа, а стремления части интеллигенции к признанию их особым народом не имеют исторических оснований. Экономические условия в будущем приведут к смешению племен, а попытки внедрения украинского языка только затормозят это «естественный» процесс. Шварц подчеркивал, что «в школах языком преподавания у всех культурных народов является не живой народный язык, а тот искусственный язык, который является литературным» (Борьба за язык: 349). Но ведь именно в этом, в пропаганде «искусственного» литературного украинского языка, упрекали украинофилов их антагонисты, включая самого Шварца. Присовокупляет Шварц и тезис об «австрийской интриге» (Борьба за язык: 353). Общий вывод министра состоял в том, что законопроект 37 депутатов должен быть отвергнут (Борьба за язык: 356). Аргументация Шварца практически дословно повторяет тезисы русских националистов, и нет сомнений, что, изучая вопрос, он отталкивался от публикаций в националистической прессе.

«Роковой» для украинских националистов стала поданная в Сенат в 1908 г. полтавскими украинофилами апелляция на отказ в регистрации украинского культурно-просветительского общества «Просвита» в Полтаве. Сенат жалобу отклонил и, более того, своим указом признал все украинские общества «угрожающими общественному спокойствию и безопасности» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1908 г. Д. 159. Л. 10).

В 1909 г. в Департамент общих дел (ДОД) МВД стали поступать из губерний запросы относительно деятельности украинских обществ и перспектив их закрытия (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1908 г. Д. 159. Л. 6–90б; Бардаш, 2011: 64–65). Активизировались и сторонники украинского движения, писавшие в газеты и разные ведомства о притеснениях со стороны властей губерний. Наиболее яркий пример подобного рода – записка председателя Одесской просвиты, И.М. Луценко, министру внутренних дел от 20 февраля 1909 г., в которой он доказывал, что общество не преследует противозаконных целей, а вся его деятельность носит сугубо просветительский характер, что должно, по его мнению, встречать содействие администрации (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1908 г. Д. 159. Л. 17–170б.). Вице-директор департамента, комментируя записку, указал, что Департамент не имеет ничего против Одесской просвиты и никаких действий по этому поводу предпринимать не собирается (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1908 г. Д. 159. Л. 19). Однако в течение 1909 г. ДОД активно собирал «компромат» на украинские организации, как по линии Департамента полиции, так и через переписку с губернаторами.

17 октября 1909 г. в ДОД была составлена записка «по вопросу о допустимости объединений на национальной почве», в которой указывалось на наличие скопившихся в производстве дел, касающихся инородческих обществ и на необходимость выработки единой стратегии в этом вопросе. Хотя составители записки и признали украинские общества подозрительными, но рекомендовали «согласно с точным смыслом закона [об обществах] 4 марта» не предавать указам Сената общее руководящее значение, а «обратить лишь внимание подлежащих губернаторов на необходимость тщательного надзора за деятельностью существующих обществ и осторожного отношения к вновь разрешенным» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1910 г. Д. 6. Л. 17).

1 ноября 1909 г. тов. Министра С.Е. Крыжановский передал эту записку Столыпину со своими комментариями. Чиновник, проанализировав собранный материал, пришел к выводу, что украинофильство – это «движение, создаваемое силами явно враждебными России» и в отношении него не следует допускать никаких послаблений, «а надлежит твердо стоять на почве высказанных Сенатом государственных соображений, памятуя, что только в путях проведения начал русской национальной политики можно отстоять западные губернии». Украинская угроза при этом напрямую увязывалась с польской (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1910 г. Д. 6. Л. 140б.). Примечательно, что в материалах, собранных департаментом, эта линия аргументации не имела никакого развития, а украинским обществам вменялась в вину, прежде всего, революционная и социалистическая агитация. Идея о связи украинского движения и задач «национальной политики», вероятно, была заимствована Крыжановским из арсенала крайне правой публицистики. Но в любом случае такая риторика резонировала со взглядами самого Столыпина на национальный вопрос.

Столыпин в заметке на полях записки в целом согласился с наличием угрозы, идущей от инородческих обществ, однако, предостерег от возможного произвола губернаторов в вопросе об открытии обществ: «Я нахожу, что прием, рекомендованный Департаментом [общих дел], поведет к произволу, т.к. поставит открытие обществ в зависимость от дискреционной власти губернаторов. Между тем, существуют общие признаки несомненной опасности некоторых обществ (на что и указал Сенат), и в зависимости от этих признаков общества, на основании ст. 6 правил 4 марта (Временные правила об обществах и союзах 1906 г. – Г.М., О.Г.) разрешенными не считать... Необходимо дать губернаторам соответственное циркулярное разъяснение» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1910 г. Д. 6. Л. 14).

В это же время вопрос об обществах активно дискутировался и на местах. В ноябре 1909 г. киевский губернатор А.Ф. Гирс подал Киевскому, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору Ф.Ф. Трепову записку об украинских и польских обществах, которые признавал небезопасными в силу того, что они ведут пропаганду среди сельского населения, а украинские общества якобы преследуют цель «возрождения украинского государства в границах XV–XVI в., а именно от Сяна (за Карпатами) до Кубани и Дона» (Бардаш, 2011: 64–65). Тогда же последовал конфиденциальный циркуляр Ф.Ф. Трепова, в котором он повторил идею вредности деятельности в сельской местности. Он отметил, что «культурные общества на самом деле являются политическими». Общій вывод Трепова полностью согласовывался с положениями, активно циркулировавшими в Петербурге – на основании постановления Сената не допускать регистрации польских и украинских обществ, поскольку они мешают государственной цели – ассимиляции населения края (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1910 г. Д. 6. Л. 67–67 об.).

Окончательная точка в дискуссиях об инородческих обществах была поставлена 20 января 1910 г. с опубликованием министерского циркуляра губернаторам. В нем говорилось о недопущении впредь регистрации любых инородческих обществ, в том числе украинских, которые могли бы преследовать «узко-национальные» цели. Решения в каждом конкретном случае должны были принимать губернские об обществах присутствия. Касательно уже открытых обществ предполагалось провести ревизию их деятельности и в случае выявления указанных в циркуляре признаков, возбудить вопрос об их закрытии (РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909 г. Д. 260. Л. 22–22об.) (см. рис. 2)

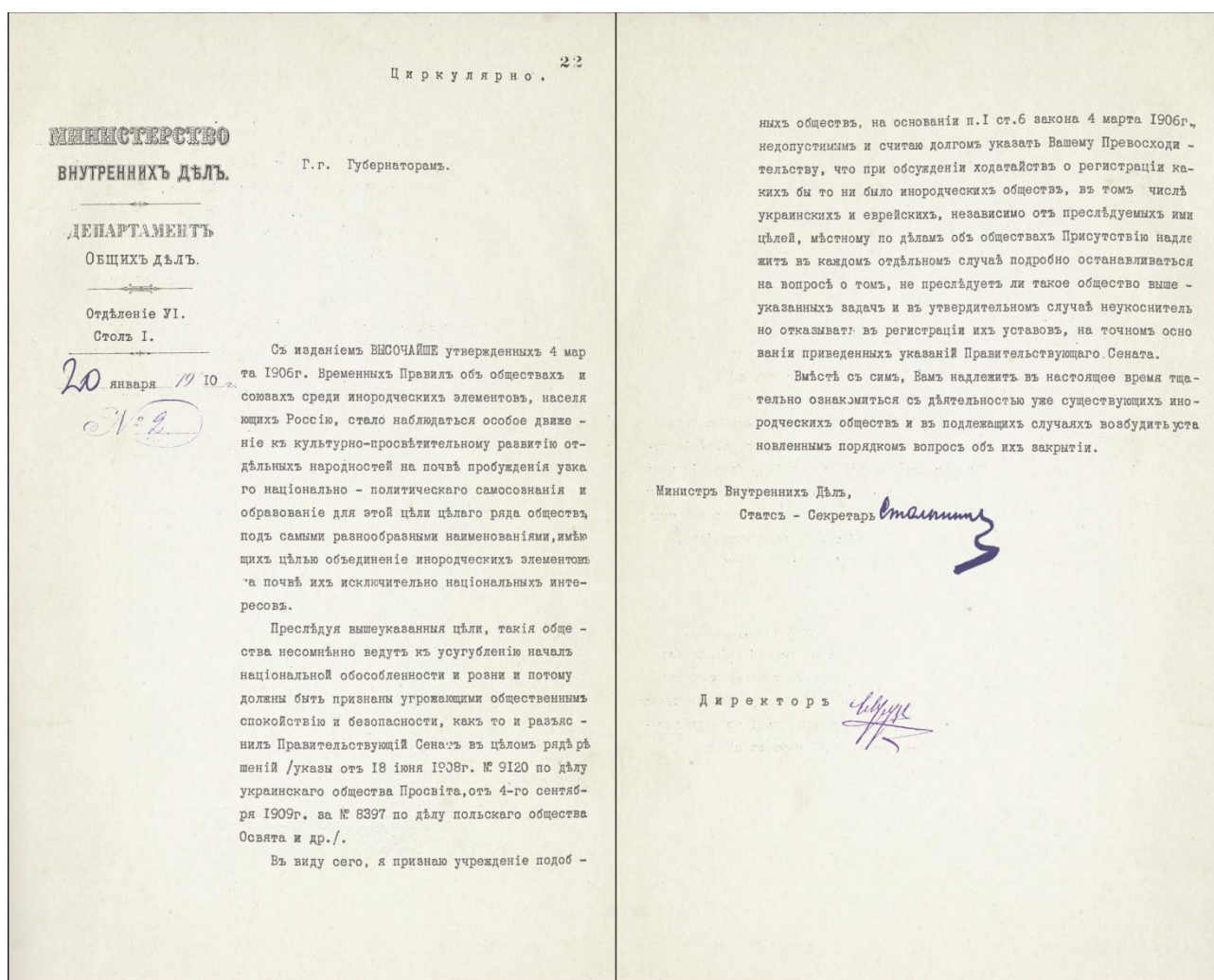

Рис. 2. Циркуляр об инородческих обществах и союзах за подписью П.А. Столыпина

Уже 12 февраля 1910 г. Киевский генерал-губернатор Трепов обратился в МВД с запиской о закрытии 3 польских и 4 украинских обществ, однако в ответном письме от Крыжановского министерство фактически «умыло руки», отдав вопрос о закрытии обществ в ведение губернских обществ присутствия (Бардаш, 2011: 66). В мае того же года Киевское присутствие рассмотрело дело и постановило общество закрыть. Совет Киевской просвиты принял решение не оспаривать постановление присутствия, а самораспуститься (Звідомлення Товариства Просвіта, 1910: 38).

Ключевую роль в закрытии общества сыграл активный борец с украинским движением С.Н. Щеголев. Сергей Никифорович Щеголев (1862–1919) – врач по образованию, с 1894 г. перешедший на государственную службу, занимаая различные должности в Киевской губернии. В начале XX в. по своей инициативе занялся изучением феномена «южнорусского сепаратизма». В 1912 г. им была издана книга, посвященная «современному украинству». Работа Щеголева была крайне компилятивной, а основным источником выступали публикации в прессе, интерпретируемые в духе борьбы с «вредным течением».

Просвиты Щеголев считал антигосударственными учреждениями, проповедовавшими «инородческие тенденции» среди русского народа. «Деятельность украинских обществ, – писал Щеголев, – должна быть возможно ограничиваема, с нею нужно бороться, но нужно помнить, что эти общества состоят из русских людей, распропагандированных «инородствующими» же русскими агитаторами» (Щеголев, 1912: 277). Примечательно, что описывая формы национальной агитации, он на первое место помещает именно просвиты.

Отношение Щеголева к просвитам ярко демонстрирует следующая цитата: «Украинские просвиты, уже по смыслу сенатских разъяснений, не могут быть в России разрешаемы, а существующие должны быть закрыты. Нужно помнить, что каждый шаг их деятельности есть уродование культурной жизни народа, что неотразимым обвинителем этих учреждений является уже самая программа их работы. Безусловному и немедленному закрытию подлежат, конечно, и те отделения и учреждения (читальни) Просвит» (Щеголев, 1914: 153).

По делу о Киевской просвите, на заседании губернского об обществах присутствия Щеголев заявил, что 12 из 15 рассмотренных им изданий общества имели вредное направление (Звідомлення Товариства Просвіта, 1910: 36). Содержимое книг Щеголев называл «тенденциозной мутью и плесенью», а само украинское движение характеризовал как «провинциальный фетишизм» (Звідомлення Товариства Просвіта, 1910: 55).

Примечательно, что основным мотивом, как следует из протокола, закрытия была не национальная, а «революционная» деятельность. Из записки Щеголева следовало, что целью изданий общества является «дискредитирование монархической власти и пропаганда республиканских идей, восхваление революционных и бунтовщических деяний... решение аграрного вопроса по рецептам анархистов и коммунистов... защита антимилицаризма и патриотического индифферентизма». Обвинение в «автономизме», под которым понимался сепаратизм, шло в самом конце списка (Звідомлення Товариства Просвіта, 1910: 41). Вероятно, чиновники, принимавшие решение осознавали, что закрытие просветительного общества за просветительную же деятельность, пусть и «узконациональную» вызовет неоднозначную реакцию общественного мнения, в то время как борьба с «революционной крамолой» была понятна и чиновникам и обществу.

За киевским обществом последовали и другие. В борьбу с «сепаратизмом» активно включались власти губерний, полицейские органы и русские националисты. Последние видели в этом только первый шаг в борьбе с «инородческим засильем» и утверждали, что «правительство, по-видимому, твердо вступило на путь национальной политики» (Киевлянин. 1910. № 57). Виднейший борец с украинством Анатолий Савенко писал в «Киевлянине», что циркуляр 20 января – это «голос самой государственности. Словами циркуляра говорит как бы проснувшийся государственный инстинкт русского народа... Теперь этот инстинкт служит делу охраны и укрепления русской государственности». Целью государственной политики, по мнению Савенко, должно было стать отражение «натисков инородцев». А среди всех инородческих «сепаратизмов» наиболее опасным был именно украинский, поскольку он «вносит раздор и предательство в самую среду русского народа, в эту цитадель великого русского государства» (Киевлянин. 1910. № 38).

Украинская пресса отреагировала на очередную антиукраинскую кампанию сдержанно, полемизируя с русскими националистами о ее последствиях для их движения (Рада. 1910. № 42). Основным лейтмотивом украинских выступлений было то, что текущие репрессии против украинства не первые в истории и культурная работа будет продолжаться в любых условиях. Впрочем, эта сдержанность была объяснима. Слухи о подготовке правительственного решения по украинскому вопросу ходили давно, а буквально за месяц до обнародования циркуляра украинским активистам, если верить дневниковым записям Чикаленко, стало известно о «доносе» со стороны киевских русских националистов, а также о готовящемся правительственном решении (Чикаленко, 2011: 90).

Важно подчеркнуть, что в тексте циркуляра украинцев едва ли не впервые на столь высоком уровне признали «инородцами», вопреки доминирующей теории их принадлежности к «большой русской нации». Это не могло не льстить самим украинским националистам. Так, М.С. Грушевский заявил, что «циркуляр следует записать золотыми буквами в историю украинского движения» (Щеголев, 1912: 277). Впрочем, у русских националистов была своя интерпретация этого положения

циркуляра. Так, специализировавшаяся на национальном вопросе проправительственная газета «Окраины России» писала: «Но дело в том, что «украинцы» – не малорусы: южнорусы вошли в единение с русским севером и составляют с ним единое целое, а «украинцы» стремятся оторвать кого только можно от малорусов от общерусской народности и составить какую-то особую, в действительности не существующую народность, враждебную русской. Здесь действующая рука инородческая, и, понятно, что «украинские» общества подходят к инородческим» (*Циркуляр об обществах*: 129). Интересно, что эта трактовка была в определенной мере близка и составителям циркуляра. В одном из черновых вариантов после фразы «в том числе украинских» была сделана рукописная пометка: «т.е. отвергающих единство русского народа и проповедующих украинскую отдельность и самостоятельность – “окремішність і самостійність”» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909 г. Д. 260. Л. 51).

Некоторые люди из правого лагеря, таки или иначе симпатизировавшие «культурному украинофильству», пытались «вразумить» власти. Показателен случай киевского публициста Т.В. Локтя, издателя газеты «Киев», пытавшегося совместить социалистическую и демократическую идеологию с русским национализмом (Иванов, 2008). В феврале 1910 г. Локоть представил генерал-губернатору Ф.Ф. Трепову записку «Государственный национализм и “украинские” организации», в которой предлагал сохранить украинские культурные общества как «безобидные». Конечной целью уступок украинству Локоть видел объединение малороссов и великороссов вокруг идеи «государственного национализма» и борьбы с «еврейским засильем». Украинские общества, наподобие «Просвиты», по его мнению, могли сыграть в этом при участии властей позитивную роль. В канцелярии Министерства внутренних дел посчитали, что Локоть преследует цели, противоположные заявленным. Записка Локтя все же дошла до Столыпина, но идеи его не встретили сочувствия у министра, давшего резолюцию: «Я не разделяю мнения автора» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1123. Л. 18–43об.).

В контексте взаимоотношений украинства и власти интересна реакция на закрытие просвиты со стороны М.С. Грушевского, который 8 апреля 1910 г. записал в своем дневнике: «Просвита закрыта! Сообщил Ж[ебунёв], что Гирс и Трепов очень этого не хотели, но были вынуждены, ибо петербургские черносотенцы надавили на Столыпина» (Гириг, Тодійчук, 2002: 111). Похожие мысли высказывал Евген Чикаленко, считавший Трепова лояльным украинству, но вынужденным под влиянием обстоятельств «не рисковать» (Чикаленко, 2011: 105–106). Чикаленко вообще, если судить по его дневниковым записям, несмотря на постоянные проблемы с охранкой, сохранял веру в «разумность властей», которые не пойдут на поводу у русских националистических организаций¹.

Как видно из приведенных выше сведений и Гирс и Трепов все же выступали за репрессивные меры против просвит. Да и Столыпин соглашался на закрытие обществ без особых колебаний и явно не под давлением «черносотенцев». Впрочем, были ли намерения Гирса и Трепова их искренней инициативой или же они просто действовали в рамках сложившегося тренда и представлений о позиции правительства в национальном вопросе – остается только догадываться.

Тем не менее, неоднозначность восприятия «украинской угрозы» российскими властями подтверждается на материалах других губерний. Было бы неверно, вслед за современными украинскими историками, характеризовать политику российских властей всех уровней в «украинском вопросе» как исключительно репрессивную. Реальность выглядит более сложной и нюансированной. Система отношений власти и украинского движения, установленная столыпинским циркуляром, несмотря на изначальную интенцию министра, ставила принятие решений в зависимость от воли губернаторов, у которых в свою очередь были разные представления о степени угрозы, исходящей от украинских обществ, и о необходимости применять к ним репрессии. В этом отношении показателен пример Новочеркасской просвиты. В начале 1913 г. в ответ на запрос из МВД почему общество продолжает действовать, несмотря на наличие циркуляра 1910 г., наказной атаман Донского казачьего войска В.И. Покатило заявил, что не видит причин для закрытия, т.к. за время существования общества не было отклонений от его устава (РГИА. Ф.1284. Оп. 194. 1910 г. Д. 6. Л. 146). Тем не менее, под давлением МВД и Военного министерства общество было закрыто. Больше повезло украинским националистам в Екатеринославской губернии, где Просвита с многочисленными филиалами на протяжении ряда лет фактически пользовалась покровительством канцелярии губернатора (Зелений, 2005: 12). Именно в начале 1910-х гг., когда по стране прокатилась волна закрытий просвит, в Екатеринославской губернии местные активисты смогли открыть 10 сельских филиалов (Абросимова, 2010: 550).

Другой показательный пример – дело о каменец-подольской «Просвите». По «агентурным данным», собранным губернской полицией, общество значилось как подпольное, а его лидером разные «агенты» называли разных лиц. Вопрос прояснил губернатор, который в своем письме в особый отдел МВД уверил полицейских чиновников, что общество действует легально на основе им же утвержденного устава. Хотя, по мнению губернатора, общество и преследовало «узко национальные цели», его закрытие не представлялось возможным, т.к. подобный шаг мог быть

¹ Как видно из его дневника, окончательно враждебную позицию к самодержавию он занял только после того, как с началом ПМВ была закрыта «Рада».

расценен за границей, особенно в Австро-Венгрии, как притеснения украинцев, что дало бы повод для критики российских властей (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244. 1913 г. Д. 231. Л. 13–18об.).

Так или иначе, к 1914 г. большинство украинских обществ было закрыто, а активность оставшихся минимизирована. Но подобного рода меры, вопреки ожиданиям русских националистов, не привели к исчезновению украинского движения.

Очередной виток репрессий против украинского движения пришелся на 1914 г. и был связан с празднованием юбилея Тараса Шевченко. Циркуляр губернатора, изданный в январе 1914 г. министром внутренних дел Н.А. Маклаковым, ставил фактический запрет на празднование юбилея украинского поэта. В ответ на циркуляр группа из 33 депутатов Государственной думы, кадетов и трудовиков, подала на имя Маклакова и председателя совета министров И.Л. Горемыкина, в котором приводилась история репрессий против украинства со времен столыпинского циркуляра, а также указывалось на незаконность нового циркуляра (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 953. Л. 1–6).

Запрос вызвал дискуссию в стенах Думы, в результате которой правые и кадеты (в лице Милюкова, выступившего адвокатам украинства) фактически повторили ставшие традиционными позиции по украинскому вопросу. Запрет на празднование юбилея Шевченко также стал поводом для дискуссий в прессе, а шевченковско-украинская тема несколько месяцев не сходила со страниц газет. Хотя Дума и отклонила запрос инициативной группы на заседании 5 марта 1914 года (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 953. Л. 10), в правительстве на него обратили внимание. Было начато составление различных справок о сущности «мазепинского движения». Интерес представляет справка Департамента полиции от 28 марта 1914 г., где в отличие от других документов подобного рода подчеркивалось наличие диаметрально противоположных взглядов на «мазепинскую угрозу» и между прочем замечает, что «ни агентурным путем, ни негласными сведениями не добыто фактических указаний на рост или осуществление в Киевской губернии «мазепинского движения», как об этом пишет известный националист А.И. Савенко» (РГИА. Ф. 1004. Оп. 2. Д. 131. Л. 7).

Но очередной виток дискуссий по «украинскому вопросу» был прерван Первой мировой войной. Ее начало стало новым этапом взаимоотношений украинского национального движения и власти. Украинцы ввиду того что проживали по обе стороны линии фронта вошли в число «подозрительных» этнических групп, что в условиях нарастающей шпиономании означало ужесточение репрессивных мер. Уже на третий день с начала войны была закрыта «Рада» и другие издания на украинском языке. Украинские организации и лица, связанные с движением попали под строгий надзор. К началу революции из крупных украинских организаций на территории малороссийских и новороссийских губерний продолжала работу только Николаевская просвита.

5. Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать несколько выводов. Новые социально-политические условия, порожденные Революцией 1905–1907 гг. привели к возрождению и росту украинского национального движения в Российской империи. На первых порах высшая государственная власть никак не реагировала на это явление, рассматривая его, как одну из форм «революционного брожения». Реакция же местных властей сильно зависела от места, контекста и конкретных людей, вступавших во взаимодействие с украинскими активистами. Только в 1908–1909 гг. на движение обратили пристальное внимание в Петербурге. Важнейшую роль в выработке правительственной политики сыграли русские националистические организации, развернувшие в прессе мощную антиукраинскую кампанию.

Важной вехой украинско-российских отношений стал циркуляр 20 января 1910 года. Но на практике он имел скорее символический эффект, сохранив практику принятия конкретных решений на уровне губернских властей. После обнародования циркуляра репрессии против украинского движения хоть и усилились, но все же не стали всеобъемлющими. В целом, продолжился тренд на постепенное закручивание гаек. В 1914 г. украинский вопрос вновь был поднят на общеимперском уровне. Вероятно, в этот момент мог произойти некоторый пересмотр политики в отношении украинцев (что, например, наблюдалось на некоторых других окраинах в эти же годы), но эти процессы были прерваны начавшейся войной.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации гранта РНФ № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

Литература

Абросимова, 2010 – Абросимова С. Катеринославська “Просвіта” у культурно-громадському житті Наддніпрянщини (За матеріалами епістолярної спадщини академіка Дмитра Яворницького) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2010. Вип. 19. С. 548–551.

Бардаш, 2011 – Бардаш О.Д. Російське самодержавство та суспільно-культурне життя в Україні на початку ХХ століття (1900–1917 рр.). Київ: Укр. пріоритет, 2011. 208 с.

Борьба за язык – Борьба за язык: публикация документов // *Ab imperio*. 2005. № 2. С. 331–367.

- Борjak, 2013** – Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914). Збірник документів і матеріалів / відп. ред. Г. Борjak. Київ, 2013. 810 с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гириг, Тодійчук, 2002** – *Гириг І., Тодійчук О.* Щоденник М. Грушевського за 1910 р. // Український історик. 2002. № 1-4. С. 96–127.
- Заречный, 2009** – *Заречный А.* История и этапы появления украинцев в Азербайджане // Ethno Globus. URL: <http://ethnoglobus.az/index.php/narody/clavyane/item/848-история-и-этапы-появления-украинцев-в-азербайджане> (Дата обращения: 12.01.17)
- Звідомлення Товариства Просвіта** – Звідомлення Товариства Просвіта у Києві за 1910 рік. Київ, 1910. 64 с.
- Зелений, 2005** – *Зелений В.М.* Становлення та діяльність товариства «Просвіта» Катеринославської губернії у 1905–1922 рр.). Харьков. Автореф. дис. ... канд. наук, 2005.
- Иванов, 2008** – *Иванов А.* Профессор Т.В. Локоть: путь русского националиста // Имперское возрождение: журн. полит. аналитики. 2008. № 3. URL: <http://fondiv.ru/articles/3/290/> (Дата обращения: 26.12.2016).
- Киевлянин** – ежедневная газета консервативного монархического направления.
- Кондуфор, 1983** – История Украинской СССР в 10 томах / Под. ред. Ю.Ю. Кондуфора. Т. 5. Киев: Наукова думка, 1983. 558 с.
- Коцюбинский, 2001** – *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
- Миллер, 2000** – *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб: Алетейя, 2000. 260 с.
- Михутина, 2003** – *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: Институт славяноведения РАН, 2003. 288 с.
- Перський, 1932** – *Перський С.* Популярна історія товариства «Просвіта». Львів: Накладом Т-ва «Просвіта», 1932. 271 с.
- Підкова, Шуст, 1999** – Довідник з історії України. / За ред. І. Підкови та Р. Шуста. Т. 2. Київ, 1999 // Сайт «Історія України» <http://history.franko.lviv.ua> (дата обращения 16.01.2017).
- Рада** – ежедневная украинская газета либерального направления.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Циркуляр об обществах** – Циркуляр об обществах и союзах инородцев // Окраины России. 1910. № 9. С. 129–130.
- Чикаленко, 2011** – *Чикаленко Є.* Щоденник (1907–1917). Київ: Темпора, 2011. 480 с.
- Щеголев, 1912** – *Щеголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев: Тип. И.Н. Кушнерев и Ко, 1912. 588 с.
- Щеголев, 1914** – *Щеголев С.Н.* Современное украинство, его происхождение, рост и задачи. Киев, 1914. 160 с.

References

- Abrosimova, 2010** – *Abrosimova S.* (2010). Katerynoslavs'ka "Prosvita" u kul'turno-gromads'komu zhytti Naddniprojanshhyny (Za materialamy epistol'jarnoji spadshhyny akademyka Dmytra Javornyc'kogo) [Yekaterinoslav "Prosvita" in the cultural civil life of the Naddniprojanshyna (on the materials of epistolary heritage of the academician Dmytro Yavornytsky)]. *Ukrajina: kul'turna spadshhyna, nacional'na svidomist', derzhavnist'*. Vyp. 19. pp. 548–551.
- Bardash, 2011** – *Bardash O.D.* (2011). Rosijs'ke samodержavstvo ta suspil'no-kul'turne zhyttja v Ukrajinі na pochatku XX stolittja (1900–1917 rr.) [The Russian Autocracy and socio-cultural life in the Ukraine in early XX century]. Kyjiv: Ukr. pryorytet. 208 p.
- Bor'ba za jazyk** – Bor'ba za jazyk: publikacija dokumentov [The Struggle for the Language]. *Ab imperio*. 2005. № 2. pp. 331–367.
- Borjak, 2013** – *Ukrajins'ka identychnist' i movne pytannja v Rosijs'kij imperii: sproba derzhavnogo reguljuvannja (1847–1914)* [The Ukrainian Identity and the Language Question in the Russian Empire. The attempt of the State Regulation (1847–1914)]. Zbirnyk dokumentiv i mateialiv / vidp. red. G. Borjak. Kyjiv:, 2013. 810 p.
- Cirkuljar ob obshhestvah** – Cirkuljar ob obshhestvah i sojuzah inorodcev [Circular on the Societies and Unions of the non-Russians] // *Okrainy Rossii*. 1910. № 9. pp. 129–130.
- ГАРФ** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of Russian Federation].
- Girig, Todijchuk, 2002** – *Girig I., Todijchuk O.* Shhodennik M. (2002). Grushevs'kogo za 1910 r. [The Diary of M. Hrushevs'ki of 1910]. *Ukrains'kij istorik*. № 1-4. pp. С. 96–127.
- Zarechnyj, 2009** – *Zarechnyj A.* (2009). Istorija i etapy pojavlenija ukraincev v Azerbajdzhane [The history and Stages of the Appearance of the Ukrainians in Azerbaijan]// Ethno Globus URL: <http://ethnoglobus.az/index.php/narody/clavyane/item/848> istorija-i-jetapy-pojavlenija-ukraincev-v-azerbajdzhane (Data obrashhenija: 12.01.17)
- Zvidomlennja Tovarystva Prosvita** – Zvidomlennja Tovarystva Prosvita u Kyjevi za 1910 rik [The Report of the "Prosvita" Society in Kiev in 1910]. Kyjiv, 1910. 64 p.

[Zelenyj, 2005](#) – *Zelenyj V.M.* (2005). Stanovlennja ta dijaj'nist' tovarystva «Prosvita» Katerynoslavs'koji guberniji u 1905–1922 rr [The Formation and Activity of the Yekaterinoslav Gubernia “Prosvita” Society in 1905–1922]. Har'kiv. Avtoref. dis. ... kand. nauk.

[Ivanov, 2008](#) – *Ivanov A.* (2008). Professor T.V. Lokot': put' russkogo nacionalista [Professor T.V. Lokot: the Life of Russian Nationalist]. *Imperskoe vozrozhdenie: zhurn. polit. analitiki*. № 3. URL: <http://fondiv.ru/articles/3/290/> (Data obrashhenija: 26.12.2016).

[Kievljanin](#) – ezhednevnaia gazeta konservativnogo monarhicheskogo napravlenija [Daily conservative and monarchist newspaper].

[Kondufor, 1983](#) – Istorija Ukrainskoj SSSR [History of the Ukrainian SSR]v 10 tomah / Pod. red. Kondufora Ju.Ju. T. 5. Kiev: Naukova dumka, 1983. 558 p.

[Kocjubinskij, 2001](#) – *Kocjubinskij D.A.* (2001). Russkij nacionalizm v nachale XX stoletija. Rozhdenie i gibel' Vserossijskogo nacional'nogo sojuza [Russian Nationalism in Early XX century. The Birth and Death of the All-Russian National Union]. M.: ROSSPJeN. 528 p.

[Miller, 2000](#) – *Miller A.I.* (2000). «Ukrainskij vopros» v politike vlastej i russkom obshhestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX veka) [The “Ukrainian Question” in the Governmental Policy and Russian Public Opinion (Second Half of XIX)]. SPb: Aletejja. 260 p.

[Mihutina, 2003](#) – *Mihutina I.V.* Ukrainskij vopros v Rossii (konec XIX – nachalo XX veka) [Ukrainian Question in Russia (late XIX early XX centuries)]. M.: Institut slavjanovedenija RAN, 2003. 288 p.

[Pers'kij, 1932](#) – *Pers'kij S.* (1932). Populjarna istorija tovarystva «Prosvita» [The Popular History of “Prosvita” Society]. L'viv: Nakladom T-va “Prosvita”. 271 p.

[Pidkova, Shust, 1999](#) – Dovidnyk z istoriji Ukrajinj [Reference Book on the History of the Ukraine]. / Za red. I. Pidkovy ta R. Shusta. T. 2. Kyjiv, 1999. // Sajt «Istorija Ukrajinj» <http://history.franko.lviv.ua> (data obrashhenija 16.01.2017).

[Rada](#) – ezhednevnaia ukrainskaja gazeta liberal'nogo napravlenija [Daily Ukrainian liberal newspaper].

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]

[Chikalenko, 2011](#) – *Chikalenko Je.* (2011). Shhodennyk [Diary] (1907–1917). Kyjiv: Tempora. 480 p.

[Shhegolev, 1912](#) – *Shhegolev S.N.* (1912). Ukrainskoe dvizhenie kak sovremennyj etap juzhnorusskogo separatizma [Ukrainian Movement as a Modern Stage of Russian Separatism]. Kiev. 558 p.

[Shhegolev, 1914](#) – *Shhegolev S.N.* (1914). Sovremennoe ukrainstvo, ego proishozhdenie, rost i zadachi [Modern Ukrainianism, its origin, growth and scopes]. Kiev. 160 p.

УДК 94(477)

Украинское национальное движение и власть в позднеимперской России, 1905–1914 гг.

Геннадий Григорьевич Матишов^a, Олег Андреевич Гром^{a, b}

^a Южный научный центр РАН, Российская Федерация

^b Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

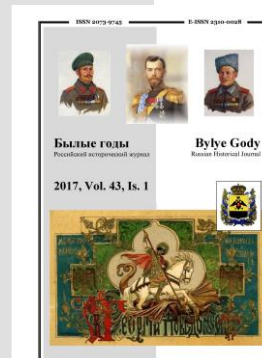
Аннотация. Статья посвящена истории взаимоотношений украинского национального движения и российских властей в период между революцией 1905–1907 гг. и Первой мировой войной. Рассмотрены основные этапы эволюции украинского движения в начале XX века. Показана ключевая роль русских националистических организаций, прежде всего Киевского клуба русских националистов, в выработке правительственной политики в украинском вопросе. Центральное место в статье отведено генезису столыпинского циркуляра 1910 г. об инородческих обществах и его последствиям для украинского движения.

Ключевые слова: украинский вопрос, национальное движение, правительственная политика, просвита.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 238-247, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.238
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

The Influence of State-Confessional Policy on the Situation of Muslim Organizations in Western Siberia in 1905 – the beginning of 1917 years

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Elena A. Shershneva^a

^a Altay State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the situation of Muslim communities in Western Siberia in the period between the two Russian revolutions (1905 – the beginning of 1917 years) in the framework of the government's state-confessional policy. Based on the analysis of archival documents and legal acts the authors conclude that the attitude of the state towards muslims in the Russian empire, despite all political changes, was based on the attempts to consolidate the indigenous component with the Russian ethnos. The events of 1905 year engendered from the muslim population of the country hope to change their situation, and strengthened the desire to religious autonomy. However, the government continues to build its policy so that controlled virtually all spheres of life of the Muslim community. The events of the First Russian revolution contributed to the birth of activity in the muslim world in defending their rights, which led to the manifestation of some exemptions from the state in relation to the Ummah. It was during this period muslims see an opportunity to assert their rights at the legislative level, form their own political movements and are part of the State Duma. Quite noticeable was the participation of Muslims in the Russian army during the First world war. In this regard not by chance that the muslims received the right to perform prayers and approval of the clergy of the muslim faith to the troops. In this case they were equalized in rights with the regimental priests. At the same time, despite the active position of the muslim community, however, by the beginning of 1917 still have quite a lot of unresolved issues and problems related to the device life of the muslim community. One of the most difficult and unsolved problems remained a problem of national education for the aboriginal population professing islam.

Keywords: Islam, Russian Empire, Church-state policy, Mullah, madrassa, Siberia

1. Введение

Начало XX в. ознаменовалось для России рядом серьезных политических потрясений, связанных с революционными событиями внутри страны и Первой мировой войной. Данные процессы оказали существенное влияние на курс государственно-конфессиональной политики, проводимый правительством. Отдельное внимание в такой политике отводилось мусульманским народам Российской империи. К началу XX в. мусульмане, ставшие в стране второй по численности приверженцев концессией, оказались в центре политических преобразований. Это не могло не сказаться на внутреннем устройстве религиозной общины. Принятие 17 апреля 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости» ([Полное собрание законов Российской империи, 1908: 256–262](#)) стало новой отправной точкой по включению мусульманского населения в политические процессы, происходившие в данный период в стране.

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpn.asu.ru (Petr K. Dashkovskiy), D2703@yandex.ru (Elena A. Shershneva)

2. Материалы и методы

Наиболее объективно рассмотреть роль мусульманских общин в контексте государственно-конфессиональной политики и политических потрясений в стране в начале XX в. позволяют архивные материалы, а так же правовые акты данного периода. Архивные источники представлены циркулярными распоряжениями, прошениями мусульман и письмами, направленными представителями мусульманского духовенства на имя Императора. Особое значение имеют законодательные акты по регулированию жизни мусульманских общин в российском государстве. При подготовке статьи использовались, прежде всего, материалы Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, Государственного архива Томской области и Государственного архива г. Тобольска. Статья построена на методологических принципах историзма, которые позволяют рассматривать процессы, происходившие в стране через призму государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских народов. В методической части при подготовке статьи авторы использовали проблемно-хронологический и ретроспективный методы. Проблемно-хронологический метод позволил рассмотреть государственную политику в отношении мусульманских народов в период политических потрясений в 1905 – начала 1917 гг., а также установить особенности правового регулирования образа жизни мусульманских общин в Российской империи. Ретроспективный метод дал возможность выявить причины возросшей активности в мусульманской среде в начале XX столетия.

3. Обсуждение

Проблемами положения мусульманских общин на территории Российской империи в начале XX в. занимались С.М. Исхаков, И.В. Нам, Д.В. Прахт, Л.М. Дамешек и некоторые другие исследователи. В работах данных авторов указывается на активную роль мусульманского населения после революционных событий 1905 г., которые стали переломным моментом в судьбе мусульманской уммы Российской империи (Исхаков, 2007; Нам, 2009). Отдельное внимание учеными уделялось проблемам реформирования системы школьного конфессионального образования, как института по формированию нового типа мусульманской интеллигенции (Прахт, 2011; Нам, 2009; Нам, 2000). Другим направлением научного изучения положения мусульманских общин в начале XX в., становится проблема их взаимоотношения с Русской православной церковью, которая фактически являлась государственным институтом (Файзрахманов, 2002; Дамешек, 1986). Особое место в вопросе положения мусульман Российской империи в период между двух революций, занимает проблема участия инородческого населения в вооруженных силах. Исследователями неоднократно отмечена особая преданность мусульман русскому государству, которая наиболее наглядно проявилась именно в период Первой мировой войны (Абдуллин, 2006; Абдуллин, 2007; Загидуллин, 2006; Жильцов, 2007).

4. Результаты

В рамках изучаемой проблематики статьи было установлено, что политика государства в начале XX в. ставила своей задачей полный контроль за жизнью мусульманской общины страны, в т.ч. и в Западной Сибири. Особое внимание правительство уделяло системе инородческого школьного образования, так как именно оно формировало новый тип мусульман, способных отстаивать свои права и интересы. Проблема школьного инородческого образования вставала перед государством еще в XIX в., когда были сформулированы основные принципы национального образования. В основу школьного образования в тот период были положены разработки Н.И. Ильминского, построенные на принципах русификации и христианизации инославного компонента в Российской империи. Данная система не принесла желаемых результатов, а напротив, привела к появлению новой интеллигенции среди мусульманского населения и к формированию национального самосознания (Нам, 2009: 103; Христианское просвещение..., 2012: 18–25).

Следует отметить, что намечившиеся в начале XX в. преобразования в стране, привели к проявлению активной политической позиции мусульман. Это обстоятельство не могло не обеспокоить правительство. Единственной мерой, способной сдержать зарождающуюся активность среди мусульман, государство видело в реформировании именно школьного образования. В связи с этим Министерством народного просвещения в 1904 г. была организована проверка системы народного образования, которую возглавил тайный советник А.С. Буделович. В мае 1905 г. состоялось совещание, на котором были подведены итоги проверки и поставлен вопрос об отношении правительства к системе мусульманского образования. Одним из важнейших моментов данного совещания стала проблема определения роли государства в устройстве мусульманской системы образования, т.к. оно тесным образом было связано с конфессиональной составляющей (Бурдина, 2007: 278–279; Шершнева, 2012: 266). Результатом данного собрания стало принятие Министерством народного просвещения 31 марта 1906 г. правил контроля системы инородческого образования в Российской империи. Следует подчеркнуть, что данные правила были крайне враждебно встречены мусульманской общественностью. Вмешательство государства в сферу конфессионального образования приводило, по ее мнению, к потере национального самосознания, т.к. осуществлялось насильственное приобщение к русской культуре. Мусульманская общественность сочла необходимым

обратить внимание на уже сложившуюся стройную систему школьного образования в мусульманской среде, представленную такими учебными заведениями, как медресе и мектебе. Данные учебные заведения имели свою программу, а так же учебную литературу и были направлены не только на решение образовательных задач, но и на воспитание религиозности в мусульманской среде. Поставленные перед мусульманскими учебными заведениями задачи, по мнению верующих, никак не могли решать чиновники, являющиеся представителями Министерства народного просвещения. В связи с этим мусульманская общественность полагала, что данные учебные заведения могут подчиняться только Оренбургскому магометанскому духовному собранию. В рамках установления некоторых компромиссов, отмечалось, что мусульмане нуждаются в создании нового типа школ. Однако это должны были быть сельскохозяйственные и технические школы, которые позволят подрастающему поколению приспособиться к условиям жизни и не будут касаться религиозных устоев мусульманской общины (ЦГИР РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 95–97).

В связи с недовольством принятыми правилами организации инородческого образования, Оренбургским магометанским духовным собранием было составлено обращение к правительству, где подробно указывались те пункты, которые противоречили устройству мусульманского образа жизни. В свою очередь, мусульманской фракцией было подано прошение на рассмотрение Государственной Думы об отмене указанных правил (ЦГИР РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 115–117об.). В результате активной позиции мусульманской общественности принятые правила были отменены, а вместо них 1 ноября 1907 г. были приняты Правила о начальных училищах для инородцев. Данный документ сделал значительные уступки в формировании системы школьного мусульманского образования и в первую очередь, это касалось языка преподавания. Согласно новому документу разрешалось использование родного языка в рамках преподавания, но только в качестве дополнительного (Национальная политика России..., 1997: 132).

Нужно подчеркнуть, что представители мусульманской интеллигенции, ведя активную борьбу с вмешательством правительства в систему национального школьного образования, видели потребность в её реформе. В частности, И.Б. Гаспринским были разработаны новые принципы системы школьного мусульманского образования, получившее в дальнейшем название «новометодных» школ. Именно в рамках данных учебных заведений формировалась новая мусульманская интеллигенция, проявившая себя активно в первые полтора десятилетия XX в. (Практ, 2011: 34). Мусульмане-«прогрессивисты» видели своей задачей приближение конфессиональной школы к европейскому уровню. Они считали необходимым введение ряда светских наук в медресе, но вмешательство в духовную составляющую образования считали недопустимым (Нам, 2000: 78). Особое внимание уделялось языку, на котором преподавались предметы. Так, И.Б. Гаспринский видел необходимость изучения русского языка, но только в системе Высшего образования. В начальных школах для получения общеобразовательных, а также прикладных знаний, более полезным считалось преподавание на родном языке, который оказывал влияние и на воспитание подрастающего поколения (Гаспринский, 1992: 111).

Несмотря на все попытки преобразования системы мусульманского образования, религиозное воспитание оставалось одним из важнейших вопросов. Именно за незыблемость религиозных традиций выступала даже прогрессивная общественность, понимая потребность в реформировании системы самого образования. Особая роль в системе мусульманского школьного образования отводилась духовенству, что вызывало обеспокоенность со стороны государства. В связи с этим правительство всячески стремилось ограничить влияние духовных лиц в рамках системы образования. В частности, министром внутренних дел С.Е. Крыжановским, занимающим данную должность с 1906 г., было отправлено обращение к Оренбургскому магометанскому духовному собранию. В обращении указывалось со ссылкой на законодательство, что преподавание в обязанности духовенства не входит (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 12; Свод законов Российской империи, 1912: 135). Подобного рода обращения были не единичны. Так, еще в 1905 г. правительство обратилось к Оренбургскому магометанскому духовному собранию с просьбой издать циркулярное предписание, по которому следовало запретить выдачу свидетельств лицам иностранного происхождения, ведущих активную просветительскую деятельность среди мусульманского населения (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 263–263об.). Данные распоряжения были не случайны, так как к началу XX в. на территории Российской империи активизировали деятельность зарубежные духовные лидеры, активно ведущие проповедь и среди мусульманского населения страны. Полученные ими знания никакой проверки со стороны Оренбургского магометанского духовного собрания не подвергались. В этой связи, по мнению Министерства внутренних дел, распространение неподконтрольных религиозных идей может напрямую угрожать государственным интересам (ЦГИР РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 53).

Следует обратить внимание на то, что к 1910 г. созданные по системе И.Б. Гаспринского «новометодные» школы, перешли на светскую систему образования. При этом были оставлены некоторые послабления, в т.ч. изучение арабского и персидского языков, вместо греческого и латинского (Духовные ценности ислама..., 2008: 61). Формирование данных школ привело к увеличению в 1913 г. числа мусульман, обучающихся в светских учебных заведениях (Исаков, 2007: 306). «Новометодные» школы вызывали особое опасение со стороны правительства, так как порождали новый тип

мусульманской интеллигенции, способной отстаивать свои права. В этой связи не случайно, что в период с 1912 по 1913 гг. правительство приняло решение о закрытии «новометодных» школ в Западной Сибири (Нам, 2000: 84). В связи с множеством послаблений, допущенных правилами 1907 г., правительство лишилось контроля за мусульманскими общинами в сфере образования. Ведение преподавания на родном языке не способствовало освоению русского языка, а также противоречило интересом государства в непростой для него период. Результатом анализа сложившейся ситуации, стало изменение и ужесточение правил для начальных школ. 14 июня 1913 г. был принят по инициативе министра народного просвещения Л.А. Кассо новый документ под названием «Правила о начальных училищах для инородцев». Согласно новым правилам существенно усиливался контроль за мусульманским образованием, а также вводилось обязательное изучение русского языка даже в младших классов (Нам, 2009: 105).

Нужно отметить, что принятие новых правил вызвало опасение со стороны мусульманской общественности. Создание правительством нового типа учебных заведений, сформировало недоумение в мусульманской среде, т.к. в них выдвигались особые требования к учителям. Одним из требований новых правил становится обязательное отсутствие духовного звания учителя и знание русского языка. Особенно это требование распространялось на учителей мусульманского права и татарского языка (ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 17. Л. 65). Министерство народного просвещения обосновывало данные меры тем, что во многих мусульманских школах большое внимание уделялось изучению молитв, а не наукам, что не способствовало интеграции мусульманского населения в единый русский народ (ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 505). В результате такой государственной позиции началось закрытие ряда мусульманских школ, т.к. они получали разрешение на свое существование согласно ранее принятым правилам и не учитывали требования 1913 г. Такая ситуация наглядно наблюдалась в разных регионах страны, в т.ч. и в Западной Сибири, например в г. Барнауле (Нам, 2009: 105). Второе десятилетие XX в. ознаменовалось окончательно установившемся контролем со стороны государства за инородческими школами. В 1915 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий потребовал, чтобы Оренбургское магометанское духовное собрание предоставило всю учебную документацию, на основе которой строилась система конфессионального образования (ЦГИР РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 55).

После принятия в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости» мусульмане ожидали от правительства существенных изменений в своей жизни. Однако вместо этого государство стремилось всячески сдерживать зарождение новых идей в мусульманской общественной мысли (Исхаков, 2007: 309). Основным помощником в решение поставленных перед собой задач, правительство видело Русскую православную церковь. Интеграцию мусульманского населения империи в единый русский народ государство всегда рассматривало, прежде всего, через принятие православия. Главным орудием имперской власти в этом вопросе становится миссионерская деятельность, проводимая Русской православной церковью. Еще начиная с 1887 г. в рамках миссионерских съездов рассматривались вопросы, касающиеся успеха привлечения мусульманского населения к православной традиции. Данный успех был зачастую связан с поддержкой со стороны правительства путем предоставления льгот новокрещенным. В 1910 г. в Казане в рамках миссионерского съезда поднимался вопрос о возврате крещеных мусульман в исламскую традицию. Этот вопрос был затронут не случайно, т.к. после принятия в 1905 г. Закона о началах веротерпимости (Свод законов..., 1912: 75), мусульмане, ранее принявшие православие с целью получения экономических поощрений, существенно утратили глубину религиозной веры. Определенным подтверждением того, что мусульмане искали выгоду в принятии православия, служит, например, прошение ссыльного крестьянина Енисейской губернии Красноярского уезда на имя Томского епископа от 1907 г. В этом прошении он просит разрешить ему принять православие в связи с тем, что исполнять нормы ислама в Сибири проблематично (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л. 75–75об.). И такого рода прошения были далеко не единичны. Указанное прошение не имело под собой реальных оснований, т.к. в нем говорилось об отсутствие в Сибири мечетей и мусульманского населения. Однако, согласно имеющимся данным, в Западной Сибири уже к 1851 г. действовало 188 мечетей (Файзрахманов, 2002: 364). Следует, конечно, отметить, что мечети имелись не во всех населенных пунктах, а строительство их велось на основании действующего законодательства, в котором их постройка исчислялась количеством душ мужского пола на один приход. Исходя из законодательных нормативов, к началу XX в. на территории Томской губернии имелось 48 мечетей, которые согласно статистическим данным, посещало 8539 мусульман мужского пола (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 2. Д. 8. Л. 835 об.–884).

Важно обратить внимание на то, что возвращение крещенного мусульманского населения в ислам рассматривается как вопрос не только сугубо церковный, но и на государственном уровне. Неслучайно Русской православной церковью были разработаны меры по прекращению данного процесса как в Западной Сибири, так и на территории всей Российской империи. Так, 15 июля 1905 г. Томским и Барнаульским архиепископом были приняты правила для принятия в православную веру лиц иудейского и мусульманского вероисповедания. Согласно этим правилам, крещение мусульманина становилось не формальным актом, совершенным священником, а осознанным решением. Священник должен был, прежде всего, наставлять желающего принять православие. Только убедившись в его готовности креститься, священник мог об этом доложить епархиальному

начальству, приложив необходимую расписку. В тоже время миссия священника не ограничивалась только вопросами крещения. Согласно данным правилам священник должен был и после самого крещения нового последователя православия наставлять и контролировать его в вопросах соблюдения правил христианской веры (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л. 20–21).

Необходимо подчеркнуть, что с принятием закона о веротерпимости в некоторой степени обостряются межконфессиональные отношения. Мусульманские муллы видят свою задачу, прежде всего, в том, чтобы начать активную открытую проповедническую деятельность среди мусульманского населения. Православная церковь в свою очередь терпит неудачи на миссионерском поприще, поэтому не случайно уже в 1906 г. снижается количество инородцев, желающих креститься. В рамках деятельности Алтайской духовной миссии не было крещено ни одного представителя мусульманского вероисповедания. В Киргизской миссии число новообращенных в православие составило лишь 19 человек, из которых киргизов (казахов) всего 8 (Дамешек, 1986: 156).

Усиление роли мусульманского духовенства, а также попытка возрождение национального самосознания, стимулировало активность со стороны конфессиональной общественности, направленную на улучшение жизни общины. В результате мусульмане стали посылать обращения в губернские органы власти с ходатайствами о содействии им в устройстве религиозной жизни. Свидетельством этого может служить ходатайство переселенцев Тобольской губернии 1914 г., о выдаче ссуды или безвозвратного пособия на сооружение школьного здания (ГБУТО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 815. Л. 1а). Дальнейшее содержание этого учреждения община гарантировала уже за свой счет.

Мусульманская община, как правило, выбирала доверенное лицо, которое должно было вести переписку с губернскими органами о разрешении на строительство культового здания и отстаивании прав его доверителей. Так, например, в 1910 г. Н. Шагабетдиновым было отправлено прошение от общины г. Кургана о разрешении на постройку мечети. Строительство здания община обязывалась выстроить за счет собственных пожертвований. При этом к прошению уже сразу был приложен проект строительства (ГБУТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 783. Л. 10б.). Однако правительство не стремилось к содействию развития мусульманских общин, а напротив всячески сдерживало обустройство религиозной жизни. Об этом, в частности, свидетельствуют затянувшиеся ответы на прошения мусульманской общины и запреты на строительство культовых зданий в связи с отсутствием в достаточном количестве финансов (Дашковский, Шершнева, 2015).

Следует подчеркнуть, что к началу XX в., несмотря на все попытки государства ограничить мусульман в их правах, они все более стали чувствовать реальную возможность выступать единым фронтом и отстаивать свои позиции. Постепенно начинает проявляться интерес и к общегосударственным вопросам, нашедший свое отражение в выборах в Государственную Думу. Несмотря на верность императорской власти, традиционной системе управления в мусульманской среде все больше начинает просыпаться стремление к познанию, интерес к политике, чувство собственного достоинства. Неслучайно 1905 г. стал годом зарождения новых идей в мусульманской общественной мысли (Исхаков, 2007). В рамках своей деятельности, мусульмане видели задачей не формирование новой политической системы, а в первую очередь, духовную независимость и развитие конфессионального образования (Алекторов, 1906: 133). Уже на I мусульманском съезде, состоявшемся в августе 1905 г. в Нижнем Новгороде, мусульманская интеллигенция выступила за уравнение мусульман в политических, гражданских и религиозных правах с русским населением Российской империи (Маркова, 2007: 75).

Необходимо отметить, что революционные события в стране способствовали определенной политизации ислама. Особенно это коснулось мусульманского движения джадидизма, распространенного на территории Томской губернии. Именно в рамках данного движения формируется мусульманская партия «Иттифак-эль-муслимин» («Союз мусульман») (Нам, 2009: 77). В 1905 г. делегатом на II съезд мусульман (1906 г.) был выбран от Томской губернии Хамза Хамитов. В мае 1906 г. в «Сибирской газете» был напечатан призыв к мусульманам Томска голосовать за список кандидатов «Союза 17 октября». Данный призыв свидетельствует о праволиберальной настроенности прогрессивной мусульманской общественности в рамках политических преобразований в стране. В 1909 г. в г. Томске зарегистрировали общество мусульман-прогрессивистов, получившее известность как самое деятельное движение не только в Сибири, но и в Европейской части России (Маркова, 2007; Нам, 2009: 78). В 1915 г. государством было принято решение о закрытии общества мусульман-прогрессивистов. Причиной его закрытия стала усилившаяся борьба государства с национальными организациями. Членов данного общества обвинили в причастности к панисламистским идеям. Однако запрет на его регистрацию со стороны государства не способствовал полному исчезновению этого движения. Представители мусульманской интеллигенции оказывали помощь, вели активную просветительскую работу. По просьбе джадидистов был открыт комитет помощи больным и раненым войнам (Маркова, 2007: 78). В 1916 г. мусульманское общество прогрессивистов возродилось с новым названием, как Мусульманское благотворительное общество, продолжив свою работу по просвещению мусульманского населения Томской губернии (Нам, 2009: 79).

Особенно пристальное внимание со стороны правительства было обращено к мусульманам в вооруженных силах. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война не могла не затронуть интересов и мусульман, проживающих на территории Российской империи. Вопросы, связанные с армией, участием мусульман в боевых действиях стали как никогда актуальными. Правительство видело своей

задачей воспитание патриотизма в мусульманской среде, а главную роль в этом должно было сыграть духовенство, численность которого к 1911 г. постепенно возросла (Фархштанов, 2006: 292). Несмотря на то, что правительство видело в мусульманском духовенстве союзника по воспитанию духа патриотизма в мусульманской среде, отношение к нему было крайне настороженным. Мусульманское духовенство испытывало на себе ряд ограничений, которые касались, в том числе и несения воинской повинности. Священнослужители-мусульмане освобождались от обязательной военной службы лишь до 1874 г., и только в 1912 г. данное право было восстановлено (Загидуллин, 2006: 68). При этом нужно подчеркнуть, что освобождение духовенства от воинской повинности не привело к увеличению его численности в вооруженных силах в качестве духовных наставников солдат.

Проблема присутствия мулл в войсках привела к созыву 15 февраля 1906 г. в Уфе совещания представителей уммы для решения вопроса о духовном устройстве жизни мусульман, несущих военную службу. На совещании муфтием было представлено письмо, направленное еще в 1903 г. Императору Николаю II, по проблеме упразднения должности военных мулл. В письме было указано, что численность мусульман, привлеченных на военную службу, составляла 40 тыс. человек. При этом их численность, в связи с осложнившимися политической обстановкой, постепенно увеличивалась. Так, в Сибири мусульман, несших военную службу в 1878 г. насчитывалось 840 человек, а к 1905 г. их число составляло уже 1279 человек (Андреев, 1994: 5). В связи с тем, что в войсках отсутствовали муллы, то от солдат на имя муфтия стали поступать жалобы об их угнетенном состоянии. Связанно это было, прежде всего, с невозможностью выполнения военнотрудовыми необходимыми духовными треб (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 81–810б.). На сложившуюся ситуацию обратил внимание лично Николай II, который дал распоряжение позаботиться об уволенных из войск мулл, а также провести анализ количества мусульман в войсках и оценить потребности выполнения ими культовых действий (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 82). Согласно статистическим данным в вооруженных силах Российской империи на 10 октября 1905 г. насчитывалось 275 мусульман-офицеров и около 30000 низших чинов. Несмотря на такое количество мусульман, иметь в военной части муллу высказали представители лишь трех военных округов. Военное начальство сочло это не столь необходимым, т.к. постоянных треб в мусульманской традиции нет. Особое внимание на совещание было уделено вопросу уравнение мусульманских мулл в материальном положении с полковыми православными священниками (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 84). На совещание было установлено, что в обязанности муллы должно входить отправление различных религиозных культов, а не только принятие присяги и погребение умерших людей. Достаточно остро ставился вопрос о необходимости увеличения численности мулл в войсках. Было так же предложено организовать отдельные мусульманские полки. Указывалась и необходимость на создание специальных помещений для совершения молитвы. По итогам совещания в Департамент духовных дел иностранных исповеданий были переданы следующие требования: увеличить число военных мулл; уравнять в правах духовных лиц мусульманского вероисповедания с полковыми священниками. Еще одно предложение заключалось в том, чтобы объединить мусульман в единые воинские части, т.к. их разобщенность приводила к не соблюдению религиозных обрядов и затрудняло воспитание нравственности (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 86 об.).

В годы Первой русской революции военнотрудовые мусульмане, надеясь на преобразования в стране, обратились с просьбой в Департамент духовных дел иностранных исповеданий о предоставлении им права на соблюдение обрядов, а также просили исключить из рациона питания свинину. Однако в 1906 г. мусульмане получили отказ в данной просьбе. Генеральным штабом по этому поводу давалось разъяснение, что в связи с разрозненностью и не многочисленностью военнотрудовых, исповедующих ислам, организация отдельного питания для них проблематична (Загидуллин, 2006: 61). В тоже время активная позиция мусульман в начале XX в. отстаивании своих прав привела к принятию 19 июня 1908 г. документа, утверждающего штатное мусульманское духовенство в военных частях. В рамках этого документа, муллы приравнялось в войсках в своих правах к священнослужителям других вероисповеданий (Абдуллин, 2006: 273; Полное собрание законов Российской Империи, 1911: 368).

Важно подчеркнуть, что, несмотря на все ограничительные меры, которые испытывали мусульмане в российской армии и опасения со стороны правительства в их приверженности к панисламизму, ими было принято активное участие в Первой мировой войне (Абдуллин, 2006: 275). При этом воинские части, сформированные из мусульман, в т.ч. и из Западной Сибири, достаточно активно функционировали в русской армии еще со второй половины XIX в. (Дашковский, Шершнева, 2014). Стремясь доказать свою лояльность и патриотизм российскому государству в 1914 г. мусульманами был сформирован передовой санитарный отряд. Кроме того, мусульманами Сибири был образован комитет по оказанию помощи войнам и их семьям (Нам, 2009: 79).

Одним из основных источников информации для мусульман, непосредственно не участвовавших в военных действиях, была татарская пресса. В тоже время согласно «Временному положению о военной цензуре» от 20 июля 1914 г. все газеты, не входившие даже в районы военных действий, подвергались строжайшей цензуре. С целью предупреждения появления не желательных для правительства сведений о войне, при Военно-окружных штабах были созданы цензурные комиссии. Помощником в формировании патриотизма в мусульманской среде становиться духовенство, которое так же через прессу выражало волю государства. В ноябре 1914 г. муфтий

М. Султанов выступил с обращением к мусульманскому духовенству по вопросу вступления в войну Турции. Муфтий указал на необдуманность Турецкого правительства, вступившего в данную войну, которая не несла никакой религиозной окраски (Гатауллина, 2008: 136).

Преданность мусульманских народов Российской империи и лично Николаю II были особо отмечены в начале войны в 1914 г. на заседании Государственной Думы (Исхаков, 1999: 420). Несмотря на то, что благонадежность мусульманского населения страны неоднократно подтверждалась как офицерами, так и была отмечена военным министром А.А. Поливановым, контроль за ней в военные годы не уменьшался. Особое внимание уделялось проверке писем, отправляемых мусульманами своим родным. Кроме того, к каждому солдату-мусульманину негласно был приставлен русский солдат (Исхаков, 2004).

В тоже время нельзя не отметить определенные антимусульманские настроения части российской общественности. Такие настроения негативно сказывались на мусульманах, которые старались вести максимально закрытый образ жизни. В результате уже к 1915 г. некоторые зажиточные мусульмане склонны были поддерживать благотворительные общества и школы, но не собирать средства на нужды русской армии (Гатауллина, 2008: 138).

Нужно подчеркнуть, что еще в 1909 г. впервые был поднят вопрос об ущемлении в правах солдат мусульманского вероисповедания, в связи с отсутствием законодательного закрепления за ними права на совершение молитвы (Загидуллин, 2009). В конечном итоге, преданность русскому правительству и активность мусульманской интеллигенции позволили отстоять право военнослужащим-мусульманам совершать молитвы, а также получить освобождение от службы во время религиозных праздников (Сенюткина, 2006). В тоже время, несмотря на все послабления, рост численности мусульман в вооруженных силах по-прежнему вызывал опасения со стороны правительства, поэтому мусульманам, как правило, оставались не доступными высшие военные должности. В 1914 г. в русской армии насчитывалось 40590 офицеров и генералов. При этом мусульмане составляли из этого списка 400 человек (Жильцов, 2007: 130).

5. Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что, несмотря на политические преобразования в начале XX в., тем не менее, кардинальных изменений положения мусульманских общин в системе государственно-конфессиональных отношений не произошло. Правительство по-прежнему видело определенную угрозу государственного единства страны в мусульманском компоненте и прибегало к помощи административного ресурса и Русской православной церкви в решение данной проблемы. С одной стороны, усиление роли мусульман в общественной жизни страны, создание политической партии и общественных движений, вхождение в состав Государственной Думы способствовали получению ряда послаблений со стороны правительства. В частности, было дано разрешение на совершение молитв и допущения мулл в войска с уравнием их в правах с полковыми священниками. С другой стороны, стремление мусульманской уммы получить религиозную автономию, и надежды на преобразования внутри страны, остались для мусульман Российской империи на этом этапе не реализованными. Ситуация в области свободы совести кардинально измениться в стране только в период революций, которые произойдут в эпохальный 1917 г.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/ПЧ).

Литература

- Абдуллин, 2007 – Абдуллин Х.М. Воинская служба крымских татар в Российской империи // *Военно-исторический журнал*. 2007. №1. С. 49–54.
- Абдуллин, 2006 – Абдуллин Х.М. Мусульманское военное духовенство в конце XIX – начале XX веков // *Татарские мусульманские приходы в Российской империи* / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 271–276
- Алекторов, 1906 – Алекторов А.Е. Иногородцы в России. СПб., 1906. 134 с.
- Андреев, 1994 – Андреев С.М. Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX веков) // *Ислам, общество, культура* / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. Омск, 1994. С. 5–8.
- Бурдина, 2007 – Бурдина Е.Л. Позиция российского правительства по вопросу «иногородского» образования в начале XX века // *Вопросы образования*. 2007. № 3. С. 278–287
- Гаспринский, 1992 – Гаспринский И.Б. Русское мусульманство // *Этнографическое обозрение*. 1992. №6. С. 110–116
- Гатауллина, 2008 – Гатауллина Л.Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. №1. С. 133–139.

ГБУТО – Государственное бюджетное архивное учреждение г. Тобольска.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Дамешек, 1986 – *Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и нарды Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск, 1986. 168 с.

Дашковский, Шершнева, 2014 – *Дашковский П.К., Шершнева Е.А.* Мусульмане Западной Сибири в вооруженных силах российской империи во второй половине XIX - начале XX в. // *Вестник алтайской науки.* 2014. № 1 (19). С. 29-33.

Духовные ценности ислама, 2008 – Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиция и современность / отв.ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. Томск, 2008. 246 с.

Жильцов, 2007 – *Жильцов К.В.* Генералы мусульманского вероисповедания в российской армии в 1905–1914 годах // *Вопросы истории.* 2007. №12. С. 130–135.

Загидуллин, 2006 – *Загидуллин И.К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. 462 с.

Загидуллин, 2009 – *Загидуллин И.К.* Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874–1914 г. // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies.* 2009. Вып. 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://pipss.revues.org/3745> (дата обращения: 12.04.2014)

Исхаков, 2004 – *Исхаков С.М.* Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // *Татарский мир.* 2004. №15. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=592§ion=0&heading=0> (дата обращения: 24.08.2013)

Исхаков, 1999 – *Исхаков С.М.* Первая мировая война глазами российских мусульман // *Россия и первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma.* СПб., 1999. С. 419–431.

Исхаков, 2007 – *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. 400 с.

Маркова, 2007 – *Маркова М.Ф.* Культурно-просветительская и общественная деятельность мусульман г. Томска в начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета.* 2007. № 305. С. 75–78.

Нам, 2000 – *Нам И.В.* Татарские школы в дореволюционном Томске // *Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области).* Томск, 2000. С. 73–86.

Нам, 2009 – *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. 500 с.

Национальная политика России, 1997 – Национальная политика России: история и современность. М., 1997. 680 с.

Полное собрание законов Российской империи, 1908 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1908. Собрание III. Т. XXV. 966 с.

Полное собрание законов Российской империи, 1911 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1911. Собрание III. Т. XXVIII. Ч. 1. 1008 с.

Практ, 2011 – *Практ Д.В.* Традиционное образование мусульманской России на рубеже XIX–XX вв. // *Религиоведение.* 2011. № 1. С. 32–38

Свод законов Российской империи, 1912 – Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 5. 780 с.

Сенюткина, 2006 – *Сенюткина О.Н.* Ислам и мусульмане в Вооруженных Силах России: история и современность // *Рамазановские чтения. Н.-Новгород, 2006.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/1/vs.htm? (дата обращения: 15.11.2013)

Файзрахманов, 2002 – *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002. 488 с.

Фархитанов, 2006 – *Фархитанов М.Н.* Мусульманское духовенство // *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь.* М., 2006. С. 286–292

Христианское просвещение, 2012 – Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. Сборник материалов и документов / Сост. Р.Р. Исхаков. Казань, 2012. 412 с.

ЦГИА РБ – Центральной государственной исторический архив Республики Башкортостан.

Шершнева, 2011 – *Шершнева Е.А.* Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета.* 2011. №4/1. С. 68–71.

Dashkovskii, Shershneva, 2015 – *Dashkovskii P.K., Shershneva E.A.* Policy of the Russian state control over the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries. // *Bylye Gody,* 2015, Vol. 36, Is. 2, pp. 338–346.

References

Abdullin, 2006 – *Abdullin Kh.M.* (2006). Musul'manskoe voennoe dukhovenstvo v kontse XIX – nachale XX vekov [Muslim military clergy in the late XIX – early XX centuries]. *Tatar Muslim congregations in the Russian Empire* / ed. ed. and comp. I.K. Zagidullin. Kazan, pp. 271–276 [in Russian]

Abdullin, 2007 – *Abdullin Kh.M.* (2007). Voinskaia sluzhba krymskikh tatar v Rossiiskoi imperii [Military service of the Crimean Tatars in the Russian Empire]. *Military history journal*, Nr. 1, pp. 49–54 [in Russian]

- Alektorov, 1906** – *Alektorov A.E.* (1906). Inorodtsy v Rossii [Foreigners in Russia]. SPb., 134 p. [in Russian]
- Andreev, 1994** – *Andreev S.M.* (1994). Kazaki-musul'mane v Sibirskom kazach'em voiske (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vekov) [Cossacks-Muslims in the Siberian Cossack army (second half of XIX – beginning of XX centuries)]. *Islam, society, culture* / ed. N.A. Tomilov, A.G. Seleznev. Omsk, pp. 5–8 [in Russian]
- Burdina, 2007** – *Burdina E.L.* (2007). Pozitsiia rossiiskogo praviel'stva po voprosu "inorodcheskogo" obrazovaniia v nachale XX veka [The Russian government's position on the issue of "non-Russian" education in the early twentieth century]. *The issue of education*, Nr. 3, pp. 278–287 [in Russian]
- Gasprinskii, 1992** – *Gasprinskii I.B.* (1992). Russkoe musul'manstvo [Russian Islam]. *The ethnographic review*, Nr. 6, pp. 110–116 [in Russian]
- Gataullina, 2008** – *Gataullina L.R.* (2008). Tatarskaia pressa 1914–1915 gg. ob otnoshenii rossiiskikh musul'man k Pervoi mirovoi voine [The Tatar press of 1914–1915, the attitude of Russian Muslims in the First world war]. *Note the scientists of the Kazan University. Series: Humanitarian Sciences*, Nr. 1, pp. 133–139 [in Russian]
- GBUTO** – Gosudarstvennoe bjudzhetnoe arhivnoe uchrezhdenie g. Tobol'ska [The state budget of the archival institution Tobolsk].
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of Tomsk region].
- Dameshek, 1986** – *Dameshek L.M.* (1986). Vnutrenniaia politika tsarizma i nardy Sibiri (XIX – nachalo XX veka) [Domestic policy of tsarism and backgammon Siberia (XIX – early XX century)]. Irkutsk, 168 p. [in Russian]
- Dashkovskii, Shershneva, 2014** – *Dashkovskii P.K., Shershneva E.A.* (2014). Musul'mane Zapadnoi Sibiri v vooruzhennykh silakh rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The Muslims of Western Siberia in the armed forces of the Russian Empire in the second half of XIX - early XX century]. *Bulletin of the Altai science*, Nr. 1 (19), pp. 29–33 [in Russian]
- Dashkovskii, Shershneva, 2015** – *Dashkovskii P.K., Shershneva E.A.* (2015). Policy of the Russian state control over the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*, Vol. 36, Is. 2, pp. 338–346.
- Dukhovnye tsennosti islama i obrazovanie, 2008** – *Dukhovnye tsennosti islama i obrazovanie: istoriko-kul'turnaia traditsiia i sovremennost'* [Spiritual values of Islam and education: historical and cultural tradition and modernity] / ed.ed. S.S. Avanesov, T.A. Kostyukova. Tomsk, 2008. 246 p. [in Russian]
- Zhil'tsov, 2007** – *Zhil'tsov K.V.* (2007). Generaly musul'manskogo veroispovedaniia v rossiiskoi armii v 1905–1914 godakh [The generals of the Muslim faith in the Russian army in 1905–1914 years]. *Questions of history*, Nr. 12, pp. 130–135 [in Russian]
- Zagidullin, 2006** – *Zagidullin I.K.* (2006). Musul'manskoe bogoslužhenie v uchrezhdeniiakh Rossiiskoi imperii (Evropeiskaia chast' Rossii i Sibir'). [Muslim worship in the institutions of the Russian Empire (European part of Russia and Siberia)]. Kazan, 462 p. [in Russian]
- Zagidullin, 2009** – *Zagidullin I.K.* (2009). Osobennosti sobliudeniia religioznykh prav musul'man v rossiiskoi sukhoputnoi zhreguliarnoi armii v 1874–1914 g. [Features of the observance of the religious rights of Muslims in the land of Russian regular army in 1874–1914 G.]. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, Vol. 10. [Electronic resource] // <http://pipss.revues.org/3745> (accessed on 12.04.2014) [in Russian]
- Iskhakov, 2004** – *Iskhakov S.M.* Vmeste ili porozn'. Tiurki-musul'mane v rossiiskoi armii v 1914–1918 gody [Together or apart. Turkic Muslims in the Russian army in 1914 – 1918]. *Tatar world*, 2004, Nr. 15. [Electronic resource]. URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=592§ion=0&heading=0> (accessed on 24.08.2013) [in Russian]
- Iskhakov, 1999** – *Iskhakov S.M.* (1999). Pervaia mirovaia voina glazami rossiiskikh musul'man [The first world war through the eyes of Russian Muslims]. *Russia and the first world war. Materials of the international scientific Colloquium*. SPb., pp. 419–431 [in Russian]
- Iskhakov, 2007** – *Iskhakov S.M.* (2007). Pervaia russkaia revoliutsiia i musul'mane Rossiiskoi imperii [The first Russian revolution and the Muslims of the Russian Empire]. M., 400 p. [in Russian]
- Markova, 2007** – *Markova M.F.* (2007). Kul'turno-prosvetitel'skaia i obshchestvennaia deiatel'nost' musul'man g. Tomsk v nachale XX v. [Cultural, educational and social activities of Muslims of Tomsk in the beginning of XX century]. *Herald of Tomsk state University*, Nr. 305, pp. 75–78 [in Russian]
- Nam, 2000** – *Nam I.V.* (2000). Tatarskie shkoly v dorevoliutsionnom Tomске [Tatar schools in pre-revolutionary Tomsk]. // *We – the residents, your countrymen, your neighbors (the National cultural panorama of Tomsk region)*. Tomsk, pp. 73–86 [in Russian]
- Nam, 2009** – *Nam I.V.* (2009). Natsional'nye men'shinstva Sibiri i dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.) [National minorities of Siberia and the far East at a historic turning point (1917–1922)]. Tomsk, 500 p. [in Russian]
- Natsional'naia politika Rossii, 1997** – *Natsional'naia politika Rossii: istoriia i sovremennost'* [National policy of Russia: history and modernity]. M., 1997. 680 p. [in Russian]
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1908** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1908. The meeting III. T. XXV. 966 p. [in Russian]
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1911** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1911. The meeting III. T. XXVIII. Part. 1. 1008 p. [in Russian]

Prakht, 2011 – *Prakht D.V.* Traditsionnoe obrazovanie musul'manskoj Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Traditional Muslim education in Russia at the turn of XIX–XX centuries]. *Religious studies*, 2011, Nr. 1, pp. 32–38 [in Russian]

Svod zakonov Rossijskoj imperii, 1912 – Svod zakonov Rossijskoj imperii [The laws of the Russian Empire]. SPb., 1912. Vol. 5. 780 p. [in Russian]

Seniutkina, 2006 – *Seniutkina O.N.* Islam i musul'mane v Vooruzhennykh Silakh Rossii: istoriia i sovremennost' [Islam and Muslims in the Armed Forces of Russia: history and modernity]. Ramadanovski reading. N.-Novgorod, 2006. [Electronic resource] // http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/1/vs.htm? (date of access: 15.11.2013) [in Russian]

Faizrakhmanov, 2002 – *Faizrakhmanov G.L.* (2002). Istoriia sibirskikh tatar (s drevneishikh vremen do nachala XX veka) [History of the Siberian Tatars (from ancient times to early XX century)]. Kazan, 488 p. [in Russian]

Farkhshtanov, 2006 – *Farkhshtanov M.N.* (2006). Musul'manskoe dukhovenstvo [The Muslim clergy]. Islam on the territory of the former Russian Empire: Encyclopaedic dictionary. M., pp. 286–292 [in Russian]

Khristianskoe prosveshchenie, 2012 – Khristianskoe prosveshchenie i religioznye dvizheniia (reislamizatsiia) kreshchenykh tatar v XIX – nachale XX vv. [Christian education and religious movements (reislamisation) baptized Tatars in the XIX – early XX centuries]. The collection of materials and documents. Kazan, 2012. 412 p. [in Russian]

CGIA RB – Central'noj gosudarstvennoj istoricheskij arhiv Respubliki Bashkortostan [Central state historical archive of Republic Bashkortostan].

Shershneva, 2011 – *Shershneva E.A.* (2011). Musul'manskoe obrazovanie v Zapadnoi Sibiri v XIX - nachale XX v. [Muslim education in Western Siberia in the XIX - early XX century]. *News of Altai state University*, Nr. 4/1, pp. 68–71 [in Russian]

УДК 904

Влияние государственно-конфессиональной политики на положение мусульманских общин Западной Сибири в 1905 – начале 1917 гг.

Петр Константинович Дашковский^{a, *}, Елена Александровна Шершнёва^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается положение мусульманских общин Западной Сибири в период между двух русских революций (1905 – начало 1917 гг.) в рамках проводимой правительством государственно-конфессиональной политики. На основе анализа архивных документов и правовых актов авторы приходят к выводу, что отношение государства к мусульманам на территории Российской империи, несмотря на все политические преобразования, строилась на попытках консолидации инородческого компонента с русским этносом. События 1905 г. зародили у мусульманской части населения страны надежду на изменения своего положения и усилили желание получить религиозную автономию. Однако правительство по-прежнему выстраивало свою политику так, что контролировало практически все сферы жизни мусульманской общины. События Первой русской революции способствовали зарождению активности в мусульманской среде в отстаивании своих прав, что привело к проявлению некоторых послаблений со стороны государства в отношении уммы. Именно в этот период мусульмане видят возможность отстаивания своих прав на законодательном уровне, формируют собственные общественно-политические движения и входят в состав Государственной Думы. Достаточно заметным было участие мусульман в русской армии в годы Первой мировой войны. В этой связи не случайно мусульмане получили право на совершение молитв и допущение священнослужителей мусульманского вероисповедания в войска. При этом они уравнивались в правах с полковыми священниками. В тоже время, несмотря на активную позицию мусульманской общественности, тем не менее, к началу 1917 г. осталось еще достаточно много нерешенных вопросов и проблем, связанных с устройством жизни мусульманских общин. При этом одной из наиболее сложных и не разрешенных проблем оставалась проблема национального образования для инородческого населения, исповедующего ислам.

Ключевые слова: ислам, Российская империя, государственно-конфессиональная политика, мулла, медресе, Западная Сибирь.

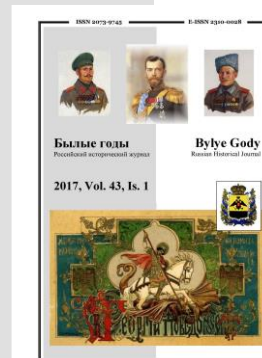
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpu.asu.ru (П.К. Дашковский), D2703@yandex.ru (Е.А. Шершнёва)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 248-256, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.248
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Activities of the Armenian parties Dashnaksutyun and Gnchak on the territory of the Black Sea Province at the beginning of the XX century

Konstantin V. Taran^{a, c*}, Alexey V. Dyuzhov^b, Ilya M. Rassolov^b

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^c East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article discusses the activities of the armenian parties Dashnaksutyun and Gnchak on the territory of the Black sea province at the beginning of the XX century. The article is paid attention to the reasons of participation of armenians in the revolutionary events of 1905–1907.

The authors have selected as materials the archival documents of the central and regional archives, namely the state archive of Russian Federation, the Russian State Archive of Social and Political History, the state archive of the Krasnodar Krai, a documentation center of the modern history of the Krasnodar Krai, the archive department of Sochi city and the museum of Sochi history.

The authors come to the conclusion that despite the existing problems in relations with the armenian population of the Black sea province until 1905, the armenians are forced to participate in the riots of the First russian Revolution. Later, during the investigation of the Sochi republic that has been established, and the Armenian population avoided the criminal liability.

Keywords: Armenian parties, Dashnaksutyun, Gnchak, Black Sea province, the beginning of the XX century.

1. Введение

В конце XIX – начале XX вв. в Российской империи происходит активное создание и становление общественно-политических движений. Армянское население не осталось в стороне от этих событий и, преследуя свои национальные цели, ими созданы две политические партии Гнчак и Дашнакцутюн. Именно представители последней заявили о себе в начале XX в., приняв активное участие в событиях Первой российской революции 1905–1907 гг. на территории Черноморской губернии. В связи с тем, что эта тема нами уже рассматривалась (Taran, 2014), цель данной статьи более подробно рассмотреть деятельность армянских национальных партий.

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы архивные документы центральных и региональных архивохранилищ, а именно государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), государственного архива Краснодарского края (ГАКК), центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), архивного отдела города Сочи (АОАГС) и музея истории города-курорта Сочи (МИГКС).

Методологическую основу составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, а также критическое отношение к источникам.

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran),

Dyuzhov.AV@rea.ru (A.V. Dyuzhov), Rassolov.IM@rea.ru (I.M. Rassolov)

Помимо этого был использован конкретно-исторический подход, позволяющий вписать конкретную принимающую модель местного армянского сообщества в контекст социальной истории XX века. Историко-антропологический подход позволил выявить способы и формы социальной деятельности армянских политических организаций.

3. Обсуждение и результаты

Активное заселение Черноморского побережья Северного Кавказа армянским населением происходит во второй половине XIX в. после завершения Кавказской войны (1864 г.) и выселения черкесских племен на территорию Османской империи. Необходимо отметить, что задолго до этого процесса армянские поселения существовали среди горских племен, где армяне занимались торговлей и приусадебным хозяйством, а также принимали участие в торговле людьми, на что российскими властями был наложен запрет (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 700. Л. 1-57).

Основным нормативным актом, способствующим переселению армян из Турции, являлось Положение Особого комитета, утвержденное русским императором 27 февраля 1862 г. В соответствии с этим документом разрешалось переселяться на Кавказ представителям армянской национальности с условием, что они «не потребуют никакого способа поселения в России», т.е. без предоставления им гражданства и постоянной оседлости. Помимо этого, комитет выделил 10 000 рублей наместнику царя на Кавказе для выдачи пособия самым бедным из переселившихся армян.

После Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. и крупных погромов армян в Турции в 1895–1896 гг. на территории Туапсинского и Сочинского попечительств увеличился поток армян-переселенцев, который прибывал из исторической области Амшен, расположенный между городами Траpezундом и Хопой (Самсун, Синоп, Орду, Терме и др.). В начале XX века в Сочинском округе имелись селения турецко-подданных армян-арендаторов в районах Уч-Дере, Варданэ и Лоо, которые располагались на частных землях Великого князя Михаила, а также на участках землевладельца Шиловского, расположенных вблизи Адлера. Кроме этого, армяне селились в частных имениях Краевского, Богушевского, Верховского, Де Симона, Мезецкого и подселялись в деревни Навагинку, Мамайку и Бароновку (Тверитинов, 2000: 32-33).

Среди населенных пунктов Туапсинского округа были селения, составленные из армянских переселенцев: Морозовская (6 дворов), Базны (8 дворов), Подхребетовая (31 двор). В деревне Шапугская (59 дворов) проживали совместно русские, молдаване и армяне (ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 210. Л. 12).

Сложно проследить количество армянского населения в период переселения во второй половине XIX, т.к. их общины отличались замкнутостью, наличием собственных монофизитских церквей и молельных домов. В губернском центре – Новороссийске и в посаде Сочи проживали торговцы из числа армянской национальности. На основании переписи 1897 г. в Черноморской губернии проживали 57478 жителей (Энциклопедический..., 1900: 652). По состоянию на 1906 г. в процентном отношении армяне составляли 8,5 % от всего населения губернии (Трехбратов, 1989: 6).

В период заселения Черноморского побережья Северного Кавказа с 1880-х годов среди представителей армянской национальности возникают многочисленные группы по изучению родной культуры, языка, литературы, вокруг которых собиралась молодежь. Одновременно стали появляться группы армянских радикалов, которые культивировали в своем узком кругу идею создания независимой Великой Армении. Поскольку связующим центром для всех армян, разбросанных по всему миру, выступала церковь, именно ей отводилась ключевая консолидирующая роль. Жестокая дискриминация армян в Турецкой Армении привела к активизации действий по созданию политических организаций, способных объединить армянский народ. В 1887 г. группа армянских студентов, выходцев из России (А. Назарбекян, М. Варданян и др.), создала в Женеве партию Гнчак (Колокол). Отделения этой партии возникли практически во всех государствах, где жили армяне. Позднее основатели партии уточнили название, добавив к нему определение «социал-демократическая». Программный документ партии, принятый в 1897 г. в Лондоне, гласил, что одной из задач Гнчака является собрание всех армянских земель и народа и создание независимого армянского государства. Однако партия не имела широкой социальной базы. Во второй половине 1905 г. были сформированы группы гнчакистов в Новороссийске и Сочи (Первая революция, 2005: 116-117).

Значительным авторитетом среди армянского населения Черноморской губернии пользовалась образованная в 1890 г. в Тифлисе Армянская революционная партия – Молодая Армения, вскоре переименованная в Дашнакцутюн (Союз, Федерация). Лидеры этой партии сумели объединить действовавшие на Кавказе разрозненные кружки армянских народников, радикальных националистов и представителей национальной интеллигенции. К началу Первой российской революции в империи действовало 2311 ячеек партии, а число ее членов достигало 100 тысяч. Главной целью Дашнакцутюн провозглашалось создание независимого армянского государства на территории Турции. При этом «дашнаки» допускали любые формы борьбы, в том числе и вооруженные выступления, и террористические акции. Партия опиралась на самые различные слои армянского населения – буржуазию, интеллигенцию, служащих, рабочих и крестьян. В 1904 г. третий съезд Дашнакцутюн принял решение перенести свою деятельность на территорию Восточной Армении, и вскоре партия стала обще-армянской (Первая революция, 2005: 117).

Инженер В.К. Константинов так характеризовал армян, проживающих на территории Сочинского округа: *«Армянское население, выселившееся от турецких порядков, очень трудолюбиво, но жадно на землю и чутко отзывается на аграрные программы в духе ликвидации крупного землевладения и передачи земли долголетним арендаторам»* (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/1. Л. 65).

Необходимо отметить, что отношения армянского населения с правящими кругами России носили обостренный характер, т.к. в 1884 г. Особое совещание наложило запрет на деятельность армянских церковно-приходских школ вне церквей и монастырей и потребовало изъять из программы преподавания историю и географию Армении, после чего ввести историю и географию России, а также настаивало на ведении уроков на русском языке. В 1895 г. главноначальствующий на Кавказе С.А. Шереметьев предложил изъять народное образование из ведения армянской церкви и отобрать у нее недвижимое имущество. В итоге, несмотря на возражение большинства министров, Николай II 12 июня 1903 г. утвердил закон, который предусматривал секуляризацию собственности армяно-григорианской церкви (Дякин, 1998: 29-30).

В январе 1905 г. события в Санкт-Петербурге положили начало Первой российской революции, участие в которой приняли представители армянской национальности из числа сторонников партии Дашнакцутюн, проживающих на территории Сочинского округа. Агитация социалистов-революционеров, социал-демократов и сторонников Всероссийского крестьянского союза, созданного летом 1905 г., никоим образом не повлияла на армян, проживающих в Туапсинском округе. В Новороссийске представители армянской национальности самостоятельно принимали решение на участие в революционных событиях.

В марте 1905 г. грузинские радикалы пытались втянуть сочинских армян в конфликт с властями. Поводом послужило убийство сочинским городовым С.М. Декажевым, ингушом по национальности, турецко-подданного *Иго, сын Оганеса* (ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 200. Л. 366; ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 344. Л. 20). Политических мотивов для убийства армянина у Декажева не было. В посаде говорили, что убийство было совершено городовым, находившимся в состоянии алкогольного опьянения, который по ошибке убил армянина *«вместо женщины»* (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 458. Л. 4), т.е. в порыве ревности.

На похоронах *Иго, сын Оганеса*, состоявшихся 25 марта 1905 г., с речами к собравшимся выступили Егорьянц (Егоров), Акоюнц, а также А.Д. Гватуа, который призвал население свергнуть существующую власть, дезинформировал заведомо ложной информацией, что трупы убитых полицией людей хоронят на кладбище тайно по ночам. Из агентурных сведений начальнику округа стало известно, что Гватуа и его сторонники *«...иностранцев искусственно возбуждают, призывают хватать и грабить. Возбуждают их против разных учреждений, грабить лишь русских, а не иностранцев, во время беспорядков убить начальствующих лиц, чтобы лишить сопротивление руководителей»* (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 344. Л. 3, 4, 27, 37, 42, 35).

Провоцируя межнациональный конфликт, натравливая на русских торговцев и администрацию лиц иных этнических групп, Гватуа преследовал цели дестабилизирующего характера. Поэтому 3 апреля 1905 г. А.Д. Гватуа и Е.К. Егорьянц были взяты властями под стражу и в этом же месяце выпущены на свободу под особый надзор полиции (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 344. Л. 47, 50, 55).

В апреле 1905 г. заместителю Кавказа И.И. Воронцову-Дашкову от армянского населения поступила петиция, в которой они ходатайствовали: 1) необходимость иметь начальную школу, где изучался бы родной и русский языки, 2) восстановить автономию армянской церкви и вернуть ей конфискованное имущество и церковно-приходские школы, 3) учредить армяно-католическую епархию, 4) отменить правительственные распоряжения в отношении армян, переселившихся из Турции, 5) амнистировать осужденных по политическим и религиозным убеждениям (Карапетян, 2001: 249). Нужно отметить, что частично это ходатайство было удовлетворено.

Летом социал-демократы Северного Кавказа в Екатеринодаре провели конференцию с 12 по 18 июля 1905 г., созванную по инициативе Кубанского комитета РСДРП. На конференции предлагалось обсудить ряд организационных вопросов, о вооружении, терроре, об издании периодического листка, о выходе Плеханова из редакции «Искры» и определить свое отношение к нынешнему составу редакции. Кроме того, были рассмотрены вопросы о взаимодействии социал-демократов с союзами буржуазной демократии и партиями с национальным уклоном, а именно с Гнчак и Дашнакцутюн (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 5. Ч. 66. Л. 3-4).

По поводу взаимоотношений с армянской партией Гнчак было отмечено, что ее представители ведут двойную игру, социал-демократическую, с одной стороны, и национальную с другой, т.е. проводят грань между рабочими разных национальностей, что ослабляет классовое самосознание пролетариата. С Дашнакцутюн, т.к. они борются с самодержавием, социал-демократы заключили только техническое соглашение, а с революционной партией Гнчак было предложено *«врозь идти и вместе бить!»* (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 5. Ч. 66. Л. 8).

Первые группы приверженцев партии Дашнакцутюн возникли на территории Черноморской губернии в Сочинском округе в посаде Сочи, селениях Лоо и Вардане осенью 1905 г. Среди лидеров следует отметить М. Карапетова, А. Ростомьяна, К. Караоглянца, С. Карагозяна и З. Петросяна. Партия Дашнакцутюн, действовавшая под лозунгом «Свобода или смерть», была разделена на старо-

и младодашнаков. Оба крыла партии являлись защитниками классово-экономических и политико-национальных прав армян. Стародашнаки делали упор на помощь армянам, оставшимся в Турции, а вторые – на защиту интересов армян в России. Позиции первых в Сочи укрепились в 1905 г. в связи с возвращением в августе этого года конфискованных в 1903 г. царским правительством земель, принадлежащих армянской церкви (Карапетян, 2001: 86-87).

В связи с ухудшением в стране политической и экономической обстановки, император Николай II подписывает 17 октября 1905 г. манифест о даровании населению страны политических свобод, в надежде стабилизировать ситуацию в российской империи. В манифесте провозглашались основные буржуазно-демократические свободы, стране была обещана парламентская монархия. Предлагалось создание законодательной думы, введение политических свобод, легализация деятельности политических партий. Народные массы требовали продолжение демократических реформ, самодержавная власть в свою очередь хотела вернуть свои обещания обратно, в связи с чем сложившаяся ситуация неминуемо вела к новому социальному взрыву (Урилов, 2005: 281).

На митингах, посвященных царскому манифесту, в Сочи присутствовали и армяне-арендаторы, которые держались в стороне от происходящих событий. Один из лидеров армянской общины Вагаршак Миноссян указывал, что все сочинские армяне состоят в одной партии Дашнакцутюн, программа которых по смыслу ближе к программе партии социалистов-революционеров, представитель которой в Сочи В. Семенов, распространял прокламации этой партии. Цель Дашнакцутюн – Федерация (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 50).

Следует отметить, что в программе партии социалистов-революционеров имеется пункт, где предлагается введение федеративных отношений для «самостоятельных народностей» (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 33. Л. 29), а также позиция социалистов-революционеров об отчуждении помещичьих земель в пользу крестьянства, была также близка представителям армянского населения Черноморской губернии (Таран, 2009: 121).

С целью создания в Сочи вооруженных групп на легальной основе, социал-демократы и их сторонники предприняли ряд провокационных мер, направленных против существующих властей и служителей правопорядка. В конце 20-х чисел октября 1905 г., ночью, у доктора Гордона выбили стекла в доме, и разорван был красный кумач на трибуне, установленной на базаре, где ежедневно происходили митинги. Житель Сочи Торопов предположил, что Гордон сам побил стекла, чтобы обвинить в этом бездействующую городскую полицию. Егор Егорьянц сперва сказал, что красный кумач на трибуне проткнут солдатскими штыками, но потом уточнил, что кумач разорвало рогами стадо скота, проходившего через базар, т.к. скотина не любит возбуждающий ее красный цвет (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 43).

Начальник Сочинского округа повесил в посаде объявления, где указывалось, что неправильное пользование политическими свободами, предоставленными царским манифестом будет жестко пресекаться, но вскоре эти объявления были сорваны.

25 октября 1905 г. городовые задержали мальчика-имеретина с ножом на поясе и привели его к приставу. За ними пришли местные жители во главе со сторонниками социал-демократов Сальниковым и Гватуа, которые достали в присутствии пристава револьверы и сказали – «Попробуй отбери!». Пристав оружие не отобрал, авторитет полиции был подорван, а мальчик отпущен. На следующий день начальник округа хотел вывесить объявление, что оружие будет отбираться, а его носитель привлекаться по ст. ст. 117 и 118 уголовного уложения, но в последний момент решил этого не делать. После этого из арестного помещения сбежал подозреваемый в воровстве, и лидеры социал-демократов вновь обвинили власти указав, что полиция и воры за одно. Затем социал-демократы пристыжили к созданию в посаде Сочи народного суда, деятельность которого либеральная интеллигенция восприняла негативно, т.к. они полагали, что он служил приманкой для рабочих (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 44, 45).

В последней декаде ноября 1905 г. по инициативе социал-демократов А. Гватуа и Г. Хуцишвили был убит в Батуми городской Шинкарев, смерть которого не была предусмотрена решением народного суда, а предполагалась только высылка из Сочи. Это стало следствием разногласия между лидерами социалистов-революционеров и социал-демократов, что выразилось в недоверии их друг к другу (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/8. Л. 52).

По предложению эсера Семенова 27 ноября 1905 г. в его квартире состоялось собрание, на котором присутствовали учитель Гловачук, агроном Каракаш, архитектор Буткин, студент Сулимо-Самуйлов, столяр Поярко, управляющий дачей М.М. Зензинова Волощенко и представители армянской национальности Егорьян, Малхасян, Гургенян и Мартиросьян. Лидеры социал-демократов Гватуа и Хуцишвили на это собрание не явились. На совещании Семенов в первую очередь предложил обсудить вопрос о том, «как бы одеть намордник на диктаторскую группу социал-демократов, чтобы удержать их от привольных насилий, подобно насилию в отношении городского». Также предлагалось решить вопрос по созданию городской охраны. Со слов Поярко местная городская охрана располагала 13 винтовками, поэтому Семенов предложил вооружить их дополнительно дубинками – «как в Одессе» (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/8. Л. 53-54).

На этом заседании представители армянской национальности пояснили, что проживающие в посаде армяне, являются предпринимателями и причисляют себя к партии Дашнакцутюн, которая

действует в Турции. Они возмущены убийством городского и не хотят выделять людей для защиты социал-демократов от начальника округа. Лидеры армянской диаспоры считали, что никакие общественно-политические движения в Сочи основными быть не могут, и они поддержат революционное движение, если найдут в этом необходимость. При этом они уточнили, что в данный момент они полностью поддерживают существующую русскую администрацию и предложили городскую охрану набирать из представителей различных национальностей, чтобы местные жители не думали, что охрана состоит из одних «туземцев» (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/8. Л. 55-56).

Несмотря на отрицательный ответ со стороны начальника округа в отношении создания охраны, заведующим сочинской охраной был избран домовладелец И. Одинцов, а помощником его В. Семенов. Для выработки инструкции для создаваемой охраны, избрана комиссия в составе уполномоченных от городского управления Годзи, Иванова, Одинцова, Тарковского, представителей от города торговцев Черномордика и Суханова, городского врача Гордона, архитектора Буткина и представителей социалистических партий Семенова, Коняева, Поярко и Читайя (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 179).

Комиссия из своей среды избрала председателя Гордона, а его секретарем назначили Семенова, которыми была разработана инструкция, по своему содержанию вышедшая за рамки понятия о ночной охране, разрешенной Черноморским губернатором. Согласно этой инструкции, охрана должна была функционировать совершенно самостоятельно, нисколько не подчиняясь административной власти, и не только по ночам, но и днем. Каждый охранник вооружался револьвером за счет города и снабжался отличительным знаком в виде красной повязки на рукаве, на повязке должна обязательно стоять печать городской управы. В пункте № 2 указывалось, что всех задержанных нужно доставлять не в арестное помещение, а в народный дом. С этого периода охранная стража, также стала именоваться милицией.

Учитывая предложение лидеров армянской диаспоры, милиция состояла из представителей различных этнических групп, пятеро из которых являлись представителями армянской национальности. Всего в списке, представленном старостой начальнику округа, значился 31 человек: 1. Саркис Миносян, 2. Киракос Чулукаян, 3. Саркис Айвазян, 4. Арутюн Гавазян, 5. Петрос Айвазян, 6. Авксентий Чачибайя, 7. Капанадзе, 8. Нестор Джалагония, 9. Дату Пертия, 10. Александр Кочарава, 11. Панфил Хурция, 12. Ратиони, 13. Татарашвили, 14. Кирилл Лейкин, 15. Жуков, 16. Прокл Абрамов, 17. Павел Шушаня, 18. Леонид Еременко, 19. Георгий Жаркевич, 20. Тимофей Харченко, 21. Яков Теплов, 22. Михаил Батыжманский, 23. Василий Шевченко, 24. Осип Климович, 25. Фридрих Кох, 26. Николай Краузе, 27. Борис Ковалев, 28. Николай Осокин, 29. Карл Бураков, 30. Борис Мищенко, 31. Андрей Грязев (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 180).

В середине декабря 1905 г. в течение нескольких дней в посаде Сочи происходили митинги, на которых лидеры социал-демократической организации навязывали населению идею о замене городского управления путем выборов и создание городского революционного самоуправления. Ввиду того, что сочинские социалисты-революционеры, либеральная интеллигенция и представители армянской диаспоры не поддержали эти выборы, то деятельность социал-демократов ограничилась переписью населения посада (АОАГС. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 116. Л. 14-16; МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 52).

Представители армянской национальности не желали слушать речи лидеров социал-демократов, к тому же Ормоцадзе произносил их на грузинском языке, а это не понравилось не только армянскому населению, но и представителям других национальностей (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/8. Л. 14; МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/3. Л. 46).

После этих событий социал-демократы стали собирать митинги своих сторонников на базарной площади, а социалисты-революционеры соорудили в посаде еще одну трибуну и обратились к представителям армянской диаспоры из числа сторонников партии Дашнакцутюн с просьбой предоставить вооруженную охрану (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 52).

Нужно полагать, что члены армянской диаспоры располагали информацией о том, что в конце ноября 1905 г. в Тифлисе произошли межнациональные конфликты, в ходе которых пострадали представители армянской национальности. Особенно крупные беспорядки произошли в Борчалинском уезде Тифлисской губернии, где убытки армянского населения достигли 2 млн. руб. Целые селения армян были совершенно разорены, имели место тысячи убитых и раненых (Абрамов, 1940: 208).

События в Грузии отразились на взаимоотношениях лиц армянской и грузинской национальностей в Сочинском округе. Лидер армян-арендаторов, проживающих в имении великого князя Михаила в селениях Лоо и Вардане, учитель А.Р. Ростомьян сообщил предпринимателю М. Мартиросьяну, проживающему в посаде Сочи, что армяне «комитету мингрел и имеретин помогать не будут» (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/16. Л. 11).

Кроме этого, Гватуа и его сторонники требовали от армян, чтобы они прекратили вносить арендную плату, но последние делали вид, что плату они не вносят, но на самом деле, делали обратное. Об этом известно со слов Б.Ф. Алека, управляющего имением «Варданэ», принадлежащего великому князю Михаилу: «Армяне плату вносили исправно, но меня просили не говорить об этом, так как туземцы запретили им» (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/16. Л. 13).

Благодаря агитации социалистов-революционеров представители армянской диаспоры, которые в своем большинстве не хотели принимать участия в вооруженном столкновении с властями, выставили со своей стороны 300 чел., т.к. это решение принял местный комитет партии Дашнакцутюн, а предприниматель Малхасян отправил об этом письмо в Лоо (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/1. Л. 25, 56, 59, 182).

Поэтому, когда произошло вооруженное столкновение революционных сил с представителями царских властей, многие из армян поддержали призыв социалистов-революционеров оказать им поддержку, в связи с чем, армяне-арендаторы пришли в посад с оружием. Также в Адлер пришли вооруженные шиловские армяне под предводительством священника молитвенного дома Святого Георга и вместе с представителями других партий изымали оружие у жителей Адлера (МИГКС. ОПИ. ОФ – 10426/10. Л. 55).

Русские и армяне фактически были втянуты в вооруженное восстание. Ситуацию, сложившуюся после вооруженного столкновения, в ночь с 28 на 29 декабря 1905 г. описал сторонник социалистов-революционеров агроном Каракаш: «На позициях перед казармой было всего два десятка русских, между восставшими не было братского отношения, это чувствовалось особенно в харчевнях, где имеретины считали себя хозяевами положения, а русские поселяне и армяне были в загоне, что вызывало недовольство» (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 630. Л. 7-8).

В течение семи дней в посаде Сочи властвовали представители социалистических партий. Кульминацией стала манифестация, которую представители всех политических течений с пением революционных песен и возгласами: «Да здравствует свобода и народное управление!» – провели днем 3 января 1906 г. на улицах посада и состояла она приблизительно из 300–400 человек. «Мятежники шли группами; сначала шли русские, затем имеретины и грузины, а зади армяне. Этой манифестацией закончилось празднование победы мятежниками» (Документы по истории, 1955: 58).

Реакция властей на вооруженное восстание была незамедлительная. Очевидцы указывают, что казаки прибыли для ареста восьми участников вооруженного восстания – Зейтунянца, Караоглыана, Аракела Арабедяна, впоследствии убитого в Сочи, М. Мадельяна, Б. Кагеяна, Л. Петросяна, Д. Кагаянца и Авджяна (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/16. Л. 12).

Известно, что Л. Петросян участвовал в обстреле осажденной казармы в Сочи и был в обслуге пушки, отреставрированной революционерами. Там же он получил ранение и ему была оказана медицинская помощь в доме армянского предпринимателя Айвазова (МИГКС. ОПИ. ОФ-10426/5. Л. 49).

Для наведения порядка и разбирательства случившегося вооруженного восстания в январе 1906 г. в посад Сочи прибыл действительный статский советник Осецкий с правами губернатора. В состав военного гарнизона входили две сотни казаков, 16-й пластунский батальон и 22 солдата Батумской крепостной артиллерии с двумя орудиями (ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 213. Л. 111).

Старший унтер-офицер дополнительного штаба Кубанского областного жандармского управления в Черноморской губернии Федоренко докладывал своему руководству, что в вооруженном восстании участвовали многие турецко-подданные армяне, временно проживающие на арендуемых землях в Сочинском округе, бежавших в Россию во время турецкой резни (ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 213. Л. 117).

Российские власти провели следствие по делу о вооруженном восстании в Сочи и в обвинительном акте значилось пять представителей армянской национальности:

4). *Турецко-подданный Микитор Корокозов Аракелов – по показаниям свидетелей: Митрофанова (23-VI, 10-IX), Казанцева (53-XVI) и Зеневича (248-XVII) – ежедневно ходил на позицию мятежников, стрелял в стражников со двора Айвазова во время первой перестрелки.*

30). *Мещанин гор. Телава Тифлисской губернии Баград Егорович Егоров – по показаниям свидетелей: Халина (28-VI) Шульгина (114-VI) – вооруженный окарауливал стражников после сдачи и приходил на позицию мятежников, будучи вооружен револьвером. По показаниям свидетелей Егорьян (244-XVI) и Вахтанговой (245-XVI) – обвиняемый участия в вооруженном восстании не принимал и с 28-го декабря все время был дома.*

37). *Турецко-подданный Карпет Амбарцумович Зейтунянц – по показаниям свидетелей: Алиева (252-XIII), Яникова (15-XIII), Гринцова (228-XVII), Ростомьяна (23-XX) и Карпетяна (41-XX) – был в числе мятежников, стрелявших по казарме; ружье было по объяснению обвиняемого куплено им и, чтобы его не отобрали, он все время ходил с ним.*

57). *Турецко-подданный Давид Саркисович Кагаянц – по показаниям свидетелей: Алиева (252-XIII) и Гринцова (228-XVII) – вместе с мятежниками стрелял в стражников и ходил на позицию, но, по его словам, делал это по принуждению.*

65). *Турецко-подданный Мелькон Амбарцумович Мадельянц – по показаниям свидетелей: Алиева (252-XIII) и Гринцова (228-XVII) – пришел в Сочи, по его словам, по принуждению, но стрелял по осажденной казарме; по показанию свидетеля Ростомьяна (23-XX) обвиняемый не участвовал в восстании (АОАГС. Ф. 282. Оп. 1. Д. 13. Л. 44, 52, 54, 60, 62).*

После вооруженного восстания в Сочи в течение 1906-1907 гг. заведующий частным училищем в селении Лоо Арташес Ростомьян продолжал вести агитацию среди армянского населения о поддержке соотечественников в Турции. Приоритетными вопросами для армян являлось получение

гражданства и закрепление за ними арендуемых земельных участков, о чем в 1906 г. лидер стародашнаков А. Ростомьян ходатайствовал перед царской администрацией. В мае 1907 г. учитель Ростомьян вынужден был скрываться от властей, а пришедшие на его место учителя увольнялись по решению сельчан, т.к. они «не учат народ». В 1908 г. власти были обеспокоены пропагандистской деятельностью С. Карагозяна, З. Петросяна и К. Караоглына, которых предлагалось выслать из России (Карапетян, 2001: 249-254).

В 1907 г. на территории Черноморской губернии активизировались сторонники Гнчак, у которых в Новороссийске жандармами была изъята крупная партия нелегальной литературы. Кроме этого, в связи с трудностями по финансированию созданных боевых дружин и отрядов самозащиты, армянские политические организации стали заниматься грабежами, что подрывало авторитет партий Гнчак и Дашнакцутюн (Карапетян, 2001: 248, 252).

Из агентурных сведений в 1909 г. властям было известно, что политическая агитация радикальных партий среди населения Черноморской губернии практически отсутствовала, но была иная информация, что в апреле этого года в Новороссийск приезжал некий армянин или турок по национальности, для сбора денег между рабочими и частично лицами армянского происхождения (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 5. Ч. 79. «А». Л. 11, 17).

Кроме этого в 1909 г. полицейские чины обратили внимание на Новороссийскую группу Дашнакцутюн, которая состояла в основном из предпринимателей и сапожников (чувяшников) и лишь Кендукьян существовал на средства организации. В группе значились следующие представители армянской национальности:

1. Китинян М. – содержатель магазина обуви;
2. Зарчушан – содержатель фруктовой лавки;
3. Запанян Михаил – содержатель чувяшной мастерской;
4. Унанов – содержатель фруктовой лавки;
5. Магакян Арменак – чувяшник;
6. Ватулян Мелкин – чувяшник;
7. Хачатурияц Сергей – содержатель номеров «Тифлис»;
8. Кеишиян – содержатель мелочной лавки;
9. Амирханов – домовладелец;
10. Касабян – содержатель магазина обуви;
- 11.1 Оганесов – содержатель бакалейной лавки;
12. Манукян – содержатель фруктовой лавки;
13. Хаджигириян – содержатель магазина красок на Торговом переулке;
14. Кендукьян – определенного занятия не имеет, живет на средства партии;
15. Сеченян – содержатель фруктовой лавки на Воронцовской улице.

На состоявшемся 16 января 1909 г. собрании было обозначено, что Центральный Комитет Армянской революционной федералистской партии Дашнакцутюн признает свою программу устаревшей и известной правительству, предлагалось ее заменить новой и переорганизовать свои боевые организации. В связи с тем, что члены партии Дашнакцутюн преступной деятельности не проявляли, ликвидация группы в Новороссийске властями была приостановлена (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 239. Д. 14. Ч. 14. Л. 1-9).

4. Заключение

Подводя итоги необходимо отметить, что армянское население Черноморской губернии в начале XX в. являлось обособленной моноэтнической группой, которая дистанцировалась от общественно-политической жизни. При этом армянское население не имело российского подданства, что также отражалось на их деятельности. Секуляризация имущества армяно-григорианской церкви и отторжение церковно-приходских школ также негативно сыграло свою роль во взаимоотношениях армян с местной русской администрацией. После восстановления наместничества на Кавказе и благодаря активной позиции Воронцова-Дашкова, в августе 1905 г. имущество было возвращено армянскому духовенству, что ослабило напряжение среди армянского населения.

Осенью 1905 г. армянское население Сочинского округа заявляет о своей принадлежности к партии Дашнакцутюн. Армянские лидеры отказываются смещать русскую администрацию по призыву социал-демократов, предлагают оказать местным властям поддержку и активно участвует в создании народной милиции из представителей различных национальностей округа. Участие сторонников Дашнакцутюн в вооруженном восстании в Сочи обусловлено рядом причин. В связи с тем, что имели место сепаратистские настроения среди грузинского населения, лидеры которых – социал-демократы Гватуа и Хуцишвили призывали население округа принять участие в вооруженном столкновении с властями и угрожали выселением тем, кто не примет в этом участия. Эти угрозы были не обосновательными, т.к. слабость русских властей ощущалась на Кавказе и, особенно в соседней Кутаисской губернии. Лидерам Дашнакцутюн необходимо было учитывать и реакцию властей в случае подавления восстания и усилением недоверия русской администрации в отношении армян. В целом, после вооруженного восстания российские власти отнеслись к армянскому населению

благосклонно, предприняв репрессии только в отношении активных участников революционного движения.

Влияние представителей партии Гнчак было в Черноморской губернии незначительным, а деятельность ее сторонников ограничилась распространением нелегальной литературы. В свою очередь авторитет сторонников партии Дашнакцутюн среди армянского населения был довольно велик и, особенно в Сочинском округе. Сторонники Дашнакцутюн в Новороссийске занимались сбором денежных средств для своего существования и при этом ее участники не брезговали экспроприациями в отношении имущего населения. Политическая деятельность новороссийской группы фактически прекратилась, поэтому власти приостановили решение о задержании членов Дашнакцутюн.

Литература

Абрамов, 1940 – *Абрамов А.* Крестьянское революционное движение в Грузии в 1905–1907 гг. Л., 1940.

АОАГС – Архивный отдел администрации города Сочи.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Документы по истории, 1955 – Документы по истории Сочинской республики // *Исторический архив*. 1955. № 6.

Дякин, 1998 – *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.

Карапетян, 2001 – *Карапетян Л.А.* У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Краснодар, 2001.

МИГКС – Музей истории города-курорта Сочи.

Первая революция, 2005 – Первая революция в России: Взгляд через столетие // Отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Таран, 2009 – *Таран К.В.* Причины участия сельских жителей Сочинского округа в вооруженном восстании в декабре 1905 – январе 1906 гг. // *Научные проблемы гуманитарных исследований. Научно-теоретический журнал*. Пятигорск, 2009. Выпуск 11(2).

Тверитинов, 2000 – *Тверитинов И.А.* Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000.

Трехбратов, 1989 – *Трехбратов Б.А.* Первые шаги... Выступления армейских и казачьих частей на Северном Кавказе в период революции 1905–1907 гг. Краснодар, 1989.

Урилов, 2005 – *Урилов И.Х.* История Российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 3. М., 2005.

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

Энциклопедический..., 1900 – Энциклопедический словарь. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 31. СПб., 1900.

Taran, 2014 – *Taran, K.V.* (2014) The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905–1907): Monograph. Banská Bystrica: Matej Bel University, 194 p.

References

Abramov, 1940 – *Abramov A.* (1940). Krest'yanskoe revolyutsionnoe dvizhenie v Gruzii v 1905–1907 gg. [The peasant revolutionary movement in Georgia in 1905–1907]. L. [In Russian]

AOAGS – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi [The archival department of Sochi administration].

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archives of the Krasnodar Krai].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The state archive of the Russian Federation].

Dokumenty po istorii, 1955 – Dokumenty po istorii Sochinskoi respubliki [The documents on the history of the Sochi Republic]. *Istoricheskii arkhiv*. 1955. № 6. [In Russian]

Dyakin, 1998 – *Dyakin V.S.* (1998). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.) [The national issue in the internal politics of tsarism (XIX – early XX centuries)]. SPb. [In Russian]

Karapetyan, 2001 – *Karapetyan L.A.* (2001). U istokov rossiiskoi mnogopartiinosti: Severo-Kavkazskii region (konets 90-kh gg. XIX v. – fevral' 1917 g.) [At the origins of the Russian multi-party system: the North Caucasus region (the end of the 90-ies of the XIX century – February 1917)]. Krasnodar. [In Russian]

MIGKS – Muzei istorii goroda-kurorta Sochi [The history museum of Sochi resort-city].

Pervaya revolyutsiya, 2005 – Pervaya revolyutsiya v Rossii: Vzglyad cherez stoletie [The First revolution in Russia: a view through the century] // Отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М., 2005. [In Russian]

RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [The Russian state archive of socio-political history].

[Taran, 2009](#) – *Taran K.V.* (2009). Prichiny uchastiya sel'skikh zhitelei Sochinskogo okruga v vooruzhennom vosstanii v dekabre 1905 – yanvare 1906 gg. [The reasons for the involvement of rural residents in the Sochi district in the armed uprising in December 1905 – January 1906]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. Nauchno-teoreticheskii zhurnal*. Pyatigorsk, Vypusk 11(2). [In Russian]

[Tveritinov, 2000](#) – *Tveritinov I.A.* (2000). Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sochinskogo okruga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The socio-economic development of Sochi district in the second half of XIX – early XX centuries]. Sochi. [In Russian]

[Trekhbratov, 1989](#) – *Trekhbratov B.A.* (1989). Pervye shagi... Vystupleniya armeiskikh i kazach'ikh chastei na Severnom Kavkaze v period revolyutsii 1905–1907 gg. [The performances of army and cossack units in the North Caucasus during the revolution of 1905–1907]. Krasnodar. [In Russian]

[Urilov, 2005](#) – *Urilov I.Kh.* (2005). Istoriya Rossiiskoi sotsial-demokratii (men'shevizma) [The history of Russian social democracy (menshevism)]. Ch. 3. M. [In Russian]

[TsDNIKK](#) – Tsentр dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraya [The center of documentation of the newest history of the Krasnodar Krai].

[Entsiklopedicheskii..., 1900](#) – *Entsiklopedicheskii slovar'* [The encyclopedic dictionary] / F.A. Brokgauz, I.A. Efron. T. 31. SPb., 1900. [In Russian]

[Taran, 2014](#) – *Taran K.V.* (2014). The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905–1907): Monograph. Banská Bystrica: Matej Bel University, 194 p.

УДК 94

Деятельность армянских партий Дашнакцутюн и Гнчак на территории Черноморской губернии в начале XX в.

Константин Викторович Таран ^{a, c*}, Алексей Владимирович Дюжов ^b,
Илья Михайлович Рассолов ^b

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается деятельность армянских партий Дашнакцутюн и Гнчак на территории Черноморской губернии в начале XX века. Уделено внимание причинам участия армян в революционных событиях 1905–1907 гг.

В качестве материалов были использованы архивные документы центральных и региональных архивохранилищ, а именно государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, государственного архива Краснодарского края, центра документации новейшей истории Краснодарского края, архивного отдела города Сочи и музея истории города-курорта Сочи.

В заключении авторы приходят к выводу, что, несмотря на имеющиеся проблемы во взаимоотношениях с армянским населением Черноморской губернии до 1905 года, армяне вынуждены участвовали в беспорядках Первой русской революции. Позднее в ходе следствия по делу о Сочинской республике это и было установлено, а армянское население избежало уголовной ответственности.

Ключевые слова: армянские партии, Дашнакцутюн, Гнчак, Черноморская губерния, начало XX века.

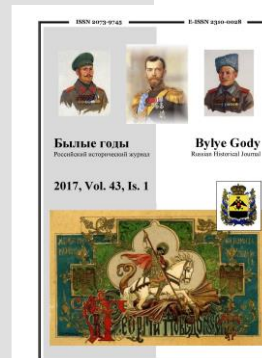
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран),
Dyuzhov.AV@rea.ru (А.В. Дюжов), Rassolov.IM@rea.ru (И.М. Рассолов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 257-264, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.257
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 323.2

The Interaction of Civil Society Institutions and the State in the Sphere of Youth Policy Implementation: the Russian Experience of the Beginning of XX Century

Pavel A. Merkulov ^{a,*}, Vadim V. Sokolov ^a, Alexey V. Melnikov ^a

^aCentral Russian Institute of management – branch of Ranepa, Russian Federation

Abstract

This article is about the Russian experience of the beginning of XX century on the interaction of institutions of civil society and the state in the implementation of youth policy. Uncovering the aforesaid problem, the authors paid significant attention to the methodological implications of their research. The author's position is that in the framework of historical research on the issue of state youth policy requires the use of a wide multidisciplinary methodological tools based on understanding the predictable result, according to which elected and specific research approaches to the analysis of empirical data. Empirical research includes a variety of types of historical sources to give a comprehensive detailed description of state youth policy. The authors note that the main and most important group of sources for the stated problems is documents from the collections of various Russian archives. Analyzing the historiography of the topic, the authors come to the conclusion that the history of the formation of the state youth policy in the pre-revolutionary period had not yet become the subject of a special study, especially in terms of interaction of state structures with civil society institutions.

The main conclusions of the authors on the topic boil down to the fact that at the beginning of the XX century there is a transition from General social policy, which was periodically involved elements of state policy in relation to young people, i.e. youth policy of the estates to her all-classes character. The system of sectoral management bodies at this stage of the development process of the state youth policy is not yet formed. This significantly increases the role of non-state actors and organizations, vallecucana in the process of socialization of young people. The authors come to the conclusion that in the early twentieth century. appear three main criteria that should be considered basic to identify in the General system of public administration targeted state youth policy. To these criteria, the authors include: the presence of the target social groups; the presence of a normative-legal base regulating the corresponding relations; the imputation of responsibilities for implementation of activities for youth to government with General competence. However, the authors believe that until the end of the existence of the monarchy in Russia, the state policy towards young people has been fairly eclectic.

Keywords: governance, youth, national youth policy, civil society institutions, socialization of youth.

1. Введение

Молодежь нигде и никогда не была в стороне от сколько-нибудь крупных общественных процессов, но, при этом, она очень часто заявляла о себе в истории в качестве стихийной социальной массы, демонстрирующей миру свою разрушительную силу. Неслучайно забота о молодом поколении всегда была в сфере самого пристального внимания не только государства, но и общественных институтов, которые играли значительную роль в осуществлении государственной молодежной политики (Мельников, 2015: 105-109). Поэтому, на наш взгляд, крайне важно изучать исторический

* Corresponding author

E-mail addresses: nio-ranepa57@mail.ru (P.A. Merkulov), nio-ranepa57@mail.ru (V.V. Sokolov), nio-ranepa57@mail.ru (A.V. Melnikov)

опыт (прежде всего, отечественный) взаимодействия государства и гражданского общества в части разработки и реализации государственной молодежной политики (Мельников, 2014: 60-63). Чему, собственно говоря, и посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Характеризуя теоретико-методологический инструментарий, использовавшийся при подготовке этой статьи, авторы посчитали необходимым выделить ряд концептуальных моментов.

Во-первых, вопрос о времени возникновения государственной молодежной политики в России как сложного комплексного политико-управленческого феномена заслуживает отдельного рассмотрения, и поэтому будет выведен за рамки представленной статьи. Во-вторых, авторы исходят из объективного факта формирования молодежной политики в Российской империи (как отдельной системы управленческих мероприятий) на достаточно позднем этапе развития отечественного госуправления. В-третьих, представляется возможным говорить о том, что применительно к заявленной теме, можно абстрагироваться от выделения стадийности ряда процессов, несомненно, значимых для понимания развития российского государства и институтов гражданского общества в части реализации молодежной политики. Таким образом, методологическая база научного осмысления заявленной проблематики определяется спецификой изучения молодежной политики как комплекса разнообразных историко-правовых и социально-политических аспектов рассматриваемого вопроса, изучение которого с позиций данного подхода предполагает использование междисциплинарных методов исследования на основе принципов системности и историзма. В работе также использован описательный метод общественных (в том числе, молодежных) организаций начала XX века, ретроспективный анализ педагогического опыта работы с подрастающим поколением.

Использованные при подготовке данной статьи исторические источники, позволили дать характеристику взаимодействию институтов гражданского общества с органами власти в сфере реализации государственной молодежной политики в обозначенных хронологических рамках. Основную и важнейшую группу источников составили документы, отложившиеся в фондах различных российских архивов, таких как ЦГАМ, РГИА, ГАРФ, РГАСПИ. Значительная информация по рассматриваемой проблеме содержится в уже опубликованных архивных данных, включая материалы политических партий дореволюционной России и мемуары непосредственных современников рассматриваемого исторического периода (Меркулов, 2014: 8; Сидорова, Щербакова, 2006).

3. Обсуждения

Говоря о различных подходах к заявленной проблеме, нельзя не отметить, что вопрос об историографии государственной молодежной политики прямым образом связан с исследовательскими гипотезами авторов соответствующих работ, которые затрагивают (в той или иной степени) государственную молодежную политику в «романовский» период истории России начала XX в.

К отмеченной группе исследований относится весьма небольшое количество публикаций отечественных историков (отчасти, социологов и правоведов), которые вполне справедливо отмечают, что первые научные труды, посвященные системе отношений между молодежью и современным ей обществом, во всех проявлениях относятся еще к рубежу XIX–XX вв. и представлены трудами известных российских ученых либерального направления (Янжул, 1880: 427-474; Ковалевский, 1908: 54; Зубок, Чупров, 2008: 108-117).

Вместе с тем, нельзя не обозначить, что в работах представителей всех общественно-гуманитарных наук зачастую (как в явной, так и неявной форме) присутствует (впрочем, мало развиваемый) тезис о том, что молодежная политика всегда имманентно присутствует в деятельности государства. Это характерно для правового позитивизма, который (одновременно с взглядами С.А. Муромцева) получил развитие в России еще в XIX в. благодаря трудам Г.Ф. Шершеневича (Меркулов, 2014: 240). Тем не менее, подобная точка зрения наиболее близка к исследовательской позиции авторов данной статьи и основывается на постулате о том, что о молодежной политике государства, существующей в том или ином виде, можно говорить с момента, когда молодежь начинает выделяться государством как особая социальная группа, получающая соответствующее отражение в нормативно-правовой базе (Меркулов, 2012: 186-191). В данный период заметное внимание уделялось молодежной проблематике в законотворческой практике политических партий в части регулирования трудовых отношений с привлечением несовершеннолетних рабочих (Янжул, 1880: 427-474; Меркулов 2014: 240). Особый корпус работ по различным аспектам молодежной политики связан с новым этапом развития системы народного просвещения в России (Материалы по реформе средней школы, 1915: 431-438; Победоносцев, 1993: 161; Розанов, 2003: 206-207; Сапрыкин, 2009; Иванов 2004). Следует отметить, что именно в рамках этого направления историографии намечаются первые попытки теоретического осмысления государственной молодежной политики как социального феномена, применительно к российской действительности начала XX вв. Отдельного

внимания заслуживают исследования, посвященные проблемам военно-патриотического воспитания молодого поколения в начале XX века (Belencov et al., 2016: 1316; Molchanova et al., 2013: 89-93).

Завершая историографический обзор, отметим, что анализ сложившейся историографии по изучаемой проблеме позволяет утверждать: история формирования государственной молодежной политики в предреволюционный период еще не стала предметом специального исследования, особенно в части взаимодействия госструктур с институтами гражданского общества. Собственно, поэтому указанные обстоятельства и предопределили выбор заявленной темы.

4. Результаты

Опираясь на обозначенные выше концептуальные подходы, авторы пришли к выводу о том, что проблема формирования и реализации государственной молодежной политики в России начала XX в. находила свое решение в создании механизмов, объединяющих усилия государственного аппарата и тех социальных слоев и общественных институтов, которые государство рассматривало в качестве своей опоры. В высших эшелонах власти на вполне сформировавшемся идейном уровне была представлена более консервативная точка зрения, отводившая, главную роль в вопросе социализации молодежи институту семьи. Этой позиции придерживался обер-прокурор Священного Синода, ставший символом российского консерватизма, К.П. Победоносцев, писавший в одной из своих работ: «Воспитание детей составляет, прежде всего, естественную обязанность родителей... Государственная власть вообще не вмешивается в это дело частной домашней жизни» (Победоносцев, 1993: 161). Однако логика необходимости повышения эффективности государственной политики путем институциональной реформы, в конечном счете, возобладала.

В качестве примера симбиоза государства и институтов гражданского общества в решении задач молодежной политики в начале XX в. можно привести реформируемую систему попечительных комитетов/советов. Смысл заключался в том, что в ходе реформы, начатой министром народного просвещения Н.П. Боголеповым, в форме рескрипта Николая II от 25 марта 1901 г. был запущен процесс формирования механизма, дававшего родителям возможность участия в управлении учебными заведениями. Попечительные комитеты/советы были созданы 1 июля 1914 г. Другой этап реформ, проходивший не в самое успешное время Первой мировой войны (1915–1916 гг.) при министре П.Н. Игнатьеве, завершил формирование новой системы управления учебными заведениями с участием общественности. Эта система включала в себя педагогические советы, хозяйственные, родительские комитеты и в ряде случаев советы попечителей.

Идеи о введении гражданского контроля были восприняты положительно в обществе (Розанов, 2003: 206-207). Отвечая на призыв общественности обратить внимание на отсутствие у родительских комитетов юридически закрепленных прав, в Министерстве народного просвещения был подготовлен проект устава родительских организаций получивших правовой статус, содержательно напоминавший статус педсоветов. Их компетенция была значительно расширена за счет включения вопросов учебно-воспитательного характера (Меркулов, 2014: 284). В проекте Устава была прописана процедура выборов в руководящие органы родительских организаций, представлявших сообщество родителей в педагогическом и попечительном советах и хозяйственном комитете. В этой связи можно согласиться с точкой зрения о том, что принятие этого устава стало вершиной в развитии системы взаимодействия государства и гражданского общества по осуществлению молодежной политики в части образования (Материалы по реформе средней школы, 1915: 431-438).

Как можно заметить, в начале XX в. увеличивается общественная активность, связанная с попытками гражданского общества и государства организовать работу с молодежью по типу движений, уже давно существовавших в Европе (скаутов и т.п.). Это требовало разработки соответствующего законодательства. Прежде всего, требовалось сформировать практику регистрации уставов молодежных организаций, а также юридически закрепленного отношения государства к деятельности этих организаций в части осуществления государственной молодежной политики (РГАСПИ, Ф. М-26. Оп. 1. Д. 37).

Начало данного процесса может быть отнесено к 1909–1916 гг., когда в Москве создавались детские общества, ориентированные на интеллектуальное, физическое и эстетическое развитие молодого поколения (Меркулов, 2014: 285; Туманова, 2008).

Наиболее известным из молодежных движений рассматриваемого периода являлось движение скаутов. Скаутизм был направлен на формирование патриотических настроений у молодого поколения (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. 1907. Д. 37). Итогом воспитательной работы в рамках скаутских организаций становилось формирование гражданского сознания и любви к своему Отечеству (Подробнее: Беленцов и др., 2016: 1317).

Помимо этого можно отметить деятельность молодежи связанную с оказанием помощи инвалидам и раненым в битвах Первой мировой войны; семьям, оставшимся без кормильцев и т.д. Наиболее известными стали, конечно, новации в области создания и деятельности Военно-промышленных комитетов и подобных им организаций с привлечением молодежи. Вместе с тем, эта позитивная составляющая государственной молодежной политики сочеталась с негативными проявлениями, направленными на подавление антиправительственных движений в молодежной среде (РГАСПИ, Ф. М-26. Оп. 1. Д. 26; РГАСПИ Ф. М-26. Оп. 1. Д. 29; Меркулов, 2014: 286).

В начале XX в., в связи с некоторой либерализацией законодательства в отношении деятельности религиозных организаций, не связанных с Русской православной церковью, в стране активизируется деятельность сектантских обществ, делающих ставку на вовлечение неопитов именно из числа молодежи. С 1908 г., когда был создан и начал свою работу «всероссийский союз христианской молодежи», бывший отделом «Всероссийского союза евангельских христиан», на молодежь стали обращать внимание евангельские христиане ([Первый Всероссийский съезд кружков баптистской молодежи..., 1909: 3](#)).

Помимо отмеченных выше четко акцентированных по политическому или религиозному принципу организаций, начало XX в. было отмечено также формированием организаций внепартийного и внеполитического толка, ориентированных на удовлетворение потребностей в области культуры (прежде всего, физической). Речь, прежде всего, о русском варианте чешского сокольства – физкультурном движении, интересном тем, что его можно классифицировать как первую общероссийскую организацию, получившую государственную регистрацию, широкое распространение и признание в разных слоях русского общества ([Меркулов, 2014: 287](#)). Своего рода символом поддержки этого движения стало вступление в «Союз Русского Сокольства», созданный в 1910 г., первого премьер-министра России П.А. Столыпина вместе со своим сыном. На учредительном съезде (1911 г.) были декларированы «принципы демократизма и любви к ближнему, сознание гражданского и общественного долга и альтруизм». К 1914 г. в 26 городах России действовало более 40 сокольских организаций ([Мацукевич, 2011](#)). Говоря об их взаимодействии с органами госвласти, отметим, что активное участие в легализации сокольского движения принимали депутаты Государственной думы, а сам Союз просуществовал до 1917 г. ([Качулина, 2007](#)).

Параллельно с сокольством развивалось и движение русских скаутов, ориентированное на подготовку молодежи к служению Отечеству. В России движение скаутов зародилось в 1909 г., а в 1910 г. были созданы «Легион юных разведчиков» и «Московская дружина юных разведчиков» ([Жуков, 1916: 315](#)). Организация скаутского движения интересна тем, что инициирована сверху и имела изначальное целеполагание в контексте государственных задач в сфере молодежной политики ([Правила организации юных скаутов, 1910](#)). Надо отметить, что попытка правящих кругов создать нечто подобное движению скаутов, но с четко выраженной национальной спецификой, также имела место. Подобную военизированную организацию для молодежи попытались создать как вариант петровских «потешных» войск ([Правила потешных..., 1911: 16](#)). Школы военного строя, по своей сути, были весьма далеки от политики и шовинизма ([Molchanova et al., 2013: 89-93](#)). В них дети обучались маршировке, военной гимнастике и ружейным приемам, причем в каждом обучающемся развивалось стремление к героизму. В этом отношении главной целью «потешных» организаций являлось заинтересовать молодежь, разбудить в ней чувства соревнования и социальной активности. Однако калка с армейской муштры не способствовала популярности такой организации в молодежной среде. Чаша весов склонилась в пользу скаутов. Неудача «потешных» привела к поддержке классического скаутизма, и в августе 1914 г. было организовано «Общество содействия мальчикам-разведчикам» – «Русский скаут». В 1915 г. руководитель движения Э.П. Цытович привлек к движению скаутов великого князя Георгия Константиновича. Он, по Высочайшему распоряжению Императора Николая II, внес в списки Царскосельского отряда Цесаревича Алексея, ставшего Первым скаутом России. Участие в организации скаутов принимала и Великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра императрицы, покровительствовавшая «Обществу содействия организации юных разведчиков (скаутов)» ([РГАСПИ. Ф. М-26. Оп. 1. Д. 37](#)). Движение нашло отклик в стране, и, по мере его распространения, встал вопрос об объединительном съезде, где участвовали бы и скауты, и разведчики, и потешные. Данное мероприятие прошло в 1915 г., когда первый скаутский съезд («Первый Съезд представителей скаутских организаций и лиц, интересующихся скаутизмом» и «Всероссийский съезд инструкторов и лиц, интересующихся скаутизмом») утвердил устав, организационную структуру, символику и т.п. русского скаутизма. Интересна та часть его решений, где говорится о том, что «скаутизм не может и не должен иметь целью втягивать юные души школьников в политику с ее водоворотом страстей. Политика должна быть чужда юной, еще не окрепшей душе школьника» ([Документы первого всероссийского съезда..., 1915; Жуков, 1916: 11-16](#)).

К осени 1917 г. в России насчитывалось 50 тыс. скаутов в 143 городах, что делает скаутов объективно крупнейшей организацией в России.

В целом, скаутское движение, его возникновение и развитие показывает, что государственная молодежная политика обретает принципиально новые черты, отыскивая пути реализации в целевых проектах, осуществлявшихся государством в плотном взаимодействии с институтами гражданского общества.

Вместе с тем, известная неофициальность присуща созданию структур управления молодежным движением. Так, в случае со скаутами, организационная структура формируется из добровольцев, офицеров в отставке, к которым обращается верховная власть, аналогичный процесс идет в рамках благотворительных обществ, консолидирующих волонтеров и выступающих в роли системообразующих организационных структур.

Это особенно примечательно, если обратиться к анализу практики партийного строительства, свойственного российским политическим партиям начала XX в., не относящимся к организациям конспирологического или вождистского типа. Там мы увидим весьма сходную картину принципов

организационного строительства. Поэтому отсутствие специализированных отраслевых структур государственного управления в сфере реализации молодежной политики – явление, которое вполне соответствует духу тогдашней эпохи.

Параллельно в России формируется и совокупность организаций в области физической культуры. Они, не будучи чисто молодежными по своему целеполаганию, тем не менее, показывают процесс встраивания государственных органов в новую систему взаимоотношений с гражданским обществом в сфере социализации молодежи.

В совокупности все отмеченные выше факторы показывают, что в начале XX в. в государственной молодежной политике в России наступает качественно новый этап. Прежде всего, он связан с изменениями и в объекте, и в элементах управленческого воздействия. Что касается объекта, то в первом десятилетии XX в. под управленческое воздействие попадало уже не только студенчество – первая всеобщая группа молодежи, но целая совокупность социальных групп, включая студенчество, прочие категории учащейся молодежи, рабочую молодежь, кадетов, а также детей и подростков из, по современной терминологии, неблагополучных семей.

Что касается элементов самого управляющего воздействия (прежде всего, таких, как целеполагание и организация) в государственной молодежной политике начала XX в., то они также изменились. Если в период до начала революционных волнений первого десятилетия XX в. мы можем говорить о том, что государственная молодежная политика фактически не затрагивала вопросы социализации молодежи, то после революционных событий ситуация претерпела существенные изменения. Прежде всего, это связано с появлением системных проектов государства в отношении молодежи, в которых (хотя и на зачаточном уровне) проявляются одновременно три критерия, которые мы считаем базовыми для идентификации в системе государственного управления наличия целенаправленной государственной молодежной политики: целевая социальная группа; нормативно-правовая база, регулирующая соответствующие отношения; органы государственного управления специальной компетенции.

Изучение структуры органов государственного управления, реализующих те или иные направления молодежной политики, требует своего особого методологического подхода. Прежде всего, потому, что в рассматриваемый период мы имеем дело не с четко структурированными органами отраслевого управления молодежной политикой, а с временными, как правило, чрезвычайными органами управления, либо с делегированием данной функции действующему органу управления. Структурно они находятся в рамках министерств, отвечающих за реализацию основных направлений социальной политики государства. В то же время, как показывает изучение объекта, на который направлено соответствующее управляющее воздействие, это, прежде всего, студенческая молодежь. Для России в данном контексте ключевым органом власти было Министерство народного просвещения. К другим видам органов, реализовавших государственную молодежную политику, следует отнести специальные комиссии и совещательные структуры. Они имели временный характер, их решения сами по себе не носили нормативного характера, однако особенности российской политико-правовой практики соответствующего периода показывают, что положительная резолюция монарха на специальном докладе, записке придавали данным документам если не непосредственно нормативное, то, несомненно, директивное значение. Наконец, к третьей группе органов, реализовавших отдельные аспекты государственной молодежной политики, следует отнести действовавшие на постоянной основе структурные единицы и подразделения отраслевых органов управления, осуществлявших социальную политику. К таковым, прежде всего, можно отнести Министерство народного просвещения. Анализ их деятельности показывает, что были очевидны случаи выделения функций по реализации молодежной политики без изменения штатной структуры, что также можно квалифицировать как отдельный способ реализации управленческой функции в сфере государственной молодежной политики.

Как отмечалось выше, элементы государственной политики в отношении молодежи возникли как составная часть социальной политики государства и, прежде всего, сословной политики в целом. В рассматриваемый период отраслевого специализированного органа государственного управления, реализующего молодежную политику, не возникает, что вполне соответствует ее дискретному характеру. Соответствующие задачи решались путем взаимодействия непрофильных государственных структур и институтов гражданского общества. Так, воспитанием молодых рекрутов в духе общей идеологии государства занимался институт военных священников и офицерство, студенчеством преимущественно ведало Министерство народного просвещения, а в случае возникновения межведомственных проблем создавались временные органы, вроде совещаний министров, чьи ведомства имели свои учебные заведения. Однако наиболее разработанной следует признать молодежную политику в сфере образования.

5. Заключение

Таким образом, анализ механизмов формирования и реализации молодежной политики в России начала XX в. показывает, что для существовавшей системы государственного управления было характерно вменение соответствующих функций органам общей компетенции. Наибольшее значение имели Министерство народного просвещения и Военное министерство. Такое положение дел было отражением общеевропейских тенденций в сфере социализации молодого поколения. Они проявлялись в формировании соответствующих министерств и ведомств, а также в разработке законодательства,

регламентирующей деятельность системы образования. Ранее система нормативно-правовых актов, относящихся к сфере образования, регламентировала статус конкретных учебных заведений. В России, как и в Европе, формируются единообразные национальные системы образования с их параллельной законодательной базой, системой ведомственного управления, разработкой и утверждением типовых уставов учебных заведений всех уровней.

Сходные процессы проходили и на уровне гражданского общества. По мере развития негосударственных структур, хотя и с определенным отставанием, развивалась соответствующая нормативно-правовая база. И, к сожалению, еще более медленными темпами формировалась система политических, административных, организационно-правовых и иных механизмов, обеспечивавших взаимодействие государственных и общественных структур в сфере молодежной политики. Основная нагрузка приходилась на МВД, которое, как отмечалось, реализовывало в основном надзорно-карательные функции, реализуя негативную составляющую молодежной политики.

Как отмечалось выше, имела место и практика создания временных органов специальной компетенции, по преимуществу с совещательными функциями. Однако общий уровень развития социальных отношений не ставил на повестку дня вопрос о создании постоянного органа управления специальной компетенции и формирования молодежной организации универсального характера.

Анализ общей ситуации с реализацией молодежной политики в предреволюционный период показывает, что вплоть до конца существования монархической государственности в России, политика в отношении молодежи осуществлялась достаточно эклектично.

Качественно новый этап в развитии и становлении системы формирования и реализации государственной молодежной политики был связан уже с возникновением государства советского типа, реализующего принципиально иную парадигму участия государства и гражданского общества в процессе социализации молодежи. Но этот этап выпадает из хронологических рамок миссии журнала «Былые годы» и поэтому не будет рассматриваться авторами на страницах данного издания.

Литература

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Документы первого всероссийского съезда..., 1915 – Документы первого всероссийского съезда инструкторов и лиц интересующихся скаутизмом. Пг., 1915.
 Жуков, 1916 – Жуков И.Н. Русский скаутизм. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Пг., 1916. С. 11–16.
 Zubok, Chuprov, 2008 – Zubok Ю.А., Чупров В.И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // *Социологические исследования*. 2008. № 7. С. 108–117.
 Иванов, 2004 – Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. 408 с.
 Качулина, 2007 – Качулина Н.Н. Традиции Сокольских организаций России // Теория и практика физической культуры. 2007. № 4. URL: <http://lib.sportedu.ru/press/TPFK/2007N4/p46.htm> (дата обращения: 12.01.2014)
 Ковалевский, 1908 – Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. 242 с.
 Материалы по реформе средней школы, 1915 - Материалы по реформе средней школы. Пг., 1915. С. 431–438.
 Мацукевич, 2011 – Мацукевич О.Ю. Сокольское движение как социально-педагогический феномен. URL: http://www.rusnauka.com/23_NPM_2011/Pedagogica/6_91404.doc.htm (дата обращения: 12.01.2014).
 Мельников, 2014 – Мельников А.В. Молодежные общественные объединения как институт гражданского общества // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014. №4(34). С. 60-63.
 Мельников, 2015 – Мельников А.В. Формирование общественно-политического потенциала российской молодежи в процессе политической социализации // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015. №5. С. 105-109.
 Меркулов, 2012 – Меркулов П.А. Молодежь и либеральные партии России – между принципами и политической целесообразностью // «Время выбрало нас: Путь интеллектуала в политику» IV Муромцевские чтения. Сб. материалов научной конференции. 25–26 октября 2012 г. Орел, 2012. С. 186–191.
 Меркулов, 2014 – Меркулов П.А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.). Монография. Орел: издательство ОФ РАНХиГС. 2014. 488 с.
 Первый Всероссийский съезд кружков баптистской молодежи..., 1909 - Первый Всероссийский съезд кружков баптистской молодежи, юношей и девиц в Ростове-на-Дону. Ростов-на-Дону, 1909. С. 3.
 Победоносцев, 1993 – Победоносцев К.П. Народное просвещение // Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 161.
 Правила потешных..., 1911 – Правила потешных пятой сибирской стрелковой дивизии // Потешный. 1911. № 10. С. 16.

- Правила организации юных скаутов, 1910 – Правила организации юных скаутов // *Юный разведчик*. М., 1910.
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
- Розанов, 2003 – Розанов В.В. Вести из учебного мира // *Русская государственность и общество* (Статьи 1906–1907 гг.). М., 2003. С. 206–207.
- Сапрыкин, 2009 – Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009.
- Сидорова, Щербакова, 2006 – Россия под надзором: Отчеты III Отделения 1827–1869 гг. Сб. документов / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. М., 2006. 706 с.
- Туманова, 2008 – Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. М., 2008. 328 с.
- Янжул, 1880 – Янжул И.И. Детский и женский фабричный труд в Англии и России // *Отечественные записки*. 1880. № 2. С. 427-474.
- Belencov et al., 2016 – Belencov S.I., Fahrutdinova A.V., Kuznecova A.A. Voennaja podgotovka shkol'nikov v Germanii v nachale XX veka [The Military Training of Students in Germany in the Early XX century] // *Bylye Gody*. 2016. №42. p. 1316, 1317.
- Molchanova et al., 2013 – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., M. Shmigel'. Molodezh' i patrioticheskie nastroenija v period carstvovanija imperatora Nikolaja II [Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II]. // *Bylye Gody*. 2013. №30 (4). pp. 89-93.

References

- Belencov et al., 2016 – Belencov S.I., Fahrutdinova A.V., Kuznecova A.A. (2016). Voennaja podgotovka shkol'nikov v Germanii v nachale XX veka [The Military Training of Students in Germany in the Early XX century]. *Bylye Gody*. №42. pp. 1316, 1317.
- GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation].
- Dokumenty pervogo vserossijskogo s#ezda instruktorov i lic interesujushhijh skautizmom. [Documents of the first all-Russian Congress of instructors and individuals interested in scouting]. Pg., 1915. [in Russian]
- Zhukov, 1916 – Zhukov I.N. (1916). Russkij skautizm. Kratkie svedenija o russkoj organizacii junyh razvedchikov. [The Russian scoutism. Brief information about organization of Russian young scouts] Pg., pp. 11–16. [in Russian]
- Zubok, Chuprov, 2008 – Zubok Ju.A., Chuprov V.I. (2008). Stanovlenie i razvitie otechestvennoj sociologii molodezhi [The formation and development of Russian sociology of youth]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2008. № 7. pp. 108–117. [in Russian]
- Ivanov, 2004 – Ivanov A.E. (2004). Studencheskaja korporacija Rossii konca XIX – nachala XX v.: opyt kul'turnoj i politicheskoj samoorganizacii. [Student Corporation of Russia of late XIX – early XX century: experience of political and cultural self-organization]. М., 2004. 408 p. [in Russian]
- Kachulina, 2007 – Kachulina N.N. (2007). Tradicii Sokol'skih organizacij Rossii [Tradition Sokol organizations of Russia]. *Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury*. № 4. URL: <http://lib.sportedu.ru/press/TPFK/2007N4/p46.htm> (data obrashhenija: 12.01.2014). [in Russian]
- Kovalevskij, 1908 – Kovalevskij M.M. (1908). Oчерки po istorii politicheskijh uchrezhdenij Rossii. [Essays on the history of political institutions of Russia]. SPb., 242 p. [in Russian]
- Materialy po reforme srednej shkoly, 1915 – Materialy po reforme srednej shkoly. [Materials on the reform of the secondary school]. Pg., 1915. pp. 431–438. [in Russian]
- Macukevich, 2011 – Macukevich O.Ju. (2011). Sokol'skoe dvizhenie kak social'no-pedagogicheskij fenomen. [Sokol movement as a socio-pedagogical phenomenon] URL: http://www.rusnauka.com/23_NPM_2011/Pedagogica/6_91404.doc.htm (data obrashhenija: 12.01.2014). [in Russian]
- Mel'nikov, 2014 – Mel'nikov A.V. (2014). Molodezhnye obshhestvennye obedinenija kak institut grazhdanskogo obshhestva [Youth associations as Institute of civil society]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*. 2014. №4(34). pp. 60-63. [in Russian]
- Mel'nikov, 2015 – Mel'nikov A.V. (2015). Formirovanie obshhestvenno-politicheskogo potencijala rossijskoj molodezhi v processe politicheskoj socializacii [The formation of the socio-political potential of the Russian youth in the process of political socialization]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*. №5. pp. 105-109. [in Russian]
- Merkulov, 2012 – Merkulov P.A. (2012). Molodezh' i liberal'nye partii Rossii – mezhdju principami i politicheskoj celesoobraznost'ju [The youth and the liberal party of Russia – between principles and political expediency] // «Vremja vybralo nas: Put' intellektuala v politiku» IV Muromcevskie chtenija. Sb. materialov nauchnoj konferencii. 25–26 oktjabrja 2012 g. Orel. pp. 186–191. [in Russian]
- Merkulov, 2014 – Merkulov P.A. (2014). Istoricheskij opyt razrabotki i realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossii (vtoraja polovina XIX v. – nachalo XXI v.). [Historical experience in the development and implementation of state youth policy in Russia (second half XIX – beginning of XXI century)] Monografija. Orel: izdatel'stvo of ranhigs. 488 p. [in Russian]
- Molchanova et al., 2013 – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., M. Shmigel'. (2013). Molodezh' i patrioticheskie nastroenija v period carstvovanija imperatora Nikolaja II [Youth and Patriotic Sentiments during the Reign of Emperor Nicholas II]. *Bylye Gody*. №30(4). pp. 89-93. [in Russian]

- [Pervyj Vserossijskij sezid kruzhkov baptistskoj molodezhi..., 1909](#) – Pervyj Vserossijskij s#ezd kruzhkov baptistskoj molodezhi, junoshej i devic v Rostove-na-Donu. [The first all-Russian Congress of Baptist youth groups, boys and girls in Rostov-on-Don] Rostov-na-Donu, 1909. p. 3. [in Russian]
- [Pobedonoscev, 1993](#) – *Pobedonoscev K.P.* (1993). Narodnoe prosveshhenie [Public education] // Velikaja lozh' nashego vremeni. M. [in Russian]
- [Pravila poteshnyh..., 1911](#) – Pravila poteshnyh pjatoy sibirskoj strelkovoju divizii [The amusing rules of the fifth Siberian rifle division]. *Poteshnyj*. 1911. № 10. p. 16. [in Russian]
- [Pravila organizacii junyh skautov, 1910](#) – Pravila organizacii junyh skautov [The rules of the organization of young scouts]. *Junyj razvedchik*. M., 1910. [in Russian]
- [RGASPI](#) – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Russian state archive of socio-political history]. [in Russian]
- [Rozaov, 2003](#) – *Rozaov V.V.* (2003). Vesti iz uchebnogo mira [News from the educational world] // Russkaja gosudarstvennost' i obshhestvo (Stat'i 1906–1907 gg.). M., pp. 206–207. [in Russian]
- [Saprykin, 2009](#) – *Saprykin D.L.* (2009). Obrazovatel'nyj potencial Rossijskoj Imperii. [Educational potential of Russian Empire]. M. [in Russian]
- [Sidorova, Shherbakova, 2006](#) – Rossiya pod nadzorom: Otchety III Otdelenija 1827–1869 gg. Sb. dokumentov [Russia under surveillance: the Report of the division III 1827–1869. A Collection of documents] / Sost. M. Sidorova i E. Shherbakova. M., 2006. 706 p. [in Russian]
- [Tumanova, 2008](#) – *Tumanova A.S.* (2008). Obshhestvennye organizacii i russkaja publika v nachale HH v. [Public organizations and the Russian public in the early twentieth century]. M., 328 p. [in Russian]
- [Janzhul, 1880](#) – *Janzhul I.I.* (1880). Detskij i zhenskij fabrichnyj trud v Anglii i Rossii [Children's and women's factory labor in England and Russia]. *Otechestvennye zapiski*. № 2. pp. 427–474. [in Russian]

УДК 323.2

Взаимодействие институтов гражданского общества и государства в сфере осуществления молодежной политики: российский опыт начала XX века

Павел Александрович Меркулов ^{a, *}, Вадим Вячеславович Соколов ^a, Алексей Викторович Мельников ^a

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается российский опыт начала XX века по взаимодействию институтов гражданского общества и государства в сфере осуществления молодежной политики. Авторская позиция заключается в том, что в рамках исторического исследования по проблеме государственной молодежной политики требуется использование широкого междисциплинарного методологического инструментария исходя из понимания прогнозируемого результата, в соответствии с которым избираются и конкретные исследовательские подходы к анализу эмпирической базы. Эмпирика включает в себя разнообразные виды исторических источников, позволяющих дать всестороннюю развернутую характеристику государственной молодежной политики. Анализируя историографию вопроса, авторы приходят к выводу о том, что история формирования государственной молодежной политики в предреволюционный период еще не стала предметом специального исследования, особенно в части взаимодействия госструктур с институтами гражданского общества.

Основные выводы авторов по заявленной теме сводятся к тому, что в начале XX века система отраслевых органов управления в сфере осуществления молодежной политики еще не сформировалась. При этом значительно возрастает роль негосударственных структур и организаций, вовлекающихся в процесс социализации молодежи. Авторы полагают, что в начале XX в. проявляются три основных критерия, свидетельствующих о появлении в России целенаправленной государственной молодежной политики. К этим критериям авторы относят: наличие целевой социальной группы; наличие нормативно-правовой базы, регулирующие соответствующие отношения; вменение обязанностей по осуществлению деятельности в отношении молодежи органу государственного управления общей компетенции. Тем не менее, авторы убеждены, что в России вплоть до конца существования монархии политика государства в отношении молодежи осуществлялась достаточно эклектично.

Ключевые слова: государственное управление, молодежь, государственная молодежная политика, институты гражданского общества, социализация молодежи.

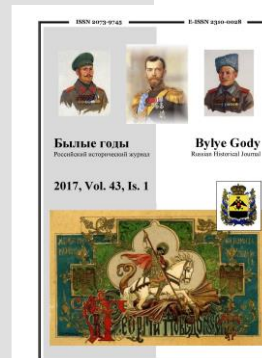
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nio-ranepa57@mail.ru (П.А. Меркулов), nio-ranepa57@mail.ru (В.В. Соколов), nio-ranepa57@mail.ru (А.В. Мельников)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 265-273, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.265
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 336.713(091)

Russian Societies of the Mutual Credit in the years of Economic Recovery (1909–1913)

Tatiana A. Kattsina ^{a,*}, Lyudmila E. Marinenko ^a, Natalya V. Pashina ^a, Ekaterina A. Vakulina ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to one of the poorly studied branches of the bank loan system in the Russian Empire, i.e. the mutual loan societies. While making investments in industry and sales turnover, mutual loan societies contributed to their widening scope by means of remote areas of the country. The most important factor to determine the peculiarities of mutual loan societies development was their bankruptcy during the economic recovery before World War I. That is why main focus is made on internal causes (that developed on the activity of the organization itself) of financial insolvency (bankruptcy) occurrence of mutual loan societies. They allowed show basic problems of mutual loan societies on the example of particular organizations, due to which the factors of crisis and financial insolvency (bankruptcy) risks appeared. The article reveals such inefficient strategies of mutual loan society's development and management as lack of real-life experience (qualifications of the staff), use of investors' finances for the administration personal needs (malpractice), inefficient management of the floating capital, poor loan policy connected with illegal profit withdrawal.

Keywords: the Russian Empire, bank loan system, private loan banks, mutual loan societies, short-term loan, bankruptcy, financial insolvency, bankruptcy causes.

1. Введение

В современной России быстро развивается банковская система и кредитные услуги, что актуализирует изучение финансового рынка в контексте исторического опыта. К началу XX в. в Российской империи действовало 52 отдельных типа банков и других кредитных учреждений (Каценеленбаум, 1927: 191) государственного, общественного и частного характера. Самыми многочисленными среди учреждений краткосрочного кредита в России были общества взаимного кредита (ОВК). Их доля в основных активах кредитно-финансовой системы к 1914 г. составляла «12,2 %, т. е. не намного меньше, чем Государственного банка (16,4 %), и в три с половиной раза превышала долю городских общественных банков (3,4 %)» (Бовыкин, Петров, 1994: 275). ОVK, финансируя промышленность и товарооборот, способствовали расширению их сферы за счет периферийных районов страны. Несмотря на то, что «банкротства обществ взаимного кредита сделались в 90-е гг. XIX в. и позже бытовым явлением» (Каценеленбаум, 1927: 488), этот тип банков сохранил свои позиции в посредничестве кредиту до национализации, начатой в 1918 г. (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 10. Л. 7-10).

В статье ставится задача осветить основные количественные показатели и качественные характеристики российских обществ взаимного кредита накануне и в годы предвоенного экономического подъема (1909–1913). Именно на этом этапе произошло резкое возрастание емкости и размеров русского денежного рынка (рынка ссудных капиталов), он приобрел самостоятельное

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), velichinskaya.lyudmila@mail.ru (L.E. Marinenko), nvpashina@yandex.ru (N.V. Pashina), ekvakulina@yandex.ru (E.A. Vakulina)

значение для кредитования и финансирования хозяйства и по сумме ссудных капиталов (ресурсы банков) достиг весьма внушительных размеров (Гиндин, 1948: 255-257; Бовыкин, 2001: 93-95). ОВК являлись одной из наиболее динамично развивающихся структур кредитной системы имперской России.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены документы Российского государственного архива экономики (фонд 7733), отчеты ОВК, материалы специализированного ежемесячного журнала «Банковое дело» (редактор А.С. Харитонов), издававшегося в Санкт-Петербурге в 1912–1915 гг. В них отражены текущие вопросы делопроизводства и банковских операций, информация финансовой статистики ОВК. В большинстве своем это новые материалы, которые вводятся в научный оборот.

2.2. С опорой на историко-ситуационный и историко-сравнительный методы ретроспективное исследование деятельности ОВК осуществлялось как комбинация внешних (конкретных социально-экономических условий) и внутренних (зависящих от деятельности самой организации) факторов.

3. Обсуждение

С 1990-х гг. в российской исторической науке прослеживается интерес к изучению различных аспектов функционирования и деятельности обществ взаимного кредита попутно с изучением банковско-кредитной системы дореволюционной России (Бовыкин, Петров, 1994; Мехряков, 1995; Андрушин, 1998; Ananich, 2006). В ряде работ (Мехряков, 1996; Грузицкий, 2002) по-новому осмыслены основные суммы фактов, уже освоенных дореволюционной историографией. По мнению А.К. Кириллова огромная потребность средних слоев города в кредите привела к выходу ОВК за рамки устройства (напоминающего большую семью, где все друг друга знают и ведут дела на основании взаимного доверия), диктовавшегося правительством (Кириллов, 2002). На основе опубликованных источников второй половины XIX в. А.В. Зотова (Зотова, 2011а; Зотова, 2012) характеризует петербургские ОВК; поднимает вопрос о деятельности ОВК в условиях экономических кризисов последней трети XIX в. Ее точка зрения, что «отчасти последствия, которые чуть не привели общества взаимного кредита к их краху, были связаны с недальновидным ведением дел правлений самих обществ» (Зотова, 2011б: 44), близка нашей, хотя мы опирались на разные источники, регионы и временные рамки. Ряд авторов (Романова, 2011; Kattsina et al., 2015; Васильев, 2015а; Васильев, 2015б; Чиркин, 2015) сместил фокус своего внимания на ОВК в периферийных районах страны, собрав и творчески переработав обширный фактический материал. Тем не менее, история ОВК Российской империи по-прежнему считается мало изученной (Зотова, 2011с: 531) и остается «открытой» для специальных исследований.

4. Результаты

За годы экономического подъема (1909–1913), предшествующего Первой мировой войне, число российских ОВК увеличилось почти втрое. К началу 1914 г. система ОВК вышла на следующий количественный уровень (см. рис. 1):

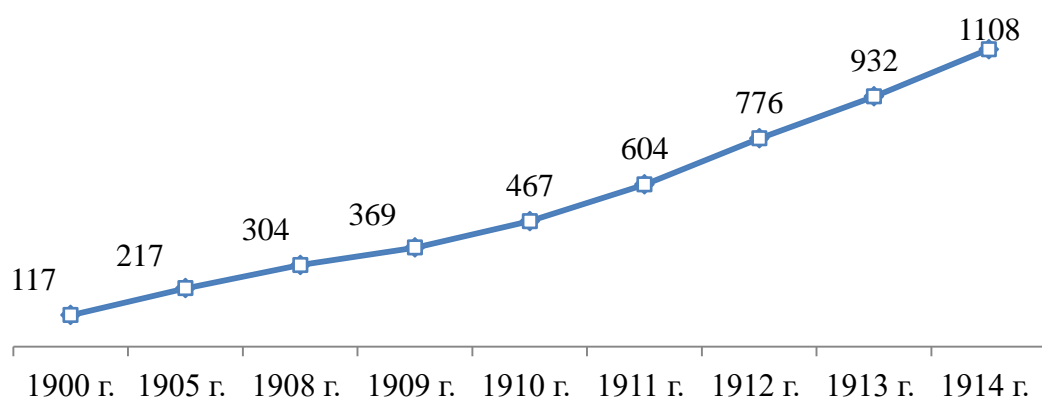

Рис. 1. Динамика численности ОВК на начало года
(составлено по: Сводный баланс..., 1913: 22; Катцина, Мариненко, 2016: 12)

ОВК охватывали почти всю территорию Российской империи, включая Царство Польское и западные губернии, Северный Кавказ и Закавказье, Сибирь, Туркестан и Дальний Восток. Это отличало их от частных банкирских заведений, сосредоточенных в столицах, и от городских банков, которых не могло быть больше одного в городе, так как они учреждались при городских думах. По данным на начало 1912 г. наибольшее число ОВК концентрировалось в областях Кубанской (43) и Войска Донского (29), которые являлись важнейшими производителями хлеба на экспорт, а

также в юго-западных губерниях, образующих крупномасштабный аграрно-промышленный регион: Подольской (35), Херсонской (29), Киевской (24), Волынской (27), Таврической (27), Бессарабской (25) (подсчитано по: [Банковое дело, 1912а: 11-12](#)). Слабую сеть представляла Азиатская часть Российской империи: 6 ОВК – в Дальневосточной области и по 5 в Сибири и Туркестане ([Kattsina et al, 2015: 1048-1049](#)). Эти территории, вовлекаясь в своем экономическом развитии в общероссийский, а отчасти и мировой рынок, специализировались на хлопководстве и хлопкоочистительной промышленности (Средняя Азия), молочном животноводстве и земледелии (Западная Сибирь), добыча золота (Восточная Сибирь). В столицах в конце 1913 г. вели операции 39 ОВК, являвшихся наиболее крупными среди учреждений этого типа. Свыше 80 % всех ОВК имели основные капиталы менее 100 тыс. руб. ([РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 42. Л. 18](#)), были сосредоточены в губернских (172) и уездных городах и селах (879), обслуживали главным образом мелких и средних торгово-промышленных и сельских предпринимателей.

В оценке многочисленности ОВК в некоторых районах (особенно на Кавказе, на юге и на западе страны), мнения современников имели различия. Одни рассматривали подъем учредительства ОВК как необходимое увеличение местных органов кредитования ([Попустительство-ли?, 1912: 16](#)). Другие высказывали опасения по поводу «вредного соревнования обществ между собой», особенно «при отсутствии достаточного состава опытных и преданных делу руководителей» ([Харитонов, 1913: 18](#)). В целом же в финансовых кругах преобладало мнение, что наличие нескольких ОВК в одном городе не только не способствует развитию промышленных интересов, но и вредно сказывается на экономическом положении данного населенного пункта ([Банковое дело, 1913а: 8](#); [Банковое дело, 1913б: 30](#); [Банковое дело, 1913с: 11](#); [Попустительство-ли?, 1912: 16](#); [Анкета..., 1913: С. 24-25](#)). Обычным для Петербурга стало участие человека в 5–7 ОВК, и нередко были случаи, когда лица, зарабатывающие 1200 руб. в год, имели задолженность в 6–9 тыс. руб. ([Банковое дело, 1913б: 27](#)). Противоречила первоначальной идее ОВК и широко распространившаяся в начале XX в. практика вычета 10 % взноса в основной капитал из ссуды взамен уплаты его «живыми» деньгами.

В начале 1910-х гг. претерпела изменения и организационно-управленческая модель тех ОВК, состав которых превышал 300 человек. Здесь, вместо общих собраний вводились собрания уполномоченных. Уполномоченные (не менее 36 человек) избирались по группам, каждая из которых давала треть членских взносов. С одной стороны, увеличение численного состава приводило к нарушению исходного положения взаимности, по которому все должны были знать друг друга в лицо, и в конечном итоге затрудняло получение кредита рядовыми участниками ОВК, так как правления осторожно подходили к учету их векселей. С другой стороны, у большинства участников ОВК отнималось право защиты своих интересов на общих собраниях, где они имели право голоса не зависимо от размера своего взноса. В уполномоченные же большею частью выбирались «денежные тузы, занимающие все теплые места и в других банках, как например, директора, лица, состоящие в учетных комитетах, гласные Думы и пр.», которые утверждали на собраниях «свои дела» ([Котельников, 1912: 18](#)). Нельзя исключать и то, что многие рядовые члены ОВК не имели в банковско-кредитной сфере подчас самых элементарных познаний, смутно представляли себе, как производятся операции и пасовали «перед той банковской премудростью», которую перед ними выкладывало правление ([Р-н Д., 1913: 10](#)). Поэтому нередко были случаи полнейших беспорядков и массы отступлений от устава и счетных правил, подобных тем, которые специальная комиссия обнаружила в делах Павловского ОВК. Там три члена правления общества воспользовались в общей сложности кредитом, равным по сумме всем остальным (800 человек) пайщикам. «Проценты по учету с администраторов ОВК брались меньше, чем с остальных клиентов; по ссудным операциям принимался гнилой товар; правление самовольно увеличивало банковский кредит, открытый по специальным счетам; сумма выданных подтоварных кредитов более чем в 6 раз превышала сумму товаров». Между тем ревизионная комиссия, выявив кассовый дефицит, в своих отчетах показывала значительную прибыль. Из-за махинаций своих руководителей Павловское ОВК получило репутацию «общества прикосновения к чужой собственности» ([Павловские хищники..., 1912](#)).

В 1913 г. крупные злоупотребления из-за неправильной деятельности правления вскрылись в Томашевском ОВК Петроковской губернии. В жалобе, поданной прокурору, 52 пайщика ОВК обвиняли правление в представлении общему собранию фиктивных балансов, в выдаче кредитов заведомо несостоятельным лицам. Наиболее состоятельные члены ОВК, зная о предстоящем банкротстве общества, успели выйти из его состава и даже получить членские взносы, которые по уставу ОВК не подлежали выдаче. Любопытен и способ выдачи этих взносов: лицо, состоявшее в ОВК и желавшее получить членский взнос, выдавало кому-либо фиктивный безденежный вексель, по которому производилось взыскание без протеста, и, на основании исполнительных листов ОВК выдавало членские паи фиктивным лицам. Материальная необеспеченность Томашевского ОВК составила 500 тыс. рублей ([Банковое дело, 1913б: 30](#)).

По характеру своих финансовых операций ОВК приближались к акционерным коммерческим банкам. Они также выполняли функции посредничества между предлагавшими ссудные капиталы и искавшими их; оперировали в основном «чужими деньгами», получаемыми в виде вкладов на текущие счета; производили те же активные операции (учет, выдачу ссуд под залог ценных бумаг и товаров); обслуживали ту же сферу хозяйства (торговлю и промышленность).

Согласно балансовому итогу ОВК на начало 1913 г. (см. табл.), среди активных операций самый высокий (51,9) удельный вес занимал учет векселей с двумя подписями. Это могло означать, что банки через систему личного поручительства практически исчерпывали потребности в кредите со стороны местной деловой элиты. В практике столичных ОВК личный кредит составлял 41,1 %, губернских и уездных ОВК соответственно 45,3 % и 59,3 %. Доля залогового кредита (вторая по размеру операция) во всех действующих ОВК не превышала 18 %. И если в столицах специальные текущие счета ОВК более чем на 79 % обеспечивались ценными бумагами, то в губернских и еще более уездных ОВК соответственно на 56 % и 60 % – товарами и товарными документами (подсчитано по: [Сводный баланс..., 1913: 22-24](#)). Эти факты дают картину направления деятельности ОВК. В провинции они занимались главным образом учетом векселей и выдачей ссуд под товары, обслуживали преимущественно торговлю и промышленность. В столицах же, где процветала игра на бирже, ОВК предоставляли своим членам в довольно значительных размерах еще и средства для спекулятивных целей ([Банковое дело, 1912b](#)).

Таблица 1. Балансовый итог ОВК на начало 1913 г., в млн руб.

Банковские операции	В столицах	В губернских городах	В уездных городах
Собственные капиталы	26,2	52,2	63,7
Вклады	142,9	206,8	189,2
Займы (переучет, перезалог)	48,0	36,5	75,3
Долг корреспондентам по счету <i>postro</i>	3,5	16,0	45,6
Учет векселей с двумя подписями	117,5	156,8	255,5
Учет соло-векселей	2,5	43,6	7,5
Специальные текущие счета:			
под процентные бумаги	70,2	21,3	18,6
под векселя, товары и др.	18,6	27,3	28,4
Баланс	242,9	345,7	430,4

Поскольку рост собственных капиталов ОВК и вкладов несколько отставал от роста главнейших активных операций (учет векселей и специальных текущих счетов), ОВК приходилось привлекать оборотные средства извне, а для производства активных операций прибегать к заимствованиям в других учреждениях, преимущественно акционерных банках. Скорее всего, потому, что средний кредит Государственного банка на одного члена ОВК составлял 10 руб., а крупного акционерного банка – 150 руб. ([Кириллов, 2002: 156](#)). Кредитование совершалось, главным образом посредством учета векселей. Средняя валюта векселя в трехлетие 1907–1909 гг. составляла для Средней Азии 679 руб., для Сибири 1157 руб., тогда как для губерний Царства Польского – всего 195 руб. ([Румянцев, 1914: 442](#)). Это указывает на значительные размеры валюты векселя в Азиатской России.

Заимствования ОВК в виде переучета, перезалога и специальных текущих счетов составили за 1910–1913 гг. колоссальное увеличение в 5,67 раза, превысив общую сумму их оборотных капиталов на 42 млн руб. ([Сводный баланс..., 1913: 24](#)). Председатель Волжско-Камского банка А.Ф. Мухин, говорил: «когда... в наш банк обращаются за кредитом общества взаимного кредита, то мы относимся к вопросу об удовлетворении их нужд очень осмотрительно» ([Анкета..., 1913: 25](#)).

В свою очередь коммерческие банки, открывающие ОВК кредит, иногда требовали двойное и тройное обеспечение, что удорожало кредит в самих ОВК. Поскольку в одно и то же время одни ОВК кредитовались в коммерческих банках, а другие – держали в них свободные средства, коммерческие банки выступали посредниками в распределении средств между ОВК, получая за это солидные проценты. Такая практика в немалой степени способствовала образованию в 1909 г. Центрального банка (ЦБ) ОВК. Проект его устава был разработан по решению III съезда представителей ОВК, проходившего в С.-Петербурге в ноябре 1907 г.

Выгоды от объединения ОВК в корреспондентский союз Центральный банк сформулировал следующим образом: «Концентрируя все свои трассировки и поступления по инкассо на разные пункты на одном счету в Центральном банке, каждое общество, не разрозняя своих средств в разных местах, подчас небольшими суммами, покрытия которых по многим причинам иногда неудобно и требовать, – имеет в каждый данный момент все эти средства в своем распоряжении» ([Уманский, 1913: 7](#)). Задачами ЦБ, таким образом, провозглашались не только снабжение ОВК оборотными средствами для их операций, или помещение их излишков на выгодных условиях, но и объединение их в такую организацию, которая давала бы возможность работать со всеми торгово-промышленными пунктами России.

ЦБ был создан на тех же взаимных основаниях, что и обычное ОВК, действовал как единый расчетный и координационный центр, пайщики которого получали кредит в десятикратном размере против взноса в основной капитал. Деятельность ЦБ сдерживало то, что по уставу он не мог привлекать в пассивы средства населения. Пытаясь решить проблему нехватки средств, руководство

ЦБ обратилось к Министру финансов за разрешением сформировать паевой капитал, владельцы которого могли бы получать фиксированные 4,5 % и участвовать в прибылях Центрального банка (Банковое дело, 1913b: 25). Однако предложение это было отклонено как способствующее стиранию принципа взаимности и превращению ЦБ ОВК в акционерный банк.

Уже в первый год своей работы ЦБ объединил 10 столичных (66,66 %), 70 губернских (61,94 %) и 198 (70,21 %) уездных ОВК (Отчет, 1910: 2). Хотя правления ряда ОВК и осознавали, что при своей отдаленности от центра, они едва ли будут иметь возможность пользоваться кредитом в ЦБ, тем не менее, считали желательным вступление в его члены «в виду развития сношений со всеми обществами» (Отчет, 1911: 3).

Положение ОВК несколько ухудшилось из-за неурожая зерновых (1911 г.), снижения хлебного экспорта из-за Балканских войн (1912–1913 гг.). Акционерные банки либо вовсе закрывали ОВК кредиты, либо уменьшали их до минимальных размеров, одновременно повышая ставки. Если к этому добавить злоупотребления, обнаружившиеся в некоторых ОВК, то станет понятно, почему в 1912 г. в тяжелейших условиях оказалось 105 ОВК. Наибольшее их число (42) находилось в Кубани (Статистические данные..., 1914: 6). Благодаря поддержке ЦБ, большинству убыточных ОВК удалось восстановить свою нормальную деятельность, но 30 ОВК, были исключены из корреспондентского союза (Частное совещание..., 1913: 22). Ущерб, который они нанесли ЦБ, составил около 900 тыс. руб. Сумма убытков списывалась и возмещалась дополнительными членскими взносами, установленными Советом ЦБ ОВК в размере около 50 % основного капитала (К делам Центрального Банка, 1914: 18).

В 1913 г. при ЦБ ОВК был создан институт инспекторов. Под его контроль сразу попало 51 ОВК на Кубани. Представители (инспектора) ЦБ должны были объезжать различные пункты, ревизировать и налаживать деятельность ОВК. В разработанной для них инструкции говорилось «заботиться о том, чтобы общества, входящие в данный район, хотя бы при значительной задолженности Центральному банку, все-таки продолжали свое существование, стараясь постепенно погашать свой долг; отражать везде интересы Центрального банка; изучать деятельность обществ, наблюдая местные условия, влияющие на деятельность и жизнь обществ взаимного кредита; определять предел кредита, которым общество может располагать в банке и [не] доводить задолженность общества до этого предела» (Общее собрание, 1915: 25-26). Однако в повседневной практике ЦБ ОВК переплелись между собой многочисленные противоречия, которые привели в 1912–1913 гг. к выходу из этого союза ряда провинциальных ОВК (Уманский, 1913: 7; Банковое дело, 1913: 28-29).

5. Заключение

ОВК на завершающем этапе формирования финансового капитала в истории России демонстрировали довольно высокие темпы своего развития, претерпев в 1909–1913 гг. ряд количественных и качественных преобразований. Прежде всего, это увеличение почти втрое их числа, распространение практически на всю территорию Российской империи хотя и с разной долей концентрации. Основная их масса была сосредоточена в Европейской России, в районах с достаточно четко выраженной спецификацией зернового хозяйства (южные и юго-восточные окраины), торгового скотоводства и молочного хозяйства (прибалтийские, западные, центрально-промышленные и частично центрально-земледельческие губернии). Основные качественные изменения коснулись организационно-управленческой модели многолюдных ОВК (замены общих собраний собраниями уполномоченных), введения корреспондентского союза ОВК, создания ЦБ в качестве единого расчетного и координационного центра. С точки зрения основных принципов деятельности, ОВК формировали клиентскую базу, используя систему взаимного поручительства и круговой поруки своих членов, которые сами являлись и хозяевами и заемщиками. Взаимное кредитование осуществлялось за счет их вступительных взносов (оборотный капитал) и мобилизованных пассивов. Очевидно, что только высокий уровень личных и материальных гарантий кредита, правильное ведение дело, могли обеспечить относительную безопасность проведения учетно-ссудных операций, которые являлись главной доходной статьей работы ОВК.

Литература

Ananich, 2006 – Ananich B. The Russian Economy and Banking System // *The Cambridge History of Russia*. Volume 2: Imperial Russia, 1689–1917 / edited by Dominic Lieven; London School of Economics and Political Science. Cambridge University Press, New York, 2006. pp. 394-426.

Андрюшин, 1998 – Андрюшин С.А. Банковская система России: особенности эволюции и концепции развития. М.: Институт экономики РАН, 1998. 321 с.

Анкета..., 1913 – Анкета о делах обществ взаимного кредита // *Банковое дело*. 1913. № 6. С. 24-27.

Банковое дело, 1912a – *Банковое дело*. 1912. № 2.

Банковое дело, 1912b – *Банковое дело*. 1912. № 5-6.

Банковое дело, 1913a – *Банковое дело*. 1913. № 1.

Банковое дело, 1913b – *Банковое дело*. 1913. № 6.

Банковое дело, 1913c – *Банковое дело*. 1913. № 10.

Бовыкин, Петров, 1994 – Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М.: Перспектива, 1994. 352 с.

- Бовыкин, 2001** – *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001. 320 с.
- Васильев, 2015a** – *Васильев Я.А.* Организационно-правовые основы деятельности обществ взаимного кредита Российской империи (на примере обществ Новгородской губернии) // *Вестник Новгородского филиала РАНХиГС.* 2015. № 1-1(3). С. 180-188.
- Васильев, 2015b** – *Васильев Я.А.* Человеческий фактор в руководстве обществ взаимного кредита Новгородской губернии // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.* 2015. № 4-2(87). С. 12-15.
- Гиндин, 1948** – *Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948. 453 с.
- Грузицкий, 2002** – *Грузицкий Ю.Л.* Общества взаимного кредита в Российской империи (история появления и этапы развития) // *Финансы и кредит.* 2002. № 13(103). С. 66-72.
- Зотова, 2011a** – *Зотова А.В.* Опыт первого общества взаимного кредита, как ориентир деятельности обществ взаимного кредита в Российской империи // *Клио.* 2011. № 8. С. 92-102.
- Зотова, 2011b** – *Зотова А.В.* Российские общества взаимного кредита в условиях экономических кризисов последней трети XIX в. // *Клио.* 2011. № 9. С. 43-52.
- Зотова, 2011c** – *Зотова А.В.* Общества взаимного кредита в России в 1860-1918 гг.: историография проблемы // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2011. Т. 13. № 3-2. С. 525-533.
- Зотова, 2012** – *Зотова А.В.* Петербургские общества взаимного кредита в XIX веке // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета.* 2012. № 9. С. 88-100.
- Катцина, Мариненко, 2016** – *Катцина Т.А., Мариненко Л.Е.* Сибирские общества взаимного кредита эпохи свободного предпринимательства (1864–1917 гг.) // *Экономическое развитие Сибири. Материалы Сибирского исторического форума.* Красноярск, 12-13 октября 2016 г. Красноярск; Резонанс, 2016. С. 12-15.
- Каценеленбаум, 1927** – *Каценеленбаум З.С.* Учение о деньгах и кредите. Ч. II. Кредит и кредитные учреждения. 2-е изд. М.: Экономическая жизнь, 1927. 568 с.
- К делам Центрального Банка, 1914** – К делам Центрального банка // *Банковое дело.* 1914. № 4. С. 18-19.
- Кириллов, 2002** – *Кириллов А.К.* ОВК: традиции давно минувших дней // *ЭКО.* 2002. № 11. С. 150-159.
- Котельников, 2012** – *Котельников Я.И.* К вопросу об уполномоченных в Обществах взаимного кредита // *Банковое дело.* 1912. № 3. С. 18-19.
- Мехряков, 1995** – *Мехряков В.Д.* История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М.: Институт экономики Российской академии наук, 1995. 295 с.
- Мехряков, 1996** – *Мехряков В.Д.* Развитие кредитных учреждений в России. М.: ДеКА, 1996. 256 с.
- Общее собрание..., 1915** – Общее собрание членов Центрального банка // *Банковое дело.* 1915. № 5-6. С. 21-29.
- Отчет..., 1910** – Отчет Иркутского общества взаимного кредита за 1909 г. Иркутск: паровая типо-литография П. Макушина и В. Посохина, 1910. 44 с.
- Отчет..., 1911** – Отчет Иркутского общества взаимного кредита за 1910 г. Иркутск: паровая типо-литография П. Макушина и В. Посохина, 1911. 44 с.
- Павловские хищники..., 1912** – Павловские хищники, или гг. Яхно и К° // *Банковое дело.* 1912. № 4. С. 22-23.
- Попустительство ли?, 1912** – Попустительство ли? // *Банковое дело.* 1912. № 3. С. 15-16.
- РГАЭ** – Российский государственный архив экономики.
- Р-н Д., 1913** – *Р-н Д.* Что тормозит развитие О[бществ]в Взаимного Кредита? // *Банковое дело.* 1913. № 3. С. 9-11.
- Романова, 2011** – *Романова А.А.* Развитие мелкого кредита в Орловской губернии на рубеже XIX–XX вв. // *Финансы и кредит.* 2011. № 3(435). С. 78-82.
- Румянцев, 1914** – *Румянцев П.П.* Торговля, промышленность, кредит // *Азиатская Россия.* Т. 2. Земля и хозяйство. СПб.: Товарищество А.Ф. Марксъ, 1914. С. 413–446.
- Сводный баланс..., 1913** – Сводный баланс обществ взаимного кредита на 1 января 1913 г. // *Банковое дело.* 1913. № 9. С. 22-24.
- Статистические данные..., 1914** – Статистические данные взаимного кредита об убытках обществ России за 1912 г. по губерниям // *Банковое дело.* 1914. № 3. С. 6.
- Уманский, 1913** – *Уманский Л.А.* Новое в жизни Корреспондентского союза // *Банковое дело.* 1913. № 2. С. 7-10.
- Харитонов, 1913** – *Харитонов А.С.* Недостатки взаимно-кредитного дела // *Банковое дело.* 1913. № 5. С. 18-19.
- Частное совещание..., 1913** – Частное совещание членов Центрального банка обществ взаимного кредита // *Банковое дело.* 1913. № 6. С. 21-23

[Чиркин, 2015](#) – *Чиркин С.А.* Вятское общество взаимного кредита и его деятельность в пореформенный период // *История и археология*. 2015. № 9(29). С. 26-29.

[Kattsina et al, 2015](#) – *Kattsina T.A., Bolonkina E.V., Marinenko L.E.* Societies of the Mutual Credit of Siberia at the Beginning of the XX Century: Number, Structure of Management and Composition // *Bylye Gody*. 2015. № 38(4). pp. 1047-1052.

References

[Ananich, 2006](#) – *Ananich B.* (2006). The Russian Economy and Banking System // *The Cambridge History of Russia Volume 2: Imperial Russia, 1689–1917* / edited by Dominic Lieven; London School of Economics and Political Science. Cambridge University Press, New York. pp. 394-426.

[Andryushin, 1998](#) – *Andryushin S.A.* (1998). Bankovskaya sistema Rossii: osobennosti evolyutsii i kontseptsii razvitiya [Banking system of Russia: features of evolution and concept of development]. M.: Institut ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 321 p. [In Russian]

[Anketa..., 1913](#) – Anketa o delakh obshchestv vzaimnogo kredita [The questionnaire about affairs of societies of the mutual credit]. *Bankovoe delo*. 1913. № 6. pp. 24-27. [In Russian]

[Bankovoe delo, 1912a](#) – *Bankovoe delo*. 1912. № 2. [In Russian]

[Bankovoe delo, 1912b](#) – *Bankovoe delo*. 1912. № 5-6. [In Russian]

[Bankovoe delo, 1913a](#) – *Bankovoe delo*. 1913. № 1. [In Russian]

[Bankovoe delo, 1913b](#) – *Bankovoe delo*. 1913. № 6. [In Russian]

[Bankovoe delo, 1913c](#) – *Bankovoe delo*. 1913. № 10. [In Russian]

[Bovykin, Petrov, 1994](#) – *Bovykin V.I., Petrov Yu.A.* (1994). Kommercheskie banki Rossiyskoy imperii [Commercial banks of the Russian Empire]. M.: Perspektiva. 352 p. [In Russian]

[Bovykin, 2001](#) – *Bovykin V.I.* (2001). Finansovyy kapital v Rossii nakanune Pervoy mirovoy voyny [The financial capital in Russia on the eve of World War I]. M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya». 320 p. [In Russian]

[Chastnoe soveshchanie..., 1913](#) – Chastnoe soveshchanie chlenov Tsentral'nogo banka obshchestv vzaimnogo kredita [Private meeting of members of the Central bank of societies of the mutual credit]. *Bankovoe delo*. 1913. № 6. pp. 21-23. [In Russian]

[Chirkin, 2015](#) – *Chirkin S.A.* (2015). Vyatskoe obshchestvo vzaimnogo kredita i ego deyatel'nost' v poreformennyy period [The Vyatka society of the mutual credit and its activity during the post-reform period]. *Istoriya i arkhologiya*. № 9 (29). pp. 26-29. [In Russian]

[Gindin, 1948](#) – *Gindin I.F.* (1948). Russkie kommercheskie banki: iz istorii finansovogo kapitala v Rossii [Russian commercial banks: from history of the financial capital in Russia]. M.: Gosfinizdat. 453 p. [In Russian]

[Gruzitskiy, 2002](#) – *Gruzitskiy Yu.L.* (2002). Obshchestva vzaimnogo kredita v Rossiyskoy imperii (istoriya poyavleniya i etapy razvitiya) [Societies of the mutual credit in the Russian Empire (history of emergence and stages of development)]. *Finansy i kredit*. № 13 (103). pp. 66-72. [In Russian]

[Katsenelenbaum, 1927](#) – *Katsenelenbaum Z.S.* (1927). Uchenie o den'gakh i kredite. Ch. II. Kredit i kreditnye uchrezhdeniya [The doctrine about money and the credit. P. II. Credit and credit institutions]. 2-e izd. M.: Ekonomicheskaya zhizn', 568 p. [In Russian]

[Kattsina et al, 2015](#) – *Kattsina T.A., Bolonkina E.V., Marinenko L.E.* (2015). Societies of the Mutual Credit of Siberia at the Beginning of the XX Century: Number, Structure of Management and Composition. *Bylye Gody*. № 38(4). pp. 1047-1052.

[Kattsina, Marinenko, 2016](#) – *Kattsina T.A., Marinenko L.E.* (2016). Sibirskie obshchestva vzaimnogo kredita epokhi svobodnogo predprinimatel'stva (1864–1917 gg.) [Сибирские общества взаимного кредита эпохи свободного предпринимательства (1864–1917 гг.)]. *Ekonomicheskoe razvitie Sibiri. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma*. Krasnoyarsk, 12-13 oktyabrya 2016 g. Krasnoyarsk; Rezonans, pp. 12-15. [In Russian]

[K delam Tsentral'nogo Banka, 1914](#) – K delam Tsentral'nogo banka [To affairs of the Central bank]. *Bankovoe delo*. 1914. № 4. pp. 18-19. [In Russian]

[Kharitonov, 1913](#) – *Kharitonov A.S.* Nedostatki vzaimno-kreditnogo dela [Shortcomings of mutual and credit business]. *Bankovoe delo*. 1913. № 5. p. 18. [In Russian]

[Kirillov, 2002](#) – *Kirillov A.K.* (2002). OVK: traditsii davno minuvshikh dney [SMC: traditions of bygone days]. *EKO*. № 11. pp. 150-159. [In Russian]

[Kotel'nikov, 1912](#) – *Kotel'nikov Ya.I.* (1912). K voprosu ob upolnomochennykh v Obshchestvakh vzaimnogo kredita [To a question of representatives in Societies of the mutual credit]. *Bankovoe delo*. № 3. pp. 18-19. [In Russian]

[Mekhryakov, 1995](#) – *Mekhryakov V.D.* (1995). Istoriya kreditnykh uchrezhdeniy i sovremennoe sostoyanie bankovskoy sistemy Rossii [History of credit institutions and current state of a banking system of Russia]. M.: Institut ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 295 p. [In Russian]

[Mekhryakov, 1996](#) – *Mekhryakov V.D.* (1996). Razvitie kreditnykh uchrezhdeniy v Rossii [Development of credit institutions in Russia]. M.: DeKA. 256 p. [In Russian]

[Obshchee sobranie..., 1915](#) – Obshchee sobranie chlenov Tsentral'nogo banka [General meeting of members of the Central bank]. *Bankovoe delo*. 1915. № 5-6. pp. 21-29. [In Russian]

[Otchet..., 1910](#) – Otchet Irkutskogo obshchestva vzaimnogo kredita za 1909 g. [The report of the Irkutsk society of the mutual credit for 1909]. Irkutsk: parovaya tipografiya P. Makushina i V. Posokhina, 1910. 44 p. [In Russian]

[Otchet..., 1911](#) – Otchet Irkutskogo obshchestva vzaimnogo kredita za 1910 g. [The report of the Irkutsk society of the mutual credit for 1910]. Irkutsk: parovaya tipografiya P. Makushina i V. Posokhina, 1911. 44 p. [In Russian]

[Pavlovskie khishchniki..., 1912](#) – Pavlovskie khishchniki, ili gg. Yakhno i K° [Pavlovsk predators, or Yakhno's misters and K°]. *Bankovoe delo*. 1912. № 4. pp. 22-23. [In Russian]

[Popustitel'stvo li?, 1912](#) – Popustitel'stvo li? [Whether connivance?]. *Bankovoe delo*. 1912. № 3. pp. 15-16. [In Russian]

[RGAE](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki [Russian state archive of the economy].

[R-n D., 1913](#) – *R-n D.* (1913). Chto tormozit razvitie O[bshchest]v Vzaimnogo Kredita [What slows down development of Societies of the Mutual Credit]. *Bankovoe delo*. № 3. pp. 9-11. [In Russian]

[Romanova, 2011](#) – *Romanova A.A.* (2011). Razvitie melkogo kredita v Orlovskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vv. [Development of the small credit in the Oryol province at a boundary of the 19-20th centuries]. *Finansy i kredit*. № 3 (435). pp. 78-82. [In Russian]

[Rumyantsev, 1914](#) – *Rumyantsev P.P.* (1914). Torgovlya, promyshlennost', kredit [Trade, industry, credit]. *Aziatskaya Rossiya*. T. 2. Zemlya i khozyaystvo. SPb.: Tovarishchestvo A.F. Marks", pp. 413-446. [In Russian]

[Statisticheskie dannye..., 1914](#) – Statisticheskie dannye vzaimnogo kredita ob ubytkakh obshchestv Rossii za 1912 g. po guberniyam [Statistical data of the mutual credit on losses of societies of Russia for 1912 on provinces]. *Bankovoe delo*. 1914. № 3. p. 6. [In Russian]

[Svodnyy balans..., 1913](#) – Svodnyy balans obshchestv vzaimnogo kredita na 1 yanvarya 1913 g. [Summary balance of societies of the mutual credit for January 1, 1913]. *Bankovoe delo*. 1913. № 9. pp. 22-24. [In Russian]

[Vasil'ev, 2015a](#) – *Vasil'ev Ya.A.* (2015). Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti obshchestv vzaimnogo kredita Rossiyskoy imperii (na primere obshchestv Novgorodskoy gubernii) [Organizational and legal bases of activity of societies of the mutual credit of the Russian Empire (on the example of societies of the Novgorod province)]. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANKhiGS*. № 1-1 (3). pp. 180-188. [In Russian]

[Vasil'ev, 2015b](#) – *Vasil'ev Ya.A.* (2015). Chelovecheskiy faktor v rukovodstve obshchestv vzaimnogo kredita Novgorodskoy gubernii [Human factor in the management of societies of the mutual credit of the Novgorod province]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*. № 4-2 (87). pp. 12-15. [In Russian]

[Zotova, 2011a](#) – *Zotova A.V.* (2011). Opyt pervogo obshchestva vzaimnogo kredita, kak orientir deyatel'nosti obshchestv vzaimnogo kredita v Rossiyskoy imperii [Experience of the First Mutual Loan Society as an operation guideline for the mutual loan societies in the Russian Empire]. *Klio*. № 8. pp. 92-102. [In Russian]

[Zotova, 2011b](#) – *Zotova A.V.* (2011). Rossiyskie obshchestva vzaimnogo kredita v usloviyakh ekonomicheskikh krizisov posledney trety XIX v [Russian mutual credit societies in the midst of economic crisis in the last third of the XIX century]. *Klio*. № 9. pp. 43-52. [In Russian]

[Zotova, 2011c](#) – *Zotova A.V.* (2011). Obshchestva vzaimnogo kredita v Rossii v 1860–1918 gg.: istoriografiya problemy [Mutual loan associations in Russia in 1860–1918: Historiography of the problem]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. T. 13. № 3-2. pp. 525-533. [In Russian]

[Zotova, 2012](#) – *Zotova A.V.* (2012). Peterburgskie obshchestva vzaimnogo kredita v XIX veke [Petersburg societies of the reciprocal credit in the 19th century]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. № 9. pp. 88-100. [In Russian]

УДК 336.713(091)

Российские общества взаимного кредита в годы экономического подъема (1909–1913)Татьяна Анатольевна Катцина^{a, *}, Людмила Евгеньевна Мариненко^a,
Наталья Васильевна Пашина^a, Екатерина Александровна Вакулина^a^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена одному из малоисследованных звеньев банковско-кредитной системы Российской империи – обществам взаимного кредита. Они отличались от других учреждений частного кредита, прежде всего, своей клиентурой, ограниченной вкладчиками общества, связанными круговой порукой. Финансируя промышленность и товарооборот, общества взаимного кредита способствовали расширению их сферы за счет периферийных районов страны. Важнейшим фактором, определявшим особенности развития обществ взаимного кредита стало их банкротство в годы экономического подъема (1909–1913), предшествующего Первой мировой войне. Поэтому главное внимание уделено внутренним (зависящим от деятельности самой организации) причинам возникновения финансовой несостоятельности (банкротства) обществ взаимного кредита. Эта сторона деятельности обществ взаимного кредита является важной, поскольку и собственное банкротство кредитных организаций, и их участие в банкротстве иных лиц, трансформируется в изменения на товарном рынке, затрагивает всю экономическую систему страны. В качестве основного источника привлечены материалы ежемесячного журнала «Банковское дело» (1912–1915). В статье показаны такие неэффективные стратегии развития и управления обществ взаимного кредита, как недостаток практического опыта (профессиональной квалификации сотрудников), использование средств вкладчиков на личные нужды правления («злоупотребление доверием»).

Ключевые слова: Российская империя, кредитно-банковская система, частные кредитные банки, общества взаимного кредита (ОВК), краткосрочный кредит, банкротство, финансовая несостоятельность, причины банкротства.

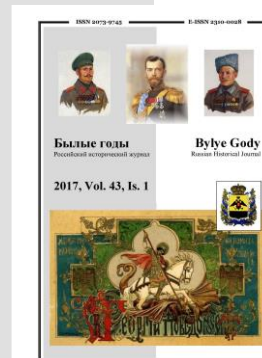
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), velichinskaya.lyudmila@mail.ru (Л.Е. Мариненко), nvpashina@yandex.ru (Н.В. Пашина), ekvakulina@yandex.ru (Е.А. Вакулина)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 274-284, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.274
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47).083+ 94(571.6)

I.Ya. Korostovetz, "the Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Urga in 1912

Pavel N. Dudin ^{a, *}

^a East-Siberian State University and Technology and Management, Russian Federation

Abstract

The author defines the role of Russian diplomacy and one of its brightest representatives – Ivan Korostovetz in establishing their own Mongolian state in 1911–1912 through the analysis of diplomatic correspondence, as well as relying on other sources and memoirs of the contemporaries. The author studied the challenges faced by the diplomatic mission and ways to overcome them, showing the position and arguments of each party on the issue of the status of Mongolia. It is noted that the Russian Far East policy was not a priority at the beginning of the twentieth century, giving way to solving of the European problems and it gave rise to a certain alienation of the outlying territories, which eventually became a threat to the national security. The Xinhai Revolution of 1911–1912 and the collapse of the Qing Empire contributed to the awareness of the possibility of gaining a foothold in the region and ensure its economic and geopolitical interests in many ways. Not being interested in the aggravation of relations with China, the Russian government through the Ministry of Foreign Affairs entrusted solving the sudden Outer Mongolia's independence declaration problem to an experienced diplomat, the former envoy to the Qing's court – Ivan Korostovets. However, a simple task at first glance was complicated by the fact that representatives of the Mongolian side, resting on Western concepts of the state, state sovereignty, etc. did not see themselves as a part of China, while Russia recognized for its neighbor the principle of the territorial integrity. In turn, China was considering the activities of the Russian side as interference in its internal affairs, in that time, Russia insisted on defending of only its commercial interests. As a result of lengthy and difficult negotiations Korostavets persuaded the Mongols to make concessions, the Chinese - not to start military operations and not to make provocations and Russian Foreign Ministry – in the importance and significance of the committed actions. The experience, determination, fortitude and authority provided success to Russian mission in Urga, and the protection of Russian eastern borders in the next few decades.

Keywords: Mongolia, Russia's foreign policy, I.J. Korostovetz, Urga, China, the diplomatic mission.

1. Введение

Российская внешняя политика, выстраиваемая в течение нескольких столетий, всегда обеспечивала стабильность в регионах присутствия и развитие двусторонних и многосторонних отношений в рамках и в пределах норм международного права. Наиболее яркой иллюстрацией этого являются события вековой давности, когда сочетание профессионализма, выдержки и принципиальности позволили защитить интересы нашей страны на Дальнем Востоке и обеспечить безопасность государства в преддверии Второй мировой войны.

30 ноября 2016 г. в Монголии отмечали 105-летие со дня провозглашения независимости – значимая дата как для самой страны, так и для России. Монголия не только территориально граничит с нашим государством, но и по своим этнокультурным и конфессиональным признакам является родственным Бурятии, Калмыкии, Туве и тем самым включает Россию в цивилизационные процессы Центральной и Внутренней Азии.

* Corresponding author

E-mail addresses: dudin2pavel@gmail.com (P.N. Dudin)

Значимость отношений с Монголией всегда определялась как стратегическим положением этого государства, так и той ролью, которую оно играло в экономике, коммуникациях и обеспечении безопасности нашей страны в XX в. Во-первых, издавна через Монголию проходили торговые пути из Китая, через Великую стену, в Россию и далее – на Запад. Железная дорога связывала Сибирь с Дальним Востоком, Северным Китаем, Внешней и Внутренней Маньчжурией. С начала Японо-китайской войны японская сторона утверждала, что именно этим путем Советы поставляют оружие и боеприпасы в Китай (*U.S. will stay...*, 1935: 4), и неоднократно выказывала стремление обеспечить доступ во Внешнюю Монголию (*Mongols...*, 1936). Во-вторых, в случае военного конфликта именно эта территория должна была стать важной базой для проведения операций по дальнейшему продвижению Японии вглубь континента (*Japanese puppet...*, 1938: X7) и организации военных поставок (*Manchukuo...*, 1934: 15). После перехода контроля над Монголией к Японии, последняя становилась ближайшим соседом Сибири, и в результате этого России пришлось бы жить в ежеминутном страхе вторжения (*Lore*, 1935: 10). В-третьих, Внешняя Монголия непосредственно примыкала к Внутренней Монголии, которая в 1930-е гг. предпринимала попытки получить независимость. После их провала недалёковидная и поспешная политика Нанкина по упразднению Совета в Байлинмяо, а также организация военно-полевого суда, в результате которой были казнены 4 хинганских князя, обвиненные в заговоре против Маньчжоу-Го (*Robertson*, 1936: E5), заставили представителей монгольской аристократии рассматривать Советскую Россию в качестве единственного источника поддержки (*Inner Mongolia...*, 1936: 13). Сегодня российско-монгольская пограничная линия занимает 3-е место по протяженности после границ Казахстана и КНР, что заставляет Россию обращать на это государство особое внимание.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы исследования включают ряд периодических изданий, в числе которых бюллетень «Известия Министерства иностранных дел», Сборники документов (*Сборник...*, 1914), газета «Право», журналы «Вестник Азии», «Вестник Маньчжурии», «Известия Юридического факультета г. Харбина» и некоторые другие, а также воспоминания Б.Э. Нольде (*Нольде*, 1930) и И.Я. Коростовца (*Коростовец*, 1995; *Коростовец*, 1996). Материалы делятся на группы: предреволюционные и постреволюционные¹, аналитические и обзорные. Труды предреволюционной эпохи касаются, во-первых, самих русско-китайских отношений, включая договорные (*Гурьев*, 1910b; *Меньшиков*, 1911), приграничные (*М.К.*, 1910) и геополитические (*Титов*, 1909; *Болобан*, 1910; *Г.Н.Г.*, 1911) вопросы; во-вторых, торговых интересов России – прежде всего в Монголии (*Гурьев*, 1910a; *Гурьев*, 1911).

Труды постреволюционного периода исследуют ситуацию во Внутренней Монголии (*Дидушок*, 1928; *Маракуев*, 1927a; *Маракуев*, 1927b), Барге и Хингане (*Кормазов*, 1928a; *Кормазов*, 1928b; *Кормазов*, 1934; *Кормазов*, 1925), а также во Внешней Монголии, касаясь по-прежнему важных торговых связей (*Воллосович*, 1916a) русско-китайских и русско-монгольских отношений (*Баранов*, 1913; *Гурьев*, 1912; *Воллосович*, 1914; *Воллосович*, 1916b) в свете изменившегося международного статуса Халхи.

В качестве источников также выступают материалы западных средств массовой информации, среди которых следует выделить издания США: Нью-Йорк Таймс, Нью-Йорк Пост, Вашингтон Пост. Во-первых, именно эти издания наиболее часто и полно освещали события на Дальнем Востоке; во-вторых, имели собственных корреспондентов в крупных городах стран Северо-Восточной Азии; в-третьих, не только констатировали факты, но и включали аналитический материал, делали прогноз развития событий; в-четвертых, освещали события незамедлительно, в день их свершения либо на следующий день.

Среди статей можно выделить две группы: основанные на данных информационных агентств и авторский материал. Первая группа статей основывалась на информации крупнейших международных информационно-новостных агентств Ассошиэйтед Пресс (Associated Press) и Юнайтед Пресс Интернэшнл (United Press International). Авторами второй группы статей были как собственные корреспонденты, работающие в Северо-Восточной Азии, так и привлекаемые эксперты: Людвиг Лор (Ludwig Lore, 1875–1942), корреспондент Нью-Йорк Пост (позднее – и Нью-Йорк Таймс), в своей колонке Бихаинд зэ Кэблз (Behind the Cables) освещал международные события на Северо-Востоке Азиатского континента; обозреватель Нью-Йорк Таймс и эксперт в области китайско-японских отношений Дуглас Робертсон (Douglas Robertson) и др.

2.2. Методика исследования включала: сбор данных, предполагающий использование информации официального издания МИД, «Известий Министерства иностранных дел» и данных зарубежных СМИ (в т. ч. изданий русской эмиграции в Китае) по предмету исследования; тематический мониторинг научных изданий, отслеживание воспоминаний И.Я. Коростовца, Б.Э. Нольде в 1915 и 1930 гг., публикаций (материалов) преподавателей русского Юридического факультета г. Харбина; метод анализа документальных потоков позволил точно и объективно осуществить формализованный анализ сведений, которые содержались в телеграммах,

¹ Речь идет о Синьхайской революции 1911–1912 гг. в Китае.

опубликованных министерством иностранных дел; сравнительный метод использовался при сравнении позиций Б.Э. Нольде, воспоминаний И.Я. Коростовца и данных, содержащихся в официальном издании министерства иностранных дел, для формирования более объективного представления об изучаемом предмете исследования.

3. Обсуждение

Важное значение в изучении процесса образования Монголии как независимого государства и роли в этом процессе России имеют труды русской эмиграции «первой волны», современников описываемых событий. Наиболее известными являются работы В.А. Рязановского ([Рязановский, 1929](#); [Рязановский, 1931](#)), Г.К. Гинса ([Гинс, 1932](#)), В.А. Овчинникова ([Овчинников, 1926](#)) и некоторых других представителей юридического сообщества г. Харбин. Особую ценность по праву представляют изыскания крупнейшего юриста-международника своей эпохи, декана русского Юридического факультета Университета Сорбонны, Б.Э. Нольде. Не умаляя роли Российского государства в целом, Нольде стремился показать значение отдельной личности в вопросе получения Монголией самостоятельности и с присущим ему уважением и пиететом писал о ключевых участниках дипломатической битвы 1911–1915 гг.

Из современных ученых, наиболее подробно изучающих место России в становлении монгольской государственности, следует назвать Е.А. Белова ([Белов, 1999](#)), Ю.В. Кузьмина ([Кузьмин, 2002](#)), Е.И. Лиштованного ([Лиштованный, 2013](#)) и С.Г. Лузянин ([Лузянин, 2003](#)). Все они выделяют ключевую роль России в вопросе приобретения Монголией независимости, по-разному интерпретируя международные договоры, в которых участвовала в первой половине XX в. Халха-Монголия. Так, В.Д. Дугаров и Л.В. Дамбаев ([Дугаров, Дамбаев, 2014](#)) говорят о том, что борьба за независимость монгольских правящих кругов на международной арене была подтверждена подписанием Соглашения между Россией и Монголией в Урге 3 ноября 1912 г. о признании независимости страны, что привело к образованию государства нового типа в Центральной Азии – феодально-теократической монархии богдо-гэгэна. Авторы крупнейшего на сегодня издания о современной истории страны – «Истории Монголии XX в.» ([История Монголии..., 2007](#)) также считают Соглашение первым международным документом нового государства. Монгольская историография представлена трудами Ц. Батбаяра ([Батбаяр, 2013](#)), К. Дэмбэрэла ([Дэмбэрэл, 2002](#)) и Н. Хишигта ([Хишигт, 2013](#)). Крупнейшим исследователем российско-монгольских отношений в начале XX в. является О. Батсайхан, который в своих трудах ([Батсайхан, 2013](#); [Батсайхан, 2014](#)) анализирует роль и значение русских дипломатических миссий и их влияние на международное положение Монголии.

4. Результаты

Российская политика на Дальнем Востоке начиная с первых контактов с представителями империи Мин в 1618 г. носила фрагментарный и зачастую случайный характер. Основная ответственность ложилась либо на местных воевод, либо на руководителей дипломатических миссий, плохо знакомых с обычаями своих соседей ([Энгельфельд, 1929](#)). Однако постепенное взаимопознание и расширение контактов привели к выстраиванию более или менее устойчивых связей, обеспечивавших стабильность и развитие торговых отношений до рубежа конца XIX – начала XX в.

По словам Б.Э. Нольде, в период, последовавший за окончанием русско-японской войны, в приоритете у министерства иностранных дел были европейские вопросы, касающиеся турецких проливов, Балкан, английского союза и т.д. Целью было обеспечение «возвращения в Европу», что составляло ядро русской внешней политики ([Нольде, 1930: 71](#)). Ни русско-японские, ни даже русско-китайские отношения не играли сколько-нибудь значимой роли, этому во многом способствовали позиция предшествующих С.Д. Сазонову руководителей внешнеполитического ведомства и их провалы.

Не отличался дальновидностью в этом вопросе и сам С.Д. Сазонов, который был настроен против продвижения России на Восток и опасался, что при всем стремлении монгольской стороны к получению независимости, она будет неспособна обеспечить ее самостоятельно. Это обстоятельство заставило Россию погрязнуть в возникших вопросах в ущерб европейским интересам ([Нольде, 1930: 72](#)). Но наиболее прагматичные в вопросе государственных приоритетов деятели понимали недалекость такой позиции, ее опасность для национальных интересов на Дальнем Востоке, которые именно в этот период стали обретать уверенные очертания.

Нольде отмечал, что в министерстве иностранных дел была сформирована «школа людей, для которых Енисей и Черный Иртыш оставались областью русских политических интересов, и которые продолжали думать, что Россия – государство также и в Азии» ([Нольде, 1930: 72](#)). Благодаря их усилиям присутствие нашей страны в обозначенной области Азиатского континента к началу XX в. оказалось настолько прочным, что в целом не зависело от политической конъюнктуры. К таким людям он относил и самого И.Я. Коростовца, и бывшего начальника дальневосточного отдела Г.А. Козакова.

Следует отметить, что с началом Синьхайской революции в октябре 1911 г. И.Я. Коростовец, находясь в статусе чрезвычайного посланника России, внимательно отслеживал т. н. «монгольский

вопрос» и докладывал об этом в центр. Так, в прилагаемом к депеше от 20 октября 1911 г. Воззвании от имени революционного правительства к населению столицы ([Донесения..., 1912: 94-95](#)) говорилось о том, что монгольским, мусульманским и тибетским титулованным лицам будут сохранены их наследственные звания.

Позднее М.С. Щекин, продолжая выбранный курс, в письме от 17 января 1912 г. информировал об отмене специальных повинностей для монголов, которые уравнивались в правах с китайцами ([Донесения..., 1912: 131](#)); их имущество подлежало охране со стороны государства; сохранялись наследственные титулы и правительство брало на себя обязательство финансового обеспечения тех их обладателей, кто находился в тяжелом материальном положении; сохранялись жалования для знаменитых чиновников; отменялись существовавшие ранее запреты свободного передвижения, занятия торговлей и другие ограничения с предоставлением права свободного выбора места жительства; и, наконец, предоставлялась полная свобода вероисповедания. Вместе с тем в депеше от 2 февраля 1912 г. высказывалось опасение относительно того, что привилегии, предоставленные монголам и другим народам Императорским указом от 30 января 1912 г., признавшим республиканский строй, в случае их пассивного участия в революционных событиях, могут оказаться условными ([Донесения..., 1912: 135, 138-139](#)) – новая китайская администрация пыталась не только обеспечить целостность страны, но и привлечь на свою сторону как можно большее количество сторонников.

Однако на тот момент подобные меры для монголов носили запоздалый характер: вслед за падением династии Цин в Пекине монголы Внешней Монголии изгнали китайского амбана и провозгласили свою независимость, утверждая, что их подчиненность Китаю была династической и что они не обязаны таковым Китайской Республике ([Нольде, 1930: 73](#)). Эту интересную мысль озвучивает ряд харбинских ученых, но закрепляет А.М. Баранов ([Баранов, 1919: 32](#)), который пишет, что по отношению к Южной Монголии существовал указ богдохана, относящийся ко времени избрания его ханом Южной Монголии в 1636 г. Этим указом он обещал не нарушать ее самобытности и довольствоваться верховными правами. В 1691 г. богдохан Энхэ-Амугулан (император Сюань Е или Канси) на торжественном приеме князей Халхи заявил, что он ставит их в положение князей 49 хошунов [Южной Монголии], им воспрещалось лишь вести переговоры и сношения с иностранными державами. Таким образом, взаимоотношения Монголии с Китаем, установившиеся после признания монголами над собой власти Дайцинских императоров, давали основание говорить о личной унии Монголии и Маньчжурии ([Энгельфельд, 1925: 136](#)). И именно на этом настаивала монгольская сторона вслед за провозглашением независимости.

30 ноября 1911 г. была создана «Временная полномочная администрация (правительство) Халхасского Хурээ», которая выпустила всеобщее обращение о независимости всех монголов. 1 декабря того же года в Урге было обнародовано «Воззвание ханов, ванов, бэйсэ, гунов, дзасаков, а равно хамбо, шанцзотбы и да-лам всех четырех халхасских аймаков». В нем отмечалось, что теперь, согласно древним порядкам, следует установить свое национальное, независимое от других, новое государство ([Белов, 1999: 44](#)). Оно имело четко установленные границы, которые в неизменном виде существовали со времен Цинов, и включало территорию Халхи и Кобдосский округ ([Лузянин, 2003: 68](#)). Начинается новый этап в развитии монгольской государственности, который для России оказался своего рода «проверкой на прочность» ее дипломатических институтов.

Как справедливо указывал Нольде, в отдаленных глухих углах долин и степей, населенных потомками Чингисхана и Батая, умели ненавидеть китайцев, но не очень хорошо знали, как быть дальше с провозглашенной независимостью ([Нольде, 1930: 73](#)). Единственным, на что рассчитывала монгольская сторона, была русская помощь. Хутухта и князя уже раньше отправляли послов в Петербург с жалобами на китайцев, но их миссии не встречали отклика, в первую очередь, из-за нежелания портить устоявшиеся отношения с империей Цин. Но теперь обстановка изменилась.

Повторное обращение в адрес нашей страны заставило и внешнеполитическое ведомство, и само руководство государства реагировать однозначно и определенно ([Правительственное сообщение..., 1912: 85-86](#)). Упоминаемый выше Г.А. Казаков постарался сделать так, чтобы правительственное сообщение не содержало упоминаний о независимости, в итоге речь шла о посредничестве России в улаживании «китайско-монгольской распри» ([Правительственное сообщение..., 1912: 85-86](#)). Позиция министра иностранных дел была озвучена в Государственной Думе 13 апреля 1912 г. и сводилась к необходимости действовать осторожно и не торопясь ([Нольде, 1915а: 2155](#)). Императорская резолюция предписывала внимательно наблюдать за ситуацией, которая в итоге «созрела до решения положить конец китайскому политическому контролю над Монголией» ([Нольде, 1930: 73](#)) и снарядить миссию в Ургу.

23 августа 1912 г. С.Д. Сазоновым на И.Я. Коростовца была возложена задача по ведению переговоров с монгольской стороной о заключении соглашения, гарантирующего автономии Монголии, и протокола, определяющего права русских подданных в Халхе ([Сборник..., 1914: 2](#)). Свою собственную цель И.Я. Коростовец видел в стремлении убедить монголов в обоюдной выгоды соглашения ([Нольде, 1930: 74](#)). Формально у него была довольно простая задача: получив четкие инструкции, он должен был, следуя им, добиться заключения переданного ему проекта

соглашения, получая новые инструкции в ответ на изменение ситуации. На деле все оказалось гораздо сложнее.

Во-первых, в силу специфики участников переговоры надо было вести как можно более просто, понятно и без дипломатических оборотов. В телеграмме от 23 сентября 1912 г. И.Я. Коростовец сообщал, что после передачи проекта соглашения монгольской стороне последняя выразила сочувствие сделанному предложению и глубокую благодарность за великодушную и действенную помощь.

Во-вторых, монголы чрезвычайно широко намечали границы своего будущего государства, включая Внутреннюю Монголию, Баргу и другие территории, а также желали признания их полной независимости от Китая (Нольде, 1915а: 2158). Да-лама озвучил желание распространить действие соглашения и на Внутреннюю Монголию (Сборник..., 1914: 3-4), что не устраивало Россию, которая так же исключала возможность третейского разбирательства. Аргументация С.Д. Сазонова была крайне проста и убедительна (Сборник..., 1914: 8): в той же телеграмме от 29 сентября 1912 г. в адрес И.Я. Коростовца он писал, что отсутствие возможности для объединения Внутренней и Внешней Монголии [на момент ведения переговоров] не означает, что этого не возможно будет осуществить в будущем. Но поскольку нынешняя обстановка к этому не располагает, предлагалось отложить решение данного вопроса на будущее и дожидаться развития ситуации с монгольской самостоятельностью.

В свою очередь, телеграммой от 27 сентября 1912 г. посланнику в Пекине В.Н. Крупенскому С.Д. Сазонов просил сообщить китайской стороне, что принимаемые китайским правительством меры по сосредоточению войск во Внутренней Монголии, по соседству с Китайско-Восточной железной дорогой, неизбежно вызовут ответные действия по предупреждению нарушения российских прав и интересов (Сборник..., 1914: 4). Следует отметить, что, несмотря на недовольство складывающейся ситуацией, Китай не перешел ни к провокациям, ни к открытому выступлению.

В-третьих, ссылаясь на И.К. Блюнчли (Современное международное право..., 1876), представители радикального крыла требовали от И.Я. Коростовца, чтобы в результате переговоров Монголия получила «монарха, территорию и население», иначе она не будет государством. Монголия должна была стать независимой, и все монгольские земли, в том числе занятая китайцами Внутренняя Монголия, примыкавшая к Китайско-Восточной железной дороге и Маньчжурии, должны быть объединены под властью хутухты (Нольде, 1930: 74). Телеграммой, датированной 27 сентября 1912 г., И.Я. Коростовец сообщал, что у монголов возникает желание получить полную независимость ни только от Китая, но и от любой другой державы, в связи с чем они настаивают на включении в соглашение пункта о признании Россией автономии Монголии именно в качестве государства (Сборник..., 1914: 3). В развитие этой идеи монголы добивались того, чтобы Россию в официальных сношениях отныне представляло лицо в более высоком ранге, чем до этого, с возможностью назначения консулов в другие регионы Монголии по своему усмотрению¹. На это два дня спустя было получено согласие в виде учреждения должности дипломатического агента с одновременным предостережением о нежелательности направления монгольской стороной в Россию своего официального представителя в аналогичном статусе, за исключением специальных посольств и только после подписания соглашения. Также не утрачивала своей актуальности идея присоединения Внутренней Монголии, Барги и других территорий, о чем сообщалось в телеграмме от 29 сентября 1912 г. (Сборник..., 1914: 7). И, наконец, имелось желание оставить российско-монгольскую границу без изменений.

В-четвертых, вокруг Богдо-Хана шла ожесточенная борьба между защитниками сближения с Россией и теми, кто предпочитал разрешить вопрос о монгольской независимости посредством сближения с Китаем. И если да-лама лишь стремился к расширению влияния и увеличению подконтрольных территорий, то группа аристократов во главе с саин-нойоном² выступала на китайской стороне (Сборник..., 1914: 5), в связи с чем перед российским уполномоченным встала задача убедить их в выгодах и преимуществах нашего сотрудничества, хотя для этого и пришлось бы несколько изменить содержание соглашения. Однако убеждения не должны были походить на просьбы, иначе и монгольской, и китайской стороной это могло быть расценено как слабость. 28 сентября 1912 г. Иван Яковлевич встретился с Богдо-Ханом, которому передал приветствие российского императора и правительства и высказал просьбу подписать соглашение как можно скорее и, при возможности, без серьезных изменений. Затем в адрес С.Д. Сазонова им было озвучено предложение ограничиться в утверждении соглашения лишь подписями пяти монгольских министров и премьер-министра, без необходимости подписания его второстепенными князьями (Сборник..., 1914: 6), на что со стороны российского внешнеполитического ведомства был дан положительный ответ (Сборник..., 1914: 8).

В телеграмме от 29 сентября 1912 г. С.Д. Сазонов дает четкие инструкции, соблюдение которых обеспечило успех операции. Он пишет: «Вы могли бы также дать понять монгольским министрам, что мы не признаем их соглашения с Китаем, если бы оно было заключено без нашего участия, и

¹ В обозначенный период времени эти функции выполнял российский консул в Урге.

² Тугс-Очирын Намнансурэн, первый премьер-министр Монголии.

предпочтем сами стовориться с китайским правительством об участии Монголии. Наши интересы в этой стране не позволяют нам удовольствоваться обещаниями, которые китайцы дадут монголам, так как мы не можем сомневаться, что обещания эти будут нарушены при первой возможности, и должны гарантировать себя от таких нарушений» (*Сборник..., 1914: 8*). В итоге 1 октября 1912 г. монголы согласились не упоминать в соглашении Внутреннюю Монголию, но просили убрать слова «Внешняя Монголия» (*Сборник..., 1914: 9*). И.Я. Коростовец информировал об этом и получил разрешение вместо дефиниции «Внешняя Монголия» использовать «Монголия». Вслед за этим была составлена нота, в которой содержалась оговорка, что Россия оставляет за собой право определить, на какие области, кроме самой Халхи, она распространяет даваемые Монголии гарантии.

Также монгольская сторона просила ограничиться простым указанием о недопущении на свою территорию китайских войск. С целью придать больший вес центральному правительству было высказано предложение не упоминать о праве управления национальными князьями, равно как и о недопустимости китайской колонизации, с которой монголы собирались бороться собственными средствами, считая это их внутренним делом. В ответной телеграмме 3 октября 1912 г. С.Д. Сазонов поясняет (*Сборник..., 1914: 10*), что, гарантируя монголам право управления национальными властями, тем самым на них самих возлагается обязательство не отказаться вдруг от него в будущем. С одной стороны, данная дефиниция обеспечит национальные интересы России, с другой – продемонстрирует решительность по недопущению в будущем преобразования Монголии в китайскую провинцию. То же самое касалось и запрета китайской колонизации, предупредить которую необходимо было с учетом изменяющейся ситуации и внутри самой Монголии.

Между тем ситуация осложнялась двумя факторами. Как уже упоминалось выше, в окружении Богдо-Хана находились люди, выступавшие сторонниками сближения с Китаем, которым к этому времени удалось хоть и временно, но охладить российско-монгольские отношения. При этом в китайской прессе появилась информация о том, что И.Я. Коростовец прибыл в Ургу для признания независимости правительства Монголии (*Сборник..., 1914: 11*). В связи с этим В.Н. Крупенскому пришлось давать соответствующие пояснения китайскому министру иностранных дел (*Сборник..., 1914: 18-19*), а самому С.Д. Сазонову объяснить китайскому поверенному цель командировки (*Сборник..., 1914: 19-20*), которая сводилась к выяснению реальной ситуации относительно русско-китайских переговоров о статусе Монголии. Заявлялось, что Россия по-прежнему верна данному слову и не намерена признавать независимость Монголии, хотя это фактически так и есть, а участие в монгольских делах следует рассматривать не как вмешательство во внутренние дела Китая, а исключительно как меру по обеспечению собственных интересов, прежде всего торговых, которые непременно пострадают в случае введения прямого провинциального управления.

11 октября 1912 г. И.Я. Коростовец телеграфировал в адрес министерства иностранных дел проект соглашения, предложенный монгольской стороной (*Сборник..., 1914: 11*). Опасаясь того, что Китаю удастся восстановить свою власть на территории Халхи, монголы предлагали признать за ними суверенитет и право избрания монарха, на что главой русской дипломатической миссии был дан категорический отказ. Российская сторона придерживалась принципа территориальной целостности Китая, что подтвердил в ответной телеграмме (*Сборник..., 1914: 17-18*) от 14 октября 1912 г. С.Д. Сазонов. Аргументация отсутствия возможности признания за Халхой государственной самостоятельности, также сводилась к тому, что у нее не было реальных предпосылок для ее обеспечения собственными силами. В планы же России не входило вооруженное участие в обеспечении монгольского суверенитета, к тому же это шло в разрез со сделанными ранее заявлениями о признании за Монголией автономного статуса в составе Китайской Республики, китайский суверенитет над Халхой при этом выступал лишь юридической связью двух стан без реальных последствий для обоих. После нескольких раундов переговоров монголы согласились с предложенной редакцией (*Сборник..., 1914: 20-21*), что было подтверждено телеграммой от 17 октября 1912 г. Предостережение от китайского президента о необходимости воздержаться монгольской стороне от подписания соглашения было проигнорировано и двумя телеграммами от 21 октября 1912 г. И.Я. Коростовец информировал Петербург об успешности миссии, подписании соглашения и передал его текст в окончательной редакции.

5. Заключение

Как точно отметил Б.Э. Нольде, И.Я. Коростовец и руководящий из Петербурга его переговорами Г.А. Козаков сумели выдержать характер (*Нольде, 1930: 75*), благодаря чему им удалось добиться подписания соглашения на выгодных для России условиях, не спровоцировав при этом ни международного скандала, ни разрыва дипломатических отношений с Китаем, ни открытых военных действий.

Само же соглашение не определяло наперед отношений Монголии с Китаем, предполагая, что если китайское правительство присоединится к достигнутым договоренностям, то у российской стороны не будет оснований препятствовать этому, равно как и тому, чтобы между Китаем и Монголией было подписано соглашение об условиях признания последней китайского суверенитета (*Соглашение..., 1913*). Это и было сделано позднее – 23 октября 1913 г. в Пекине состоялось подписание Декларации о признании автономии Монголии (*Нольде, 1915а: 2160*) с участием

китайской стороны, а спустя еще 2 года А.Я. Миллер добился подписания Хянтинского соглашения с участием российской, монгольской и китайской сторон. При этом, если иметь ввиду, что заключение торговых договоров входило в область самостоятельных внешних сношений Монголии и контроль со стороны Китая не подлежало, то действие соглашения 1912 г. сохраняло силу и после заключения пекинского, а также хянтинского актов (Нольде, 1915b: 2230).

Говоря о возможном обретении в 1911 г. государственного суверенитета Внешней Монголией и признании его Российской империей в 1912 г. подписанием описываемого выше соглашения, необходимо подчеркнуть следующее. Во-первых, Соглашение 1912 г., по своему содержанию, процессу разработки и заключения являлось документом, де-факто положившим начало международно-правовому оформлению и становлению монгольской государственности. Во-вторых, руководство Китайской Республики не исключалось из этого процесса: В.Н. Крупенский регулярно информировал официальный Пекин о ходе переговоров, давал пояснения и выполнял все требования международного права по сохранению китайской юрисдикции над Халха-Монголией. Во-третьих, ни один из документов до 1919 г., включая и обсуждаемое Соглашение, не закреплял независимый статус Монголии и не подтверждал его. Более того, в телеграммах министр иностранных дел С.Д. Сазонов неоднократно подчеркивал, что Россия не признает за Халха-Монголией государственного суверенитета, а ведет речь лишь об автономном статусе под юрисдикцией Китая. Предписывалось тщательно разъяснить этот факт монгольской стороне, что И.Я. Коростовец и сделал. В-четвертых, именно благодаря усилиям И.Я. Коростовца монголы отказались от требования включить в состав подконтрольных им территорий Внутреннюю Монголию и Баргу, а также от радикальных формулировок о Монголии как государстве и ее независимости, согласившись подписать предложенный российской стороной документ.

Следует согласиться с мнением Б.Э. Нольде о том, что образование Монголии – одно из крупных дипломатических достижений императорской России (Нольде, 1930: 71), успех которого зависел как от удачного стечения обстоятельств, так и от политической воли «северного соседа», от решимости инициаторов движения за независимость, от обстановки в Китае и на международной арене. Безусловно, Борис Эммануилович, будучи хорошо осведомленным об условиях, факторах и самом процессе получения самостоятельности Внешней Монголией, никогда не называл И.Я. Коростовца ее создателем, но неоднократно подчеркивал тот факт, что именно он выступал той ключевой фигурой, от которой зависел успех кампании. Договор И.Я. Коростовца сыграл решающую роль в процессе образования Монголии. Но еще большее значение он принимает при оценке роли Монголии в событиях, предшествующих и сопутствующих Великой Отечественной войне, когда эта страна выступила не буфером, а союзником, от позиции которого зависела и безопасность нашего государства на Востоке, и вопросы снабжения советской армии мясом, шерстью и т.д., об этом надлежит помнить России и в настоящее время при выборе партнеров и союзников.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук «Квази-государства Внутренней Азии: проблема государственности в контексте борьбы наций за самоопределение» (МК-6398.2016.6).

Литература

- Баранов, 1919 – Баранов А.М. Халха. Аймакь Цеценъ-хана. Харбин, 1919. 52 с.
 Баранов, 1913 – Баранов И. Китайская пресса о русско-монгольском соглашении // *Вестник Азии*, 1913, № 13. С. 77-87.
 Белов, 1999 – Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Наука. 1999. 238 с.
 Болобан, 1910 – Болобан А. Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии // *Вестник Азии*, 1910, № 3. С. 85-127.
 Воллосович, 1914 – Воллосович М. Россия и Монголия // *Вестник Азии*, 1914, № 31-32. С. 42-50.
 Воллосович, 1916a – Воллосович М. Письма из Монголии: Исследование Монголии. Монгольская туманность. Трансмонгольский путь. О новом уставе для русской фактории в Урге // *Вестник Азии*, 1916, № 38-39. С. 34-50.
 Воллосович, 1916b – Воллосович М. Письма из Монголии: Преобразование Монголии // *Вестник Азии*, 1916, № 37. С. 44-50.
 Гинс, 1932 – Гинс Г.К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии / Проф. Г.К. Гинс. Харбин, 1932. 53 с.
 Г.Н.Г., 1911 – Г.Н.Г. Страничка из истории Кульджинского вопроса // *Вестник Азии*, 1911, № 7. С. 20-33.
 Гурьев, 1910a – Гурьев Б. К вопросу о сохранении Россией права беспопытной внутренней сухопутной торговли с Монголией // *Вестник Азии*, 1910, № 5. С. 1-4.
 Гурьев, 1910b – Гурьев Б. К пересмотру Русско-Китайского договора, заключенного в С.-Петербурге 12/24 февраля 1881 г. // *Вестник Азии*, 1910, № 6. С. 58-93.

- Гурьев, 1912 – Гурьев Б. Монголия и Китай и их политические взаимоотношения // *Вестник Азии*, 1912, № 11-12. С. 21-40.
- Гурьев, 1911 – Гурьев Б. Экономическое положение Монголии // *Вестник Азии*, 1911, № 8. С.74-89.
- Дидушок, 1928 – Дидушок В.Ф. Колонизация Ужеримского сейма Внутренней Монголии // *Вестник Маньчжурии*, 1928, № 1. С.25-32.
- Донесения..., 1912 – Донесения Миссии в Пекине о государственном перевороте в Китае 1911 – 1912 гг. // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1912. Книга V. С. 78-159.
- Кормазов, 1928a – Кормазов В.А. Кочевая Барга // *Вестник Маньчжурии*, 1928, № 8. С. 50-59.
- Кормазов, 1928b – Кормазов В.А. Кочевая Барга // *Вестник Маньчжурии*, 1928, № 9. С. 35-42.
- Кормазов, 1934 – Кормазов В.А. Хинганская провинция // *Вестник Маньчжурии*, 1934, № 1. С. 31-74.
- Кормазов, 1925 – Кормазов В.А. Юго-Восточная Барга и ее обитатели // *Вестник Маньчжурии*, 1925, № 5-7. С. 1-11.
- Коростовец, 1995 – Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. май 1913 г. // *Россияне в Азии*, 1995, № 2. С. 85-211.
- Коростовец, 1996 – Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. май 1913 г. // *Россияне в Азии*, 1996, № 3. С. 225-292.
- Лузянин, 2003 – Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Издательство «ОГНИ», 2003. 320 с.
- Маркауев, 1927a – Маркауев А.В. Внутренняя Монголия // *Вестник Маньчжурии*, 1927, № 8. С. 35-47.
- Маркауев, 1927b – Маркауев А.В. Внутренняя Монголия // *Вестник Маньчжурии*, 1927, № 9. С. 46-55.
- Меньшиков, 1911 – Меньшиков П. К. русско-китайскому договору // *Вестник Азии*, 1911, № 8. С. 1-44.
- М.К., 1910 – М.К. Об исправлении русско-китайской границы между Кяхтой и Шабин-дабаном // *Вестник Азии*, 1910, № 5. С. 95-101.
- Нольде, 1930 – Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж: Издательство «Современные записки», 1930. 278 с.
- Нольде, 1915a – Нольде Б.Э. Международное положение Монголии / Проф. бар. Б.Э. Нольде // *Право*. Еженедельная юридическая газета. Петроград, 1915. № 34 (23 августа). Стб. 2153-2168.
- Нольде, 1915b – Нольде Б.Э. Международное положение Монголии / Проф. бар. Б.Э. Нольде // *Право*. Еженедельная юридическая газета. Петроград, 1915. № 35 (30 августа). Стб. 2217-2231.
- Овчинников, 1926 – Овчинников В.А. Из юридической литературы о международном положении Монголии // *Известия Юридического факультета* = *Memoirs of the Faculty of Law in Harbin* / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1926. Том III. С. 35-43.
- Правительственное сообщение, 1912 – Правительственное сообщение 29 декабря 1911 года о Монголии // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1912. Книга III. С. 85-86.
- Рязановский, 1929 – Рязановский В.А. Монгольское право и сравнительное правоведение // *Известия Юридического факультета* = *Memoirs of the Faculty of Law in Harbin* / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1929. Том VII. С. 287-302.
- Рязановский, 1931 – Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк = *The Mongolian Law (with special reference to the customary law)*. Харбин (Китай): Типография Н.Е. Чинарева, 1931. 306, 42, II с.
- Сборник..., 1914 – Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. – 2 ноября 1913 г.). СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1914. 91 с. (Известия Министерства Иностранных Дел. Приложение к кн. II, 1914).
- Современное международное право..., 1876 – Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса: Перевод со 2-го немецкого издания / Блюнчли; Пер.: А. Лодыженский, В. Ульяницкий; Под ред.: Л. Камаровский, гр. М.: Тип. Индрих, 1876. 634 с.
- Соглашение..., 1913 – Соглашение с Монголией 21 октября 1912 г. // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1913. Книга I. С. 46-48.
- Титов, 1909 – Титов А. Общественное управление иностранного селтельмента в Шанхае // *Вестник Азии*, 1909. № 3. С. 22-43.
- Энгельфельд, 1929 – Энгельфельд В.В. К вопросу о сношениях России с Китаем в XVII–XVIII в. // *Вестник Маньчжурии*, 1929, № 3. С. 20-25.
- Энгельфельд, 1925 – Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая // *Известия Юридического факультета* = *Memoirs of the Faculty of Law in Harbin* / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1925. Том II. 255 с.
- Japanese puppet..., 1938 – Japanese puppet says he plans to rule all Mongolia // *The Washington Post*. Dec 1, 1938.

Lore, 1935 – *Lore L.* Inner Mongolia casts lot with Japan's Manchoukuo // *New York Post*. December 27, 1935.

Inner Mongolia..., 1936 – Inner Mongolia wavers// *The New York Times*. May 01, 1936.

Manchukuo..., 1934 – Manchukuo likely to annex Chahar // *The New York Times*. October 26, 1934.

Mongols..., 1936 – Mongols proclaim «autonomous» area // *The New York Times*. January 19, 1936.

Robertson, 1936 – *Robertson D.* Hard choice for Mongols// *The New York Times*. July 05, 1936.

U.S. will stay..., 1935 – U.S. will stay out of Chahar dispute // *The New York Times*. January 24, 1935.

References

Baranov, 1919 – *Baranov A.M.* (1919). Khalkha. Aymak" Tsetsen"-khana [Halha. Aimag Tsetsen-Khan.]. Harbin. p. 52 [in Russian].

Baranov, 1913 – *Baranov I.* (1913). Kitayskaya pressa o russko-mongol'skom soglashenii [The Chinese press about the Russian-Mongolian agreement], *Bulletin of Asia*, Nr. 13. pp. 77-87 [in Russian].

Belov, 1999 – *Belov E.A.* (1999). Rossiya i Mongoliya (1911–1919 gg.) [Russia and Mongolia (1911–1919)]. M.: Nauka. p. 238 [in Russian].

Boloban, 1910 – *Boloban A.* (1910). Kolonizatsionnye problemy Kitaya v Man'chzhurii i Mongolii [Colonizational problems of China in Manchuria and Mongolia], *Bulletin of Asia*, Nr. 3. pp. 85-127 [in Russian].

Vollosovich, 1914 – *Vollosovich M.* (1914). Rossiya i Mongoliya [Russia and Mongolia], *Bulletin of Asia*, Nr. 31-32. pp. 42-50 [in Russian].

Vollosovich, 1916a – *Vollosovich M.* (1916). Pis'ma iz Mongolii: Issledovanie Mongolii. Mongol'skaya tumannost'. Transmongol'skiy put'. O novom ustave dlya russkoy faktorii v Urge [Letters from Mongolia: A Study of Mongolia. Mongolian nebula. The Trans-Mongolian journey. On the new Charter for the Russian trading station in Urga], *Bulletin of Asia*, Nr 38-39. pp. 34-50 [in Russian].

Vollosovich, 1916b – *Vollosovich M.* (1916). Pis'ma iz Mongolii: Preobrazovanie Mongolii [Letters from Mongolia: The Transformation of Mongolia], *Bulletin of Asia*, Nr. 37. pp. 44-50 [in Russian].

Gins, 1932 – *Gins G.K.* (1932). Mongol'skaya gosudarstvennost' i pravo v ikh istoricheskom razvitii [Mongolian statehood and the law in its development], Harbin. p. 53 [in Russian].

G.N.G., 1911 – *G.N.G.* (1911). Stranichka iz istorii Kul'dzhinskogo voprosa [Page from the history of Ghulja incident], *Bulletin of Asia*, Nr. 7. pp. 20-33 [in Russian].

Gur'ev, 1910a – *Gur'ev B.* (1910). K voprosu o sokhranении Rossii prava besposhlinoy vnutrenney sukhopotnoy trgovli s Mongoliey [On the preservation of the right for free internal land trade with Mongolia in Russia], *Bulletin of Asia*, Nr. 5. pp. 1-4 [in Russian].

Gur'ev, 1910b – *Gur'ev B.* (1910). K peresmotru Russko-Kitayskogo dogovora, zaklyuchennogo v S.-Peterburge 12/24 fevralya 1881 g. [To revise the Russian-Chinese Treaty concluded in St. Petersburg, 12/24 Feb 1881], *Bulletin of Asia*, Nr. 6. pp. 58-93 [in Russian].

Gur'ev, 1912 – *Gur'ev B.* (1912). Mongoliya i Kitay i ikh politicheskie vzaimootnosheniya [Mongolia and China and their political relations], *Bulletin of Asia*, Nr 11-12. pp. 21-40 [in Russian].

Gur'ev, 1911 – *Gur'ev B.* (1911). Ekonomicheskoe polozhenie Mongolii [Economic situation of Mongolia], *Bulletin of Asia*, Nr. 8. pp. 74-89 [in Russian].

Didushok, 1928 – *Didushok V.F.* (1928). Kolonizatsiya Uzherimskogo seyma Vnutrenney Mongolii [Colonization of Uzherim Seim of Inner Mongolia], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 1. pp. 25-32 [in Russian].

Doneseniya..., 1912 – *Doneseniya Missii v Pekine o gosudarstvennom perevorote v Kitae 1911 – 1912 gg.* [Reports of Mission in Beijing on the coup in China 1911 – 1912], *Bulletin of the Ministry of foreign Affairs*. SPb., 1912. Book V. pp. 78-159 [in Russian].

Kormazov, 1928a – *Kormazov V.A.* (1928). Kochevaya Barga [Nomadic Barga], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 8. pp. 50-59 [in Russian].

Kormazov, 1928b – *Kormazov V.A.* (1928). Kochevaya Barga [Nomadic Barga], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 9. pp.35-42 [in Russian].

Kormazov, 1934 – *Kormazov V.A.* (1934). Khinganskaya provintsiya [Khingan province], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 1. pp. 31-74 [in Russian].

Kormazov, 1925 – *Kormazov V.A.* (1925). Yugo-Vostochnaya Barga i ee obitateli [Southeast Barga and its people], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 5-7. pp. 1-11 [in Russian].

Korostovets, 1995 – *Korostovets I.Ya.* (1995). Devyat' mesyatsev v Mongolii. Dnevnik russkogo upolnomochennogo v Urge. Dekabr' 1912 g. – may 1913 g. [Nine months in Mongolia. The diary of a Russian Commissioner to Urga. December 1912 – May 1913], *The Russians in Asia*, Nr. 2, pp. 85-211 [in Russian].

Korostovets, 1996 – *Korostovets I.Ya.* (1996). Devyat' mesyatsev v Mongolii. Dnevnik russkogo upolnomochennogo v Urge. Dekabr' 1912 g. – may 1913 g. [Nine months in Mongolia. The diary of a Russian Commissioner to Urga. December 1912 – May 1913], *The Russians in Asia*, Nr. 3, pp. 225-292 [in Russian].

Luzyanin, 2003 – *Luzyanin S.G.* (2003). Rossiya – Mongoliya – Kitay v pervoy polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg. [Russia - Mongolia - China in the first half of the twentieth century. Political relations in 1911–1946]. Moscow. Publishing house "OGNI". 320 p. [in Russian].

Markaev, 1927a – *Markaev A.V.* (1927). Vnutrennyaya Mongoliya [Inner Mongolia], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 8. pp. 35-47 [in Russian].

- [Markauev, 1927b](#) – *Marakuev A.V.* (1927). Vnutrennyaya Mongoliya [Inner Mongolia], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 9. pp. 46-55 [in Russian].
- [Men'shikov, 1911](#) – *Men'shikov P.K.* (1911). Russko-kitayskomu dogovoru [To the Russian-Chinese agreement], *Bulletin of Asia*, Nr. 8. pp. 1-44 [in Russian].
- [M.K., 1910](#) – *M.K.* (1910). Ob ispravlenii russko-kitayskoy granitsy mezhdru Kyakhtoy i Shabin-dabanom [About correcting the Russian-Chinese border between Kyakhta and Shabin-Daban], *Bulletin of Asia*, Nr. 5. pp. 95-101 [in Russian].
- [Nol'de, 1930](#) – *Nol'de B.E.* (1930). Dalekoe i blizkoe: Istoricheskie ocherki [Close and Distant: Historical essays], Paris: Publishing house "Sovremennye zapiski", 278, [6] p. [in Russian].
- [Nol'de, 1915a](#) – *Nol'de B.E.* (1915). Mezhdunarodnoe polozhenie Mongolii [International position of Mongolia], *Pravo*. A weekly legal newspaper. Petrograd. No. 34 (August 23). STB. 2153-2168 [in Russian].
- [Nol'de, 1915b](#) – *Nol'de B.E.* (1915). Mezhdunarodnoe polozhenie Mongolii [International position of Mongolia], *Pravo*. A weekly legal newspaper. Petrograd, No. 35 (August 30). STB. 2217-2231 [in Russian].
- [Ovchinnikov, 1926](#) – *Ovchinnikov V.A.* (1926). Iz yuridicheskoy literatury o mezhdunarodnom polozhenii Mongolii [Of the legal literature on the international situation of Mongolia], *Law faculty bulletin = Memoirs of the Faculty of Law in Harbin / Higher School in Harbin*. Harbin, Volume III. pp. 35-43 [in Russian].
- [Pravitel'stvennoe soobshchenie, 1912](#) – Pravitel'stvennoe soobshchenie 29 dekabrya 1911 goda o Mongolii [Government information of 29 December 1911 about Mongolia], *Bulletin of the Ministry of foreign Affairs*. SPb., 1912. Book III. pp. 85-86 [in Russian].
- [Ryazanovskiy, 1929](#) – *Ryazanovskiy V.A.* (1929). Mongol'skoe pravo i sravnitel'noe pravovedenie [Mongolian law and comparative law], *Law faculty bulletin = Memoirs of the Faculty of Law in Harbin/ Higher School in Harbin*. Harbin. Volume VII. pp. 287-302 [in Russian].
- [Ryazanovskiy, 1931](#) – *Ryazanovskiy V.A.* (1931). Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe): Istoricheskiy ocherk [The Mongolian Law (with special reference to the customary law): a Historical essay], Harbin (China): Printing Press of N.E. Chinareva, 306, 42, II p. [in Russian].
- [Sbornik..., 1914](#) – *Sbornik diplomaticheskikh dokumentov po Mongol'skomu voprosu* (23 avgusta 1912 g. – 2 noyabrya 1913 g.) [A collection of diplomatic documents on the Mongolian issue (23 August 1912 – 2 Nov 1913)], SPb.: Printing House of V. F. Kirshbaum, 1914. 91 p. (Ministry of Foreign Affairs bulletin. Appendix to vol. II, 1914) [in Russian].
- [Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo..., 1876](#) – *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh gosudarstv, izlozhennoe v vide kodeksa: Perevod so 2-go nemetskogo izdaniya / Blyunchli; Per.: A. Lodyzhenskiy, V. Ul'yanitskiy; Pod.red.: L. Kamarovskiy, gr.* [The modern international law of civilized Nations, set out in the code: the Translation from the 2nd German edition], Bluntschli; TRANS.: A. Lodyzhenskiy, V. Ulianitskiy; Under.ed.: Kamarowsky L., C. Moscow: Type. Jindřich, 1876. 634 p. [in Russian].
- [Soglashenie..., 1913](#) – Soglashenie s Mongoliej 21 oktyabrya 1912 g. [The agreement with Mongolia on 21 Oct 1912], *Bulletin of the Ministry of foreign Affairs*. SPb., 1913. Book I., pp. 46-48 [in Russian].
- [Titov, 1909](#) – *Titov A.* (1909). Obschestvennoe upravlenie inostrannogo settel'menta v Shankhae [Public administration of a foreign settlement in Shanghai], *Bulletin of Asia*. Nr. 3. pp. 22-43 [in Russian].
- [Engel'fel'd, 1929](#) – *Engel'fel'd V.V.* (1929). K voprosu o snosheniyakh Rossii s Kitaem v XVII–XVIII v. [To the question about relations of Russia and China in XVII–XVIII centuries], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 3. pp. 20-25 [in Russian].
- [Engel'fel'd, 1925](#) – *Engel'fel'd V.V.* (1925). Ocherki gosudarstvennogo prava Kitaya [Essays on the state law of China], *Law faculty bulletin = Memoirs of the Faculty of Law in Harbin/ Higher School in Harbin*. Harbin, Vol. II. 255 p. [in Russian].
- [Japanese puppet..., 1938](#) – Japanese puppet says he plans to rule all Mongolia // *The Washington Post*. Dec 1, 1938.
- [Lore, 1935](#) – *Lore L.* (1935). Inner Mongolia casts lot with Japan's Manchoukuo // *New York Post*. December 27.
- [Inner Mongolia..., 1936](#) – Inner Mongolia wavers // *The New York Times*. May 01, 1936.
- [Manchukuo..., 1934](#) – Manchukuo likely to annex Chahar // *The New York Times*. October 26, 1934.
- [Mongols..., 1936](#) – Mongols proclaim «autonomous» area // *The New York Times*. January 19, 1936.
- [Robertson, 1936](#) – *Robertson D.* Hard choice for Mongols // *The New York Times*. July 05, 1936.
- [U.S. will stay..., 1935](#) – U.S. will stay out of Chahar dispute // *The New York Times*. January 24, 1935.

УДК 94(47).083+ 94(571.6)

И.Я. Коростовец, «создатель Монголии», и русская дипломатическая миссия в Урге в 1912 г.Павел Николаевич Дудин ^{а, *}^а Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация

Аннотация. В статье автор посредством анализа дипломатической переписки, а также опираясь на другие источники и воспоминания современников, определяет роль русской дипломатии и одного из ее ярких представителей – Ивана Коростовца в вопросе создания самостоятельно Монгольского государства в 1911–1912 гг. Изучены проблемы, с которыми сталкивалась дипломатическая миссия и пути их преодоления, показаны позиции и аргументы каждой из сторон на вопрос о статусе Монголии. Отмечается, что дальневосточная политика России в начале XX в. не находилась в приоритете, уступая место решению европейских проблем, что породила определённую отчужденность окраинных территорий, что в итоге стало угрожать безопасности государства. Синьхайская революция 1911–1912 г. и распад империи Цин во многом способствовали осознанию возможности укрепиться в регионе и обеспечить свои экономические и геополитические интересы. Не будучи заинтересованным в обострении отношений с Китаем, российское руководство в лице министерства иностранных дел поручает решить внезапно возникшую проблему с провозглашением Внешней Монголией своей независимости опытному дипломату, бывшему в течение трех лет в ранге посланника при цинском дворе – И.Я. Короставцу. Однако, простая, на первый взгляд, задача осложняется тем, что представители монгольской стороны, опираясь на западные концепции о государстве, государственном суверенитете и т.д. не видели себя в составе Китае, в то время как Россия признавала за своим соседом принцип территориальной целостности. В свою очередь Китай рассматривал деятельность российской стороны как вмешательство в свои внутренние дела, в том время как наша страна настаивала на защите исключительно своих торговых интересов. В результате длительных и сложных переговоров И.Я. Короставцу удалось убедить монголов пойти на уступки, китайцев – не начинать военные действия и не совершать провокаций, а свое внешнеполитическое ведомство – в важности и значимости совершаемых действий. Опыт, решительность, стойкость и авторитет обеспечили русской миссии в Урге успех, а России – защиту своих восточных рубежей на последующие несколько десятков лет.

Ключевые слова: Монголия, внешняя политика России, И.Я. Коростовец, Урга, Китай, дипломатическая миссия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudin2pavel@gmail.com (П.Н. Дудин)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 285-293, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.285
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 940.3

The Great War on the Pages of County Newspapers: the Formation of Public Opinion in Russian province (on materials of Samara, Simbirsk and Penza region)

Ulyana Kulyanina ^{a, *}, Lidiya Kurakina ^a, Andrey Ilushin ^a

^a Samara State Technical University (Syzran Branch), Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the formation of public opinion on the pages of Middle Volga region's periodicals during the First World War. During the analyzed period the relations of authorities and provincial publishers of local socio-political media had differed not only from those in the both capitals, but also in the provincial centers. These features explained periodical influence on the formation of public opinion about the war in province and identified the image of the First World War and their own methods of communicating with the authorities.

Topic changes and presentation methods are clearly observed in different periods of the war. If in 1914 the press trying to fill the information vacuum, spread the «state's voice», since 1915 a significant proportion of newspaper space was given to local authors materials. In 1916, the interest to the war events shifted to the war's impact on the rear life, in 1917 the discussion of the possible peace treaty signing and the postwar life in Russia takes place in the newspapers.

Analysis of local media shows various opinions about the war in prints of different political persuasion. However, the state policy didn't have a differential attitude – the ineffective restrictive policies was widely spread, which was completely ignored by private publishers. As a result, the newspaper industry parted the province society.

The article is based on a large source base. The authors used the published material (legislation, memoirs) and the documents collected in archives. The article deals with the materials of local periodicals of 1914–1917.

Keywords: the perception of the war, civil society, public opinion, World War I, Middle Volga region, Telegrams PTA, rear area, county periodicals, censorship, private newspaper.

1. Введение

Распространившаяся в начале XX в. уездная периодическая печать стала играть особую коммуникативную роль в жизни российской глубинки. В годы Великой войны влияние местной периодики на провинциальное общество только усилилось. Но, вместе с тем, до сих пор отсутствуют исследования по истории уездной прессы, не определены особенности отношения к ней официальных государственных структур в 1914–1917 гг.

Актуальность изучения истории дореволюционной печати связана и со стремительным развитием информационно-коммуникативных технологий в современном мире. Разнонаправленность высказываемых в медиапространстве суждений, расширение «публичной среды», трансляция не только «голоса государства» приводит к повышению общественного самосознания, формированию институтов гражданского общества. В таковых условиях значимость информации только возрастает. Последняя все чаще выступает в качестве продукта, дающего реальную экономическую и политическую власть.

* Corresponding author

E-mail addresses: kulyanina@gmail.com (U. Kulyanina),
kurakinalidia@rambler.ru (L. Kurakina), uley_23@mail.ru (A. Ilyushin)

2. Материалы и методы

Исследование базируется на значительной источниковой базе. Неопубликованные источники представлены делопроизводственной документацией, хранящейся в Государственном архиве Ульяновской области (Ф. 76. – канцелярия симбирского губернатора) и Государственном архиве Пензенской области (Ф. 5. – канцелярия пензенского губернатора). К опубликованным источникам относятся законодательные акты и свидетельства современников событий. Кроме того, в исследовании использовано большое количество материалов уездной периодической печати 1914–1917 гг.

В основе методологии работы лежит принцип историзма, предполагающий диалектический подход. Для выделения общественно-значимых проблем, которые отслеживались в ряде изданий в 1914–1917 гг., был выбран проблемно-хронологический метод; для изучения значимости вопросов, освещавшихся как в отдельных печатных СМИ, так и в конкретных изданиях в разные годы, был использован контент-анализ. Кроме того, применялся заимствованный из теории журналистики принцип типологии изданий.

3. Обсуждение

Историография вопроса значительна. Стремлению воюющих держав в использовать периодическую печать для формирования общественного мнения посвящены работы современников событий, опубликованные в начале XX в. (Людendorф, 1924; Nicolai, 1920; Новоселов, 1915; Лемке, 2003; Ласвель, 1929). Их авторы внесли огромный вклад в накопление фактического материала, обогатив историческую науку мемуарными сочинениями, в которых они единодушно утверждали, что контролируемые государством СМИ были инструментом сплочения нации.

В 1920–1930-х гг. советские историки в большинстве своем исходили из ленинских тезисов о причинах и характере Первой мировой войны, представляя газетную пропаганду инструментом эффективного обмана трудящихся (Покровский, 1934; Блументаль, 1928). Другим подходом в изучении формирования общественного мнения в 1914–1919 гг. стало стремление обобщить имеющийся опыт для организации уже «правдивой» пролетарской работы с массами (Потапов, 1926; Борисов, 1929).

Во второй половине XX в. значительный вклад в изучение опыта пропагандистской работы воюющих в Великой войне держав внесли зарубежные авторы (Rappaport, 1951; Rantanen, 1990). Вместе с тем, в 1960–1980-х гг. появились и отечественные обобщающие исследования русской буржуазной прессы 1914–1917 гг. (Есин, 1981; Бережной, 1975; Коробейников, 1986).

На рубеже XX–XXI вв. интерес к газетной пропаганде не только усилился, но и приобрел новые направления. Историки стали уделять значительное внимание вопросам развития общественной мысли, культурологическим и антропологическим аспектам. Так, Е.С. Сенявской была предпринята попытка создания социально-психологического портрета русских воинов (Сенявская, 1997; Сенявская, 1999), положившая начало научной дискуссии (Оболенская, 2000). Больше внимание стало уделяться изучению печати регионов (Стрoева, 2012; Холодов, 2010; Братoлюбова, 2014; Гатаулина, 2008; Семенова, 2008; Polyakova, 2016).

Вместе с тем, несмотря на значительный ряд исследований процесса формирования общественного мнения посредством периодической печати в годы Первой мировой войны, отдельные вопросы до сих пор остаются вне поля зрения историков. Таковым моментом является функционирование уездных средств массовой информации. В то время как в русской провинции начала XX в. именно местная периодика была основным каналом информационного обмена.

4. Результаты

Широкое распространение периодической печати в глубинке было одним из достижений Первой русской революции. Изменения цензурного законодательства и порядка организации периодической печати привели к появлению целого ряда новых независимых частных изданий не только в губернских столицах, но и в уездных центрах.

В годы войны отмечался настоящий бум газетного дела. Помимо увеличения количества изданий (только в 1914 г. в России появилась 431 новая газета, из них 186 – специально посвященных войне), почти у всех существовавших газет выросли продажи и подписка (Paddock Troy, 2004: 93). Так, распространение уездных газет Среднего Поволжья достигло своего пика в 1914–1917 гг.: в это время были открыты 65 % всех местных газет.

Основными направлениями влияния государства на местные СМИ являлись цензура и пропаганда. На практике большая часть усилий были направлены на столичные газеты. Провинциальные власти воспринимали формирование общественного мнения как надуманную нагрузку и самоустраивались от влияния на массы, ограничиваясь запретительными мерами. В итоге здесь взгляды социума практически полностью формировали частные газеты (Кулянина, 2015: 291).

В России до 1905 г. главенствовала предварительная цензура, от которой освобождались столичные газеты, губернские и епархиальные «Ведомости». После публикации Манифеста 17 октября 1905 г. печатное законодательство смягчилось, но в 1914 г. «Временное положение о военной цензуре» и опубликованный летом 1915 г. «Перечень сведений», запрещенных к публикации

по военным соображениям, наложили запрет на темы даже не касавшиеся военных действий ([Временное положение, 1914](#)). Так, выход газеты «Сызранский курьер» под редакцией Н.И. Батракова был приостановлен на месяц за статью о дефиците сахара ([ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1216. Л. 6](#)). Впрочем, строгость законодательства часто нивелировалось его игнорированием или различными уловками, например, распространенной практикой подставных редакторов.

В осуществлении государственной пропаганды важная роль отводилась русскому Осведомительному бюро Главного управления печати. Оно работало совместно с Петроградским телеграфным агентством (ПТА), Бюро русских журналистов, отдельными изданиями ([Волковский, 2003: 108](#)). Сбор и распространение зарубежной информации был сконцентрирован в ПТА под контролем Министерства внутренних дел и военного ведомства. В составе агентства работало более 200 русских и зарубежных журналистов ([Щавельский, 1954: 212-215](#)). Кроме того, оно активно привлекало к сотрудничеству известных российских публицистов, заказывая им статьи необходимой тематики ([Волковский, 2003: 107](#)).

Телеграммы ПТА было разрешено перепечатывать частным лицам, и в 1914 г. появился сегмент местных газет, состоящих исключительно из них, например, «Телеграммы типографии В.Ф. Викторова» в Бутульме. Часто такие издания выходили в качестве приложения к газетам, например, «Телеграммы Краснослободского листка» ([Курмаев, 2011: 198](#)).

Разрешения на выдачу газет, печатавших сугубо официальную информацию, выдавались беспрепятственно. Например, на протяжении всего двух месяцев 1914 г. (июль – август) пензенским губернатором были выданы свидетельства на выпуск телеграмм ПТА почетному гражданину Н.А. Тонитрову в г. Краснослободске, губернскому секретарю М.Г. Никитину в г. Саранске, нотариусу С.И. Переяславцеву в г. Керенске, а в 1915 г. выдали разрешения печатать указанные бюллетени в одном только г. Чембаре сразу двум гражданам – Я. Т. Фролову и И.И. Смирнову ([ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7976. Л. 1, 3, 7](#)).

Более того, создается впечатление, что в некоторых губерниях распространение официальной информации посредством периодической печати носило директивный характер. Так, в Государственном архиве Пензенской области хранятся свидетельства от 22 сентября 1914 г. о разрешении выпуска бюллетеней Петроградского телеграфного агентства Чембарской, Нижне-Ломовской, Наровчатской, Мокшанской, Краснослободской, Керенской, Инсарской, Городнищенской уездным земским управам ([ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7976. Л. 15–22](#)). В том случае, если в уезде не было типографий для полноценной печати таких бюллетеней, предполагалось, что издания будут печататься на ротаторах и шапирографах земских управ, а в случае отсутствия и таковых – на пишущих машинках. Именно таким образом тиражировались бюллетени ПТА Краснослободской и Городнищенской уездных земских управ.

Другая часть провинциальной периодики была представлена общественно-политическими газетами. В годы войны они изменились в соответствии с новыми запросами читательской аудитории: многие приобрели дополнительные страницы, обзавелись специальными вечерними выпусками и иллюстрированными приложениями, посвященными исключительно войне ([Paddock Troy, 2004: 93](#)).

Структурообразующим в этих газетах стал отдел «Война», занимавший от одной до полутора полос. Редакторы-издатели наполняли их сообщениями ПТА, статьями из центральной прессы и местными материалами. Тематика авторских заметок уездных журналистов была весьма разнообразной, область информационного внимания включала и события на фронте, и героизм русских воинов, и зверства противника, и экономическое положение страны и региона, и проблемы беженцев, и др.

В начале войны все выходившие в России издания полностью поддержали правительство и призвали к борьбе с внешним врагом ([Paddock Troy, 2004: 92](#)). Уездная периодика, как и вся русская пресса, стремилась поддержать в читателях воинственный дух, убедить их, что шансы на победу велики, создать иллюзию скорой победы. Вплоть до 1917 г. печать стремилась представлять неудачи русских войск сугубо временными явлениями, показывая одновременно блестящее сопротивление наиболее стойких частей армии, подвиги отдельных ее солдат и командиров ([Волковский, 2003: 74](#)). На страницах газет появились рассказы раненых офицеров и солдат о событиях на фронтах ([Никулин, 1915](#)) и о прифронтовой жизни ([Фильсон Йонг, 1917](#)). Как правило, такие заметки были наполнены патриотическими настроениями и содержали описания подвигов русских воинов ([Чествование героя, 1916](#)).

Одновременно в прессе появились публикации о зверствах и дикости германцев на захваченной ими территории ([Наши враги, 1915](#); [Кровавые деньги, 1914](#)). Причем дегуманизации подвергались не только германские солдаты, но и соседи-немцы, подданные Русской короны. Например, в августе 1914 г. со страниц газеты «Сызранский курьер» призывали к бойкоту местного магазина немца Германа Лума ([Загайдачный, 1914](#)). Встречались заметки, возбуждающие ненависть к населению близлежащих колоний поволжских немцев ([Немцы, 1914](#)).

Конечно, большая часть материалов уездных частных газет во время войны касалась событий местного значения, но и они не избежали влияния военной тематики. Несмотря на то, что Среднее Поволжье представляло собой глубоко тыловой регион, война изменила мирный уклад местной

жизни. Городская и сельская глубинка потеряла часть трудоспособного населения, мобилизованного на фронт, а взамен получила раненых, беженцев и пленных. Их включение в местное сообщество стало важной задачей провинции.

На страницах газет публиковались списки раненых земляков (*Раненые Сызранского уезда, 1915*) и солдат в местных лазаретах (*Раненые в сызранских госпиталях, 1915*), всесторонне освещалось устройство земствами и монастырями врачебных пунктов в провинции (*Лазарет, 1914*) и организация лазаретов частными лицами (*Пожертвования, 1914*), раздавались призывы поддержать таковые начинания, обозначались проблемы адаптации и расселения беженцев (*Волна страданий, 1915; Ссуды беженцам, 1917*). Ежедневно пресса обращалась к обывателям с просьбами о помощи. Журналисты называли благотворительность самым действенным способом хоть как-то удовлетворить нужды пострадавших. Периодические издания объявляли акции по сбору средств и вещей для фронта, газет и журналов для размещенных в уезде раненых, денег в пользу семей, оставшихся без кормильцев (*Белье солдатам, 1914; Собрание сызранского купечества, 1914*). Журналисты ставили перед органами местного самоуправления вопросы о постоянной поддержке семей мобилизованных крестьян (*Организация помощи, 1914; Помощь хозяйствам, 1915*). Желая поощрить благотворительность, пресса публиковала пришедшие в адрес редакций с фронта послания с выражениями признательности (*Из армии, 1915; Солдатские письма, 1915*).

Первые заметные изменения в тематике и подаче материалов с театра военных действий произошли после поражений русской армии в Галиции весной 1915 г. и последовавших неудач на фронте. В марте 1916 г. Думой был утвержден проект нового закона о военной цензуре. Но, несмотря на все меры по недопущению публикации негативных материалов в прессе, корреспонденты все чаще и чаще писали о вызванном войной ухудшении положения народа (*Местная жизнь, 1916; Экономическая борьба, 1917*).

Отличительной особенностью 1917 г. стала крайняя политизация прессы, что было вызвано в первую очередь изменением цензурного законодательства. В марте 1917 г. Временное правительство ликвидировало основной центр царской цензуры – Главный комитет по делам печати – и ввело должность комиссара по делам печати. 27 апреля 1917 г. был принят новый Закон о печати, провозгласивший беспрепятственный выпуск, распространение и торговлю печатными изданиями любых политических направлений (*Закон о печати, 1917*). После этого в провинции появилось огромное количество крайне низкокачественных изданий, в том числе – печать леворадикального направления. Летом 1917 г. власти вновь постарались ограничить свободу слова, и военному министру было предоставлено право закрывать издания, призывавшие к неповиновению на фронте (*Волковский, 2003: 61*).

В революционный год главным дискуссионным вопросом провинциальной печати стал «вопрос о мире». Среди беспартийной периодики (а подавляющее количество газет позиционировали себя именно таковыми) царило единодушие: «Дело свободы должно быть увенчано успешным отпором натиску германского милитаризма и победным окончанием войны» (*Воззвание главных комитетов, 1917*). Если консервативные и либеральные СМИ демонстрировали решительность и призывали сохранять верность союзническому долгу, то леворадикальные обличали империалистические чаяния правительства и требовали заключения сепаратного мира, описывали братания на фронте, сеяли упадничество. Отметим, что в середине 1917 г. такие настроения не находили поддержки провинциальной аудитории. Напротив, в это время на страницах уездной периодики очень часто встречается критика позиции РСДРП (б) (*Большевизм и армия, 1917*). Общее недовольство деятельностью большевиков имело и неожиданные последствия: местные типографии просто отказывались тиражировать номера их газет, а собственной полиграфической базы у провинциальных ячеек РСДРП (б) не было.

И все же к осени 1917 года от былого единства уездной прессы не осталось и следа. Его не наблюдалось не только среди отдельных газет, но и среди авторов одного и того же издания. Рядом могли оказаться бравурные призывы «Война до победного конца!», материалы о плачевном состоянии русской армии, массовом дезертирстве, отчаянные призывы к крестьянству обеспечить солдат продовольствием. Не объединенная общим руководством и идеями, разбитая на группы, преследовавшие противоположные цели, пресса поделила местное сообщество на части, разъединило общественное мнение. Чем и не преминули воспользоваться большевики, уделявшие вопросам пропаганды должное внимание. Наладив к концу 1917 года выпуск изданий левого толка, новые власти предприняли меры, направленные на удаление из медиапространства своих конкурентов.

5. Заключение

Власть не смогла использовать местную печать для формирования общественного мнения, предпочтя бороться с проявлениями «печатного вольнодумства». Несмотря на усилия по распространению полуофициальной периодики, наибольшее влияние на настроения провинциальных жителей играли частные общественно-политические издания.

Максимальная численность уездных газет фиксируется в 1914 и 1917 годах. В начале Великой войны данный рост был достигнут за счет появления малоформатных газет, содержавших оперативные сведения о военных действиях (транслировавших «Телеграммы ПТА»). Общественно-

политические газеты изменились в соответствии с новыми запросами аудитории. Область информационного внимания включила события на фронте, героизм русских воинов, зверства противника, беженство. Структурообразующим стал отдел «Война», ему подчинялись все прочие отделы газеты.

После Февральской революции, появились многочисленные издания Советов (рабочих, солдатских, крестьянских) депутатов. Интерес с собственно фронтовых событий был перенесен в область политическую: обсуждали экономическое и политическое будущее России, высказывали свое отношение к войне и возможному заключению мира. Активно обсуждалась деятельность большевиков, которая получила разную оценку в зависимости от направленности издания.

Пришедшие к власти большевики не были оригинальными в выстраивании отношений с частной печатью. Они не стали ограничиваться малоэффективной цензурной политикой, а просто ликвидировали независимую частную прессу как таковую.

Литература

- Nicolai, 1920** – *Nicolai W.* Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin, 1920.
- Paddock Troy, 2004** – *Paddock Troy R.E.* A Call to Arms: Propaganda, Public Opinion, and Newspapers in the Great War (Perspectives on the Twentieth Century). Praeger, 2004.
- Rantanen, 1990** – *Rantanen T.* Foreign News in Imperial Russia: The Relationship Between International and Russian News Agencies, 1856–1914. Helsinki, 1990.
- Rappaport, 1951** – *Rappaport A.* The British Press and Wilsonian neutrality. Stanford, 1951.
- Белье солдатам, 1914** – Белье солдатам // *Сызранский курьер*. 1914. № 205. С. 3.
- Бережной, 1975** – *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 152 с.
- Блументаль, 1928** – *Блументаль Ф.Л.* Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918 гг.: обраб. обществ. мнения. М. – Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. лит., 1928. 168 с.: ил.
- Большевизм и армия, 1917** – Большевизм и армия // *Утро свободы*. 1917. № 18. С. 1.
- Борисов, 1929** – *Борисов Е.* Печатная пропаганда на фронте // *Война и революция*. 1929. № 12. С. 93–112.
- Братолобова, 2014** – *Братолобова М.В.* Визуализация «Образа врага» в период Первой мировой войны в донской сатирической графике // *XX век и Россия: общество, реформы, революции*. 2014. № 2. С. 153–162.
- Воззвание главных комитетов, 1917** – Воззвание главных комитетов земского союза, союза городов «Земгора» // Бюллетени Осведомительного бюро Новоузенского комитета народной власти и общественной безопасности. 1917. № 5. С. 2.
- Волковский, 2003** – *Волковский Н.Л.* История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. 736 с.
- Волна страданий, 1915** – Волна страданий // *Сызранский курьер*. 1915. № 170. С. 3.
- Временное положение, 1914** – Временное положение о военной цензуре. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1914. 20 июля. № 191. С. 3015.
- ГАПО** – Государственный архив Пензенской области (ГАПО).
- Гатауллина, 2008** – *Гатауллина Л.Р.* Татарская пресса 1914–1915 гг. Об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2008. № 1. С. 133–139.
- ГАУО** – Государственный архив Ульяновской области (ГАУО).
- Есин, 1981** – *Есин Б. И.* Русская газета и газетное дело в России. М.: МГУ, 1981. 132 с.
- Загайдачный, 1914** – *Загайдачный Сергей.* Венская сосиска в Сызрани // *Сызранский курьер*. 1914. № 184. С. 3.
- Закон о печати, 1917** – Закон о печати 27 апреля 1917 г. // *Вестник Временного правительства*. 5 марта 1917. № 55. С. 101.
- Из армии, 1915** – Из армии // *Сызранский курьер*. 1915. № 10. С. 3.
- Коробейников, 1986** – Пресса и общественное мнение / Отв. ред. В.С. Коробейников. М.: Наука, 1986. 204 с.
- Кровавые деньги, 1914** – Кровавые деньги // *Сызранский курьер*. 1914. № 194. С. 3.
- Кулянина, 2015** – *Кулянина У.И.* Роль периодической печати в консолидации провинциального общества в начале Первой мировой войны: опыт Российской и Британской империи // *Первая мировая война: взгляд спустя столетия. 1914 год: от мира к войне: доклады и выступления участников IV Международной научно-практической конференции*. М.: МНЭПУ, 2015. С. 287–292.
- Курмаев, 2011** – *Курмаев М.В.* Периодическая печать Среднего Поволжья (до 1917) // *Седьмые Азаровские чтения: Библиотека в информационной среде региона: Стратегии формирования поддержки: Материалы Всерос. науч.-прак. конф., Самара, март 2011 г.* Самара, 2011. С. 188–206.
- Лазарет, 1914** – Лазарет // *Сызранский курьер*. 1914. № 197. С. 3.
- Ласвель, 1929** – *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировой войне. М.–Л.: Гос. изд-во, 1929. 199 с.
- Лемке, 2003** – *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке 1916. Мн.: Харвест, 2003. 672 с.
- Людендорф, 1924** – *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне. 1914–1918 годы. В 2 т. Пг., 1924.

- Местная жизнь, 1916 – Местная жизнь // *Сызранский курьер*. 1916. № 250. С. 3.
 Наши враги, 1915 – Наши враги. Германский милитаризм // *Сызранский курьер*. 1915. № 19. С. 3.
 Немцы, 1914 – Немцы // *Сызранский курьер*. 1914. № 192. С. 3.
 Никулин, 1915 – Никулин Л. По Галиции // *Сызранский курьер*. 1915. № 33. С. 3.
 Новоселов, 1915 – Новоселов В. Война и печать // *Пробуждение*. 1915. № 2.
 Оболенская, 2000 – Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М.: РАН. Ин-т всеобщ. истории, 2000. 209 с.
 Организация помощи, 1914 – Организация помощи взятым на войну // *Сызранский курьер*. 1914. № 174. С. 3.
 Пожертвования, 1914 – Пожертвования // *Сызранский курьер*. 1914. № 197. С. 3.
 Покровский, 1934 – Покровский М.Н. Империалистическая война. Сб. статей. М.: Соцэкгиз, 1934. 449 с.
 Помощь хозяйствам, 1915 – Помощь хозяйствам призванных на войну // *Сызранский курьер*. 1915. № 115. С. 3.
 Потапов, 1926 – Потапов Н.М. Печать и война. М.-Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. 84 с.
 Раненые в сызранских госпиталях, 1915 – Раненые в сызранских госпиталях // *Сызранский курьер*. 1915. № 222. С. 3.
 Раненые Сызранского уезда, 1915 – Раненые Сызранского уезда // *Сызранский курьер*. 1915. № 37. С. 2.
 Семенова, 2008 – Семенова Е.Ю. Периодическая печать и цензура в годы первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам поволжских губерний) // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2008. №1. С.71–85.
 Сениявская, 1997 – Сениявская Е.С. Образ врага у участников Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 1997. № 3.
 Сениявская, 1999 – Сениявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 383 с.
 Собрание сызранского купечества, 1914 – Собрание сызранского купечества // *Сызранский курьер*. 1914. № 205. С. 3.
 Солдатские письма, 1915 – Солдатские письма // *Сызранский курьер*. 1915. № 6. С. 3.
 Суды беженцам, 1917 – Суды беженцам. // *Сызранский курьер*. 1917. № 6. С. 3.
 Строева, 2012 – Строева А.А. Становление государственного контроля средств массовой информации в губерниях Черноземного центра России в марте – октябре 1917 года // *Вестн. Перм. ун-та. Сер. История*. 2012. № 3 (20) С. 78–86.
 Фильсон Йонг, 1917 – Фильсон Йонг. На западном фронте (письмо из Арраса) // *Сызранский курьер*. 1917. № 4. С. 3.
 Холодов, 2010 – Холодов В.А. Первая мировая война в восприятии населения Орловской губернии (по данным Орловской прессы) // *Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2010. №3–1 С. 123–131.
 Чествование героя, 1916 – Чествование героя // *Сызранский курьер*. 1916. № 250. С. 3.
 Щавельский, 1954 – Щавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.
 Экономическая борьба, 1917 – Экономическая борьба после войны. // *Сызранский курьер*. 1917. № 6. С. 3.
 Polyakova, 2016 – Polyakova L.G. Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*, 2016, Vol. (5), Is. 1, pp. 12-29.

References

- Bele soldatam, 1914 – Bele soldatam [Linen to soldiers]. *Syzranskiy courier*. 1914. № 205. p. 3. [in Russian]
 Berezhnoj, 1975 – Berezhnoj A.F. (1975). Russkaya legalnaya pechat v gody pervoj mirovoj vojny [Russian legal press during the First World War]. Leningrad. 152 p. [in Russian]
 Blumental, 1928 – Blumental F.L. (1928). Burzhuaznaya politrabota v mirovuyu vojnu 1914–1918 gg.: obrab. obshchestv. mneniya. [Bourgeois political work in the World War of 1914–1918.: Grain. societies. opinions] Moscow. Leningrad. 168 p. [in Russian]
 Bolshevizm i armiya, 1917 – Bolshevizm i armiya [Bolshevism and the army] // *Morning freedom*. 1917. № 18. p. 1. [in Russian]
 Borisov, 1929 – Borisov E. (1929). Pечатnaya propaganda na fronte [Printed propaganda at the front]. *War and Revolution*. № 12. pp. 93–112. [in Russian]
 Bratolyubova, 2014 – Bratolyubova M.V. (2014). Vizualizaciya obraza vraga v period Pervoj mirovoj vojny v donsnoj satiricheskoj grafike [Visualization «enemy image» in the First World War in the Don satirical graphics]. *Twentieth century and Russia: society, reform, revolution*. №2. pp. 153–162. [in Russian]
 Chestvovanie geroya, 1916 – Chestvovanie geroya [Honoring the hero]. *Syzranskiy courier*. 1916.

№ 250. p. 3. [in Russian]

Ehkonomicheskaya borba, 1917 – Ehkonomicheskaya borba posle vojny [The economic struggle after the war]. *Syzranskiy courier*. 1917. № 6. p. 3.

Esin, 1981 – *Esin B.I.* (1981). Russkaya gazeta I gazetnoe delo v Rossii [Russian newspaper and the newspaper business in Russia]. Moscow. 132 p. [in Russian]

Filson Jong, 1917 – *Filson Jong*. (1917). Na Zapadnom fronte (pismo iz Arrasa) [On the western front (letter of Arras)]. *Syzranskiy courier*. № 4. p. 3. [in Russian]

GAPO – Gosudarstvennyj Arhiv Penzenskoj Oblasti [State Archive of the Penza region]

Gataullina, 2008 – *Gataullina L.R.* (2008). Tatarskaya pressa 1914–1915 gg. ob otnoshenii rossijskih musulman k pervoj mirovoj vojne [atar press of 1914–1915. On the relation of Russian Muslims to World War]. *Scientists. Rec. Kasane. Univ. Ser. Humanity science*. № 1. pp. 133–139. [in Russian]

GAUO – Gosudarstvennyj Arhiv Ulyanovskoj Oblasti [State Archives of the Ulyanovsk region]

Holodov, 2010 – *Holodov V.A.* (2010). Pervaya mirovaya vojna v vospriyatii naseleniya Orlovskoj gubernii (po dannym orlovskoj pressy) [First World War in the perception of the population of the Oryol province (according to Orel press)]. *OSU researchers note. Series: Humanities and Social Sciences*. № 3–1. pp. 123–131. [in Russian]

Iz armii, 1915 – Iz armii [From the Army]. *Syzranskiy courier*. 1915. № 10. p. 3. [in Russian]

Korobejnikov, 1986 – *Pressa i obshchestvennoe mnenie. Otv red V.S. Korobejnikov* [The press and public opinion / Ed. V. S. Korobejnikov]. Moscow, 1986. 204 p. [in Russian]

Krovavye dengi, 1914 – Krovavye dengi [Blood Money]. *Syzranskiy courier*. 1914. № 194. p. 3. [in Russian]

Kulyanina, 2015 – *Kulyanina U.I.* (2015). Rol periodicheskoy pechati v konsolidacii provincialnogo obshchestva v nachale Pervoj mirovoj vojny: opyt Rossijskoj i britanskoj imperii [The periodical's press value in the consolidation of provincial society in the beginning of the First World War: the experience of the Russian and British Empires] // *The First World War: A look centuries later. 1914: from peace to war: the reports and speeches of the participants of the IV International scientific-practical conference*. M.: MNEPU, pp. 287–292.

Kurmaev, 2011 – *Kurmaev M.V.* (2011). Periodicheskaya pechat Srednego Povolzhya (do 1917) [Periodical Press the Middle Volga region (before 1917)] // *Seventh Azarovsky reading: Library in the information environment of the region: the formation of Strategy: Proc. scientific-prac. Conf., Samara, March 2011, Samara*. pp. 188–206. [in Russian]

Lasvel, 1929 – *Lasvel G.* (1929). Tekhnika propagandy v Mirovoj vojne [Propaganda technique in the World War]. Moscow. Leningrad. 199 p. [in Russian]

Lazare, 1914 – Lazaret [The infirmary]. *Syzranskiy courier*. 1914. № 197. p. 3. [in Russian]

Lemke, 2003 – *Lemke M.K.* (2003). 250 dnej v carskoj stavke 1916 [250 days in the royal headquarters 1916]. Harvest. 672 p. [in Russian]

Lyudendorf, 1924 – *Lyudendorf E.* (1924). Moi vospominaniya o vojne. 1914–1918 gody [My memories of the war. 1914–1918 years.]. In 2 v. Pg. [in Russian]

Mestnaya zhizn, 1916 – Mestnaya zhizn [Local Life]. *Syzranskiy courier*. 1916. № 250. p. 3. [in Russian]

Nashi vragi, 1915 – Nashi vragi. Germanskij militarizm [Our enemies. German militarism]. *Syzranskiy courier*. 1915. № 19. p. 3. [in Russian]

Nemcy, 1914 – Nemcy [Germans]. *Syzranskiy courier*. 1914. № 192. p. 3. [in Russian]

Nicolai, 1920 – *Nicolai W.* (1920). Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin.

Nikulin, 1915 – *Nikulin L.* (1915). Po Galicii [In Galicia]. *Syzranskiy courier*. № 33. p. 3. [in Russian]

Novoselov, 1915 – *Novoselov V.* (1915). Vojna i pechat [War and press]. *Awakening*. № 2. [in Russian]

Obolenskaya, 2000 – *Obolenskaya S.V.* (2000). Germaniya i nemcy glazami russkih (XIX vek) [Germany and the Germans Russian eyes (XIX century)]. Moscow. 209 p. [in Russian]

Organizaciya pomoshchi, 1914 – Organizaciya pomoshchi vzyatym na vojnu [Organization of assistance taken to war]. *Syzranskiy courier*. 1914. № 174. p. 3. [in Russian]

Paddock Troy, 2004 – *Paddock Troy R.E.* (2004). A Call to Arms: Propaganda, Public Opinion, and Newspapers in the Great War (Perspectives on the Twentieth Century). Praeger.

Pokrovskij, 1934 – *Pokrovskij M.N.* (1934). Imperialisticheskaya vojna [Imperialist war]. Moscow. 449 p. [in Russian]

Pomoshch hozyajstvam, 1915 – Pomoshch hozyajstvam prizvannyh na vojnu [Help farmers called to war]. *Syzranskiy courier*. 1915. № 115. p. 3. [in Russian]

Potapov, 1926 – *Potapov N.M.* (1926). Pechat i vojna [Press and war]. Moscow. Leningrad. 84 p. [in Russian]

Pozhertvovaniya, 1914 – Pozhertvovaniya [Donations]. *Syzranskiy courier*. 1914. № 197. p. 3. [in Russian]

Ranenye Syzranskogo uezda, 1915 – Ranenye Syzranskogo uezda [Wounded Syzran County]. *Syzranskiy courier*. 1915. № 37. p. 2. [in Russian]

Ranenye v syzranskih gospitalyah, 1915 – Ranenye v syzranskih gospitalyah [Wounded in syzran

hospitals]. *Syzranskiy courier*. 1915. № 222. p. 3. [in Russian]

Rantanen, 1990 – *Rantanen T.* Foreign News in Imperial Russia: The Relationship Between International and Russian News Agencies, 1856–1914. Helsinki, 1990.

Rappaport, 1951 – *Rappaport A.* (1951). The British Press and Wilsonian neutrality. Stanford.

Semenova, 2008 – *Semenova E.Y.* (2008). Periodicheskaya pechat i cenzura v gody Pervoj mirovoj vojny kak faktor formirovaniya mentaliteta rossijskogo obshchestva (po materialam povolzhskikh gubernij) [Periodical Press and censorship during the First World War as a factor in the formation of the mentality of the Russian society (on materials of the Volga provinces)]. *Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. №1. pp. 71–85. [in Russian]

Senyavskaya, 1997 – *Senyavskaya E.S.* (1997). Obraz vraga u uchastnikov Pervoj mirovoj vojny [The image of the enemy from the participants of World War]. *Questions of history*. № 3. [in Russian]

Senyavskaya, 1999 – *Senyavskaya E.S.* (1999). Psihologiya vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii. Moscow. 383 p. [in Russian]

Shavelskij, 1954 – *Shavelskij G.I.* (1954). Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoj armii i flota [Memories last Protopresbyter Russian army and navy]. In 2 v. New York. [in Russian]

Sobranie syzranskogo kupechestva, 1914 – *Sobranie syzranskogo kupechestva* [Meeting syzran merchant]. *Syzranskiy courier*. 1914. № 205. p. 3. [in Russian]

Soldatskie pisma, 1915 – *Soldatskie pisma* [Soldiers' letters]. *Syzranskiy courier*. 1915. № 6. p. 3. [in Russian]

Ssudy bezhencam, 1917 – *Ssudy bezhencam* [Loans refugees]. *Syzranskiy courier*. 1917. № 6. p. 3. [in Russian]

Stroeva, 2012 – *Stroeva A.A.* Stanovlenie gosudarstvennogo kontrolya sredstv massovoj informacii v guberniyah chernozemnogo centra Rossii v marte – oktyabre 1917 goda [Formation of state control of the media in the Russian provinces of Black Earth center in March - October 1917]. *Vestn. Perm. Univ. Ser. History*. 2012. № 3 (20), pp. 78–86. [in Russian]

Volkovskij, 2003 – *Volkovskij N.L.* (2003). Istoriya-informacionnyh-vojn. [History of information wars]. Part 2. SPb. 736 p. [in Russian]

Volna stradanij, 1915 – *Volna stradanij* [A wave of misery]. *Syzranskiy courier*. 1915. № 170. p. 3. [in Russian]

Vozzvanie glavnyh komitetov, 1917 – *Vozzvanie glavnyh komitetov Zemskogo soyuza, Soyuz gorodov «Zemgora»* [The appeal of the Main Committees of the Land Union, Union of Cities «Zemgora»]. *The Bulletin of news bureaus Novouzensk Committee of People's Power, and Public Safety*. 1917. № 5. p. 2. [in Russian]

Vremennoe polozhenie, 1914 – *Vremennoe polozhenie o voennoj cenzure* [Provisional Regulations on military censorship] // *Collection of Laws and government regulations*. SPb., 1914. 20 July. Number 191. p. 3015. [in Russian]

Zagajdachnyj, 1914 – *Zagajdachnyj-Sergej.Venskaya-sosiska-v-Syzrani* [Vienna sausage in Syzran]. *Syzran courier*. 1914. № 184. p. 3. [in Russian]

Zakon o pechati, 1917 – *Zakon o pechati 27 aprelya 1917 g.* [The Press Law April 27, 1917]. *Herald of the Provisional Government*. 5 March 1917. № 55. p. 101. [in Russian]

Polyakova, 2016 – *Polyakova L.G.* (2016). Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine). *Propaganda in the World and Local Conflicts*, 2016, Vol. (5), Is. 1, pp. 12-29.

УДК 940.3

Великая война на страницах уездных газет: формирование общественного мнения русской глубинки (по материалам Самарской, Симбирской и Пензенской губерний)

Ульяна Ивановна Кулянина ^{*,а}, Лидия Михайловна Куракина ^а, Андрей Константинович Илюшин ^а

^а Филиал Самарского государственного технического университета в г. Сызрани, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования общественного мнения на страницах уездной периодики Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны. В исследуемый период отношения органов власти, призванных регулировать вопросы газетного производства, и провинциальных издателей частных общественно-политических СМИ отличались не только от аналогичных в обеих столицах, но и в губернских центрах. Эти особенности во многом обусловили

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kulyanina@gmail.com (У.И. Кулянина), kurakinalidia@rambler.ru (Л.М. Куракина), uley_23@mail.ru (А.К. Илюшин)

специфику влияния периодики на процесс формирования общественного мнения тыловой провинции о войне, определили образ Первой мировой войны, выработку собственных приемов построения диалога с властью.

В разные периоды войны отчетливо наблюдаются изменения в тематике и способах подачи материала. Если в 1914 г. пресса, стремясь заполнить информационный вакуум, широко транслировала «голос государства», то с 1915 г. значительную долю газетных площадей занимают материалы местных авторов. В 1916 г. интерес от фронтовых событий переместился к влиянию войны на тыловую жизнь, а в 1917 г. страницы изданий прочно занимает обсуждение возможного заключения мира и послевоенного устройства.

Анализ местной прессы наглядно показывает наличие разнообразных мнений о войне в печатных изданиях различного политического толка. Вместе с тем, со стороны власти дифференцированного отношения не отмечается – наибольшее распространение получает малоэффективная запретительная политика, полностью игнорируемая частными издателями. В итоге, разрозненная издательская индустрия разделяет провинциальное общество.

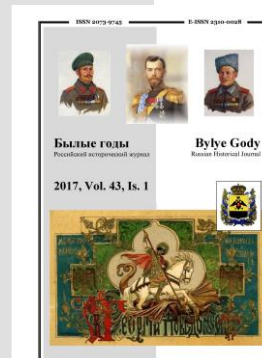
Статья базируется на значительной источниковой базе. Авторами привлечены как опубликованные материалы (законодательные акты, мемуаристика), так и документы, собранные в архивных фондах. В исследовании широко используются материалы уездной периодической печати 1914–1917 гг.

Ключевые слова: восприятие войны, гражданское общество, общественное мнение, Первая мировая война, Среднее Поволжье, Телеграммы ПТА, тыловая провинция, уездная периодическая печать, цензура, частная газета.

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 294-300, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.294
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908

Public Organizations of the Rear City during World War I (on Materials of Tsaritsyn)

Irina N. Litvinova ^{a,*}, Oksana A. Karagodina ^a, Vyacheslav N. Gulyaikhin ^a, Alexander V. Borovkov ^a

^a Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the activities of public organizations of the rear city of Tsaritsyn. It analyzes the work of the Associations, founded in the pre-war and war periods. Apart from the central social and state structures of charitable focus with branches in many provincial cities, the authors concentrated considerable attention on the local unions, that provided corporate and professional support, as well as on women's committees, which were involved in the help to soldiers and war-affected population. Of the greatest interest to the researchers is the work of "peaceful" societies before and during World War I, with their cultural and educational activities. The Tsaritsyn "Society of assistance to out-of-school education", considered in the article, is the very type of such associations. The authors, based on documentary sources, revealed the methods and forms of work of the societies that were engaged in charity work for the wounded, children of soldiers and refugees.

Keywords: World War I, public organizations, committees, help, cultural and educational activities, charity.

1. Введение

Активная деятельность институтов общественной самоорганизации в предвоенные и особенно в военные годы долгое время способствовала стабилизации социума в российской глубинке. Общественные структуры содействовали социальной мобилизации и сплочению населения вокруг интересов государства, формированию гражданской инициативы на основе принципов справедливости, солидарности и гуманизма. В период Первой мировой войны в стране отмечался значительный подъем благотворительности и волонтерства. Данная тенденция была характерна не только для столицы, но и для провинциальных городов. Многие общественные объединения консолидировали все силы и средства для оказания посильной помощи людям, пострадавшим от войны.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена документами фондов Государственного архива Саратовской области, Государственного архива Волгоградской области и материалами периодической печати, а именно выпусками газеты «Царицынский вестник» периода: июль 1914 г. – февраль 1917 г.

Основой для исследования стали исторический и историко–системный методы. Исторический метод позволяет видеть исторические процессы, происходящие в тыловой провинции в их реальном развитии и взаимосвязи. Деятельность общественных организаций периода Первой мировой войны исследуется во взаимосвязи и взаимообусловленности происходивших событий в крае и государстве в целом. Историко-системный метод способствует определению общественных саморазвивающихся

* Corresponding author

E-mail addresses: litvinova@volsu.ru (I.N. Litvinova), karagodina@volsu.ru (O.A. Karagodina), gulyaich@volsu.ru (V.N. Gulyaikhin), borovkovav@volsu.ru (A.V. Borovkov)

организаций как основных институтов системы гражданского общества, взаимодействующих друг с другом на основе общеобязательных норм и ценностей.

3. Обсуждение

Исследованию различных аспектов развития российского гражданского общества в период Первой мировой войны посвящены работы некоторых зарубежных ученых, например, Cadiot J. (Cadiot, 2005), проблеме беженства – П. Гэтрелла (Gatrell, 2015). Вопросы о российской благотворительности и ее роли для общества также неоднократно становились объектом исследования представителей мировой научной мысли. Наиболее известным зарубежным автором, занимающимся изучением этих феноменов, является американский исследователь, профессор А. Линденмайер. На сегодняшний день автор опубликовала ряд научных трудов, посвященных данным вопросам российской истории, в том числе, в русскоязычной версии работы была затронута проблема российской благотворительности времен Первой мировой войны (Линденмайер, 2008).

Среди отечественных исследований для авторов статьи наибольший интерес представляют труды А.С. Тумановой (Туманова, 2014), посвященные общественным организациям времен Мировой войны и Г.Н. Ульяновой (Ульянова, 2014), связанные с оценкой социальных практик российского общества, направленных на помощь жертвам войны.

4. Результаты

В военные годы в Царицыне действовало более трех десятков общественных и государственно-общественных структур, имевших различные цели благотворительной направленности, в том числе, попечительные, образовательно-просветительские, здравоохранительные, корпоративно-профессиональные и другие. Основание многих комитетов и обществ было связано с драматическими событиями военного периода, миссия которых состояла в организации помощи категориям населения, пострадавшим от войны – семьям воинов, раненым, беженцам. В городе работали отделившиеся центральные благотворительные организаций, находившихся под патронажем членов императорской семьи и реализовывавших социальные и благотворительные практики: Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны (помощь семьям воинов, раненым), Комитет великой княжны Татьяны Николаевны (помощь беженцам), Царицынское Человеколюбивое общество и Царицынское Российское Общество Красного Креста. Например, в функции Человеколюбивого Общества входило создание и содержание приютов для сирот, богаделен для немощных стариков, столовых, ночлежных приютов и других объектов «закрытого» и «открытого» типов призрения.

В военные годы Человеколюбивое общество основало в городе два новых приюта стационарного типа для детей-сирот воинов и три дневных приюта для детей нижних воинских чинов и других беднейших слоев населения, отцы которых находились в действующей армии (ГАСО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 3. Л. 88). Совместно с Елизаветинским комитетом это Общество занималось организацией приютов и столовых, арендой дешевых квартир для беженцев и переселенцев, прибывавших в город большими партиями с лета 1915 г. Главным образом финансирование всех перечисленных выше организаций проводилось за счет субсидий Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, но также за счет добровольных пожертвований от горожан в виде денежных сумм, продуктов, одежды, теплого белья, медикаментов, перевязочных средств.

В период Первой мировой войны значительно активизировало работу Царицынское Отделение Российского общества Красного Креста, основанное еще в 1877 г. Инициаторами активной помощи Обществу стали его действительные члены – представители деловых кругов города и дворянства: Воронины, Репниковы, Серебряковы, Персидские, Кленовы, Максимовы – всего около 100 членов Общества (Красный Крест, 1916: 3). Результатом их энергичной деятельности, а именно массовых сборов денежных средств среди населения, перечислений на счет Красного Креста личных средств, передачи собственниками помещений в пользу Общества, стала организация 14 лазаретов для раненых солдат и офицеров к 1 января 1915 г. (Количество лазаретов, 1915: 3).

Глава местного отделения Красного Креста, потомственный почетный гражданин Царицына А.К. Воронин передал Обществу один из своих особняков под лазарет для раненых офицеров, рассчитанный на 25 коек. Лично на себя благотворитель взял содержание 10 коек на все время войны (В Обществе Красного Креста, 1915: 2). При Обществе А.К. Воронин организовал Совет врачей, в который входили П.Д. Тихомиров, А.И. Остен-Сакен, М.С. Антонов и другие лица. Все вольнопрактикующие врачи Совета при Красном Кресте оказывали свои услуги безвозмездно. В Царицыне была создана специальная комиссия по распределению раненых, которых направляли в лазареты Общества, размещавшиеся на территории лесозавода И.В. Максимова, в Мещанской богадельне, при православной церкви в немецкой колонии Сарепта, во втором Казенном винном складе, при Обществе «Взаимопомощь» и Дамском комитете (Врачебно-санитарная хроника, 1914: 1124).

Следует отметить, что с началом военных действий местные дамы создали свои ассоциации, оказывавшие помощь фронту и воинам-землякам, семьям лиц отобюролизированных на фронт. В частности, это были Царицынский Дамский комитет, Дамский кружок Аварского полка, Армянский

дамский комитет. Горожане всех сословий активно участвовали в многочисленных благотворительных мероприятиях этих ассоциаций, отличавшихся многообразием форм работы: денежные сборы, устройство лотерей–аллегри, благотворительные концерты, «живые картины» на военную тематику. Помимо этого для благотворительных нужд собирали одежду и продукты для беженцев, теплые одеяла и постельное белье, махорку, чай, конверты, почтовую бумагу и прочую бытовую утварь для фронта. Отчеты о сборах средств и вещей в пользу фронтовиков и их семей систематически публиковались в местной прессе за 1914–1917 гг. Газеты освещали и забавные интересные факты из жизни тылового общества, так известность получил случай о пятерых гимназистах, которые сдали в Дамский комитет 72 копейки, сэкономленные на завтраках. Профессиональные союзы и служащие различных предприятий также сотрудничали с Дамским комитетом. Например, приказчики магазина Вервейкина, состоящие в кассе «Взаимопомощь», стали отчислять «из жалованья < > впредь до окончания войны 1 %, а деньги эти передавать в местный Дамский комитет» (*Собрание приказчиков, 1914: 3*).

Общественные благотворительные организации согласовывали свою работу со структурами городской управы Царицына – Комитетом по оказанию помощи раненым воинам и их семьям, Беженским комитетом.

Главные цели деятельности многих общественных организаций того времени отражали их собственные названия, например, – «Царицынское отделение Общества спомоществования бедным семействам поляков, участвующих в войне», «Царицынский Латышский Комитет спомоществования беженцам», «Царицынское общество помощи пострадавших от войны и переселенцам», «Царицынское общество презрения и попечения о детях воинов, пострадавших во 2-ю Отечественную войну».

Тем не мене, в тыловом городе в разгар военных действий продолжали свою работу общественные организации, основанные в мирное время и имевшие совсем другие цели. Многочисленные объединения относились к сословно–корпоративным организациям, таким как Мещанское и Купеческое общества или к профессиональным объединениям, опекавшим корпоративные интересы членов организаций. К последним имели отношение «Общество взаимного вспоможения частному и служебному труду», «Союз торгово-промышленных служащих Царицына», «Союз рабочих лесопильных заводов г. Царицына» и многие другие (*ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3, Д. 26*). Ассоциации такого типа занимались реализацией социальных функций, материально и морально поддерживая своих членов выдачей ссуд и пособий на различные житейские нужды – от свадеб до погребений. Материальная помощь нуждающимся оказывалась при жизни, а в случае смерти, вдовам и сиротам. Более того, организации содействовали некоторым представителям союза в получении образования их детьми, что являлось важным делом при платном обучении. Как правило, при обществах работали воскресные вечерние курсы для взрослых, библиотеки, иногда – кооперативные союзы. Общества существовали за счет членских взносов и частных пожертвований. Впоследствии, в годы войны подобные организации открывали кассы взаимопомощи для служащих и рабочих, поддерживая, в том числе, семьи бывших сослуживцев, отобилизованных на фронт.

Следующую группу представляли общества спомоществования несостоятельным ученикам и воспитанникам учебных учреждений, действовавшие при женских гимназиях – 1-й Мариинской и 3-й А.Е. Стеценко, мужской Александровской классической гимназии, реальном и ремесленном училищах, торговой школе. Деятельность данных организаций имела исключительно благотворительные цели – изыскание средств для оказания помощи «недостаточным» ученикам в оплате за обучение, пошиве формы, приобретении учебников, а также в устройстве общих ученических квартир приезжим из волостей. Во время войны количество несостоятельных учеников значительно возросло, оплата за обучение полагалась и детям-сиротам, отцы которых погибли на фронте. Помимо учебных целей члены обществ заботились о состоянии здоровья учащихся, выдавая пособия на лечение, вызовы врача и приобретение лекарства. В частности, в Уставе Общества спомоществования 3-й женской гимназии имеется следующая формулировка о проявлении попечения: «помещение больных, слабых здоровьем учащихся в санатории, на дачи, причем обеспечивать провоз, лечение и проживание за счет Общества» (*ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 18. Л. 32*).

Значительную роль в жизни провинциального социума играли организации культурно- и образовательно-просветительского характера деятельности. Два этих направления с 1913 г. реализовывались в местном отделении «Общества для распространения просвещения между евреями», «Еврейском литературном обществе» (*ГАСО. Ф.176. Оп. 1. Д. 337*). В 1910 г. состоялось знаменательное для горожан событие – основание Царицынского отделения «Русского Императорского Музыкального Общества» (РИМО). Основная цель деятельности членов этой музыкально–просветительской организации заключалась в том, чтобы сделать серьезную музыку доступной для широкой публики и способствовать распространению музыкального образования в крае. Уже через год Общество открыло в городе Музыкальные классы (*Весь Царицын, 1911: 33*). В годы войны Музыкальное общество организовывало открытые ученические вечера в малом зале Дома науки и искусств, сборы от которых передавались в Красный Крест, Дамский комитет или на нужды своих учеников.

Накануне войны, в июне 1914 г., увенчалось успехом ходатайство царицынских театралов об открытии местного отделения «Императорского Русского театрального общества» при труппе антрепренера и владельца театра «Конкордия» В.М. Миллера (ГАСО. Ф.176. Оп. 1. Д. 418. Л. 1–4). Владелец маслобойного предприятия В.М. Миллер по национальности был поволжским немцем, которых не жаловали в крае с началом военных действий. Однако патриотически настроенный Владимир Миллер неоднократно выказывал свои верноподданнические чувства, ставил спектакли, музыкально-сценические дивертисменты, сборы от которых поступали на военные цели и в пользу беженцев.

Согласно сведениям газеты «Царицынский вестник», в январе 1915 г., то есть уже в разгар военных действий, в Царицыне появляется новая организация под названием «Общество любителей музыки и пения», устав которого был утвержден Саратовским губернатором. Учредителями его стали служащие городской управы В.З. Шульгин, А.Н. Васильев, а также некоторые общественные деятели города. Примечательна формулировка цели этого Общества, как отмечалось в прессе, – «объединить молодые силы, дать им музыкальное образование и отвлечь от трактитов и карт» (Новое общество, 1915: 3). Следовательно, деятельность данной ассоциации помимо образовательно–просветительских задач имела педагогическое и социальное назначение. Членский взнос в Обществе, по сравнению с Красным Крестом, был минимальным и составлял всего 1 руб. (Новое общество, 1915: 3). Основанное в мае 1912 г. «Общество содействия внешкольному образованию» предложило новой организации объединиться и начать совместную работу, что впоследствии и произошло.

Более подробно рассмотрим деятельность непосредственно самого «Общества содействия внешкольному образованию». Инициатором его основания и первым председателем стал потомственный почетный гражданин города, гласный думы, председатель Городской Комиссии по попечению и наблюдению за учебными учреждениями уезда, известный в губернии благотворитель и меценат Александр Александрович Репников.

Активная работа этой ассоциации началась в сентябре 1912 г., то есть через полгода после внесения ее в Реестр Обществ и Союзов по Саратовской губернии. Согласно Уставу, Общество имело цели по устройству научно-просветительских учреждений в г. Царицыне и уезде. В его задачи входили следующие направления: организация образовательных и профессиональных курсов, открытие библиотеки, читальни и «иных учебно-воспитательных учреждений», издание брошюр, книг, карт, картин и прочего «по научно-просветительским вопросам» (ГАСО. 176. 1. Д. 765. Л. 24). Все же главным видом деятельности в довоенный период были «народные чтения» (лекции) и занятия культурно-просветительского характера, экскурсии. В составе членов Общества значились представители интеллигенции – учителя гимназий, реального училища, врачи, также купцы и члены корпоративно–профессиональных союзов.

Членами общества А.А. Репниковым, Н.С. Розановым, А.П. Марковым, Н.Е. Федоровым читались увлекательные лекции учащимся реального училища, гимназистам и их родителям, приходившим послушать об истории края, археологических и палеонтологических находках экспедиций Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) на территории Царицынского уезда. Тематика лекций отличалась разнообразием, в том числе, включала педагогические вопросы по воспитанию детей, и психологические аспекты развития подростков: «Переходный возраст детей в освещении современной педагогики», «О внешкольном обучении». Приглашались лекторы из Москвы и Петербурга. Слушателей волновали различные вопросы, в том числе, «Как устроен и живет человек» и многие другие темы. Иногда информационно-просветительский материал сочетался с чтением произведений художественной литературы, например, актуального для местных слушателей рассказа А.П. Чехова «Средство от запоя», с интересом принимались «Песня о купце Калашникове» М. Ю. Лермонтова и иные авторские сочинения. В летнее время организовано проводились экскурсии для ознакомления с природными местами: хутор Теплые воды, минеральные источники «Ергенинский» и «Горная поляна», Чепурниковская балка (природный заповедник). Для членов Общества работали литературно-художественные и научные кружки (ГАСО. 176. 1. Д. 765. Л. 5). Финансирование данной ассоциации осуществлялось посредством членских взносов, составлявших 1 руб., а лица, внесшие единовременно не менее 20 руб., считались пожизненными членами Общества (ГАСО. 176. 1. Д. 765. Л. 5). Доходной статьей для Общества являлась продажа билетов на лекции столичных знаменитостей. В частности, по приглашению Правления Общества в Царицыне с лекциями выступали: философ, историк и писатель Ф.А. Степун; политический и общественный деятель А.Ф. Керенский; член Петербургского общества экспериментальной педагогики Е.А. Бускова; натуралист, педагог и просветитель Е. А. Елачич (ГАВО, Ф. 6. Оп. 1. Д. 340. Л. 5–6, 27).

С началом войны при Обществе организовали клуб «Взаимопомощь», работа которого была направлена на поддержку учащихся – детей воинов, а также раненых, находившихся на излечении в царицынских лазаретах. Клуб регулярно устраивал благотворительные вечера и спектакли, а денежные сборы направлялись на нужды данных категорий населения. Так, согласно сведениям «Царицынского вестника», 25 августа 1914 г. Правление Общества на своем заседании постановило устроить два спектакля – любительский и учительский с концертным отделением, чистый сбор с которого поступит в пользу больных и раненых воинов (В обществе, 1914: 3). В скором времени обе постановки были представлены зрителям. Очередной благотворительный вечер состоялся

21 сентября 1914 г. в помещении клуба «Взаимопомощь». Это был вокально-музыкальный концерт в пользу учащихся детей воинов и запасных « < > с участием хора под управлением И.М. Перегудова. В завершении концерта художником А.А. Ребриным были поставлены живые картины: «Проводы на войну» и «Вести с родины» (*Благотворительный вечер, 1914: 3*). В частности, на вырученные от устройства этого вечера средства Общество обеспечило бедных детей запасных учебниками, а также одеждой и обувью, из-за отсутствия которых, некоторые вынуждены были пропускать школьные занятия.

Главным затруднением для работы Общества представлялась ситуация с отсутствием постоянного (стационарного) помещения, поэтому мероприятия проводились в разных местах города: в театральном зале Общественного Собрания, Народной аудитории на ул. Черниговской, во 2-м начальном смешанном училище, в поселке при Французском заводе ДЮМО. В связи с этими обстоятельствами в декабре 1912 г. на заседании городской думы было рассмотрено и одобрено заявление председателя Общества А.А. Репникова и его супруги А.К. Репниковой о строительстве собственного здания для организации – Дома науки и искусств (*ГАВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 4*). В заявлении Репниковых содержится следующая информация: «Названный Дом составляет полную собственность города, но город передает его в пользование Общества содействия внешкольному образованию и в пользование Музыкального общества на все время существования названных обществ, < > постройку же Дома производим мы, Репниковы». Супруги Репниковы полностью профинансировали его эскизный и архитектурный проекты, строительство, и открытие культурного центра состоялось в декабре 1915 г. Данное событие стало главным достижением в жизни известных благотворителей, а также значимой вехой в развитии культурной жизни общества провинциального тылового города периода Первой мировой войны. В новом здании действовала публичная библиотека, Народный театр, кинематограф, два кабинета было отдано под формирование коллекции музея истории края.

Таким образом, социокультурная жизнь Царицына периода Первой мировой войны была тесным образом связана с деятельностью общественных организаций, которые заботились не только о материальном обеспечении пострадавшего от войны гражданского населения и раненых военнослужащих, но и о культурном, духовном развитии своих сограждан. В городе уже в первые дни войны, в августе 1914 г., стала организовываться «летучая библиотека» для раненых, находившихся в городских лазаретах, усилиями горожан и членов обществ создавался музей краеведения. В военном 1914 г. Царицын занял первое место в Саратовской губернии по уровню образования и большая заслуга в этом принадлежит, в том числе, образовательно-просветительским обществам.

5. Заключение

Подводя итог, следует отметить, что деятельность общественных структур провинциального тылового российского города в период Первой мировой войны была весьма многообразной. Профессионально-корпоративные союзы способствовали развитию профессиональных интересов ее участников, поддерживали их благополучие, «страховали» от нищеты. Благотворительные комитеты военного времени – Татьянинский, Елизаветинский содействовали консолидации провинциального общества, объединяя граждан вокруг интересов и нужд Отечества. Значима роль и образовательно-просветительских обществ в российской глубинке. Благодаря их активной деятельности в городе стали работать музыкальные классы, Народный театр, публичная библиотека и крупный культурный центр. Заслуживает внимания тот факт, что многие знаменательные события происходили в разгар жесточайшей войны. Несмотря на те обстоятельства, что в уставах некоторых организаций, основанных в довоенный период, отсутствовали филантропические задачи, все же, в годы Первой мировой войны благотворительные формы деятельности были свойственны всем общественным структурам.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-13-34004 а(р) и Администрации Волгоградской области в рамках проекта «Гражданское общество Царицына в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.)».

Литература

Cadiot, 2005 – *Cadiot J.* Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917) // *The Russian Review*, 2005. Vol. (64), Is. 3. pp. 440–455.

Gatrell, 2015 – *Gatrell P.* Tsarist Russia at war: the view from above, 1914–February 1917 // *Journal of Modern History*. 2015. Vol. (87), № 3. pp. 668–700.

Линденмайер, 2008 – *Линденмайер А.* Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности // *Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования* / Под ред. Л.А. Булгаковой. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 95–107.

Туманова, 2014 – *Туманова А.С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. 327 с.

Ульянова, 2014 – Ульянова Г.Н. Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914–1918 гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции. 2014. С. 230–237.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

Красный Крест, 1916 – Красный Крест // Царицынский вестник. 1916. 19 марта. № 5119.

Количество лазаретов, 1915 – Количество лазаретов // Царицынский вестник. 1915. 18 января. № 4787.

В Обществе Красного Креста, 1915 – В Обществе Красного Креста // Царицынский вестник. 1915. 28 января. № 4795.

Врачебно-санитарная хроника..., 1914 – Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии за 1914 г. Издание Саратовской губернской земской управы. Саратов, 1914. 1425 с.

Собрание приказчиков, 1914 – Собрание приказчиков // Царицынский вестник. 1914. 20 августа. № 4668.

Весь Царицын, 1911 – Весь Царицын // Адрес-календарь. Весь Царицын. Справочник по гор. Царицыну и Царицынскому уезду на 1911 г. Издание Товарищества «Царицынская мысль». Царицын, 1912. 164 с.

Новое общество, 1915 – Новое общество // Царицынский вестник. 1915. 16 января. № 4785.

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.

В обществе, 1914 – В обществе внешкольного образования // Царицынский вестник. 1914. 29 августа. № 4676.

Благотворительный вечер, 1914 – Благотворительный вечер // Царицынский вестник. 1914. 20 сентября. № 4693.

References

Cadiot, 2005 – Cadiot J. (2005). Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917). *The Russian Review*, Vol. (64), Is. 3. pp. 440–455 [In English].

Gatrell, 2015 – Gatrell P. (2015). Tsarist Russia at war: the view from above, 1914–February 1917. *Journal of Modern History*. Vol. (87), № 3. pp. 668–700 [In English].

Lindenmajer, 2008 – Lindenmajer A. (2008). Otkryvaja Atlantidu: tendencii i perspektivy izuchenija istorii rossijskoj blagotvoritel'nosti [Opening Atlantis: trends and prospects of studying the history of Russian charity], *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii. Novye dokumenty i issledovaniya – Charity in Russia's history. New documents and researches* / ed. by L. A. Bulgakova. St. Petersburg. Nestor-Istoriya, pp. 95–107 [In Russian].

Tumanova, 2014 – Tumanova A.S. (2014). Obshchestvennye organizacii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 g.). [Public organizations of Russia in the years of World War I (1914 – February, 1917)] М.: ROSSPEHN. 327 p. [In Russian]

Ul'janova, 2014 – Ul'janova G.N. (2014). Blagotvoritel'naja pomoshh' obshhestva zhertvam vojny v 1914–1918 gg. [The charitable help of society to the victims of war in 1914–1918], *Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny, 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii – Russia during the First World War, 1914–1918: materials of the International Scientific Conference, 2014*. pp. 230–237. [In Russian].

ГАСО – Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti [State archive of Saratov region].

Krasnyj Krest, 1916 – Krasnyj Krest [Red Cross], *Tsaricynskij vestnik Tsaritsyn Bulletin*. 1916. March 19. № 5119.

Kolichestvo lazaretov, 1915 – Kolichestvo lazaretov [Number of hospitals], *Tsaricynskij vestnik Tsaritsyn Bulletin*. 1915. January 18. № 4787.

V Obshchestve Krasnogo Kresta, 1915 – V Obshchestve Krasnogo Kresta [The Red Cross Society], *Tsaricynskij vestnik – Tsaritsyn Bulletin*. 1915. January 28. № 4795. [In Russian].

Vrachebno-sanitarnaya hronika..., 1914 – Vrachebno-sanitarnaya hronika Saratovskoj gubernii za 1914 g. [The medical and sanitary chronicle of the Saratov province for 1914]. Saratov, 1914. 1425 p. [In Russian].

Sobranie prikazchikov, 1914 – Sobranie prikazchikov [Meeting of salesmen], *Tsaricynskij vestnik – Tsaritsyn Bulletin*. 1914. August 20. № 4668. [In Russian].

Ves' Caricyn, 1911 – Ves' Caricyn. Adres-kalendar' [All Tsaritsyn. Address calendar]. Ves' Caricyn. Spravochnik po gor. Tsaricynu i Tsaricynskomu uезду na 1911 g. Tsaricyn, 1912. 164 p. [In Russian].

Novoe obshchestvo, 1915 – Novoe obshchestvo [New society], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyn Bulletin*. – 1915. – January 16. № 4785. [In Russian].

ГАВО – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of Volgograd region].

V obshchestve, 1914 – V obshchestve vneshkol'nogo obrazovaniya [In the society of out-of-school education], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyn Bulletin*. vestnik. 1914. August 29. № 4676 [In Russian].

Blagotvoritel'nyj vecher, 1914 – Blagotvoritel'nyj vecher [Charity evening], *Tsaritsynskii vestnik – Tsaritsyn Bulletin*. 1914. September 20. № 4693 [In Russian].

УДК 908

**Общественные организации тылового города в период Первой мировой войны
(на материалах Царицына)**

Ирина Николаевна Литвинова ^{a, *}, Оксана Александровна Карагодина ^a,
Вячеслав Николаевич Гуляихин ^a, Александр Владимирович Боровков ^a

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается деятельность общественных организаций тылового города Царицына. Анализируется работа ассоциаций, основанных в довоенный и военный период. Помимо центральных общественно-государственных структур благотворительной направленности, имевших отделения во многих провинциальных городах, значительное внимание авторов сосредоточено на местных союзах, оказывавших корпоративно-профессиональную поддержку, а также дамских комитетах, занимавшихся помощью воинам и пострадавшим от войны категориям населения. Наибольший интерес для исследователей представляет работа «мирных» обществ накануне и в годы Мировой войны, имевших культурно-просветительский характер деятельности. К данному типу ассоциаций относится и Царицынское «Общество содействия внешкольному образованию». На основе документальных источников выявлены методы и формы работы обществ, занимавшихся благотворительностью в пользу раненых, детей воинов, беженцев.

Ключевые слова: Первая мировая война, общественные организации, комитеты, помощь, культурно-просветительская деятельность, благотворительность.

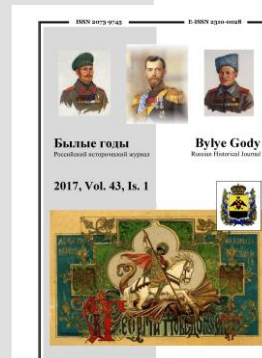
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: litvinova@volsu.ru (И.Н. Литвинова), karagodina@volsu.ru (О.А. Карагодина), gulyaich@volsu.ru (В.Н. Гуляихин), borovkovav@volsu.ru (А.В. Боровков)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 301-308, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.301
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Russian Aviation in the First World War: the Features of Artillery Fire Correction

Vladimir B. Karataev ^{a, *}, Aleksandr A. Chursin ^b, Aleksandr S. Semenov ^b

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The article discusses the regulations and combat use of the Russian aviation during the First World War. The attention is paid to the implementation of the exploration and correction of artillery fire from the airplane.

The authors have selected as sources the documents of the Central state historical archive of Georgia, in which there are reflected the materials governing the use of airplanes on the fronts of the First World War.

The authors used the general scientific methods (analysis, synthesis, concretization, generalization), as well as the traditional methods of historical analysis. The authors used the historical-situational method, which involves the study of historical facts in the context of the studied era in conjunction with the "neighboring" events and facts.

At the conclusion of the study, it should be noted that the use of aircraft has passed a long way of development during the First World War. There were expanded the spectra of the use of aircraft in war, from intelligence and reconnaissance and adjustment to using the airplanes as fighters and bombers. The change of the functional responsibilities required the establishment of clear and implemented quickly regulations in a combat situation, and such instructions governing the actions of the crew were created during the war.

Keywords: Russian aviation, airplanes, World War I, regulations, combat use.

1. Введение

Русско-японская война 1904–1905 гг. показала, что неудачи России во многом были предопределены отсутствием в армии и на флоте средств, обеспечивающих эффективную разведку. Одним из таких средств мог стать аэроплан. К этому времени уже существовал летательный аппарат с паровой силовой установкой и другими основными элементами конструкции самолета, построенный российским морским офицером А.Ф. Можайским в 1883 г. В 1903 г. впервые полетел аэроплан с мотором американцев братьев Райт, а в 1905 г. Уильбур и Орвиль Райт совершали уже полеты продолжительностью до 30 минут (Бочинин, 2011: 33). Началось бурное развитие авиации.

Совершенно очевидно, что одновременно с полетами первых авиаторов возникла и идея применения аэропланов в военном деле. Трагедии Цусимы и Порт-Артура, несомненно, значительно ускорили развитие взглядов российских военных специалистов на использование потенциальных возможностей авиации для ведения воздушной разведки, быстрой мобильной связи войск и сил флота, нанесения точечных бомбовых ударов по наземным и морским объектам противника, корректировки артиллерийского огня и решения многих других задач вооруженной борьбы.

* Corresponding author

E-mail addresses: evr2010@rambler.ru (V.B. Karataev), chursin_aa@pfur.ru (A.A. Chursin), semyonov1980@mail.ru (A.S. Semenov)

2. Материалы и методы

2.1. Важным источником для подготовки статьи стали документы Центрального государственного исторического архива Грузии, в которых нашли свое отражение материалы, регламентирующие использование аэропланов на фронтах Первой мировой войны. Помимо этого в историографической части работы были использованы современные научные публикации об истории авиации в дореволюционный период.

2.2. При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

3. Обсуждение

История русской авиации в период Первой мировой войны является одной из самых малоизученных страниц мирового противостояния 1914–1918 гг. Объясняется это в первую очередь тем, что массового применения русской авиации не было, соответственно и источников в архивах отложилось сравнительно немного.

Возрастание в обществе интереса к истории Первой мировой войны вообще и авиации в частности послужило импульсом к выходу значительного количества публикаций. Так, например, развитию русской авиации в годы Первой мировой войны посвятили свои работы С.П. Елисеев (Елисеев, 2006–2009). Вопросы зарождения разных видов авиации рассматривали В. Куликов (Куликов, 2002), С.В. Аверченко, В.В. Кушнерев (Аверченко, Кушнерев, 2014), Ю.А. Бахурин (Бахурин, 2014), Г.Ф. Гапачко (Гапачко, 1992). Разные образцы военной авиатехники изучали Ю.В. Кузьмин (Кузьмин, 2013), Е.С. Терещенко, И.Е. Терещенко (Терещенко, Терещенко, 2016) и др.

Во многих сражениях авиация зарекомендовала себя с наилучшей стороны. Так, например, в ходе Эрзерумского сражения именно авиация предоставила разведанные, благодаря которым был осуществлен скоротечный штурм крепости и ее взятие (Karataev et al., 2016).

4. Результаты

В Первую мировую войну русская авиация вступила, располагая 244 боевыми самолетами, сведенными в состав 6 авиационных рот и 39 авиационных отрядов. В основном это были легкие самолеты французского производства, пригодные к использованию только как разведывательные, – «Ньюпор-4» и «Фарманы» 7-й, 15-й, 16-й моделей. Скорость этих летательных аппаратов не превышала 115 км/ч, а практический потолок – 1500–2000 м.

Это и предопределило использование авиации в разведывательных целях и в корректировке артиллерийского огня на начальном этапе войны.

Уже в сентябре 1914 года для более успешного ведения разведки в штат каждого авиаотряда приказом Верховного главнокомандующего было введено по 4 офицера в качестве летчиков-наблюдателей. К 18 декабря 1914 г. с одобрения командования началось формирование восьми (по числу армий) армейских авиаотрядов. В каждом из них должно было служить 8 летчиков (4 офицера и 4 нижних чина), 4 летчика-наблюдателя с шестью аэропланами типа «Вуазен» в их распоряжении. Отряд делился на 2 отделения и обеспечивался собственной ремонтной мастерской (Елисеев, 2008: 22).

В 1914 г. в Генеральном штабе были разработаны руководящие указания при применении аэропланов при стрельбе артиллерии. Указания подразделялись на три раздела: «Общие указания», «Отыскание цели и указание ее батареи» и «Пристрелка и стрельба на поражение».

В «Общих указаниях» состоящих из 14 пунктов отмечалось:

1. Аэроплан, приданной артиллерии, может быть использован:

- а) для производства артиллерийской разведки;
- б) для содействия корректированию артиллерийской стрельбы.

2. Артиллерийская разведка как частный случай разведки вообще, является одной из задач для выполнения которых аэропланы специально предназначаются.

3. Корректирование артиллерийской стрельбы при помощи аэропланов сопряжено с затратой значительного времени: на вызов аэроплана, указание ему задачи, производство ему наблюдения, доставку результата его командиру батареи и т.д., и, кроме того, пребудет создание известной, благоприятной для работы аэроплана, обстановки именно:

а) чтобы стрельба по данной цели производилась лишь одной батареей, которую обслуживает аэроплан;

б) чтобы все батареи, стреляющие по целям, расположенным в направлении и вблизи той цели, по коей ведется стрельба с помощью аэроплана, прекратили огонь до выполнения последним своей задачи, ибо в противном случае наблюдателю с аэроплана весьма трудно отличить разрывы снарядов той батареи, которую он обслуживает, от разрывов снарядов других батарей.

Ввиду сего и корректированию артиллерийского огня при помощи аэроплана подлежит прибегать лишь в строго соответственной обстановке: при осаде и обороне крепостей, в позиционной

войне и в полевом бою только в тех случаях, когда все другие, нормальные способы корректирования стрельбы оказываются почему-либо невозможными или недействительными.

4. Для обслуживания артиллерии надлежит назначить двухместные аэропланы, обладающие более тихим ходом и имеют возможность видеть местность спереди, по сторонам, и непосредственно под собой аэропланы должны быть снабжены приспособлениями для сбрасывания донесений и для сигнализации.

5. Наблюдателем должен быть артиллерийский офицер, вполне подготовленный т.е. освоившийся с полетами и наблюдением с аэрплана.

Нельзя совмещать наблюдателя и летчика в одном лице. Однако выгодно если летчик умеет наблюдать, ибо в некоторых случаях он может помочь наблюдателю и дополнить его наблюдения.

Весьма нежелательно, чтобы летчик и наблюдатель были слажены предварительной совместной работой.

Наблюдатель назначается от той артиллерийской бригады (дивизиона), стрельбу коей он должен корректировать. Летчик назначается от авиационного отряда, приданного корпусу, в состав коего входит данная артиллерийская бригада.

6. Аэропланы, назначенные для обслуживания артиллерии, располагаются укрыто, в стороне, или за артиллерией, в таком расстоянии, чтобы быть в безопасности от выстрелов, направленных по нашей артиллерии.

7. Задача дается наблюдателю непосредственно или же по телефону, запиской и т.п. Если же задача не ясна наблюдателю, он должен явиться лично к артиллерийскому начальнику, дающему ее, и просить разъяснения.

8. Наблюдателю дается только одна задача и для стрельбы назначается одна батарея.

9. Дабы не сбивать наблюдателя, все батареи, стреляющие по целям, расположенным в направлении и вблизи цели, по которой ведется стрельба с помощью аэрплана, прекращают огонь до выполнения им своей задачи.

10. Батарея, ведущая огонь по цели, отличается белым полотнищем (2 x 4 аршина¹), растянутым вдоль фронта за серединой батареи, шагов в 50 от нее.

11. Командир батареи назначает несколько конных и пеших разведчиков, для наблюдения за сигналами с аэрплана и записками, бросаемым с него, а также для доставки этих записок на батарею.

12. Перед каждой подачей сигнала, бросанием записок или указанием створа, летчик делает несколько частых пропусков мотора, для предупреждения батареи и привлечения ее внимания.

На батарее должно быть организовано самое тщательное наблюдение за сигналами и маневрами аэрплана.

За этим должны следить разведчики и, кроме того, полезно для сего назначить одного из офицеров батареи.

13. Если командир батареи не поймет сигнала или маневра или не найдет записки, то он просит повторить, для чего приказывает растянуть на правом фланге два белых полотнища (2 x 4 аршина), в виде буквы «Т».

14. На наблюдателя с аэрплана может быть возложено:

а) отыскание целей, по коим артиллерия должна открыть огонь;

б) указание этих целей артиллерии;

в) наблюдение разрывов, а также передача результатов наблюдений на стреляющую батарею (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 14 а. Л. 1-2).

Раздел «Отыскание цели и указание ее батареи» состоял из 4 пунктов, в которых отмечалось:

15. Получив задачу, наблюдатель с летчиком поднимаются на высоту около 300–400 метров и, не перелетая линии фронта своей батареи, стараются отыскать в указанном районе данную цель.

В крайних случаях, для отыскания цели и лучшего ее рассмотрения, разрешается перелетать в район расположения неприятеля, поднявшись для сего на высоту не менее 1000 метров.

16. Расположение незамаскированных орудий неприятеля на позиции, а тем более число орудий неприятеля на позиции, а тем более число орудий и зарядных ящиков в походной колонке определяется сверху без затруднений, ибо даже с высоты 1000 метров каждое орудие и ящик отлично видны.

Если орудия противника маскированы от наблюдений сверху (лес, кустарник, маскированные окопы), то расположения неприятельских батарей определяются по расположению передков зарядных ящиков.

Если передки и зарядные ящики тоже маскированы, то разведку необходимо отложить до времен открытия огня артиллерией противника.

Во время стрельбы каждое орудие, как бы оно хорошо маскировано не было, при наблюдении сверху, ясно обнаруживает себя блеском огня и дымом выстрела.

¹ Аршин – единица измерения длины равная 0,7112 метра.

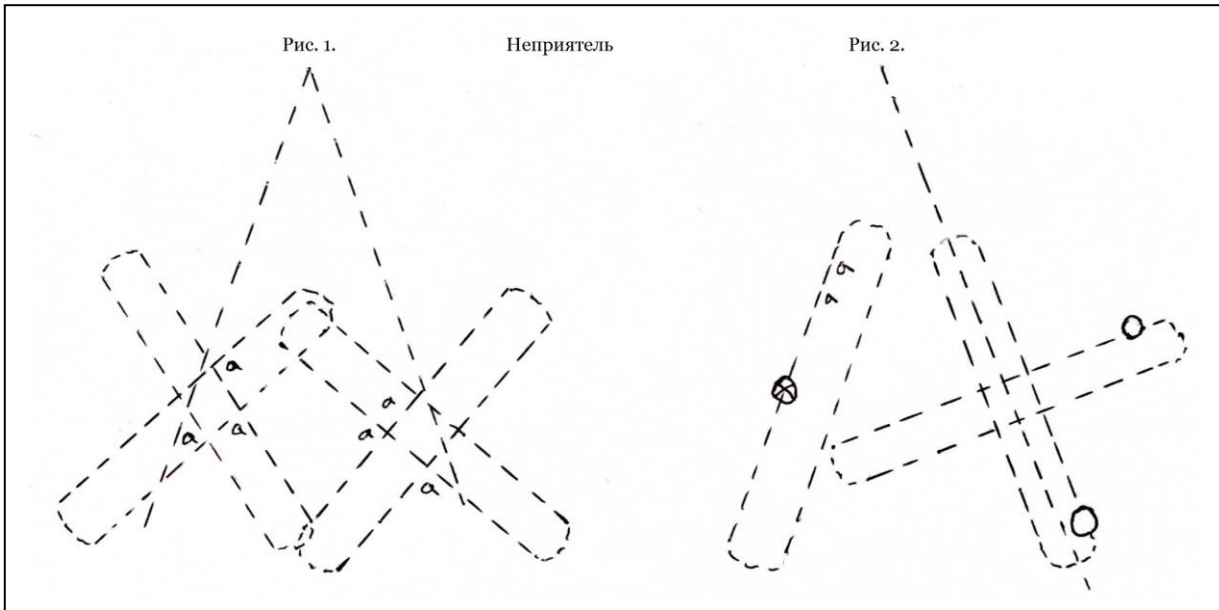

Рис. 1, Рис. 2. Варианты захода на цель

Отметная карточка с бумажной цветной лентой (вымпелом), для передачи наблюдений с аэроплана

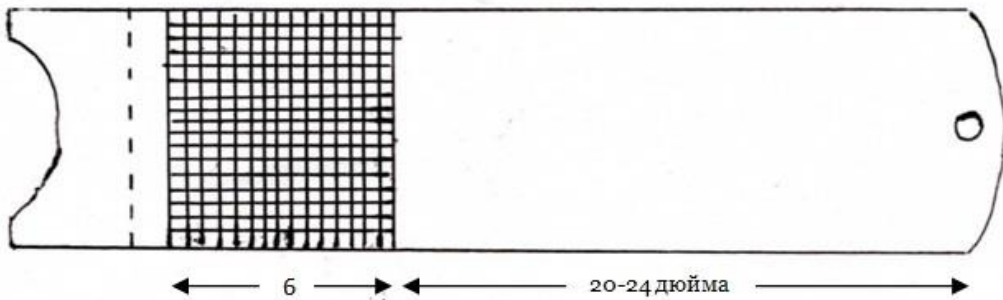

Рис. 3. Образец донесения на карточке с аэроплана

(красная или оранжевая бумага)

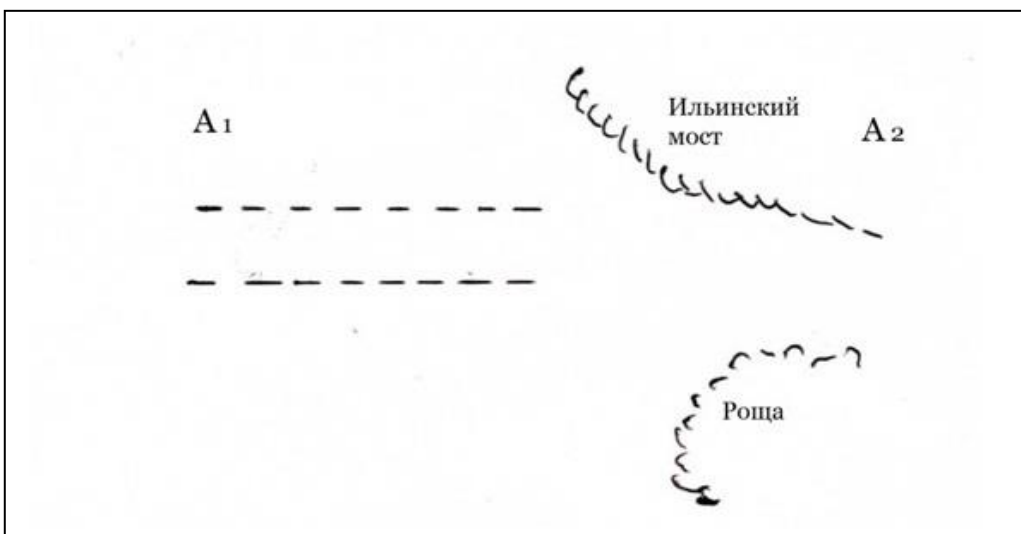

Рис. 4. Пример оформления данных стрельбы

А₁ – цель
А₂ – другая цель

Пунктиром обозначены линии разрывов снарядов на пределах поверяемой вилки.

17. Отыскав цель, наблюдатель определяет: протяжение ее фронта; глубину; положение относительно выдающихся местных предметов, видимых командиру батареи; определяет дистанцию от нашей батареи до цели и т.д.

Места расположения неприятельской батареи, ее передков и зарядных ящиков наносятся наблюдателем:

а) или на верстовую карту, если таковая имеется или

б) на схему, на подготовленном заранее бланке или

в) наблюдатель делает на таком бланке простейшую панораму, изображая на ней, кроме цели, те местные предметы близ цели которые могут быть видны командиру стреляющей батареи, и, отмечая дистанцию, ширину фронта и другие данные, которые окажется возможным определить.

Пролетая над батареей, наблюдатель бросает донесение с таким расчетом, чтобы оно упало возможно ближе к батарее.

18. Дабы дать командиру стреляющей батареи еще более точные сведения о направлении на цель, аэроплан может произвести нижеследующий маневр.

Аэроплан летит на батарею не менее, как на 1 1/2 – 2 версты¹ и, выйдя в створ: батарея – цель, поворачивает и идет через батарею на цель. Долетев до своей батареи, аэроплан уходит в сторону, когда аэроплан повернет на батарею и станет в створ батарея – цель (о чем батарея должна быть предупреждена сигналом с аэроплана). Все орудия, по команде старшего офицера делают 3–4 одновременных отметки по аэроплану. Отметки эти записываются.

Если аэроплан окажется в створе с одним из орудий то в этом орудии отметка будет постоянно; если аэроплан летит в интервал между двумя орудиями, то наименьшая разница между крайним (первой и последней) отметками укажет орудие, ближайшее к направлению полета аэроплана.

Пользуясь полученными отметками, командир батареи определяет величину поворота веера и делает этот поворот.

Например: а) одно орудие батареи находится в створе аэроплан – цель: его отметка по аэроплану 5830; поворот веера «правее 1,70», б) ни одно из орудий не находится в створе аэроплан – цель; наименьшая разница между крайними (последней и первой) отметками в 4-м орудии: 1,80 – 1,30 = 0,50; поворот веера: «левее 1,30». В последнем случае, если первая отметка (1,30) сделана, когда аэроплан был не ближе одной версты, то ошибка будет весьма незначительной (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 14 а. Л. 2-4).

В заключительном разделе «Пристрелка и стрельба на поражение», состоящем из 13 пунктов отмечалось:

19. Когда батарея уже направлена на цель и наблюдателю поручается корректировка стрельбы по дальности, то, для облегчения летчику отыскания цели, направления на нее обозначаются двумя белыми полотнищами (2 x 4 аршина), растянутые позади батареи, строго по направлению плоскости выстрела одного из орудий, в расстоянии 50 шагов от батареи и одно от другого.

Засим командир батареи уведомляет наблюдателя о готовности батареи.

Аэроплан взлетает в 1 1/2 – 2 верстах позади батареи и, когда начинает пролетать недалеко позади батареи, то последняя открывает огонь.

20. Командир батареи направляет параллельный веер и, в зависимости от принятого способа передачи наблюдений (ст. ст. 24-31); или а) делает по одной очереди беглым огнем, при двух прицелах, с расчетом получить разрывы обеих очередей одновременно и захватить цель в 10-ти линейную вилку, или б) делает одну очередь выстрелов беглым огнем при исходном прицеле.

21. Аэроплан, при наблюдении, держится приблизительно над батареей в стороне от нее или за ней.

На наиболее удобно производить наблюдения, когда он идет по прямой линии вперед и наискосок относительно направления на цель (Рис. 1).

На Фармане, когда аппарат идет по прямой линии, на цель, перпендикулярно к направлению на нее, а также и во всех промежуточных положениях при движении вперед (рис. 2).

В отношении быстроты передачи донесения на батарею выгоднее косвенное направление полета аэроплана, ибо при таких условиях наблюдатель сделав наблюдения, может тотчас же пролетая над батареей бросить донесения (Рис. 1 и Рис. 2 аа).

22. Наблюдатель определяет положение разрывов по направлению и дальности и передает результаты своих наблюдений командиру батареи.

23. Для передачи наблюдений можно пользоваться двумя способами:

а) отчетными карточками и

б) сигнализацией флагами.

а) Передача наблюдений при помощи карточек

¹ Верста – русская единица измерения расстояния, равная 1066,8 метра.

24. При пользовании карточками батарея должна произвести: или а) 2 очереди при двух прицелах, на пределах поверяемой вилки (ст. 20-а), или б) два залпа по полубатарейно при двух прицелах на пределах вилки.

Наблюдатель на аэроплане имеет перед собой прикрепленную к корпусу аэроплана, стопку карточек.

Карточки (рис. 3) делаются квадратного размера около 6 x 6 дюймов¹; они наклеиваются на картон и в нижнем крае снабжаются грузом (свинцовой пластикой (6 x 1 дюйм).

С верхней стороны к карточкам приклеивается красная или оранжевая бумажная лента, длиной около 20–24 дюймов и шириной в 6 дабы сделать карточки более заметными при падении². Лента складывается вчетверо и заклеивается тонким листом бумаги вроде клапана для того, чтобы она не разворачивалась пока пишется донесение.

Карточки разграфлены на квадраты, размером в 1/2 дюйма и на середине их красной краской проведены две горизонтальные черты, которые должны обозначать линии разрывов снарядов на пределах поверяемой линии.

Наблюдатель, определяя положение цели относительно двух линий разрывов по направлению и дальности, наносит ее на карточки, считая красные линии за разрывы, и, принимая масштабом боковых отклонений – ширину веера, а по дальности – расстояния между разрывами. Если нужно, он отмечает неисправности веера, число клевком и т.д. Засим перелетая над батареей наблюдатель, освободив ленту, бросает карточку.

25. При чрезвычайной быстроте полета аэроплана, необходимо ценить каждое мгновение, чтобы успеть записать наблюдение и сбросить его вниз. Поэтому в карточке все, что возможно, должно быть подготовлено заранее.

26. Бросание донесений с большой высоты на батарею требует навыка и сноровка в виде практического приема, можно рекомендовать следующий способ, давший на практике хорошие результаты. Аэроплану следует зайти со стороны ветры во фланг батарее и спуститься к ней метров на 100–200. Когда ближайшее орудие подойдет к обрезу крыла, наблюдатель бросает наблюдение. Брошенное таким образом донесение попадает обыкновенно на батарею или, во всяком случае, близ разведчиков, назначенных для отыскания донесений и донесения их командиру батарее. Перед бросанием донесения, необходимо предупредить об этом каким-нибудь способом (частые и краткие выключения мотора) батарею, чтобы обратить ее внимание.

Бросание донесений с высоты 500 метров и более не дает хороших результатов, ибо карточка с этой высоты трудно наблюдаема и далеко относится ветром.

27. Получив донесение наблюдателя, командир батарее делает необходимые поправки и вновь производит 2 очереди выстрелов, с целью получить и сузить вилку.

Засим делаются новые поправки и выстрелы, пока не будет закончена пристрелка.

б) передача наблюдений при помощи сигнализации флагами

28. Для сигнализации флагами наблюдатель снабжается двумя красными и двумя синими флагами.

Командир батарее делает одну очередь выстрелов при исходном прицеле (ст. 20 б).

Наблюдатель, сделав наблюдение, передает результаты его, сигнализируя флагами:

Недолет – одним синим флагом,

Перелет – одним красным флагом,

Влево – двумя синими флагами,

Вправо – двумя красными флагами.

29. Приняв сигнал от наблюдателя, командир батарее, в зависимости от наблюдения, изменяет прицел и направление и производит новые очереди выстрелов до тех пор, пока не закончит пристрелку.

Примечание: преимущество этого способа, сравнительно с предыдущим, заключается в быстроте и простоте передачи наблюдения; недостатки его: невозможность передать величины отклонений по дальности и боковых. Для корректирования веера, необходимо добавлять сигналы, что неудобно или перейти к письменным донесениям.

30. Для большего успеха, нужно иметь сноровку показывать флаги во время наклона аппарата крылом к батарее и отнюдь не с солнечной стороны.

31. Окончив пристрелку, командир батарее переходит к поражению на общих основаниях.

Наблюдатель с аэроплана продолжает наблюдение и по временам по результатам стрельбы сообщает карточками и записками, которые сбрасывает вниз так, чтобы они падали недалеко в тылу батарее (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 14 а. Л. 4-5об.).

¹ Дюйм – единица длины равен 25,4 мм.

² Ленту можно делать и не цветной, а разрисованной и черными квадратами в виде шахматной доски. Отчетные карточки можно заменить и простыми записками, вкладываемыми в заранее заготовленные мешочки с песком. Для облегчения нахождения брошенного мешочка, его необходимо снабжать каким либо цветным вымпелом (цветная лента).

5. Заключение

Завершая следует отметить, что в годы Первой мировой войны применение авиации прошло значительный путь развития. Расширились спектры применения авиации на войне от разведывательных и разведывательно-корректировочных, до использования аэропланов в качестве истребителей и бомбардировщиков. Изменение функциональных обязанностей требовало создания четкого и быстро реализуемого в боевой обстановке регламента, именно такие регламентирующие действие экипажа инструкции и создавались во время войны.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение № 02.а03.21.0008).

Литература

- Аверченко, Кушнерев, 2014** – Аверченко С.В., Кушнерев В.В. Российская авиация на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). // *Военно-исторический журнал*. 2014. №8, 9.
- Бахурин, 2014** – Бахурин Ю.А. Русская военная авиация в 1914 году // *Исторический вестник*. 2014. № 8. С. 102-123.
- Бочинин, 2011** – Бочинин Д.А. Система подготовки военных летчиков в годы Первой мировой войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 5-4. С. 33-36.
- Гапochко, 1992** – Гапochко Г.Ф. Фотографирование с аэропланов (из рукописи «Применение фотографии для целей разведки в Русской армии») // *Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка*. 1992. № 6. С. 62-76.
- Елисеев, 2006** – Елисеев С.П. Создание организационной структуры авиационной службы русской армии. // *Военно-исторический журнал*. 2006. №6.
- Елисеев, 2008** – Елисеев С.П. Развитие авиации русской армии в Первой мировой войне // *Военно-исторический журнал*. 2008. №2.
- Елисеев, 2009** – Елисеев С.П. Создание и совершенствование системы управления Военно-воздушными силами. По опыту боевых действий в 1914–1917 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2009. №8.
- Куликов, 2014** – Куликов В.П. Русская авиация в Первой мировой войне. М., 2014.
- Куликов, Хайрулин, 2014** – Куликов В., Хайрулин М. Российские летчики-истребители Первой мировой войны. СПб., 2014.
- Лашков, 2009** – Лашков А.Ю. Противовоздушная оборона на северных подступах к Петрограду: 1914–1918 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 1. С. 41-44.
- Лашков, 2015** – Лашков А.Ю. Организация отечественной воздушной обороны на русско-германском фронте в ходе кампании 1914 г. // *Материалы ежегодной международной научно-практической конференции Первая мировая война. Взгляд спустя столетие*. 2015. Т. 4. С. 161-176.
- Терещенко, Терещенко, 2016** – Терещенко Е.С., Терещенко И.Е. Малоизвестные страницы истории отечественной авиапромышленности // *Военный научно-практический вестник*. 2016. № 1 (4). С. 194-201.
- ЦГИАГ** – Центральный государственный исторический архив Грузии.
- Karataev et al., 2016** – Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N. To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4, pp. 1368-1377.

References

- Averchenko, Kushnerev, 2014** – Averchenko S.V., Kushnerev V.V. (2014). Rossiiskaya aviatsiya na Kavkazskom fronte v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.). [The Russian aviation in the Caucasian front during the First world war (1914-1918)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. №8, 9. [In Russian]
- Bakhurin, 2014** – Bakhurin Yu.A. (2014). Russkaya voennaya aviatsiya v 1914 godu [The Russian military aviation in 1914]. *Istoricheskii vestnik*. № 8. pp. 102-123. [In Russian]
- Bochinin, 2011** – Bochinin D.A. (2011). Sistema podgotovki voennykh letchikov v gody Pervoi mirovoi voiny [The training system of military pilots during the First world war]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 5-4. pp. 33-36. [In Russian]
- Gapochko, 1992** – Gapochko G.F. (1992). Fotografirovanie s aeroplanov (iz rukopisi «Primenenie fotografii dlya tselei razvedki v Russkoi armii») [The photographing from airplanes (from the manuscript "the Use of photographs for intelligence purposes in the Russian army")]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Geodeziya i aerofotos'emka*. № 6. pp. 62-76. [In Russian]
- Eliseev, 2006** – Eliseev S.P. (2006). Sozdanie organizatsionnoi struktury aviatsionnoi sluzhby russkoi armii [The creation of the organizational structure of the aviation service of the Russian army]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. №6. [In Russian]

[Eliseev, 2008](#) – *Eliseev S.P.* (2008). Razvitie aviatsii russkoi armii v Pervoi mirovoi voine [The development of the Russian Army Aviation in World War I]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. №2. [In Russian]

[Eliseev, 2009](#) – *Eliseev S.P.* (2009). Sozdanie i sovershenstvovanie sistemy upravleniya Voенno-vozdushnymi silami. Po opytu boevykh deistvii v 1914–1917 gg. [The creating and improving of the management system of Military-air forces. According to the experience of fighting in 1914–1917 years]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. №8. [In Russian]

[Kulikov, 2014](#) – *Kulikov V.P.* (2014). Russkaya aviatsiya v Pervoi mirovoi voine [The russian aviation in World War I]. М. [In Russian]

[Kulikov, Khairulin, 2014](#) – *Kulikov V., Khairulin M.* (2014). Rossiiskie letchiki-istrebiteli Pervoi mirovoi voiny [The russian fighter pilots of World War I]. SPb. [In Russian]

[Lashkov, 2009](#) – *Lashkov A.Yu.* (2009). Protivovozdushnaya oborona na severnykh podstupakh k Petrogradu: 1914–1918 gg. [The air defense on the northern outskirts to Petrograd: of 1914–1918]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. № 1. pp. 41-44. [In Russian]

[Lashkov, 2015](#) – *Lashkov A.Yu.* (2015). Organizatsiya otechestvennoi vozdushnoi oborony na russko-germanskom fronte v khode kampanii 1914 g. [The organization of Russian air defense in the Russian-German front during the campaign of 1914]. / *Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Pervaya mirovaya voina. Vzgl'yad spustya stoletie*. Т. 4. pp. 161-176. [In Russian]

[Tereshchenko, Tereshchenko, 2016](#) – *Tereshchenko E.S., Tereshchenko I.E.* (2016). Maloizvestnye stranitsy istorii otechestvennoi aviapromyshlennosti [The little known pages of history of national aviation industry]. *Voенnyi nauchno-prakticheskii vestnik*. № 1 (4). pp. 194-201. [In Russian]

[TsGIAG](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The Central state historical archive of Georgia].

[Karataev et al., 2016](#) – *Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N.* (2016). To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance. *Bylye Gody*, Vol. 42, Is. 4, pp. 1368-1377.

УДК 94

Русская авиация в Первой мировой войне: особенности корректировки артиллерийского огня

Владимир Борисович Каратаев ^{a,*}, Александр Александрович Чурсин ^b, Александр Сергеевич Семенов ^b

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается регламент и боевое применение русской авиации в ходе Первой мировой войны. Уделено внимание осуществлению разведки и корректировки артиллерийского огня с аэроплана.

Важным источником для подготовки статьи стали документы Центрального государственного исторического архива Грузии, в которых нашли свое отражение материалы, регламентирующие использование аэропланов на фронтах Первой мировой войны.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

Завершая необходимо отметить, что в годы Первой мировой войны применение авиации прошло значительный путь развития. Расширялись спектры применения авиации на войне от разведывательных и разведывательно-корректировочных, до использования аэропланов в качестве истребителей и бомбардировщиков. Изменение функциональных обязанностей требовало создания четкого и быстро реализуемого в боевой обстановке регламента, именно такие регламентирующие действия экипажа инструкции и создавались во время войны.

Ключевые слова: русская авиация, аэропланы, Первая мировая война, регламент, боевое применение.

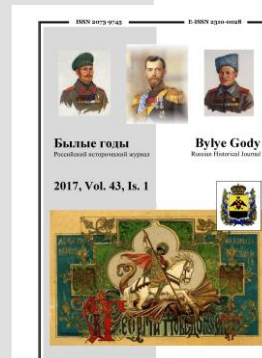
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: evr2010@rambler.ru (В.Б. Каратаев), chursin_aa@pfur.ru (А.А. Чурсин), semyonov1980@mail.ru (А.С. Семенов)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 309-316, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.309
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (571.51) «1914–1918»

The Social Welfare of Soldiers' Families in Yenisei Province (1914–1917)

Olesya M. Dolidovich ^{a,*}, Evgeniia N. Starovoitova ^b

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Siberian State Aerospace University, Russian Federation

Abstract

Authors examine the question of the types, scale, efficiency of public aid and social support of soldiers' families in Yenisei province during the First World War. Particular attention is paid to the activities of cities and urban guardianship organizations that have paid to families of the mobilized amount exceeding the amount of state benefits. It is shown that in the rural guardianship organizations did not have more money. They failed to organize labor help with the agricultural work. Soldiers' families reduced tillage, many of them wanted to move to the provincial center. Siberian city were not a major commercial and industrial centers, their budgets have been modest. Siberia had no zemstvo institutions, therefore, the city suffered heavy costs for the solution of many other problems caused by wartime (the organization of assistance to refugees and the injured, the fight against the high cost and lack of, the development of cooperatives, and others), they were making regular payments for all-Russian charitable societies. The flow of donations to urban guardianship and charitable organizations has decreased dramatically in 1916, and the number in need has increased significantly, the municipal government began to curtail payments to soldiers' families. The discontent of the soldiers' wives resulted in the pogroms of malls and attacks against members of municipal self-government bodies of Minusinsk, Krasnoyarsk, Kansk in 1916–1917.

Keywords: a wife of a soldier («soldatka»), guardianship organizations about families of mobilized, soldiers' families, social welfare, the First World War, women's riots («bab'i bunty»), Yenisei Province.

1. Введение

В годы Первой мировой войны впервые в истории Российской империи начала функционировать общегосударственная система социального попечения о семьях солдат, призванных на фронт. Такие семьи получали ежемесячное продовольственное пособие от казны, кроме того, повсеместно действовали благотворительные комитеты и организации, которые оказывали им помощь. Размеры государственной и общественной поддержки в регионах империи, как и социально-экономические условия жизни, значительно различались. Однако, когда в 1916–1917 гг. широкое распространение получили различные формы антиправительственного и антивоенного протеста (стачечное движение, продовольственные беспорядки и др.), члены семей мобилизованных повсеместно принимали в них широкое участие. Изучение особенностей организации социальной помощи различным группам населения, пострадавшим от военных действий, необходимо при анализе причин быстрого роста недовольства населения, недоверия к власти, конфликтности в российском обществе накануне 1917 г.

2. Материалы и методы

Использован широкий комплекс делопроизводственных источников фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Журналы и протоколы заседаний Красноярского особого

* Corresponding author

E-mail addresses: dolidovich@mail.ru (O.M. Dolidovich), jane_star78@mail.ru (E.N. Starovoitova)

присутствия по признанию нижних чинов и их семей (Ф. 120) позволяют увидеть, как осуществлялась процедура обследования семейного и имущественного положения тех, кто ходатайствовал о получении казенного пособия. Документы Енисейского губернского управления (Ф. 595) и красноярского комитета Всероссийского союза городов (Ф. 132) дают представление о мерах, которые предпринимала губернская администрация, городские муниципалитеты для организации дополнительных видов помощи семьям призванных, о финансовой нагрузке, которая в условиях отсутствия земских учреждений ложилась на бюджеты сибирских городов. Материалы Енисейского губернского жандармского управления (Ф. 827) по расследованию обстоятельств волнений солдаток в Минусинске, Красноярске, Канске в 1916–1917 гг. содержат сведения о причинах, формах выражения недовольства членов семей нижних чинов, реакции на них властей.

Еще одна группа источников – местная периодическая печать. Официальные, общественные и частные издания («Енисейские губернские ведомости», «Вестник красноярского городского общественного управления», «Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии», «Сибирская деревня») отражают динамику общественных настроений в губернии на протяжении 1914–1917 гг., описывают формы и масштабы работы благотворительных организаций по организации помощи солдатским семьям.

В процессе анализа материалов применялись методы: нарративный, сравнительно-исторический, историко-системный, историко-генетический. Нарративный метод позволил выявить исторические факты о формах социальной поддержки солдатских семей в годы Первой мировой войны, росте недовольства среди них и протестных выступлениях в 1916–1917 гг., а также выстроить последовательное изложение материала в контексте тех социально-экономических процессов, которые протекали в Енисейской губернии. Посредством сравнительно-исторического метода проанализированы различия в мерах и формах общественной поддержки, оказывавшейся семьям призванных в городах и сельской местности. Применение историко-системного метода сделало возможным соотношение значения казенного пособия и других видов помощи, понимание причин быстрого сокращения финансирования попечительств со стороны городских муниципалитетов и благотворительных организаций. На основе историко-генетического метода исследованы факторы роста антивоенных и антиправительственных настроений среди членов солдатских семей, которые вылились в такую форму протестных действий как погромы торговых лавок и органов общественного самоуправления.

3. Обсуждение

В советской историографии вопрос о государственной и общественной поддержке солдатских семей во время Первой мировой войны не изучался, поскольку это противоречило бы идеологической установке об антинародном характере самодержавной власти. При описании причин различного рода выступлений в сибирском тылу акцент делался на истории подпольной работы большевистской партии и политических ссыльных. Волнения солдаток, которые происходили во многих городах в 1916–1917 гг., характеризовались в качестве стихийных взрывов недовольства под влиянием экономических трудностей (*История Сибири, 1968: 470*).

Детальное изучение не стачечных и не демонстрационных выступлений за пределами театров военных действий (так называемых «продовольственных беспорядков», «бабьих бунтов») началось в 1990-е гг. (*Кирьянов, 1993; Gatrell, 2005; Миронов, 2012*). Вопрос о причинах роста социальной напряженности в стране потребовал более тщательного исследования динамики уровня материального благосостояния населения, в том числе и солдатских семей. Спустя десятилетие появились первые работы о системе государственного попечения о семьях призванных, деятельности местных самоуправлений, общественных организаций и православной церкви (*Булгакова, 2001; Пушкарева, Щербинин, 2005*). Однако они все еще остаются единичными в историографии.

К сожалению, проблема системно не рассматривается и в рамках такого широкого исследовательского направления как история благотворительности в дореволюционной России и Сибири, поэтому до сих пор не выявлены причины неэффективности государственных и общественных усилий, снижения уровня жизни семей мобилизованных в годы войны, значительного ухудшения их положения (*Lindenmeyr, 1990; Бочанова и др., 2000; Павлова, 2003; Kattcina, 2013*).

Интерес историков вызывают изменения в социально-экономическом статусе солдаток, которые выступали зачинщицами и активными участницами различного рода общественных беспорядков (*Engel, 1997; Фадеев, 2014*). Но на региональном уровне работы также малочисленны (*Еремин, 2010*). На материалах восточносибирских губерний проблема практически не изучалась, что обуславливает невозможность определения местной специфики системы социального попечения о семьях мобилизованных или каких-либо сравнительных исследований.

4. Результаты

Согласно закону 25 июня 1912 г. государственное пособие назначались женам и детям, а также другим членам семьи призванного, если до призыва они находились на его содержании. Размер пособия должен был соответствовать стоимости месячного продовольственного пайка. Цены на входившие в паек продукты ежегодно пересматривались губернским или областным присутствием. Пайковые выдавались в городе за месяц вперед, в сельской местности четыре раза в год. Обследование семейного и имущественного положения по вопросу о том, кто имел право на получение пособия, а также выдачу денег осуществляли городские и волостные попечительства. Сведения о составе семей призванных подавались в уездный съезд крестьянских начальников, которые и принимали окончательное решение о назначении пособия (*О призрении, 1915: 23–24*).

В сентябре–ноябре 1914 г. в Енисейской губернии начали работу городские попечительства о семьях призванных. Размер казенного пособия зависел от уровня цен в том или ином городе. К примеру, в июне 1915 г. в Красноярске попечительство выплачивало 2 рубля 30 копеек на человека, в Ачинске – 2 рубля 12 копеек, в Минусинске – 1 рубль 50 копеек. Пособие получали: в Красноярске – 1212 семей (62 % от их общего числа в губернии), Минусинске – 367 (19 %), Канске – 250 (13 %), Ачинске – 107 (6 %) (*ГАКК. Ф. 132. Оп.1. Д. 2. Л. 77–101 об.*).

К сентябрю 1917 г. средняя стоимость казенного пайка в городах губернии составляла 13 рублей 29 копеек, в сельской местности – 10 рублей 06 копеек. Однако периодическое увеличение его размера не могло компенсировать быстрой инфляции и обесценивания денег. Число семей, получавших паек, также непрерывно росло. К 1917 г. количество мобилизованных в процентах ко всему населению Енисейской губернии составляло 9 %, т.е. 17,5 % от мужского населения или 38,8 % трудоспособных мужчин. Ежемесячно выплачивалось 397290 пайков (18269 из них в городах и 379021 в сельской местности) общей стоимостью 4055746 (242795 – в городах губернии, 3812951 – на селе) (*Россия в мировой войне, 1925: 21; Булгакова, 2001: 486*).

Кроме выплаты казенного пособия, городские попечительства ежемесячно выплачивали дополнительное пособие из собственных средств. Оно также выдавалось на каждого члена семьи и равнялось стоимости казенного. Гражданские семьи получали помощь от попечительства в двойном размере, поскольку по закону им не полагалось пособия от государства. Кроме того, заболевшие солдатки освобождались от уплаты за жилье и отопление, им и их детям полагалось бесплатное медицинское обслуживание в городских лечебницах, в каждом городе был открыт приют-ясли для детей, школьники бесплатно получали обувь, пальто, учебники, при необходимости (похороны, пожар и т.п.) выплачивались единовременные пособия.

Солдатские семьи могли рассчитывать на дополнительную поддержку со стороны различных благотворительных организаций (местных отделов Российского Общества Красного Креста, дамских комитетов при них, Романского комитета, комитета Елизаветы Федоровны, церковно-приходских попечительств). Но в сибирских городах купечество, интеллигенция и чиновники, обычно составлявшие большинство сотрудников благотворительных обществ, были крайне малочисленными группами населения. Многие благотворительные ассоциации были слабыми и маломощными, зачастую в них работали одни и те же лица.

Согласно распоряжению губернатора, во всех городах Енисейской губернии должны были быть созданы комитеты Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Однако уполномоченные доносили с мест, что не смогли организовать их работу в Канске, Ачинске, Енисейске и Минусинске. Красноярский комитет Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям существовал только на пожертвования офицеров 8-й дивизии. После их отъезда на фронт, имевшихся в распоряжении отдела средств хватало лишь на содержание 16 пенсионеров и 2 детей-сирот (*ГАКК. Ф. 595. Оп.13. Д. 485. Л. 2–19*).

В уездном Енисейске городскому общественному управлению не удалось наладить работу самого попечительства, организацией помощи семьям призванных занимались только благотворительные организации. Расположенный на севере губернии, город с конца XIX в. находился в состоянии серьезного экономического кризиса. Золотые прииски были истощены, промышленность не развита, торговля сокращалась. За Енисейском числились огромные долги, не хватало средств на содержание думы и управы. В период с июля 1914 г. по июнь 1915 г. на пожертвования солдатским семьям Комитет помощи семьям запасных и ратников при крестьянском съезде выделил 4522 рубля, местный отдел Красного Креста – 3581 рубль 42 копейки, дамский комитет – 2302 рубля 18 копеек, Комитет повсеместной помощи солдатам и их семьям – 2029 рублей 37 копеек (*Город Енисейск, 1915*).

Средства городских попечительств пополнялись из отчислений городских дум и пожертвований частных лиц. Но большая часть из них поступила в кассы попечительств в первые месяцы войны, а в дальнейшем объемы поступлений резко сократились. Так, красноярскому городскому попечительству в сентябре 1914 г. удалось собрать 10071 рубль 48 копеек, а в апреле 1915 г. – лишь 297 рублей 28 копеек (*ГАКК. Ф. 132. Оп.1. Д. 2. Л. 100 об.*). Дело в том, что к середине 1915 г. в Енисейской губернии резко ухудшилась экономическая ситуация. Начался острейший дефицит промышленных товаров, рост цен на продукты питания, спекуляция.

Важнейшие вопросы, вставшие со всей остротой перед органами местного самоуправления (о борьбе с дороговизной, организации помощи больным и раненым воинам, а также семьям

призванных) обсуждались 15–17 июля 1915 г. на съезде представителей городов Енисейской губернии в Красноярске. На нем присутствовали городские головы Красноярска (С.И. Потылицын), Ачинска (Н.Д. Киселев), Канска (Т.Д. Леонов), Енисейска (А.И. Елтышев), Минусинска (П.А. Бахов), а также уполномоченные от Губернской Врачебной организации, Медико-санитарного бюро, Переселенческого управления, потребительских кооперативов ([Протоколы Первого Съезда, 1915: 1–12](#)).

Главы общественных управлений всех городов отметили, что размер казенного пайка недостаточен из-за постоянного роста цен. Члены семей в письмах жаловались солдатам на нехватку пособия, те обращали на это внимание своего военного начальства, которое по каждому конкретному случаю писало прошения в городские думы и управы с просьбами о помощи нуждавшимся. Но после обсуждения постановили не возбуждать ходатайства о повышении казенного пособия, поскольку решение этого вопроса было связано с необходимостью пересмотра законодательства. Всем участникам съезда было понятно, что правительство не станет предпринимать такие серьезные шаги в условиях войны. Повысить размер пособия городских попечительств также не представлялось возможным из-за угрозы дефицита городских бюджетов.

Оживленная дискуссия развернулась по вопросу о необходимости организации трудовой помощи солдаткам в городах. По мнению С.И. Потылицына, выплата пайка городскими властями оказывала на них развращающее влияние: «Солдатки предпочитают бездельничать и получать небольшую помощь, нежели работать. В городе, например, громадный недостаток прислуги, а из солдаток, за редким исключением, никого нельзя нанять» ([Протоколы Первого Съезда, 1915: 15](#)). Глава Минусинска П.А. Бахов возразил, что нежелание женщин работать в качестве прислуги отчасти объяснялось причинами объективного характера. Они боялись, что, имея официальный источник дохода, будут лишены пособия. Кроме того, многие избегали перехода в статус прислуги, поскольку до войны жили в относительном достатке.

Все участники съезда выразили обеспокоенность тем, что в сельской местности семьи мобилизованных могли резко сократить площадь обрабатываемой пашни или совсем отказаться от нее. Положение солдатских семей в селах губернии в начальный период войны (осенью 1914 г. – зимой 1915 г.) было относительно благополучным. Наличие запасов, хороший урожай давали хозяйствам определенный запас прочности, правительство начало выплату пособий. По распоряжению губернских властей крестьянские начальники должны были организовывать для них общественную помощь («помочи»), бесплатно предоставлять инвентарь и семена. Но уже через год численность мобилизованных существенно выросла, а, соответственно, и количество семей, нуждавшихся в помощи ([Троицкий, 1915](#)).

Односельчане стали отказывать солдаткам в «помочах» уже во время сева весной 1915 г. Так, писарь из села Ношинского Устьянской волости Канского уезда на страницах «Сибирской деревни» отмечал, что в целом по уезду вспашка паров под посев следующего года шла хорошо, и лишь у семей призванных на войну – «очень плохо»: «Родственники, у кого такие есть, от помощи отказались, говоря: «Если вам только будем работать, то и сами с голоду пропадем». На мое предложение на сходах о хозяйственной помощи семьям призванных на войну отнеслись грубо и положительно отказались, ссылаясь на то, что солдатки получают пособие от казны. По моему мнению, хотя они и получают пособие от казны, но его не хватает даже на пропитание семейства» ([Корреспонденция, 1915](#)).

Губернский центр начал испытывать наплыв солдаток из окрестных сел и деревень. Многие из них ехали в Красноярск вслед за мобилизованными мужьями. После того, как солдата отправляли на фронт, его жена обращалась в Красноярское особое присутствие по призрению нижних чинов и их семей за пособием. Другие сразу распродавали имущество, накопленное до войны, и уезжали в город, рассчитывая получить двойное пособие (от казны и городского попечительства) ([Помогите солдаткам, 1915](#)).

Гражданские жены нижних чинов утверждали, что в уездах волостные власти не оказывали им вообще никакой поддержки. Члены красноярского попечительства о семьях призванных были возмущены этим обстоятельством: «Совершенно непонятным является, в чем выражается благотворительная деятельность существующих волостных и церковных попечительств. Красноярское попечительство полагало бы, что раз оно нашло возможным оказывать посильную помощь этой категории лиц, то и прочие попечительства должны им помогать» ([ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 101 об.](#)).

По мнению представителя красноярского комитета Сибирского Общества помощи больным и раненым воинам Д.Е. Лаппо, в отсутствие земства в Сибири оказывать поддержку семьям призванных на всей территории уездов должны были комитеты Союза городов: «Государственное Казначейство не для того ассигнует в распоряжение союза городов миллионы. Правительство не для того разрешает Комитетам различных городов сборы и принятие пожертвований, допускает ассигнование Городских Дум и других учреждений, чтобы местные комитеты обслуживали лишь интересы городов по принадлежности и помогали больным и раненым воинам и их семьям в том лишь случае, если они приписаны к данному городу или призваны в городском по воинской повинности Присутствии из городского населения» ([ГАКК. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 10; Протоколы Первого Съезда, 1915: 8](#)).

По результатам совещаний первый съезд представителей городов Енисейской губернии принял резолюцию о необходимости организовать систему трудовой помощи солдаткам в городах (создавать швейные, шляпные, прачечные и др. мастерские), а также обратиться к губернской администрации с просьбой принять зависящие от нее меры к усилению помощи семьям, проживавшим в сельской местности ([Протоколы Первого Съезда, 1915: 16](#)).

К концу 1915 г. среди населения Енисейской губернии доминировали антивоенные и антиправительственные настроения. Росла статистика уголовных преступлений, получили хождение фальшивые деньги, распространялись всевозможные слухи о том, что немцы уже оккупировали европейскую часть страны, царь застрелился, а Россия войну проиграла. На сельских сходах крестьяне отказывались платить подати. Члены солдатских семей считали, что наибольшие тяготы войны легли именно на их плечи, в то время как другие группы населения (например, купцы) даже увеличивали свое благосостояние. Озлобление и раздражение выливалось в идею громить лавки торговцев, которых поголовно обвиняли в спекуляции ([ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1475. Л. 2-304](#)).

Первый в Енисейской губернии случай открытого проявления недовольства солдаток произошел в Минусинске весной 1916 г. Вечером 11 марта к уездному исправнику В.Ф. Цявловскому начали приходить с жалобами представители торговых фирм города. Они рассказывали, как с 10 часов утра и в продолжение всего дня, в магазины врываются толпы солдаток, которые требовали бесплатной выдачи товара. Солдатки поясняли, что распоряжение получать бесплатно вещи и продукты в городских магазинах им якобы дал городской голова из-за того, что касса Комитета помощи семьям призванных была пуста. Служащие магазинов вначале верили, что к ним пришли действительно самые бедные и нуждающиеся, начинали раздачу. Но в течение дня прибывали все новые и новые партии женщин, которые несли с собой ситец, платки, сахар, чай из минусинских лавок. После того, как продавцы заподозрили неладное и поспешили закрыть магазины, солдатки с криком, настойчиво и дерзко угрожали забрать товары силой ([ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1478. Л. 171](#)).

Участницы событий, опрошенные исправником по этому делу (удалось выявить сведения только о 24 из них), показали, что за несколько дней до происшествия в Минусинске и близлежащих деревнях распространились слухи о бесплатной раздаче пожертвований солдаткам к празднику. Все они ждали этот день, утром выходили на улицы города, присоединялись к компаниям знакомых женщин, наравне с другими получали товары в лавках. Поскольку не было зафиксировано открытых погромов магазинов, никто из них не понес наказания.

Утром 7 мая 1916 г. начались беспорядки на Новобазарной площади Красноярска, где обычно шла торговля съестными припасами. Погром начался в мясных рядах, а затем переместился в барахольные – на «толкучку». Поводом послужил незначительный инцидент между покупателями и продавцами мяса.

Разобраться в ситуации поехал начальник Красноярского отделения Томского жандармского полицейского управления железных дорог ротмистр Н.И. Игнатов в сопровождении двух унтер-офицеров и вахмистра. На месте выяснилось, что для задержания погромщиков городской выставил цепь солдат под командованием прапорщика на углу Гостинской улицы и Архиерейского переулка. Однако солдаты не принимали никаких мер против тех, кто грабил торговые ряды. Более того, среди грабителей было много безоружных нижних чинов. В ходе следствия очевидцы утверждали, что казаки, проезжавшие мимо, разрешали громить лавки, поскольку они «жидовские», а также говорили: «Бейте, бабы, мы вас не будем трогать». Когда Н.И. Игнатов начал уговаривать толпу разойтись, из нее посыпались камни и бутылки. Ротмистр и один из унтер-офицеров получили ранения. Согласно показаниям свидетелей, активное участие в их избивании принимали солдатки, кричавшие: «Что вы смотрите? Я сама солдатка, мой муж кровь проливает, бейте этого кровопийца» ([ГАКК. Ф. 832. Оп. 1. Д. 524. Л. 70б, 8](#)).

Начальник гарнизона Красноярска полковник А. Мартынов объявил в городе военное положение, губернатор Я.Г. Гололобов обратился к населению с предупреждением о том, что подобные случаи будут подавляться с применением оружия. Были признаны виновными в разжигании беспорядков и привлечены к суду 96 человек ([Объявление, 1916; Сидоров, 1973: 470](#)).

В ноябре 1916 г. происходили волнения солдаток в Канске. Из-за понижения тарифа на некоторые продукты был сокращен и размер казенного пайка. Более трехсот солдаток ворвались в здание городской управы с обвинениями в краже их пособий в адрес городского головы. Полиция смогла взять под контроль ситуацию в городе, но весной 1917 г. пошли новые слухи о том, что якобы солдаткам полагалось ежемесячное пособие в размере 20 рублей, а не 5, как они получали. 1 июня 1917 г. женщины устроили еще один погром в здании городской управы. Несколько солдат местного гарнизона и солдатки ворвались в дом городского головы Т.Д. Леонова, арестовали его и препроводили в здание полиции. Некоторое время спустя председателю Канского уездного съезда крестьянских депутатов удалось его освободить ([Корреспонденция. Канск, 1917](#)).

5. Заключение

В течение первого года войны эффективную систему помощи солдатским семьям в Енисейской губернии наладили городские попечительства (выплата денежных пособий, оплата жилья, отопления, лечения и др.). Кроме того, к решению их проблем подключались благотворительные

организации. Из-за дефицита бюджетов уже в 1916 г. города были вынуждены сокращать свои расходы, в том числе финансирование деятельности городских попечительств. В сельской местности семьи призванных могли рассчитывать только на получение казенного пособия, размер которого из-за разницы цен на продукты питания был ниже, чем в городе. Трудовую помощь в осуществлении полевых работ односельчане оказывали редко.

Постепенное ухудшение экономической ситуации в стране тяжелее всего сказывались на положении именно солдатских семей, риск бедности среди которых был значительно выше, чем среди представителей других социальных групп. Фактически они превращались в неполные многодетные семьи с высокой иждивенческой нагрузкой, которые не могли поддерживать те стандарты потребления, которые сложились в довоенный период. Это оказывало влияние на психологическое состояние людей, вело к росту беспокойства и страха перед будущим, социальной напряженности в целом. Случаи открытого проявления недовольства солдаток в 1916–1917 гг. продемонстрировали, что восприятие государственной и общественной помощи со стороны солдат и членов их семей изменилось – они теперь не просили ее, а требовали.

Литература

Булгакова, 2001 – Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. СПб., 2001. С. 429–493.

Бочанова и др., 2000 – Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М. Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000. 212 с.

Город Енисейск, 1915 – Город Енисейск // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 9. С. 29–30.

Еремин, 2010 – Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). Барнаул, 2010. 293 с.

История Сибири, 1968 – История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах). Т. 3. Л., 1968. 532 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Кирьянов, 1993 – Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.

Корреспонденция, 1915 – Корреспонденция // Сибирская деревня. 1915. № 10–11. С. 23.

Корреспонденция. Канск, 1917 – Корреспонденция. Канск // Свободная Сибирь. 1917. № 56. С. 4.

Миронов, 2012 – Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012. 848 с.

Объявление, 1916 – Объявление // Енисейские губернские ведомости. 1916. № 35. С. 1.

О призрении, 1915 – О призрении семейств нижних чинов, находящихся на действительной службе, в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружинах // Россия. Законы и постановления. Законы и правительственные распоряжения по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг., 1915. 280 с.

Павлова, 2003 – Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. 152 с.

Помогите солдаткам, 1915 – Помогите солдаткам! // Сибирская деревня. 1915. № 4. с. 2.

Протоколы Первого Съезда, 1915 – Протоколы Первого Съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в городе Красноярске. Красноярск, 1915. 117с.

Пушкарева, Щербинин, 2005 – Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т.3. № 2. С. 147–162.

Россия в мировой войне, 1925 – Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах). М., 1925. 103 с.

Сидоров, 1973 – Сидоров А.И. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 654 с.

Троицкий, 1915 – Троицкий П.С. На помощь деревне // Вестник Приенисейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. Красноярск. 1915. № 2. С. 6–7.

Фадеев, 2014 – Фадеев Д.И. Солдатки Первой мировой войны в социальных конфликтах на примере Симбирской губернии. 1914–1917 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2 (126). С. 146–155.

Engel, 1997 – Engel B. Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia during World War I // *The Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. No. 4. pp. 696–721.

Gatrell, 2005 – Gatrell P. Russia's First World War: a social and economic history. L.: Pearson-Longman. 2005. 320 p.

Kattcina, 2013 – Kattcina T.A. The Elberfelder system in East Siberia: intention and reality (end of the 19th – beginning of the 20th centuries) // *Jahrbucher fur Geshichte Osteuropas*. 2013. Vol. 61. No. 3. pp. 386–410.

Lindenmeyr, 1990 – Lindenmeyr A. The Ethos of Charity in Imperial Russia // *Journal of Social History*. 1990. Vol. 23. No. 4. pp. 679–694.

References

- Bulgakova, 2001** – Bulgakova L.A. (2001). Privilegirovannye bednyaki: pomoshch' soldatskim sem'yam v gody Pervoi mirovoi voiny [Preferred poor: assistance to families soldier during the First World War] // Na puti k revolyutsionnym potryaseniyam. Iz istorii Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. SPb. pp. 429–493. [in Russian]
- Bochanova i dr., 2000** – Bochanova G.A., Goryushkin L.M. Nozdryn G.A. (2000). Ocherki istorii blagotvoritel'nosti v Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Essays on the history of charity in Siberia in the second half of XIX – early XX century]. Novosibirsk. 212 p. [in Russian]
- Gorod Eniseisk, 1915** – Gorod Eniseisk [City Yeniseysk]. *Vestnik krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915. № 9. pp. 29–30. [in Russian]
- Eremin, 2010** – Eremin I.A. (2010). Zapadnaya Sibir' v period Pervoi mirovoi voiny (iyul' 1914 – mart 1918). [West Siberia during the First World War (July 1914 – March 1918.)]. Barnaul. 293 p. [in Russian]
- Istoriya Sibiri, 1968** – Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei (v 5 tomakh). [History of Siberia since ancient times to the present day (in 5 volumes)] Vol. 3. L., 1968. 532 p. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archives of the Krasnoyarsk Territory].
- Kir'yanov, 1993** – Kir'yanov Yu.I. (1993). Massovye vystupleniya na pochve dorogovizny v Rossii (1914 – fevral' 1917) [Mass demonstrations on the grounds of high cost in Russia (1914 – February 1917)]. *Otechestvennaya istoriya*. № 3. pp. 3–18. [in Russian]
- Korrespondentsiya, 1915** – Korrespondentsiya [Correspondence]. *Sibirskaya derevnya*. 1915. № 10–11. p. 23. [in Russian]
- Korrespondentsiya. Kansk, 1917** – Korrespondentsiya. Kansk [Correspondence. Kansk]. *Svobodnaya Sibir'*. 1917. № 56. p. 4. [in Russian]
- Mironov, 2012** – Mironov B.N. (2012). Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX veka [The well-being of the population and the revolution in Imperial Russia: XVIII – beginning of XX century]. M. 848 p. [in Russian]
- Ob'yavlenie, 1916** – Ob'yavlenie [Announcement]. *Eniseiskie gubernskie vedomosti*. 1916. № 35. p.1. [in Russian]
- O prizrenii, 1915** – O prizrenii semeistv nizhnikh chinov, nakhodyashchikhsya na deistvitel'noi sluzhbe, v mobilizovannykh chastyakh armii i flota, v gosudarstvennom opolchenii ili v voennykh družhinakh [About charity families of the lower ranks who are on active duty, mobilized in the parts of the army and navy, the state militia or military squads] // Rossiya. Zakony i postanovleniya. Zakony i pravitel'stvennye rasporyazheniya po prizreniyu semei lits, prizvannykh na voinu, a takzhe semei ranenyykh i pavshikh voinov. Pg., 1915. 280 p. [in Russian]
- Pavlova, 2003** – Pavlova I.P. (2003). Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Social care in Russia during the First World War]. Krasnoyarsk. 152 p. [in Russian]
- Pomogite soldatkam, 1915** – Pomogite soldatkam! [Help the soldiers!]. *Sibirskaya derevnya*. 1915. № 4. p. 2. [in Russian]
- Protokoly Pervogo S'ezda, 1915** – Protokoly Pervogo S'ezda predstavitelei gorodov Eniseiskoi gubernii i organizatsii pomoshchi prizvannym voinam i ikh sem'yam v gorode Krasnoyarske [Minutes of the First Congress of representatives of the cities of the Yenisei province and aid organizations called upon the soldiers and their families in the city of Krasnoyarsk]. Krasnoyarsk, 1915. 117 p. [in Russian]
- Pushkareva, Shcherbinin, 2005** – Pushkareva N.L., Shcherbinin P.P. (2005). Organizatsiya prizreniya semei nizhnikh chinov v gody Pervoi mirovoi voiny [Organizing charity families in the lower ranks of the First World War]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. Vol.3. № 2. pp. 147–162. [in Russian]
- Rossiya v mirovoi voine, 1925** – Rossiya v mirovoi voine 1914–1918: (v tsifrakh) [Russia in the World War II years 1914–1918: (in figures)]. M., 1925. 103 p. [in Russian]
- Sidorov, 1973** – Sidorov A.I. (1973). Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [The economic situation in Russia during the First World War]. M., 654 p. [in Russian]
- Troitskii, 1915** – Troitskii P.S. (1915). Na pomoshch' derevne [To help the village] // Vestnik Prieniseiskogo kraia pomoshchi bol'nym i ranenym voinam, postradavshim ot voiny, bezhentsam i vyselentsam i promyshlennosti po snaryazheniyu armii. Krasnoyarsk. № 2. pp. 6–7. [in Russian]
- Fadeev, 2014** – Fadeev D.I. (2014). Soldatki Pervoi mirovoi voiny v sotsial'nykh konfliktakh na primere Simbirskoi gubernii. 1914–1917 [Soldiers of the First World War in the social conflicts on the example of the Simbirsk province. 1914–1917]. *Vestnik arkhivista*. № 2 (126). pp. 146–155. [in Russian]
- Engel, 1997** – Engel B. (1997). Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia during World War I. *The Journal of Modern History*. Vol. 69. No. 4. pp. 696–721.
- Gatrell, 2005** – Gatrell P. (2005). Russia's First World War: a social and economic history. L.: Pearson-Longman. 320 p.
- Kattcina, 2013** – Kattcina T.A. (2013). The Elberfelder system in East Siberia: intention and reality (end of the 19th – beginning of the 20th centuries). *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Vol. 61. No. 3. pp. 386–410.

Lindenmeyr, 1990 – Lindenmeyr A. (1990). The Ethos of Charity in Imperial Russia. *Journal of Social History*. Vol. 23. No. 4. pp. 679–694.

УДК 94 (571.51) «1914–1918»

Социальное попечение о семьях солдат в Енисейской губернии (1914–1917 гг.)

Олеся Михайловна Долидович ^{a,*}, Евгения Николаевна Старовойтова ^b

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский государственный аэрокосмический университет, Российская Федерация

Аннотация. Исследуется вопрос о видах, масштабах и эффективности государственной и общественной помощи семьям солдат в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны. Особое внимание уделено деятельности городов и городских попечительств, объемы выплат которых семьям призванных превышали размеры государственной помощи. В сельской местности волостные попечительства не располагали значительными денежными средствами, их работа сводилась лишь к выдаче казенного пособия. Они не сумели организовать и трудовой помощи в осуществлении полевых сельскохозяйственных работ. Семьи солдат сокращали запашку, многие солдатки с детьми стремились переехать в губернский центр. Сибирские города не являлись крупными торгово-промышленными центрами, их бюджеты были скромными. В условиях отсутствия земских учреждений они несли большие расходы по решению многих других вопросов, вызванных военным временем (организация помощи беженцам и раненым, борьба с дороговизной и дефицитом, развитие потребительской кооперации и др.), делали регулярные отчисления в пользу общероссийских благотворительных обществ. Начиная со второй половины 1915 г. муниципальные власти начали сворачивать выплаты семьям солдат из-за ухудшения экономической ситуации, серьезных финансовых затруднений, значительного роста числа нуждавшихся. Члены солдатских семей оценивали себя в качестве наиболее пострадавшей от военных действий категории населения, а помощь со стороны государства и общественности – как обязательную и недостаточную. В 1916–1917 гг. недовольство солдаток вылилось погромы магазинов, торговых рядов, нападения на членов городского общественного самоуправления Красноярска, Минусинска и Канска.

Ключевые слова: «Бабы бунты», Енисейская губерния, Первая мировая война, попечительства о семьях призванных, семьи призванных, солдатки, социальное попечение.

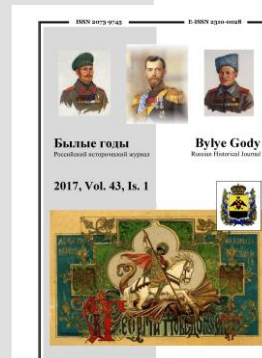
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dolidovich@mail.ru (О.М. Долидович),
jane_star78@mail.ru (Е.Н. Старовойтова)

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 317-325, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.317
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Modernization and Traditionalism through the Prism of the Events of the 1916 Rebellion in Central Asian Border Regions of Russia

Yuliya A. Lysenko ^{a,*}, Evgeniya V. Demchik ^a, Inna V. Anisimova ^a, Irina B. Bochkareva ^a

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

The article within the framework of modernization theory presents an analysis of ethno-social processes in the period of the rebellion of the peoples of the Steppe Region and Turkestan in 1916. The content of this ethno-region of the Russian Empire and its modernization meant the introduction of outside institutions and values of European culture, however a short time impact of modernization trends on the traditional society (the second half of XIX – the beginning of the XX century) could not give a high positive effect in the short historical perspective. Therefore a certain part of the population of Steppes and Turkestan was an active recipient of modernization, integrated into the imperial political and economic space. However, most of the traditional society perceived modernization as a form of coloniality, aimed at suppressing the cultural identity, the transformation of traditional tribal and clan ties and social relations.

The analysis of the impact of modernization on the traditional society of the Central Asian border regions of Russia allowed the authors of the article to claim that contradictory of social processes of transition period was fully manifested in the course of the popular uprising in 1916. On the one hand, there were tendencies of the ethno-consolidation processes which gave to that movement a powerful impulse and scale. On the other hand, the events of 1916 demonstrated a certain division of Central Asian society, expressed in the ambiguous position of the intellectuals to the decree of Nicholas II on the mobilization of foreigners working in the rear, intra- and inter-ethnic clashes in the uprising, the restoration of archaic (from the point of view of the theory of modernization) and political institutions social norms, the revival of "ethno-psychological stereotypes" of the previous era.

Keywords: Russian Empire, Central Asia, popular rebellion, modernization, ethnos, identity.

1. Введение

В 2016 г. научной общественностью постсоветского пространства широко отмечался 100-летний юбилей восстания народов центральноазиатских окраин России против реформ, которые проводила здесь имперская управленческая элита. В историографии события начала XX в. оценивались по-разному, их называли «бунтом в Семиречье», «среднеазиатским мятежом», «среднеазиатским восстанием», «национально-освободительным движением». Традиционно причинами восстания 1916 г. считались аграрная политика, связанная с переселением в регион крестьянства из европейской части страны и масштабной экспроприацией земельных ресурсов у коренного населения, а также политика русификации и ограничительные меры в духовно-религиозной сфере. Значимость восстанию 1916 г. придавал тот факт, что оно началось в разгар мировой империалистической войны, в условиях разразившегося в стране глубокого системного кризиса. Это позволяло считать его частью общероссийского революционного движения против господствовавшего социально-политического режима. В тоже время, представляется, что по своим причинам, внутреннему содержанию,

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko), demtchikev@mail.ru (E.V. Demchik), ivao410@mail.ru (I.V. Anisimova), portnygina@yandex.ru (I.B. Bochkareva)

регионально-локальным особенностям, методам борьбы, характеру внутринационального и межэтнического противостояния, восстание 1916 г. было более глубоким, противоречивым и сложным социальным явлением в истории центральноазиатских народов Российской империи. Все это, безусловно, вызывает необходимость дальнейшего изучения событий столетней давности, делает данную проблему актуальной и перспективной научной темой.

2. Материалы и методы

Протестное движение, как известно, является реакцией социального организма на внутренние и внешние вызовы. Для традиционного сообщества центральноазиатских окраин России одним из таких вызовов стала широкоформатная модернизация, предложенная имперским центром. Характерными ее тенденциями, с одной стороны, стала трансформация традиционных политических культур и социально-экономических отношений, с другой – подключение «защитных механизмов» этнического самосознания, призванных консолидировать народы региона в новых для них исторических реалиях. Результатом реакции традиционных социальных сил на предложенный вариант модернизации стали события 1916 г.

Статья основана на широком круге опубликованных и неопубликованных источников. Среди них: статистические данные, материалы делопроизводства центральных и региональных органов власти, отчеты генерал-губернатор и губернаторов областей Степного края и Туркестана о ходе событий 1916 г. Представленные источники позволяют определить содержание модернизационных процессов в центральноазиатских окраинах России и отношение к ним коренного населения, реакцию различных социальных страт традиционного общества на указ Николая II о мобилизации инородческого населения на тыловые работы, выявить состав участников движения и т.д.

3. Обсуждение

Восстание народов Степного края и Туркестана началось 4 июля 1916 г. в г. Ходженте Самаркандской области. Во второй декаде июля восстанием были охвачены вся Фергана, «старый город» Ташкент, прилегающие районы Сыр-Дарьинской области, значительная часть уездов Самаркандской области. В течение второго полугодия 1916 г. движение охватило огромную территорию с многомиллионным населением: современные Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан и докатилось до Южной Сибири и калмыцких степей. В восстании участвовали все народы региона: таджики, узбеки, туркмены, кыргызы, казахи, кара-калпаки и др. (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1967. Л. 17–24 об).

В исторической литературе феномен данного исторического события, его причины и значение для судеб коренных народов Туркестана и Степного края остаются на протяжении многих десятилетий дискуссионными. В отчетах и рапортах чиновников российской колониальной администрации о событиях 1916 г. указывался широкий спектр его причин, прежде всего, политического характера. В частности, акцентировалось внимание на просчетах имперского центра в управлении краем, кадровой чехарде, коррумпированности региональных органов власти (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 236; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 258–258 об). Либерально настроенная часть политической элиты Российской империи считала главной причиной протестного движения населения Туркестана и Степного края аграрную политику России и связанную с ней масштабную экспроприацию земель у коренного населения в переселенческий фонд (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 281). В советской историографии в условиях господства марксистско-ленинской методологии народное восстание 1916 г. оценивалось как антиимпериалистическое, антивоенное (Рыскулов, 1924; Рыскулов, 1926; Сулейменов, Басин, 1977: 84). Его главными причинами считались особенности социально-экономического и политического развития Российской империи, предопределившие неизменный рост «колониального гнета военно-феодалного империализма» на коренное население Туркестана и Степного края (Сапаргалиев, 1966; Турсунов, 1962; Усенбаев, 1967).

В зарубежной историографии 1960–1980-х гг. преобладали крайне узкие оценки событий народного восстания народов Степного края и Туркестана в 1916 г. Так, американский исследователь Э.Д. Сокол подчеркивал исключительно религиозную направленность движения «мусульман Средней Азии против русских». По мнению исследователя в восстании нашла отражение «известная борьба ислама против неверных» (Sokol, 1954: 188). Исключительно нерешенностью межэтнических проблем объяснял причину событий 1916 г. Ч. Хостлер. Исследователь считал его «самым мощным антирусским восстанием» в истории Российской империи (Charles, 1957: 148).

В современных национальных историографиях государств постсоветской Центральной Азии причины протестного движения коренных народов Степного края и Туркестана в 1916 г. анализируются в контексте политики Российской империи в данном этнорегионе (История Казахстана, 2000: 627). При этом присутствуют как либеральные оценки данной политики, так и крайне правые, авторы которых пытаются гипертрофировать роль межэтнического противостояния в данных событиях или представить действия колониальной администрации, направленные на подавление восстания, как этноцид (Какеев, 2015: 200–206; Бедельбаев, 2016: 201–205).

В современных российских исследованиях и документальных сборниках в научный оборот вводятся новые источники о восстании 1916 г. (Котюкова, 2011; Восстание 1916 г. в Туркестане, 2016).

Причины социального взрыва анализируются в общем контексте административной политики России в данном регионе и ее просчетов. В тоже время попытки освещения причин восстания с точки зрения влияния модернизации на этносоциальные процессы, исследователями не предпринимались. Представленная статья являет собой попытку восполнить данный пробел.

4. Результаты

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. Россия проводила политику модернизации в отношении своих центральноазиатских национальных окраин. Включение в данный процесс коренных этносов означало проведение совокупности реформ и мероприятий, направленных на внедрение новых рационально организованных (с точки зрения имперского мышления) форм администрирования и суда, оседания кочевников и приобщение их к земледельческому труду, развития системы светского школьного образования, медицины, вовлечения в процесс создания рыночного сектора экономики и городской инфраструктуры и т.д. (Коваляшкіна, 2005; Лысенко и др., 2014; Шерстова, 2005; Kirmse, 2013; Shaidurov, 2014).

Огромное влияние на выработку центральноазиатской модели модернизации оказал укоренившийся в российской управленческо-бюрократической среде тезис о неготовности аборигенного населения региона к восприятию «норм и начал русской государственности». Из него плавно вытекала мысль об отказе от введения в крае ряда государственных институтов (земства, выборного городского самоуправления, представительства в Государственной думе) и повинностей (в первую очередь всеобщей воинской повинности) (Бахтуріна, 2004). Кроме этого, Россия сама остро нуждалась в модернизации, которая неизменно переплеталась с милитаризацией, поглощала все внутренние силы империи. Это значительно ограничивало возможности модернизации центральноазиатских национальных окраин, тем более, что сами они не проявляли большой модернизационной активности, их отношение к экономическим и социальным нововведениям было, безусловно, неодинаковым и неоднозначным.

Совокупность указанных факторов предопределила результаты модернизации центральноазиатского общества, которые оказались крайне противоречивыми. С одной стороны, модернизация сопровождалась интеграцией Степного края и Туркестана в общероссийское политическое пространство и выражалась в участии населения в формировании партийной системы страны, событиях революции 1905–1907 гг., общероссийском мусульманском движении, избирательных кампаниях в Государственную думу. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. в регионе осуществлялось внедрение демократических элементов западной политической культуры: выборность народных представителей в системе административно-территориального устройства, демократизация выборов через расширение электората, формирование элементов буржуазной демократии, основанных на понятиях «равенство», «свобода», «самоопределение». Политическая борьба на выборах в Государственную думу Российской империи имела все необходимые атрибуты: партийные программы, агитацию, предвыборные обещания (Лысенко, 2016: 101–108).

В тоже время нужно понимать, что институционализация заимствованных политических инокультурных инноваций, переносилась в цивилизацию–реципиент искусственно и не могла в ближайшей исторической перспективе дать высокий положительный эффект. Не удивительно поэтому, что на рубеже XIX–XX вв. политическая жизнь центральноазиатских окраин была отмечена рядом специфических черт: неразвитостью активных форм национально-освободительной борьбы, замедленным развитием национальных политических партий, политической индифферентностью большинства населения региона. Кроме этого созданная модель административно-территориального устройства с включением в нее системы местного самоуправления с выборностью должностных лиц слабо формировала гражданскую активность населения и консервировала родовые отношения (Lysenko et al., 2015).

Неоднозначными представляются итоги экономической модернизации центральноазиатских национальных окраин. Последняя существенно изменила социально-экономическую структуру региона. Флагманами преобразований выступали добывающая и перерабатывающая отрасли, в также железнодорожное строительство. Наблюдалось усиление урбанизации, развитие кредитно-банковской системы, торговли, рынка труда. Важным следствием модернизационных процессов стало углубление и расширение товарности производства, в том числе в аграрном секторе (РГИА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–8 об). Все это, безусловно, создавало предпосылки для усиления социальной мобильности населения региона и этнической консолидации (Лейзерович, 2001: 163).

В тоже время, рост числа предприятий и объемов производства в Степном крае и Туркестане шел относительно медленными темпами по сравнению с промышленностью центральных губерний России. В 1913 г. в регионе насчитывалось только около 0,7 % предприятий метрополии, на которых работало лишь 0,2 % от числа всех работающих. Удельный вес промышленной продукции Степного края от общероссийской накануне Первой мировой войны составлял не более 0,3 % (Lysenko et al., 2015). По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. структура занятости, например, казахского населения выглядела следующим образом: от общей численности казахов традиционно животноводством продолжало заниматься 72 %, земледелием – 24 %, частной службой

– 1,46 %, торговлей – 0,52 %. В городах Степного края численно преобладали русские. Казахи среди горожан Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края составили 16 %. Еще более сельским оставался состав коренного населения Туркестанского края: по переписи 1897 г. из 4987 тысяч человек только 576 тыс. человек или 11,6 % проживало в городах. В начале XX в. произошло некоторое увеличение численности городских жителей из числа коренных народов до 14,4 % ([Всероссийская перепись населения, 1904](#)).

Важным аспектом дискурса о конечных результатах модернизации традиционного центральноазиатского общества следует считать проблему его готовности воспринимать в данный исторический период ценности и достижения европейской цивилизации. Нельзя отрицать тот факт, что политика государства, направленная на инкорпорацию в общеимперское пространство способствовала процессу трансформации традиционных норм общежития, социальной организации, ментальных установок коренных народов региона. С исторической арены благодаря этим процессам ушли традиционные социальные категории, смысловое содержание многих категорий претерпело значительную трансформацию. Включенность в товарно-денежные отношения и интеграция в общероссийский рынок способствовали формированию национальных буржуазий, рабочих кадров и национального чиновничества. Несомненным позитивным результатом модернизационных процессов явился факт формирования национальных интеллигенций, которые в связи с уходом с исторической арены традиционных политических элит взяли на себя роль защитника интересов коренных народов Центральной Азии. «Продуктом» модернизации следует считать и резкий рост процессов этнической консолидации народов Степного края и Туркестана, выразившийся в формировании идеологий национально-освободительных движений, национальных СМИ, театров, систем национального школьного образования ([Нурула-Ходжаева, 2015](#)).

В тоже время, модернизация, исходящая извне, действительно могла восприниматься традиционными кругами как форма колониальности, направленная на подавление собственной культурной идентичности, ликвидацию суверенитета, трансформацию традиционных потестарно-родственных, клановых социальных связей и отношений ([Ремнев, 2008](#)). Поэтому реформы во многом выступили отправным рубежом, простигнувшим консервацию социально-экономических основ системы жизнедеятельности традиционных обществ Центральной Азии и возрождение «этнопсихологических стереотипов» предыдущей эпохи. Ограничительные меры в духовно-религиозной сфере вызвали, например, резкий рост исламизации казахского общества, идеология и ритуальная практика ислама стала восприниматься как важная составляющая этнического самосознания.

В конечном итоге реализация русского имперского модернизационного проекта в Туркестане и Степном крае, чаще именуемого в историографии «политикой ассимиляции и русификации», дала ограниченные результаты, практически не нарушив политическую традицию (деспотическое управление, отсутствие наций нового типа, регионально-клановые, родовые конфликты, особенности распределения собственности, национальные религии и верования) коренных народов. Край продолжал оставаться обособленной частью империи во всех смыслах ([Котюкова, 2015: 47](#)). Противоречивые по своим последствиям итоги начавшейся модернизации в центральноазиатских окраинах Российской империи со всей очевидностью отразились в ходе событий восстания 1916 г.

Ярким свидетельством данного тезиса является собственно повод восстания 1916 г., а именно мобилизация коренных этносов региона на тыловые работы в действующую армию. Вопрос о введении всеобщей воинской повинности для населения Степного края и Туркестана, рассматривался правящими кругами в политико-юридической плоскости и предполагал социально-правовую нивелировку населения данного региона со всеми подданными империи. Кроме этого, введение всеобщей воинской повинности вполне отвечало тенденциям национальной политики России, направленным на русификацию «инородцев», полное их слияние с русским народом и должно было сыграть, в целом, цивилизующую роль ([АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 340 б. Л. 5–5 об](#)).

Однако, несмотря на очевидность необходимости введения воинской повинности для автохтонного населения центральноазиатских окраин, имперские правящие круги проявляли в данном вопросе определенную сдержанность вплоть до 1915 г. ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 18. Л. 3–16 об](#)) Главным основанием для этого решения, по их мнению, выступала «гражданская незрелость» населения Степного края и Туркестана, а также опасения чиновников, связывающих идею формирования национальных мусульманских воинских подразделений с неизбежным ростом угрозы территориальной целостности империи ([Восстание 1916 г., 1960: 86](#)).

Освобождение от несения воинской повинности центральноазиатских народов привело к оформлению их особого юридического статуса в имперской этносоциальной структуре, закрепленного на ментальном уровне. Именно сохранение «особых прав» как неотчуждаемого достояния и главного признака должно было, по убеждению аборигенов, оградить их от все возраставшего притока переселенцев, серьезно ущемлявшего их жизненно важные интересы в вопросах землепользования. Специфичность податного состояния определялась освобождением «аборигенов» от отбывания рекрутской повинности, а после военной реформы 1874 г. – от службы в рядах Российской армии по призыву. Утрата данной привилегии рассматривалась ими, безусловно,

как наступление на их права. Именно в данном ключе и необходимо рассматривать, по нашему мнению, реакцию туземного населения на указ о мобилизации на тыловые работы.

Дискуссионным в современной историографии остается вопрос о роли национальной интеллигенции в движении 1916 г. Последняя, безусловно, являлась продуктом модернизационных процессов и была интегрирована в социально-политическое, управленческое пространство империи. Интеллигенция связывала будущее своих народов с Россией и признавала за ней историческую роль в процессе их европеизации и модернизации. Лидер казахской интеллигенции и движения Алаш А. Букейханов еще в 1903 г. отмечал, что царское правительство ставит перед собой задачу «смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» и подчеркивал, что царизм способствует развитию среди казахов культуры и просвещения, что в своей колониальной политике исходит из «интересов самих казахов», стремится «удешевить хлеб» и «обеспечить существование кочевников» ([Национально-освободительное восстание, 1937: 9](#)).

Этим отчасти объясняется тот факт, что казахская интеллигенция, в большей степени подвергшаяся модернизации, с воодушевлением приняла указ о мобилизации инородцев на тыловые работы. Печатный орган казахской либерально-демократической интеллигенции газета «Казах» в марте 1916 г. писала: «надо понять значение призыва и сейчас же взять в руки его подготовку... нужно выбрать такой путь, что бы наши поколения могли бы сказать, что их предки выбрали для них такой путь, идя по которому они стали славной армией нашего царя». Несколькими днями позже в газете появилась еще одна статья, автор которой указывал: «Приказ царя – истина, ему возражений быть не может. ...Приказы мы не можем не выполнять. ...Аксакалы и передовые граждане должны об этом толковать, разъяснять. ...Надо скорее выполнить приказание, послать людей на работы!» ([Национально-освободительное восстание, 1937: 12](#)).

Практическая деятельность казахской интеллигенции по реализации указа о мобилизации на тыловые работы была связана с разработкой плана мобилизации, проведением разъяснительно-пропагандистской работы среди населения «для объяснения им цели призыва киргиз и убеждения их в необходимости подчиниться Высочайшему повелению». По инициативе редактора газеты «Казах» А. Байтурсынова совместно с губернатором Тургайской области М.М. Эверсманом был разработан план мероприятий по проведению мобилизации. Еще один лидер алаш-ордынского движения М. Тынышпаев с генерал-губернатором Туркестанского края А.Н. Куропаткиным в качестве переводчика посещал населенные пункты, в которых проживали казахи, и разъяснял суть происходящих событий.

Противоречивость модернизации центральноазиатских окраин привела к серьезным внутриэтническим конфликтам среди участников в ходе движения 1916 г. Как указывалось выше, в процесс реформирования административно-территориального управления данным регионом, была создана система местного самоуправления (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 421). Она породила мощное противоборство между различными подразделениями одного рода или клана за власть. Приведем в связи с этим фрагмент донесения помощника главного военного прокурора В.Е. Игнатова командующему войсками Туркестанского военного округа А.Н. Куропаткину в декабре 1916 г.: «Вообще мысль о том, что туземные власти – волостные правители, старшины и пятидесятники – продали население за большие деньги и что благодаря этому на население свалилась теперь вся тяжесть новой повинности, хотя бы и рабочей, было общим убеждением населения и глубоко укоренившимся взглядом в населении всего края на все эти должности, как на общий источник крупных доходов. Местные власти горячо борются на выборах за получение в свои руки всех этих должностей и расходуют на эти выборы десятки тысяч в полной уверенности, что, добившись доходных мест, они быстро возместят свои расходы» ([Восстание 1916 г., 1960: 68–69](#)).

Поэтому нападение на представителей местной администрации было повсеместным, «толпа жестоко мстила своим туземным властям за их участие в составлении списков или требовала от них выдачи этих списков, сомневаясь в их правильности или же наивно полагая, что уничтожением списков они избавятся и от самого набора». По данным Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина на 1 января 1917 г. по Туркестанскому краю повстанцами было убито из лиц русской и туземной администрации: в Ферганской области русских чиновников – 1, туземной – 34, в Сыр-Дарьинской области – 1 русский чиновник и 3 волостных управителя, в Самаркандской области – 3 русских чиновника и 12 – представителей туземной администрации, в Семиреченской – 2 русских чина и 12 – местной администрации ([Восстание 1916 г., 1960: 84](#)).

Господство традиционных политических ориентиров среди коренного населения, не смотря на предпринятые попытки модернизации, выразилось в повсеместном возврате к архаичным формам организации верховной власти во время событий 1916 г. Так, в Тургайской области ханами были провозглашены Абдугафар Джанбусинов, Ай-Жаркен Канаев, Оспан Шулаков. В одном только Иргизском уезде, по данным региональной администрации, оказалось избранными еще девять ханов ([Восстание 1916 г., 1960: 620–624](#)). Мокуш Шабданов был провозглашен ханом племени кыргызского рода сарыбагыш, Батырхан Ногаев – ханом племен богу ([Восстание 1916 г., 1960: 369](#)). У туркмен Мервского уезда во главе движения встала бывшая ханша Гюль Джамал. В Джизакском уезде Абдурахман Джевачи Адбуджабаров был избран джизакским беком, Туракул Турадбеков – провозглашен Санзарским беком ([Восстание 1916 г., 1960: 90](#)).

В уездах и волостях Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей, где исторически в системе социальных отношений господствующую роль играл ислам, национально-освободительное движение 1916 г. приняло религиозную окраску. Яркий примером может выступить восстание в г. Джизак и Джизакском уезде Самаркандской области, где во главе движения стал ишан Назыр-Ходжа Абдусаламов. Целью движения провозглашалось отделение от Российской империи и создание мусульманского государства; русскому населению региона был объявлен газават; повстанцы совершали свои нападения под белым знаменем с религиозными надписями. В городах Коканде и Андижане беспорядки, начавшиеся 9 июля 1916 г., проходили при активном участии «фанатично настроенной молодежи – учеников медресе». Они выступали главной движущей силой восстания в этих городах ([Восстание 1916 г., 1960: 70–71](#)).

5. Заключение

Таким образом, восстание народов Степного края и Туркестана в 1916 г. необходимо рассматривать через призму модернизационных процессов, которые происходили в регионе на протяжении второй половины XIX – начала XX в. По сути, они означали искусственное привнесение извне институтов и ценностей европейской политической культуры и социально-экономической модели, но не могли в ближайшей исторической перспективе дать высокий положительный эффект. В переходный период определенная часть традиционного общества Степного края и Туркестана выступала активным реципиентом модернизационных тенденций, интегрировалась в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи. На историческую арену вышли новые социальные страты центральноазиатского общества: национальная буржуазия, рабочие кадры, чиновничество и интеллигенция. Однако большая часть традиционных социальных групп региона воспринимала модернизацию как форму колониальности, направленную на подавление собственной культурной идентичности, ликвидацию суверенитета, трансформацию традиционных потестарно-родственных, клановых социальных связей и отношений.

Противоречивость социальных процессов переходного периода в полной мере проявилась в ходе восстания 1916 г. С одной стороны наблюдались тенденции этноконсолидационных процессов, придавших движению мощный импульс, массовость и масштабность. С другой стороны, события 1916 г. продемонстрировали определенный раскол центральноазиатского общества, выразившийся в неоднозначной позиции интеллигенции к указу Николая II о мобилизации инородцев, внутриродовых и межэтнических столкновениях в ходе восстания, реставрации архаических (с точки зрения теории модернизации) политических институтов и социальных норм, возрождении «этнопсихологических стереотипов» предыдущей эпохи.

6. Благодарности

Авторы выражают благодарность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку, оказанную при выполнении статьи. Проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

Литература

- [Бахтурина, 2004](#) – Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). М., 2004. 388 с.
- [Бедельбаев, 2016](#) – Бедельбаев А.Б. Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати 1991 г. // *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*. 2016. Том 16. № 1. С. 201–205.
- [Восстание 1916 г.](#) – Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960. 793 с.
- [Восстание 1916 г. в Туркестане](#) – Восстание 1916 года в Туркестане. Документальные свидетельства общей трагедии: Сборник документов и материалов / Под ред. Т.В. Котюковой. М., 2016. 458 с.
- [Всероссийская перепись населения, 1904–1905](#) – Всероссийская перепись населения. Т. 81. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 84–87; Т. 84. Семипалатинская область. СПб., 1905. С. 88–89; Т. 85. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 92–95; Т. 86. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1905. С. 116–119. Т. 87. Тургайская область. СПб., 1904. С. 62–63; Т. 88. Уральская область. СПб., 1905. С. 88–109.
- [История Казахстана, 2000](#) – История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 3. Алматы, 2000. 766 с.
- [Какеев, 2015](#) – Какеев А.Ч. Восстание 1916 г: к проблеме историографии и источниковедения // *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*. 2015. Том 15. № 5. С. 200–206.
- [Ковалышкина, 2005](#) – Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. 326 с.
- [Котюкова, 2010](#) – Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // *Вопросы истории*. 2010. № 9. С. 97–112.
- [Котюкова, 2011](#) – Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // *Обозреватель-Observer*. 2011. № 8. С. 98–126.

- Котюкова, 2015** – Котюкова Т.В. Туркестан в дискурсе фронтальной модернизации Российской империи в конце XIX – начале XX в. // *Ислам в современном мире*. 2015. Т. 11. № 1. С. 43–54.
- Лейзерович, 2001** – Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги Российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001. 269 с.
- Лысенко и др., 2014** – Лысенко Ю.А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные подходы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014. 271 с.
- Лысенко, 2016** – Лысенко Ю.А. Социально-политическое движение в центральноазиатских окраинах Российской империи накануне революций 1917 г. // *Известия АлтГУ*. 2016. № 2(90). С. 101–108.
- Интернет-проект «События в Семиречье 1916 года...»** – Интернет-проект «События в Семиречье 1916 года по документам российских архивов» / Федеральное архивное агентство РФ. 2016. [Электронный ресурс. <http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie>] (дата обращения 23.11.2016)
- Национально-освободительное восстание, 1937** – Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г. // Под ред. Н. Тимофеева / Сборник воспоминаний и материалов. Алма-Ата, 1937. 314 с.
- Нурула-Ходжаева, 2015** – Нурула-Ходжаева Н.Т. Джадиды Бухары и их западный национализм // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*. 2015. Т. 11. № 1. С. 33–42.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ремнев, 2001** – Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // *Сибирская заимка*. 01.10.2001. Электронный журнал [Электронный ресурс. <http://zaimka.ru/remnev-imperium/>] (дата обращения 23.11.2016)
- Рыскулов, 1924** – Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока // *Новый восток*. 1924. № 6. С. 270–274.
- Рыскулов, 1926** – Рыскулов Т. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году. Кызыл-Орда, 1926. С. 46–122.
- Сапаргалиев, 1966** – Сапаргалиев Г.С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.). Алматы, 1966. 376 с.
- Сулейменов, Басин, 1977** – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977. 164 с.
- Турсунов, 1962** – Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. 428 с.
- Усенбаев, 1967** – Усенбаев К. Восстания 1916 г. в Киргизии. Фрунзе, 1967. 327 с.
- Шерстова, 2005** – Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. 311 с.
- Charles, 1957** – Charles W. Hostler. Turkism and the Sarts. London, 1957. 189 p.
- Kirmse, 2013** – Kirmse Stefan B. Law and Interethnic Relations in the Russian Empire: The Tatar Riots of 1878 and Their Judicial Aftermath // *Ab Imperio*. 2013. № 4. pp. 49–77.
- Lysenko et al., 2015** – Lysenko Yuliya A., Inna V. Anisimova, Irina B. Bochkareva and others. Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th – early 20th) // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4. pp. 955–964.
- Shaidurov, 2014** – Shaidurov V. Migrations and their influence on the ethnic composition of the Northern Asian population in the second half of the 19th century // *Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014)*. Albena. 2014. pp. 527–534.
- Sokol, 1954** – Sokol Edward Denis. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor. 1954. 216 p.

References

- Bahturina, 2004** – Bahturina A.Yu. (2004). Okrainyi rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsionalnaya politika v godyi Pervoy mirovoy voynyi (1914–1918 gg.). [Outskirts of the Russian Empire: administration of the state and national politics during the First world war (1914–1918)]. М. 388 p. [In Russian]
- Bedelbaev, 2016** – Bedelbaev A.B. (2016). Vosstanie 1916 goda v Kyrgyzstane skvoz prizmu periodicheskoy pechati 1991 g. [The revolt of 1916 in Kyrgyzstan through the prism of periodicals 1991]. Beldebaev. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, Vol. 16, Nr. 1, pp. 201–205. [In Russian]
- Vosstanie 1916 g.** – Vosstanie 1916 g. v Sredney Azii i Kazahstane. Sbornik dokumentov. [The revolt of 1916 in Central Asia and Kazakhstan. A documents collection]. М., 1960, 793 p. [In Russian]
- Vosstanie 1916 g.** – Vosstanie 1916 g. v Turkestane. Dokumentalnyie svidetelstva obschey tragedii: Sbornik dokumentov i materialov. [The 1916 rebellion in Turkestan. Documentary evidence of a common tragedy: a Collection of Documents and Materials / Ed. by T. V. Kotyukova]. М., 2016, 458 p. [In Russian]
- Vserossiyskaya perepis naseleniya, 1904–1905** – Vserossiyskaya perepis naseleniya. [All-Russia population census]. Vol. 81. Akmolinskaya oblast. SPb., 1904, pp. 84–87; Vol. 84. Semipalatinskaya oblast.

SPb., 1905, pp. 88–89; Vol. 85. Semirechenskaya oblast. SPb., 1905, pp. 92–95; Vol. 86. Syir-Darinskaya oblast. SPb., 1905, pp. 116–119. Vol. 87. Turgayskaya oblast. SPb., 1904, pp. 62–63; Vol. 88. Uralskaya oblast. Spb., 1905, pp. 88–109. [In Russian]

Istoriya Kazahstana, 2000 – Istoriya Kazahstana s drevneyshih vremen do nashih dney v pyati tomah. [History of Kazakhstan from ancient times until nowadays]. Almaty, 2000, Vol. 3, 766 p. [In Russian]

Kakeev, 2015. – *Kakeev A.C.* (2015). Vosstanie 1916 g.: k problem istoriografii i istochnikovedeniya. [The Revolt of 1916: the problem of historiography and source studies]. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, Vol. 15, Nr. 5, pp. 200–206. [In Russian]

Kovalyashkina, 2005 – *Kovalyashkina E.P.* (2005). «Inorodcheskiy vopros» v Sibiri: Kontseptsii gosudarstvennoy politiki i oblastnicheskaya myisl. [“The indigenous question” in Siberia: the concept of state policy and national idea]. Tomsk, 326 p. [In Russian]

Kotyukova, 2010 – *Kotyukova T.V.* (2010). «Musulmanskii vopros» v Turkestane v nachale XX v. [The “Muslim question” in Turkestan at the beginning of the XX century]. *Questions of history*, Nr. 9, pp. 97–112. [In Russian]

Kotyukova, 2011 – *Kotyukova T.V.* (2011). Vosstanie 1916 g. v Turkestane: oshibka vlasti ili istoricheskaiya zakonomernost? [The 1916 Revolt in Turkestan: the fault of the authorities or historical regularity?]. *Observer*, Nr. 8, pp. 98–126. [In Russian]

Kotyukova, 2015 – *Kotyukova T.V.* (2015). Turkestan v diskurse frontirnoy modernizatsii Rossiyskoy imperii v konets XIX – nachale XX v. [Turkestan in the discourse frontiers modernization of the Russian Empire in the late XIX – early XX century]. *Islam in the modern world*. Vol. 11, Nr. 1, pp. 43–54. [In Russian]

Leyzerovich, 2001 – *Leyzerovich E.E.* (2001). Sotsialnyie i ekonomicheskie itogi Rossiyskoy kolonizatsii Turkestana. [Social and economic results of the Russian colonization of Turkestan]. Tell-Aviv, 269 p. [In Russian]

Lyisenko i dr., 2014 – *Lyisenko Yu.A. i dr.* (2014). Traditsionnoe kazahskoe obschestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyie podhodyi i mehanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, 271 p. [In Russian]

Lyisenko, 2016 – *Lyisenko Yu.A.* (2016). Sotsialno-politicheskoe dvizhenie v tsentralnoaziatskikh okrain Rossiyskoy imperii nakanune revolyutsiy 1917 g. [Socio-political movement in the Central Asian Borderlands of the Russian Empire on the eve of the 1917 revolutions]. *News of Altai State University*, Vol. 2(90), pp. 101–108. [In Russian]

Internet project “Sobyitiya v Semirechye 1916 goda...” – Internet project “Sobyitiya v Semirechye 1916 goda po documentam russkikh arhivov. [The Internet project “Events in Semirechye of 1916 on the documents from Russian archives”] / The Federal Archival Agency of the Russian Federation. 2016. [Electronic resource] URL: <http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie> (date of access 23.11.2016)

Natsionalno-osvoboditelnoe vosstanie, 1937 – Natsionalno-osvoboditelnoe vosstanie kazahskikh trudyaschihsya protiv tsarizma v 1916 g. [National liberation uprising of the Kazakh workers against the tsarist regime in 1916] // A collection of documents and materials. Alma-Ata, 1937, 314 p. [In Russian]

Nurula-Khodzhaeva, 2015 – *Nurula-Khodzhaeva N.T.* (2015). Jadidyi Bukharyi i ih nezapadnyiy natsyionalizm. [Jadids of Bukhara and their non-Western nationalism]. *Islam in the contemporary world: domestic and international political aspects*, Vol.11, Nr. 1, pp. 33–42. [In Russian]

RGVIA – Rossiyskiy gosudarstvennyiy voenno-istoricheskii arhiv. [The Russian state military historical archive].

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyiy istoricheskii arhiv. [The Russian state historical archive].

Remnev, 2008 – *Remnev A.V.* (2008). Imperskoe upravlenie aziatskimi regionami Rossii v XIX – nachale XX vekov: nekotoryie itogi i perspektivy izucheniya. [Imperial governance of Asian regions of Russia in the XIX – early XX centuries: some results and prospects of studying] // Siberian Zaimka. 01.10.2001. Electronic magazine. [Electronic resource] / URL: <http://econf.rae.ru/article/5731> (date of access 23.11.2016). [In Russian]

Ryiskulov, 1924 – *Ryiskulov T.* (1924). Iz istorii borby za osvobozhdenie Vostoka. [From the history of the struggle for the liberation of the East]. The new East, pp. 270–274. [In Russian]

Ryiskulov, 1926 – *Ryiskulov T.* (1926). Vosstanie tuzemtsev Sredney Azii v 1916 godu. [The uprising of the natives of Central Asia in 1916]. Kyzyyl-Orda, pp. 46–122. [In Russian]

Sapargaliev, 1966 – *Sapargaliev G.S.* (1966). Karatelnaya politika tsarizma v Kazahstane (1905–1917 gg.). [The punitive policy of tsarism in Kazakhstan (1905–1917 gg.)]. Alma-Ata, 376 p. [In Russian]

Suleymenov, Basin, 1977 – *Suleymenov B.S., Basin V.Ya.* (1977). Vosstanie 1916 g. v Kazahstane. [The revolt of 1916 in Kazakhstan]. Alma-Ata, 164 p. [In Russian]

Tursunov, 1962 – *Tursunov H.* (1962). Vosstanie 1916 g v Sredney Azii i Kazahstane. [The revolt of 1916 in Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent, 428 p. [In Russian]

Usenbaev, 1967 – *Usenbaev K.* (1967). Vosstaniya 1916 g. v Kirgizii. [The revolt of 1916 in Kyrgyzstan]. Frunze, 327 p. [In Russian]

Sherstova, 2005 – *Sherstova L.I.* (2005). Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokulturnaya dinamika XVII – nachala XX veka. [The Turks and Russians in southern Siberia:

ethno-political processes and cultural dynamics of XVII – beginning of XX century]. Novosibirsk, 311 p. [In Russian]

Charles, 1957 – Charles W. Hostler. (1957). Turkism and the Sarts. London. 189 p.

Kirmse, 2013 – Kirmse Stefan B. (2013). Law and Interethnic Relations in the Russian Empire: The Tatar Riots of 1878 and Their Judicial Aftermath. *Ab Imperio*, Nr. 4, pp. 49–77.

Lysenko et al., 2015 – Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Bochkareva I.B. and others. (2015). Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th – early 20th). *Bylye Gody*, Vol. 38, Is. 4, pp. 955–964.

Shaidurov, 2014 – Shaidurov V. (2014). Migrations and their influence on the ethnic composition of the Northern Asian population in the second half of the 19th century. *Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014)*. Albena, pp. 527–534.

Sokol, 1954 – Sokol Edward Denis. (1954). The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor, 216 p.

УДК 93/94

Модернизация и традиционализм сквозь призму событий восстания 1916 г. в центральноазиатских окраинах России

Юлия Александровна Лысенко ^{a, *}, Евгения Валентиновна Демчик ^a,
Инна Владимировна Анисимова ^a, Ирина Борисовна Бочкарева ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье в рамках теории модернизации представлен анализ этносоциальных процессов в период восстания народов Степного края и Туркестана 1916 г. По своему содержанию модернизация данного этнорегиона Российской империи означала привнесение из вне институтов и ценностей европейской культуры, однако непродолжительное по времени воздействие модернизационных тенденций на традиционное общество (вторая половина XIX – начало XX в.) не могло дать высокий положительный эффект в ближайшей исторической перспективе. Поэтому определенная часть населения Степного края и Туркестана выступала активным реципиентом модернизации, интегрировалась в имперское политическое и экономическое пространство. Однако большая часть традиционного общества воспринимала модернизацию как форму колониальности, направленную на подавление культурной идентичности, трансформацию традиционных родовых, клановых социальных связей и отношений.

Анализ результатов воздействия модернизации на традиционное общество центральноазиатских окраин России позволил авторам статьи утверждать, что противоречивость социальных процессов переходного периода в полной мере проявилась в ходе восстания 1916 г. С одной стороны наблюдались тенденции этноконсолидационных процессов, придавших движению мощный импульс и масштабность. С другой стороны, события 1916 г. продемонстрировали определенный раскол центральноазиатского общества, выразившийся в неоднозначной позиции интеллигенции к указу Николая II о мобилизации инородцев на тыловые работы, внутриродовых и межэтнических столкновениях в ходе восстания, реставрации архаических (с точки зрения теории модернизации) политических институтов и социальных норм, возрождении «этнопсихологических стереотипов» предыдущей эпохи.

Ключевые слова: Российская империя, Центральная Азия, народное восстание, модернизация, этнос, самосознание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко), demtchikev@mail.ru (Е.В. Демчик), ivao410@mail.ru (И.В. Анисимова), portnygina@yandex.ru (И.Б. Бочкарева)